РУССКОЕ СЛОВО

1861.

МАРТЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ НИКОЛАЯ ТИБЛЕНА И КОМП.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

РУССКОЕ СЛОВО.

III.

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ГРАФОМЪ ГР. КУШЕЛЕВЫМЪ-БЕЗБОРОДКО.

1861.

МАРТЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ НИКОЛАЯ ТИБЛЕНА И КОМП.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 31-го Марта 1861 года.

Ценсоры: *Е. Волковъ.*
Ѳ. Рахманиновъ.

ДАВИДЪ ГАРРИКЪ

ДРАМА ВЪ ПЯТИ АКТАХЪ

НЕСТОРА КУКОЛЬНИКА.

Дѣйствующія лица:

ДАВИДЪ ГАРРИКЪ, актеръ и содержатель лондонскаго дрёриленскаго театра.

ЛЕКЕНЪ, актеръ королевскаго парижскаго театра.

ИВАНЪ АѲАНАСЬЕВИЧЪ ДМИТРЕВСКІЙ, актеръ и надзиратель с. петербургскаго императорскаго театра.

ПЕРСИ, придворный врачъ дофина.

КОЛЬМАНЪ, англійскій писатель.

ГЕРЦОГЪ.

МАРКИЗЪ.

ГРАФЪ.

ДЖЕМСЪ, заслуженный актеръ дрёриленскаго театра.

ГОЛЛАНДЪ, БОВЕЛЬ — актеры того же театра.

ГОККИНСЪ, суфлеръ того же театра.

РЕЖИССЕРЪ театра герцогини Вильруа.

СТРАДФОРТСКІЙ СТАРШИНА.

СЕБАСТІАНЪ, интендантъ въ домѣ Лекена.

ОТСТАВНОЙ ТЕАТРАЛЬНЫЙ СКРИПАЧЪ, слѣпой.

ЭДИ, его проводникъ.

ДЖОНЪ, привратникъ въ домѣ Гаррика въ Гамптонѣ.

ПАРИКМАХЕРЪ Лекена.

ПОРТНОЙ, его же.

РОБЕРТЪ, ВАЛЬТЕРЪ — слуги Гаррика.

ГАМПТОНСКІЙ ПОСЕЛЯНИНЪ.

МИСТРИСЪ ФЛОРА ГАРРИКЪ, жена Давида Гаррика.

МИССЪ ЛИЛА МАЛЕТЪ, дочь актера.

ГЕРТРУДА, управительница въ домѣ Гаррика въ Гамптонѣ.

ФАННИ, гамптонская поселянка, 8-ми лѣтъ.

Лица безъ рѣчей:

ГЕРЦОГЪ ШУАЗЕЛЬ, страдфортскіе старшины, гамптонскіе поселяне и поселянки.

Дѣйствіе происходитъ въ Парижѣ и Лондонѣ
въ 1765 году.

2

ДАВИДЪ ГАРРИКЪ.

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

АКТЪ ПЕРВЫЙ.

(Кабинетъ Лекена. Весьма просторная комната, убранная роскошно. Библіотека. Стѣны увѣшаны портретами. Дмитревскій входитъ съ Себастіаномъ).

Себастіанъ. Не угодно ли сюда, въ кабинетъ! Двери для васъ открыты. Этой чести не заслужилъ еще ни одинъ французскій актеръ. До сихъ поръ въ кабинетъ знаменитаго Лекена, безъ хозяина, входилъ только одинъ Себастіанъ и то съ метелкой, и то на четверть часа, чтобы обмести пыль и вытереть окна. Это я дѣлаю всегда самъ, собственными руками. Честь, говорю вамъ, неслыханная честь! Извольте хозяйничать! Садитесь въ эти кресла! Въ честь господина Вольтера, мы ихъ зовемъ вольтеровскими. Великій человѣкъ просидѣлъ на нихъ всего разъ и всего съ полчаса и увѣковѣчилъ. Вотъ что значитъ великій человѣкъ! Ему стоитъ упасть, разбить носъ — и пятно, гдѣ носъ его величія изволилъ коснуться пола, обведутъ золотой чертой и покроютъ лакомъ и стекломъ. Не угодно ли? Хотите почитать?... Десять тысячъ книгъ къ вашимъ услугамъ... Заблагоразсудите — любоваться ликами театральныхъ знаменитостей?— Вотъ вамъ вся компанія! Вотъ эта самая главная пара: госпожа Клеронъ.... и какъ его.... заѣзжій бульдогъ.... забылъ какъ зовутъ....

Дмитревскій. Вѣроятно, Гаррикъ!...

Себастіанъ. Кажется, что такъ! Недѣли двѣ тому назадъ, онъ сидѣлъ въ этихъ креслахъ.... Смотрѣть не на что.... Точно гугенотъ.... Г. Лекенъ, дома ли, въ гостяхъ, на сценѣ — вездѣ царь, а этотъ — просто, съ позволенія сказать, лакей, и то съ предмѣстья. Я ужъ право не знаю, за что его повѣсили на самомъ почетномъ мѣстѣ.... Извините! Я отправляюсь по моей должности?

Дмитревскій. Вы полагаете, что господинъ Лекенъ скоро воротится.

Себастіанъ. Не полагаю, а увѣренъ! Правду вамъ сказать, съ тѣхъ поръ, какъ я имѣю честь состоять интендантомъ въ домѣ господина Лексна, такой суеты, тревоги, суматохи—не замѣтилъ ни разу.... Я подозрѣваю.... Какія нибудь чрезвычайныя происшествія, необыкновенныя событія... Заставить г. Лекена по цѣлымъ утрамъ бѣгать по городу; оставлять кабинетъ, который онъ называетъ своимъ отечествомъ; два вечера сряду — отказать спектакль.... Нѣтъ! Какъ угодно, а тутъ кроется что нибудь историческое.... Извините! Я принужденъ отлучиться по дѣламъ интендантства!... *(Уходитъ)*.

Дмитревскій. Въ самомъ дѣлѣ, Себастіанъ правъ! Тутъ у нихъ въ Парижѣ происходитъ что-то историческое. Неожиданная смерть дофина перепугала всѣхъ. Человѣкъ умеръ! Происшествіе самое обыкновенное, ежедневное, а между тѣмъ всѣ въ примѣтномъ страхѣ, боятся говорить о томъ, что напечатано въ газетахъ; какъ будто поглупѣли; худо видятъ; плохо слышатъ, куда не придешь, стараются поскорѣе отдѣлаться.... И зачѣмъ, къ чему мнѣ всѣ они? Мнѣ нуженъ одинъ Лекенъ, — свѣтъ очей моихъ; благородный человѣкъ, высокій художникъ въ жизни и въ искусствѣ.... Нѣтъ, Иванъ Ивановичъ неумолимъ! Ступай туда, сходи къ тому, познакомься съ тѣмъ,—и я, точно англійскій прологъ, являюсь на всѣхъ знаменитыхъ порогахъ и точно нашъ русскій солдатъ кричу всѣмъ и каждому: честь имѣю поздравить; я сегодня, съ позволенія сказать, имянинникъ!... Право такъ! Не все ли это равно, если я прихожу къ какой нибудь распудренной барынѣ и самъ о себѣ докладываю: Иванъ Дмитревскій, Ея Императорскаго Величества, Государыни Импе-

ратрицы Всероссійской придворный актеръ и надзиратель с. петербургскаго театра, по указу Ея Величества посланъ въ Парижъ для усовершенствованія въ драматическомъ искусствѣ. — Право, смѣшно даже! А нельзя не пойти. Иванъ Ивановичъ спроситъ: былъ ли? Лгать я вообще не мастеръ, а ужъ Шувалову въ глаза.... какая русская душа не уйдетъ въ пятки!... Но, кажется, списокъ парижскихъ знаменитостей истощенъ — и я могу теперь заняться однимъ своимъ дѣломъ и съ однимъ Лекеномъ....

Лекенъ *(за кулисами)*. Никто не былъ?

Дмитревскій. Вотъ и онъ! Легокъ на поминѣ....

Себастіанъ *(за кулисами)*. Только тотъ Русскій....

Лекенъ *(тамъ же)*. Онъ здѣсь?...

Себастіанъ *(тамъ же)*. Въ вашемъ кабинетѣ....

Лекенъ *(тамъ же)*. И прекрасно! Не принимать, не пускать никого! Да! Только нашего доктора! Слышишь, Себастіанъ, только доктора!...

Себастіанъ *(тамъ же)*. Лошадей прикажете отложить?...

Лекенъ. Пусть обождутъ....

(Лекенъ и Себастіанъ входятъ).

Дмитревскій *(Лекену)*. Вы нездоровы?...

Лекенъ *(бросая шляпу и садясь въ кресла)*. Не спрашивайте!... Я не могу вамъ отвѣчать.... О, какъ ужасны тѣ минуты, когда образованіе, талантъ, слава, все въ тягость; когда завидуешь слабоумію идіота.... Видѣть глупости человѣческія и—молчать, это уже пытка.... Но видѣть преступленія, злодѣйства и не смѣть разинуть рта.... какимъ именемъ вы назовете это адское истязаніе?...

Дмитревскій. Неужели?...

Лекенъ. Не спрашивайте, умоляю васъ.... Ахъ, Себастіанъ, и ты тутъ! Я сегодня не играю....

Себастіанъ. Въ третій разъ?!

Лекенъ. Да, не играю! Ужина не будетъ! Я не могу принять моихъ дорогихъ друзей; я разстроенъ, болѣнъ, раненъ, изувѣченъ!... Я не вѣрилъ тысячѣ и одной смерти въ шекспировскихъ трагедіяхъ.... А теперь привелось смотрѣть, глазъ не сводить на чудовище похуже Калигулы. Ступай, Себастіанъ, мнѣ ничего не нужно.... Къ чорту все! Не по-

можемъ! Займемся лучше своимъ дѣломъ; убѣжимъ скорѣе изъ страшнаго міра дѣйствительности въ радужную область поэзіи.... Ну, что ваша роль?... Надѣюсь, сладили?...

Дмитревскій. Извините! Теперь все разладилось, глядя на ваше несчастіе....

Лекенъ. Мое несчастіе! Ахъ, добрый Жанъ! Самому утонуть гораздо легче, чѣмъ стоять на берегу, видѣть утопающихъ, и не имѣть возможности подать имъ помощь.... *(Оглядывается).* Ушелъ? Какая мука—не вѣрить даже честному Себастіану!... Но, ради Бога, перестанемъ говорить объ этомъ! — Вы читали Шекспира?

Дмитревскій. Въ корпусѣ насъ учили только по-французски и по-нѣмецки....

Лекенъ. Жаль....

Дмитревскій. Но я предугадывалъ необходимость знать англійскій и итальянскій языки, и кое-какъ выучился и тому и другому....

Лекенъ. Какія способности! Значитъ, вы читали Шекспира?

Дмитревскій. Только Макбета; но я перепугался; сцена залита кровью.... Такое злодѣйство въ женщинѣ, какъ хотите, неестественно....

Лекенъ. Неестественно! А развѣ наша Помпадуръ — уступитъ лэди Макбетъ? а развѣ нашъ Шуазель не сбѣжалъ съ шекспировой сцены? Нѣтъ, я не могу молчать, по крайней мѣрѣ, тутъ, въ моей святынѣ, въ моемъ отечествѣ, въ присутствіи моего Пилада. Ахъ, добрый Жанъ! Невольно сказалось, какъ я полюбилъ васъ....

Дмитревскій. Лестная шутка!

Лекенъ. Шутка! Лекенъ — актеръ трагическій; Лекенъ никогда не шутитъ. Скажите мнѣ, знаете ли вы хорошо вашего покровителя, мецената, этого образцоваго вельможу-философа?

Дмитревскій. Вы хотите сказать Шувалова! Я его обожаю....

Лекенъ. И все-таки не знаете!...

Дмитревскій. Опять шутка, г. Лекенъ!

Лекенъ. Нѣтъ, дорогой Жанъ; я гляжу на него съ завистью. У насъ нѣтъ такихъ вельможъ.... Въ опалѣ, подъ случайнымъ остракизмомъ....

Дмитревскій. Въ какой опалѣ! Онъ уѣхалъ по доброй волѣ....

Лекенъ. Разсказывайте, знаемъ мы эту добрую волю! У насъ, по милости Шуазеля, сотни въ такомъ положеніи, даже принцы королевской крови.... Но и въ изгнаніи онъ думаетъ о просвѣщеніи своего отечества. Чтобы доставить русскому актеру всѣ средства къ усовершенствованію рѣдкаго таланта, онъ сидѣлъ здѣсь и не разъ, вотъ въ этихъ креслахъ, и какъ адвокатъ убѣждалъ Лекена.... быть вашимъ руководителемъ. Вы знаете — я никого не учу, я не умѣю учить.... Васъ я не зналъ.... И что же? Я не могъ отказать Шувалову... Я не раскаяваюсь, Жанъ! Я нашелъ не ученика, а друга, самостоятельнаго художника, очаровательнаго собесѣдника....

Дмитревскій. Тише, тише, г. Лекенъ! Вы меня рѣшительно уничтожаете....

Лекенъ. Нѣтъ, Жанъ! Помните, Лекенъ никогда не шутитъ! Но наши свиданія такъ коротки, мы не успѣваемъ наговориться; вы живете ужасно далеко; я посылать за вами не смѣю, вы тоже со мною церемонитесь, являетесь въ условный часъ, точно на урокъ.... Нѣтъ, Жанъ, такъ нельзя!

Дмитревскій. Я перемѣню квартиру....

Лекенъ. Именно. Домъ мой обширенъ; шалуны дворцемъ называютъ; выбирайте себѣ лучшія комнаты! Кромѣ кабинета, все ваше! Этого не уступлю. Что, Жанъ? Вы согласны? Вы меня не оскорбите отказомъ?...

Дмитревскій. Право, я не знаю....

Лекенъ. Въ сторону ложный стыдъ! Вамъ предлагаетъ это небольшое удобство — не чванство богача, а дружба товарища!... Ну, по рукамъ, Жанъ!...

Дмитревскій. Право, и совѣстно, и лестно!

Лекенъ. Благодарю! Богъ послалъ мнѣ васъ въ эти тяжкія минуты.... Вѣдь я сирота, Жанъ! У меня никого нѣтъ, кому бы я могъ сказать сердечное слово. Товарищи—актеры. Кончено. Между нами натуральный заборъ — зависть!

Былъ одинъ человѣкъ, я его очень любилъ... но дни, часы его жизни сосчитаны....

Дмитревскій. Онъ умираетъ?

Лекенъ. Если не умеръ! Напрасно я искалъ его вездѣ, даже на кладбищахъ.... Пропалъ! Ни слѣда!... Жаль Перси....

Дмитревскій. Какъ, Перси? Этотъ молодой врачъ?

Лекенъ. Да! Мой докторъ, котораго я начиналъ любить какъ друга....

Дмитревскій. Но что же съ нимъ случилось?...

Лекенъ. Его проглотило чудовище, терзающее Францію...

Дмитревскій. Шуазель!

Лекенъ. Тсъ! Я не ручаюсь! Можетъ быть и въ уши моего добраго Себастіана злодѣй воткнулъ золотыя сережки.... Страшно! Волоса на головѣ подымаются.... Вы знаете: при королевскихъ дѣтяхъ два доктора: Ліето и Перси....

Дмитревскій. Я такъ недавно въ Парижѣ!...

Лекенъ. Въ несчастномъ Парижѣ! Король слабъ! Шуазель — первый министръ, маркиза Помпадуръ — его твореніе и сообщница управляетъ королемъ, Шуазель — королевствомъ. Невыносимо, особенно для старшаго сына Франціи, добродѣтельнаго дофина. Вражда закипѣла; но бой не ровенъ.... Шуазель понялъ опасность. Ліэто — подлый врачъ дофина, продалъ душу, далъ медленный ядъ — и дофинъ скончался....

Дмитревскій. Отъ яда!... Невѣроятно!... Ужъ не народная ли это площадная привычка всякую неожиданную смерть приписывать — отравѣ.... Гдѣ доказательства?..

Лекенъ. Въ рукахъ несчастнаго Перси! Онъ вскрылъ трупъ дофина; мнѣ становится страшно даже разсказывать.... Въ рукахъ несчастной вдовы дофина онъ поймалъ роковую банку съ тѣмъ же лекарствомъ.... Поздно! Герцогиня приняла уже смерть.... Спасенья нѣтъ... и она умираетъ!..

Дмитревскій. Но развѣ вашъ Перси не могъ принять мѣръ противу яда?...

Лекенъ. Въ томъ-то и загадка! Перси исчезъ! Вѣроятно, его спряталъ Шуазель, а между тѣмъ его вездѣ ищутъ; во всѣхъ домахъ, гдѣ онъ лѣчитъ — сидятъ шпіоны; маска ли это или, въ самомъ дѣлѣ, онъ успѣлъ бѣжать, не знаю.... Но не думаю. Кажется, боятся, чтобы онъ не помогъ какъ-ни-

будь маркизѣ Помпадуръ ... Теперь она уже не нужна Шуазелю, и не дальше какъ вчера, и она захворала тѣмъ же недугомъ, по тому же рецепту....

(Дмитревскій, блѣдный, садится и отираетъ потъ; Лекенъ тоже).

Дмитревскій. Послѣ этого вы правы! Шекспиръ не клевещетъ на исторію. Такіе ужасы и у него въ диковинку!...

Себастіанъ (*въ дверяхъ, таинственно*). Докторъ Перси!...

Лекенъ (*стараясь скрыть волненіе*). Проси!...

Себастіанъ (*грубо*). Проси!... Вы меня обижаете, г. Лекенъ! Да! Обижаете! Я предатель! Я васъ подслушалъ! Я не могъ не подслушать.... Вашъ страшный видъ, волненіе, перепугали меня.... Но я не изъ Лотарингіи; я Французъ такой же, какъ и вы! Я не ношу сережекъ! Вотъ вамъ....

Лекенъ. Прости, честный Себастіанъ!

Себастіанъ (*уходя*). То-то же!

Лекенъ. Но гдѣ же Перси?...

Себастіанъ (*пропуская Перси, самъ уходитъ*). Пожалуйте!

Перси (*увидавъ Дмитревскаго, хочетъ вернуться*). Тутъ есть чужой?...

Лекенъ (*схвативъ его за руку*). Нѣтъ, Перси, нѣтъ! Все свои! Это мой другъ, мой братъ, мой товарищъ, семья моя... Не бойтесь!...

Перси (*мрачно*). Я никого не боюсь! Чего мнѣ бояться! Я обошелъ всѣ предмѣстья Парижа.... Искалъ, искалъ, расспрашивалъ.... напрасно!...

Лекенъ. Кого же вы искали?

Перси. Не спрашивайте! Упрямый старикъ унесъ свою тайну съ собою въ могилу....

Лекенъ. Какой старикъ? Кажется, дофинъ....

Перси. Боже мой! Что вы мнѣ напомнили! Старикъ умиралъ на рукахъ моихъ.... Напрасно я добивался: гдѣ дочь ваша? Неужели вы не хотите благословить ее?... «Благословилъ, благословилъ! Я счастливъ! Ей будетъ тамъ лучше, чѣмъ у меня.... Она будетъ великой знаменитой!...» и не кончилъ.... Смерть оковала уста... Въ отчаяніи, я стоялъ надъ нимъ какъ полуумный.... Вдругъ, другой ударъ грома, съ другой стороны. Прибѣжалъ придворный лакей: пожалуй-

те, дофинъ умираетъ! На лѣстницѣ меня встрѣтилъ вопль всего двора. Умеръ!... Герцогъ д'Эгильонъ схватилъ меня за руку. Перси! Не правда ли, онъ отравленъ. Я взглянулъ на лицо покойнаго, и въ ужасѣ отвѣчалъ: кажется! Не кажется, а вѣрно!—Вскройте трупъ! Ножъ дрожалъ въ моихъ рукахъ, но сомнѣніе исчезло.... Дофинъ отравленъ!... Я не успѣлъ обмыть рукъ.... меня зовутъ.... герцогинѣ дурно.... бѣгу.... Ліэто, Ліэто! Герцогиня не могла допить третьяго пріема; я вырвалъ изъ рукъ ея лекарство; герцогъ д'Эгильонъ потащилъ меня и съ лѣкарствомъ къ королю.... Насъ не допустили даже въ пріемную. Король болѣнъ... никого принять не можетъ.... Я бросился на помощь къ герцогинѣ..., но и тамъ двери для меня заперты; не пускаютъ; смѣются. Я говорю имъ: еще есть время, можно спасти герцогиню.... Какой вздоръ! она здорова и теперь не нуждается въ помощи врачей.... Я обрадовался. Значитъ ей успѣли дать противуядіе?... Разумѣется! Дали то, что нужно, и герцогиня заснула. Я успокоился. Бѣгу къ моему старику.... Охъ, люди, люди! Кто хуже? Ліэто-отравитель, или Маріанна служанка? Теперь не разберу.... Въ комнатѣ пусто; мертвецъ обокраденъ; все вынесено; Маріанны нѣтъ... послѣдній слѣдъ пропалъ.... Я исполнилъ послѣдній долгъ! Я похоронилъ старика....—Но она! Боже мой, гдѣ она?...

Лекенъ. Благородный Перси! Богъ милостивъ; она, хотя я и не знаю кто она, отыщется; но теперь сердечныя дѣла въ сторону!... Ваша жизнь въ опасности! Васъ ищутъ!

Перси. Меня?!...

Лекенъ. Вамъ надо бѣжать!...

Перси. Бѣжать? Мнѣ бѣжать? Да развѣ я преступникъ? Развѣ я отравилъ дофина и герцогиню?

Лекенъ. Вы сняли печать съ страшной тайны!

Дмитревскій. Вы сорвали маску съ Шуазеля!

Лекенъ. И пока она въ рукахъ вашихъ; пока вы живы, Шуазель въ опасности!...

Перси. Я начинаю понимать мое положеніе! Но я не могу бѣжать. Я прежде долженъ открыть убѣжище, куда ее спряталъ упрямый старикъ....

Дмитревскій. Ужъ вѣрно не въ ту темницу, которую для васъ приготовилъ первый министръ....

Лекенъ. Тамъ вы никого не найдете....

Дмитревскій. Тамъ васъ ожидаетъ только тайная мученическая смерть....

Перси. Бѣжать! Мнѣ бѣжать! О, пощадите, вы никогда, видно, не любили...

Лекенъ. Вы точно дитя, Перси! Гдѣ же вы теперь найдете вашу Клоринду? Вамъ нельзя показаться на улицѣ. Вы прошли Парижъ днемъ, открыто, покойно, но не благоразумно. Теперь сотни гонятся по слѣдамъ вашимъ.... Найдутъ— и все кончено... А между тѣмъ, вѣдь, Шуазель не вѣченъ. Такія злодѣйства всегда предвѣщаютъ паденіе злодѣя... Я убѣжденъ, что сѣкира Немезиды уже виситъ надъ нимъ... Бѣгите, спасайтесь! Это мѣра временная, необходимая, повѣрьте, что ваша Клоринда сама этого требуетъ...

Перси. Боже мой, да куда же мнѣ бѣжать?

Лекенъ. Въ Англію!... Всего ближе и легче! Но не прямо! Моя карета заложена. Я васъ отвезу на предмѣстье; тамъ купимъ лошадь, одежду—и въ Бретань. Тамъ друзья герцога Эгильона, тамъ васъ не выдадутъ, помогутъ перебраться въ Англію. Вы знаете языкъ....

Перси. Ни живой души знакомой....

Лекенъ. И этому можно помочь! Я напишу нѣсколько словъ Гаррику *(садится къ столу и пишетъ)*.

Перси. Вы меня насильно хотите выгнать изъ Франціи; я бѣгу какъ трусъ отъ мнимой опасности, а она, бѣдная, въ тяжкой неизвѣстности...

Дмитревскій. Горячо молится, за васъ, за ваше спасеніе! Весь Парижъ въ страхѣ за васъ; вы одни только не хотите видѣть опасности...

Лекенъ. Ну вотъ и письмо готово! Постойте, надо немного денегъ на дорожку *(вынимаетъ изъ стола кошелекъ)*. Теперь все въ порядкѣ! Ѣдемъ!...

Себастіанъ *(вбѣгая)*. Г. Лекенъ! Чудеса на нашей улицѣ!..

Лекенъ. Что тамъ?

Себастіанъ. Карета съ двѣнадцатью драбантами остановилась у подъѣзда госпожи Клеронъ. Этого еще никогда не бывало. Я знаю карету... то герцогъ Шуазель....

Лекенъ. Вы слышите!... Онъ пожалуетъ и сюда. Небывалая честь!

Себастіанъ. Я скажу, г. Лекенъ, что васъ нѣтъ дома!...

Лекенъ. Не такъ, не такъ, Себастіанъ! Напротивъ! Герцога проси, веди его свѣтлость прямо въ кабинетъ; я постараюсь занять герцога, а вы, Жанъ, за меня! Заднимъ крыльцомъ со двора, въ карету, на предмѣстье! Вотъ вамъ письмо, деньги!... Поѣзжайте!...

Себастіанъ. Премудро! Да здравствуетъ г. Лекенъ! Теперь я навстрѣчу его свѣтлости!...

Перси. Я не могу опомниться! Мнѣ кажется, я все это вижу во снѣ...

Лекенъ. Дай Богъ вамъ проснуться въ Бретани! До свиданія!

Перси. Г. Лекенъ! Я не умѣю высказать моей признательности...

Дмитревскій *(увлекая его)*. И не надо! Послѣ, послѣ расчитаетесь! *(Уходятъ въ боковую дверь)*.

Лекенъ. Помоги имъ, Господь! Ага! Уже идутъ.

(Хватаетъ со стола книгу, становится въ театральную позу и начинаетъ декламировать по книгѣ):

Не подходи, злодѣй! Твой страшный часъ насталъ!
Ты именемъ моимъ злодѣйства совершалъ;
Ты ниспровергъ права великаго народа;
Тобою попраны честь, разумъ и свобода!...

(Двери отворяются. Въ дверяхъ Шаузель останавливается: за нимъ видѣнъ Себастіанъ).

Лекенъ *(не останавливаясь, продолжаетъ)*.

Но пробилъ грозный часъ.—Твой судія идетъ.
Отнынѣ мой народъ прямымъ путемъ пойдетъ!
Съ дарами Божьими простру къ нему я руки;
Согрѣю, озарю святымъ огнемъ науки;
На язвы лютыя пролью любви елей!
Какъ правдою сіялъ въ пустынѣ мѣдный змѣй,
Такъ во спасенье всѣмъ и я воздвигну съ трона
Звѣзду недвижную правдиваго закона.

(Занавѣсъ падаетъ).

АКТЪ ВТОРОЙ.

Гостиная въ домѣ Гаррика въ Лондонѣ. МИСТРИСЪ ГАРРИКЪ, МИССЪ ЛИЛА МАЛЕТЪ, ГЕРЦОГЪ, ГОЛЛАНДЪ, БОВЕЛЬ, КОЛЬМАНЪ и еще нѣсколько гостей сидятъ за завтракомъ. Четыре лакея въ ливреѣ служать за столомъ.

Герцогъ. Наконецъ вы возвратились. Насилу! Англія соскучилась безъ Гаррика! Вы извините, господа, если я про такихъ знаменитыхъ артистовъ говорю сердечную правду... Я жилъ въ своемъ замкѣ, но когда услышалъ, что Гаррикъ возвратился, въ тотъ же день полетѣлъ въ Лондонъ, чтобы опять увидѣть, услышать нашего Росція.

М. Флора. И прекрасно сдѣлали, ваша свѣтлость, потому что Давидъ, кажется, совсѣмъ оставляетъ сцену...

(Всѣ встаютъ).

Герцогъ. Быть не можетъ!.. Онъ и года не проживетъ безъ сцены..

М. Флора. Слава Богу! Мы путешествовали полтора года и не скучали... Я совершенно выздоровѣла, Давидъ сталъ поправляться.... Пріѣхали въ Лондонъ—и опять насъ поглотилъ этотъ проклятый омутъ. На каждомъ шагу хлопоты, непріятности, ссоры... И болѣзни поднялись съ прежнею силою. Хуже! Я не узнаю Гаррика! Онъ сталъ крѣпко задумываться, чего прежде съ нимъ не случалось. Еще пока жилъ добрый Ласи, нашъ дѣятельный половинщикъ, дрёриленскій театръ не былъ такой обузой. Но теперь, когда вся тяжесть и хозяйства и искуства легла на больнаго, измученнаго—ну, право, невыносимо. Я иногда по цѣлымъ днямъ его не вижу. Да вотъ мы тутъ завтракаемъ, а онъ въ конторѣ возится съ портными, сапожниками, ламповщиками... Помилуйте! Что это за жизнь! Кажется, онъ заслужилъ почетный покой... Онъ жилъ для другихъ, позвольте же пожить и для себя... Неужели Англія можетъ требовать, чтобы онъ непремѣнно умеръ на театральныхъ подмосткахъ.

Кольманъ. Вы правы, мистрисъ, но что же дѣлать! Ребенкомъ Гаррикъ былъ уже актеромъ; спрячьте его

въ пустыню, онъ и тамъ соберетъ медвѣдей, лисицъ, зайцевъ и будетъ представлять для нихъ Макбета....

М. Флора. И прекрасно! По крайней мѣрѣ тамъ не будетъ актерской зависти, авторскаго самолюбія. Всякій оторвиголова воображаетъ, что онъ способенъ писать для театра. Несутъ кучами дряблое издѣліе алчной бездарности. Гаррикъ, читай и представляй! Какъ скажешь учтиво: не годится! А скажи—и авторъ на смерть и до смерти вашъ врагъ, клеветникъ! Нетолько Гаррику, мнѣ доставалось. Мнѣ, Кольманъ... Я презираю всѣ эти любезности пасквилантовъ, но мой Гаррикъ... О! Давидъ всего боится! Его сдѣлали трупомъ, и, кажется, затѣмъ, чтобъ имѣть болѣе свободный доступъ въ дрѣриленскую кассу....

Кольманъ. Мистрисъ Гаррикъ! Право, вы обижаете....

М. Флора. Кого это? Беззащитные! Они ругаются, кричатъ точно жабы въ болотѣ; самихъ не видно; только рѣчи ихъ отпечатаны желчью въ безстыдныхъ газетахъ... Точно ночные воры, они всегда въ чужой одеждѣ въ этомъ маскарадѣ псевдонимовъ... А я никого не обижаю; я говорю правду и въ глаза. Вотъ вамъ!

Герцогъ. Мистрисъ вы слишкомъ строги....

М. Флора. Нѣтъ, благородный герцогъ! Семнадцать лѣтъ я смотрю на эту комедію; я знаю душу моего мужа лучше чѣмъ струны моей арфы; но тамъ я слышу, которая струна разстроена, повернула колышекъ и готова; а тутъ чѣмъ я уйму негодованіе, боль сердца раненаго оскорбленіемъ, досаду, что не умѣлъ угодить прихотливому тунеядству? тысячу вспышекъ, возбужденныхъ проклятымъ положеніемъ перваго актера и содержателя дрѣриленскаго театра... Подлое ремесло!...

Герцогъ *(взявъ шляпу)*. Душевно жалѣю, что вы такъ живо принимаете къ сердцу необходимыя мелочныя непріятности, которыхъ не мало во всякомъ положеніи... Прошу засвидѣтельствовать мистеру Гаррику мой душевный поклонъ *(уходитъ)*.

Флора. До свиданія! Ужъ намъ и такъ некуда прятать этихъ поклоновъ....

Кольманъ. Позвольте засвидѣтельствовать душевное уваженіе, оно простирается....

Флора. До этого порога! А тамъ за дверьми—и языкъ и перо перемѣнятъ цвѣтъ.. . До свиданія!... *(Кольманъ и гости, раскланиваясь, уходятъ).*

Голландъ. *(Бовелю).* А что, другъ, не пора ли и намъ на репетицію?

Бовель. Мистеръ Гаррикъ приказалъ намъ здѣсь ждать...

Флора. Гаррикъ позабылъ, что онъ теперь и кассиръ и сторожъ дрѣриленскаго театра. Ступайте туда; вѣрно, гдѣ-нибудь корридоры выметаетъ. *(Входитъ Робертъ).* Это что? Какой нибудь герцогъ рекомендуетъ автора или актера!...

Робертъ. Нѣтъ! Иностранецъ какой-то. Оставилъ это письмо и карточку....

Флора. Брось на столъ! Ну, жизнь! точно на рынкѣ! *(Робертъ уходитъ).* Да, Лила, я прежде не чувствовала, не сознавала всей тягости нашего положенія! Надо же было поѣхать въ Падуу, вкусить сладость цѣлебнаго покоя, чтобы, воротясь на родное пепелище,—понять, гдѣ адъ, отравляющій наше здоровье.... Слышите, Гаррикъ идетъ! Ужс успѣли вывести изъ терпѣнія...

Гаррикъ *(за сценой).* Не говорите мнѣ! Я очень хорошо знаю! Это подлая интрига, воровство, Джемсъ! Воровство! *(Входятъ на сцену: Гаррикъ, прихрамывая и опираясь на костылекъ. За нимъ Джемсъ).* А вотъ и заговорщики! Голландъ, Повель! Благодарю...Очень благодарю! Нечего сказать!...

Джемсъ. Помогите мнѣ, господа! Ничѣмъ не могу его успокоить! Сердится, зачѣмъ мы подписались на актѣ въ пользу отслужившихъ актеровъ....

Гаррикъ. Не ври, Джемсъ! Не за это сержусь. Нѣтъ, за воровство. Это моя мысль. Развѣ не я доводилъ до парламента дѣло бѣдныхъ артистовъ? Я уѣхалъ, вотъ Гулль и обрадовался, укралъ мою мысль, исковеркалъ, затѣялъ глупѣйшую подписку и актеры дрѣриленскато театра всѣ подписались, даже мой вѣрный Джемсъ, который до того иг-

ралъ тѣни и призраки, пока самъ не обратился въ воспоминаніе!.. Что же? Вы хотѣли меня унизить! А? Не такъ ли? Что же я не Гаррикъ, что-ли?

Джемсъ. Послушай, Давидъ....

Гаррикъ. Тебя, что-ли? Что ты можешь мнѣ сказать? Все то, что въ твою старую голову вколотили Гулль Келли и вся компанія пасквилантовъ! Вы хотѣли доказать Англіи, что я такой же дюжинный смертный, какъ и вы всѣ, что я не Гаррикъ!...

Голландъ. Мистеръ! Мы бы никогда не осмѣлились пристать къ какому то бы ни было союзу, безъ согласія нашего принципала, еслибы судьба несчастной мистрисъ Гамильтонъ не привела всѣхъ въ ужасъ... Прославленная актриса умирала съ голода.... Мы поспѣшили на помощь....

Гаррикъ. Чтожъ? И помогли?...

Голландъ. Помогли, сэръ!

Гаррикъ. Шестью пенсами съ фунта вашего жалованья! Какое великодушіе! Собрали тридцать фунтовъ; это капиталъ съ цѣлаго сословія! Хорошо сословіе! Украли идею; хотѣли построить зданіе, безъ меня!... Ступайте же всѣ въ Ковенгартенъ, ступайте всѣ къ Гуллю, носите ему по шести пенсовъ.... Мнѣ васъ не нужно. Идея моя, и я въ газетахъ объявлю, что вы воры. У дрѣриленскаго театра — свой фондъ. Джемсъ, что стоитъ мой домъ, что направо отъ театра?

Джемсъ. Недавно еще предлагали 370 фунтовъ...

Гаррикъ. Я дарю его въ пользу заслуженныхъ актеровъ! Каждый годъ два представленія на дрѣриленской сценѣ въ пользу бѣдныхъ актеровъ... Каждый разъ—пока держусь на ногахъ—я играю въ этихъ спектакляхъ...

Флора. Это условіе прочь, умоляю, милый Давидъ!

Гаррикъ. Не бойся, Флора! Если я буду умирать и доктора откажутся, закажи спектакль для бѣдныхъ актеровъ и дай мнѣ ролю,—выздоровѣю, Флора, честное слово, выздоровѣю... Я изучилъ моихъ товарищей, какъ самого себя... Я ненавижу ихъ, они мнѣ опротивѣли, потому что я былъ нетолько актеромъ, но и содержателемъ театра; я торговалъ ихъ способностями; я унижался до ихъ слабостей, я

притворствовалъ въ мнѣніяхъ, чтобы не оцарапать этихъ чувствительныхъ животныхъ, у которыхъ съ живыхъ кожа содрана; не прикасайся, вездѣ живое мясо.... Но я ихъ уважаю, Флора, я имъ поклоняюсь. Вотъ, хоть бы и сегодня, я не притворяюсь, я плачу!... Двойная утрата!

Флора. Господи! Не мучь! Кто же это умеръ?...

Гаррикъ. Мистрисъ Циберъ! Мѣсяцъ я любилъ ее какъ женщину, двадцать лѣтъ какъ актрису... она меня терпѣть не могла...

Флора. Кто же другой?...

Гаррикъ. Кинъ! Великій Кинъ! Этотъ меня отъ полноты души ненавидѣлъ...

Флора. И ты ихъ жалѣешь!

Гаррикъ (*тихо женѣ*). А кого же я любилъ изъ моихъ соперниковъ?...

Флора. Какъ, Давидъ?

Гаррикъ (*также*). О, никого, вѣрь мнѣ, никого.... Только и разницы, что и въ жизни я умѣлъ быть такимъ же актеромъ, какъ и на сценѣ!...

Гоккинсъ (*вбѣгая*). Мистеръ Гаррикъ!

Гаррикъ. Что тамъ?

Гоккинсъ. Мистрисъ Клайвъ приказала доложить, что она не намѣрена ожидать господъ артистовъ и если сейчасъ не пожалуютъ, уѣдетъ и на репетиціи не будетъ...

Гаррикъ. Бѣги, Гоккинсъ! Доложи мистриссъ Клайвъ, что это моя вина; я прошу извиненія; сейчасъ всѣ будемъ.... Голландъ, Повель, сдѣлайте дружбу, поспѣшите, начинайте безъ меня. Джемсъ, ступай и ты....

(*Голландъ и Повель уходятъ*).

Джемсъ. Да я зачѣмъ? вѣдь я десять лѣтъ уже какъ не играю....

Гаррикъ. Все равно. У тебя есть роль! Ты будешь представлять тѣнь Гаррика... Будешь унимать гнѣвъ мистрисъ Клайвъ, хвалить ея чистый голосъ ,стройный станъ, величественную походку. Ступай, Джемсъ!!

Джемсъ. Иду, но не думаю, чтобы похвалы 60-ти-лѣтняго старика подѣйствовали... (*уходитъ*).

Гаррикъ. Лесть—вѣчный жидъ—всегда молода. Одно бѣда,

она не любитъ Джемса... Ступай ты, Флора; ты какъ-то умѣешь ладить съ этими фуріями; я теперь не въ силахъ...

Флора. А все твоя трусость, уступчивость...

Гаррикъ. И ты туда же! Какая тутъ уступчивость! Кто завелъ порядокъ въ театрахъ?—Гаррикъ! Кто установилъ правила для репетицій?—Гаррикъ! Кто выгналъ со сцены герцоговъ и принцевъ? — Гаррикъ! Давно-ли во время представленія Клеопатра шушукалась съ маркизомъ Дугласомъ! Зрители видѣли двѣ драмы вдругъ. Вмѣсто войска на сценѣ стояла толпа щеголеватыхъ денди—и у бѣдныхъ актеровъ было два амфитеатра — спереди и сзади... Все это передѣлалъ Гаррикъ и первый долженъ уважать собственные законы... Ступай, Флора! Умоляю тебя!...

Флора. Неужели тебѣ вся эта суета не надоѣла?

Гаррикъ. Поуши!

Флора. Давидъ! Ты мнѣ въ Италіи далъ слово...

Гаррикъ. Помню, Флора; помню! Но не могу же я оставить дрёриленскій театръ въ развалинахъ. Кто поддержитъ мое великолѣпное зданіе? Оно падаетъ, а ты хочешь, чтобы я бѣжалъ съ поля чести, чтобы не слышать, какимъ гуломъ огласится его паденіе. Никогда, ни за что!

Флора. Значитъ, твое слово...

Гаррикъ. Да выслушай прежде.

Флора. Что тутъ слушать! Тебя не переслушаешь! У тебя на все свои извороты. Здоровье жены, здоровье твое—для тебя пустяки... А вотъ въ темнотѣ амфитеатра чернь хлопаетъ,—Гаррикъ въ восторгѣ. Въ подлыхъ газетахъ подкупленные пасквиланты ругаются... Гаррикъ читаетъ съ жадностію, Гаррикъ бѣсится, Гаррикъ хвораетъ; идетъ на сцену, и вмѣсто того, чтобы въ громовомъ прологѣ раздавить клевету какъ таракана, Гаррикъ извиняется, объясняется, чуть не проситъ прощенія....

Гаррикъ. Не правда!

Флора. Нѣтъ, правда! Ты воображаешь, что ты господствуешь въ театрѣ, управляешь мнѣніемъ публики... Ошибся, ты рабъ, ты льстецъ, ты угодникъ, наемный угодникъ.. И вмѣсто Шекспира, вмѣсто сочныхъ произведеній строгой

и благородной музы, что стали играть на дрëриленской сценѣ—подъ дирекціей Гаррика?—Пантомимы—потому что на Шекспирѣ обанкрутишься....

Гаррикъ. Послушай, Флорочка!

Флора. Ничего не хочу слушать! Слова—вѣтеръ....

Гаррикъ. Ну, это послѣднее, желѣзное слово! Я оставлю сцену....

Флора. Когда это?

Гаррикъ. Послѣ перваго дебюта миссъ Лилы...

Флора. О! Долго ждать!

Гаррикъ. Не пройдетъ и мѣсяца, я подарю Англіи великую актрису, которая заставитъ позабыть миссъ Цибберъ...

Флора. Смотри же, помни свое желѣзное слово. На этомъ условіи я бѣгу на репетицію, съ надеждой, что мы наконецъ вынырнемъ изъ этого омута. *(Убѣгаетъ)*.

Гаррикъ *(на авансценѣ). (Лила у стола въ задумчивости)*. Омутъ! — Театръ омутъ?! — А?! Вотъ свѣтъ — такъ омутъ; весь въ порокахъ! Точно прокаженный, весь въ ранахъ. Страстей, настоящихъ, кипучихъ, тамъ нѣтъ... Всѣ на театрѣ.— Какія страсти на лакированномъ паркетѣ, въ гостиной разрумяненной дамы... Если и есть, такъ одна корысть; на театрѣ и та хороша, а тутъ, внизу, въ этой ямѣ, въ этомъ свѣтѣ... она гнусна, какъ гнусна, отвратительна вся эта коллекція мелочей, мелочей и мелочей, что называютъ свѣтомъ... А театръ... Ахъ Флора! Міръ изящный въ мірѣ грязномъ! Исторія въ лицахъ! Итоги всѣхъ подвиговъ, всѣхъ чувствъ человѣчества—вотъ наша библіотека, наше достояніе! Когда я влѣзу въ тѣло Ричарда III, о, какъ мнѣ весело. Я ворочаю, тормошу это чучело передъ публикой, и она видитъ знаменитое чудовище со всѣхъ сторонъ... Я слышу, какъ Ричардъ на томъ свѣтѣ стучитъ зубами, бѣсится, что его тутъ разгадали... Но гдѣ мнѣ душно, такъ это въ кожѣ Отелло... Я задыхаюсь... Ревность!—Какое гнусное чувство... Все можно усвоить! Но ревность... мнѣ кажется, что я всегда вралъ, когда игралъ Отелло... Вотъ теперь бы испытать свои силы... Отчего же мнѣ такъ кажется, отчего же теперь?... *(робко оглядывается)*. О чемъ она думаетъ? Да

о чемъ я-то думаю?... Мнѣ стыдно! Хорошо, что жены нѣтъ!.. Чудакъ! опомнись!... Вѣдь это дочь твоя по завѣщанію... Подагрикъ, пятидесятилѣтній селадонъ, не срамись, другъ мой!.. Хороша, прелестна, очаровательна... Тѣмъ лучше для нея, для Дрёриленскаго театра... А тебѣ-то что? Ты и думать не смѣй. Нѣтъ, смѣю! Вотъ что значитъ театръ!... Я возьму роль ея любовника, я буду играть съ нею... я обниму ее.... Га!

Лила *(торопливо)*. Папаша! Что съ вами! Неужели опять припадокъ подагры!

Гаррикъ. Папаша! Подагра! Фу, какъ все это прохладительно!... Нѣтъ... Какая тамъ подагра... Это врачи выдумали... Неучи! Невѣжды!.. Ну, вотъ и прошло! Какая тамъ подагра. Займемся нашимъ дѣломъ... Ну, что Лила! Ты выучила роль Бетси?

Лила. Да что тутъ, учить нечего; но какъ ее сыграть?

Гаррикъ. А вотъ пойдемъ посмотримъ, гдѣ роль?...

Лила. На столѣ...

Гаррикъ. Это чья карточка! Такъ и есть! Это тотъ самый бѣглецъ, про котораго мнѣ такъ пишетъ Лекенъ... А вотъ и письмо... Гдѣ же онъ?... Точно такъ... Тотъ самый.... *(звонитъ, входитъ Робертъ)*.

Кто подалъ это письмо и карточку?..

Робертъ. Иностранецъ.

Гаррикъ. Знаю. Но гдѣ же онъ?

Робертъ. Ушелъ!...

Гаррикъ. И это знаю, но гдѣ же онъ живетъ?

Робертъ. Какъ придетъ, самъ скажетъ.

Гаррикъ. А когда же придетъ?...

Робертъ. Обѣщалъ часа черезъ два зайдти.

Гаррикъ. Поймалъ! Есть! Ну, спасибо, Робертъ. Ступай же на крыльцо. Жди гостя; какъ только придетъ... сейчасъ доложи... Ну, ступай! А мы, Лила, теперь на свободѣ займемся ролей Бетси... Начинай, Лила!

Лила *(выбѣгая впередъ и съ досадой утирая слезу)*. Нѣтъ! Никогда, никогда я не буду актрисой!...

Гаррикъ. Что такое, что такое?

Лила. Минута рѣшительная! Вы заступили мнѣ мѣсто

отца и я обязана вамъ дочернею искренностію... Я не хочу, я не могу быть актрисой.

Гаррикъ. Это почему?...

Лила. Я не чувствую въ себѣ призванія...

Гаррикъ. Ну ужъ это мнѣ лучше знать... А я иду о какой угодно закладъ, что ни Клайвъ, ни Притчардъ, ни даже сама Цибберъ не обладали такимъ высокимъ драматическимъ талантомъ!...

Лила. Вы любите заклады. Но на этотъ разъ вы проиграли. Ну, хорошо, а еслибы я по капризу или по другимъ причинамъ не захотѣла бы быть актрисой, неужели бы вы были столь жестоки и стали бы насильно принуждать меня... *(Гаррикъ молча вынимаетъ бумагу и показываетъ ей):* Это что?..

Гаррикъ. Въ бытность мою въ Парижѣ, я возвращаюсь однажды отъ госпожи Клеронъ; у подъѣзда оборванный мальчикъ ждетъ меня съ этимъ письмомъ. Что тебѣ надо?—Вы Гаррикъ?—Я!—Извольте! Подалъ и пропалъ. Развертываю и прихожу въ ужасъ! Мой товарищъ, пріятель Малетъ пишетъ ко мнѣ. Онъ бѣжалъ отъ долговъ во Францію со всею семьею. Потерялъ жену, двоихъ дѣтей; осталась одна Лила... Читайте сами!...

Лила. «Я умираю, благородный Давидъ, но ты въ Парижѣ «и я умираю съ надеждой! Я дарю тебѣ мою Лилу со всѣми «отцовскими правами. У нея большой сценическій талантъ, «а подъ твоимъ руководствомъ она станетъ наряду съ на«шей знаменитой Цибберъ и будетъ украшеніемъ перваго «англійскаго театра. Это моя послѣдняя воля! Прощай! До «свиданія въ поляхъ елисейскихъ. Э. Малетъ».

(Молчаніе).

Гаррикъ. Что вы на это скажете?

Лила. Я скажу коротко и ясно: отецъ не зналъ своей Лилы.... Актеръ, онъ любилъ театръ; отъ скуки онъ училъ и меня. Дѣвушкѣ сколько нибудь неглупой будто трудно быть актрисой... Скажите, что мы называемъ образованіемъ? тонкое притворство, которое не должно имѣть и тѣни кокетства; дѣвушка и дома и въ гостяхъ не должна снимать маски простодушія; послѣ такой школы, какая роль трудна ей?

Всѣ женщины обладаютъ рѣшительнымъ сценическимъ талантомъ. Но спросите, заглянулъ ли добрый отецъ въ душу притворщицы, поднялъ ли маску искуственнаго простодушія... Вотъ тогда бы...

Гаррикъ. Чтожъ бы тогда увидѣлъ добрый другъ мой?...

Лила. Испугался бы своего тиранства; на рукахъ бы отнесъ меня съ края пропасти, куда былъ готовъ меня столкнуть такъ безпощадно...

Гаррикъ. Пропасти! Неужели сцена?...

Лила. Только въ театрѣ она выше слушателей, а въ существѣ это глубокая яма, изъ которой нѣтъ возврата....

Гаррикъ. И это говоритъ Лила Малетъ въ домѣ Давида Гаррика!!...

Лила. Вы меня довели до этого признанія!... Актриса! Да оглянитесь, Гаррикъ, посмотрите, какъ смотрятъ эти лакированные денди на актрису; посмотрите какъ они глядятъ даже на жену вашу, потому только, что она жена актера. Горишь со стыда, а молчи! Вертись, кобенься, кокетничай, ты—актриса!

Гаррикъ. Какой вздоръ! Мало ли у насъ актрисъ и Притчаръ, и Клайвъ... Всѣ покланяются столько женихъ добродѣтели, сколько ихъ искусству.

Лила. Какой вздоръ! Покланяются добродѣтели, чтобы лестью низвести до порока. Еслибы у нихъ не было надежды, о, повѣрьте, перестали бы кланяться.... А эта самая надежда, Гаррикъ, уже обида....

Гаррикъ. Ты дитя, Лила! Я не знаю, гдѣ ты видѣла примѣры!

Лила. У васъ въ домѣ.

Гаррикъ. Ну, ужъ это рѣшительно не правда.

Лила. Такъ вы не видѣли, какъ маркизъ Чельзъ вчера за завтракомъ обнялъ мистрисъ Клару....

Гаррикъ. О, да это шутка!

Лила. Шутка! Скажите лучше: театральные нравы!.. Рыжій Повель тоже для шутки обнимаетъ мистрисъ Аббингтонъ на сценѣ; вѣдь это написано въ текстѣ пьесы; авторъ позволилъ, разрѣшилъ обнять и цѣловать чужую же-

ну. Ни она, ни мужъ не смѣютъ сердиться. Вѣдь такъ и въ пьесѣ. И суфлеръ говоритъ: обнимайтесь! И публика не осуждаетъ, и чѣмъ крѣпче рыжій Повель жметъ въ своихъ объятіяхъ бѣдную мистрисъ, тѣмъ лучше, тѣмъ больше натуры, эффекта, рукоплесканій. Фуй, я не хочу, я не могу...

Гаррикъ. Пресмѣшная философія! Дитя мое, Лила! Ты смѣшиваешь условія искусства съ правилами жизни, я тебя не обвиняю. Молодость, неопытность, непривычка... Все это обойдется.

Лила *(про себя)*. Онъ неумолимъ! Упрямство не поможетъ. Надо какъ нибудь иначе! *(принужденно улыбаясь)*. Конечно! Обойдется! Я дурочка, я не понимаю; говорю, какъ мнѣ кажется... Вы хотите насильно сдѣлать меня актрисой!..

Гаррикъ. Почти такъ, потому что я не могу считать важными эти дѣвичьи предразсудки, причуды возраста... Добродѣтель тѣмъ выше, чѣмъ больше искушеній ее окружаетъ. Только актриса—можетъ быть героиней и на сценѣ и въ жизни. И ты будешь героиней, Лила! Не правда-ли?

Лила. Я постараюсь!..

Гаррикъ. Сначала я буду играть съ тобою; мнѣ обнять тебя не будетъ совѣстно, я думаю, передъ цѣлымъ свѣтомъ...

Лила. Ахъ, папаша! Всегда какъ теперь!

(бросается ему на шею).

Гаррикъ. Я задохнусь! Она въ моихъ объятіяхъ! Я слышу ея дыханіе! Въ устахъ судороги... *(цѣлуетъ и припадаетъ на одну ногу)*.

Лила. Что съ вами!..

Гаррикъ. Воръ!... Поймали!..

Лила. Припадокъ подагры?...

Гаррикъ. Проклятая болѣзнь! Никакія убѣжденія Флоры не сравнятся съ этими муками! Вотъ, кто! Болѣзнь сгонитъ меня со сцены, со свѣта....

Лила. А меня не пуститъ на сцену!...

Гаррикъ. Что такое? Лила, ради Бога, что съ тобой...

Лила. Здѣсь, здѣсь сидитъ неодолимое препятствіе. Я не

хотѣла огорчить васъ, я скрывала мое несчастіе. Но теперь нечего дѣлать, я должна признаться: я боялась вашихъ докторовъ...

Гаррикъ. Ты больна? Ты?—Свѣжій цвѣтокъ небеснаго сада! Ты—полная роза, на которой блестятъ двѣ алмазныя росинки, полныя жизни, здоровья... Ты—съ вишневыми устами; ты—вся одѣтая въ бархатѣ пушистаго персика... Лила, заклинаю тебя, не обманывай меня.... скажи: ты солгала!

Лила. Нѣтъ, папаша! Сущая, страшная правда! Бываютъ минуты, когда я заочно посылаю вамъ прощальную думу... Когда читаю, учу роль, иногда болитъ, но сносно... Но когда возвышаю голосъ, когда стараюсь усвоить страсть, впиваю въ себя чужія страданія, начинаю мучиться чужою печалью, я чувствую, какъ будто сама стала любить, ненавидѣть.

Гаррикъ. Вотъ и я, Лила, точно также....

Лила. Каждое слово вырывается изъ устъ моихъ будто невольно и такъ горячо, что кругомъ меня становится жарко....

Гаррикъ. Угадалъ же я! Геніальная будетъ актриса....

Лила. И вдругъ—нѣтъ голоса! Тутъ столпятся всѣ слова, всѣ чувства; начинается боль невыносимая. Я бросаюсь на постель... мечусь, терзаюсь; приливъ ли это крови, лихорадка воображенія... О! Тогда бы вы посмотрѣли на меня: губы синія, глаза въ ямахъ, глубоко, глубоко; а я все точно листья на деревѣ подъ осеннимъ вѣтромъ....

Гаррикъ. И давно это съ тобой, Лила?

Лила. Началось еще въ Парижѣ, но въ Англіи припадки усилились....

Гаррикъ. И ты не сказала ни слова....

Лила. Говорю же я: боялась этихъ злодѣевъ, которые безъ всякой пользы мучатъ моего папашу...

Гаррикъ. Неучи! Невѣжды!. . Это правда! Гдѣ этотъ знаменитый Французъ! Лекенъ про него чудеса пишетъ. Вотъ поле для его прославленнаго искусства....

Робертъ *(входитъ)*. Тотъ иностранецъ пришелъ, что письмо подалъ...

Гаррикъ. Ага! Само небо за насъ, Лила! Ты разстроена!

Ступай, Лила, поправь свой туалетъ, а я пока переговорю съ нимъ. *(Лила уходитъ).*

Робертъ, проси гостя!... *(Робертъ уходитъ).* Я не могу стоять на ногахъ; какой злой припадокъ. Такого и не помню... Неужели отъ этой ужасной болѣзни нѣтъ никакого средства!... *(входитъ Перси).* Извините, мистеръ Перси! Я не могу подняться. Въ эту минуту подагра приковала меня къ кресламъ. Вы другъ Лекену, значитъ вы имѣете всѣ права на Гаррика. Садитесь, мистеръ! Вы дома! Вы у родныхъ!

Перси *(садясь поближе къ Гаррику и щупая пульсъ съ участіемъ).*

Давно ли мучитъ васъ эта докучная болѣзнь?...

Гаррикъ. Это шестой припадокъ. Прежде только въ большой палецъ стрѣляло.... Лекенъ подробно описалъ и васъ и ваши несчастія. Скажите: какъ вамъ удалось пробраться въ Англію?...

Перси. Очень просто. На рыбачьей лодкѣ.... Вы принимали противу болѣзни какія нибудь медицинскія мѣры?...

Гаррикъ. Цѣлая комната набита стклянками. Эти мѣры принесли пользу только моему аптекарю. Мнѣ — никакой. — Давно ли вы въ Лондонѣ?...

Перси. Сегодня утромъ.

Гаррикъ. Гдѣ вы остановились?

Перси. Тамъ гдѣ-то, право не знаю. Вы чувствуете постоянную боль или она приходитъ періодически?

Гаррикъ. Да вотъ теперь будто рукой сняло.... Иногда по три по четыре дня не бываетъ.... Перси! Во имя Лекена, у меня до васъ просьба.

Перси. Довольно и славы Гаррика, чтобы мнѣ приказывать. Наши знаменитые актеры и актрисы не безъ самолюбія, но всѣ въ одинъ голосъ признаютъ васъ главою искусства....

Гаррикъ. Это слишкомъ! А я признаю главою искусства — вашу несравненную Клеронъ.

Перси. Неужели Англія не имѣла такой актрисы?...

Гаррикъ. Не имѣла, Перси! Не имѣла! И не будетъ имѣть, если мы съ вами не постараемся.

Перси. Да я тутъ что?...

Гаррикъ. Больше, чѣмъ я! Вотъ видите ли, у меня есть молодая дѣвушка, лѣтъ двадцати, дочь моего стариннаго товарища, собой — прелесть, умомъ — Минерва, чиста какъ Психея.... и прочая, и прочая.... Талантъ гигантскій.... За эту часть я отвѣчаю, но болѣзненные недостатки, если вы ихъ не устраните — я погибъ.... У нея такъ много чувства, что физика не выдерживаетъ.... Я видѣлъ подобные примѣры.... Ваше благородство и ваше искусство мнѣ вполнѣ извѣстны. Смѣло я довѣряю дитя мое вамъ.... Мы съ вами подаримъ Англіи—Клеронъ!... Не правдали, соблазнительная честь?... Я безъ наслѣдниковъ. Кому я оставлю душевныя мои богатства, художественныя преданія, тайны великаго искусства, если не дочери моего сердца.... Больно!... Но знаете ли что? Откладывать нельзя; я лучше пришлю ее сюда къ вамъ.... Предупреждаю, она плутовата, изворотлива и смертельно боится вашего искусства.... Допросите ее, напугайте, добудьте изъ нея всѣ подробности.... Ахъ, мистеръ Перси! Еслибы вы знали, съ какимъ нетерпѣніемъ, въ какой тоскѣ и страхѣ я буду ждать вашего приговора.... Вы не отказываетесь?...

Перси. О!... Дай только Господи, чтобы мое бѣдное искусство....

Гаррикъ. Неумѣстная скромность!... Я предвижу, предчувствую блистательную побѣду!... Перси! Я вамъ ввѣряюсь какъ старому другу.... Если вы хотите вылечить Гаррика — можете, можете, но прежде должны вылечить дочь его сердца!... *(уходитъ).*

Перси. Избытокъ чувства! Загадочная болѣзнь.... Можетъ быть, сердечный недугъ; не покоряется нашей наукѣ.... А какъ бы я желалъ помочь и знаменитому отцу и несравненной его дочери.... Блистательная практика встрѣчаетъ меня на самомъ порогѣ Англіи. Попытаемся! *(входитъ Лила).* Боже мой! Кого я вижу? Сонъ наяву! Лила!!..

Лила. Перси!!..

(Занавѣсъ падаетъ).

АКТЪ ТРЕТІЙ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Уборная комната въ театрѣ герцогини Вилероа въ Парижѣ. Два уборныхъ стола. За ними ширмы. (*Парикмахеръ* и *портной* Лекена у дверей подслушиваютъ).

Парикмахеръ. Кончили. Ну! Кричатъ, ревутъ! Какъ будто въ публичномъ театрѣ!...

Портной. Э! На публичномъ театрѣ! Такъ, г. Лекенъ играть не станетъ. Вѣдь это, любезный другъ, все равно, что благородный спектакль. Понимаешь-ли? Вѣдь это театръ герцогини Вильруа. Вѣдь тутъ, понимаешь-ли, первые авторы свои пьесы тайкомъ пробуютъ. Вѣдь это честь тутъ играть.... Сегоднишній спектакль для этого Русскаго назначили. Герцогиня хотѣла видѣть, каково играютъ бѣлые медвѣди.... Богомъ клянусь, такъ и сказала. Мнѣ метрдотель по секрету признался.... Вотъ вамъ и бѣлый медвѣдь! Слышишь! Опять вызываютъ! Понимаешь-ли?...

Парикмахеръ. Шестой разъ! Ну, да и стоятъ! Вѣдь играли такъ, что просто у меня пятки отъ страха заболѣли.... Идутъ! По мѣстамъ!...

(Каждый становится у другаго стола).

(Лекенъ и Дмитревскій въ костюмахъ входятъ, держась за руки).

Лекенъ *(обнимая Дмитревскаго)*. Дорогой Жанъ! Поздравляю!

Дмитревскій. Великій учитель! Благодарю!...

Лекенъ. Учитель! Я у васъ многому учусь....

(Шумъ, аплодисменты, вызовы).

Режиссеръ *(говоритъ въ двери)*. Пожалуйте! Публика требуетъ! Сама герцогиня вызываетъ....

Лекенъ. Это уже не восторгъ. Это шутка; но съ кѣмъ же и шутить, какъ не съ игрушками. Мы ихъ игрушки, Жанъ! Нечего дѣлать, пойдемъ!... Жанъ, только не уходите со сцены такъ скоро; дадимъ имъ натѣшиться своимъ учтивымъ тиранствомъ.... Подымай занавѣсъ!

(Лекенъ и Дмитревскій, взявшись за руки, уходятъ).

Портной. Что это, какой молодецъ нашъ Лекенъ! Да и этотъ бѣлый медвѣдь.... подъ-стать. Пошли, точно король съ дофиномъ.... Понимаешь ли?!... Тс?! Идутъ! По мѣстамъ. *(входятъ).*

Маркизъ. Господинъ Лекенъ тутъ?...

Парикмахеръ. На сценѣ.

Маркизъ. Я обожду.... *(садится въ кресла).*

Графъ. Несравненный Лекенъ! Гдѣ-же онъ?

Маркизъ. Принимаетъ лавры тріумфа.

Графъ. Я еще не могу опомниться отъ его удивительной игры. Сколько силы, благородства....

Маркизъ. А какъ вамъ понравился этотъ Русскій?

Графъ. Не дурно! Герцогиня отозвалась съ похвалою. А это ужъ много. Вы знаете тонкій вкусъ герцогини?... Вотъ онъ! Великолѣпно, Лекенъ! Удивительно!

(Обнимаютъ его по очереди. Дмитревскій подходитъ къ своему столу и начинаетъ раздѣваться).

Маркизъ. Когда вы остановитесь! Сегодня совершенство, а завтра еще выше!... Мы не догонимъ васъ, Лекенъ....

Лекенъ. А вотъ этотъ молодой человѣкъ уже и перегналъ....

Режиссеръ *(входитъ).* Ея свѣтлость, герцогиня Вильруа проситъ гг. артистовъ пожаловать въ гостиную. *(уходитъ).*

Лекенъ. Благодарите за честь? Сейчасъ будемъ! Извините, графъ!...

Графъ. Одѣвайтесь, одѣвайтесь! Мы съ вами увидимся въ гостиной.... *(Графъ и маркизъ уходятъ).*

Лекенъ. Запирайте двери! Не пускайте никого!... Огромная роль мнѣ нипочемъ, но нѣсколько минутъ съ этими мишурными знатоками—и я утомленъ, измученъ! Ахъ! Насилу отвязались! Не позови насъ герцогиня, они бы не дали намъ покою съ замѣчаніями, совѣтами и — все это они заучили за завтракомъ въ газетахъ, которыя также врутъ, только печатно. Тѣхъ можно не читать, а этихъ долженъ слушать.... Жанъ! Душа моя! Не могу! Я долженъ еще разъ обнять васъ! Какая умная дикція!... Какая правда и простота въ словахъ и движеніяхъ! Сегодня я очень плохо игралъ.

Я все смотрѣлъ на васъ и любовался....

Дмитревскій. Вы меня испортите, господинъ Лекенъ, вашими похвалами.

Лекенъ *(задумчиво)*. Испорчу, ваша правда, испорчу. Я не образецъ для васъ. Я играю для Французовъ. Не знаю, каковы ваши Русскіе; думаю, что они должны быть проще, ближе къ натурѣ, и наши пьесы, и наша трагическая игра— для нихъ не годятся. Мы на ходуляхъ точно также какъ и наши пьесы.... Мы должны преувеличивать все, и голосъ и тѣлодвиженія, иначе во французскомъ партерѣ мы покажемся мелкими.... Я самъ видѣлъ, какъ принимали одного истинно-великаго актера; онъ говорилъ на сценѣ какъ говорятъ обыкновенно, не позволилъ себѣ ни одного лишняго взмаха руки, во всемъ сохранилъ строгую, поразительную правду.... Что же?... Въ партерѣ ни одна рука не поднялась. Холодно какъ въ могилѣ. Да что это? сказалъ одинъ изъ трибуновъ, что онъ комедію, что ли, играетъ!... Комедію! Да понимаютъ ли эти господа, что и писать и играть комедію всего труднѣе.... Наша трагедія пока условіе, преданіе, — а въ комедіи — подавай натуру!... Въ комедіи они въ восторгѣ — отъ правды.... Въ трагедіи — правда для нихъ опій. Уснутъ соборно, захрапятъ хоромъ. Нечего дѣлать, надо будить ихъ безпрестанно то ревомъ, то хохотомъ, то скрежетомъ зубовъ. .. Нѣтъ! Это не искусство! Ради Бога, не смотрите на насъ, Жанъ; не перенимайте нашихъ судорогъ, не подражайте нашимъ кривляньямъ. Это все для насъ хорошо.... Мы уже неизлѣчимо испорчены.... Но у васъ еще искусство въ пеленкахъ, вы можете воспитать его какъ слѣдуетъ въ священной простотѣ, въ сладчайшей правдѣ....

Дмитревскій. Есть у насъ пословица: уничиженіе паче гордости....

Лекенъ. Не понимаю!

Дмитревскій. Вы хотите испытать меня! Вы хотите увѣрить меня, что вы еще далеки отъ совершенства, а между тѣмъ всѣ отъ нисшихъ слоевъ общества до Вольтера признаютъ васъ.

Лекенъ. Всѣ, кромѣ меня. Да, Жанъ! Я не ошибаюсь!

Я играю не дурно; можетъ быть слишкомъ хорошо для французскаго амфитеатра.... но не для себя.... я ниже себя.... Я долженъ такъ играть! У меня нѣтъ моего собственнаго театра, моей собственной публики!

Дмитревскій. Право, мнѣ становится уже обидно слушать васъ! Шутка принимаетъ видъ оскорбительный!...

Лекенъ. Шутка!... Слушайте, Жанъ! Я полюбилъ васъ какъ друга, какъ брата! Я далъ слово великодушному вельможѣ — доставить вамъ всѣ средства къ образованію.... Я обманулъ и его, и васъ, и себя.... Я далъ слово, не подумавши. Было время, каюсь, когда я воображалъ себя первымъ актеромъ въ мірѣ и не завидовалъ славѣ знаменитаго Барона....

Дмитревскій. Кто же могъ васъ разувѣрить въ этой безспорной истинѣ?...

Лекенъ *(мрачно)*. Гаррикъ!...

Дмитревскій. Кто?....

Лекенъ. Давидъ Гаррикъ, Англичанинъ, содержатель дрёриленскаго театра и первый актеръ всего міра....

Дмитревскій. Вотъ какъ! Гдѣ же вы его видѣли?

Лекенъ. Здѣсь, въ Парижѣ! У герцогини Вильруа, и у другихъ любителей театра.... Безъ костюма, безъ сцены, въ атмосферѣ назойливаго, часто нахальнаго любопытства, которое, кажется, самого самолюбиваго барона привело бы въ смущеніе, Гаррикъ читалъ отрывки, только отрывки изъ своихъ любимыхъ ролей — и надо было видѣть, какъ по волѣ этого волшебника измѣнялись лица у зрителей.... Что хотѣлъ, то и дѣлалъ съ ними; они вмѣстѣ съ нимъ плакали чуть не навзрыдъ, вмѣстѣ съ нимъ улыбались или хохотали во все горло.... Я не могъ, Жанъ, раздѣлять ихъ восторга.... я смотрѣлъ, слушалъ, бѣсился.... я завидовалъ.... Вы понимаете это чувство.... Вѣдь вы актеръ....

Дмитревскій. Впервые я испыталъ это чувство въ Парижѣ, увидавъ васъ....

Лекенъ. Браво! Значитъ, въ васъ есть главная стихія нашего ремесла... Не огорчайтесь этой болѣзнію... Это недугъ генія, какъ месть была чувствомъ, стихіей греческихъ боговъ... Ахъ, Жанъ! Да вѣдь и было чему позавидовать...

Меня вызывали на поединокъ съ Гаррикомъ. Я искусно уклонился.... Пусть Клеронъ, сказалъ я, и несравненная подняла перчатку... Вотъ было истинно Олимпійское состязаніе. Гаррикъ какъ ни великъ, но не могъ побѣдить... Ему мѣшалъ этотъ птичій англійскій языкъ; паѳосъ рѣчей часто обращался въ смѣшное косноязычіе; присвистъ, коверканье губъ, всѣ эти каррикатурныя прелести англійскаго языка видимо стѣсняли Гаррика. «Позвольте, закричалъ онъ, у насъ не ровное оружіе! Кончимъ на языкѣ общемъ, на языкѣ нѣмаго выраженія»... Въ минуту все молчало... Я былъ свидѣтелемъ ужаснаго происшествія, такъ началъ Гаррикъ: Счастливый отецъ сидѣлъ у окна и игралъ съ ребенкомъ лѣтъ трехъ, не больше... На лицѣ отца можно было читать его родительское блаженство; онъ самъ становился ребенкомъ, играя съ малюткой. Смѣялся, пѣлъ и не замѣчалъ, что его счастіе сдѣлалось предметомъ вниманія уличныхъ зѣвакъ въ томъ числѣ и Гаррика. Вдругъ, страшно вспомнить! Дитя скользнуло, летитъ по воздуху, хлопъ на мостовую—и духъ вонъ. Отецъ высунулся въ окно... Тутъ Гаррикъ замолкъ, но, истинно говорю вамъ, у всѣхъ зрителей, и у меня, сердца перестали биться. Гаррика мы уже не видѣли... Передъ нами стоялъ оглушенный своимъ несчастіемъ отецъ. Лице его читало правдивый монологъ, какого даже Корнель не напишетъ.... Первый отъ ужаса очнулся я.... Гляжу кругомъ.... Зрителей нѣтъ.... Все отцы, все матери... У каждаго дитя вылетѣло въ окошко; всѣ были убиты нѣмымъ отчаяніемъ.... Гаррикъ смотрѣлъ на улицу, на дитя... Всѣ смотрѣли на Гаррика....

Дмитревскій. Чѣмъ же разрѣшилась эта невѣроятная сцена?

Лекенъ. Клеронъ бросилась на шею Гаррика и стала цѣловать его.... Шутка, мистрисъ Гаррикъ: «Цѣлуйте, цѣлуйте его! Я не ревную!»—послужила веселымъ финаломъ страшной драмы...

Дмитревскій. Еслибы кто другой, не вы разсказывали, я не повѣрилъ бы...

Лекенъ. До-того усвоить власть надъ собою, чтобы одному играть сцену плаксы и весельчака... Съ перемѣною ро-

ли, нетолько измѣняется діапазонъ голоса, темпъ рѣчи, произношеніе, нѣтъ, лице другое дотого, что вы наконецъ потеряетесь и не знаете, который настоящій Гаррикъ: плакса или весельчакъ. Это персонификація искусства... Вы должны его видѣть!...

Дмитревскій. Любопытно, ни слова, но мнѣ кажется, что иногда и слова переходятъ въ басню...

Лекенъ. Въ басню? Нѣтъ, ужъ исторія съ Фильдингомъ не басня. Мнѣ разсказывали очевидцы.—Умеръ Фильдингъ, а у Гогарта, знаменитаго англійскаго живописца, собрались гости; случился тутъ и Гаррикъ. Входитъ книгопродавецъ, издатель сочиненій Фильдинга, проситъ: нельзя ли достать портрета покойнаго... Оказывается, что съ Фильдинга никто никогда не снималъ портрета. Гогартъ наизустъ рисовать не рѣшается. Книгопродавецъ въ отчаяніи; никто и не замѣтилъ, что во время этого разговора Гаррикъ скрылся. Вдругъ двери изъ спальни Гогарта отворяются, входитъ самъ Фильдингъ.... То былъ чародѣй, волшебникъ Гаррикъ. Гогартъ схватилъ карандашъ... Вы видѣли сочиненія Фильдинга и мастерской портретъ автора?—Онъ нарисованъ съ Гаррика и поражаетъ всѣхъ сходствомъ съ Фильдингомъ... Послѣ этого кто не повѣритъ Цицерону и его Росцію? кто станетъ сердиться на Чурчиля и его Росціаду, въ которой онъ прославляетъ Гаррика и называетъ его Росціемъ и первымъ актеромъ міра? Вѣрно! Правда,—истина—и вы должны его видѣть. Я далъ слово благородному вельможѣ.... и сдержу мое слово Завтра мы играемъ Заиру; послѣ завтра мы ѣдемъ въ Англію! Я радъ, я счастливъ, что такимъ образомъ исполню долгъ добросовѣстнаго и безпристрастнаго наставника...

Дмитревскій. Въ Англію!... Правду сказать, я не люблю Англію....

Лекенъ. Не капризничайте, Жанъ! Дормезъ мой въ порядкѣ; завтра я пошлю нарочнаго нанять корабль, послѣзавтра....

Режиссеръ (*въ дверяхъ*). Г. Лекенъ!... Герцогиня приказала освѣдомиться...

Лекенъ. Доложите, что завтра на театрѣ ея свѣтлости

мы играемъ Заиру, а послѣзавтра ѣдемъ въ Англію... Одѣваться! (*Уходитъ за ширмы*).

Дмитревскій. Лекенъ — актеръ трагическій: Лекенъ не шутитъ! Нечего дѣлать! ѣдемъ въ Англію.... (*уходитъ за ширмы*).

Декорація перемѣняется.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Кабинетъ **ГАРРИКА** въ домѣ его, въ Лондонѣ.

Гаррикъ (*сидитъ погруженный въ задумчивость; передъ нимъ развернутая газета*). Мерзавецъ! Рыжій кобольдъ! Нечесаный Калибанъ! Я узнаю тебя, я вытащу тебя за волосы на сцену, и выкину въ публику на копья почитателей Гаррика! Какъ у тебя мозгъ не изсохъ, когда ты задумалъ унизить меня... Меня? Главу искусства! Дуракъ ты, неучъ, развѣ я не знаю, кто я.... А ты тайный червь,— подлая моль! Ѣшь пыль! Вотъ твоя пища! (*взявъ газету, читаетъ*). «Барри далеко превзошолъ Гаррика нетолько въ этой «роли, но и во всѣхъ другихъ». Га! Превзошелъ Гаррика! Кто? Барри! Пошелъ ты вонъ, стану я читать пошлыя выходки подкупленнаго клеветника... (*бросаетъ газету*). Но въ самомъ дѣлѣ, кто ты, темный врагъ, кто ты ничтожный гномъ, признавайся!... Кольманъ? Быть не можетъ. Подлъ-то онъ подлъ, но не настолько... Фооте?... Какъ можно. Тотъ, если и совретъ, такъ остро... Когти видны... Бовель?... Нѣтъ, этотъ честнѣе ихъ всѣхъ!... Кто же ты? Слогъ школяра, которому задано на урокъ: разбранить Гаррика. (*Стучатся*).

Голосъ за дверьми. Мистеръ Гаррикъ! Герцогъ Ниверноа пожаловалъ!

Гаррикъ (*читаетъ*). «Всему свое время. Гаррикъ и самъ «понимаетъ, что онъ отжилъ, что искусство и слава его те«перь уже преданіе...»

Голосъ за дверьми. Мистеръ Гаррикъ, отворите!... Графъ Честерфильдъ, лордъ Литтльтонъ...

Гаррикъ. Ахъ ты выродокъ! (*топчетъ ногами газету*). Я отжилъ? Я—преданіе! Унизительно ремесло газетчика! Но оно больше унижаетъ публику, вѣкъ, святость искусства. Всякая дрянь можетъ писать, что угодно и безнаказанно. Это они называютъ литературой. Отчего же врачъ не смѣетъ лѣчить безъ диплома; а онъ лѣчитъ только тѣло; его рецепты спрятаны у аптекаря: убьетъ, судъ можетъ повѣрить... А писатели — врачуютъ душу... А гдѣ же ихъ дипломы?... Мальчишку выгнали за развратъ, за лѣность, за неспособность изъ коллегіи и онъ нанимается или улицы мести, или писать для журналовъ... Цѣлые фаланги этихъ тунеядцевъ осаждаютъ театръ. За актера никто не вступится, и вонъ что пишутъ, какія нелѣпости пускаютъ въ публику... За листъ десять шиллинговъ.....

Флора (*за дверьми*). Гаррикъ!

Гаррикъ. Голосъ жены!

Флора (*за дверьми*). Давидъ! Отвори, сдѣлай милость, это я, дѣло нужное....

Гаррикъ. Сейчасъ! (*подбираетъ и прячетъ газету въ карманъ; хватаетъ расходную книгу, перо и начинаетъ писать*).

Флора (*за дверьми*). Ахъ какой ты, право! Люди почтенные должны ждать...

Гаррикъ. Сейчасъ! (*отворяетъ двери и возвращается къ столу*).

Флора. Что съ тобою, Гаррикъ?...

Гаррикъ. Ты видишь сама! Записываю расходъ.... занятъ...

Флора. Есть чѣмъ! Какой нибудь журнальной клеветой пьянаго Мидльтона....

Гаррикъ. Такъ это Мидльтонъ, котораго я приказалъ вывести съ репетиціи.....

Флора. Такъ это въ самомъ дѣлѣ газета заставила тебя спрятаться отъ дѣлъ, отказаться отъ удовольствія принять у себя герцога Ниверноа, французскаго полномочнаго посла?..

Гаррикъ. Герцогъ былъ здѣсь?...

Флора. Пріѣзжалъ познакомиться съ Гаррикомъ.

Гаррикъ. Зачѣмъ же мнѣ не сказали?...

Флора. Говорили, кричали, но Гаррикъ былъ занятъ.... Читалъ газету, которой никто не читаетъ, даже самъ издатель....

Гаррикъ, Нѣтъ!... Право, Флора!... Пустяки, глупости, я самъ вижу... Но ты знаешь, часто невидимая мошка мѣшаетъ спать и льву...

Флора. И левъ бѣсится! И царь звѣрей похожъ на робкую бѣлку. Слава Богу, что графъ Честерфильдъ, лордъ Джорджъ Литтльтонъ не видали тебя въ эти постыдныя минуты....

Гаррикъ. Развѣ они...

Флора. Пріѣзжали вслѣдъ за герцогомъ! Опомнись, Гаррикъ! Право, мнѣ за тебя стыдно! Первые люди въ Англіи и за границей отдаютъ тебѣ честь, какой еще ни одинъ актеръ не достигалъ на этомъ свѣтѣ, называютъ тебя другомъ и на дѣлѣ доказываютъ дружбу, а ты...

Гаррикъ. Перестань, Флора! Перестань, душа моя! Мнѣ самому совѣстно, досадно, смѣшно.... Жаль! Я не видѣлъ благородныхъ друзей моихъ и почетнаго гостя.... Эта ехидна взбѣсила меня ...

Флора. Опять! Умоляю тебя, Гаррикъ, успокойся! Вооружись терпѣніемъ и хладнокровіемъ. Надо принять простыхъ людей...

Гаррикъ. Кого это?...

Флора. Страдфортскихъ гражданъ....

Гаррикъ. Имъ отъ меня что нужно?

Флора. Ахъ, какой ты несносный! Ну, хотятъ посмотрѣть, какъ Гаррикъ читаетъ лондонскія газеты и сознается въ своихъ небывалыхъ недостаткахъ изъ трусости.... Ну-тесь! Чтожъ, вы готовы принять депутацію?...

Гаррикъ. Депутацію.. .

Флора *(съ комическою важностью)*. Депутацію отъ города Страдфорта, родины Шекспира, къ лучшему истолкователю его твореній, Давиду Гаррику.... Прикажете?...

Гаррикъ *(съ важностью)*. Проси! *(Флора уходитъ)*. Какъ бы я желалъ, чтобы всѣ эти журнальные черви сидѣли

теперь на башмакахъ моихъ. Со злости они изгрызли бы мои подошвы.... (*Флора и Страдфортскіе граждане входятъ*). Добро-пожаловать, достопочтенные граждане незабвеннаго въ исторіи Англіи — Страдфорта. Тамъ родилось и взошло наше солнце.... Оно закатилось, но не перестанетъ освѣщать насъ во вѣки и вѣки.

Страдфортскій старшина. Достоуважаемый, высокоученый согражданинъ....

Гаррикъ. Я?... Нѣтъ, я не имѣлъ счастія родиться въ Страдфортѣ.... Я увидѣлъ свѣтъ въ Герфортѣ....

Старшина. Все равно! Теперь вы нашъ! Позвольте разсказать, какъ это случилось....

Гаррикъ. Не угодно ли присѣсть....

Старшина. Мы люди простые. Живемъ въ захолустьи. Но и до насъ дошло, что въ нашемъ городкѣ, между нами, жилъ когда-то великій человѣкъ, котораго уважаетъ вся Англія по сю и по ту сторону океана. Онъ умеръ давно, но до насъ дошло, что мистеръ Гаррикъ воскресилъ нашего умнаго старика, отчего его теперь еще пуще полюбили. Значитъ: вы оказали великую услугу нашему городу, значитъ — вы нашъ, родной.... Признательный Страдфортъ давно уже хотѣлъ искать чести — просить Гаррика принять наше гражданство.... Хотѣли, но колебались, потому что у насъ въ городѣ нѣтъ ни одного актера. Мы люди простые, но богобоязливые.... Печальный, горестный случай ускорилъ наше рѣшеніе....

Гаррикъ. Что случилось?...

Старшина. Великое несчастіе! Вы бывали въ Страдфортѣ?..

Гаррикъ. Странный вопросъ! Нѣсколько разъ! Я ходилъ на поклоненіе родинѣ моего идола.... Вотъ онъ самъ, всегда въ свѣжихъ лаврахъ... Вы видите, какъ я его чествую.... (*Страдфортскіе старшины встаютъ и кланяются бюсту*).

Старшина. Значитъ, вы помните домъ Шекспира и передъ домомъ роскошную шелковицу...

Грарикъ. О сколько разъ я отдыхалъ подъ этимъ зеленымъ шатромъ....

Старшина. Вѣдь ее посадилъ собственноручно самъ Уильямъ....

Гаррикъ. Знаю....

Старшина. Домъ продали....

Гаррикъ. Неужели? Ахъ, какъ жаль, что я не зналъ....

Старшина. Купилъ его чужой человѣкъ, да еще изъ ученыхъ! Злой человѣкъ; видно, на совѣсти у него было темно, а онъ вообразилъ, будто у него шелковица свѣтъ отымаетъ. Въ одно прекрасное утро, слышимъ, рубятъ.... Бѣжимъ, глядимъ, стонетъ бѣдное дерево, скрипитъ, валится, упало....

Гаррикъ. Несчастный! Что же вы сдѣлали съ этимъ невѣждой?...

Старшина. Поступили слишкомъ милостиво.... Выгнали вонъ изъ города, и постановили, нетолько его, но если кто имя его носить будетъ, и того не пускать въ Страдфортъ....

Гаррикъ. Конечно, милостиво! Ну, а гдѣ же дерево?...

Старшина. А дерево купилъ рѣзчикъ, сталъ дѣлать изъ него табакерки, ящики, всякую утварь.... Тутъ мы опомнились.... Намъ пришло на мысль, изъ нашего многоцѣннаго дерева сдѣлать вотъ этотъ ларецъ, положить въ него почетную грамоту на страдфортское гражданство и отвезти ее великому Гаррику....

Гаррикъ. Дорогіе сограждане! Я тронутъ до слезъ! Удостойте меня еще одной чести! Позвольте васъ обнять какъ слѣдуетъ меньшому, но признательному брату.... Такъ, друзья мои! Нѣтъ худа безъ добра.... шекспирова шелковица упала, но я изъ нея построю цѣлый театръ въ Страдфортѣ....

Старшина. Театръ!... Позвольте, позвольте! А не будетъ-ли это дѣломъ богопротивнымъ? Вѣдь это хорошо въ Лондонѣ, гдѣ есть и воры, и то и другое.... Но въ нашемъ тихомъ, честномъ Страдфортѣ.... Мы люди простые, но богобоязливые....

Гаррикъ. Самое приличное мѣсто для театра. Знаете-ли, что въ апрѣлѣ будущаго года истекаетъ второе столѣтіе со дня рожденія Уильяма Шекспира....

Старшина. Неужели онъ жилъ такъ давно? А мы этого и не знали!

Гаррикъ. Давно, а проживетъ еще больше! Я построю театръ на свой счетъ!...

Старшина. На свой счетъ!...

Гаррикъ. Я устрою самъ все торжество.... Вся Англія сойдется на этотъ праздникъ....

Старшина. Вся Англія!...

Гаррикъ. Не бойтесь! Я все улажу! Гдѣ вы сегодня обѣдаете? Милости просимъ къ намъ, запросто! За обѣдомъ потолкуемъ объ юбилеѣ и выпьемъ бутылку-другую добраго вина.

Всѣ трое. Страдфортскій гражданинъ! Страдфортское гостепріимство!

Гаррикъ. До свиданія!

Всѣ трое. Кланяемся и благодаримъ.... (*Старшина уходитъ, оставивъ ларецъ на столѣ*).

Флора. А что, Гаррикъ? Вотъ гдѣ слава! Простые люди считаютъ театръ дѣломъ богопротивнымъ, а уважаютъ и чествуютъ Шекспира и Гаррика.... Куда бы спрятать эту драгоцѣнность?...

Гаррикъ. Куда? Я поставлю ее у подножія моего идола, это ковчегъ моей славы и радости....

Флора. Только не прячь туда лондонскихъ газетъ....

Гаррикъ. Флора! Шутки твои отравляютъ радостнѣйшія минуты, а ихъ такъ не много! Довольно съ меня этой ежедневной грязи, и этой утоптать не могу....

Джемсъ. Мистеръ Гаррикъ!... Я пришелъ доложить вамъ о весьма важномъ обстоятельствѣ....

Гаррикъ. А! Наконецъ я поймалъ тебя! Сколько вчера горѣло свѣчъ въ корридорахъ театра?...

Джемсъ. Какъ сколько? По росписанію....

Гаррикъ. Врешь!

Джемсъ. Мистеръ Гаррикъ!...

Гаррикъ. Ложь, говорю тебѣ! Ты не воръ, но расточитель. Тебѣ что мой карманъ? ты его не жалѣешь! У Гаррика много денегъ! Да ты считалъ мою казну, что-ли?...

Джемсъ. Я, право, не понимаю....

Гаррикъ. А кто велѣлъ повѣсить двѣ свѣчи въ корридорѣ, что у оркестра....

Джемсъ. Такъ вотъ за что вы сердитесь? Всѣ просили, требовали. Томъ-Басъ два раза чуть не упалъ съ инструментомъ....

Гаррикъ. Да вѣдь не упалъ! Всѣ цѣлы, никто не разсшибся? Мотовство, расточительность! добро бы кто, а то сѣдой Эльфъ, котораго я считалъ вѣрнѣе собаки, благоразумнѣе кошки.... и тотъ жжетъ мои деньги для удовольствія слѣпыхъ музыкантовъ! И не слѣпы.... пьяны! Вѣрно и ты съ ними пьянствуешь!...

Джемсъ. Мистеръ Гаррикъ! Помилосердуйте!

Флора. Давидъ, не стыдно-ли?

Гаррикъ. Стыдно! Неблагородно! Подло! Вотъ тебѣ старый филинъ; хуже, сова, которую дурачитъ пьяный гудокъ!...

Флора. Гаррикъ! Я ухожу. Я не могу долѣе слышать этихъ несправедливыхъ ругательствъ.... Изъ за двухъ сальныхъ свѣчекъ ты готовъ насказать цѣлый коробъ брани, вытолкать, кого? — вѣрнаго Джемса, который....

Джемсъ. Который двадцать лѣтъ только и думалъ о пользахъ своего принципала. Ну, вычтите эти двѣ несчастныя свѣчи изъ моего жалованья.... Только не сердитесь. Я узналъ важную новость; бѣгу разсказать ее Гаррику.... а у Гаррика въ глазахъ — двѣ свѣчки, въ ушахъ — двѣ свѣчки, на умѣ — двѣ свѣчки.... Ну, иллюминація!...

Гаррикъ. Джемсъ, руку!...

Джемсъ. Да куда я дѣну пьянаго филина, сову и проч. и проч....

Гаррикъ. Ну, я самъ пьяный филинъ.... самъ сова.... Руку, Джемсъ!

Джемсъ. Я не злопамятенъ. Вѣдь это не въ первый и не въ послѣдній разъ. Впрочемъ, такъ скоро я не помирился бы, еслибы не новость....

Гаррикъ. Что тамъ? Не мучь, Джемсъ! Говори на-прямки, на-отрѣзъ. Кто сподличалъ?...

Джемсъ. Напротивъ! Вамъ долженъ купецъ Перигофъ?

Гаррикъ. Тебѣ какое дѣло?...

Джемсъ. Долженъ! Только не знаю сколько.

Гаррикъ. Ну, 500 фунтовъ. Да вѣдь онъ разорился....

Джемсъ. Сегодня встаетъ на ноги. Друзья выручаютъ его....

Гаррикъ. Знатно! Великолѣпно!

Джемсъ. Сегодня они даютъ обѣдъ Перигофу и платятъ всѣ его долги...

Гаррикъ. Восхитительно!

Джемсъ. Не правда-ли, важная, пріятная новость... Ваши деньги не пропали.

Гаррикъ. Весьма пріятная! Значитъ, люди еще не такъ гадки. Перигофъ — благородный, честный человѣкъ.... Чѣмъ онъ виноватъ. Два огромные пакгауза съ товарами сгорѣли. Кто этакъ не обанкрутится.... Молодцы друзья! Заплатятъ! Но кредиторы — ограбятъ-ли Перигофа, возьмутъ ли деньги, которыя могли бы дать новую жизнь его честной торговлѣ. Нѣтъ, надо подать примѣръ. Авось, найдутся подражатели.... (*Вынимаетъ изъ конторки вексель и подаетъ Джемсу*). На, Джемсъ, ступай на обѣдъ, славно покушаешь! Вексель отдай Перигофу и скажи ему отъ меня: за веселымъ обѣдомъ вѣроятно будетъ и потѣшный огонь; я прошу въ тотъ огонь бросить и эту бумажку! Пусть будетъ и моя капля въ общемъ торжествѣ....

Флора. Поцѣлуй меня, Давидъ! Вотъ это по-гарриковски, а то бѣснуется за сальную свѣчку....

Гаррикъ. Не скупость, не скряжничество, а бережливость, Флора, — мать богатства.... Я это доказалъ на дѣлѣ... Ступай, Джемсъ! Не-то опоздаешь!...

Джемсъ. Гаррикъ! Еще два слова. У васъ теперь семь бѣдныхъ пенсіонеровъ, которымъ каждый мѣсяцъ вы раздаете пособіе....

Гаррикъ. Не правда! Двѣнадцать! Комплектъ.... Больше ни шиллинга!

Флора. Жаль! Я знаю, о комъ хочетъ доложить Джемсъ. Ступайте, добрый другъ, къ Перигофу, а то видите, онъ начинаетъ уже сердиться.... (*Джемсъ уходитъ*). Я буду за него докладчицей.... Вдова твоего стараго наставника....

Гаррикъ. Знаю, знаю! Помню! Я передъ нею кругомъ виноватъ.... Я обѣщалъ заѣхать, но мнѣ мѣшали....

Флора. А вдова между тѣмъ въ совершенной крайности....

Гаррикъ. Не упрекай меня, Флора. Ну, каюсь, виноватъ! Не знаю только, что ей дать....

Флора. Да хоть пару гиней....

Гаррикъ. Пару гиней! Ну, хорошо, Флора! Прикажи заложить лошадей.... я самъ поѣду.... Кстати, мнѣ нужно освѣжиться....

Флора. Добрый Давидъ! Позволь и мнѣ съ тобой....

Гаррикъ. О! Съ удовольствіемъ.... Бѣги же, Флора!... (*Флора уходитъ*). Пару гиней! Больная, разслабленная, надолго ихъ станетъ?... Ну, на-угадъ, что вынется.... (*зажмурясь, протягиваетъ руку въ конторку и вынимаетъ деньги.*) 30 фунтовъ.... Какъ разъ! Видно, судьба умнѣе Гаррика.... Чудесно! Ѣдемъ! Фу! Какой веселый день! Конечно.... эта проклятая газета будто змѣя въ карманѣ шипитъ.... (*разрываетъ*). Двѣ свѣчки — такъ въ глазахъ и свѣтятся.... Скорѣе на воздухъ.... Ба! (*входитъ Перси*). Перси!... Ну, вѣнчайте радостный день сладчайшею вѣстью.... Скажите, что Лила?...

Перси. Я только что пришелъ! Не видалъ больной!...

Гаррикъ. Однакожъ, какъ вы думаете? Есть надежда? Вы не смотрите на меня съ такимъ удивленіемъ. Я поблѣднѣлъ. Это такъ. Я усталъ. Меня сегодня всѣ мучили....

Перси. А ваша нога?...

Гаррикъ. Я не успѣлъ о ней и вспомнить. Да что моя нога! Стоитъ ли говорить объ этомъ. Скажите, что Лила?...

Перси. Вчера была хороша, а сегодня....

Гаррикъ. Благодарный другъ! Вы не употребите во зло моей довѣренности? Нѣтъ? Я долженъ вамъ сказать... Вы поймете весь страхъ мой!... Я вамъ довѣрилъ, Перси... Боюсь сказать... я вамъ довѣрилъ въ Лилѣ себя самого, жизнь мою!... Не подумайте, Перси, чего нибудь! Есть такія странныя безотчетныя привязанности... Вѣдь есть, Перси, бываетъ, случается?...

(*Тотъ киваетъ головой*).

Робертъ (*въ дверяхъ*). Мистрисъ Гаррикъ ожидаетъ въ экипажѣ....

Гаррикъ (*обнимая Перси и зажимая ему ротъ*) Тсъ! Перси! Не измѣните! До свиданія!

(*проходя мимо Роберта*).

Робертъ, доложи миссъ Малетъ, что докторъ пожаловалъ (*возвращается*).

Перси! Не мало дней прошло въ мучительной неизвѣстности.... а Лилѣ все не лучше!.. Пожалѣйте бѣднаго Гаррика! Другъ! Заклинаю васъ!...

Флора (*въ дверяхъ*). Давидъ, что же такъ долго? Ужъ не припадокъ ли опять?

Гаррикъ (*мгновенно измѣняясь въ слабаго больнаго*). Ты угадала! Флора! Поблагодари нашего друга. Просто чародѣй! Въ одну минуту какъ рукой снялъ боль нестерпимую... Такъ и вы совѣтуете прогуляться?...

Перси. Да, не мѣшаетъ!

Гаррикъ. Благодарю васъ! Отъ души благодарю... (*уходитъ съ Флорой*).

Перси (*одинъ*). Не за что! Вотъ я тебя долженъ благодарить. Нечего сказать, пріятное открытіе! Гаррикъ ни меньше ни больше влюбленъ въ Лилу по-уши; неужели она этого не замѣтила? Быть не можетъ! Для женскаго тщеславія міръ тѣсенъ... Теперь я понимаю, отчего она все откладывала, не допустила меня до рѣшительнаго объясненія... Старикъ, подагрикъ, такъ—но этотъ старикъ—Гаррикъ, знаменитый, прославленный....

Лила (*вбѣжавъ, оглядывается*). Перси! Вы одни! Ахъ какъ я рада! А то нашей бесѣдѣ всегда кто нибудь да мѣшаетъ...

Перси (*мрачно*). И больше всѣхъ, я думаю, Гаррикъ....

Лила. Я васъ не понимаю!...

Перси. А я такъ теперь все понимаю.

Лила. Что съ вами? Вы кажется сегодня не въ духѣ?

Перси. Да! Грустно! Досадно! Я не могу помочь, а между тѣмъ болѣзнь Гаррика принимаетъ опасный видъ...

Лила. Неужели?...

Перси. Тайная страсть ѣстъ его и увеличиваетъ опасность...

Лила. Что вы говорите? Тайная страсть! Ахъ какiе ужасы. Я этого не ожидала отъ Гаррика.

Перси. Право!

Лила. Да какая же это страсть? Игра, что-ли?

Перси. Игра! Игра въ дѣвичье сердце....

Лила. Полноте! Съ чего вы это взяли! Я каждый день съ нимъ, и могла бы, кажется, замѣтить....

Перси. Гаррикъ правъ! Вы будете генiальной актрисой..

Лила. На этотъ разъ онъ жестоко ошибся. Мнѣ жаль его; я истощила всѣ средства, чтобы спастись отъ сцены.... Ни что не помогло. Я выдумала болѣзнь, но, Перси, пора намъ выздоровѣть...

Перси (*радостно*). Пора, Лила! Пора положить конецъ этимъ глупостямъ.... Быть или не быть! Это выраженiе тутъ въ модѣ.

Лила. Быть, Перси! Половина дѣла уже сдѣлано. Я призналась во всемъ мистрисъ Гаррикъ.. .

Перси. Вы, Лила! Вы сказали.... (*Гаррикъ входитъ*).

Лила. Всё! Какъ еще въ домѣ отца моего мы полюбили другъ друга. Какъ отецъ неожиданно въ Парижѣ отослалъ меня въ ихъ домъ... И я, и вы, какъ мы мучились неизвѣстностью. Самъ Богъ насъ свелъ невидимыми путями. Это уже небесная воля! Теперь извините!... Долѣе я не въ силахъ притворяться. Я люблю Перси....

Гаррикъ. Вотъ попался, старый дуракъ! И я не могъ догадаться!

Перси. Нѣтъ, Лила! Мнѣ показалось! То былъ сонъ! Тяжкiй, мучительный... Но я проснулся... Мнѣ совѣстно, мнѣ стыдно! Прости, Лила, и не допрашивай...

Лила. Вотъ что? Ревность! Къ кому же вы меня ревновали?

Перси (*бросается на колѣна*). Лила! Прости!

Лила, За что это?...

Перси. Не спрашивай! Кто любитъ, тотъ всему вѣритъ...

Лила. Значитъ, не у одного Гаррика, и у насъ есть завистники...

Гаррикъ. Довольно, чортъ возьми! Черезчуръ довольно! (*бросается на нихъ и останавливается*). Браво! Браво! Отлично сыграно, а изъ какой это пьесы? Я что-то не помню.

Лила. Ахъ, папаша! Вы тутъ! Тѣмъ лучше! Это изъ нашей собственной пьесы! Драма наша приходитъ къ развязкѣ...

Гаррикъ (*взявъ ее за руку и отводя въ сторону*). Вы угадали! Вы сыграли вашу роль превосходно! Но уйдите на время! Дайте мнѣ поговорить съ мистеръ Перси, какъ слѣдуетъ, какъ требуютъ приличія... Понимаете?..

Лила. Понимаю, дорогой папаша! Вы не захотите несчастія вашей Лилѣ... До свиданія, Перси!...

Гаррикъ (*глядя вслѣдъ Лилѣ*). Больна! Хуже чѣмъ была! Гораздо хуже! И это ваши лекарства, мистеръ Перси! Благодарю васъ! Послѣ этого опыта я не нуждаюсь въ вашихъ услугахъ... Позвольте вручить вамъ дань моей признательности... (*вынимаетъ кошелёкъ и отсчитываетъ деньги*).

Перси. Напрасно, мистеръ Гаррикъ! Вы отъ меня не отдѣлаетесь оскорбительной шуткой! Я люблю миссъ Лилу!.

Гаррикъ. Ни мало не удивляюсь. Она того стоитъ. Но удивляюсь Лекену. Не должно писать такъ утвердительно, за себя ручаться нельзя такъ положительно... Обмануть Гаррика не трудно, потому что этотъ глупый актеръ хоть изрѣдка, а все-таки вѣритъ въ честность...

Перси. Тьфу ты дьявольщина! Что же вы этимъ хотите сказать?...

Гаррикъ. О, какъ вы не догадливы! А дѣло слишкомъ просто. Что дѣлаютъ съ тѣми, которые употребляютъ во зло наше довѣріе, гостепріимство? Передъ ихъ безстыднымъ носомъ запираютъ двери... Поняли?.. Такъ прощайте!...

Перси. Нѣтъ, это уже слишкомъ! Еще въ домѣ Малета я полюбилъ Лилу, она полюбила меня; я прихожу просить ея руки...

Гаррикъ. И вамъ отказываютъ наотрѣзъ.

Перси. Потому что Гаррикъ самъ неравнодушенъ къ

своей воспитанницѣ и представляетъ комедію стараго опекуна...

Гаррикъ. Который выталкиваетъ изъ дому подлаго подлипалу. Вонъ изъ моего дома! Ваша нога здѣсь не будетъ..

Перси. Будетъ, на зло вамъ, будетъ!...

Гаррикъ. А! Вы затѣваете похищеніе, насильство! Браво, Лекенъ! Покровитель воровъ и соблазнителей!... Ну, да хорошо! Я буду готовъ къ приступу, а пока не угодно ли вонъ и ни ногой сюда больше...

Перси. Вздоръ! Сами позовете!..

Гаррикъ. Я?... Да это презабавно!...

Перси. Когда отчаянье станетъ мучить Лилу, когда подагра, какъ лютый тигръ, вопьется въ вашу ногу...

Гаррикъ. Умру, не позову! Скорѣе повѣшусь, а не позову...

Перси. Объ закладъ, что позовете!..

Гаррикъ. Объ закладъ! Да это уморительно! Чтобы я самъ позвалъ тебя, тайнаго соблазнителя, ночнаго вора, я, Гаррикъ?..

Перси. Вы! Гаррикъ! Когда опомнитесь, когда поймете, какъ смѣшна ваша неумѣстная любовь, какъ отвратительно ваше тиранство, какъ грѣшна, какъ преступна ваша нелѣпая страсть...

Гаррикъ. Да ступай ты къ чорту, пока твои кости цѣлы и дожидайся тамъ въ преисподней, пока я позову на помощь дьявола...

Перси. Хорошо! Ну, а если позовете, что тогда будетъ, Гаррикъ?...

Гаррикъ. Ну, ужъ тогда женись хоть на моей женѣ...

Перси. Да! Теперь такъ, а случится, отречется....

Гаррикъ. Я не Перси, я не Лекенъ, я не ночной воръ, не разбойникъ на большой дорогѣ. Слово мое свято! Сказано и конецъ! А теперь вонъ! Уходи же вонъ! А не то...

Перси. Иду! Съ бѣшенымъ не сладишь. Но, до свиданія, мистеръ Гаррикъ!..

Гаррикъ. И на томъ свѣтѣ этого не будетъ! Вонъ!...

(*Занавѣсъ опускается*).

АКТЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

(Улица въ деревнѣ Гамптонъ. На стѣнѣ угловаго дома большими буквами написано: «Врачъ для бѣдныхъ.» Ворота и окна всѣхъ домовъ убраны зеленью. По всей улицѣ метутъ и убираютъ).

(*Перси и Джонъ, навеселѣ, выходятъ изъ угловаго дома*).

Джонъ. Позвольте васъ обнять, г. докторъ!

Перси. Сдѣлай милость, не трудись! Не стоитъ такой чувствительной благодарности....

Джонъ. Понимаю, понимаю! Врачъ для бѣдныхъ, значитъ врачъ для бѣдныхъ, а Джонъ, слава Богу, не бѣденъ. А почемъ вы берете за зубъ?...

Перси. Ничего не беру....

Джонъ. Это ужъ черезчуръ дешево. Два шиллинга — будетъ, не обидно!...

Перси. Отвяжись, любезный Джонъ! Говорятъ тебѣ, ничего не беру....

Джонъ. Значитъ мало? Можно и три дать. Проклятый, болѣлъ ужасно....

Перси. Возьми ты лучше эти три шиллинга и выполощи ротъ добрымъ портеромъ....

Джонъ. Тсъ! Нельзя! Я и то уже лѣчился, лѣчился, такъ что мистеръ Гаррикъ замѣтилъ.

Перси. Гаррикъ?!

Джонъ. Тсъ! Прозорливѣйшій мужъ въ цѣлой Англіи... Только взглянулъ, тотчасъ угадалъ. Джонъ—ты пьянъ! Никакъ нѣтъ, это зубъ.... — Какой зубъ? Да отъ тебя несетъ водкой. — Никакъ нѣтъ, это зубъ! Боль нестерпимая, такъ вотъ я и прополаскивалъ. — Не поможетъ! Поди лучше и вырви. Вотъ я пошелъ и вырвалъ, т. е. вы, г. докторъ, искуснѣйшій мужъ въ цѣлой Англіи. Позвольте васъ обнять и презентовать три шиллинга....

Перси. Не надо, не надо! Такъ значитъ Гаррикъ пріѣхалъ въ Гамптонъ?...

Джонъ. Вчера, подъ вечеръ, да это кажется ясно. Кто не слѣпъ, догадается. Что, вы развѣ не видите?...

Перси. Что же тутъ? Зелень, цвѣты.

Джонъ. Да-съ! Деревня празднуетъ пріѣздъ Гаррика. Вѣдь это имъ не сосѣдъ, а отецъ. Понимаете? Всѣхъ дѣтей перекрестилъ, всѣхъ стариковъ перехоронилъ, всѣмъ дочкамъ далъ приданое. Только мнѣ бѣда съ нимъ какъ пріѣдетъ; не смѣй Джонъ никуда отъ воротъ; ни капли въ ротъ до вечера! А? Шутка! До вечера! — Ну, да на этотъ разъ и я доволенъ что пожаловалъ. Пусть самъ за этой козой смотритъ....

Перси. За козой?

Джонъ. Хуже! Видали вы, какъ артиллеристы шутихи пускаютъ.... Тутъ прыгъ, тамъ скокъ.... не поймаешь.... Ну, вотъ вамъ миссъ Лила!...

Перси. Такъ и есть!

Джонъ. Это не дѣвушка: — это чертенокъ въ юбкѣ! Ей Богу! Не вѣрите? Спросите у Джемса, у Гертруды.... Просто, мы изъ силъ выбились.... Двѣ недѣли день и ночь на сторожѣ..., а все-таки не усмотрѣли. Гертруда говоритъ, что она сама видѣла, какъ чертенокъ нашъ съ чужимъ чортомъ черезъ заборъ разговаривалъ....

Перси. (*про себя*) Такъ и есть! Мы открыты!

Джонъ. Ну, да чортъ ли онъ, или кто другой, я капканы разставилъ, здоровое бревно приготовилъ. При первой оказіи ноги переломаю.... Позвольте васъ обнять, г. докторъ, презентовать три шиллинга и откланяться, а то мистеръ Гаррикъ можетъ обидѣться....

Перси. Убирайся къ чорту!

Джонъ. Обижаетесь, благороднѣйшій мужъ! Даромъ помогать человѣчеству—глупо, но красиво. Послѣ м. Гаррика я еще перваго васъ вижу съ такою болѣзнью....

Перси. Любезный Джонъ! Гаррикъ можетъ обидѣться.... Онъ ждетъ тебя....

Джонъ. Ваша правда! И дворъ сегодня еще не выметенъ! Вотъ три шиллинга! (*кладетъ деньги на окошко*). А ду-

шевную мою благодарность я уношу съ собой.... Ворочусь съ ней на-досугѣ.... До свиданія!... (*уходитъ*).

Перси. Вотъ какъ! Мы открыты, Гаррику дали знать, онъ пріѣхалъ.... Все погибло.... Теперь надо быть осторожнымъ.... Прятаться... Можетъ быть обойдется, можетъ быть Лила останется въ Гамптонѣ.... Любовь одолѣетъ сомнѣнія. Она согласится бѣжать со мной, другаго средства нѣтъ.... Идутъ. (*Прячется за уголъ дома. Лекенъ и Дмитревскій входятъ*).

Лекенъ. Это ни на что не похоже! Деревня—такая богатая, а дорога просто—адъ... Хорошо еще, что кости цѣлы...

Дмитревскій. Цѣлы, но бока болятъ.... И далеко ли до этого заколдованнаго Гамптона?...

Лекенъ. А вотъ распросимъ....

Перси (*не видя Дмитревскаго*). Страшно! Право, страшно! Ужъ не переодѣтый ли это Гаррикъ?... Отъ него станется!... (*Увидавъ Дмитревскаго*). Боже мой, да это тотъ молодой человѣкъ, что провожалъ меня изъ Парижа! Ну, ужъ двухъ лицъ одинъ не представитъ. (*Выходитъ на улицу*).

Лекенъ. Кого бы спросить?...

Перси. Меня, г. Лекенъ!...

Лекенъ. Перси! Какими судьбами?...

Перси. Объ этомъ васъ надо спросить, г. Лекенъ! Какъ вы попали въ Англію!... И пѣшкомъ....

Лекенъ. Все это черезчуръ просто. Мы поѣхали въ Англію посмотрѣть Гаррика. Пріѣзжаемъ въ Лондонъ, отправляемся въ Адельфи.—Дома Гаррикъ?—Дома.—Доложите! Слуга возвращается смущенный, испуганный. Что такое?—Извините, я васъ обманулъ.... Мистеръ Гаррикъ съ супругой уѣхали. — Куда? — Право, не знаю. — Я заѣду черезъ часъ. — Извините, они уѣхали изъ Лондона.... — Какъ изъ Лондона?... — Въ деревню. — Странно! Мы отправляемся къ мадамъ Клайвъ. Тутъ узнаемъ, что Гаррикъ, когда мы приходили, былъ дома, но черезъ четверть часа дѣйствительно уѣхалъ въ свой Гамптонъ. Странно!... забавно!—Ну, да можетъ быть были свои причины; но вѣдь и мы не даромъ же болтались по морю; вытерпѣли бурю, насилу доѣхали; наша цѣль—Гаррикъ. Не уйдетъ отъ насъ. Мы провели ве-

черъ въ театрѣ. Играли порядочно, особенно Барри и Клайвъ, а утромъ взяли какого-то дряннаго извощика, поѣхали и не доѣхали.

Перси. Неужели пѣшкомъ?

Лекенъ. Да, около полумили отсюда — ось пополамъ, и мы, точно вьючные ослы, сами дотащили нашу поклажу. Вотъ ужъ истинно кочующіе актеры! Посмотрите на Жана! Ха, ха, ха! Весь въ грязи!

Дмитревскій. Утѣшьтесь, г. Лекенъ! У васъ на спинѣ карта Европы!

Лекенъ. Презабавно, пресмѣшно! Но какъ мы доберемся до этого Гамптона?...

Перси. Да вы уже на мѣстѣ. Это Гамптонъ.

Лекенъ. Такъ здѣсь живетъ Гаррикъ, въ этой деревушкѣ?...

Перси. Четверть часа ходьбы до его воротъ....

Дмитревскій. Наконецъ! Пойдемте, г. Лекенъ....

Лекенъ. Такими пѣгими! Да онъ насъ приметъ за бродягъ. Нѣтъ, надо гдѣ-нибудь переодѣться....

Перси. Не угодно ли вотъ въ моемъ домѣ?..

Лекенъ. Что такое? Вы здѣшній житель!

Перси. Точно такъ!

Дмитревскій. Знаменитый Перси, другъ и докторъ дофина — деревенскимъ врачемъ!!...

Перси. Точно такъ! — И совершенно счастливъ!

Лекенъ. Вы шутите!

Перси. Какія шутки! Я искалъ ее въ Парижѣ, а она давно уже была въ Лондонѣ....

Лекенъ. Ваша Клоринда!

Перси. Моя несравненная Лила!

Лекенъ. Лила Малетъ! Зачѣмъ же вы мнѣ тогда же не сказали. Я зналъ объ этомъ благодѣяніи Гаррика....

Перси. Благодѣяніе! Она въ заточеніи! Ее сослали въ Гамптонъ; ее стерегутъ три аргуса: старый Джемсъ, пьяный Джонъ и сварливая Гертруда!

Лекенъ. Я ничего не понимаю!...

Перси. И не удивительно. Длинная исторія! Пойдемте

ко мнѣ! Пока вы будете переодѣваться, я вамъ все разскажу....

Лекенъ. Престранно! Презабавно!

Перси. Кому смѣхъ, кому слезы....

Дмитревскій. Если такъ, пусть лучше плачетъ Гаррикъ.

Перси. Добрый Жанъ, простите, что такъ называю! Да, приходится пить горькую чашу!... Милости просимъ!

(*Лекенъ уходитъ въ домъ Перси*).

Дмитревскій. Э, полноте! Медъ супружеской жизни! Не угодно ли!...

Перси. Вы гость, я — хозяинъ!... Пожалуйте!...

(*Уходятъ туда же*).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

(Поляна съ двумя куртинами передъ домомъ Гаррика въ Гамптонѣ. Ворота отперты; за ними видѣнъ дворъ и домъ. Передъ куртинами скамейки. У воротъ одна башенка съ набатнымъ колоколомъ, а другая надъ окномъ привратника Джона).

Лила (*одна, съ книгой въ рукѣ*). Зачѣмъ онъ пріѣхалъ? Зачѣмъ оставилъ Дрѣриленъ, когда новая пьеса Кольмана идетъ такъ удачно. Лила задушила въ немъ корысть.... Печальная побѣда! Гаррикъ любитъ Лилу ... а Лила?... О, Боже мой, Боже! Кого я должна ненавидѣть? Кому любила поклоняться, кого съ гордостью смѣла считать другомъ, называть отцемъ.... И вдругъ — занавѣсъ упалъ.... маска свалилась.... Передо мной сказочный колдунъ! Онъ держитъ свою жертву въ заколдованномъ замкѣ, подъ стражей кобольдовъ и вѣдьмъ.... Бѣжать?... Да развѣ онъ признался въ преступной страсти? Развѣ обнаружилъ подлыя намѣренія? Все это разсказываетъ Перси.... А любовь и ревность—близнецы!... Все это ему показалось.... Онъ какъ нибудь оскорбилъ Гаррика, вотъ и все тутъ.... Покорность, терпѣніе — свое возьмутъ.... А если?...

(*Лила задумывается, сидя на скамейкѣ передъ куртиной*).

Гаррикъ (*издали наблюдавшій за Лилой, крадется къ ней, безпрестанно останавливаясь*). Тьфу! Душно! Какъ бы я же-

лалъ, чтобы пьяный Джонъ ошибся, принялъ меня за тайнаго врага и отподчивалъ полѣномъ!... Ужасъ, какъ стыдно! Гертруда, гдѣ ты? Зачѣмъ торчишь въ окнѣ и держишь по пустякамъ ведро съ водой! Вылей на мою голову, окати меня.... Не Перси! Нѣтъ! Я—воръ!... Стой, не могу, задохнусь.... (*Оправясь*). Книга въ рукахъ, а не читается.... Глаза тамъ, у Бога.... Она жалуется на меня!... Товарищъ, Эдуардъ! Не слушай! Не правда!... Нѣтъ, правда! (*Оглядывается*). Кто тамъ?... А что, если Флора?... Бѣдная Флора! Послѣ семнадцати лѣтъ блаженства.... Гаррикъ... неблагодарный Гаррикъ.... подлый Гаррикъ.... — Все знаю.... — Ну, что-жъ? — Казните меня всенародно! Виноватъ, а какъ пьяница — отстать не могу.... (*Глядя на Лилу, уже близко*). Да поглядите сами на нее! Скажите: правъ ли я, или нѣтъ? Какъ хороша и какъ печальна. Значитъ и ангелы причастны земному горю. (*Нѣжно*). Милая Лила, что съ тобою?...

Лила. Ахъ, это вы папаша? Какъ я рада!

Гаррикъ. Будто?

Лила. И одни! Превосходно! Я все искала случая объясниться съ вами наединѣ!

Гаррикъ (*страстно*). Право? Ахъ, Лила, я всегда васъ слушаю съ восхищеніемъ. Голосъ вашъ звучитъ такъ сладостно, слово ваше такъ кругло, полно, выразительно; мысли....

Лила. Ну, ужъ куда мнѣ до мыслей! Я ужасно глупа; вотъ и теперь никакъ не могу разобрать, зачѣмъ вы услали меня въ этотъ скучный Гамптонъ...

Гаррикъ. Гамптонъ—скучный! Лорды мнѣ завидуютъ...

Лила. Есть чему! Я схожу съ ума отъ тоски; на меня находитъ столбнякъ; часто по цѣлымъ часамъ стою будто каменная; ни одной мысли, никакого ощущенія, а слезы льются ручьемъ.

Гаррикъ. Лила! Милая Лила! Несравненная Лила! Не обвиняй меня! Не спрашивай, Лила; я не могу сказать, я не скажу, Лила, не оскорблю твоей скромности.... Мнѣ ничего не нужно!..

Лила. Я васъ не понимаю, папаша!

Гаррикъ. Благодарю, Лила, отъ души благодарю! Не по-

нимай! Не нужно! Я ничего не ищу. Я хочу, чтобы Лила была всегда при мнѣ... Мнѣ нуженъ твой взглядъ, твоя милая рѣчь, твое дѣтское, рѣзвое веселье... (*Лила задумывается*). Могу ли я отдать мое сокровище какому нибудь цирюльнику? Лила, повѣрь мнѣ, онъ околдовалъ тебя; какіе нибудь порошки, элексиръ, духи... что нибудь въ этомъ родѣ... Но такъ, естественнымъ порядкомъ, не могла же моя Лила, свѣтъ очей моихъ, небо думъ Гаррика—полюбить этого гладкаго, вертляваго французскаго людомора... Нѣтъ, Лила, не отдамъ тебя! Я тебяв ылечу отъ проклятыхъ чаръ! Напрасны всѣ французскія хитрости... Онъ выписалъ на помощь Лекена; сватъ уже былъ у меня въ Лондонѣ... я ушелъ, Лила! Я спрятался! Не найдутъ, не поймаютъ! Даромъ деньги проѣздилъ! Воротится съ носомъ! Не мѣшайся въ дѣла сердечныя!...

Лила (*въ сторону*). Я дрожу отъ страха! Кругомъ никого! Перси правъ! Я погибла, если не съумѣю вынырнуть изъ пропасти...

Гаррикъ. Ты молчишь, Лила!

Лила. Что, папаша! Извините меня, я такъ задумалась, ничего не слыхала. Да! Вы говорили про уединеніе!... Ваша правда! Въ моей болѣзни оно необходимо... Мнѣ передъ вами стыдно, папаша, что ваша Лила могла скучать, гдѣ бы то ни было. Даю вамъ слово, этого больше не будетъ!.. Мнѣ совѣстно, папаша, что болѣзнь моя такъ сильно васъ безпокоитъ, заставляетъ бросать дѣла, Лондонъ...

Гаррикъ. Нѣтъ, Лила, нѣтъ! Да развѣ-жъ я не сказалъ тебѣ... Я убѣжалъ отъ докучнаго свата, отъ Лекена...

Лила. Отъ Лекена! А! Помню, помню! Отецъ его хвалилъ; хорошій актеръ. Ахъ, папаша, у меня что-то голова кружится. Позвольте, я пойду въ паркъ, побѣгаю... (*быстро уходитъ*).

Гаррикъ. Хамелеонъ! Я ее не понимаю! Еслибы мнѣ пришлось играть этотъ характеръ, я сталъ бы въ тупикъ. Гаррикъ! бѣдный Гаррикъ! Плохо идутъ твои дѣла! Я и самъ не знаю, гдѣ я теперь; стою на перепутьи—куда итти незнаю,—спросить не смѣю. (*Слѣпой скрипачъ и Эди мальчикъ, проходятъ черезъ сцену*).

Эди. А что, дѣдушка, не устали?...

Скрипачъ. Плохо, Эди, плохо! Ноги нейдутъ!... Что, далеко до Гамптона?..

Эди. Да мы уже въ паркѣ, что между деревней и домомъ Гаррика!

Скрипачъ. Домъ Гаррика! Гдѣ онъ, гдѣ онъ, дитя мое?

Эди. Вотъ тутъ направо!...

Скрипачъ. Далеко отъ насъ?..

Эди. Мы у самыхъ воротъ.

Скрипачъ. Эди, Эди, посади меня поближе къ этому дому; дай скрипку; какое счастіе! я засну сегодня утѣшенный съ гордостью; я игралъ подъ окнами великаго Гаррика. Вотъ, дитя мое, заиграю!...

Эди. Что съ тобой, дѣдушка?..

Скрипачъ. Ничего, дитя мое, руки дрожатъ! Вѣдь не свой братъ, играть на дрянной скрипицѣ подъ окнами того, кто играетъ въ совершенствѣ на всѣхъ безчисленныхъ струнахъ божественнаго инструмента, который немузыканты зовутъ человѣкомъ. Да здравствуетъ славный, знаменитый Гаррикъ! Смѣлѣй! (*начинаетъ съ этими словами сильнымъ аккордомъ Largo maestoso*).

Гаррикъ (*вскакиваетъ*)

Вотъ это такъ! Вотъ истинная слава!
Когда народъ, тамъ, въ темнотѣ, внизу,
Гдѣ лести нѣтъ, корыстнаго расчета,
Нѣтъ знатоковъ, невѣждъ въ ученой маскѣ,
Когда туда пройдетъ съ почетомъ имя,
Во всѣ уста вопьется какъ піявка,
И къ каждой памяти прилипнетъ плотно....
Не оторвешь! Вотъ это слава.... Гаррикъ!...
И ты достигъ до крайняго предѣла!..
Вѣдь это, другъ, твоя апоѳеоза....
Ты въ облакахъ, въ сіяніи—а тамъ
Гимнъ цѣлой Англіи—скрипачъ играетъ!....

И какъ играетъ!—Чудное искуство!
Я понимаю живопись, стихи;
Я знаю, гдѣ ихъ гнѣзда на землѣ;
Я разумѣю ихъ составъ и свойства....

Гдѣ-жъ ваша родина, святые звуки?
Гдѣ ваша плоть, въ чемъ ваше существо?
Ревъ бури, вѣтра свистъ, раскаты грома —
Не музыка! Такъ гдѣ-жъ, святые звуки,
Вашъ домъ?- Не на землѣ, не на землѣ!...

Поэтъ вѣнчаетъ лавромъ кровопійцу;
Подноситъ чистый миртъ любви кокеткѣ
И золоченымъ идоламъ кадитъ...
Уродливую бабу живописецъ
Въ красавицу, въ Венеру превращаетъ....
А музыка—правдивое искуство....
Одно не льститъ, и не умѣетъ льстить....

(*Музыкантъ переходитъ въ Allegro.*)

Зачѣмъ? Постой! Святые звуки
Лились такъ плавно, широко....
Я позабылъ земныя муки....
Мнѣ было сладостно, легко....

И вдругъ коварно и лукаво
Смѣются звуки надо мной,
И будятъ Флору, Лилу, славу,
Всю жизнь мою, мой адъ земной!

Мнѣ нужно плакать,—тамъ смѣются!
Хочу молиться, не даютъ;
Упрекомъ тайнымъ раздаются....
Замучатъ Гаррика, убьютъ....
Стой!... Не могу!... Довольно! На! Благодарю!...

Скрипачъ. Дитя мое! Кто это кричитъ, будто хозяинъ...

Эди. Господинъ какой-то! Подалъ...

Скрипачъ. Я игралъ не для него! Я игралъ безъ платы, въ честь Гаррика....

Эди. Что, дѣдушка, на это смотрѣть; видно, понравилось. Подалъ цѣлую гинею!...

Скрипачъ. Гинею! Эди! Гдѣ онъ, Эди! Заговори съ нимъ! Я видѣлъ, я слышалъ его! Я узнаю по голосу...

Гаррикъ. Боже мой, она возвращается и также задум-

чива! Ей скучно! Въ самомъ дѣлѣ... все ольхи да березы, сосны да елки... Природа обновляется, но лѣниво... Вотъ что! И какъ кстати... Музыкантъ есть... Я не видалъ еще Гамптонцѣвъ, дѣтей моихъ... Пусть, порѣзвятся, попляшутъ; это ее займетъ, развеселитъ... Дѣдушка! Ты играешь подъ пляску?...

Скрипачъ. Эди! Это голосъ... Великій Гаррикъ! Это вы!...

Гаррикъ. Ну, Гаррикъ не Гаррикъ! Да можешь ли ты играть подъ пляску...

Скрипачъ. Я иду на свадьбу въ Гамптонъ, но если вы Гаррикъ.... три дня, три ночи сряду готовъ играть для васъ!..

Гаррикъ. Спасибо! Ну, теперь скорѣе за дѣло! Джонъ! Звони! Гдѣ ты, Джонъ! Несносный! Вѣрно, опять гдѣ нибудь въ тавернѣ!... Нечего дѣлать, приходится самому (*бьетъ въ колоколъ*).

Джонъ (*выглядывая изъ сторожеваго окна*). Чортовы ребятишки! Таки достали. А, кажется, я высоко привязалъ веревку... Постойте же! Вотъ я васъ! (*Джонъ, выходя, крадется съ метлой*). И звонятъ, разбойники, во всю силу; голова трещитъ. Погоди; вотъ и я силы не пожалѣю (*размахиваетъ метлой, но, увидавъ Гаррика, роняетъ метлу и снимаетъ шапку*). Мистеръ Гаррикъ! Собственноручно! Пожаръ, что ли?

Гаррикъ (*бросая веревку*). Въ твоей пьяной головѣ!...

Джонъ. Да это зубъ, мистеръ!..

Гаррикъ. Говорилъ, вырви!

Джонъ. Вырвалъ. Да такой проклятый, все болитъ...

Гаррикъ. Пьянъ! Крѣпко пьянъ! Ступай ложись, а я уже самъ справлюсь....

Джонъ. Я пьянъ! Я не умѣю звонить! Я не могу?.. Дудки!...

Гаррикъ. Перестань! Ты такъ всѣхъ перепугаешь (*отталкиваетъ его*). Ну, посмотри самъ, каковъ ты...

Джонъ. Я всегда таковъ! Я человѣкъ ровный, твердый, постоянный, ужасно люблю и уважаю моего патрона!... Пожалуйте ручку! Не будь я Джонъ, если не поцѣлую... (*Флора, Джемсъ, Лила, Гертруда, одинъ за другимъ, по-*

томъ гамптонскіе поселяне съ дѣтьми въ праздничныхъ платьяхъ).

Флора. Что тутъ случилось?

Джемсъ. Господи! Пожаръ? Гдѣ?

Гаррикъ. Видишь, пьяница, что ты надѣлалъ...

Джонъ. Я—пьяница! Я—Джонъ! Гамптонскій привратникъ—пьяница.... я... можно ли говорить такую чушь и при чужихъ людяхъ...

Гертруда. А? Что? Гдѣ огонь?...

Лила (*про себя*). Никто не знаетъ, гдѣ пожаръ. Одна Лила знаетъ, но не смѣетъ сказать....

Джонъ. Огонь? Гдѣ огонь? Давай тушить! Подавай, Гертруда, то ведро, что̀ мы съ тобой приготовили для гостя...

Гаррикъ. Молчи, Джонъ!

Гертруда. Что, молчи! Его надо въ шею, лѣнтяя, пьяницу! Со двора долой! Вѣдь онъ съ пьяныхъ глазъ ударилъ тревогу...

Джонъ. Ха, ха, ха! Мистеръ Гаррикъ съ пьяныхъ глазъ ударилъ тревогу! Ха, ха, ха! Всѣ вы—дурачье! Ей Богу! То есть никакой смѣтки! Я тотчасъ догадался, что мистеръ Гаррикъ увидѣлъ того звѣрка, что̀ мы ловимъ...

Гаррикъ. Джонъ!

Джонъ. Гдѣ онъ? Вотъ я его! Давайте его сюда! Лови!

Гаррикъ. Замолчишь ли ты?

Флора. Я рѣшительно ничего не понимаю. Кого вы тутъ ловите?

Гаррикъ. Что ты слушаешь, Флора, этого пьяницу! Это я сталъ созывать деревню. Вотъ Богъ послалъ музыканта.... Думаю себѣ, пусть дѣти попляшутъ... Вотъ, видишь, уже и бѣгутъ.... Рѣзвая Фанни впереди! Гертруда! Нѣтъ ли тамъ у насъ какихъ лакомствъ, большимъ—добраго элю! Живѣй, Гертруда! Видишь, какъ бѣгутъ!...

Гертруда. Тунеядцы! Только позвони, рады господъ объѣдать....

Джонъ. Ступай, когда велятъ! Я бы самъ пошелъ...

Гертруда. Въ таверну? Небось, давно оттуда! Всѣ они такіе, а еще ихъ поятъ и кормятъ. Объѣдятъ, какъ черви сливу... (*уходитъ во дворъ*).

Гаррикъ (*подхватывая на руки бѣгущую къ нему осьмилѣтнюю Фанни*). Здравствуй, гамптонская серна!...

Фанни. Здравствуйте, добрый баринъ! Это не вамъ цвѣтокъ, не сомните!

Гаррикъ. А кому же?

Фанни. Это мистрисъ Гаррикъ...

Гаррикъ. А мнѣ?...

Фанни. А вамъ поцѣлуй! Довольно съ васъ!

Гаррикъ. Пока довольно!

Фанни (*подавая цвѣтокъ Флорѣ*). Поздравляемъ съ пріѣздомъ, дорогая госпожа! Мы васъ такъ рано въ Гамптонъ не ожидали!

Гаррикъ и Флора. Будто?

Фанни. Да какъ же! Вы такъ рано никогда къ намъ не ѣздили.

Флора. Соскучились безъ тебя, моя милая!

Фанни. Шутить изволите!

Гаррикъ. Давно не видали, какъ ты пляшешь. Я вотъ нарочно и музыканта досталъ.

Фанни (*прыгая*). Будто?

Гаррикъ. Заводи же пляску, гамптонская серна, а мы на васъ полюбуемся...

Фанни. О, за этимъ дѣло не станетъ! Джорджъ, Бетси, Мери, становитесь! Ты сюда, а ты вотъ сюда! Музыкантъ, гамптонскую кадриль умѣешь?... Ла, ла, ла!.. Такъ, такъ, только поживѣе...

(*Дѣти пляшутъ. Во время пляски разговоръ продолжается*).

Гаррикъ (*обходя кругомъ*). Здравствуйте, добрые сосѣди! Здоровы, веселы!...

Поселянинъ. Не всѣ! Старый Антонъ Бечь...

Гаррикъ. Двѣ коровы пали? Знаю! Я велѣлъ купить ему получше.

Поселяне. Богъ отдастъ, добрый баринъ!

Гаррикъ. Сосчитаемся! А теперь пейте, веселитесь! Да гдѣ же это Гертруда?

Гертруда. Иду, иду. Чтобъ они подавились! Кушайте, дѣтки, на здоровье!... Видишь, жадные! Точно гусенята изъ

рукъ рвутъ!.. А ты чучело! Что къ липѣ прислонился! Пошелъ бы выкатилъ бочку элю.

Джонъ. Хорошо говорить: пошелъ бы! А какъ пойдешь; липа ко мнѣ прилипла; не могу отцѣпиться...

Поселяне.. Сами, сами поможемъ....

Гертруда. У! Какіе добрые! Небось, на работу такъ проворно не побѣгутъ!

Флора. Какъ мила наша Фанни! Знаешь что, Лила! Сплетемъ ей вѣнокъ....

Лила. Давайте! (*рвутъ вѣтки и плетутъ вѣнокъ*).

Гаррикъ (*слушая поселянъ вдали и оглядываясь*). Удалось! Она развеселилась!... Кто это тамъ скачетъ, точно угорѣлый...

Джонъ. Ба, ба, ба! Кумъ Вальтеръ! Верхомъ! Ей Богу, Вальтеръ!

Гаррикъ. Вальтеръ! Изъ Лондона! Ужь не сгорѣлъ ли театръ? Что тамъ слышно, Вальтеръ?...

Вальтеръ (*входитъ и подаетъ письмо*). Все, слава Богу!

Гаррикъ. Вѣрно, миссъ Клайвъ закапризничала... Вѣрно... (*читаетъ*). Что такое! «Лекенъ, узнавъ, что вы въ Гамптонѣ, «сегодня утромъ отправился къ вамъ. Считаю нужнымъ «васъ объ этомъ предупредить, чтобы вы могли принять, «какъ слѣдуетъ, такого дорогого гостя.» Заговоръ! Рѣшительно заговоръ! Я ни кому не говорилъ! Значитъ — Флора измѣнила. Значитъ—она догадалась.... «Сегодня утромъ!» Значитъ онъ близко... Можетъ быть уже въ деревнѣ... Тутъ зѣвать нечего!... Довольно! Довольно! Ступайте по домамъ! Доплясывайте вашъ праздникъ въ Гамптонѣ. На-те! (*вырываетъ у Гертруды огромный подносъ и опрокидываетъ между дѣтей*): Катите вашу бочку въ деревню! Пейте, веселитесь... Я не здоровъ, голова болитъ... Пойдемъ, сыро!...

Флора. Что съ тобой Гаррикъ? Погода восхитительная...

Гаррикъ. Если я говорю, что сыро, такъ вѣрно чувствую... Закрой грудь, Флора! Простудишься! Чего стоите! Говорю вамъ, по домамъ! Пожалѣйте Гаррика! Право, болѣнъ...

Флора. Ты меня пугаешь, Давидъ!

Джонъ. Тутъ въ деревнѣ у насъ завелся докторъ! Славно зубы рветъ, пойти за нимъ, что-ли?

Гаррикъ. Не надо! Не надо! Да что же это такое! Ступайте, говорю вамъ! Не гнать же мнѣ васъ вонъ. (*Разбѣгаются*). Благодарю, старинушка! (*даетъ скрипачу деньги*). Заходи въ другой разъ... Радъ тебя слушать... Ну, теперь ступайте и вы! (*Музыкантъ съ Эди уходятъ*).

Флора. А ты, Гаррикъ?

Гаррикъ. Я—сейчасъ, ты не бойся, Флора! (*тихо Флорѣ*). Я здоровъ, а это такъ, знаешь, мнѣ надоѣло... Послѣ все разскажу, а теперь, ради Бога, ступайте, спрячьтесь, Флора! Запри дверь, не выпускай никого изъ дома!.. Да что же это, Флора! вѣдь я прошу....

Флора. Идемъ, идемъ, Гаррикъ! Непостижимо... (*Всѣ уходятъ, кромѣ Гаррика и Джона. Темнѣетъ.*)

Гаррикъ. А ты, пьяная голова, слушай!

Джонъ. Слушаю!

Гаррикъ. Меня нѣтъ дома...

Джонъ. Какъ нѣтъ дома? а гдѣ же вы...

Гаррикъ. Уѣхалъ въ Кладфортъ съ женою и Лилой...

Джонъ. Какъ уѣхали! А тутъ ваша тѣнь, что ли, ходитъ?

Гаррикъ. Нѣтъ! Онъ изъ-рукъ-вонъ пьянъ... Что тутъ дѣлать! Идутъ! Такъ и есть; трое чужихъ... Это Лекенъ со свитой... Ну, да все равно!... (*срываетъ съ Джона шапку и надѣваетъ на себя*).

Джонъ. Мистеръ....

Гаррикъ. Тсъ! Ни слова! Давай свою шкуру....

Джонъ. Помилуйте! Да за что же это?... (*стаскиваетъ съ него верхнее платье и надѣваетъ на себя*).

Гаррикъ. Не твое дѣло! Пошелъ и спи! Не смѣй ни глазъ, ни рта раскрыть! Понялъ! Я требую, я прошу.... Ступай же спать!... (*тащитъ его въ будку*).

Джонъ. Спать? Если вамъ непремѣнно угодно—извольте!

Гаррикъ (*возвращаясь, запираетъ ворота, подымаетъ метлу и подметая улицу, поетъ*:)

Разъ, два, три,
Джонъ, смотри,
Кто идетъ!...
То ползетъ
На заборъ,
Разъ, два, три!

Джонъ (*отворяя окно*). Ха, ха, ха! Что за дьявольщина! Я сплю тутъ, въ будкѣ, а пою тамъ за заборомъ.... Ха, ха, ха! Значитъ, Джонъ вылѣзъ изъ Джона и гуляетъ по парку. Шалунъ! Дай полюбуюсь на себя....

Гаррикъ. Угомонишься ли ты! Вотъ только пискни, задушу, на смерть задушу....

Джонъ. Я сплю, сэръ; то не я, я сплю, а то нечистый....

Гаррикъ (*запираетъ окно и ставню, продолжаетъ мести и пѣть*:

(*Луна подымается*)

Разъ, два, три....
Воръ сидитъ
Въ западнѣ...
Джонъ идетъ,
Вора бьетъ
По спинѣ.
Разъ, два, три!

Гаррикъ (*про себя*). Ихъ было трое; одинъ, видно, чортъ, провалился....

Лекенъ. Такъ вотъ загородный домъ великаго Гаррика! Какая тишина!... И правъ Гаррикъ! Для нашего дѣятельнаго брата необходимо имѣть уголокъ, куда бы можно прятаться....

Гаррикъ (*про себя*). Отъ Лекена....

Дмитревскій. А вотъ должно быть и привратникъ! Надо ему сказать, пусть доложитъ.

Лекенъ. Любезнѣйшій! Потрудись доложить мистеру

Гаррику, что пріѣхалъ Лекенъ съ другомъ своимъ Дмитревскимъ....

Гаррикъ. Ха, ха, ха! Пріѣхали! На своей четверкѣ!...

Лекенъ. Такъ ли, иначе, ты только доложи....

Гаррикъ. А кому я доложу? Развѣ глухой Гертрудѣ, или плѣшивому Джемсу.... Тотъ съ-просонья пожалуй сапогомъ отподчиваетъ....

Лекенъ. Какой Гертрудѣ? Какому Джемсу? Доложи Гаррику!...

Гаррикъ. Да развѣ онъ меня въ Кладфортѣ услышитъ?

Лекенъ. Въ какомъ Кладфортѣ?...

Гаррикъ. Да перестань, братецъ! Что ты, изъ Бразиліи пріѣхалъ, что-ли? Кладфорта не знаешь! Тамъ живетъ Лордъ Сидней....

Лекенъ. Да чортъ побери! Мнѣ нужно Гаррика.

Гаррикъ. А Гаррику нуженъ Сидней! Вотъ онъ взялъ и уѣхалъ.

Лекенъ. Какъ уѣхалъ!

Гаррикъ. Какъ! Подали штучку на колесахъ; Гаррикъ сѣлъ за кучера, мистрисъ Гаррикъ и миссъ Лила за господъ; хлопъ — бррръ.... и уѣхали....

Дмитревскій. Вотъ тебѣ разъ! Какое несчастіе!...

Гаррикъ. Ну, не для всѣхъ! Я радъ радехонекъ! Убрался къ чорту!... А то только и слышишь, Джонъ дуракъ, Джонъ болванъ, Джонъ пьяница....

Джонъ (*въ будкѣ*). Ай, врешь! Не правда!

Лекенъ. Это кто?

Гаррикъ. Это моя милѣйшая половина лизнула небережно подъ праздникъ!... Слышь ты, спи, а не то я вѣдь дубиной!...

Лекенъ. Ну, поди же доложи, голубчикъ! Довольно шутить.... Дѣло идетъ къ ночи....

Гаррикъ. Вотъ что правда, то правда! Пора вамъ убираться, откуда пожаловали. Прощайте! И мнѣ пора! Жена и такъ сердится.... А тутъ вотъ еще не подметено! Посторонись!... (*размахиваетъ метлою по ихъ ногамъ*).

Лекенъ. Ну, это изъ рукъ вонъ! Невѣжда, грубіянъ! Пошелъ, доложи, а не то достанется тебѣ отъ Гаррика....

Гаррикъ. На водку дастъ, ей Богу, дастъ! Стоитъ!

Дмитревскій. Г. Лекенъ! Да онъ просто пьянъ!

Гаррикъ. Ну, пьянъ, такъ пьянъ! Не ваше дѣло! Джонъ самъ себѣ хозяинъ, а вамъ говорятъ, убирайтесь, а не то вѣдь у меня взятки гладки, собакъ спущу....

Лекенъ. Попробуй! Самъ живъ не останешься. Я тебя, негодяй!...

Дмитревскій. Оставьте его! Вы развѣ не видите, какъ онъ.... Надо спросить кого нибудь другаго. Не онъ же одинъ на такомъ большомъ дворѣ....

Гаррикъ. Одинъ, понимаете-ли, вѣдь я не какой нибудь куцый французскій портье! Я Джонъ! Гамптонскій привратникъ.... И въ Кладфортѣ, и за Кладфортомъ, и въ Лондонѣ и за Лондономъ, во всѣхъ четырехъ частяхъ свѣта знаютъ Джона. Вотъ что! Вѣдь что же вы насильно хотите ворваться въ домъ, ночной грабежъ, что-ли? Я позову полицію! Вотъ что! Говорятъ вамъ, Гаррика нѣтъ.... Никого нѣтъ!...

Лекенъ. А Гертруда, а Джемсъ!...

Гаррикъ. Гертруда, Джемсъ!... (*Чортъ побери, самъ проврался!*) Гертруда — глуха.... Джемсъ — слѣпъ.... Значитъ — я одинъ....

Лекенъ. Ну, все равно. Я долженъ видѣть кого нибудь трезваго, чтобы передать, кто былъ, зачѣмъ и прочее. Позови Гертруду!...

Гаррикъ. Да я те дамъ мѣлъ, напиши на воротахъ; Гаррикъ пріѣдетъ черезъ недѣльку и прочтетъ....

Лекенъ. Гертруду, позови Гертруду!...

Гаррикъ. Да чего ты кричишь! (*про себя*). Пожалуй, такъ и не Гертруда сюда выскочетъ. — Ну, Гертруду, такъ Гертруду!... Вотъ сядьте сюда! Сидите смирно, а не то безъ меня пожалуй собаки одолѣютъ, а я сбѣгаю, позову вамъ Гертруду.

Лекенъ (*на правой скамейкѣ*). Презабавное путешествіе!

Дмитревскій (*тамъ же*). Съ приключеніями!...

Лекенъ. Иному бѣдному автору вотъ и сюжетъ для разсказа....

Дмитревскій. Какова то будетъ развязка....

Перси (*изъ за лѣвой куртины*). Пстъ! Не слышатъ!... Я не смѣю выйти изъ засады, какъ разъ увидитъ, а имъ и въ голову не войдетъ....

Лекенъ. Развязка! А знаешь, что? Нарядимся въ театральные костюмы; я — Агамемнономъ, ты — Орестомъ.... и отправимся въ Кладфортъ.... Кочующіе комедіанты.... Имъ вездѣ свободный ходъ....

Дмитревскій. Да это презабавно! Потѣшимъ и потѣшимся! Нѣтъ, ужъ если такъ, вы нарядитесь Перси, а я обрѣюсь и наряжусь миссъ Лилой....

Лекенъ. Ха, ха, ха! Право, чудесная выдумка!

Дмитревскій. А ужъ я не пожалѣю вашего Гаррика! Я ему выскажу все; я выведу наружу фарисейскій закладъ.... Если я самъ позову тебя, тогда Лила твоя! Какое коварное условіе! Разумѣется, никогда не позоветъ!...

Перси. Пстъ!

Дмитревскій. Кто тамъ? Ахъ, это Перси?

Перси. Послушайте!

Гаррикъ (*голосомъ Гертруды*). Кто тамъ по ночамъ шатается?

Перси. Поздно! Уже идетъ (*прячется*).

Гаррикъ (*во дворѣ, голосомъ Гертруды*). Тебѣ, Джонъ, съ пьяныхъ глазъ пригрѣзилось? (*голосомъ Джона*). Какое пригрѣзилось? Вонъ стоятъ, не видишь, что-ли? (*голосомъ Гертруды*). Возьми, Джонъ, рогатину! Присядь за воротами! Когда нужно, кликну! (*выходитъ въ костюмѣ Гертруды*).

Дмитревскій. Хороша перспектива!

Лекенъ. Англійское гостепріимство! — Здравствуй, матушка! Здравствуй, Гертруда!

Гаррикъ. Какъ откуда? Съ кухни! хлѣбъ въ печи сидитъ. Некогда мнѣ съ вами зубы скалить. Говорите, что надо?

Лекенъ. Мнѣ надо Гаррика! Да пьяный Джонъ говоритъ, будто онъ уѣхалъ...

Гаррикъ. Кто пріѣхалъ? Вы, что-ли? Поворачивай оглобли! Мистеръ Гаррика нѣтъ! Никого нѣтъ! Никого нѣтъ!

Всѣ въ Кладфортъ уѣхали! И хорошо сдѣлали!... Транжира этакой! Всѣ мои амбары въ недѣлю бы разорилъ!... Деревенскихъ оборвышей моимъ сушеньемъ вздумалъ подчивать! Оборву я имъ уши, чертянятамъ... Точно собаченки голодныя изъ рукъ рвутъ... Постойте, бѣсенята, вотъ я васъ! Точно цыплятъ на кухнѣ ощиплю...

Лекенъ. Любезная Гертруда! Мы въ отчаяньи! Мы пріѣхали издалеча... Хотѣли видѣть Гаррика — неудача. Потрудись доложить, какъ воротится, что былъ у него Лекенъ съ Дмитревскимъ, русскимъ актеромъ и начальникомъ петербургскаго театра...

Гаррикъ. Съ театра? Не мое дѣло! Ступай въ Лондонъ, въ контору... а здѣсь нѣтъ никакого театра! Прощай...

Лекенъ. Эта глухая баба еще хуже пьянаго Джона! Послушай, Гертруда, нѣтъ ли у васъ въ домѣ кого толковаго?...

Гаррикъ. Что новаго? Да что я тебѣ газета какая, али сплетница... Что я тебѣ за бесѣдница! Ужъ, полно не воры ли вы; заболтать хотите, а сами на дворъ... Не на такую напали! Джонъ! Держи ухо востро! А вы проваливайте по-добру по здорову! Сказано: нѣтъ никого—значитъ никого нѣтъ! Джонъ, да я! Поняли! Такъ и убирайтесь!...

(*Въ окнахъ дома показывается свѣтъ*).

Лекенъ. Странно! Видно, домовые въ гарриковыхъ хоромахъ тѣшатся; огонь затѣяли...

Гаррикъ. (Такъ и есть! Это Флора съ Лилой! Не могли посидѣть въ потемкахъ). Да я про этого дурака и позабыла. Тунеядецъ проклятый! Не спится плѣшивому чучелѣ! Еще пожаръ затѣетъ... Пойти выгнать.

Лекенъ. Это Джемсъ!...

Гаррикъ. Чего кричишь? Я и такъ слышу... Ну, да! Джемсъ! Старая тѣнь! Вотъ и толчется по ночи будто на театрѣ....

Лекенъ. Такъ это Джемсъ! Вотъ и славно!

Гаррикъ. Что тебѣ забавно!

Лекенъ. Все-таки актеръ, человѣкъ! Читалъ, слышалъ, доложитъ толково! Позови скорѣй Джемса!... Время уходитъ....

Гаррикъ. Находитъ! Да! На него находитъ, дерется...

Ну ужъ, Гертруда, извини! Если не хочешь, такъ я самъ пойду, я долженъ видѣть Джемса.

Гаррикъ. Тише, тише! Экая глотка! Должно быть мясникъ, или крикунъ площадной. Безъ тебя позовутъ! Ты на улицѣ скандалу не разводи, а стараго дурака я сама тебѣ кликну!... (*Уходя*). Джонъ! Ворота на запоръ!... А не то ночные гости какъ зайцы проскочатъ... (*самъ запираетъ ворота и уходитъ*.)

Лекенъ. Терпѣніе мое приходитъ къ концу...

Дмитревскій. А мнѣ такъ смѣшно! Презабавная ночная комедія!...

Перси (*выходя изъ за картины*). Которую съ вами Гаррикъ разыгриваетъ отлично...

Лекенъ и Дмитревскій. Гаррикъ!!...

Перси. Вы можете теперь сказать смѣло: мы видѣли игру Гаррика въ такихъ роляхъ, въ какихъ его не видала Англія. Какъ по вашему... Кого онъ съигралъ лучше: Джона или Гертруду?

Дмитревскій. Не можетъ быть!

Лекенъ. Неужели этотъ пьяный Джонъ, эта сварливая Гертруда?...

Перси. Все тотъ же Гаррикъ!

Лекенъ. Чортъ побери! Вѣдь это обидно! Вѣдь онъ насъ въ глаза дурачитъ!

Дмитревскій. И мастерски! Но скажите, отчего онъ не хочетъ принять васъ какъ слѣдуетъ?...

Лекенъ. Не понимаю...

Перси. А я начинаю догадываться... Лекенъ—покровитель Перси...

Лекенъ. Какъ вамъ не стыдно!

Перси. Лекенъ писалъ о Перси съ такимъ жаромъ, увлеченіемъ; узналъ объ упрямствѣ Гаррика; самъ пріѣхалъ нарочно, чтобы помочь другу.. Вотъ что ему пришло въ голову. И Гаррикъ убѣжалъ отъ васъ изъ Лондона, и въ Гамптонѣ защищается такъ искусно....

Лекенъ. Право, это похоже на правду... Надо принять свои мѣры...

Гаррикъ (*за воротами*). Гдѣ онъ?

Перси (*прячется*). Идетъ! Теперь не отдѣлается!

Гаррикъ (*въ видѣ Джемса*). Гдѣ онъ, знаменитый другъ Гаррика! О! Какъ Давидъ мой будетъ жалѣть! (*Дмитревскому*). Позвольте представиться! Джемсъ Кикельтонъ, эксъ-актеръ дрёриленскаго театра, другъ Гаррика и вашъ искренній почитатель....

Дмитревскій. Много чести! Послѣднее вѣроятно относится къ г. Лекену.

Гаррикъ. Ахъ г. Лекенъ! Извините! Я никогда не имѣлъ удовольствія васъ видѣть! Мой другъ Гаррикъ такъ много всегда про васъ разсказываетъ...

Лекенъ (*съ досадой*). Много чести!

Гаррикъ. Уваженіе моего друга, Гаррика, къ вашей особѣ безконечно...

Лекенъ. О! Это я вижу на опытѣ! И повѣрьте, Джемсъ, если бы дѣло шло только обо мнѣ, я не безпокоилъ бы этого чудака ни въ Адельфи, ни въ Гамптонѣ...

Гаррикъ. (Ага! Самъ сознается!)

Лекенъ. Но ко мнѣ пріѣхалъ изъ далекой Московіи молодой человѣкъ съ огромнымъ талантомъ. Уже не надежда, а художникъ совершенный. Я не завистникъ. Всѣ знаютъ Лекена. Я полюбилъ моего молодого друга, я не скрылъ его блистательнаго таланта передъ цѣлымъ Парижемъ, я вмѣстѣ съ нимъ игралъ на аристократическихъ театрахъ; я радовался его успѣхамъ; я торжествовалъ его побѣды. Можетъ быть Гаррикъ не любитъ видѣть соперниковъ...

Гаррикъ. Кто вамъ сказалъ?

Лекенъ. Молва! Но Лекенъ не таковъ! Лекенъ видѣлъ, что для Дмитревскаго мало парижскихъ образцовъ и повезъ его въ Англію, чтобы показать ему Гаррика, новую и полную сторону драматическаго искусства!...

Гаррикъ. Неужели! Такъ вы за этимъ пріѣхали?...

Лекенъ. А то зачѣмъ-же?

Дмитревскій. Г. Лекенъ слишкомъ добръ, слишкомъ благороденъ! Я не требовалъ такой жертвы! Я радовался, нечего скрывать, что увижу Гаррика на сценѣ. . Но жалѣю теперь, что пришлось видѣть его совсѣмъ съ другой и невыгодной стороны....

Гаррикъ. Что такое?

Лекенъ (*отводя Дмитревскаго*). (Не такъ, не такъ, мой другъ! —) Душевно жалѣю, что не засталъ его ни въ Адельфи, ни въ Гамптонѣ... Жаль времени, жаль издержекъ.... Но что же дѣлать... Я уѣхалъ изъ Парижа на срокъ, контрактъ требуетъ моего возвращенія и мы завтра же отправимся въ обратный путь....

Гаррикъ. (Чортъ побери! И я жалѣю, да поздно!) Послушайте, господа! Поѣзжайте въ Лондонъ, а я сейчасъ же пошлю верховаго въ Кладфортъ; я увѣренъ, что Гаррикъ завтра же прилетитъ къ вамъ....

Лекенъ. Поздно! Зачѣмъ трудиться, зачѣмъ безпокоить Гаррика! Будьте такъ добры, передайте мой дружескій поклонъ. Скажите ему, что Лекенъ не обращаетъ вниманія на дѣтскія причуды и сохраняетъ полное уваженіе къ его генію.

Гаррикъ. Дѣтскія причуды!

Дмитревскій. А я и этого сказать не могу! Я увезу съ собой странное впечатлѣніе, печальную память о великомъ художникѣ; грустно думать, что тотъ, кто такъ превосходно выражаетъ уродливыя человѣческія страсти — самъ ихъ рабъ и унижается до смѣшнаго....

Гаррикъ. Милостивый государь! Да вы по какому праву говорите дерзости?...

Дмитревскій. Вамъ! Помилуйте, мистеръ Джемсъ! Я говорю про Гаррика и говорю то, что говоритъ цѣлый Лондонъ....

Гаррикъ. Цѣлый Лондонъ! Клеветники, чернословы, литературные бродяги....

Дмитревскій. Можетъ быть, но вѣрно есть и поводы къ этой непріятной сказкѣ про новаго Гарпагона и его воспитанницу....

Лекенъ. (Ты все испортишь, Жанъ!) Какое намъ дѣло!... Клевета умѣетъ сочинять и нелѣпыя драмы! И про меня говорили, что я влюбленъ въ мою ученицу.... Это вздоръ! Я этому рѣшительно не вѣрю.... Становится поздно! Воспользуемся луннымъ свѣтомъ; поспѣшимъ въ Лондонъ; ѣдемъ, Жанъ! Прощайте, почтеннѣйшій! Извините, что обезпокоили...

Дмитревскій. О, помилуйте!... Я такъ счастливъ, что видѣлъ великаго Лекена.

Лекенъ. Благодарю васъ, добрый Джемсъ! Отъ души благодарю! Позвольте васъ обнять, какъ достойнаго товарища....

Гаррикъ. Много чести!

Лекенъ (*обнимая Гаррика, сбрасываетъ съ него парикъ, будто нечаянно*). Что это у васъ? Парикъ!...

Гаррикъ. А? Что? Какъ парикъ!... Это театральная привычка....

Лекенъ. Такъ вы и дома наряжаетесь старикомъ, тогда какъ кажется вы не такъ ветхи.... (*Поворачиваетъ его на свѣтъ отъ луны*). Ха, ха, ха! Гаррикъ!... Вы ли? Вотъ пріемъ, достойный великаго актера; вотъ великолѣпная художественная шутка!... Гаррикъ! Ха, ха, ха!...

Гаррикъ. Лекенъ!... Ха, ха, ха!...

Дмитревскій. Такъ это самъ гамптонскій пустынникъ in persona!...

Гаррикъ. А что? Вѣдь разыграно не дурно!... Здравствуйте, дорогіе гости, добро-пожаловать.... Я принялъ васъ оригинально, не правда ли?... Вы пріѣхали посмотрѣть на игру мою? Что-жъ, довольны? Вѣдь пьяный Джонъ, воркунья Гертруда, вѣдь это все я!...

Лекенъ и Дмитревскій. Неужели?!

Гаррикъ. Я, я!... Проклятый парикъ измѣнилъ, а я хотѣлъ сыграть съ вами и передъ вами цѣлую комедію... Милости просимъ!... Флора! Гдѣ ты, Флора! Старый знакомый пріѣхалъ! Угадай, кто? — Что же вы, господа, пожалуйте!... Эй, Джонъ, Гертруда, выходите! Комедія кончена! Накрывайте на столъ. Гости пріѣхали! Дорогіе гости!

(*Отворяетъ самъ ворота*).

Лекенъ. Что ты на это скажешь?

Дмитревскій. Вотъ ужъ хамелеонъ, такъ хамелеонъ! И маску сняли, нѣтъ-таки, на глазахъ нашихъ успѣлъ перерядиться!

(*Занавѣсъ падаетъ*).

АКТЪ ПЯТЫЙ.

(Столовая въ гамптонскомъ домѣ Гаррика. Посрединѣ накрытъ столъ; свѣчи зажжены; сцена пуста. **ФЛОРА и ЛИЛА** выходятъ изъ боковыхъ дверей).

Флора. Гдѣ же гость нашъ?

Лила. Видно, въ гостиной сидитъ....

Флора. А знаешь ли, зачѣмъ Лекенъ къ намъ пріѣхалъ? Сватомъ, Лила, тебя сватать....

Лила. Меня?

Флора. Не пугайся, Лила! Лекенъ — другъ Перси. Гаррикъ вчера проговорился. Изъ далекаго Парижа прилетѣлъ къ намъ на помощь....

Лила (*грустно*). И не поможетъ!

Флора. Ты думаешь?...

Лила. Увѣрена!

Флора. Да, Гаррикъ упрямъ! Онъ радъ, что ты не хочешь быть актрисой; онъ, я думаю, самъ нарочно откладываетъ твой дебютъ, чтобы я не потребовала исполненія желѣзнаго слова.... Помнишь?...

Лила. Еще бы! Но въ условіи не было сказано, чтобы я непремѣнно дебютировала на дрёриленской сценѣ. Пусть соберетъ своихъ гамптонскихъ друзей; устроимъ домашній театръ.... Сыграемъ какую-нибудь пьесу. Онъ самъ убѣдится....

Флора. Ты не знаешь Гаррика! Такая уловка не поможетъ; онъ не допуститъ... Нѣтъ, мнѣ кажется, ты тутъ сама виновата.

Лила. Чѣмъ это?

Флора. Не умѣешь съ нимъ говорить.

Лила. Не умѣю, ваша правда! Я такъ его уважаю. Я не могу сладить съ моими словами.... Я вижу, какъ онъ любитъ....

Флора. Кого это онъ такъ любитъ? Договаривай!...

Лила. Искусство! Театръ! Славу дрёриленской сцены...

Флора. Вотъ что! И это лишаетъ тебя смѣлости.... Ты готова исполнить его желанія....

Лила. О, никогда, никогда! Не обижайте меня.... Но мнѣ жаль Гаррика; мнѣ страшно и вмѣстѣ—грустно слушать его страстныя рѣчи....

Флора. Страстныя! Вотъ что!...

Лила. Да, онъ говорилъ о театрахъ съ такимъ увлеченіемъ....

Флора. Понимаю, понимаю! Съ такимъ увлеченіемъ, такъ убѣдительно, что Лила забываетъ своего Перси, свои клятвы, обѣты, и готова, хоть на сценѣ пока броситься въ объятія обожаемаго учителя....

Лила. Мистрисъ Гаррикъ!...

Флора. Понимаю, миссъ Малетъ, теперь я все понимаю, и васъ и Гаррика, и вашу хитрую болѣзнь и его дурацкій недугъ. За васъ — не ручаюсь, но его вылечу, стараго подлипалу....

Лила. Вы меня погубите!

Флора. Спасу и тебя и Гаррика отъ неумѣстнаго сумасбродства....

Лила. Вы ошибаетесь, мистрисъ, я не донощица. Я вамъ ничего не сказала такого, чтобы могло подать поводъ къ такимъ подозрѣніямъ. Вы сами сочиняете исторію....

Флора. Нѣтъ, я хочу этой глупой исторіи дать умную развязку.... Вѣдь это не первый разъ, Лила! Не вы первая, не вы и послѣдняя!... Театръ, душа моя,—это большое озеро, въ которомъ больше русалокъ, чѣмъ рыбъ.... Если Гаррикъ не попалъ ни въ одинъ омутъ, такъ это потому, что я всегда торчала на берегу и держала Гаррика на веревочкѣ.... Тутъ не досмотрѣла, виновата!... Я начинаю догадываться.... Ну, какъ же далеко зашелъ вашъ романъ?...

Лила. Ахъ, мистрисъ! Богъ вамъ судья, но вы меня жестоко обижаете.

Флора. Прости меня, милая Лила! Но вѣдь и я не рыба; не могу же я молчать, когда вижу, какъ мой любезный Давидъ забываетъ свою жену, обязанности, лѣта и подагру...

Лила. Боже мой! Онъ подумаетъ, что я вамъ насплет-

ничала.... Я не хочу его страстной любви, но не хотѣла бы и ненависти моего благодѣтеля!...

Флора. Хорошъ благодѣтель! Но не бойся, Лила! Я не такъ глупа, чтобы схватить Гаррика за воротъ и позорно оттащить отъ Лилы; нѣтъ, онъ самъ отойдетъ, но подъ мою музыку....

Лила. Ахъ, милая мамаша! Еслибы вамъ удалось.... но я боюсь!

Флора. Будь покойна! Перестань и думать объ этихъ глупостяхъ; пойдемъ къ гостямъ.... Ахъ, Лила, я забыла мой вѣеръ!... (*Лила убѣгаетъ въ боковую дверь*).

Флора. Я не ревную, я горжусь, что Гаррикъ увлекся Лилой! Она того стоитъ! Онъ глупъ, но по-крайней-мѣрѣ со вкусомъ. А! Вотъ и самъ селадонъ....

Гаррикъ (*входитъ*). Ну, что же ты, Флорочка, не выходишь? Гости ждутъ тебя тамъ....

Флора. А я ихъ жду здѣсь....

Гаррикъ. Не ловко же принимать гостей въ столовой....

Флора. Конечно! Я жду только Лилы.

Гаррикъ. А она зачѣмъ?

Флора. Какъ же ты хочешь; вѣдь она играетъ роль дочери; къ тому же, кажется, дѣло идетъ именно о ней....

Гаррикъ. Какъ о ней? Какое дѣло?

Флора. Да вѣдь ты же, кажется, говорилъ, что Лекенъ пріѣхалъ сватомъ.

Гаррикъ. Нѣтъ, Флора, то была ошибка, успокойся!...

Флора. Да я и не думала безпокоиться.... Напротивъ, очень рада!...

Гаррикъ. И я душевно радъ Лекену... Я люблю Лекена.

Флора. Потому-что онъ не Англичанинъ, и не можетъ играть даже на дублинскомъ театрѣ....

Гаррикъ (*смѣется*). Можетъ быть.... можетъ быть!... Моя Флора все видитъ....

Флора. Рѣшительно все, что дѣлается въ домѣ и въ душѣ Гаррика.

Гаррикъ (*поблѣднѣвъ*). Что же ты видишь, напримѣръ?

Флора. Напримѣръ? Полно, Давидъ! Я право не запрещаю, я смѣюсь. Добрая жена должна думать о томъ, чтобы

мужу не было скучно.... Веселись, Гаррикъ, забавляйся, играй; ты дитя; тебѣ нужны игрушки!...

Гаррикъ. Послушай, Флора! Я тебя не понимаю....

Флора. Ну, ужъ извини! Вотъ я тебя такъ рѣшительно не понимаю. Мнѣ за одно страшно: за твое доброе имя, за твою честную славу.... Мнѣ надоѣлъ Гаррикъ — художникъ со всѣмъ своимъ величіемъ. Оно только мѣшаетъ нашему счастію. Оно только раздѣляетъ Давида отъ Флоры на огромное разстояніе. Пока художникъ, ты мнѣ не мужъ, я тебѣ не жена.... Но Гаррикъ.... человѣкъ!!! О, какъ ты мнѣ дорогъ.... Когда какой-нибудь Мидльтонъ пишетъ, что Барри играетъ лучше Гаррика.... Мнѣ только жаль Мидльтона, Гаррика ни мало! Но если Мидльтонъ узнаетъ, но если напишетъ, напечатаетъ, что Гаррикъ, какъ человѣкъ, поскользнулся.... и я въ душѣ моей, убитая, пристыженная, должна буду сказать поневолѣ: правъ Мидльтонъ....

Гаррикъ. Да съ чего ты взяла все это?...

Флора. Слухи, молва! Вѣдь я не даромъ жена твоя; заразилась отъ тебя; и я начинаю всего бояться.... Ахъ, Боже мой, я тутъ заболталась... А гости ждутъ... (*Убѣгаетъ*).

Гаррикъ. Слухи, молва! И гости то-же намекали. Дьяволы! Подсмотрѣли! Страшно, право страшно, потому-что это уже не клевета... Боюсь взглянуть въ зеркало! Боюсь встрѣтиться съ Лилой... Боюсь словъ своихъ, мыслей... Въ комнатѣ одному неловко... Невидимка въ уши жужжитъ: ай, какъ стыдно... Невидимка въ груди и въ головѣ трезвонитъ, бьетъ набатъ, созываетъ толпу: приходите, посмѣйтесь, плюньте на грязнаго старика; вы считали его колдуномъ, а онъ просто дуракъ, самъ околдованъ... кривляется, точно обезьяна, у которой мальчишки хвостъ обожгли... Слухи, молва!... Тсъ!... Будто вѣтеръ черезъ залу бѣжитъ, сквозной вѣтеръ, дрянной безплотный воздухъ..., а ужалилъ, болитъ...

Лила (*вбѣгаетъ*). Мистрисъ Гаррикъ! Насилу нашла вашъ вѣеръ!...

Гаррикъ. Не буду смотрѣть! А?..: Отвыкну! Уйду.. далеко ли?... Изъ дома бѣжать, что ли?

Лила. Гдѣ же это мистрисъ? Ахъ, это вы, папаша!

Гаррикъ (*хлопочетъ около стола*). Я, Лила, я! Видишь, гости пріѣхали; ужинать будутъ; я не знаю, все ли въ порядкѣ; мы сюда пріѣхали налегкѣ, безъ прислуги... Джонъ пьянъ, Гертруда одна...

Лила. (Какая мысль!) А знаете ли что, папаша?

Гаррикъ. Что, милая Лила!... Скажи! Я всегда радъ тебя слушать...

Лила. Меня не знаютъ эти господа?

Гаррикъ. Не знаютъ...

Лила. Позвольте мнѣ дебютировать въ роли служанки.

Гаррикъ. Ты — служанка! О, это совсѣмъ не твое амплоа! Я тебя прочилъ въ царицы съ перваго дебюта...

Лила. Не вдругъ, не вдругъ! Позвольте постепенно! Нѣтъ, вы мнѣ не откажете въ этомъ удовольствіи. Мнѣ хочется сыграть первую мою роль—инкогнито, въ присутствіи первыхъ артистовъ. Что они скажутъ... Вотъ я сейчасъ... (*Убѣгаетъ*).

Гаррикъ. Нельзя, Лила! Невозможно!... Ушла! Я не допущу... чтобы они подумали обо мнѣ, если бы догадались, что эта служанка та самая Лила... которая... Мнѣ плакать хочется... я не могу и додумать того цѣликомъ, что такъ полно, такъ мучительно чувствуетъ бѣдное сердце!... А вѣдь— не новость! Не такъ ли я любилъ Цибберъ, Фанни Экъ, многихъ!... Фуй! Нѣтъ, не такъ!... Я любилъ такъ только — Флору... Бѣдная Флора! Подлый Гаррикъ!...

Лила (*вбѣгаетъ*). Вотъ и я, папаша! Ступайте, зовите гостей!

Гаррикъ. Лила! Я не могу позволить!...

Лила. Постойте! Лучше я сама! (*отворяетъ двери; присѣдая въ другой комнатѣ*). Пожалуйте кушать! Къ столу подано!...

Гаррикъ. Кончено! Я поневолѣ долженъ продолжать комедію.

Лекенъ (*церемонясь у дверей*). Madame!

Флора. Нѣтъ, сдѣлайте милость! Я хозяйка! Покорнѣйше прошу. Докажите, что вы въ домѣ вашего друга...

Лекенъ. Повинуюсь, краснѣя...

Дмитревскій. А я не смѣю отстать отъ учителя! Только поэтому...

Гаррикъ. Безъ церемоніи, дорогіе товарищи! Лекенъ, ваше мѣсто возлѣ хозяйки....

Флора (*въ дверяхъ*). Что это значитъ?

Лила (*въ дверяхъ*). Ради Бога, не мѣшайте! И то насилу согласился! Это мой первый дебютъ....

Гаррикъ. Садись, Флора! Гей!... Какъ бы ее назвать.... Розой? — Флора обидится! — Гебой? — Догадаются!... Развѣ Гертрудой.... Гей, Гертруда! Убери пятый приборъ. Джемсъ съ нами ужинать не будетъ....

Лила. Прикажете имъ въ комнату ужинъ подать?...

Гаррикъ. Послѣ, Гертруда, послѣ! Подождетъ!

Флора. Я рѣшительно не понимаю этой шутки!... Растолкуй мнѣ, Давидъ....

Гаррикъ. Послѣ, послѣ! Пора садиться за столъ! Не угодно-ли! Гертруда! Гдѣ мое старое венгерское!...

Лекенъ. Гертруда!... Но, кажется, вы представили намъ въ паркѣ Гертруду такой энергической старухой....

Гаррикъ. То другая!...

Лила. То моя матушка!

Лекенъ. Матушка? Кажется, яблоко отъ яблони не далеко откатилось....

Лила. Такъ и слѣдуетъ; дочь должна быть всегда на мать похожа; сынъ на отца....

Лекенъ. Это ужъ правило....

Лила. Разумѣется!—Прикажете соусу?... Съ анчоусами.

Лекенъ. Благодарю!

Лила (*Дмитревскому*). Вамъ не угодно-ли?... Да вы ничего не изволите кушать; у васъ тарелка сухая....

Лекенъ. Ему не до ѣды! Онъ смотритъ на мистера Гаррика въ запасъ. Не насмотрится. Я понимаю его чувство. Онъ хочетъ заучить ваши черты, чтобы унести съ собою воспоминанія твердыя, прочныя, неизмѣнныя!... Мы съ вами сосѣди, а онъ далекій гость....

Гаррикъ. Скажите: что тамъ у васъ сдѣлалось, въ вашемъ государствѣ? Какимъ это образомъ европейскій Китай вдругъ просвѣтился? — Сегодня я имѣю честь принимать знаменитаго артиста, котораго Лекенъ безъ шутокъ при-

знаетъ своимъ счастливымъ соперникомъ.... Вчера я чуть не заплакалъ, когда пришлось, вмѣстѣ съ Блеромъ, Фергюсономъ, Смитомъ и Робертсономъ,—свѣтилами Англіи, оставить крошечный кабинетъ русской дамы....

Дмитревскій. Русской!. (*встаетъ*).

Гаррикъ. Господи, что это за женщина! Правда, наука дорого дается; говорятъ, она очень молода, но мнѣ показалась старухой.... Зато какая живая, новая рѣчь; какъ умно, неожиданно она освѣщаетъ предметы. Витія — съ нею становится заикой; знатокъ — теряетъ къ себѣ довѣріе... Мнѣ стыдно; но признаюсь, она заставила меня перемѣнить мои мысли о музыкѣ.... Я теперь сознаюсь, что по-англійски нельзя пѣть, а развѣ свистать иволгой; что Англія никогда не будетъ имѣть великаго музыкальнаго композитора, потому что и языкъ, и горло, и сердце у насъ безъ мелодіи.... Ужасная женщина!...

Дмитревскій. Ради Бога, не мучьте! Кто эта дама?

Гаррикъ. Дашкова.

Дмитревскій. Княгиня Катерина Романовна?

Гаррикъ. Да. Княгиня Дашкова.

Дмитревскій. Она въ Лондонѣ?

Гаррикъ. Уже съ недѣлю! Я далъ слово княгинѣ и Англія услышитъ ея музыку на дрëриленской сценѣ! Великолѣпные звуки!...

Дмитревскій. Не понравятся!

Гаррикъ. Это почему?

Дмитревскій. Потому что русскіе!

Гаррикъ. Вы полагаете, что мы одержимы бѣсомъ пристрастія....

Дмитревскій. И себялюбія! Нетолько Англія, но и вся Европа, даже младшія дѣти въ семьѣ образованности, еще философствующіе Нѣмцы, и тѣ насъ не любятъ, потому что боятся. Они съ наслажденіемъ упиваются презрѣніемъ къ необтесаному сосѣду и слѣпы отъ чванства, не видятъ, не хотятъ видѣть въ насъ нетолько достоинствъ, но даже возможности нравственнаго усовершенствованія. Съ улыбкой сожалѣнія встрѣчалъ я многихъ своихъ соотечественниковъ, разсѣянныхъ по лицу Европы. Одни безтолково сердились,

другіе подличали, и чтобы заслужить права образованнаго европейца, ругали, поносили отечество, клеветали на него. Напрасно я говорилъ имъ: не такъ, не такъ, господа! Не сердитесь, потому что во многомъ наши обвинители правы; но и не подличайте, потому что это низко и безчестно; молчите и учитесь! Пусть ихъ ругаются, а вы въ этой желчной пѣнѣ купайтесь, очищайтесь, ищите правды, несите ее домой и тамъ каждый въ кругу своей собственной дѣятельности исправляй, что можешь и какъ можешь! Дитя, между изжившими и усталыми стариками, радуйся своему дѣтству, работай и трудись: твое будущее еще впереди.

Лекенъ. Да что ты, Жанъ! Ты ужъ не изъ трагедіи ли читаешь.... Какъ ты его тамъ называлъ... Сумарокова, что-ли?...

Дмитревскій. Ваша правда! Это монологъ изъ моей собственной пьесы... Глупо! (*садясь*) я погорячился. Да, мистеръ Гаррикъ, вы сами видите, я еще плохой актеръ! Я хотѣлъ сыграть передъ вами роль патріота, да не удалось....

Гаррикъ. Напротивъ! Слушая васъ, я сталъ вѣрить моему доброму другу Лекену, что вы можете двигать сердцемъ этой своенравной красавицы, этой добродушной царицы міра, которую на нашемъ обыденномъ языкѣ мы называемъ публикой.... (*встаетъ*). Да, молодой человѣкъ, вы еще недавно при дворѣ этой царицы; можетъ быть вы еще не знаете значенія актера на этомъ свѣтѣ.... Актеръ у этой царицы—министръ!... понимаете?... да! да! министръ! Чтобы удержаться въ милости, частенько онъ долженъ льстить величеству народа.

Дмитревскій. Это зачѣмъ?...

Гаррикъ. Затѣмъ, чтобы, задобривъ, разжалобивъ его, угадать, уловить мгновеніе, когда онъ безъ гнѣва выслушаетъ и перенесетъ правду!... Одна женщина — сто капризовъ.... А эта складная женщина, съ ея безмѣрными правами, съ ея неугомонными притязаніями — милліонъ капризовъ, море причудъ... Побѣдить ихъ, быть ея постояннымъ, неизмѣннымъ любимцемъ, владѣть этой красавицей.... Вотъ

цѣль и тайна актера... Александру Великому разъ въ жизни удалось торжественно войти въ Вавилонъ, а у меня такихъ тріумфовъ бывало по десятку на мѣсяцъ.... Карлу Пятому хорошо было сойти съ престола. Ему надоѣла даже власть. А я... нѣтъ... я еще люблю мою славу, мою силу... и хотятъ, чтобы я отрекся отъ моей короны....

Лекенъ. Какъ это? Что это вамъ въ голову пришло?

Флора. Это на мой счетъ!

Гаррикъ. Нѣтъ, Флора, нѣтъ! И ты, и враги мои правы, не должно пережить своей славы... Солнце дальше зенита итти не можетъ: оно горитъ, блещетъ, жжетъ, а между тѣмъ уже склоняется... Вы правы!... Лучше закатъ свой затянуть завѣсой густыхъ тучъ и невидимкой утонуть въ вѣчности, чѣмъ позволить мальчишкамъ смотрѣть на себя и не слѣпнуть....

Дмитревскій (*Лекену.*) Какая адская гордость!

Лекенъ. (*Дмитревскому.*) Какъ онъ скроменъ, и притомъ въ присутствіи актеровъ съ репутаціей!... Я этого проглотить не могу....

Гаррикъ. Да, молодой человѣкъ! У васъ есть чувство, есть талантъ; вы легко добьетесь до первенства, особенно тамъ, гдѣ еще и людей нѣтъ. . Вамъ легче.... Вы пришли первый! А я долженъ былъ низвергнуть съ престола Кина, затмить славу цѣлаго ряда любимцевъ въ отставкѣ, уничтожить даже воспоминанія....

Дмитревскій (*Лекену.*) Да что это онъ толкуетъ все про себя да про себя?!

Лекенъ (*Дмитревскому*). Это такъ, чтобы мы лучше знали его біографію!... (*Гаррику*). Да, мистеръ, и это вамъ удалось совершенно... Англія вамъ отдала полную справедливость; поэты въ честь вашу писали цѣлыя поэмы; чурчилева Росціада извѣстна даже во Франціи...

Гаррикъ. Неужели! Какъ же французскіе критики находятъ?...

Лекенъ. Не зная Англіи, вѣрятъ Чурчилю на-слово...

Гаррикъ. А вы, Лекенъ, вы?—Вы знаете нашъ языкъ, нашу сцену.—Что вы думаете объ этой поэмѣ? (*Молчаніе*).

Дмитревскій. Господинъ Лекенъ затрудняется отвѣтомъ;

я совершенно понимаю его положеніе... Для первокласснаго европейскаго артиста не вижу большой чести, если его сравниваютъ съ римскимъ рабомъ, который умѣлъ ловко корчить рожи, понимать пантомиму уличныхъ зѣвакъ, кричать въ трубу уродливые стихи римскихъ драматическихъ писателей....

Гаррикъ. Корчить рожи!.. Понимать пантомиму! О, вы не актеръ! Вы никогда не будете актеромъ. Развѣ роль въ однихъ словахъ?... Рѣчи часто служатъ только указаніемъ... Часто въ роли стоитъ только одно собственное имя—а лице, руки, ноги, туловище должны насказать двѣ три страницы въ одно мгновеніе.... И гдѣ слова для окончательныхъ ударовъ чувства? Стихи ведутъ, стихи приготовляютъ нравственное событіе, на вершинѣ страсти—нѣтъ словъ.... языкъ нѣмъ... но зато лице, руки, ноги, все получаетъ языкъ; изъ глазъ, изъ устъ, изъ каждаго пальца, брызжутъ рѣчи, какихъ на человѣческомъ языкѣ нѣтъ, а у каждаго въ головѣ есть; ихъ пойметъ Готентотъ. А если два чувства гигантами станутъ вдругъ заразъ подыматься въ тѣсной душѣ? Не бросаться же въ сторону и говорить вздоръ, который и не разслушаютъ. Да и какія тутъ рѣчи, гдѣ столкнулись два громадныя чувства, а выразить ихъ надо... Возьмите богатаго наслѣдника въ минуту смерти отца, особенно если отецъ былъ крутъ, скупъ, жестокъ; на этой сторонѣ лица,—передъ домашними и друзьями покойнаго—приличіе плачетъ горькими слезами, на этой ликуютъ всѣ соблазны свободы!... (*становится въ позу и дѣлаетъ двойную пантомиму*).

Лекенъ (*отступая*). Это непостижимо!...

Дмитревскій. Это невѣроятно! Какая мысль!... Перси, онъ позоветъ тебя!...

Лила (*заглядывая въ лице Гаррика*). Господи, спаси и помилуй; отродясь не видала людей о двухъ лицахъ...

Гаррикъ (*съ возрастающимъ жаромъ*). Корчить рожи, понимать пантомиму!.. Чортъ возьми! Полъискусства—въ лицѣ актера! Что ужъ говорить о трудныхъ случаяхъ; возьмите самые простые ежедневные... Возьмите одни матеріальныя страданія... Ну, напримѣръ, васъ оцарапала кошка.

Чтожъ?—Кислая мина, не больше! (*пантомима*); васъ ранилъ убійца, но рана пустая; вамъ больно, но вы рады, вы счастливы, что ускользнули отъ смерти. (*пантомима*). Пуля прошла насквозь и въ разорванномъ сердцѣ оставила смерть... Что дѣлать? Приходится умереть, но я вѣрю въ будущую жизнь, умираю — съ молитвой и надеждой; иногда даже боли не чувствую... (*пантомима; Лила его поддерживаетъ*). И вдругъ, вообразите, что васъ укусила бѣшеная собака! Вы понимаете вашу участь: передъ вашими глазами собираются всѣ ужасы будущихъ припадковъ бѣшенства... Казнь себѣ... Ужасъ для другихъ... Черезъ девять дней жена не подходи... дѣти, бѣгите далече!... Люди спасайтесь!... Бѣшеный! Бѣшеный!... Улицы будто вымело... Запираютъ ставни... Гей, заряжай ружье, стрѣляй!.. Клади его наповалъ безъ креста и молитвы! Бѣшеный, бѣшеный!!... (*въ видѣ бѣшенаго медленно идетъ на Дмитревскаго*).

Лила (*уронивъ тарелку*). Помогите!!

Флора. Господи, какія страсти!...

Лекенъ. Жанъ, мнѣ стало холодно!...

Дмитревскій (*поблѣднѣвъ*). Чортъ! Чортъ! Сгинь, пропади, нечистый! Держите его! Не пускайте! Нѣтъ! Онъ вырвался, онъ гонится за мной! Спасайте меня! Онъ схватитъ меня за сердце! Рветъ, душитъ, помогите! Га! Онъ расшибъ мнѣ голову!... Свѣтъ бѣжитъ изъ глазъ, солнце меркнетъ.... Свершилось!... (*падаетъ безъ чувствъ*).

Гаррикъ. Ага! Что, легъ отъ ужаса! Росцій, Гаррикъ корчатъ рожи; ты это хотѣлъ сказать? Посмотримъ, что теперь ты запоешь...

Лекенъ. Жанъ! Дорогой Жанъ! Проснись, опомнись, Ахъ, Господи! Да онъ не дышетъ!... Онъ умеръ!

Всѣ. Умеръ!

Лекенъ. Рука—какъ ледъ!

Гаррикъ (*приложивъ ухо къ сердцу*). Не дышетъ!... Сердце перестало биться!

Флора. Что вы говорите? Въ нашемъ домѣ, по милости Гаррика... Ахъ, какое несчастіе!...

Гаррикъ. Умеръ! Чортъ возьми, совсѣмъ умеръ! Джонъ,

Гертруда! Доктора!... Лила! Позови этихъ уродовъ! Флора подай воды! Вспрысни ему лице!... Доктора!..

Флора. А гдѣ его возьмешь въ Гамптонѣ! Я давно говорила...

Лекенъ. Боже мой! Тутъ есть докторъ въ угловомъ домѣ. .

(*Лила, Гертруда, потомъ Джонъ*).

Гаррикъ. Въ угловомъ домѣ! Слышишь, Гертруда, въ угловомъ домѣ... Бѣги, зови его сюда, съ ножами, пилами, со всѣмъ приборомъ аптекарскимъ... Онъ умеръ скоропостижно...

Гертруда. Кто умеръ! Творецъ мой, какія страсти! Вотъ бы зѣлья, что кумъ Клипсъ привезъ изъ Америки...

Гаррикъ. Провались ты съ вашимъ зѣльемъ! А! Джонѣ! Бѣги! Въ угловомъ домѣ живетъ докторъ....

Джонъ. Знаменитѣйшій во всѣхъ четырехъ частяхъ свѣта! Какъ рванулъ зубъ....

Гаррикъ. Бѣги же, Джонъ, зови его сюда!..

Джонъ. А какъ я его поймаю?.. Вѣдь, всякій докторъ— родня чорту... По ночамъ за вѣдьмами гоняется... Вотъ и теперь по нашему парку мечется какъ угорѣлый ..

Гаррикъ. Онъ въ паркѣ! (*убѣгаетъ*).

Флора. Добрый Лекенъ! Ахъ, какой ужасный ударъ!

Джонъ (*прислонясь къ стѣнѣ*). Вотъ комедія! Взялъ и умеръ! Ужъ не хлебнулъ ли неберожно?..

Флора. Вы молчите, Лекенъ! Ужасъ оковалъ уста! Гаррикъ, Гаррикъ! Вотъ тебѣ вѣнецъ искусства!... Ты убійца!!...

Лекенъ. Нѣтъ, мистрисъ, нѣтъ! Не обвиняйте Гаррика! Я убійца моего Пилада! Я притащилъ его въ Англію, чтобы лишить Россію перваго драматическаго генія!... Что скажетъ о Лекенѣ его молодое отечество? Какъ я взгляну въ глаза знаменитому вельможѣ... Онъ спроситъ: гдѣ сынъ моего и братъ твоего сердца, Лекенъ!... И все это — ничто еще передъ огромностью моей утраты! Ахъ, мистрисъ, я потерялъ въ немъ перваго и послѣдняго друга! Я смотрѣлъ на него какъ на мою молодость; я радовался его успѣхамъ. О, Боже, какъ я любилъ его.. я даже не завидовалъ ему, когда онъ при мнѣ увлекалъ всѣхъ и

меня тутъ же! О, какъ онъ былъ прекрасенъ! Посмотрите, мистрисъ! И смерть на немъ преобразилась такъ райски! Онъ улыбается! Посмотрите, Посмотрите! (*тащитъ за руку Флору къ Дмитревскому*).

Гаррикъ (*тащитъ за руку Перси*). Нѣтъ, ужъ, извините, вы должны, вы обязаны, человѣчество требуетъ...

Перси. Но я спѣшу къ моему больному...

Флора и Лила. (*про себя*). Перси!...

Гаррикъ. Тотъ еще не умеръ... а этотъ—посмотрите!

Перси. Что я вижу! Боже мой! Не опоздалъ-ли! (*вынимая ланцетъ*).

Гаррикъ (*схвативъ свѣчу*). Скорѣе! Скорѣе бросьте кровь! Я вамъ посвѣчу.

Лекенъ. Перси! Именемъ Бога заклинаю!...

Гаррикъ. Перси! Съ неба свалился, что ли?! (*роняетъ свѣчу и стоитъ, будто окаменѣлый*).

Перси. Что Богъ дастъ!... Испытаемъ все!

(*Ставъ на колѣни, хочетъ разрѣзать рукавъ*).

Дмитревскій (*встаетъ*). Не безпокойтесь! Комедія кончена!

(*Всѣ съ ужасомъ отступаютъ*).

Какъ находите, мистеръ Гаррикъ! Вѣдь сыграно недурно?...

Лекенъ. Жанъ! Ты не умеръ! Ты не былъ на томъ свѣтѣ!... Неужели это шутка!...

Дмитревскій. Какъ видите! Я желалъ бы знать, какъ находитъ игру мою первый актеръ нашего вѣка...

Лекенъ. Ему не до тебя! Погляди, какъ онъ смотритъ на Перси.... Я такъ и жду, что онъ бросится на доктора, какъ бѣшеная кошка....

Лила (*подымая свѣчу*). Поднять, а то еще кто-нибудь споткнется.

Перси. Боже мой! Что я вижу! Лила — у нихъ въ служанкахъ! Это уже ни на что не похоже! За любовь ко мнѣ вы сослали ее въ Гамптонъ; мало,—разжаловали ее въ служанки. Не могли вы выдумать наказанія поблагороднѣе?... Стыдитесь, мистеръ Гаррикъ!

Лила. Стыдитесь, мистеръ Перси! Вы не дали мнѣ кон-

чить перваго дебюта! Я искала суда первыхъ актеровъ нашего вѣка!... А вы? Да зачѣмъ вы здѣсь? Какъ вы смѣли? Развѣ забыли, тто ваша нога не должна быть въ этомъ домѣ?...

Перси. Самъ мистеръ Гаррикъ... Насильно!

Гаррикъ (*въ бѣшенствѣ*). Молчать! Довольно! (*Блѣдный, выходитъ на авансцену*). Заговоръ! Страшный заговоръ! Адская выдумка! Лила дебютировала; этотъ упалъ замертво; докторъ въ паркѣ подъ рукою, чтобы я самъ насильно втащилъ его въ домъ и проигралъ роковой закладъ... Гаррикъ въ дуракахъ... Значитъ, они все знаютъ... Значитъ... не они одни... Слухи, молва! Ага, понимаю! Уже чинятъ перья; въ чернильницахъ разводятъ желчь; уже торжествуютъ позоръ Гаррика!... Завтра! Не удастся! Накормлю я васъ пустыми орѣхами! (*Принимая совершенно спокойный и довольный видъ*). Ну, молодой человѣкъ! Вы далеко уйдете, если неподражаемою игрою своею могли обмануть Гаррика! Право, откровенно вамъ скажу, превосходно! Очень хорошо... Право, я не шучу, истинно не дурно... вѣрьте моей чести... Перси! Ваше испытаніе кончилось! Теперь я вамъ вѣрю... Вы любите Лилу не по-французски... Не говорите, не говорите! Я все зналъ, я предугадывалъ развязку заговору; я позволялъ себя дурачить и обманывать, чтобы вполнѣ убѣдиться въ вашей любви... О, дорогой зять! Я въ восторгѣ. Вѣдь Лила мнѣ не чужая! Вѣдь Лила — дочь моего сердца. Вѣдь я отецъ... я долженъ былъ и васъ и ее испытывать — и теперь совершенно спокоенъ! Счастіе Лилы — несомнѣнно... Благослови васъ небо, какъ я благословляю на землѣ...

Перси. Вѣрить ли нашему счастію?

Лила. Папаша, я боюсь! Неужели это ужъ не комедія?

Гаррикъ (*подавляя плачь, раздирающимъ голосомъ*). Зато въ послѣдній разъ!

Лекенъ. Какъ въ послѣдній?...

Гаррикъ. Послѣ перваго дебюта миссъ Лилы я обѣщаюсь оставить сцену... Что хотите тамъ говорите, пишите про Гаррика, а онъ—всегда чтилъ свято свое слово... Драма жизни моей кончена... Прощай театръ, прощай все!...

Флора. Добрый Давидъ! Что съ тобой! Я не требую этой жертвы...

Гаррикъ. Поздно! Пустите! Не мѣшайте мнѣ плакать надъ покойнымъ Гаррикомъ! Онъ сошелъ со сцены, значитъ сошелъ въ могилу...

(*Заливается слезами. — Всѣ въ грустномъ раздумьѣ*).

Невольничій корабль.

(изъ гейне.)

Поставщикъ товаровъ, мингеръ Ванъ Коекъ,
Въ каютѣ ведетъ свои счеты.
Примѣрную прибыль и грузъ корабля
Считаетъ онъ, полонъ заботы.

—

Всѣхъ триста боченковъ и тюковъ... дадутъ
И перецъ и гумми доходецъ;
Слоновая кость тоже славный товаръ,
Но прибыльнѣй черный народецъ.

—

Смѣхъ дешевы эти рабы..... я шестьсотъ
Отмѣнныхъ досталъ въ Сенегалѣ, —
По твердости мяса, по крѣпости жилъ,
Все вылитыхъ будто изъ стали.

—

Далъ бусъ я въ обмѣнъ, да желѣзныхъ вещицъ,
Да водку, а славное дѣло....
Пускай половина живетъ: восемъсотъ
Процентовъ разчитывай смѣло.

—

Да, пусть только триста я негровъ свезу
До гавани Ріо-Жанейро,
По сотнѣ дукатовъ за штуку возьму
Я съ фирмы Гонзалесъ Перейра»

—

Такъ высчиталъ вѣрно мингеръ ванъ Коекъ,
И этою мыслію дѣльной
Былъ занятъ, какъ вдругъ появился къ нему
Ванъ-Смиссенъ, хирургъ корабельный.

—

То былъ господинъ, самъ, какъ щепка, сухой,
А носъ угреватый, багровый;
«Ну что мои дѣтки? спросилъ ванъ Коекъ
Что черные? всѣ-ли здоровы?»

—

И докторъ сказалъ: «Честь имѣю донесть,
Что мы къ сожалѣнью въ потерѣ:
Усилилась смертность въ послѣднюю ночь
Межь ними въ значительной мѣрѣ.

—

Въ день по двое гибло ихъ среднимъ числомъ,
А нынче мы семь потеряли:
Четыре мужчины, три женщины вдругъ...
Отмѣтилъ я убыль въ журналѣ.

—

Всѣ трупы я тщательно самъ осмотрѣлъ:
Порой плутовскому народу
Прикинуться мертвымъ приходитъ на мысль,
Чтобъ только ихъ бросили въ воду.

—

Оковы я снялъ съ мертвецовъ, и потомъ,
Какъ это устроено мною,
Всѣ трупы я выкинуть въ море велѣлъ
Ранехонько утромъ съ зарею.

—

Посмотришь: ужъ цѣлая стая акулъ
Шныряетъ, отколь ни взялася....
Мои вѣдь нахлѣбники это: они
Такъ падки до чернаго мяса.

—

Съ тѣхъ поръ, какъ мы отплыли, гнались они
За нами съ какою то страстью:
Ужъ чуютъ у насъ мертвечину, скоты,
И, жадные, чавкаютъ пастью.

—

Забавно глядѣть, какъ порой этотъ звѣрь
Несчастные трупы хватаетъ:
Тотъ голову цапнетъ, тотъ ногу порой,
А этотъ обрывки глотаетъ.

—

Какъ все ужъ поглотятъ, вокругъ корабля
Тѣснится, ликуетъ ихъ стая;
Таращатъ глаза на меня, будто мнѣ
За завтракъ любовь изъявляя.»

—

Но грустно прервалъ его рѣчь ванъ Коекъ:
«Какое же злу облегченье?
Въ виду возрастающей смертности сей
Какое принять намъ рѣшенье?»

—

Да черные сами, хирургъ отвѣчалъ,
Виною, что такъ умираютъ:
Въ каютѣ имъ тѣсно, а воздухъ они
Дыханьемъ еще заражаютъ.

—

Притомъ въ меланхоліи многіе мрутъ,
Тоска ихъ смертельная гложетъ;
Но музыка, пляска и воздухъ—какъ разъ
Все это въ болѣзни поможетъ.

—

Совѣтъ превосходный! вскричалъ ванъ Коекъ.
Мой медикъ искуснѣе втрое,
Чѣмъ самъ Аристотель, имѣвшій своимъ
Птенцомъ Александра героя.

—

У общества въ Дельфтѣ, вы знаете, цѣль
Тюльпановъ начать улучшенье...
Искусенъ, конечно, его президентъ;
Но съ вами какое сравненье!

—

Да, музыку! музыку! черныхъ плясать
На палубѣ здѣсь мы принудимъ,
А кто заупрямится прыгать, того
И плеткою пользовать будемъ.»

—

II.

Въ далекой и ясной тверди голубой
Несчетныя звѣзды мерцаютъ:
Большія и умныя, нѣгой онѣ,
Какъ очи красавицъ, сіяютъ.

—

Глядятъ на широкое море съ небесъ:
Свѣтя фосфорическимъ блескомъ,
Далекопурпурное, льется оно
Съ чуть слышнымъ и сладостнымъ плескомъ.

—

Какъ будто совсѣмъ разснащенный, корабль
Недвиженъ и парусъ не бьется:
На палубѣ только блестятъ фонари,
Да музыки гулъ раздается.

—

Тамъ штурманъ усердно на скрипкѣ гудитъ,
Сталъ шкиперъ неволею флейщикъ,
И юнга гремитъ въ барабанъ, а въ трубу
Тамъ трубитъ нашъ докторъ затѣйщикъ.

—

До сотни невольничьихъ дѣвъ и мужчинъ
Ликуютъ, и въ дикомъ весельи
Кружатся и скачутъ: при каждомъ прыжкѣ,
Въ тактъ музыкѣ цѣпи звенѣли....

—

И топаютъ бѣшено: въ страстномъ пылу
Нагаго собрата рукою
Красавица черная вдругъ обовьетъ —
И слышатся стоны порою.

—

A maître des plaisirs все глядитъ палачомъ;
Имѣя веселье въ предметѣ,
Лѣнивыхъ танцоровъ не разъ понукалъ
Онъ бойко ударами плети.

—

И слышится дидельдумъ штредереденъ....
Встревожены пляской ночною

Чудовища бездны, въ тупомъ забытьи
Дремавшія тамъ подъ водою.

—

Стадами всплываютъ акулы на верхъ:
Таращатъ глазищи на судно:
Съ просонья онѣ одурѣли совсѣмъ,
Имъ все это странно и чудно.

—

Но видятъ, что завтрака часъ не насталъ,
И, пасть раскрывая, уныло
Зѣваютъ; усѣяны челюсти ихъ
Рѣзцами, какъ острыя пилы.

—

И слышится дидельдумъ штредереденъ,
И негры въ двойномъ изступленьи
Все пляшутъ и пляшутъ: акулы себѣ
Кусаютъ хвосты въ нетерпѣньи.

—

Да музыка имъ не мила, какъ и всѣмъ
Подобнымъ; по этой причинѣ
Сказалъ и пѣвецъ Альбіона, не вѣрь
Нелюбящей пѣсенъ скотинѣ.

—

Но слышится штредереденъ дидельдумъ,
И льются веселые звуки;
У мачты стоитъ ванъ Коекъ: къ небесамъ
Съ мольбою возноситъ онъ руки.

—

«О смилуйся, Боже! о Боже! щади
Ты жизнь этихъ грѣшниковъ черныхъ;
Прости прегрѣшенья рабовъ, какъ волы,
И глупыхъ и нѣмо-покорныхъ.

—

О смилуйся, Боже! ихъ жизнь пощади,
Чтобъ милость Твоя просіяла...
Вѣдь если не будетъ ихъ триста въ живыхъ,
То все мое дѣло пропало.»

В. ВОДОВОЗОВЪ.

———

ЛОРДЪ ПАЛЬМЕРСТОНЪ.

Исторія Англіи представляетъ не много фактовъ столь занимательныхъ и поучительныхъ, какъ судьба знаменитыхъ политическихъ дѣятелей этой страны. И здѣсь, какъ и вездѣ, случай управляетъ ходомъ жизни. Иногда инисіатива государственныхъ дѣлъ британскаго королевства выпадаетъ на долю представителя древняго аристократическаго рода, а иногда — сына простаго гражданина. Иногда мѣсто главнаго министра занимаетъ человѣкъ съ блистательнымъ правительственнымъ умомъ, а иногда самая горькая посредственность, только по прихоти судьбы поставленная въ головѣ своихъ соотечественниковъ. Лордъ Чатамъ (Chatham), напримѣръ, былъ великій, пламенный, хотя нѣсколько театральный ораторъ; сынъ его Вилльямъ Питтъ обладалъ удивительными финансовыми соображеніями и чрезвычайно твердымъ, рѣшительнымъ характеромъ; Чарльзъ Фоксъ (Fox) отличался даромъ слова, ученостью и тѣмъ благороднымъ сочувствіемъ къ ближнимъ, которое въ дѣлахъ правленія заставляетъ прибѣгать къ прогрессивнымъ мѣрамъ. Съ другой стороны, лордъ Нортъ (North), лордъ Ливерпуль (Liverpool) и лордъ Мельбурнъ (Melbourne) не имѣли никакихъ способностей, необходимыхъ для занятія такой важной должности, кромѣ искуства нравиться въ обществѣ. Далѣе, лордъ Дерби (Derby), нѣсколько разъ бывшій главнымъ министромъ, служитъ представителемъ одного изъ самыхъ древнихъ семействъ гордой англійской аристократіи, тогда какъ сэръ Робертъ Пиль

(Peel) былъ сынъ богатаго мануфактуриста, который только однимъ поколѣніемъ отдѣлялся отъ предковъ, принадлежавшихъ къ рабочему классу. Представляя нашимъ читателямъ нѣсколько подробный разсказъ о карьерѣ нынѣшняго главнаго министра Англіи, мы надѣемся изложить нѣкоторыя подробности относительно современной англійской конституціи.

Судьба лорда Пальмерстона служитъ рѣзкимъ доказательствомъ того соблазна, какой, несмотря на свою скользкость, представляетъ государственное поприще въ Англіи. Пользуясь по праву рожденія всѣми привилегіями сословнаго положенія и богатства, онъ очень рано вступилъ въ парламентъ и принялъ общественную должность. Еслибъ онъ былъ сыномъ французскаго дворянина, то, вѣроятно, занимался бы улучшеніемъ своихъ земель или какими нибудь мануфактурными предріятіями; еслибъ онъ былъ Нѣмецъ, то проводилъ бы время на охотѣ. Еслибъ онъ былъ сыномъ американскаго милліонера, то конечно пренебрегъ бы политикой своей родины и жилъ бы ради пустыхъ развлеченій въ европейскихъ столицахъ; но такъ какъ судьбѣ угодно было сдѣлать его Англичаниномъ, то онъ увидѣлъ передъ собой поприще, которое въ состояніи удовлетворить самому дѣятельному и неограниченному честолюбію;—поприще, какое представляли древній Римъ и Грецiя своимъ гражданамъ—поприще труда, почестей и нескончаемаго прогресса.

Званіе ирландскаго пэра, наслѣдованное Пальмерстономъ, не дозволяло ему вступить въ палату лордовъ. Но въ этомъ случаѣ судьба была къ своему любимцу благосклоннѣе, чѣмъ казалось бы на первый взглядъ: она помогла Пальмерстону втереться въ палату общинъ, единственную арену, на которой честолюбивый государственный человѣкъ можетъ расчитывать на блистательный успѣхъ. Наслѣдовавъ своему отцу въ 1803 году, молодой, девятнадцатилѣтній виконтъ пользовался тѣмъ могущественнымъ значеніемъ, какое имѣетъ древность происхожденія почти во всѣхъ классахъ англійскаго народа. Предки семейства Темпль (Temple), къ которому принадлежитъ Пальмерстонъ, встрѣчаются на страницахъ истоpiи еще во времена саксонской гептархіи, до вступ-

ленія на престолъ короля Альфреда. Одинъ изъ потомковъ этого рода, графъ лестерскій помогъ Эдуарду Исповѣднику взойти на престолъ и прославилъ себя въ преданіяхъ Англіи, давъ случай супругѣ этого короля Годивѣ выказать патріотизмъ и любовь къ гражданамъ города Ковентри — поступокъ, воспѣтый Дженнисономъ (Jennyson) въ нѣкоторыхъ изъ лучшихъ его стихотвореній (*).

Послѣ покоренія Англіи Норманнами, саксонскіе вельможи лишились своихъ владѣній и правъ. Графы лестерскіе превратились въ простыхъ лордовъ Темпля; послѣднее названіе сохранилось за землями, которыя нѣкогда графы лестерскіе подарили Тампліерамъ и которыя впослѣдствіи перешли къ потомкамъ прежнихъ своихъ владѣтелей. Изъ лѣтописей не видно, имѣлъ ли знаменитый мятежникъ и радикалъ тринадцатаго столѣтія, Симонъ де-Монфортъ, графъ лестерскій, какое нибудь другое отношеніе къ этимъ Темплямъ, кромѣ владѣнія ихъ древняго титула. Богатство Темплей, повидимому, быстро приходило въ упадокъ, но они не теряли своей врожденной энергіи. «Flecti non Fracti» (согнуты, но не сломаны) — таковъ ихъ геральдическій девизъ, и они оправдали его на дѣлѣ и доказали, что судьбѣ не легко ихъ сломить. Когда они растеряли богатство и доходныя земли, то обратились къ труду для поддержанія жизни и чести. Въ царствованіе королевы Елизаветы, изъ двухъ братьевъ Темпль, старшій, Джонъ, наслѣдовалъ родовое имѣніе въ Сто (Stow) и былъ предкомъ настоящаго герцога Бёккингамскаго, а младшій, Антони, сдѣлался родоначальникомъ новой отрасли, оканчивающейся лордомъ Пальмерстономъ. Сынъ

(*) Прелестная и благочестивая Година должна была, какъ гласитъ преданіе, по условію съ своимъ жестокосердымъ супругомъ, проѣхать верхомъ на лошади нагая по улицамъ Ковентри, чтобы избавить несчастныхъ жителей этого города отъ тяжкихъ налоговъ. Благодаря мѣрамъ, принятымъ въ городскомъ совѣтѣ, всѣ граждане на время ея поѣздки закрыли свои окна. Только одинъ нескромный человѣкъ подсмотрѣлъ прелестную наѣздницу, но за то лишился зрѣнія. До сихъ поръ на мѣстныхъ народныхъ празднествахъ этотъ несчастный представляется въ видѣ соломеннаго болвана, подъ названіемъ the peeping Tom (подсматривающій Томъ). O'Keefe (О'Кифъ) избралъ это преданіе сюжетомъ для комедіи.

Примѣчаніе переводчика.

этого Антони Темпля, Вилльямъ, успѣшно занимался науками и сдѣлался преподаваталемъ школы въ Линкольнѣ, а потомъ секретаремъ сэра Филипа Сидни (Sidney), который и умеръ на его рукахъ отъ раны, полученной въ сраженіи при Цутфенѣ. Вилльямъ Темпль наслѣдовалъ отъ своего знаменитаго друга, по завѣщанію, тридцать фунтовъ стерлинговъ ежегоднаго дохода и пріобрѣлъ расположеніе графа Эссекса. Но когда этотъ новый покровитель скончался на эшафотѣ и его друзья подверглись ненависти государственнаго секретаря Цециля (Cecil), Вилльямъ Темпль, не желая подвергаться преслѣдованію со стороны этого могущественнаго вельможи, удалился въ Ирландію и тамъ, благодаря своимъ заслугамъ и учености, сдѣлался превотомъ дублинскаго университета. Отростокъ, посаженный такимъ образомъ на новую почву, сталъ восходить къ почестямъ и богатству. Вилльямъ Темпль, благодаря своему знанію законовъ, получилъ государственную должность въ Ирландіи. Сынъ его, Джонъ, сдѣлался знаменитымъ юристомъ и судьею и выказалъ замѣчательную способность примѣняться къ обстоятельствамъ, не роняя своего достоинства, — способность, повидимому, наслѣдственную въ его родѣ. Физическая сила, кажется, также составляетъ характеристическую черту этого семейства. Сэръ Джонъ умеръ семидесяти семи лѣтъ, его отецъ, сэръ Вилльямъ семидесяти трехъ. Преемникъ сэра Джона, сэръ Вилльямъ Темпль, извѣстенъ какъ государственный человѣкъ и другъ Вильгельма Оранскаго. Онъ былъ главнымъ виновникомъ тройственнаго союза между Англіей, Голландіей и Швеціей, который нанесъ такой сильный ударъ честолюбивымъ замысламъ Лудовика XIV. Способность дипломатическая была у него наслѣдственная. Онъ умеръ на семидесятомъ году отъ рожденія. Его братъ, сэръ Джонъ, былъ юристомъ, политикомъ и ораторомъ въ ирландской палатѣ общинъ и въ такой степени пользовался общимъ уваженіемъ современниковъ, что, по лестному для него замѣчанію архіепископа Шельдона, «всѣ о немъ отзывались хорошо». Онъ прожилъ семьдесятъ одинъ годъ и былъ отцомъ Генри Темпля, который въ 1722 году получилъ отъ короля Георга I титулъ барона Темпля и виконта Пальмерстона. Мы съ намѣреніемъ ука-

зали на глубокую старость, которой достигали члены этого семейства, такъ какъ долговѣчность, вообще, служитъ доказательствомъ здоровой физической организаціи. Первый лордъ Пальмерстонъ, скончался на восемьдесятъ четвертомъ году, переживъ своего старшаго сына, и, умирая, оставилъ своимъ преемникомъ внука, отца нынѣшняго пэра. Такимъ образомъ титулъ виконта перешелъ только къ третьему наслѣднику въ родѣ, хотя данъ былъ еще въ 1722 году и хотя первый обладатель его, прадѣдъ нынѣшняго лорда, родился въ 1673, въ царствованіе Карла II. Эти замѣчанія могутъ казаться мелочными, но мы ихъ считаемъ нелишними для объясненія характера главнаго министра Англіи, — характера, представляющаго смѣсь элементовъ прошедшаго и настоящаго времени: темпераментъ теплый и сангвиническій, увлекающійся всякимъ случайнымъ преимуществомъ, но сдерживаемый умомъ осторожнымъ и осмотрительнымъ, руководимымъ семейными преданіями и личной опытностью.

Генри Джонъ Темпль, нынѣшній главный министръ Англіи, родился въ 1784 году въ Бродлэндахъ (**Broadlands**), въ Гамширѣ, мѣстопребываніи своихъ родителей. Его мать, урожденная миссъ Мэри Ми (**Mee**), кажется, пріобрѣла своего благороднаго супруга вслѣдствіе романтическаго приключенія. Говорятъ, что старый лордъ Пальмерстонъ упалъ съ лошади и былъ въ опасномъ положеніи принесенъ въ домъ Авраама Ми. Такъ какъ онъ былъ сильно болѣнъ, то за нимъ стала ухаживать дочь хозяина. Благородный пэръ, бывшій уже четырнадцать лѣтъ вдовцомъ, влюбился въ нее и предложилъ ей свою руку. Замѣчательно, что этотъ второй виконтъ Темпль занималъ какую-то государственную должность въ то время, когда въ головѣ министерства находился маркизъ Роккинггамскій. Это обстоятельство доказываетъ, что тогда еще въ семействѣ вигизмъ сохранялся по наслѣдству. Уже впослѣдствіи, когда французская революція произвела реакцію въ Англіи, многіе изъ либеральныхъ дворянъ перешли къ партіи Тори. Молодой Темпль выросъ подъ вліяніемъ этой реакціи. На его воспитаніе родители не пожалѣли издержекъ. Онъ посѣщалъ сначала школу въ Гарро (**Harrow**), потомъ въ Эдинборо, гдѣ слушалъ лекціи Дюгаль-

да Стюарта (Dugald Stewart), и наконецъ получилъ степень магистра (magister artium) въ кембриджской коллегіи Св. Джона, въ 1806 году. Онъ никогда не имѣлъ притязаній на большую ученость. Его способности были хороши, но онъ не успѣлъ развить ихъ науками. Дѣйствительно, онъ сталъ учиться позже, чѣмъ другіе мальчики, и вступилъ въ свѣтъ раньше другихъ молодыхъ людей. Сосѣди въ Гамширѣ часто упрекали его мать, что она слишкомъ долго оставляетъ при себѣ своего сына. Онъ былъ уже большимъ мальчикомъ, когда освободился отъ женскаго воспитанія и поступилъ подъ надзоръ гувернеровъ и учителей. Съ другой стороны, ему было всего восемнадцать лѣтъ, когда онъ лишился отца и сдѣлался виконтомъ Пальмерстономъ. Отличаясь красивой наружностью и веселымъ, живымъ характеромъ, съ значительною примѣсью ирландской горячности, онъ, при вступленіи въ свѣтъ, долженъ былъ имѣть рѣшительный успѣхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ тогда имѣлъ болѣе права на титулъ «купидона», чѣмъ впослѣдствіи, во время служебной своей дѣятельности, когда это названіе дано было ему въ насмѣшку. Какъ бы то ни было, благодаря своимъ талантамъ и громко высказанному образу мыслей, онъ былъ избранъ представителемъ партіи Тори во время важной борьбы ея съ противниками. По смерти Питта, въ 1806 году, Фоксъ сдѣлался главнымъ министромъ, а молодой лордъ Генри Питти (Petty), нынѣшній маркизъ Ландсдоунъ (Lansdowne), — канцлеромъ казначейства. Такимъ образомъ открылось мѣсто парламентскаго представителя со стороны кембриджскаго университета: Главнымъ популярнымъ кандидатомъ на это мѣсто явился молодой лордъ Генри, но партія Тори противупоставила другаго кандидата, еще болѣе молодаго, въ лицѣ лорда Пальмерстона. Она, однакожъ, потерпѣла въ этомъ дѣлѣ совершенное пораженіе. Но Пальмерстонъ все-таки поступилъ въ палату общинъ, бывъ избранъ представителемъ мѣстечка Блетшингли (Bletchingley). Вскорѣ потомъ онъ вкусилъ сладость государственной службы, такъ какъ министерство Тори, вступившее въ управленіе послѣ смерти Фокса, назначило его младшимъ лордомъ адмиралтейства. Два года спустя, онъ назначенъ былъ сек-

ретаремъ по военнымъ дѣламъ, которое и сохранялъ потомъ около двадцати лѣтъ. Съ этой должностью въ то время не соединялось званіе *кабинетъ*-министра и лордъ Пальмерстонъ преимущественно ограничивался исполненіемъ необходимыхъ обязанностей въ палатѣ общинъ, гдѣ говорилъ рѣдко,—и то только, когда дѣло касалось военнаго вѣдомства, состава арміи и разныхъ въ ней преобразованій. Такимъ образомъ онъ служилъ при нѣсколькихъ главныхъ министрахъ партіи Тори, не стараясь защищать ихъ главную политику, но довольствуясь подачею голоса въ пользу предлагаемыхъ ими мѣръ и исполненіемъ своей собственной должности. Его первымъ начальникомъ былъ герцогъ Портлендскій, потомъ Персеваль, лордъ Ливерпуль, Каннингъ и герцогъ Веллингтонъ. Въ 1818 году, когда главнымъ министромъ былъ Кастльригъ (Castlereagh), лордъ Пальмерстонъ едва не поплатился жизнію отъ руки убійцы. Когда онъ всходилъ по лѣстницѣ военнаго департамента, лейтенантъ 62-го пѣхотнаго полка, Дэвисъ (Davies), получавшій половинное жалованье, выстрѣлилъ въ него изъ пистолета. Пуля прошла сквозь платье секретаря, посреди спины, и вышла у лопатки плеча, не причинивъ лорду серьёзнаго вреда. Преступникъ немедленно былъ схваченъ и, обратившись къ сторожу, сказалъ: «Вамъ извѣстно, что я обиженъ! Я его убилъ!» Въ чемъ состояла обида, понесенная имъ, доселѣ остается для насъ тайной. Во время слѣдствія, съ Дэвисомъ обращались не какъ съ преступникомъ, но какъ съ сумасшедшимъ, и потому причины ссоры не были раскрыты. Этотъ случай, едва не прервавшій карьеру Пальмерстона, ускользнулъ отъ вниманія нашихъ современныхъ писателей. Странно, что имя будущаго главнаго министра рѣдко встрѣчается въ скандалезной перепискѣ, изданной для объясненія временъ регентства и царствованія Георга IV. Разъ, впрочемъ, тамъ упоминается о Пальмерстонѣ, какъ о близкомъ другѣ Каролины Брауншвейгской, несчастной супруги короля. Пальмерстонъ часто посѣщалъ ее и игралъ съ нею въ шахматы, когда она, въ качествѣ принцессы валлійской, жила въ Кенсингтонѣ. Описаніе его характера, сдѣланное въ то время, очень интересно: «Лордъ Пальмерстонъ», сказано въ этой перепискѣ, «усердно уха-

живаетъ за принцессой: онъ не изъ тѣхъ людей, которые пренебрегаютъ какимъ бы то ни было средствомъ для достиженія власти. Онъ направилъ къ этой цѣли всѣ свои помыслы и вѣроятно осуществитъ свои надежды, какъ и всякій, кто только настойчиво преслѣдуетъ одинъ какой нибудь предметъ, хотя этотъ честолюбецъ, кромѣ ловкости, не имѣетъ никакого права на отличіе. Замѣчательно, что, несмотря на свое кроткое и пріятное обращеніе, онъ не пользуется популярностью. Принцесса хотя и не положительно къ нему пристрастна, но удостоиваетъ его вниманія».

Это мѣсто ясно представляетъ Пальмерстона, какъ осторожнаго политика-интриганта. Долго онъ не могъ осуществить своихъ надеждъ относительно «достиженія власти», но неудачи не отняли у него энергіи. Лѣтъ двадцать онъ подчинялъ себя волѣ людей, которыхъ, быть можетъ, презиралъ отъ всей души; онъ изучалъ свою роль, искуство защищать запутанные вопросы, пріобрѣтать друзей и представлять дурное дѣло съ хорошей стороны. Онъ пріобрѣлъ эти качества и постоянно ихъ совершенствовалъ нетолько въ палатѣ общинъ и въ департаментѣ военныхъ дѣлъ, но даже въ частныхъ домахъ и особенно въ обществѣ женщинъ высшаго круга, которыхъ благоволеніе болѣе заставляло обращать на него вниманіе публики, чѣмъ собственные его таланты.

Наконецъ, онъ почувствовалъ въ себѣ достаточно силы, чтобы быть независимымъ. Хотя онъ служилъ подъ начальствомъ столь многихъ лицъ, что казался совершенно равнодушнымъ относительно того, кто главный министръ и каковъ его образъ мыслей, — однакожъ рѣшился возстать противъ одного изъ самыхъ твердыхъ и настойчивыхъ министровъ—герцога Веллингтона. Онъ даже подалъ въ отставку, ссылаясь на свои личныя убѣжденія, будто недозволявшія ему продолжать карьеру. Поводомъ къ этому послужило увольненіе Гёскиссона (**Huskisson**), подавшаго голосъ противъ билля о лишеніи мѣстечка **East-Betford** права избирать представителя въ парламентъ. Казалось, этотъ вопросъ не долженъ былъ бы имѣть такихъ важныхъ послѣдствій, какова отставка двухъ или трехъ министровъ; но съ нимъ

связаны были принципы общей политики, министерскаго и парламентскаго управленія, которые интересно было бы изложить подробно, еслибъ позволялъ объемъ нашей статьи. Ограничимся, для объясненія этого обстоятельства, нѣсколькими словами. Послѣдователи Каннинга, бывшіе представителями такъ называемыхъ нынѣ либерально-консервативныхъ принциповъ, пристали къ министерству Веллингтона въ томъ предположеніи, что ихъ мнѣніямъ дозволено будетъ имѣть вліяніе въ совѣтѣ министровъ. Гёскиссонъ, находившійся въ головѣ ихъ, вскорѣ замѣтилъ, что старинная партія Тори, предводительствуемая Веллингтономъ и Пилемъ, не слишкомъ расположена сдѣлать какую бы то ни было уступку духу реформы, распространившемуся въ обществѣ. Подавъ голосъ противъ Пиля по поводу означеннаго нами вопроса, Гёскиссонъ счелъ нужнымъ, въ видахъ приличія, просить объ отставкѣ, въ полной увѣренности, что его просьба будетъ отвергнута. Но онъ ошибся въ расчетѣ. Веллингтонъ принялъ его просьбу и представилъ ее королю и Гёскиссонъ былъ, дѣйствительно, уволенъ. Онъ просилъ аудіенціи у короля, но не былъ допущенъ, по совѣту Веллингтона, и затѣмъ оставилъ службу. Лордъ Дёдли (Dudley) и Пальмерстонъ, служившіе съ Каннингомъ и проповѣдывавшіе его мнѣнія, также вышли въ отставку, вмѣстѣ съ своимъ другомъ. Весь свѣтъ тогда смѣялся надъ нецеремоннымъ, военнымъ способомъ герцога внушать своимъ подчиненнымъ уваженіе къ дисциплинѣ. Но упрямые противники Веллингтона не хотѣли подчиниться несправедливому авторитету. Гёскиссонъ по этому поводу сказалъ: «Избави Богъ всякаго быть государственнымъ секретаремъ и имѣть возможность видѣть своего короля не иначе, какъ только съ дозволенія главнаго министра. При такихъ условіяхъ, можно быть главнымъ клеркомъ, главнымъ начальникомъ какого нибудь исполнительнаго департамента, но нельзя оставаться государственнымъ министромъ, совѣтникомъ, который необходимо долженъ пользоваться довѣріемъ своего короля (*)». Когда Гёскиссонъ кончилъ необыкновенно-длинную рѣчь и когда секретарь

(*) См. Hansard's Parlamentary Debates, іюня 2-го, 1828.

Пиль (впослѣдствіи сэръ Робертъ) отвѣтилъ другою, тоже длинною рѣчью, виконтъ Пальмерстонъ всталъ и прямо и открыто одобрилъ поступокъ своего друга, выходившаго въ отставку, и объявилъ, что намѣренъ послѣдовать его примѣру. Въ этой рѣчи мы видимъ что-то похожее на публичное признаніе политическихъ вѣрованій со стороны оратора. «Главная причина», сказалъ онъ, «почему я присталъ къ министерству благороднаго герцога, заключалась въ довѣріи къ моему другу, сдѣлавшемуся членомъ этого правленія. Я *очень строгъ въ отношеніи своихъ политическихъ принциповъ*, большей части которыхъ мой почтенный другъ явился могущественнымъ адвокатомъ. Я не имѣю претензіи думать, что самъ былъ бы въ состояніи осуществить какую нибудь политическую систему, но, видя своего друга членомъ совѣта министровъ, я былъ увѣренъ, что безопасно могу слѣдовать своимъ принципамъ.»

Упоминая о внѣшней политикѣ Каннинга, лордъ Пальмерстонъ сказалъ въ своей рѣчи: «Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ наши отношенія къ другимъ народамъ поставили Англію на такую высоту, какой она рѣдко достигала и выше которой никогда не поднималась въ прежнія времена. Этимъ положеніемъ она обязана была не беззаконному насилію, но довѣрію, внушенному нашей справедливостью и умомъ нашихъ совѣтовъ. Такъ мы пріобрѣли уваженіе образованнаго міра»... Эти слова, произнесенныя въ такое время, когда ораторъ добровольно оставлялъ свое мѣсто, не имѣя въ виду вскорѣ занять его снова, и когда онъ еще не могъ думать о вступленіи когда либо въ должность министра иностранныхъ дѣлъ, показываютъ основныя понятія Пальмерстона относительно иностранной политики и служатъ ключемъ къ разъясненію той системы вмѣшательства, которая ознаменовала позднѣйшую его политическую карьеру. Онъ очевидно восхищался дѣйствіями Каннинга. Эти дѣйствія всегда были слѣдствіемъ вдохновенія, и точно такъ же желаетъ дѣйствовать Пальмерстонъ. Каннингъ, по поводу подачи Англичанами помощи Португальцамъ, говорилъ ловкимъ, хвастливымъ тономъ: «Мы идемъ поставить знамя Англіи на знакомыхъ высотахъ Лиссабона. Гдѣ развѣвается это знамя, тамъ не

бывать иноземному владычеству». Спустя двадцать четыре года, Пальмерстонъ, въ своей длинной рѣчи объ англійской политикѣ въ отношеніи Греціи, желая оправдать свое поведеніе въ дѣлѣ дона Пацифико, говорилъ не менѣе хвастливымъ тономъ: «Какъ древній Римлянинъ считалъ себя безопаснымъ отъ безчестія, когда могъ сказать: *civis Romanus sum*, такъ англійскій подданный, въ какой бы ни находился странѣ, долженъ быть увѣренъ, что зоркій глазъ и твердая рука правительства защитятъ его отъ несправедливости и обиды».

Неудивительно, что подобные министры пользуются популярностью въ Англіи, какъ бы ни значительна была ненависть къ нимъ со стороны иностранныхъ державъ: одно изъ самыхъ сильныхъ инстинктивныхъ чувствованій Джонъ-Булля, едва укрощаемое развитіемъ просвѣщенія, заключается въ желаніи посредствомъ удара кулакомъ въ лицо внушить иностранцамъ должное понятіе о своемъ значеніи.

Лордъ Пальмерстонъ сохранилъ еще другую черту, скопированную имъ съ Каннинга, болѣе естественную, чѣмъ первая. Онъ часто прибѣгаетъ къ насмѣшкамъ въ парламентскихъ дебатахъ. Онъ не имѣетъ того тонкаго, вѣжливаго остроумія, какимъ отличался Каннингъ, но зато обладаетъ не малымъ талантомъ представлять своего оппонента съ смѣшной стороны и отдѣлываться шутками отъ затруднительныхъ вопросовъ. Его сарказмы не лишены ѣдкости, что доказываетъ досада, обнаруженная Брайтомъ, когда Пальмерстонъ, отвѣчая на одну изъ строгихъ, правоучительныхъ рѣчей квакера, началъ, будто ненарочно, словами: «The *reverend* gentleman» (преподобный джентльменъ), вмѣсто обыкновенно употребляемой фразы «The honorable gentleman» (достопочтенный джентльменъ). Громкій смѣхъ, вызванный этой выходкой оратора, привелъ Брайта почти въ бѣшенство.

Но мы сдѣлали отступленіе! Мы ужъ замѣтили, что вопросъ о лишеніи мѣстечка East-Betford права имѣть представителя въ парламентѣ, вопросъ, казавшійся самъ по себѣ маловажнымъ, послужилъ, однакожъ, исходной точкой политической карьеры Пальмерстона. Не далѣе, какъ за три года передъ тѣмъ, распространился всеобщій слухъ, что этотъ

членъ парламента едва ли удостоится быть избраннымъ вновь, со стороны Кембриджа, и что онъ, вѣроятно, оставитъ нижнюю палату и перейдетъ въ верхнюю. Въ качествѣ члена палаты пэровъ, Пальмерстонъ явился бы второстепеннымъ лицомъ, и тогда міръ лишился бы назидательнаго зрѣлища его карьеры, въ должности секретаря иностранныхъ дѣлъ и въ должности главнаго министра Англіи.... Мы нѣсколько подробно распространились объ этомъ раннемъ періодѣ его жизни, такъ какъ онъ покрытъ мракомъ, котораго до сихъ поръ еще не пытались разсѣять писатели. Мы надѣялись также открыть, въ какой степени оправдается здѣсь правило, что «начало будущаго значенія человѣка полагается въ его дѣтствѣ». Мы видимъ, что сильная физическая комплекція Пальмерстона въ продолженіе первыхъ сорока лѣтъ его жизни не разрушалась отъ чрезмѣрныхъ трудовъ и государственныхъ заботъ. Мы находимъ его въ цвѣтѣ силъ, когда онъ начинаетъ настоящую борьбу для осуществленія своихъ честолюбивыхъ видовъ, вооруженный долголѣтней служебной опытностью. И мы заключаемъ, что это медленно развивавшееся честолюбіе, это позднее стремленіе къ славѣ и могуществу дошло до степени энтузіазма вслѣдствіе симпатіи къ знаменитому министру, котораго подвиги казались достойными подражанія, потому что сопровождались такимъ необыкновеннымъ блескомъ. Держась за этотъ ключъ, мы теперь постараемся изложить коротко болѣе извѣстный періодъ карьеры лорда Пальмерстона, начавшійся со вступленія Вильгельма IV на престолъ Англіи.

При жизни Каннинга, ораторскія способности лорда Пальмерстона погружены были въ такой глубокій сонъ, что главный министръ изъявлялъ сожалѣніе, что лишенъ важной поддержки, благодаря молчанію своего военнаго секретаря, котораго онъ сравнивалъ съ военнымъ кораблемъ перваго ранга. «Кабъ бы я радъ былъ,» сказалъ онъ разъ, утомленный нападками со стороны противной партіи,—«какъ бы я радъ былъ, еслибъ могъ заставить этотъ трехдечный корабль-Пальмерстона, разить моихъ противниковъ!»

Въ то время, когда Пальмерстонъ выходилъ въ отставку, главнымъ вопросомъ, занимавшимъ англійское общество, былъ

вопросъ о возвращенiи католическимъ подданнымъ Великобританiи тѣхъ политическихъ правъ, которыхъ они лишены были послѣ реформацiи и возстановленiе которыхъ устранено было по-крайней-мѣрѣ на цѣлое столѣтiе вслѣдствiе безразсудной попытки короля Iакова II заставить Англичанъ возвратиться къ католицизму. Въ этомъ вопросѣ лордъ Пальмерстонъ и послѣдователи Каннинга приняли сторону либеральной партiи и выказали рѣдкое умѣнье поддерживать свои мнѣнiя въ парламентскихъ пренiяхъ. Одной изъ лучшихъ рѣчей Пальмерстона была та, которую онъ произнесъ 18-го марта 1829 года по случаю билля объ эманципацiи католиковъ. Эта рѣчь дѣльная, и живая. Авторъ въ ней смѣется надъ опасенiями тѣхъ, которые въ допущенiи сорока или пятидесяти католическихъ джентльменовъ въ парламентъ видятъ возможность ниспровергнуть конституцiю протестантской страны. Что касается до влiянiя, какое католики прiобрѣтутъ на политику вслѣдствiе допущенiя ихъ въ палаты, то авторъ замѣчаетъ, что это влiянiе будетъ гораздо менѣе вредно, чѣмъ то, которое они уже обнаруживаютъ посредствомъ своихъ митинговъ. Онъ смѣло утверждаетъ, что этотъ вопросъ не религiозный, а политическiй, касающiйся Ирландiи, и что справедливость и человѣколюбiе въ отношенiи къ этой странѣ требуютъ утвержденiя билля; а также и здравая политика, потому что въ противномъ случаѣ неизбѣжно должна вспыхнуть междоусобная война. Тѣмъ, которые осмѣивали предположенiе относительно возможности со стороны Ирландiи противиться англiйскому могуществу, Пальмерстонъ замѣтилъ: «Хорошо тѣмъ джентльменамъ Англiи, которые живутъ подъ покровительствомъ закона, которыхъ сонъ никогда не нарушался звукомъ перекрещиваемыхъ мечей и которыхъ жатва никогда не топталась непрiятельской ногой,—хорошо имъ разсуждать о гражданской войнѣ, какъ о праздничномъ препровожденiи времени или о дѣтской игрѣ: надъ ранами смѣется тотъ, кто ихъ никогда не испыталъ. Но что джентльмены, видѣвшiе собственными глазами и слышавшiе собственными ушами всѣ ужасы, порождаемые междоусобной бранью, могутъ смотрѣть на подобное явленiе не какъ на величайшее

изъ народныхъ бѣдствій,—это составляетъ для меня предметъ глубочайшаго удивленія».

Безъ сомнѣнія, человѣкъ, который въ состояніи былъ произнести такую рѣчь въ присутствіи цѣлой фаланги предубѣжденныхъ Англичанъ, имѣлъ всѣ качества, необходимыя для того, чтобы соперничать съ большею частію политическихъ ничтожностей, игравшихъ въ то время роль въ британскомъ парламентѣ. Хотя смерть является жестокимъ врагомъ, когда поражаетъ нашихъ друзей, но она вообще подаетъ надежду возвыситься на лѣствицѣ честолюбія тѣмъ, кто переживаетъ ихъ. Въ этомъ отношеніи Пальмерстонъ былъ счастливъ. Каннингъ скончался вслѣдствіе чрезмѣрныхъ трудовъ, едва переступивъ за цвѣтущій періодъ своей жизни. Три года спустя, Гёскиссонъ погибъ на первой англійской желѣзной дорогѣ, а потомъ люди, подобные лорду Дёргаму (Durham), лорду Мельбурну и сэру Роберту Пилю, удостоившіеся особеннаго вниманія публики, преждевременно сошли въ могилу. Точно такъ же Брумъ (Brougham), болѣе всѣхъ своихъ современниковъ любимый народомъ, рано попалъ въ сѣти, представляемыя палатой пэровъ, а единственно оставшійся соперникъ Пальмерстона, лордъ Джонъ Россель, торжественно побѣжденъ былъ въ борьбѣ за могущество и долженъ былъ отступить на второй планъ.

Какъ извѣстно читателямъ англійской исторіи, мнѣнія, поддержанныя лордомъ Пальмерстономъ относительно католическаго вопроса, окончательно восторжествовали въ парламентѣ. Веллингтонъ и Пиль, послѣ упорнаго сопротивленія, должны были уступить требованіямъ, изложеннымъ въ биллѣ объ эманципаціи католиковъ. Пальмерстонъ замѣтилъ сильный приливъ либеральныхъ идей, овладѣвшій обществомъ, и отказавшись отъ партіи Тори, рѣшился соединить свою участь съ прежними своими противниками, Вигами.

Іюня 26-го 1830 года, Георгъ IV скончался, оставивъ своимъ наслѣдникомъ брата, мореходца, герцога Кларенцкаго, который и вступилъ на престолъ подъ именемъ Вильгельма IV. Веллингтонъ и Пиль продолжали исправлять свои должности до ноября, но тогда принуждены были оставить ихъ, уступая общественному мнѣнію, выразившемуся въ пользу Виговъ.

Эта партія, подъ предводительствомъ графа Грея (Grey), овладѣла въ парламентѣ скамьею казначейства, на которую въ продолженіе двадцати–четырехъ лѣтъ напрасно посматривали съ завистью съ холодныхъ лавокъ оппозиціи.

Вмѣстѣ съ другими послѣдователями Каннинга, новообращенный Вигъ, Пальмерстонъ вступилъ въ государственный совѣтъ и перешелъ отъ однихъ мнѣній къ другимъ съ такою легкостью, что какъ будто онъ никогда не имѣлъ ихъ. Онъ принялъ печати государственнаго секретаря иностранныхъ дѣлъ, должность, отъ которой отказался его прежній товарищъ, лордъ Дедли (Dudley).

Наши читатели, безъ сомнѣнія, знаютъ, что третье десятилѣтіе нынѣшняго вѣка было въ Европѣ періодомъ реакціи противъ либеральныхъ идей, которыя во времена низверженія Наполеона, до извѣстной степени, преобладали даже на престолахъ. Въ 1815 году Людовикъ XVIII вступилъ во Францію съ *хартіею* въ рукахъ; король прусскій обѣщалъ своимъ подданнымъ конституціонную свободу, въ награду за патріотическую борьбу противъ Наполеона; другіе германскіе правители казались готовыми сдѣлать подобную же уступку духу времени и даже владѣтели болѣе значительные не боялись теорій, которымъ покровительствовали Кастльригъ и Веллингтонъ. Дѣйствительно, конституціонная форма правленія казалась весьма невиннымъ созданіемъ, неспособнымъ нарушить спокойствіе владыкъ. Но впродолженіе десяти лѣтъ она обнаружила свой безпокойный характеръ и свои плоды—свободу мысли и свободу книгопечатанія. Тогда многіе стали жалѣть о своей привязанности къ конституціоннымъ идеямъ. Образовался такъ называемой Священный союзъ и новая система политики стала прилагаться съ такою силой и съ такимъ успѣхомъ, что англійское министерство полагало, что консерватизмъ, достигшій высшей степени своего развитія, надолго воцарится въ Европѣ. Вслѣдствіе этого внѣшняя политика главнаго англійскаго министра приняла характеръ рутины и узкости взглядовъ. Поведеніе министровъ во время борьбы въ Португаліи между дономъ Мигуелемъ (Miguel) и дономъ Педро, вызвало со стороны сэръ Джэмсъ Мэкинтоша (Macintoch) требова-

ніе ихъ къ отвѣту въ палату общинъ, 1-го іюня 1829 года. Онъ обвинялъ ихъ въ томъ, что они нарушили нейтралитетъ Англіи, покровительствуя дону Мигуелю и препятствуя планамъ дона Педро и его приверженцевъ. Пиль возражалъ Мэкинтошу и былъ поддерживаемъ Гёскиссономъ, который старался представить тождество современной политики правительства съ образомъ дѣйствій Каннинга. Тогда всталъ лордъ Пальмерстонъ и въ длинной энергической рѣчи далъ идеямъ Каннинга относительно внѣшней политики толкованіе, совершенно различное отъ того, какое предлагалъ Гёскиссонъ. Онъ откровенно признавался въ своихъ мнѣніяхъ, клонившихся въ пользу вмѣшательства въ дѣла иностранныхъ державъ, но только въ томъ случаѣ, когда это вмѣшательство ограничится *исключительно нравственнымъ вліяніемъ* и не потребуетъ примѣненія матеріальныхъ силъ. «Есть двѣ большія партіи въ Европѣ», сказалъ онъ: «одна, старающаяся пріобрѣсти власть посредствомъ общественнаго мнѣнія, а другая—посредствомъ физической силы. Принципъ, на которомъ основана система послѣдней партіи, по моему мнѣнію, совершенно ложенъ. Въ природѣ нѣтъ другой движущей силы, кромѣ духа, все остальное находится въ страдательномъ состояніи. Въ дѣлахъ частныхъ лицъ эта сила заключается въ ихъ личномъ мнѣніи, въ дѣлахъ политическихъ—во мнѣніи общества. Кто присвоиваетъ себѣ власть, тотъ вмѣстѣ съ тѣмъ подчиняетъ себѣ и физическую силу и заставляетъ ее осуществить задуманный имъ планъ.» Подтвердивъ затѣмъ свое мнѣніе примѣромъ штурмана, который надъ глубокою бездною океана управляетъ по своей волѣ величественнымъ кораблемъ, подчиняя такимъ образомъ внѣшнюю природу силѣ своего собственнаго духа, Пальмерстонъ продолжалъ: «И эти государственные люди, умѣющіе воспользоваться страстями, интересами и мнѣніями другихъ, въ состояніи пріобрѣсти такое вліяніе на человѣческія дѣла, какое далеко превосходитъ силы управляемой ими страны.»

Въ этой рѣчи онъ ясно показалъ, какимъ, по его предположенію, долженъ быть англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, а слѣдовательно какимъ долженъ быть и самъ, въ случаѣ занятія этой должности. Едва прошелъ годъ по

прочтенiи этой рѣчи, какъ графъ Грей предложилъ лорду Пальмерстону занять мѣсто государственнаго секретаря иностранныхъ дѣлъ, по всей вѣроятности не предполагая важнонти такого назначенiя, которымъ могущество и авторитетъ Асглiи, въ отношенiи къ иностраннымъ державамъ, вручалось человѣку шаткихъ политическихъ началъ.

Теперь относительно нашего понятiя о поведенiи лорда Пальмерстона въ дѣлахъ, касающихся всеобщей европейской политики, мы должны замѣтить, что крайнiя политическiя партiи ошибаются, считая его злѣйшимъ врагомъ человѣчества. Чтобъ имѣть честь пользоваться такимъ положенiемъ, надо имѣть гораздо больше силы, чѣмъ сколько ея у перваго министра Англiи. Но напрасно также владѣтели Австрiи и Неаполя, министры школы Меттерниха, все бремя своихъ преступленiй и тупости сваливаютъ на плечи Пальмерстона, заклеймивъ его слѣдующимъ стихомъ:

«Hat der Teufel einen Sohn,
So ist er, sicher, Palmerston.» (*)

Мы не вѣримъ въ справедливость этихъ обвиненiй, и еще менѣе, въ нелѣпый навѣтъ Уркуарта (Urkuqart), что лордъ Пальмерстонъ былъ подкупленъ чтобы измѣнить интересамъ родной страны въ пользу одной изъ европейскихъ державъ. У лорда Пальмерстона нѣтъ никакого личнаго политическаго вѣрованiя; онъ прiобрѣлъ искуство управлять массами людей, посредствомъ заискиванiя популярности съ одной стороны, и посредствомъ ловкаго сопротивленiя съ другой, пользуясь слабостями обѣихъ сторонъ. Не имѣя ни строгихъ правилъ, ни политическихъ убѣжденiй, онъ слѣдитъ за теченiемъ общественнаго мнѣнiя и, благодаря инстинкту, свойственному всѣмъ практическимъ людямъ, знаетъ, когда броситься въ этотъ потокъ и когда изъ него выплыть. Талейранъ сказалъ о Пальмерстонѣ: «C'est un homme qui n'a pas le talent du raisonnement.» (**) Онъ, повидимому, забылъ, что

(*) Если есть у чорта сынъ, то это, безъ сомнѣнiя, Пальмерстонъ.
(**) Это человѣкъ, не имѣющiй таланта разсуждать.

въ Англіи не должностныя лица, но самое общество создаетъ политическіе виды, и что сколько бы эти лица ни старались быть руководителями общественнаго мнѣнія, они на самомъ дѣлѣ только слѣдуютъ его предписаніямъ. Министръ Англіи такъ же мало въ состояніи принудить страну къ мѣрамъ, къ которымъ она не приготовлена, какъ и противиться требованіямъ, предлагаемымъ большинствомъ. Нѣкоторое исключеніе изъ этого правила, безъ сомнѣнія, представляетъ внѣшняя политика, въ отношеніи которой англійская публика до весьма недавняго времени довольствовалась совершеннымъ незнаніемъ. Этимъ обстоятельствомъ лордъ Пальмерстонъ не замедлилъ воспользоваться во время своего продолжительнаго завѣдыванія дѣлами внѣшней политики. Онъ велъ свои дипломатическія сношенія съ большею таинственностью, и только когда нуждался въ содѣйствіи народа, чтобы напасть на иностранную державу, знакомилъ публику съ предстоящимъ дѣломъ настолько, чтобы затронуть ея національное чувство и возбудить ненависть къ правительству, противъ котораго вооружался. Съ этою цѣлью необходимо было дѣйствовать на общественное мнѣніе посредствомъ печати, и въ этомъ отношеніи доказано, что никто изъ современныхъ политиковъ не пользовался съ такимъ умѣньемъ станкомъ типографіи и перомъ журналистовъ, какъ Пальмерстонъ. На это онъ не щадилъ ни средствъ, ни происковъ... Совершенно равнодушный къ тому, что справедливо или несправедливо, не имѣя ни малѣйшаго понятія о томъ, чего требуютъ, желаютъ и что чувствуютъ массы, онъ всегда искалъ опоры въ томъ или другомъ отдѣльномъ сословіи и также легко становился на сторонѣ преобладающей силы, какъ искусно отступалъ отъ партіи, готовой пасть или потерпѣть пораженіе. И если Вольтеръ справедливо сказалъ, что люди успѣваютъ въ жизни не столько умомъ, сколько характеромъ, то въ отношеніи Пальмерстона это совершенно вѣрно. Никогда не имѣя искреннихъ отношеній къ народу, онъ всегда старался показаться добрымъ, благосклоннымъ и, подъ этой маской, очень удачно разыгрывалъ свою роль. Во всѣхъ, болѣе важныхъ предпріятіяхъ и реформахъ, онъ держался золотой или мѣщанской середины и подавалъ рѣшительный

голосъ только тогда, когда видѣлъ, что большинство беретъ верхъ. Эта система половинныхъ дѣйствій отразилась во всей его политической карьерѣ, парламентскихъ дебатахъ и въ самой частной жизни, за исключеніемъ двухъ или трехъ случаевъ, когда онъ позволилъ себѣ откровенное увлеченіе и то въ юношескіе годы.

Но возвратимся къ исторіи общественныхъ дѣйствій Пальмерстона, начиная со времени вступленія его въ министерство внѣшней политики, въ качествѣ члена кабинета, образованнаго лордомъ Греемъ. Отличительные принципы новаго правительства выражались словами: «реформа, сокращеніе расходовъ и миръ». Тѣ, которые желали слово «миръ» объяснить словомъ «невмѣшательство» въ дѣла другихъ державъ, вскорѣ имѣли причину разочароваться новымъ государственнымъ секретаремъ.

Французская революція и ея результаты немедленно были признаны лордомъ Абердиномъ, бывшимъ тогда членомъ министерства герцога Веллингтона. Эта политика чистосердечно поддерживалась послѣдующимъ поколѣніемъ. Франція представляла либерализмъ, какъ законченный фактъ; переворотъ, произведенный ею, былъ утвержденъ и удостоился даже похвалы со стороны англійскихъ министровъ.

Вскорѣ за тѣмъ выступилъ на сцену вопросъ относительно Бельгіи и Голландіи. Нашимъ читателямъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, что, по рѣшенію вѣнскаго конгресса, фландрскія или бельгійскія провинціи Австріи присоединены были къ Голландіи, съ тою цѣлью, чтобы, вмѣстѣ съ этой морской державой, образовать государство, которое было бы въ состояніи служить оплотомъ противъ честолюбивыхъ замысловъ Франціи. Къ несчастію, эти вновь-присоединенныя провинціи не представляли условій, необходимыхъ для прочнаго соединенія ихъ съ старыми. Они отличались отъ послѣднихъ и религіею и своимъ характеромъ. Голландское правительство не возбуждало къ себѣ симпатіи въ Бельгійцахъ. Непріязненныя чувства этихъ новыхъ поддан-

ныхъ Голландіи обнаружились послѣ іюльской революціи. Въ короткій промежутокъ времени голландскія войска были изгнаны изъ всѣхъ бельгійскихъ городовъ, за исключеніемъ цитадели Антверпена. Здѣсь представился удобный случай для примѣненія любимой теоріи лорда Пальмерстона относительно «*нравственнаго* вмѣшательства». Нужно было поднять новое государство въ Европѣ, которое въ то-же время не оскорбляло бы рѣзко могущественныхъ сосѣдей, смотрѣвшихъ на него съ завистью и досадой. Задача эта была трудная и требовала большой осторожности, такъ какъ здѣсь дѣло касалось перваго серьознаго нарушенія вѣнскихъ трактатовъ 1815 года. Это была первая попытка Пальмерстона выказать себя государственнымъ человѣкомъ. Къ сожалѣнію, нерѣшительность и странная уклончивость на первомъ же шагу завела его въ такую коллизію безразсудныхъ плановъ, что онъ едва не проигралъ дѣло, которое хотя нѣсколько оправдываетъ его политическій характеръ. На помощь ему явилось общественное мнѣніе, указавшее ему цѣль и руководившее его головой и энергіей. Только подъ вліяніемъ его и почти принужденный имъ, онъ принялъ за основаніе своихъ дѣйствій двѣ идеи: во-первыхъ, чтобъ Бельгія была конституціонной державой, а во-вторыхъ, чтобъ интересы Англіи при этомъ не пострадали. Онъ внушилъ другимъ державамъ Европы, что Англія и Франція согласны въ одномъ отношеніи, а именно въ томъ, чтобъ Бельгія была независима, несмотря на рѣшенія вѣнскаго конгресса. Онъ разрушилъ интриги, созрѣвавшія какъ во Франціи, такъ и въ Бельгіи, относительно присоединенія послѣдней изъ этихъ странъ къ первой. Наконецъ онъ заставилъ избрать королемъ новаго королевства принца Леопольда, овдовѣвшаго супруга покойной наслѣдницы британскаго престола, причемъ Франція должна была выдать за этого правителя дочь Лудовика-Филиппа. Нельзя не согласиться, что это маленькое королевство находилось въ цвѣтущемъ состояніи въ-продолженіе тридцати лѣтъ своего существованія и что оно вышло благополучно и съ честью, какъ для Европы, такъ и для народа, изъ страшнаго кризиса 1848 года.

Вскорѣ возникъ еще болѣе сложный вопросъ, въ кото-

ромъ Англія должна была принять самое живое участіе. Въ обоихъ королевствахъ пиринейскаго полуострова, Испаніи и Португаліи, почти одновременно произошелъ государственный переломъ. Извѣстно, что послѣ отдѣленія бразильской имперіи отъ Португаліи, донъ Педро, по смерти своего отца, въ 1826 году, сохранилъ для себя американскую корону, а престолъ португальскій отдалъ своей дочери, доннѣ Маріи, съ тѣмъ, чтобы она вышла замужъ за предполагавшагося наслѣдника этого королевства, своего роднаго дядю съ отцовской стороны, дона Мигуэля. Донъ Мигуэль воспротивился этому распоряженію и нетолько отказался отъ предложеннаго брака, но ставъ во главѣ партіи реакціонеровъ, низвергъ конституцію, данную его братомъ, и овладѣлъ престоломъ. Онъ управлялъ королевствомъ самовластно и въ высшей степени жестоко, а угнетеніе, которому онъ подвергалъ иностранныхъ подданныхъ, заставило Францію, Великобританію и Соединенные Штаты прибѣгнуть къ вооруженному вмѣшательству въ его дѣла. Между тѣмъ донъ Педро долженъ былъ отказаться отъ бразильскаго престола и наблюдать за событіями, совершавшимися въ Португаліи, съ Терцейры, одного изъ азорскихъ острововъ. Въ 1832 году онъ сдѣлалъ высадку на португальскій берегъ, которая удалась только отчасти, но въ слѣдующемъ затѣмъ году его флотъ, подъ предводительствомъ Англичанина, Чарльза Непира, разбилъ флотъ дона Мигуэля близъ мыса Сенъ-Винцентъ. За этой побѣдой слѣдовали занятіе Лиссабона дономъ Педро, провозглашеніе конституціи и объявленіе королевой донны Маріи. И королева и конституція немедленно были признаны Франціей и Англіей. Въ продолженіе всѣхъ этихъ переворотовъ, лордъ Пальмерстонъ поддерживалъ приверженцевъ новаго правленія своимъ *нравственнымъ* вліяніемъ, но не вмѣшивался въ эту борьбу посредствомъ *физической* силы, т. е., говоря проще, ограничился одними словами, но уклонился отъ самаго дѣла.

Въ дѣлахъ Испаніи онъ былъ еще менѣе счастливъ. Мы должны напомнить обстоятельства, вызвавшія гражданскую войну въ этой древней монархіи. Еще со времени во-

царенія Бурбоновъ, въ Испаніи существовалъ законъ, лишавшій женщинъ права наслѣдовать престолъ. Этотъ законъ включенъ былъ въ число условій утрехтскаго трактата, съ цѣлью предупредить возможность присоединенія Испаніи къ Франціи посредствомъ брачныхъ союзовъ. Но король Фердинандъ, не имѣя другихъ дѣтей, кромѣ двухъ дочерей, и желая одной изъ нихъ передать корону, рѣшился посредствомъ дарованія конституціи склонить кортесы къ отмѣнѣ этого основнаго положенія. Кортесы согласились и постановили, что женщина можетъ занимать испанскій престолъ. Не будь этого постановленія, законнымъ наслѣдникомъ былъ бы братъ Фердинанда, донъ Карлосъ. Дѣйствительно, Карлосъ, по смерти Фердинанда, предъявилъ свои права на королевскій титулъ и естественнымъ образомъ сталъ въ головѣ противниковъ конституціи. Друзья новаго порядка присоединились къ молодой королевѣ Изабеллѣ, во имя которой королевствомъ управляла ея мать. Они рѣшились воевать за свободу дѣйствій и за свободу мысли противъ духовенства. Война длилась долго и была кровопролитна. Интересы Англіи, нѣтъ сомнѣнія, требовали самой дѣятельной поддержки конституціонной партіи. И Пальмерстонъ, можетъ быть, нигдѣ не имѣлъ случая такъ искренно и благоразумно вступиться за это дѣло, какъ въ настоящемъ вопросѣ. За всѣмъ тѣмъ, послѣ долгихъ сомнѣній и колебаній, онъ измѣнилъ еще разъ британской политикѣ и заключилъ союзъ. Правительство, котораго онъ составлялъ часть, не очень было твердо. Впрочемъ приверженцы дона Карлоса и тѣхъ принциповъ, которыхъ онъ служилъ представителемъ, были многочисленны въ Англіи, гдѣ господствовало мнѣніе, что основныя постановленія утрехтскаго трактата не должны быть нарушаемы. Кромѣ того нѣкоторыя державы сочувствовали дону Карлосу и жестоко ненавидѣли политику Пальмерстона. Онъ предупредилъ ихъ вмѣшательство, сдѣлавшись главнымъ виновникомъ знаменитаго союза между Англіей, Франціей, Испаніей и Португаліей. Согласно условію, каждая изъ союзныхъ державъ обязана была защищать существующія на полуостровѣ монархіи противъ всякаго непріязненнаго покушенія. Борьба приняла характеръ отчаяннаго

междоусобія и приверженцы партіи Изабеллы, обнадеженные англійскимъ министромъ, наконецъ убѣдились, что обѣщаніямъ Пальмерстона надо вѣрить очень осторожно.... Но и здѣсь обстоятельства выручили малодушнаго виконта. Мнѣніе, лучшіе органы журналистики и самый народъ громко заговорили въ пользу Португаліи, и лордъ Пальмерстонъ долженъ былъ послать англійскую эскадру къ сѣвернымъ берегамъ испанскаго королевства, съ инструкціей помогать войскамъ королевы и тревожить приверженцевъ дона Карлоса. Это одинъ изъ немногихъ примѣровъ, гдѣ онъ отступилъ отъ своего правила принимать участіе въ дѣлахъ постороннихъ державъ, исключительно посредствомъ *нравственнаго* вліянія. На Пальмерстона, какъ и надо было ожидать, жестоко напали въ англійскомъ парламентѣ и особенно въ палатѣ пэровъ. Полуумный старикъ Абердинъ осудилъ всю вигскую политику, хотѣлъ, чтобы подъ словомъ невмѣшательства разумѣли нейтралитетъ, и спросилъ, какимъ образомъ Пальмерстонъ исполнилъ бы условія союза, заключеннаго имъ между четырьмя державами, еслибъ дону Карлосу удалось овладѣть Мадритомъ и низвергнуть съ престола свою племянницу. Самымъ краснорѣчивымъ защитникомъ Пальмерстона въ палатѣ пэровъ, гдѣ онъ не могъ говорить самъ, былъ графъ Грей. Благодаря ему и нѣсколькимъ членамъ парламента, конституціонное правительство окончательно устроилось какъ въ Испаніи, такъ и въ Португаліи.

Въ другой разъ Пальмерстонъ вмѣшался въ португальскія дѣла, когда королева Марія, уступая вліянію реакціонеровъ, побудила свой народъ къ возстанію и обратилась къ Испаніи съ требованіемъ исполнить условія заключеннаго съ ней трактата. Лордъ Пальмерстонъ предложилъ свое посредничество между королевой и ея подданными, и когда послѣдніе, отказавшись отъ его предложенія, направились къ Лиссабону, чтобы изгнать свою правительницу, англійскій флотъ, стоявшій въ Таго, получилъ приказаніе воспрепятствовать экспедиціи инсургентовъ и возмущеніе вдругъ было прекращено. Но это приказаніе отдано было тогда только, когда королева обязалась возстановить конституцію во всей ея силѣ, согласно хартіи.

Здѣсь кстати коснемся дѣятельности Пальмерстона относительно уничтоженія гнусной торговли африканскими невольниками. Въ 1840 году нанесенъ былъ рѣшительный ударъ португальскимъ торгашамъ, занимавшимся этимъ промысломъ, посредствомъ уничтоженія барракъ. выстроенныхъ на берегу Африки для помѣщенія захваченныхъ Негровъ, привезенныхъ на рынокъ изъ внутреннихъ странъ. Капитанъ Дьюменъ, по предписанію лорда Пальмерстона, заключилъ съ начальникомъ области, покрытой этими строеніями, трактатъ, вслѣдствіе котораго имѣлъ право ихъ разрушить. Потомъ онъ освободилъ несчастныхъ невольниковъ, сжегъ зданія, въ которыхъ они были заключены, и уничтожилъ такимъ образомъ въ этомъ краѣ торговлю людьми. Замѣчательно, что португальскіе владѣтели барракъ подали на капитана Дьюмена жалобу въ англійскій судъ (Court of Queen's Bench) за нарушеніе ихъ собственности. Но ни законъ, ни справедливость не были на ихъ сторонѣ, и потому истцы проиграли процессъ. Другой ударъ торговлѣ Неграми нанесенъ былъ посредствомъ усиленія эскадры, крейсеровавшей у африканскихъ береговъ, и посредствомъ назначенія подобнаго же флота крейсеровъ для наблюденія за бразильскимъ прибрежьемъ, гдѣ обыкновенно продавались невольники. Царь Ашантійскій, занимавшійся этою торговлей, также былъ наказанъ взятіемъ города Лагосъ. Благодаря этимъ и другимъ энергическимъ мѣрамъ, продажа Негровъ сдѣлалась менѣе выгоднымъ и удобнымъ занятіемъ, обратившись изъ открытаго рынка въ тайную спекуляцію.

Въ 1841 году Виги уронили свое министерство и затѣмъ около пяти лѣтъ занимали скамьи оппозиціи. Впродолженіе этого времени сэръ Робертъ Пиль приготовлялъ свой великій планъ относительно реформы тарифа и свободной торговли. Лордъ Пальмерстонъ, наблюдая издали за министрами консервативной партіи, дозволялъ себѣ подшучивать надъ ихъ поведеніемъ въ очень умѣренныхъ каламбурахъ, и вкрадчиво выжидалъ, на чьей сторонѣ будетъ рѣшительная побѣда. Женитьба лорда Джона Росселя и послѣдовавшее затѣмъ отсутствіе его въ парламентѣ предоставили Пальмерстону

удобный случай стать въ головѣ Виговъ въ палатѣ общинъ, —обстоятельство, которымъ не замедлилъ воспользоваться *ловкій* виконтъ. Съ этого времени лордъ Джонъ Россель вмѣстѣ съ своими товарищами лишился того вліянія, какимъ пользовался прежде; оно перешло къ Пальмерстону и сдѣлало его сначала независимымъ государственнымъ секретаремъ, а потомъ главнымъ министромъ Англіи. Въ отношеніи иностранныхъ дѣлъ, перепутанныхъ въ то время лордомъ Абердиномъ, Пальмерстонъ принялъ либеральную сторону, но опять ограничился одними обѣщаніями и словами. Онъ разобралъ трактатъ, заключенный лордомъ Ашбертономъ съ Соединенными Штатами по поводу сѣверовосточной границы и штата Мэны. Онъ насмѣшливо называлъ это дѣйствіе «капитуляціей Ашбертона» и доказывалъ, что министръ уступилъ Американцамъ болѣе, чѣмъ дозволяла честь Англіи. Палата, однакожъ, не была расположена возобновить вопросъ, который могъ бы повести къ войнѣ съ Америкой, и предложеніе эксъ-секретаря иностранныхъ дѣлъ относительно разсмотрѣнія трактата не удостоилось даже вотировки. Дальше онъ и не настаивалъ, какъ будто все желаніе его въ томъ и состояло, чтобъ пошумѣть и потомъ отступиться отъ вопроса. Съ того времени недовѣріе къ иностранной политикѣ лорда значитеьно усилилось даже между Вигами, и въ критическій моментъ отмѣненія хлѣбныхъ законовъ (1845—6), когда королева предложила лорду Джону Росселю составить новое министерство, исполненіе этого предложенія встрѣтило помѣху, потому что графъ Грей (сынъ бывшаго главы министерства реформы) отказался засѣдать въ кабинетѣ, если Пальмерстонъ будетъ назначенъ секретаремъ иностранныхъ дѣлъ. Такимъ образомъ Виги лишились того, что собственно должно было быть ихъ принадлежностью,—славы возстановленія свободной торговли. Эта слава досталась на долю предводителя консервативной партіи, сэра Роберта Пиля, министра, который долгое время защищалъ во внутренней политикѣ противное направленіе.

Немедленно послѣ исполненія этой великой мѣры, сэръ Робертъ отказался отъ своей должности, преслѣдуемый не-

навистью протекціонистовъ, принадлежавшихъ къ его прежней партіи. Лордъ Джонъ Россель сдѣлался главнымъ министромъ, а Пальмерстонъ снова—секретаремъ иностранныхъ дѣлъ. Оба оставались въ этихъ должностяхъ около шести лѣтъ (съ 1846 по 1852 г.). Вскорѣ возникли причины для вмѣшательства Англіи въ дѣла другихъ странъ. Швейцарскіе кантоны раздѣлились между собою по поводу религіозныхъ споровъ и вторженія іезуитовъ. Началась гражданская война, и континентальныя государства хотѣли вмѣшаться въ это дѣло, чтобы рѣшить вопросъ относительно католиковъ. Въ это время Пальмерстонъ потребовалъ, чтобы составлена была конференція всѣхъ державъ для опредѣленія началъ всеобщаго вмѣшательства. Между тѣмъ онъ совѣтовалъ правительству швейцарскаго союза скорѣе покончить дѣло съ католическими кантонами и подчинить ихъ силою оружія, что и было исполнено. Такимъ образомъ онъ вдругъ устранилъ дальнѣйшее вмѣшательство въ этотъ вопросъ со стороны великихъ державъ, и на этотъ разъ его ловкость оказалась очень полезной.

Въ 1847–8 году британскому правительству угрожалъ еще болѣе запутанный вопросъ вступленія въ бракъ членовъ испанскаго королевскаго дома. Мѣра предосторожности, принятая утрехтскимъ трактатомъ, чтобы предупредить соединеніе Франціи съ Испаніей подъ одной короной, была, какъ мы уже замѣтили, уничтожена. Поэтому Пальмерстонъ зорко наблюдалъ за Лудовикомъ Филиппомъ, который сильно старался увеличить свои семейныя связи посредствомъ заключенія брачныхъ союзовъ. Король французскій не хотѣлъ отказаться отъ всякаго свойства съ испанскими Бурбонами, но онъ оставилъ притязанія своего семейства на руку королевы Испаніи и согласился, что сынъ его не женится на сестрѣ ея, пока не родится наслѣдникъ или наслѣдница испанскаго престола. Однакожъ, какъ только Изабелла вышла за своего двоюроднаго брата, ея сестра была выдана за герцога Монпансье. Лордъ Пальмерстонъ справедливо вознегодовалъ противъ такой вопіющей измѣны, которую король французскій на дѣлѣ отмстилъ за дипломатиче-

скую выходку, сдѣланную англійскимъ министромъ по поводу сирійскаго вопроса. Возникла непріязненная переписка между лондонскимъ и парижскимъ кабинетами, продолжавшаяся до тѣхъ поръ, пока Лудовикъ Филиппъ не былъ свергнутъ съ престола, вслѣдствіе революціи, которая, съ быстротою электрическаго тока, распространилась почти по всѣмъ королевствамъ Европы. Нѣкоторые несправедливо приписывали это движеніе тайнымъ продѣлкамъ Пальмерстона. Тотъ не имѣетъ никакого понятія о политическихъ дѣйствіяхъ, ни о томъ, какъ образуется и направляется общественное мнѣніе, кто въ состояніи предположить, что подобное могущественное вліяніе возможно для министра, за которымъ зорко наблюдаютъ шестьсотъ членовъ палаты общинъ и нѣсколько сотъ пэровъ, ревностныхъ защитниковъ монархическихъ правъ и преимуществъ. Притомъ лордъ Пальмерстонъ всегда былъ далекъ отъ того, чтобъ сочувствовать демократическимъ интересамъ, тѣмъ болѣе подкрѣплятъ ихъ своимъ вліяніемъ. Говорятъ, что когда, во время этихъ революціонныхъ движеній, англійскіе хартисты сдѣлали 10-го апрѣля страшную демонстрацію, грозившую, повидимому, возстаніемъ въ Лондонѣ, Лудовикъ Наполеонъ, бывшій тогда съ ограниченными средствами, исправлялъ должность чрезвычайнаго констебля для сохраненія въ столицѣ мира и тишины, и нѣкоторые прибавляютъ, что товарищемъ его по исправленію этой временной полицейской обязанности былъ виконтъ Пальмерстонъ. Этотъ анекдотъ можетъ быть вымышленъ, но онъ служитъ выраженіемъ всеобщаго мнѣнія относительно антипатіи лорда къ демократическимъ принципамъ. Другимъ доказательствомъ этого отвращенія служитъ участь, постигшая несчастныхъ Сицилійцевъ, которые были отданы на произволъ неаполитанскаго короля Фердинанда... Послѣ войны съ Наполеономъ I, британское правительство обѣщало, что конституціонная форма правленія будетъ свято сохранена въ Сициліи. Но это обѣщаніе не было исполнено, и жители острова въ 1848 году возстали противъ неаполитанскаго правительства и взяли свою свободу. Пальмерстонъ тотчасъ вмѣшался въ это дѣло съ своимъ «*нравственнымъ вліяніемъ*» и обѣщался признать ихъ

независимость, если они образуютъ изъ себя монархію, подъ управленіемъ одного изъ принцевъ савойскаго дома. Противъ этого плана сильно возстали и республиканская партія въ Италіи и радикальная партія въ Англіи, и Пальмерстонъ, видя безуспѣшность своихъ намѣреній, предоставилъ Сицилійцевъ ихъ собственной судьбѣ и они вынесли страшныя бѣдствія бомбардировавшаго ихъ короля Фердинанда.

Между тѣмъ Пальмерстонъ испыталъ непріятность съ другой стороны, вслѣдствіе духа реакціи, обнаруженнаго одной изъ представительницъ Бурбоновъ. Изабелла испанская находилась подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ людей, старавшихся уничтожить представительную систему въ ея странѣ. Когда въ Европѣ возникли возмущенія, англійскій секретарь иностранныхъ дѣлъ счелъ своею обязанностью предостеречь испанское правительство отъ опасности, къ которой оно стремилось вслѣдствіе своихъ поступковъ. Такое вмѣшательство со стороны «варвара–островитянина» возбудило негодованіе испанскаго двора и британскій посланникъ, сэръ Генри Бульверъ, былъ уволенъ изъ Мадрита. Единственнымъ отвѣтомъ на такую обиду служило увольненіе испанскаго посланника изъ Лондона. Дипломатическія сношенія между обоими дворами прекратились, но потомъ возстановлено было согласіе, посредствомъ увѣдомленія о приближающемся рожденіи испанской принцессы.

Но самое тяжелое испытаніе, которому подверглась политика Пальмерстона, возникло по поводу жалкаго, пустаго вопроса относительно вознагражденія, потребованнаго отъ аѳинскаго правительства за оскорбленія, нанесенныя греческимъ народомъ нѣкоторымъ частнымъ лицамъ, находившимся подъ покровительствомъ британскаго флага. Однимъ изъ этихъ лицъ, котораго имя часто упоминалось въ парламентскихъ преніяхъ, возникшихъ по этому случаю, былъ Еврей Пацифико, уроженецъ одного изъ іонійскихъ острововъ, значительно преувеличивавшій количество слѣдующаго ему вознагражденія. Когда греческое правительство отказалось дать какое бы то ни было удовлетвореніе обиженнымъ, лордъ Пальмерстонъ настаивалъ, чтобы сумма, назначенная до-

номъ Пацифико, была уплачена сполна. Онъ принялъ за принципъ, что въ подобныхъ случаяхъ британскіе подданные имѣютъ право на возмездіе за нанесенныя обиды. Въ то время, когда шли переговоры объ этомъ предметѣ, возникло возмущеніе на іонійскихъ островахъ. Лица, считавшіяся зачинщиками возстанія, не могли быть подвергнуты судебному преслѣдованію, за отсутствіемъ положительныхъ доказательствъ ихъ виновности. Но такъ какъ дознано было, что цѣлью возмущенія было соединеніе этихъ острововъ съ Греціею, то Пальмерстонъ обратилъ претензію дона Пацифико въ орудіе для наказанія аѳинскаго правительства. Онъ потребовалъ, чтобы Еврею немедленно дано было полное удовлетвореніе, и когда это требованіе не исполнялось подъ разными предлогами, онъ отдалъ приказаніе британскому адмиралу захватить суда греческихъ купцовъ, на сумму, вдвое превышавшую ту, которая предъявлена была ко взысканію. Такая мѣра произвела всеобщее волненіе въ Европѣ. Франція предложила свое посредничество въ этомъ дѣлѣ и ея предложеніе было принято, съ тѣмъ однакожъ условіемъ, чтобъ она ограничилась только опредѣленіемъ суммы вознагражденія, не вдаваясь въ разбирательство относительно справедливости основнаго требованія обиженныхъ. Въ этомъ отношеніи Англія не допускала никакого посредничества, твердо рѣшившись настоять на своемъ, посредствомъ «морскаго разбоя». Французскій агентъ дѣйствовалъ однакожъ совершенно противно этому условію; онъ началъ разсматривать вопросъ, имѣютъ-ли обиженные право требовать какого бы то ни было удовлетворенія. Греческое правительство пріободрилось и вздумало шутить съ англійскимъ. Немедленно изъ Лондона даны были приказанія продолжать захватываніе купеческихъ судовъ, пока всѣ требованія не будутъ удовлетворены. Министры Оттона снова подверглись униженію и французскій агентъ съ досадой возвратился въ Парижъ. Республиканское правительство Франціи считало себя оскорбленнымъ и вызвало изъ Англіи своего посланника — мѣра, которая, безъ сомнѣнія, усилила ненависть Пальмерстона къ такому образу правленія. Наконецъ эти несогласія были устранены и французскій посланникъ чрезъ

нѣсколько дней возвратился въ Лондонъ. Требованія Англіи были признаны справедливыми и посредничество Франціи въ дѣлѣ вознагражденія обиженныхъ снова принято. Вопросъ этотъ однакожъ не могъ быть окончательно рѣшенъ безъ двухъ парламентскихъ дебатовъ, изъ которыхъ одинъ происходилъ въ верхней, а другой въ нижней палатѣ. Графъ Дерби, въ рѣчи, исполненной колкости, которая съ давнихъ поръ доставила ему прозваніе «Скорпіона Стенли», предложилъ въ палатѣ пэровъ вотировать за неодобреніе дѣйствій правительства по иностранной политикѣ. Престарѣлый маркизъ Лансдоунъ, защищавшій Пальмерстона, замѣтилъ, что въ палатѣ общинъ, гдѣ его благородный другъ самъ можетъ защищать себя, никто не осмѣлился бы сдѣлать такое предложеніе. Палаты раздѣлились, и несмотря на большинство голосовъ, осудившихъ министерство «пиратовъ», руководимыхъ Пальмерстономъ, министры остались на своихъ мѣстахъ. Это скандалёзное происшествіе, давно небывалое въ Англіи, занимало публику, гораздо больше, чѣмъ травля медвѣдей въ столичномъ паркѣ, среди самаго города. Джонъ Россель защищалъ правительство на основаніи самой конституціи, обязанной покровительствовать британскимъ подданнымъ вездѣ, гдѣ они потерпятъ оскорбленіе. На этотъ аргументъ молодой Стэнли замѣтилъ, что «конституція никогда не смѣшивала покровительства съ разбоемъ и что право сильнаго не есть международное право».

Споръ продолжался и во время его сэръ Робертъ Пиль въ послѣдній разъ обратился къ палатѣ общинъ. Онъ говорилъ съ свойственными ему ловкостью и хладнокровіемъ и, похваливъ Пальмерстона офиціально, охуждалъ его политику, которая употребляетъ дипломатическія сношенія, какъ средство производить волненіе и неудовольствіе въ другихъ народахъ. «Дипломація», замѣтилъ онъ, есть драгоцѣнное средство для сохраненія мира, орудіе, употребляемое образованными націями для отвращенія войны. Если вы станете прибѣгать къ ней съ тѣмъ, чтобъ растравлять раны и возбуждать противъ себя неудовольствіе другихъ націй, чтобъ затѣвать непріятныя переписки, подъ предлогомъ поддержа-

нія какихъ-то предполагаемыхъ интересовъ Англіи, и чтобъ пользоваться случаями для раздора, — то это драгоцѣнное средство, это орудіе, употребляемое образованнымъ обществомъ для поддержанія мира, нетолько будетъ безполезно, но поведетъ къ непріязни и войнамъ». Эти слова выражали мнѣніе, раздѣляемое многими Англичанами относительно политики не всегда ловкаго виконта.

За всѣмъ тѣмъ, окончательнымъ результатомъ этого замѣчательнаго пренія было совершенное торжество Пальмерстона и министерства, къ которому онъ принадлежалъ. При необыкновенно многочисленномъ собраніи, состоявшемъ изъ 574 членовъ, правительство имѣло на своей сторонѣ большинство 46 голосовъ.

Между тѣмъ общественое мнѣніе было раздражено и недовольно; Джонъ Россель, съ обыкновеннымъ отсутствіемъ политическаго такта, еще болѣе содѣйствовалъ этому неудовольствію, вдругъ удаливъ своего стараго сослуживца отъ должности и тѣмъ едва не поставилъ его на сторонѣ оппозиціи. Причиной несогласія, происшедшаго въ англійскомъ кабинетѣ, служило coup d'etat, совершенное Лудовикомъ Наполеономъ въ декабрѣ 1851 года. На другой день послѣ этого важнаго событія, 3-го декабря, графъ Валевскій, французскій посланникъ въ Лондонѣ, имѣлъ продолжительную бесѣду съ лордомъ Пальмерстономъ, который при этомъ выразилъ свое удовольствіе направленію, принятому президентомъ республики для подавленія соціализма и анархіи. Въ тотъ-же самый день англійскій посланникъ въ Парижѣ написалъ въ Англію письмо, прося инструкцій для руководства при новомъ порядкѣ вещей. Лордъ Джонъ Россель немедленно собралъ членовъ государственнаго совѣта и тогда рѣшено было предписать министру, жившему во Франціи, продолжать тѣ-же отношенія къ новому французскому правительству, въ какихъ онъ находился къ старому, и не вмѣшиваться въ вопросы, касавшіеся мѣстной внутренней администраціи. Норманби, не слишкомъ отличающійся своими талантами, безъ всякой надобности, сообщилъ эти ин-

струкцiи французскому министру и потомъ извинялся, что откладывалъ увѣренiе въ прежней дружбѣ англiйскаго правительства къ Францiи. Тюрго отвѣчалъ, что эта отсрочка не имѣетъ особой важности, такъ какъ онъ уже за два дня передъ тѣмъ получилъ извѣстiе объ искреннемъ одобренiи Пальмерстономъ поступка президента. Это замѣчанiе изумило лорда Норманби и затронуло его самолюбiе. Онъ написалъ письмо къ англiйскому секретарю иностранныхъ дѣлъ, прося объясненiя по поводу этихъ ужасныхъ словъ французскаго министра, и немедленно получилъ отвѣтъ такого содержанiя, «что Пальмерстонъ предпочитаетъ анархiи водворенiе во Францiи единства и порядка, болѣе согласныхъ съ интересами Англiи». Между тѣмъ, подобное же требованiе объясненiя поступило въ вѣдомство иностранныхъ дѣлъ изъ бёкингамскаго дворца и было передано секретарю главнымъ министромъ Росселемъ. На это требованiе Пальмерстонъ не спѣшилъ отвѣтомъ, по причинамъ, которыя отчасти можно угадать. Нѣмецкая партiя при дворѣ, пользующаяся покровительствомъ принца Альберта, супруга Викторiи, никогда не любила ни Пальмерстона, ни его политику. Передъ самыми событiями, о которыхъ мы упомянули, министръ иностранныхъ дѣлъ получилъ письмо отъ имени королевы, написанное, по всей вѣроятности, ея супругомъ. Въ этомъ письмѣ предлагалось не дѣлать ни одного шага по дѣламъ иностранной политики, безъ одобренiя ея величества, и не отправлять ни одной депеши, безъ предварительнаго ея прочтенiя королевой. Пальмерстонъ обѣщался слѣдовать этому правилу и объявилъ, что всегда имъ руководствовался. Это распоряженiе казалось ловушкой, данной въ руки главному министру, съ цѣлью поймать лукаваго секретаря. Джонъ Россель ни слова не говорилъ объ одобренiи coup d'état Наполеона, сдѣланномъ безъ всякаго полномочiя, но придрался къ тому, что Пальмерстонъ отправилъ свое объяснительное письмо къ лорду Норманби, не представивъ этой бумаги ни королевѣ, ни государственному совѣту. При этомъ онъ предложилъ оставить управленiе иностранными дѣлами, и Пальмерстонъ сошелъ съ политической арены.

Еще до сихъ поръ нельзя знать съ полной достовѣр-

ностью, вслѣдствіе какихъ придворныхъ интригъ «des Teufels Sohn» былъ отставленъ отъ должности; свѣдѣній, распространяемыхъ съ «задняго крыльца» двора мы имѣемъ на этотъ счетъ столько же, сколько и наши современники. Носилась молва, что отставка Пальмерстона была слѣдствіемъ вліянія, въ Виндзорѣ, нѣкоторыхъ германскихъ дворовъ, преимущественно австрійскаго. Правда, два раза происходила горячая стычка, едва не окончившаяся публичнымъ скандаломъ между супругомъ королевы и лордомъ Пальмерстономъ, который возставалъ противъ принца, дозволявшаго себѣ читать и писать депеши отъ имени королевы. Другимъ доказательствомъ недружелюбныхъ отношеній между его высочествомъ и секретаремъ иностранныхъ дѣлъ служитъ ругательный памфлетъ, появившійся назадъ тому нѣсколько мѣсяцевъ, подъ заглавіемъ «Der entlarvte Palmerston» (*) и котораго авторомъ считается герцогъ Кобургскій, братъ принца Альберта. Какъ бы то ни было, уволенный министръ вскорѣ отмстилъ своимъ прежнимъ сослуживцамъ. Онъ оставилъ должность въ декабрѣ 1851 года, и 3-го февраля слѣдующаго года собрался парламентъ и 20-го того же мѣсяца министры, въ свою очередь, должны были выйдти въ отставку, такъ какъ послѣ одной вотировки оказалось, что на ихъ сторонѣ было одинадцатью голосами меньше противъ стороны ихъ противника, Пальмерстона. Дѣло шло о введеніи билля относительно устройства милиціи для внутренней защиты королевства. Мы находимъ любопытный и поучительный примѣръ дѣйствія британской конституціи въ ничтожномъ, повидимому, случаѣ, который, однакожъ, произвелъ перемѣну министерства, а слѣдовательно и перемѣну политики этого оригинальнаго и могущественнаго государства. Предложенія Росселя озаглавлено было: «Билль объ измѣненіи законовъ относительно мѣстной милиціи.» Лордъ Пальмерстонъ замѣтилъ, что, по его мнѣнію, мѣстная милиція почти безполезна, а нужна общая милиція, которая бы переходила изъ одной части страны въ другую, и вслѣдствіе этого предложилъ выпустить слово «мѣстной» изъ заглавія билля.

(*) Пальмерстонъ безъ маски.

Тогда лордъ Джонъ Россель возразилъ, что такъ какъ министры не пользуются болѣе довѣріемъ палаты, то произойдетъ то, что обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ. Этимъ онъ хотѣлъ сказать, что намѣренъ выдти въ отставку, и дѣйствительно вышелъ. На самомъ дѣлѣ главный вопросъ состоялъ не въ мѣстной или общей милиціи, но въ степени довѣрія и поддержки, какою пользуется министерство въ палатѣ общинъ. Какъ бы ничтоженъ ни былъ разсматриваемый вопросъ самъ по себѣ, но министры неизбѣжно должны имѣть противъ себя большинство, если не находятъ довѣрія въ членахъ парламента. Безъ всякаго сомнѣнія, Пальмерстонъ доказалъ, что такое недовѣріе существуетъ ко многимъ изъ приверженцевъ Росселя и д'Израэли и оппозиціи были сильны и еще болѣе усилились, вслѣдствіе присоединенія къ нимъ небольшой толпы прежнихъ приверженцевъ Роберта Пиля, между тѣмъ какъ радикалы, Брайтъ и его друзья, обыкновенно поддерживавшіе Росселя, въ этотъ вечеръ ему измѣнили. Пальмерстонъ на этотъ разъ ничего не выигралъ своей побѣдой, кромѣ чувства торжества надъ лордомъ Джономъ. Лордъ Дерби, д' Израэли и ихъ партія образовали новое министерство, въ которое старались вовлечь и Пальмерстона, но напрасно. Онъ не занялъ никакой должности и оставался празднымъ; впрочемъ, въ двухъ или трехъ важныхъ случаяхъ поддерживалъ консервативное правительство. Министры, однакожъ, не въ состояніи были удержаться на мѣстахъ долѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Финансовые планы д'Израэли подверглись сильнымъ нападкамъ со стороны Гладстона, послѣдователя Пиля, который своимъ мнѣніемъ помогъ министрамъ вступить въ должность, но при введеніи ихъ бюджета употребилъ свое удивительное краснорѣчіе на то, чтобы снова ихъ уронить. Они были удалены и образовалось новое министерство изъ либераловъ и послѣдователей Пиля, подъ начальствомъ прежняго политическаго противника Пальмерстона, лорда Абердина. Это министерство, по составу самыхъ разнообразныхъ мнѣній и людей разныхъ партій, было самое странное, какое такою встрѣчается въ англійской исторіи XIX вѣка. Начальникъ его представлялъ изъ себя что-то въ родѣ нас-

тройщика разбитаго музыкальнаго инструмента, въ которомъ не было ни одного звука согласнаго съ другимъ. Во время мира, Абердинъ еще могъ кое-какъ дѣйствовать, но приближеніе войны было слишкомъ сильнымъ испытаніемъ для союза, состоявшаго изъ старыхъ враговъ и новыхъ друзей. Когда внутри министерства снова возникли зависть и соперничество между его членами, а извнѣ бушевала злоба непріязненныхъ друг ъ другу партій и когда надъ Европой повисла страшная туча опасности, положеніе лорда Абердина сдѣлалось въ высшей степени затруднительнымъ. Его обвиняли въ малодушіи и называли «старой бабой, какъ будто можно было ожидать отъ него какой нибудь государственной способности. Убѣжденный, что война замедляетъ цивилизацію, онъ сначала старался отклонить ее, но потомъ, согласившись начать, продолжалъ ее изо всѣхъ силъ. За бѣдствія, постигшія британскую армію въ Крыму, нельзя впрочемъ обвинять администрацію лорда Абердина. Система управленія военною частью въ Лондонѣ была долгое время въ запущеніи. Когда исторія откроетъ тайны кабинетовъ, тогда сдѣлается извѣстнымъ, что никто не настаивалъ на эту борьбу такъ сильно и никто не вступалъ въ нее такъ неохотно, какъ Абердинъ.

Несмотря на то, негодованіе націи по поводу событій въ Крыму, выраженное и усиленное въ печати, было такъ велико, что могло быть сдержано только отставкой министровъ. Здѣсь мы должны обратить вниманіе на другую особенность дѣйствія британской конституціи. Хотя паденію министерства содѣйствовали нападки со стороны оппозиціи, но оно совершилось не столько вслѣдствіе неблагопріятной вотировки, сколько вслѣдствіе непреложнаго общественнаго мнѣнія, сосредоточившагося при подачѣ голосовъ въ палатѣ общинъ, по поводу предложенія, сдѣланнаго Ребёкомъ, относительно изслѣдованія состоянія арміи. Слѣдствіемъ этого обстоятельства было то, что оппозиція не была приготовлена или не желала принять на себя отвѣтственности правительства обыкновеннымъ путемъ, какъ бы поступила она, еслибъ лордъ Абердинъ вышелъ въ отставку, по поводу пораженія, нанесеннаго какой либо *партіей*. Лордъ Дерби не

могъ образовать министерства Тори, лордъ Россель былъ въ отсутствіи, по случаю несчастнаго посольства въ Вѣну и Берлинъ, гдѣ онъ вздумалъ выказать себя самодуромъ, недостойнымъ имени Англичанина. Не оставалось ни одного человѣка, выдававшагося изъ толпы, который могъ бы сдѣлаться главою правительства, кромѣ этого ненавистнаго, «Teufels Sohn», Пальмерстона. Онъ дѣйствительно не имѣлъ въ парламентѣ такихъ благопріятелей, какихъ Россель имѣлъ сотню, которые готовы были бы вотировать въ его пользу, ради его самого, а не ради его мѣръ, не ради мира, войны или законодательства. Но Пальмерстонъ, хотя не былъ главой партіи, былъ силенъ своей популярностью и опять вступилъ въ должность главнаго лорда казначейства, несмотря на оппозицію со стороны придворныхъ, со стороны консерваторовъ, приверженцевъ Пиля и многихъ членовъ либеральной партіи, неодобрявшихъ его внѣшнюю политику. Среди самаго разгара крымской войны, онъ вступилъ въ должность и изъ прежняго пропагандиста мира вдругъ сдѣлался восторженнымъ ораторомъ будущихъ побѣдъ англійской арміи, на самомъ дѣлѣ едва неумиравшей съ голоду подъ стѣнами Севастополя. Пальмерстонъ не въ состояніи былъ бы удовлетворить желанію народа, громко требовавшаго большихъ побѣдъ и меньшихъ неудачъ. Величайшее благодѣяніе, какое только могла ниспослать ему судьба при этомъ затруднительномъ положеніи, была надежда на миръ, которая скоро и сбылась. Дружеская связь между Лудовикомъ Наполеономъ и Пальмерстономъ, безъ сомнѣнія, оказала обоимъ большую услугу. Какая-то тайна скрывается въ этой дружбѣ, которая такъ тѣсна, что не можетъ не имѣть вліянія на взаимныя формальныя отношенія между этими близнецами современной политики. Французскій императоръ поспѣшилъ заключить переговоры съ Россіей, потому что миръ для него въ это время былъ еще необходимѣе, чѣмъ для Англіи, которая всегда отличалась медленностью въ своихъ приготовленіяхъ къ войнѣ и потому только, что успѣла поставить свою армію и свой флотъ на твердую ногу. Дружбѣ Лудовика Наполеона суждено было впослѣдствіи повредить Пальмерстону. Между тѣмъ старый соперникъ главнаго министра Англіи

былъ ловко устраненъ отъ должности, потому что принялъ въ Вѣнѣ такія условія мира съ Россіей, на которыя не соглашался лондонскій кабинетъ.

Въ полдень 1-го февраля 1856 года министрами Россіи, Франціи, Англіи, Австріи и Турціи былъ подписанъ въ Вѣнѣ протоколъ, принимавшій за основанія мира условія, предложенныя австрійскимъ правительствомъ. Открылась конференція въ Парижѣ, 25-го числа того же мѣсяца. На ней представителемъ британскаго кабинета явился лордъ Кларендонъ, Онъ долженъ былъ употребить всю проницательность ума и твердость характера, чтобы перомъ добыть для Англіи то, чего не успѣла она добыть мечомъ. Русскіе и французскіе дипломаты соединенными силами старались воспрепятствовать исполненію англійскихъ проэктовъ. Въ лицѣ Кларендона, однакожъ, Пальмерстонъ имѣлъ ловкаго и преданнаго посредника, который, дѣлая уступки по нѣкоторымъ пунктамъ своей главной политической программы, выигрывалъ по другимъ. Переговоры эти происходили такъ недавно, что въ настоящее время нѣтъ надобности говорить о нихъ подробно. Безъ сомнѣнія, тамъ въ первый разъ, въ видѣ очерка, набросанъ былъ планъ войны, имѣвшей цѣлью доставить Италіи независимость и единство, подъ управленіемъ Виктора Эмануила. Съ этихъ поръ отношенія между англійскимъ министромъ и французскимъ императоромъ сдѣлались еще тѣснѣе, такъ что когда Наполеонъ III въѣхалъ въ Лондонъ, еще такъ недавно пріютившій его въ качествѣ бездомнаго скитальца, Пальмерстонъ подалъ ему ключи отъ старыхъ воротъ города и безотлучно находился съ нимъ въ Виндзорѣ. Соединеніе Англіи и Франціи подъ однимъ политическимъ горизонтомъ, повидимому, ручалось за спокойствіе Европы и за прочное положеніе Пальмерстона, но событія на востокѣ подготовили ему неожиданный ударъ. Въ февралѣ и мартѣ 1857 года онъ подвергся жестокому испытанію во время знаменитаго пренія, происходившаго по поводу китайскаго вопроса. Всѣ полагали, что споръ окончится его паденіемъ. Разскажемъ самый ходъ этого дѣла. 8-го октября 1856 года въ Кантонѣ возникли непріязненныя столкновенія между Анг-

личанами и Китайцами, по поводу поимки, китайскимъ правительствомъ, *лорхи*, или маленькаго купеческаго судна, подъ названіемъ «Стрѣла», плывшато подъ англійскимъ флагомъ. Главный коммисіонеръ Кантона, *Іе* (Yeh), не хотѣлъ вступить съ англійскимъ адмираломъ ни въ какіе переговоры, чтобъ уладить это дѣло. Тогда Англичанинъ прибѣгъ къ обыкновенному средству въ спорахъ съ Китайцами—заставить своего противника быть вѣжливымъ посредствомъ пушечныхъ выстрѣловъ. Англійское правительство оправдывало этотъ грубый поступокъ, ссылаясь на то, что Китаецъ нарушилъ трактатъ 1842 года. Оппозиція, однакожъ, увидѣла, что изъ этого дѣла можетъ возникнуть вредъ для правительства и выгода для нея самой. 24-го февраля 1857 года, лордъ Дерби въ палатѣ пэровъ предложилъ разобрать дѣйствія въ Кантонѣ и обвинить министерство за то, что оно не сдѣлало выговора адмиралу, находящемуся въ Китаѣ. Послѣ пренія, происходившаго двѣ ночи сряду, большинство объявило себя противъ мнѣнія лорда Дерби. Въ то самое время (26 февраля), когда друзья Пальмерстона одержали это торжество въ верхней палатѣ, подобное же предложеніе сдѣлано было въ нижней мистеромъ Кобденомъ, который вмѣстѣ съ своими товарищами манчестерской партіи мира образовалъ огромный союзъ съ приверженцами партіи консервативной. Возникло жаркое преніе, продолжавшееся четыре ночи. Воинственная политика Пальмерстона, въ отношеніи къ мелкимъ европейскимъ державамъ, подробно разбиралась во время парламентскаго дебата, происходившаго по поводу греческаго вопроса. Этотъ споръ кончился торжествомъ министра и руководящаго имъ купеческаго класса. Въ настоящемъ случаѣ, протестъ противъ воинственныхъ наклонностей Пальмерстона и противъ примѣненія, въ отдаленныхъ странахъ Азіи, принципа, выраженнаго въ его цитатѣ «Civis Romanus sum» поддержанъ былъ 263 голосами противъ 247. По обыкновенному такъ называемому конституціонному порядку вещей, главный министръ, претерпѣвшій пораженіе при раздѣлѣ голосовъ въ палатѣ общинъ, прибѣгаетъ къ одному изъ двухъ средствъ, для выхода изъ ненормальнаго состоянія: онъ или слагаетъ съ себя свою должность, на томъ основаніи, что не поль-

зуется довѣріемъ народныхъ представителей, или, предположивъ, что палата, при настоящемъ своемъ составѣ, не выражаетъ истинныхъ чувствованій народа, предлагаетъ распустить парламентъ и обратиться къ рѣшенію общественнаго мнѣнія посредствомъ новаго избранія членовъ. Полагаясь на любовь Англичанъ ко всякой борьбѣ и на ихъ симпатію къ отвагѣ, министръ ввѣрилъ судьбу своего правленія новому избранію и надѣялся вновь пріобрѣсти значительное большинство. Результатъ оправдалъ его ожиданія. Партія мира была на время уничтожена: Кобденъ, Брайтъ и Мильнеръ Джибсонъ (Gibson) потерпѣли пораженіе и лишились своихъ мѣстъ въ палатѣ общинъ. Новый парламентъ, собравшійся 7 мая, объявилъ себя рѣшительно противъ манчестерской лиги, такъ что Пальмерстонъ нѣкоторое время пользовался огромной популярностью и былъ на дѣлѣ неограниченнымъ диктаторомъ британской имперіи. Но едва онъ занялъ свое мѣсто по правую сторону *спикера*, какъ пришло страшное извѣстіе, что въ Индіи вспыхнуло возстаніе, грозившее отпаденіемъ этой страны отъ англійской метрополіи. Этому непредвидѣнному несчастію тѣмъ труднѣе было помочь, что оно совершилось внезапно и что сцена происшествія была слишкомъ отдалена отъ мѣста главнаго правленія. Но что было возможно для устраненія бѣдствія, предпринято было немедленно. Войска, подъ предводительствомъ способныхъ генераловъ, отправлены были на помощь, и, вмѣстѣ съ британскими резидентами въ Индіи, выказали себя достойными самой лучшей награды, какая только можетъ быть дана храбрости и постоянству. Возмущеніе свирѣпствовало отъ мая до октября и Англія оставалась въ неизвѣстности, чѣмъ оно кончится, пока не были взяты Дельги и Лёкно (Lucknow), и не обезпечено за королевой Викторіей господство надъ древней имперіей великаго Могола. Затруднительное состояніе главнаго министра, повидимому, кончилось и его правленіе казалось твердымъ болѣе, чѣмъ прежде. Но вдругъ 14-го января 1858 года совершено было несчастное покушеніе Орсини на жизнь императора Французовъ. Тогда Пальмерстонъ, при всей его ловкости въ подобныхъ случаяхъ, очень неудачно споткнулся о дружбу Лудовика Наполеона.

Ужасъ, будто бы возбужденный въ немъ этимъ покушенiемъ, заставилъ его опромѣтчиво согласиться на требованiе французскаго министра—предложить въ парламентѣ законъ о надзорѣ за эмигрантами, живущими въ Англiи. Билль этотъ при первомъ прочтенiи былъ принятъ значительнымъ большинствомъ; но вдругъ нѣкоторыя лица узнали, что онъ былъ слѣдствiемъ происковъ французскаго министра и тайныхъ сношенiй Пальмерстона съ Парижемъ. Гордость нацiи, уже возмущенная обидными рѣчами нѣкоторыхъ французскихъ полковниковъ, вспыхнула яркимъ пламенемъ при такомъ извѣстiи. Газеты подняли ропотъ, палата общинъ все болѣе и болѣе проникалась патрiотическимъ негодованiемъ и при второмъ чтенiи билля лордъ Пальмерстонъ пораженъ былъ большинствомъ девятнадцати голосовъ. Онъ сложилъ съ себя должность, вмѣстѣ съ своими сослуживцами. Неожиданному его паденiю содѣйствовали два члена партiи мира, Джибсонъ и Брайтъ, снова занявшiе свои мѣста въ палатѣ общинъ. Переворотъ этотъ произошелъ 19-го февраля 1858 года. Лордъ Дерби и д'Израэли сдѣлались министрами и либералы перешли на сторону оппозицiи. Надо замѣтить, что паденiе Пальмерстона совершено было посредствомъ союза Джона Росселя съ радикаками, предводительствуемыми Брайтомъ и Джибсономъ, съ послѣдователями Роберта Пиля, во главѣ которыхъ былъ Гладстонъ, и съ консерваторами, находившимися подъ предводительствомъ д'Израэли. Поэтому положенiе Тори, вступившихъ въ должность, было въ высшей степени ненадежно, такъ какъ оно зависѣло отъ людей, не чувствовавшихъ никакой политической симпатiи къ партiи, которой сами же доставили власть. Бывшiй главный министръ, въ продолженiе своего *quasi* – диктаторства дозволилъ себѣ раза два или три забыть свою прежнюю ласковость и привѣтливость, располагавшiя въ его пользу палату общинъ. Нѣсколько членовъ выразили свое неудовольствiе по поводу его надменности и запальчивости, и во время роковаго раздѣленiя голосовъ, 19 февраля 1858 года, соединились съ врагами Пальмерстона, чтобъ наказать и унизить его гордость. Въ продолженiе пятнадцати мѣсяцевъ онъ въ холодной тѣни оппозицiонныхъ скамеекъ размышлялъ объ

урокахъ, данныхъ ему судьбой и народомъ, никогда не любившимъ на своей землѣ шпіонства. И не напрасно: онъ снова сдѣлался ласковымъ и привѣтливымъ со всѣми, постепенно опять сталъ сближаться съ Джономъ Росселемъ и старался забыть недавнюю ссору и вспомнить старую дружбу. Радикалы скоро почувствовали неудовольствіе по поводу своего союза съ консерваторами и когда д'Израэли, въ угожденіе имъ, предложилъ билль о парламентской реформѣ, они только осмѣяли эту мѣру, слишкомъ отзывавшуюся романтизмомъ. Такая перемѣна въ расположеніи либеральной партіи рано начала проявляться во время засѣданій 1859 года. Когда предложено было второе чтеніе билля о реформѣ правительства (21-го марта), лордъ Джонъ Россель предложилъ неодобреніе этой мѣры. Рѣшеніе парламента было отложено на нѣкоторое время и послѣ пренія, происходившаго въ продолженіе нѣсколькихъ ночей, предложеніе относительно измѣненія билля было принято большинствомъ 39 голосовъ. Тѣмъ не менѣе министры не слагали съ себя своихъ должностей. Слѣдуя примѣру Пальмерстона, лордъ Дерби предложилъ королевѣ распустить парламентъ и прибѣгнуть къ новымъ выборамъ. Но билль д'Израэли о реформѣ не могъ произвести въ народѣ энтузіазма и новые выборы не усилили министерства въ палатѣ общинъ. Послѣ собранія новаго парламента, существованіе консервативнаго привительства продолжалось только вслѣдствіе несогласія, возникшаго между членами оппозиціи. Для устраненія этого несогласія принимались различныя мѣры и наконецъ 2-го іюня въ залахъ Виллиса, близъ сквера Сентъ-Джэмсъ, собрался огромный митингъ изъ трехъ сотъ либеральныхъ членовъ, имѣвшій цѣлью соединеніе враждовавшихъ сторонъ либеральной партіи. Результатомъ начатыхъ такимъ образомъ переговоровъ было присоединеніе радикаловъ къ лорду Джону Росселю, вслѣдствіе обѣщанія билля о либеральной реформѣ, и примиреніе Пальмерстона съ этимъ бывшимъ его врагомъ, посредствомъ обѣщанія *предоставить* послѣднему завѣдываніе дѣлами иностранной политики. Между тѣмъ начало итальянской войны, сильно взволновавшее умы Англіи, и нелѣпое поведеніе Дерби, не прямо, но очень ясно высказавшаго свою

симпатію къ австрійскому правительству, окончательно уронили министерство въ общественномъ мнѣніи. Когда возстановлено было согласіе между предводителями обѣихъ сторонъ и ихъ приверженцами, въ парламентѣ, существовавшемъ еще только одну недѣлю, открылись дѣйствія противъ министерства предложеніемъ измѣненія въ адресѣ, сдѣланномъ въ отвѣтъ на рѣчь королевы. Этотъ поступокъ имѣлъ цѣлью доказать, что министры не пользуются довѣріемъ палаты. Предложенное измѣненіе поддержано было большинствомъ 13 голосовъ. Лордъ Дерби и его товарищи сложили съ себя свои должности и Пальмерстонъ снова сдѣлался первымъ лордомъ казначейства и главнымъ министромъ Англіи. Этотъ выборъ былъ принятъ холодно; общество чувствовало, что Пальмерстонъ не удовлетворяетъ народнымъ желаніямъ, что онъ, нѣкогда измѣнившій Сициліи и бросившій Венецію на произволъ судьбы, не можетъ съ честію поддержать италіянскій вопросъ, но за неимѣніемъ болѣе видной дипломатической способности должно было уступить обстоятельствамъ. Война между Сардиніею и Австріею вспыхнула почти къ удивленію консервативныхъ министровъ, которые до самаго открытія непріязненныхъ дѣйствій увѣряли парламентъ, что не предвидится никакого нарушенія мира. Они, очевидно, не пользовались довѣріемъ Лудовика Наполеона, который замѣтилъ ихъ расположеніе къ Австріи. Вѣнское правительство было такъ поражено отставкой Дебри и назначеніемъ Пальмерстона, что, говорятъ, оно поспѣшило войной и велѣло своимъ войскамъ немедленно вступить на сардинскую территорію, какъ только узнало объ ожидаемой перемѣнѣ въ англійскомъ министерствѣ. Такимъ образомъ Пальмерстонъ снова пріобрѣлъ власть въ критическій моментъ и пошелъ рука объ руку съ Наполеономъ III... Когда послѣдній наносилъ одинъ ударъ за другимъ Австріи, министръ Англіи восторгался успѣхомъ своего союзника; но когда императоръ 3-го декабря отмежевалъ себѣ Савою и Ницу, высаживая одинъ полкъ за другимъ въ Римскія владѣнія, Пальмерстонъ молчалъ или отдѣлывался пустыми фразами на сомнѣнія парламента и тревожные вопросы націи. Правда, онъ не противорѣчилъ публичному объ-

явленію Джона Росселя, что Англія должна искать другихъ союзниковъ, онъ не препятствовалъ, но скорѣе способствовалъ собранію корпуса волонтеровъ и постройкѣ крѣпостей, справедливо считавшихся признакомъ недовѣрія къ Франціи; но всѣ эти демонстраціи были крайне вялы, уклончивы и недостойны британскаго могущества. Этого мало. Пальмерстонъ допустилъ вмѣшательство французскаго флота въ дѣло Гаеты, и тѣмъ навлекъ на себя громкій ропотъ Англіи. Эта двоедушная и близорукая политика *ловкаго* виконта ясно показала, что онъ, при всѣхъ средствахъ и силахъ націи, не способенъ былъ овладѣть ходомъ событій, въ которыхъ первая роль безъ сомнѣнія принадлежала Англіи.

Въ сирійскомъ вопросѣ, лордъ Пальмерстонъ, всегда опасавшійся французскаго и русскаго вліянія на востокѣ, высказалъ больше сочувствія къ Друзамъ, чѣмъ къ христіанамъ, но онъ предложилъ наказать главныхъ виновниковъ кровопролитія, съ цѣлью предупредить вмѣшательство Франціи. На кризисъ въ австрійскихъ дѣлахъ онъ сравнительно смотритъ съ равнодушіемъ, такъ какъ никогда не чувствовалъ глубокой любви къ правительству этой страны. Едва ли онъ питаетъ болѣе расположенія къ Пруссіи. Въ борьбѣ ея съ Даніею по поводу Шлезвига-Гольштейна, онъ безъ сомнѣнія приметъ сторону Датчанъ. Но постоянное его убѣжденіе и отличительный характеръ его иностранной политики заключается въ необходимости твердаго союза между Англіей и Франціей. Естественно, что такая мысль преобладала въ продолженіе восемнадцатилѣтняго мирнаго правленія Лудовика-Филиппа, когда Пальмерстонъ велъ борьбу протоколовъ съ Тьеромъ и Гизо и въ столкновеніяхъ съ ними впервые пріобрѣлъ извѣстность на дипломатическомъ поприщѣ. Тогда Англія и Франція имѣли общіе политическіе интересы, содѣйствуя развитію въ Европѣ конституціонныхъ началъ. Но теперь, когда Франція управляется на основаніи совсѣмъ другихъ началъ, — теперь странно видѣть, что Англія желаетъ быть въ такомъ же тѣсномъ союзѣ съ этой державой, какъ во времена мирнаго правленія Лудовика-Филиппа. Однакожъ, оно дѣйствительно такъ. Эта мысль соста-

вляетъ, повидимому, idée fixe Пальмерстона. До сихъ поръ этотъ союзъ былъ насильственной теоріей дипломаціи и современемъ угрожаетъ столь же насильственнымъ разрывомъ. Англія это чувствуетъ, и потому военныя приготовленія все еще продолжаются на обоихъ берегахъ британскаго канала. Люди, заглядывающіе впередъ, предвидятъ, что политика Пальмерстона заведетъ въ такія сѣти, изъ которыхъ выпутаться будетъ очень трудно...

Но вопросъ, наиболѣе затрудняющій въ настоящее время правленіе Пальмерстона, заключается въ разрывѣ соединенныхъ штатовъ Америки. Виконтъ всю свою жизнь былъ ревностнымъ поборникомъ уничтоженія рабства, и потому питаетъ сильное сочувствіе къ сѣвернымъ провинціямъ. Но съ другой стороны значительная часть промышленнаго богатства Англіи находится въ совершенной зависимости отъ торговли хлопчатой бумагой, составляющей предметъ производства южныхъ штатовъ, которые, отдѣляясь отъ союза, стараются склонить на свою сторону Англичанъ уничтоженіемъ въ своихъ портахъ всѣхъ таможенныхъ пошлинъ. До сихъ поръ Англія устояла противъ всѣхъ искушеній и продолжаетъ поддерживать сѣверные штаты, защищающіе свободу. Такое поведеніе, конечно, дѣлаетъ честь министерству и мы надѣемся, что британская нація, ради нѣсколькихъ мѣшковъ хлопчатой бумаги, не станетъ на сторонѣ рабовладѣльцевъ. Это было бы послѣднимъ униженіемъ Англіи и самымъ отвратительнымъ лицемѣріемъ ея министра.

Мы разсмотрѣли подробно политическую карьеру одного изъ современныхъ дѣятелей эпохи. Изъ нашего очерка можно видѣть ясно, что у Пальмерстона никогда не было строгихъ принциповъ и руководящихъ идей. Онъ шелъ вмѣстѣ съ теченіемъ внѣшнихъ событій, и если успѣвалъ ловко примѣняться къ нимъ, то никогда не становился выше ихъ и не управлялъ ими. Какъ администраторъ, онъ обладаетъ тактомъ, навыкомъ, быстрымъ соображеніемъ и отличной памятью, но какъ государственный человѣкъ, онъ не могъ сообщить своей дѣятельности никакого отличительнаго характера, ничего пол-

наго и цѣлаго. Это одинъ изъ тѣхъ серединныхъ умовъ, которыхъ вліяніе и власть создается случаемъ и обстоятельствами, но не внутренней силой человѣческаго генія. Между Пальмерстономъ и Питтомъ, управлявшимъ Англіей во времена Наполеона I, существуетъ странный контрастъ. Питтъ чрезвычайно рано созрѣлъ и преждевременно умеръ; Пальмерстонъ поздно сдѣлался политикомъ и теперь также силенъ и свѣжъ, какъ и прежде. Первый былъ главнымъ министромъ двадцати четырехъ лѣтъ; второй только сорока лѣтъ заявилъ политическое честолюбіе и отличился, какъ предводитель въ парламентѣ, когда ему уже минуло пятьдесятъ. Дѣла онъ ведетъ съ такимъ умѣньемъ, какого и надо ожидать отъ человѣка, всю свою жизнь занятаго угожденіемъ собственнымъ интересамъ.

Онъ, безъ сомнѣнія, не имѣетъ качествъ придворнаго человѣка. Извѣстно, что королева Викторія глядѣла въ потолокъ, когда благородный виконтъ проходилъ мимо нея во время выхода при дворѣ. То было нѣсколько лѣтъ назадъ; теперь министръ и его королева находятся въ лучшихъ отношеніяхъ другъ къ другу. Лудовикъ-Филиппъ не могъ терпѣть англійскаго секретаря иностранныхъ дѣлъ. Даже Изабелла, королева испанская, для которой онъ сдѣлалъ столько добра, удалила отъ своего двора его посланника, сэра Генри Бульвера. Единственная милость, которой добивается Пальмерстонъ, состоитъ въ благосклонности и симпатіи преобладающаго класса въ Англіи.

Личный недостатокъ Пальмерстона заключается въ чрезвычайной безпечности, заставляющей его дѣйствовать опрометчиво въ дѣлахъ важныхъ, и въ излишнемъ довѣріи къ собственному уму, пренебрегающему совѣтами другихъ. Въ частной жизни онъ пріятный собесѣдникъ и добрый хозяинъ въ отношеніи къ своимъ фермерамъ. Онъ живетъ умѣренно и любитъ физическія упражненія. Путешественникъ, посѣщающій его домъ въ Бродлендахъ, можетъ видѣть высокую конторку, за которой долго работалъ лордъ. Подлѣ нея находится скамейка, на которой въ порядкѣ располо-

жены нѣсколько шляпъ и коллекція перчатокъ различнаго рода: для прогулокъ пѣшкомъ, для верховой ѣзды и для занятій въ саду или въ паркѣ, гдѣ хозяинъ, обыкновенно, самъ отмѣчаетъ деревья, назначаемыя для срубки. Пальмерстонъ отличный ѣздокъ; не далѣе, какъ въ прошломъ году, семидесяти шести лѣтъ отъ роду, онъ проѣзжалъ верхомъ передъ обѣдомъ двадцать миль. Онъ средняго роста, все еще держится прямо и отличается эластической походкой. Черты его рѣзки, губы толсты, вся наружность носитъ на себѣ печать болѣе ирландскаго типа, чѣмъ англійскаго.

Р. ГАРРИСОНЪ.

Въ ночь на Купала.

На Ивана на Купала,
Въ часъ борьбы добра и зла,
Ночь съ зарницами вставала,
И вставала, и мерцала,
Ароматна и тепла.

А цыганка молодая
Говорила мнѣ въ тиши:
«Кладъ великій закляла я!
Ты жъ не хочешь божья рая,
Хочешь муки для души, —

Выходижь! она смущала,
Грѣхъ не страшенъ—кладъ великъ!..
На Ивана на Купала
Въ темномъ лѣсѣ насъ сначала
Встрѣтитъ старый лѣсовикъ —

А за нимъ вся вражья сила
Подавать намъ станетъ вѣсть —
Ты жъ не бойся! говорила,
Тамъ, въ оврагѣ есть могила
Тамъ и папоротникъ есть...

Молви: «чуръ меня!» — и съ бою
Рви цвѣтокъ и брось назадъ,
Да гляди: куда звѣздою
Упадетъ онъ предъ тобою —
Тамъ и счастье, тамъ и кладъ!»

Пѣсни, крики... разгорались
Вдоль по берегу костры,
А въ подводный теремъ крались
Въ ночь русалки, и сплывались
У царевны, у сестры...

Я ушелъ съ цыганкой въ поле:
Вотъ гудитъ и темный боръ...
Сердце мечется отъ боли...
Вотъ и зелье... «Рви же, что-ли!»
Говоритъ мнѣ страстный взоръ, —

И, спаленъ ея красою,
Я заклятое былье
Взбросилъ къ небу надъ грозою —
И упалъ цвѣтокъ звѣздою
Прямо на сердце её...

1860.

ТРЕТІЕ СОСЛОВІЕ ВО ФРАНЦІИ ДО РЕВОЛЮЦІИ. (*)

(СТАТЬЯ ПЕРВАЯ).

Французская революція въ концѣ прошлаго вѣка, разрушивъ средневѣковыя учрежденія, выдвинула впередъ новое, привилегированное сословіе, которому передала власть, принадлежавшую древней феодальной аристократіи. Съ этихъ поръ управленіе страною принадлежитъ такъ называемой буржуазіи, которая захватила въ свои руки всѣ источники силы и могущества. Въ прежнее время ни **haute**, ни **petite bourgeoisie** не отличались отъ всего остальнаго народа и составляли съ нимъ третіе сословіе (tiers-état). Любопытно прослѣдить развитіе этого сословія до того момента, когда оно очутилось во главѣ страны, занявъ мѣсто средневѣковаго дворянства и отдѣливъ, на другой день послѣ побѣды надъ нимъ, свои интересы отъ интересовъ остальнаго народонаселенія. Достигши могущества, буржуазія съ успѣхомъ борется съ претензіями древней аристократіи и съ новымъ дворянствомъ, насильственно развиваемымъ какъ первой, такъ и второй имперіями. Но въ то же время она заразилась всѣми болѣзнями привилегій, проникласъ узкимъ эгоизмомъ, ревниво слѣдитъ за стремленіями остальнаго населенія, опираясь на которое, она сама достигла своего значенія и отреклась отъ своего родства съ нимъ.

(*) *Augustin Thierry:* Essai sur l'histoire de la formation et des progrès du Tiers-Etat. — *Guizot*: Histoire de la civilisation. — *Duvergier de Hauranne:* Histoire du Gouvernement parlementaire en France.

Слово — tiers-état давно утратило свое значеніе. Многія историческія явленія, какъ напримѣръ введеніе избирательнаго ценса и желаніе исключительной власти людей, пользующихся ею, раздробило массу народа, въ сущности цѣлую и однородную, на враждебные другъ другу классы и значеніе tiers-état затерялось. Теперь подъ этимъ именемъ разумѣютъ такъ называемую буржуазію, которая будто бы до времени первой французской революціи означала болѣе прочихъ выдающееся сословіе изъ всего, что̀ не принадлежало ни къ дворянству, ни къ духовенству. Мнѣніе вполнѣ ложное. Оно совершенно противорѣчитъ историческимъ свидѣтельствамъ и основному духу великихъ событій конца весемнадцатаго столѣтія.

Въ прежнія времена государственные чины (états generaux) королевства состояли изъ трехъ родовъ людей: духовенства, дворянства и остальнаго народонаселенія, извѣстнаго подъ названіемъ tiers-état. Въ постановленіи Людовика XVI, призывавшемъ государственные чины, въ число людей, имѣющихъ право участвовать въ избирательныхъ собраніяхъ третьяго сословія включались: всѣ жители городовъ, мѣстечекъ и деревень, природные Французы или принятые въ число гражданъ (натурализованные), всѣ, имѣющіе 25 лѣтъ отъ роду, приписанные куда бы то ни было и платящіе подать. Наконецъ Сэй, въ знаменитомъ памфлетѣ того времени, сосчитавъ силы плебейскаго сословія и стоя за единство его, предложивъ три знаменитыхъ вопроса и давъ такіе же отвѣты на нихъ, вполнѣ обозначилъ, что̀ значило это потерявшее теперь свой прежній смыслъ слово. Qu'est ce que le Tiers État? Tout.—Qu'a-t-il été jusqu'à present dans l'ordre politique? Rien (*). — Que demande-t-il? être quelque chose. — Такимъ образомъ становится яснымъ, что сословіе, вызвавшее событія 1789 года, составляетъ цѣлый народъ, за исключеніемъ дворянства и духовенства.

Въ этомъ смыслѣ исторія третьяго сословія начинается

(*) *Примѣч.* Что такое третіе сословіе? Все. Чѣмъ оно было доселѣ въ политической іерархіи? Ничѣмъ. Чего оно требуетъ? Быть чѣмъ нибудь.

гораздо раньше, чѣмъ появляется въ исторіи его названіе. Начало ея относится къ тому времени, когда случился въ Галліи переворотъ, вслѣдствіе столкновенія въ ней римскихъ и германскихъ учрежденій, къ тому времени, когда всякаго рода люди, неимѣвшіе правъ привилегированныхъ сословій, составляли классъ, извѣстный на феодальномъ языкѣ подъ именемъ la roture (разночинцы, простолюдины). Съ VI по XII вѣкъ судьба этого сословія едва обозначается; на одной почвѣ (въ деревняхъ) оно теряетъ, на другой (въ городахъ) выигрываетъ. Потомъ оно встрѣчаетъ болѣе обширное поприще въ эпоху возрожденія какъ муниципальной свободы, такъ и королевской власти, вмѣстѣ съ нею развивается и доходитъ до конца восемнадцатаго столѣтія, когда оно соединилось политически съ двумя другими сословіями въ одномъ собраніи, на которомъ знаменитый и несчастный Бальи сказалъ: la famille est complète.

Въ историческомъ развитіи его поражаетъ болѣе всего то, что впродолженіи шести вѣковъ, съ XII по XVIII, третіе сословіе и королевская власть идутъ рука въ руку; исторія одного дополняетъ и поясняетъ исторію другой. Но съ конца прошлаго столѣтія эта характеристическая черта исчезаетъ. Революція родила сначала недовѣріе, а потомъ и самый разрывъ между третьимъ сословіемъ и королевской властью. Въ тотъ самый моментъ, когда пріобрѣтеніемъ послѣдняго права, гарантіи, долженствовавшей увѣнчать все развитіе третьяго сословія представительной монархіей 1791 года, казалось, была упрочена политическая свобода, согласіе между нимъ и монархіей рушилось; за этимъ явленіемъ послѣдовало паденіе и королевской власти, и конституціонной монархіи. Въ послѣдующіе двадцать два года, казалось, что новая Франція разорвала всякую связь съ старинной королевской Франціей, но конституціи 1814 и 1830 года силились связать порваную нить французской исторіи. Попытки и стремленія 1789 года соединить народныя преданія съ началами широкой свободы возобновились подъ другою только формой. 1848 годъ новой катастрофой еще разъ разорвалъ эту нить и еще разъ доказалъ, что интересы королевской власти и третьяго сословія разошлись еще болѣе и

историческая эпоха, продолжавшаяся шесть вѣковъ, впродолженіи которыхъ эти интересы были общими и поддерживали другъ друга, окончилась невозвратно. Теперь они идутъ въ противныя стороны: власть поддерживаетъ остатки дворянскихъ и сословныхъ привилегій, третіе сословіе, съ одной стороны, требуетъ отъ нея болѣе прочныхъ и широкихъ уступокъ, съ другой, отдѣляетъ все болѣе и болѣе свои интересы отъ интересовъ остальнаго народа.

Если мы глубже и серьезнѣе заглянемъ въ жизнь, подвергнемъ критическому анализу ея явленія политическія, гражданскія, религіозныя, то легко убѣдимся, что въ ней нѣтъ скачковъ, быстрыхъ, внезапныхъ переходовъ изъ одной формы въ другую и каждая окончательно сложившаяся эпоха, въ тотъ моментъ, какъ начинается ея разложеніе, служитъ зародышемъ новыхъ жизненныхъ началъ. Такъ въ умиравшемъ, изжившемъ свои силы греко-римскомъ періодѣ можно уловить зачатки, сѣмена новѣйшей цивилизаціи. Эпоха разложенія древней жизни была колыбелью новыхъ общественныхъ элементовъ, которые, подъ непосредственнымъ вліяніемъ христіанства, нравовъ и обычаевъ германскихъ завоевателей, создали средневѣковую жизнь и преемственно дошли до насъ. Такимъ образомъ изъ древнегерманскаго народнаго права родился типъ послѣдующей королевской власти. Греко-римское рабство обратилось въ ленную зависимость. Въ притѣснительное муниципальное право входитъ элементъ демократическій въ видѣ избраннаго народомъ дефенсора и епископа.

При нашествіи варваровъ на Галлію германскія преданія и обычаи встрѣтились съ христіанской вѣрой, римскимъ правомъ и городской администраціей. Къ концу борьбы мы видимъ насильственно-соединенныхъ побѣдителей съ побѣжденными, Франковъ съ Галло-Римлянами. Два столкнувшіеся народа нисколько не походили другъ на друга. Послѣдніе состояли изъ гражданъ совершенно свободныхъ, колоновъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ имъ непринадлежавшей и домашнихъ рабовъ, лишенныхъ всѣхъ гражданскихъ правъ. Первые, раздѣленные на два племени, каждое съ своими особенными законами (салическіе Франки и рипуарскіе Фран-

ки), не походятъ въ своихъ учрежденіяхъ ни на кого изъ сосѣдей: ни на Бургундовъ, ни на Готовъ, ни на другія тевтонскія племена, подчиненныя волей-неволей могуществу Франковъ, но всѣ имѣютъ по крайней мѣрѣ два рода свободныхъ людей и особенный родъ рабства. Между неспаявшимися еще общественными слоями пользуется особенной силой уголовное право побѣдителей. Количество пени за преступленія противъ лицъ разныхъ сословій учреждаетъ особенную іерархію, давшую начало и между V и X вѣками выработавшую феодальное право. На первомъ мѣстѣ стоялъ Франкъ и всякій *варваръ*, жившій подъ покровительствомъ законовъ франкскихъ; второе мѣсто принадлежало варвару, управлявшемуся по своимъ собственнымъ законамъ; потомъ шелъ туземецъ свободный и владѣющій землей, потомъ Римлянинъ-помѣщикъ и въ равной ему степени *литъ* или германскій колонъ, потомъ Римлянинъ-данникъ или туземный колонъ, наконецъ эту длинную лѣстницу заключалъ рабъ какого бы онъ ни былъ происхожденія.

Эти различные, разъединенные классы людей, разумѣется, были неравномѣрно распредѣлены по городамъ и деревнямъ. Все, что только было порядочнаго въ какомъ бы то ни было отношеніи въ галло-римскомъ населеніи, жило въ городахъ, окруженное домашними рабами. Изъ этого населенія только полурабы-колоны и совершенные рабы-земледѣльцы жили по селамъ. Напротивъ того высшее сословіе германскаго происхожденія утвердилось въ деревняхъ; каждое свободное семейство жило въ своемъ владѣніи работою германскихъ же колоновъ, приведенныхъ ими съ собою или римскихъ колоновъ, застигнутыхъ въ странѣ во время ея завоеванія. Въ городахъ жило весьма малое число Германцевъ. Ихъ составляли королевскіе чиновники и безсемейные искатели счастія, жившіе, вопреки своимъ привычкамъ, какимъ либо ремесломъ. Германскіе побѣдители болѣе и болѣе привязывались къ мѣстамъ, въ которыхъ поселились. Высшее городское сословіе галло-римскаго племени стало подражать имъ какъ въ жизни, такъ и въ нравахъ и перебиралось также въ деревни, за исключеніемъ лицъ духовнаго званія. Города много потеряли, когда луч-

шія фамиліи ихъ покинули; да и сама цивилизація потеряла не мало, потому что эти перебѣжчики оставили свои привычки, свои обычаи, свое образованіе, бывшіе плодомъ греко-римской жизни. Просвѣщеніе, науки, искусства окончательно вымирали и переселились изъ городовъ въ монастыри.

Между тѣмъ какъ невѣжество ложилось густой тучей на высшихъ слояхъ жизни, человѣческія права попирались все болѣе и болѣе, и общество еще разъ дошло до личнаго рабства. Въ силу побѣды и меча всякое завоеванное существо дѣлалось добычей завоевателя, наравнѣ съ стадами животныхъ и домашней утварью. Но духъ войны уступилъ общественнымъ организаціямъ, подъ вліяніемъ которыхъ личное рабство потеряло свой прежній суровый характеръ. Богатый варваръ предпочиталъ держать рабовъ внѣ своего дома и заселять ими свою землю, какъ своими работниками. Такъ образовался классъ прикрѣпленныхъ къ землѣ и отъ нея неотдѣляемыхъ земледѣльцевъ. Съ теченіемъ времени положеніе ихъ стало походить на положеніе рабовъ германскихъ, хотя судьба ихъ была несравненно тяжелѣе. Домашнее рабство дѣлало изъ лица вещь и вещь движимую; прикрѣпленіе къ землѣ дѣлало его собственностью недвижимою. Это былъ уже значительный шагъ впередъ. Между тѣмъ, какъ съ одной стороны, классъ рабовъ возвышался и пріобрѣталъ права, съ другой стороны число обѣднѣвшихъ колоновъ увеличилось въ это смутное, опасное какъ для свободы лица такъ и для его собственности, время.

Положеніе колоновъ, какъ свободныхъ людей, становилось все хуже, время все болѣе и болѣе сглаживало различіе между поселенцами римскими и германскими, такъ что смѣшало въ одинъ разрядъ людей бывшихъ данниковъ и людей свободныхъ. Это былъ первый шагъ къ смѣшенію племенъ, смѣшенію, создавшему въ продолженіи слѣдующихъ пяти вѣковъ одну цѣльную народность.

Такъ въ самомъ сердцѣ германской жизни зародилась весьма важная перемѣна. Количество свободныхъ людей все болѣе и болѣе уменьшалось и прежніе свободные люди становились къ болѣе сильнымъ и богатымъ въ отношенія за-

висимыя, болѣе или менѣе близкія къ настоящему рабству, а рабы, вслѣдствіе прикрѣпленія ихъ къ землѣ, вышли изъ тяжкаго состоянія личнаго рабства и приблизились своимъ положеніемъ къ колонамъ, такъ какъ различіе между двумя этими состояніями стало исчезать.

Вскорѣ народонаселеніе всей Галліи, литы, колоны и рабы слились въ одно цѣлое, хотя по различію мѣстности и стороннихъ вліяній, судьба несвободныхъ людей не всегда и не вездѣ была одинакова. Въ то время, когда въ деревняхъ началось стремленіе къ опредѣленію общественныхъ отношеній, города все болѣе теряли свое значеніе.

Церковь не мало способствовала этому историческому развитію полеваго населенія. Она покровительствовала домашнему хозяйству, ремесламъ и механическимъ искусствамъ. «Аббатство не только было мѣстомъ молитвы, но и открытымъ убѣжищемъ противъ всѣхъ варварскихъ гоненій. Оно представляло и въ хозяйственномъ отношеніи нѣчто въ родѣ нынѣшней образцовой фермы», говоритъ Минье. Аббатства были школами, въ которыхъ учились и земледѣлецъ и ремесленникъ и землевладѣлецъ.

Многія мѣстности стали процвѣтать. Земледѣльцы почувствовали выгоду совокупнаго населенія. Выбраны были удобныя мѣста для деревень при рѣкахъ, на торговыхъ путяхъ. Выстроенная церковь обращала деревню въ приходъ, который заявилъ вскорѣ свои требованія ограничить произволъ феодальныхъ владѣтелей. Жившіе въ приходахъ рабы или полурабы поняли выгоду своего положенія вслѣдствіе соединенія въ одну общину и подъ руководствомъ управляющаго приходомъ родились первыя попытки муниципальной организаціи. Такимъ образомъ независимо отъ древнихъ муниципій, городовъ и мѣстечекъ, въ которыхъ доживали свой вѣкъ остатки римскихъ учрежденій, образовались элементы новой жизни, вслѣдствіе заселенія колоніями земледѣльцевъ и ремесленниковъ пустопорожнихъ пространствъ и постепеннаго преобразованія древняго рабства въ новое крѣпостное состояніе. Преобразованіе это, начавшееся гораздо прежде IX вѣка, въ X было уже окончено. Послѣдній, крайній предѣлъ личнаго рабства исчезъ изъ галлофранкской жизни.

Крѣпостной принадлежалъ болѣе землѣ, чѣмъ господину; произвольно налагаемый трудъ замѣненъ оброкомъ или опредѣленной барщиной. Крестьянинъ имѣлъ постоянное жилище; ему стало знакомо чувство самодовольствія, что онъ болѣе не бездомный скиталецъ, не товаръ, который можно перепродавать изъ рукъ въ руки. Безспорно, это главнѣйшая, характеристическая черта новой жизни. Слово *рабъ* получило опредѣленное значеніе. Имъ обозначался теперь крѣпостной, а прежнія слова, опредѣлявшія подобное же состояніе (литы, колоны), съ X вѣка исчезаютъ совершенно.

Въ то же время покончена была внутренняя великая борьба жизни римской съ жизнью германской въ пользу послѣдней. Эта побѣда вывела за собою феодальное право, т. е. новое государственное право, новую организацію собственности и семьи, раздробленіе верховной и судебной власти, обращеніе всякой общественной власти въ привилегію, дворянское достоинство, соединенное съ правомъ носить оружіе, и съ умѣніемъ владѣть имъ, а вмѣстѣ съ этимъ отвращеніе дворянства отъ труда, науки и всякаго занятія.

За-то съ другой стороны Франкская Галлія теряетъ свою первоначальную физіономію: различіе племенъ и, вслѣдствіе его, правъ по племенному происхожденію исчезаетъ; нѣтъ больше разницы между варварами и Римлянами; личное право обращается въ право мѣстное и сословное; право германское и римское уступаютъ мѣсто сложившимся обычаямъ; вмѣсто отдѣльныхъ національностей является одно смѣшанное народонаселеніе, которое историкъ въ правѣ уже назвать *народомъ французскимъ*. Въ немъ видимъ мы среди государства безчисленное множество сеньорій, какъ бы отдѣльныхъ маленькихъ государствъ, въ которыхъ все народонаселеніе характеристически дѣлится на два разряда. Первый — изъ людей свободныхъ, праздныхъ, военныхъ, съ правами начальствованія, администраціи и суда. Второй, предназначенный къ повиновенію, работѣ, находящійся, за исключеніемъ оставшихся рабовъ, въ болѣе или менѣе тѣсной зависимости отъ перваго, въ видѣ подданства.—Казалось, что это начало подданства, къ которому стремилась германская жизнь, должно было задушить всякое иное, болѣе свободное стремленіе; но вскорѣ

оно встрѣтилось съ городами, въ которыхъ смутно шевелились преданія о римскомъ правѣ, отвращеніе къ настоящему порядку вещей и сила для борьбы. Феодальное право между тѣмъ выработало новыя основанія для политической и гражданской жизни; все случайное и временное стало постояннымъ: право пользованія перешло въ право собственности, право переходной власти въ личное право, право пожизненное въ наслѣдственное. Перемѣны эти не могли не коснуться крѣпостнаго сословія и не отразиться на ихъ жизни, потому что и крѣпостной велъ войну противъ своего господина, какъ его господинъ противъ вассала и какъ вассалъ противъ сеньора, а сеньоръ противъ короля. Какъ ни различны были положенія воюющихъ сторонъ, есть нѣкоторая аналогія въ результатахъ борьбы для всѣхъ.

Еще въ VIII вѣкѣ произвольно селили крѣпостныхъ, переводили съ мѣста на мѣсто, раздѣляли членовъ даже одной семьи; два вѣка спустя мы видимъ совсѣмъ иное: каждая семья помѣщена отдѣльно, крестьянская усадьба и окружающее ее поле обращаются въ наслѣдство крѣпостнаго. Правда, наслѣдство это, обложенное оброкомъ и барщиной, не могло быть отчуждаемо, члены семьи лишены были нрава заключать браки съ лицами инаго сословія и крѣпостными чужихъ господъ, но эти новыя права: mainmorte и formariage получили сеньоры какъ бы въ замѣнъ нѣкотораго права собственности, уступленнаго крѣпостнымъ. Подъ такимъ вліяніемъ образовалось земледѣльческое крѣпостное населеніе, послужившее гранитнымъ фундаментомъ будущаго общественнаго зданія. Прикрѣпленіе къ землѣ родило право на нее, которое съ каждымъ новымъ поколѣніемъ становилось шире и прочнѣе. Стороннія политическія вліянія, въ особенности набѣги Норманновъ играли не малую роль въ общественномъ пересозданіи. Въ продолженіи трехвѣковаго періода этихъ нашествій, физіономія деревень и жилищъ сеньоровъ измѣнилась: первыя стали многолюднѣе, многія ограждали себя укрѣпленіями, а жилища сеньоровъ и рыцарей обратились въ замки, число которыхъ вскорѣ весьма расплодилось. Подъ защиту, въ особенности первыхъ, стало селиться трудолюбивое народонаселеніе не только земледѣльцевъ, но и всякихъ

ремесленниковъ. Большое количество людей, сосредоточенныхъ на одномъ пунктѣ, породило новыя отношенія, а вслѣдствіе новыхъ явленій жизни явились и новыя учрежденія. Это была переходная эпоха отъ жизни деревенской къ городской. Для содѣйствія управляющему деревней, въ полицейской расправѣ и судѣ за незначительныя преступленія, изъ жителей деревни сталъ выбираться помощникъ, который становился лицемъ начальствующимъ. Желаніе улучшенія своего быта повело преобразившуюся деревню далѣе. Съ начала XI столѣтія жители мѣстечекъ и селъ, *виланы*, уже не довольствовались положеніемъ несвободныхъ собственниковъ, прикрѣпленныхъ къ землѣ; они стремились сбросить съ себя тяжелыя обязательства, освободить землю, а съ нею и самихъ себя.

Но обратимся къ городамъ. Надо замѣтить, что рядомъ съ понятіемъ о свободѣ благороднаго, состоящей изъ привилегій, родившихся вслѣдствіе побѣдъ Германцевъ и ихъ нравовъ, существовало понятіе о другой свободѣ, основанной на инстинктивномъ сознаніи естественнаго, общаго всѣмъ права. Свободу эту вѣрнѣе всего можно бы было назвать *римской*; и муниципальное право, хотя искаженное, продолжало свое существованіе, несмотря на все усиліе феодальныхъ учрежденій задушить его. За жителемъ города удержалось даже древнее названіе гражданина. Изъ этого права родились семѣна будущаго городскаго устройства. Въ X вѣкѣ, во время галло-франкскаго періода, древнія римскія свободныя учрежденія, вслѣдствіе разныхъ причинъ, были отчасти перемѣшаны со многими нововведеніями, отчасти утратили свой первоначальный характеръ.

Власть древней куріи изъ аристократической и наслѣдственной обратилась въ избирательную и народную. Власть судебная, какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ, перешла прежнія границы. Посредствующая степень между правительственною властью и народомъ исчезла. Наконецъ вслѣдствіе все большаго вліянія духовенства на внутреннюю жизнь городовъ, высшее правительственное лице, дефенсоръ, подпалъ подъ зависимость епископа. Фактъ этотъ явился безъ всякой борьбы, единственно вслѣдствіе

популярности, которою пользовалось духовенство, популярности, грозившей подчинить городъ особаго рода автократіи. Понятія объ источникѣ гражданской и судебной власти, происходила ли она отъ народа или отъ епископа, перемѣшались. Тогда началась глухая борьба между свободными стремленіями городовъ и епископской инисіативой. Феодальная власть пришла со всѣмъ своимъ могуществомъ на помощь послѣдней и слѣдствіемъ этого было обращеніе епископовъ въ такихъ же свѣтскихъ владыкъ, какими были сеньоры для селъ и деревень. Организація городской жизни превратилась въ организацію, бывшую при дворахъ и въ замкахъ. Знатные граждане стали наслѣдственными вассалами церкви, захватили въ свои руки всѣ роды власти и угнетали городское населеніе, вскорѣ обратившееся въ совершенныхъ рабовъ. Такимъ образомъ общая участь, казалось, суждена была и городскому и сельскому населенію.

Къ счастью не всегда удавалось епископамъ захватить управленіе въ свои руки. Были города, въ которыхъ они встрѣтили сильное противодѣйствіе со стороны королевскихъ чиновниковъ. Это противодѣйствіе порождало упорную борьбу. Епископы становились обыкновенно на сторону народа, особенно въ періодъ соперничества духовной и свѣтской власти, поддерживали интересы городскаго населенія и избирательное начало. Это содѣйствіе духовенства дало въ послѣдующее время средства и силы для возстановленія городской жизни, которая въ X вѣкѣ представляетъ крайній предѣлъ униженія съ одной стороны и притѣсненія съ другой. Паденіе муниципальнаго права было тѣмъ чувствительнѣе для городскаго населенія, что оно не было знакомо съ состояніемъ рабства и хранило преданія о своихъ свободныхъ учрежденіяхъ. Тѣмъ не менѣе въ эту эпоху варварства, охватившаго какъ сельскую, такъ и муниципальную жизнь, совершилось и въ городахъ смѣшеніе германскаго и галло-римскаго населеній и выработалось изъ остатковъ римскихъ преданій и германскихъ судебниковъ одно право и одни обычаи.

Вскорѣ случился переломъ въ исторіи городскихъ учрежденій. Начался онъ въ Италіи, и изъ нея перешелъ во

Францію. Судьба италіянскихъ городовъ, болѣе обширныхъ, богатыхъ и менѣе отдаленныхъ другъ отъ друга, была несравненно благопріятнѣе. Тамъ, во второй половинѣ XI столѣтія, во время борьбы духовной власти съ императорскою, пробудилось первое революціонное движеніе съ особенной энергіей и самостоятельностью и отразилось послѣдовательно во всей муниципальной жизни. Политическое устройство городовъ Тосканы и Ломбардіи представляло въ то время смѣшеніе феодальныхъ учрежденій съ значительной гражданской свободой и неограниченную судебную власть, соединенную съ правомъ начальствованія надъ войскомъ. Въ городахъ этихъ явились консулы, правители, избираемые народомъ; имъ поручалась власть судебная и предводительство надъ войскомъ; подъ предсѣдательствомъ ихъ учреждены были верховныя собранія, которыя назначали войну и миръ.

Эти республиканскія учрежденія не замедлили переплыть море, перейти Альпы и проникнуть въ Галлію. Въ началѣ XII столѣтія новая форма городскихъ учрежденій, *консулатъ*, является сперва въ болѣе значительныхъ коммерческихъ городахъ, имѣвшихъ ближайшія и тѣснѣйшія сношенія съ итальянскими городами, а потомъ, частію силою, а частію вслѣдствіе добровольныхъ уступокъ сеньоровъ, и въ другихъ менѣе значительныхъ городахъ. Вскорѣ эта пропаганда обошла всю южную часть настоящей Франціи, между тѣмъ какъ на сѣверѣ страны то же движеніе, только при другихъ условіяхъ, произвело совершенно иныя послѣдствія.

На болѣе удаленныхъ отъ итальянскаго вліянія оконечностяхъ страны явился другой типъ городскаго устройства, столько же самостоятельный, типъ *присяжной общины*. Слова эти въ средніе вѣка обозначали муниципальное устройство, основанное на подтвержденномъ клятвою договорѣ о взаимномъ соединеніи и такомъ же взаимномъ охраненіи общины. Устройство это, родившись въ сѣверной Галліи, распространялось все болѣе и болѣе на югъ, между тѣмъ какъ учрежденіе консулата распространялось съ юга на сѣверъ. Несмотря на различіе въ результатахъ, внутреннее движеніе того и другаго было одинаково: тѣ же стремленія къ независимости, къ равенству правъ, къ возстановленію свободнаго

труда. То и другое имѣло непосредственное вліяніе на возрожденіе новой общественной жизни. Города пріобрѣли видимую, какъ бы личную гарантію въ своихъ правахъ, они стали какъ бы юридическими лицами, т. е. власть ихъ не ограничивалась только управленіемъ сосѣднею, принадлежавшею городу страною, правомъ владѣнія и отчужденія, но среди стѣнъ своихъ они пріобрѣли ту же независимость, какою пользовались въ своихъ владѣніяхъ сеньоры. Въ началѣ оба движенія городской жизни не встрѣчались. Ихъ раздѣляла центральная часть Галліи, въ которой движеніе было слабѣе и не доходило до полнаго преобразованія и возрожденія городской свободы. Здѣсь древніе значительные города освобождались исподоволь и получали болѣе или менѣе независимое демократическое устройство, занимавшее средину между сѣверной присяжной общиной и южнымъ консулатомъ. Въ однихъ изъ нихъ было возобновлено прежнее устройство галло-римскаго періода, въ другихъ учреждено правленіе изъ четырехъ правителей съ исполнительною и судебною властью; къ такимъ лицамъ, избираемымъ на годъ большинствомъ населенія, присоединялось иногда для содѣйствія извѣстное число знатныхъ гражданъ. Но не смотря на эти видимыя пріобрѣтенія, города эти были всегда въ бо̀льшей зависимости и освобожденіе ихъ никогда не было рѣшительно, такъ что высшее выраженіе либеральныхъ стремленій эпохи встрѣчаемъ мы въ присяжной общинѣ и консулатѣ.

Между тѣмъ какъ происходило это освобожденіе даже въ городахъ, возникшихъ послѣ римскаго періода, объемъ пріобрѣтенныхъ правъ въ различныхъ мѣстностяхъ былъ неодинаковъ. Случалось, что предмѣстья города получали путемъ мирнымъ, либо вслѣдствіе борьбы права присяжной общины или консулата, тогда какъ положеніе самаго города было близко къ совершенному рабству. Для одной мѣстности представлялось болѣе выгодъ, обстоятельства ей благопріятствовали, для другой напротивъ не было ни того, ни другаго. Ясно обозначалось только общее стремленіе возстановить изъ хаоса феодальныхъ учрежденій остатки бывшей городской свободы. Это стремленіе не могло ограничиться освобожденіемъ одного муниципальнаго права. Ему суждено было под-

копаться подъ самыя основы феодальныхъ учрежденій и обычаевъ и уничтожить ихъ совершенно. Въ немъ родились, и въ сторонѣ отъ прочей жизни, развились учрежденія, мѣстному характеру которыхъ, суждено было сдѣлаться достояніемъ общимъ, пріобрѣтеніемъ всей страны. Посредствомъ хартій, полученныхъ общиной, обычаевъ, помѣщенныхъ въ хартіяхъ, муниципальныхъ статутовъ, былъ возстановленъ писанный законъ; почти погибшее муниципальное управленіе, введенное въ городскую жизнь послѣ болѣе или менѣе удачныхъ попытокъ, послужило примѣромъ для устройства всего государства. Является новое, *третіе* сословіе, съ равенствомъ своихъ членовъ, съ освобожденнымъ трудомъ, и занимаетъ посредствующее положеніе между дворянствомъ и рабствомъ и разрушаетъ современную феодальную организацію. Его свѣжіе, здоровые инстинкты, дѣятельность; накопленные капиталы даютъ ему силу на борьбу съ землевладѣльцами.

Городская свобода въ XII и XIII вѣкахъ отразилась и на сельскомъ народонаселеніи: мы видимъ, что въ многолюдныхъ теперь селахъ является тоже стремленіе къ пріобрѣтенію болѣе широкихъ правъ; въ деревняхъ и въ соединеніи деревень нельзя не узнать начало присяжной общины. Невыгоды и безправіе рабства сознаются все болѣе и болѣе, отвращеніе къ господскому праву все болѣе и болѣе увеличивается. Въ деревняхъ, подъ окнами замковъ сеньоровъ раздается общій голосъ: «nous sommes hommes comme eux», толпы рабовъ оставляютъ господскія земли и идутъ грабить окрестности, другіе спокойно и твердо ведутъ переговоры о выкупѣ своей свободы, какой бы ни было цѣной. Боязнь общаго возстанія заставляетъ господъ согласиться уступить за деньги свое незапамятное на нихъ право. Но эти уступки не могли произвесть общаго и полнаго освобожденія; затрудненія были слишкомъ велики, нужны были радикальныя измѣненія правъ собственности. И между тѣмъ какъ возрожденіе муниципальной жизни совершилось такъ быстро, потребовалось не менѣе шести вѣковъ, чтобы совершить тѣ же преобразованія въ сельской жизни.

Такимъ образомъ возстановленное муниципальное право, города съ консульскимъ учрежденіемъ, присяжная община, городская и сельская были результатомъ борьбы XII вѣка, на которомъ выросло новѣйшее общественное устройство. Но всѣ эти элементы не могли слиться въ одно стройное цѣлое и не имѣли достаточно силы подчинить себѣ начала имъ противодѣйствовавшія. Чувствовалась необходимость въ помощи внѣшней, чтобы подъ ея руководствомъ можно было начать борьбу съ феодальной аристократіей, мѣшавшей общественному развитію. Роль эту приняла на себя королевская власть. Германская по происхожденію, взросшая подъ вліяніемъ императорскихъ преданій, она никогда не забывала своего римскаго принципа: общаго равенства предъ нею и предъ закономъ. Правда, принципъ этотъ, тщетно поддерживаемый противъ честолюбивыхъ Франковъ Меровингами, былъ побѣжденъ при второй династіи; въ послѣдующую эпоху идею государства представляла іерархія безчисленныхъ поземельныхъ владѣтелей, раздѣлившихъ между собою страну; но возрожденіе городской жизни открыло королевской власти средства возобновить борьбу съ сеньорами. Французскій король въ городахъ нашелъ все, что не могли или не хотѣли ему дать вассалы и бароны: дѣйствительное подданство, правильныя субсидіи и вооруженную милицію. Съ ихъ помощью и подъ предлогомъ мира и порядка, онъ принялъ на себя роль защитника слабыхъ. Нельзя сказать, чтобы возстановленіе королевской власти было вызвано освобожденіемъ городовъ. Напротивъ, оба явленія тѣсно связаны между собою и, побуждаемыя необходимостью, постоянно помогали другъ другу. Важнымъ, ближайшимъ слѣдствіемъ городской эманципаціи было то, что матеріальное благосостояніе разлилось всюду: стали расчищать лѣса, обработывать земли, населеніе городовъ увеличилось, возникли новые, заселившіеся бѣжавшими отъ господъ рабами.

Въ слѣдующемъ вѣкѣ идутъ преобразованія судебныя и законодательныя, послужившія главнымъ орудіемъ противъ феодальнаго права. Изъ городоваго права рождается право государственное. Враждебное привилегированнымъ сословіямъ, оно основывалось на противуположныхъ ему началахъ: на

естественномъ равенствѣ, служившемъ основаніемъ для организаціи семьи, собственности, наслѣдства, на равенствѣ братьевъ, сестеръ, супруговъ, и на поглощеніи въ своемъ деспотизмѣ всего индивидуальнаго и разрозненнаго.

Съ этимъ общественнымъ возрожденіемъ шло объ руку возрожденіе науки въ видѣ римской юриспруденціи. И здѣсь первый толчокъ вышелъ изъ Италіи, въ которой преподаваніе права не прекращалось во все продолженіе среднихъ вѣковъ. Еще въ XII вѣкѣ множество странствующихъ студентовъ переходило Альпы, чтобы учиться въ Болоньѣ или Падуѣ и приносило назадъ во Францію новыя идеи толкователей гражданскаго права. Вскорѣ право это стало преподаваться, вмѣстѣ съ каноническимъ, въ городахъ сначала южной, а потомъ средней Франціи. Изъ школъ новыя понятія проходили въ жизнь и подъ ихъ вліяніемъ явился цѣлый классъ юристовъ и людей государственныхъ, изъ самой среды третьяго сословія и уже въ высшихъ сферахъ началъ борьбу съ феодализмомъ и его предразсудками.

Дворъ короля или парламентъ, верховный судебный трибуналъ, сдѣлался средоточіемъ новыхъ началъ съ тѣхъ поръ, какъ эти новые люди получили къ нему доступъ. Образовалась правительственная каста. Въ ней выработывались и отъ нея распространялись понятія о верховной королевской и народной власти, какъ единственномъ источникѣ правосудія и законовъ. Увлеченные римскими традиціями, легисты того времени съ этой точки зрѣнія смотрѣли на настоящій порядокъ вещей. По ихъ понятіямъ все было противозаконно въ тогдашнемъ обществѣ, кромѣ королевской власти и третьяго сословія. Казалось, они предчувствовали историческую судьбу двухъ этихъ началъ, которымъ суждено было подчинить все остальное. Во всякомъ случаѣ легисты XIII вѣка, судьи, совѣтники, королевскіе чиновники, за шесть сотъ лѣтъ обозначили путь, по которому пошли всѣ преобразованія, реформы и революціи, завязались всѣ узлы новѣйшей исторіи, которыхъ не могли разрубить три великихъ революціи и двадцать четыре гражданскихъ войны. Вооруженные неумолимою логикой событій и переходя отъ одного вывода къ другому, каста начала гигантское дѣло, на совершеніе кото-

раго потребовалось столько вѣковъ: соединить въ однихъ рукахъ раздробленную верховную власть и привести къ одному уровню третьяго сословія все, что было выше и ниже его. Эта борьба теоріи противъ дѣйствительности имѣла всегда двоякій характеръ въ исторіи: одинъ, когда духъ нововведеній самъ себѣ предписываетъ границы, сдерживаетъ себя; другой, когда онъ поднимается грозно и ломаетъ безъ разбора все, что встрѣчаетъ на своей дорогѣ. Два царствованія Людовика IX и Филиппа Красиваго представляютъ разительный примѣръ такого контраста, примѣръ, которымъ начинается политико-юридическая эпоха французской монархіи. Реформа, начатая мягкимъ и осторожнымъ Людовикомъ Святымъ, при его внукѣ становится суровой, насильственной, неразборчивой въ средствахъ для достиженія цѣли. Несмотря на ея духъ и стремленія, она не возбудила къ себѣ народнаго сочувствія. Не было общественнаго переворота болѣе мрачнаго и менѣе симпатичнаго. Среди повсемѣстныхъ безпорядковъ, насилія, убійствъ и козней не слышно ни голоса угнетаемаго народа, ни крика безумнаго самовластья.

Легисты, основатели королевскаго самодержавія, испытали судьбу всѣхъ приверженцевъ эгоистической партіи; они погибли въ реакціи, совершенной во имя тѣхъ интересовъ, противъ которыхъ они боролись. Королевская власть шаталась, и отступала за феодальное право, подъ которое подкапывалась. Но самое дѣло не могло погибнуть: реформа шла медленно, но вѣрно. Сила разъединеннаго деспотизма переходила въ руки одной, крѣпко сомкнутой власти. Это былъ величайшій переломъ въ общественномъ организмѣ. И еслибъ феодалы имѣли болѣе связи съ народомъ, еслибъ они заслужили его довѣріе прежними поступками и искали опору своей оппозиціи не въ одномъ войскѣ и замкахъ, а въ симпатіи самой націи, тогда монархія могла проиграть свой процессъ, и исторія Франціи, подобно исторіи Англіи, приняла бы другое направленіе. Но этого не случилось, королевская власть тверже и тверже становилась на зыбкой почвѣ феодализма. Прежде всего было установлено закономъ, что новая община не можетъ сложиться безъ согласія короля, который одинъ только имѣетъ право создавать общины, и что всѣ города и

консулаты находятся подъ непосредственною королевской властью. Вскорѣ сдѣлано было новое, важнѣйшее пріобрѣтеніе: король получилъ право дѣлать гражданиномъ лице, поселившееся не только на земляхъ королевскихъ, но и на землѣ своего вассала; такимъ образомъ гражданство изъ права сословнаго стало правомъ личнымъ. Оставаясь прикрѣпленнымъ къ землѣ сеньора, крѣпостной получалъ нѣкоторую свободу. Въ актахъ того времени это обозначалось: **désavouer son seigneur et s'avouer bourgeois du roi**; право гражданства перестало быть исключительною принадлежностью городовъ, явился особый классъ свободныхъ простолюдиновъ, которые получили названіе гражданъ государства. Всѣ эти пріобрѣтенія сдѣланы были послѣ глухой, долгой борьбы; напротивъ того, важнѣйшее пріобрѣтеніе третьяго сословія, право участвовать чрезъ своихъ представителей въ собраніи государственныхъ чиновъ получено вслѣдствіе давнишняго обычая. Собраніе чиновъ изъ преданій германскихъ вошло въ жизнь феодально-монархическую и состояло обыкновенно изъ представителей духовенства и дворянства, соединенныхъ вмѣстѣ, либо раздѣленныхъ на двѣ камеры. Какъ скоро явился, по освобожденіи городовъ, новый классъ свободныхъ собственниковъ, то онъ тотчасъ принялъ участіе въ этихъ собраніяхъ, хотя съ меньшимъ значеніемъ, чѣмъ два первые и получилъ право совѣщаться о дѣлахъ государственныхъ, касающихся податей, налоговъ, субсидій. Это лучшее, важнѣйшее и существеннѣйшее право городскаго населенія получено было безъ борьбы и противодѣйствія собственно потому, что въ рѣдкихъ случаяхъ, въ которыхъ собирались королемъ представители *добрыхъ* городовъ, и въ уединенномъ ихъ положеніи среди собранія, современники не видѣли всей важности новаго учрежденія.

Увеличеніе нуждъ королевскихъ и расходовъ на ихъ удовлетвореніе естественно вело за собою болѣе частыя и правильныя собранія выборныхъ отъ городовъ и общинъ. Событія, которыми открылся первый годъ XIV столѣтія, дали этимъ собраніямъ характеръ особенной важности, поразившей современниковъ тѣмъ болѣе, что прежнія собранія были отдѣльныя, частныя, по сословіямъ, проходившія безслѣдно

другъ за другомъ. Всѣмъ извѣстны какъ замыслы римскаго двора и Бонифація VIII, такъ и отпоръ, данный ему Филиппомъ Красивымъ. Папа собралъ соборъ, король — государственные чины изъ представителей духовенства, дворянства и городовъ (*). Отъ сѣверныхъ городовъ явились городскіе головы, отъ южныхъ консулы. Отъ нихъ впервые услышали *голосъ народа,* и вотъ какъ они выразили мнѣніе свое въ поднятомъ вопросѣ о границахъ свѣтской и духовной власти: «Васъ, благороднѣйшій государь Филиппъ, Божіей милостью король Франціи, проситъ и умоляетъ народъ вашъ, насколько это отъ него зависитъ, чтобы вы сохранили верховную независимость вашего королевства и не признавали бы на землѣ владыки, кромѣ Бога....» Это желаніе независимости королевской власти и земли своей — первая политическая идея tiers-état, сдѣлавшаяся его наслѣдственнымъ преданіемъ; это былъ первый актъ отдѣленія его отъ народа и смертный приговоръ, произнесенный надъ феодализмомъ. Само собою разумѣется, что третье сословіе не сознавало и даже не предчувствовало тѣхъ результатовъ, которые окончатъ эту реформу. Съ другой стороны не видно было, чтобы оно придавало особенную цѣну пріобрѣтенному такъ легко праву участвовать въ собраніи государственныхъ чиновъ. Оно засѣдало въ нихъ нехотя, видя, что цѣль каждаго собранія — новый налогъ или подать. Роль его на этихъ собраніяхъ, созываемыхъ по случаю войны или новаго царствованія, была малозначительна и второстепенна во все послѣдующее время правленія Филиппа Красиваго и его наслѣдниковъ до половины XIV вѣка. Но при Иванѣ общественныя бѣдствія, вслѣдствіе войнъ съ Англіей, вызвали лихорадочное, страстное движеніе общинъ, честолюбивыя требованія которыхъ шагнули далеко за предѣлы возможнаго и стремились къ исключительному преобладанію, которое могли получить не ранѣе, какъ черезъ пять вѣковъ борьбы и усилій.

(*) 10-го апрѣля 1302 года въ Notre-Dame de Paris. Представители городовъ собирались и прежде при Людовикѣ Св., но по провинціямъ, а не отъ всего государства.

Въ два протекшія столѣтія, со времени пріобрѣтенія муниципальной свободы, богатые граждане городовъ пріобрѣли опытность въ политической жизни. Познакомившись на собраніяхъ государственныхъ чиновъ съ безпорядкомъ королевскаго управленія, съ его нечистыми источниками доходовъ, съ его древними и новыми злоупотребленіями, и сравнивъ его съ совѣстливымъ, справедливымъ городскимъ управленіемъ, они естественно желали внести начала городской организаціи въ жизнь государственную. Стремленіе это, сначала робкое въ присутствіи королевской власти, никогда не обращавшейся къ нимъ за совѣтомъ, и привилегированныхъ сословій, сдѣлалось явнымъ при страшныхъ бѣдствіяхъ, порожденныхъ внѣшнею войною и внутреннею расточительностью, принудившихъ короля и его совѣтниковъ искать посторонней помощи и показавшихъ его безсиліе помочь общественнымъ несчастіямъ. При такихъ-то обстоятельствахъ объявлено было собраніе государственныхъ чиновъ въ 1355 году. Его рѣшенія, получившія тотчасъ по декрету короля законную силу, во многихъ отношеніяхъ пошли гораздо дальше того, что выработала впослѣдствіи конституціонная монархія: верховная власть раздѣлена между королемъ и представителями трехъ сословій; собранія собираются сами на опредѣленный срокъ, подать обязательна для всѣхъ, не исключая и короля, право собирать ее и контролировать финансы принадлежитъ собранію, учреждается, вслѣдствіе предоставленнаго гражданамъ права носить оружіе, народное ополченіе, запрещается призывать кого бы то ни было къ другому суду, кромѣ существующаго, насильное взятіе въ службу короля прекращается, монополіи королевскихъ чиновниковъ и дворянъ уничтожаются. Демократическія стремленія были раціональнѣе, приводились они въ исполненіе послѣдовательнѣе, чѣмъ отпоръ, какой встрѣтили въ феодальной аристократіи и духовенствѣ.

1356 годъ былъ роковымъ годомъ пораженія при Пуатье, плѣна короля, гибели множества рыцарей, потери государственныхъ средствъ и, наконецъ, годъ отсутствія всякаго правительства, среди разгрома внѣшней войны, внутреннихъ несогласій и страшнаго броженія умовъ. Это пораженіе воз-

будило въ народѣ горькое чувство ненависти и презрѣнія къ дворянству, отступившему предъ несравненно слабѣйшей непріятельской арміей. Граждане приняли на себя свою собственную защиту, между тѣмъ какъ девятнадцатилѣтній сынъ короля, одинъ изъ первыхъ бѣжавшій съ поля битвы, принялъ на себя управленіе страною, и призвалъ государственные чины ранѣе назначеннаго ими самими срока. Въ собраніе вошли прежніе депутаты въ числѣ болѣе восьми сотъ, изъ которыхъ четыреста было отъ городовъ, и начали прерванное въ прошедшемъ году дѣло преобразованія подъ тѣми-же вліяніями и съ тѣмъ-же революціоннымъ стремленіемъ. Главная дѣятельность сосредоточивалась въ особомъ комитетѣ изъ 80 членовъ, въ которомъ пренія происходили, какъ кажется, не по сословіямъ. Въ немъ тотчасъ положено было просить: объ утвержденіи собранія государственныхъ чиновъ, какъ верховной власти по всѣмъ отраслямъ управленія; о наряженіи слѣдствія надъ всѣми королевскими совѣтниками; объ отрѣшеніи поголовно всѣхъ судебныхъ властей; о составленіи совѣта для реформы изъ трехъ сословій; наконецъ, о запрещеніи заключать перемиріе съ врагами внѣшними, безъ согласія собранія, которому предоставляется право собираться по своему усмотрѣнію, безъ призыва короля.

Намѣстникъ короля Карлъ, герцогъ нормандскій, старался ловкими мѣрами отклонить эти опасныя требованія, но тщетно, и долженъ былъ согласиться на все. Собраніе управляло его именемъ. Но нелюбовь и отвращеніе другъ къ другу сословій разъединило само собраніе. Перевѣсъ горожанъ былъ невыносимъ для дворянъ, которые вскорѣ и разъѣхались по своимъ помѣстьямъ; за ними послѣдовало и духовенство, такъ что собраніе вскорѣ состояло только изъ представителей городовъ, на которыхъ и легло все дѣло реформы. Послѣдніе, видя необходимость единства дѣйствій, подчинились депутаціи парижской тѣмъ охотнѣе, что вслѣдствіе непріязненнаго положенія, принятаго намѣстникомъ короля и волненій въ Парижѣ, защита собранія государственныхъ чиновъ стала вопросомъ парижскимъ. Среди этой депутаціи является одна изъ самыхъ замѣчательныхъ революціонныхъ лич-

ностей—Этьенъ Марсель, голова купечества (prévot des marchands), представитель города Парижа. Онъ смѣло поднялъ вопросы, разрѣшить которые суждено было только новѣйшимъ революціямъ: народное единство и однообразіе въ управленіи во всей странѣ; равенство политическихъ и гражданскихъ правъ; верховная власть, принадлежащая народу; преобразованіе собранія государственныхъ чиновъ въ народное представительство; преобладаніе Парижа, какъ центра народной жизни; диктатура демократіи и терроръ во имя общаго блага, новые національные цвѣта (*), перенесеніе правъ королевской власти съ одной линіи на другую (**) для защиты народныхъ интересовъ,—всѣ эти вопросы, вошедшіе въ послѣдующія революціонныя движенія, подняты въ эпоху трехлѣтней политической дѣятельности знаменитаго prévot des marchands и тѣсно связаны съ его именемъ. Марсель жилъ одною мыслію: привести къ концу дѣло, начатое королями и заключавшееся въ насильственномъ подведеніи всѣхъ классовъ общества подъ одинъ общій уровень—и умеръ за свои убѣжденія. Запальчивый народный трибунъ, неостанавливавшійся ни предъ какими средствами для достиженія цѣли, оставилъ много прочныхъ учрежденій, великія сооруженія (***), и имя, которымъ, два вѣка спустя, гордились его потомки.

Въ то самое время, когда городскія сословія получали гражданскія права и свободу, опережая самое время, страшное внутреннее бѣдствіе постигло страну вслѣдствіе возмущенія деревень и крѣпостныхъ, поднявшихся отмстить ненавистнымъ дворянамъ за столько вѣковъ рабства, несчастій, нищеты. По всей странѣ раздался крикъ: «дворяне безчестятъ страну и предаютъ ее!» Не было пощады никому. Толпы возставшихъ росли, рыцарскіе зàмки разрушались огнемъ и мечемъ, въ нихъ гибли съ мужчинами женщины, дѣти. Это было нѣчто похожее на времена великаго переселенія. Возмущеніе это неосновательно смѣшиваютъ съ волненіемъ въ Парижѣ.

(*) Красный и синій.

(**) Въ то время на короля наваррскаго, Карла Злаго.

(***) Укрѣпленія Парижа между прочимъ.

Несмотря на неурядицу этихъ полудикихъ скопищъ, многіе города, особенно бѣдные классы въ нихъ, симпатизировали возставшимъ и отворяли имъ ворота. Извѣстно мщеніе со стороны дворянства за эти неистовства jaquerie (*). Оно тоже не знало пощады и люди гибли тысячами подъ мечами выступившихъ противъ нихъ дворянъ. Время потушенія возстанія жаковъ совпало съ окончаніемъ революціи въ Парижѣ. Странное совпаденіе двухъ столь противоположныхъ явленій! Попытка Марселя и друзей его создать демократическую монархію не удалась, потому что прочіе города не поддержали Парижа и предоставили его собственнымъ силамъ, а ему одному не совладѣть было съ соединенными силами королевской власти и дворянства при всеобщемъ паденіи народнаго духа. Знаменитый голова купечества погибъ въ ту самую минуту, когда избраніемъ короля наваррскаго готовился противопоставить законному королю — короля третьяго сословія. Съ нимъ погибли друзья и товарищи его по управленію городомъ, завѣщавъ потомству исполненіе дѣла при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Низведенное съ своего значенія третье сословіе, принялось съ терпѣніемъ за свою вѣковую работу, медленную, но тѣмъ не менѣе прочную.

Впрочемъ, не все погибло вслѣдствіе этой первой неудачной попытки. Король, два года боровшійся противъ третьяго сословія, воспитанный въ школѣ, которую побѣдилъ, не могъ остаться чуждымъ ея стремленій. Хотя онъ уничтожилъ все, созданное собраніемъ государственныхъ чиновъ противъ всякаго рода злоупотребленій и на что онъ принужденъ былъ согласиться, тѣмъ не менѣе эта реакція продолжалась не долго, и Карлъ Мудрый самъ взялся за дѣло реформы, которое во время регентства велъ противъ своей воли. Привыкши въ молодости къ терпѣнію и хитрости среди опасности, въ которой находился, онъ не отличался рыцарскою запальчивостью своихъ предшественниковъ; во всѣхъ дѣлахъ его видѣнъ здравый, холодный, практическій умъ.

(*) Жаками называли несчастныхъ сельскихъ простолюдиновъ — отсюда произошло и слово jaquerie.

Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ государей, которые являлись послѣ народныхъ кризисовъ, государей ловкихъ, настойчивыхъ и дальновидныхъ, типъ которыхъ, болѣе характеристическій, хотя и при другихъ обстоятельствахъ, встрѣчаемъ мы въ Людовикѣ XI и Генрихѣ IV. Царствованіе его служитъ звѣномъ, связывающимъ средніе вѣка съ временами новѣйшими. Эта переходная эпоха представляетъ намъ: королевскую власть, выработавшуюся подъ вліяніемъ преданій императорскаго Рима, покровительствующую цивилизаціи и враждебную всякаго рода свободѣ; дворянство, сохранившее германскіе нравы, противопоставляющее монархической власти свою собственную, гордое и заносчивое, убѣжденное въ томъ, что ему исключительно принадлежатъ политическія права, праздное, презирающее трудъ и науку, съ болѣе изящнымъ впрочемъ образомъ жизни, съ стремленіемъ къ роскоши и съ любовью къ искусствамъ; наконецъ, третье сословіе, все болѣе и болѣе увеличивающееся числомъ, все болѣе приближающееся къ дворянству богатствомъ и служебною дѣятельностью, привязанное къ королевской власти, но при всякомъ удобномъ случаѣ готовое на революціонное движеніе для защиты или пріобрѣтенія правъ, какъ для себя, такъ и для всего народа, съ которымъ еще было тѣсно связано и интересы котораго были всегда его собственными интересами. За тремя этими сословіями идетъ простой народъ, никогда незабывавшій предъявлять свои требованія, страстно желавшій свободныхъ учрежденій, основанныхъ на естественномъ правѣ, вытекающихъ изъ здраваго смысла и общечеловѣческихъ соціальныхъ инстинктовъ.

Возраставшее третіе сословіе черпало свою силу изъ двухъ классовъ людей: промышленнаго и королевскихъ чиновниковъ, судебныхъ и финансовыхъ. Число тѣхъ и другихъ быстро увеличивалось и росло вмѣстѣ съ развитіемъ монархическаго начала. Этимъ двумъ классамъ, на которыхъ основывалось могущество третьяго сословія, соотвѣтствуетъ двѣ категоріи политическихъ убѣжденій и стремленій. Политическія стремленія первыхъ были либеральны, но узки и неподвижны. Они дорожили мѣстными льготами, наслѣдственными правами, независимостью и привелегіями муни-

цiній и общинъ. Стремленія сословія судебнаго допускали одно только право-государственное, одну свободу—короля, одинъ интересъ—общественный, подъ защитою королевской власти. Они были столько же враждебны преимуществамъ дворянства, сколько и третьяго сословія. Замкнутые въ тѣсные предѣлы касты и административныхъ формъ, они ставили государство идеаломъ соціальныхъ интересовъ, жили его волей и думали его мыслью. Это была правая рука королевскаго авторитета. Другая, не менѣе характеристическая, древняя черта—преобладающее вліяніе Парижа на исторію третьяго сословія. Это вліяніе объясняется его значеніемъ въ промышленномъ, торговомъ и особенно въ ученомъ отношеніяхъ. Съ давняго времени онъ былъ центромъ умственнаго движенія общественнаго мнѣнія. Мы видѣли уже, что демократическій замыслъ Марселя былъ веденъ этимъ городомъ: это былъ первый актъ его въ драмѣ, послѣдовательныя дѣйствія которой разыгрались во времена Карла VI, лиги, XVIII столѣтія и послѣдней революціи.

По смерти Карла V, чуть было не произошло разрыва между королемъ и третьимъ сословіемъ. Причиною тому было введеніе умершимъ королемъ постоянной подати подъ именемъ aides ordinaires. Карлъ V не хотѣлъ созывать государственные чины и пока твердая рука его вела государство, всѣ неудовольствія устранялись. Мѣру эту, направленную столько же противъ дворянства, сколько и противъ городовъ, проводилъ король хотя рѣшительно, но противъ своей совѣсти, и на смертномъ одрѣ, для своего очищенія, поручилъ наслѣднику снять ее. Этотъ важный вопросъ, въ первый разъ поставившій городскія сословія противъ королевской власти, не могъ быть разрѣшенъ во время несовершеннолѣтія Карла VI. Распространившійся въ народѣ слухъ о раскаяніи короля дѣлалъ опаснымъ существованіе означенныхъ податей, а на уступку государственныхъ чиновъ надѣяться было невозможно. Опекуны молодаго короля пытались уладить дѣло переговорами съ выборными парижскаго народа, но это не удалось имъ: волненіе еще болѣе усилилось и представители города должны были принять вооруженныя мѣры для поддержанія общественнаго порядка и го-

родскихъ учрежденій. Испуганные правители отмѣнили всѣ постоянные налоги, введенные со времепъ Филиппа Красиваго и рѣшились довольствоваться доходами съ королевскихъ имуществъ. Но какъ ихъ было весьма недостаточно, то наложена была пошлина вообще на всѣ товары. Это послужило сигналомъ къ всеобщему вооруженному возстанію. Народъ овладѣлъ арсеналомъ, вооружился и перебилъ или разогналъ королевскихъ сборщиковъ новаго налога. Примѣру Парижа послѣдовали прочіе сѣверные и центральные города. Внѣшнія событія поддерживали это революціонное движеніе. Городъ Гентъ, во главѣ общиннаго движенія во Фландріи, объявилъ себя, во имя защиты муниципальныхъ правъ, противъ государя. Между обоими возстаяніями были постоянныя сношенія и взаимныя обѣщанія поддерживать другъ друга противъ центральной власти и притязаній дворянства. Это было причиною того, что король и сеньоры дѣйствовали заодно, несмотря на то, что интересы ихъ относительно податей не могли быть общими. Побѣда войска, подъ личнымъ начальствомъ короля, надъ фландрскимъ возмущеніемъ была въ то же время побѣдою дворянства надъ третьимъ сословіемъ. Вступленіе короля въ Парижѣ походило на взятіе непріятельскаго города. Триста лучшихъ гражданъ было брошено въ тюрьму, а на другой день незапамятныя свободныя учрежденія города, его представительство, собственный судъ, ополченіе, независимыя корпораціи ремесленниковъ были уничтожены королевскимъ декретомъ. Потомъ пошли казни, потомъ разыграли сцену помилованія, дарованнаго за страшную контрибуцію на всѣ городскіе классы, равносильную полной конфискаціи имущества. Тѣ же явленія—лишеніе всѣхъ правъ, казни и разорительная контрибуція постигли Руанъ, Амьенъ, Труа, Орлеанъ, Реймсъ, Шалонъ, и другіе города. Страшныя суммы должны были поступить въ королевскую казну, но по недобросовѣстности придворныхъ чиновниковъ не поступило и третьей ихъ доли. Эта реакція нанесла болѣе глубокія раны третьему сословію, чѣмъ мщеніе жакамъ и наказаніе Парижа въ 1359 году. Въ то время пріостановлено было только честолюбивое стремленіе городскихъ сословій занять главную роль въ государствѣ; теперь они лишены

были всѣхъ правъ, разсѣяны, да кромѣ того самымъ безпощаднымъ образомъ ограблены.

Прошло тридцать лѣтъ. Взошли плоды съ посѣянной жатвы. Къ безумному и безъ-того управленію присоединилось дѣйствительное сумасшествіе короля и вторженіе Англичанъ. Лица торговаго и судебнаго сословій, управлявшія прежде городами, обѣднѣли совершенно; мѣсто ихъ въ управленіи заняли необразованные выборные отъ ремесленниковъ, съ дикими нравами и этимъ объясняется то грубое демагогическое стремленіе въ парижскомъ народонаселеніи, которое явилось тотчасъ, какъ только городамъ возвращены были ихъ права и льготы. Герцогъ Бургундскій, желая захватить въ свои руки управленіе страною во имя сумасшедшаго короля, принялъ на себя роль защитника третьяго сословія и народныхъ интересовъ. Политика эта ему удалась и возвращеніе Парижу свободныхъ учрежденій было его дѣломъ. Но такъ какъ болѣе двадцатипяти лѣтъ не было выборовъ и, вслѣдствіе произведенныхъ поборовъ и конфискацій, произошла огромная перемѣна въ составѣ городскаго населенія, то выборными въ городской совѣтъ явились ремесленники, пользовавшіеся тогда благосостояніемъ и популярностью, особенно мясники. Люди эти окружены были толпами преданныхъ имъ и готовыхъ на все кліентовъ. Новое, такъ называемое, бургундское правительство было поддерживаемо бѣдными простолюдинами, наводившими ужасъ на все, что было позначительнѣе и побогаче. Оно держалось постояннымъ волненіемъ въ городѣ и имѣло нѣкоторый характеръ народнаго движенія 1357 года, но вскорѣ замарало себя самыми варварскими, безчестными поступками, когда перешло изъ рукъ мясниковъ въ руки ихъ кліентовъ.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ весьма замѣчательнымъ фактомъ, не разъ повторявшимся во французской революціи, — мы говоримъ о симпатіи и о союзѣ ученаго сословія съ народною массою. Университетъ принялъ на себя роль собранія народныхъ представителей и требовалъ отъ своего имени и именемъ города государственной реформы и уничтоженія злоупотребленій верховной власти. Онъ пригласилъ къ содѣйствію парламентъ и городскія сословія. Палаты отказа-

лись присоединиться къ неопытнымъ теоретикамъ и уличнымъ демагогамъ. Но парижскіе выборные и университетъ не отступили отъ дѣла. Послѣдній предложилъ королю назначить день, въ который бы ему позволено было представить настоящее положеніе государства и средства выйти изъ него. Дѣйствительно, при огромномъ стеченіи гражданъ Парижа и провинцій, университетъ устами своихъ профессоровъ высказалъ свое мнѣніе о затруднительныхъ обстоятельствахъ страны и указалъ на средства выйти изъ нихъ. Это было сдѣлано съ такимъ знаніемъ дѣла, какъ будто бы онъ всегда представлялъ политическую власть государства и его верховный совѣтъ. Дворъ былъ раздѣленъ на партіи, король ничего не понялъ или не хотѣлъ понять. Университету и городу, какъ представителямъ общественнаго мнѣнія, предложено было представить планъ реформы. Выбранные для этого комисары получили дозволеніе пересмотрѣть всѣ хранящіеся въ архивѣ королевскіе указы. Ихъ положили они въ основу трудовъ своихъ по государственному преобразованію. Но во время работы лица, окружавшіе королеву и наслѣдника престола, стали въ оппозицію этому дѣлу. Противъ города составился заговоръ; въ столицѣ вспыхнуло возстаніе. Народъ бросился на королевскій замокъ, сентъ-антуанскую Бастилію и обложилъ ее (*). Капитуляція цитадели прекратила волненіе, но новое угрожающее положеніе двора возобновило его. Страшныя толпы народа вторгались, съ угрозами и требованіями, то во дворецъ дофина, взяли подъ арестъ многихъ ненавистныхъ народу дворянъ и успокоились только тогда, когда представленія народныхъ комисаровъ были наконецъ изданы въ королевскомъ указѣ, прочтены въ верховномъ судѣ и объявлены вѣчно ненарушимыми.

Этотъ декретъ представляетъ возможно полное собраніе основныхъ государственныхъ законовъ той эпохи. Онъ установляетъ іерархію избирательныхъ властей, порядокъ веденія дѣлъ и отчетности, ограничиваетъ число и власть чиновниковъ и вообще даетъ гражданамъ всѣхъ сословій га-

---

(*) Ту самую, которая разнесена 14-го іюля 1789 года. Заложена она при Карлѣ V.

рантію противъ неправосудія, лихоимства, притѣсненій и произвола. Въ немъ заключается множество подробностей, ведущихъ къ двумъ главнымъ цѣлямъ: сосредоточенію судебной власти и финансоваго управленія. Всѣ судебныя власти были объявлены избирательными; продажа должностей воспрещена; помощниковъ городскихъ головъ, судей, сенешалей положено избирать законовѣдамъ и адвокатамъ округа. Что касается до избранія городскаго головы, то выборные отъ городскихъ сословій представляли трехъ кандидатовъ на утвержденіе одного изъ нихъ канцлеру совмѣстно съ комисарами парламента. Представителей парижскаго городскаго сословія и другихъ высшихъ чиновниковъ предоставлено избирать парламенту по числу голосовъ. Головы, судьи и сенешали не могли быть родомъ изъ той провинціи, въ которой избирались въ должность и лишены права пріобрѣтать въ ней недвижимое имущество и выдавать замужъ дочерей. Деревни получили право управляться обычаями; крестьянамъ дозволено вооружиться и преслѣдовать шайки грабителей, уничтожать волковъ, разрушить стѣснявшіе ихъ господскіе загороды для охотъ и отказывать сеньорамъ во всѣхъ незаконныхъ съ ихъ стороны требованіяхъ.

Существенный характеръ этого акта состоитъ въ томъ, что если онъ не представляетъ ничего новаго сравнительно съ указомъ 1357, кромѣ выборныхъ судей, то онъ и не затрогиваетъ королевской власти. Прошедшія попытки научили опытности и принесли свой плодъ. Сравнительно съ силой народнаго волненія требованія третьяго сословія были весьма умѣренны.

Такимъ образомъ университетъ и Парижъ доставили Франціи великую хартію и доказали, что въ ней были люди, сознававшіе общественные недуги и умѣвшіе найти лекарства для ихъ исцѣленія. Къ несчастію, не было людей, чтобы провести содержаніе хартіи въ политическую жизнь народа. Въ людяхъ практическаго приложенія теоріи къ жизни отбита была всякая энергія предшествовавшими политическими событіями реакціи; тѣже, въ рукахъ которыхъ была власть въ настоящее время, были безумные, бунтовщики—мясники

и ихъ кліенты. Черезъ три мѣсяца по объявленіи, королевскій указъ отмѣненъ и уничтоженъ.

Несмотря на это, онъ остался памятникомъ политической стойкости, въ которомъ проявилась взаимная солидарность третьяго сословія. Выборные Парижа и университета совершили въ теоріи то, что впослѣдствіи приведено было въ исполненіе депутатами всего третьяго сословія въ собраніи государственныхъ чиновъ. И тѣ и другіе горячо стояли за сельское населеніе, понявъ, что оно есть незыблемая основа государственнаго могущества. Съ этихъ поръ началось освобожденіе крестьянъ массами. Сами сеньоры, побуждаемые съ одной стороны чувствомъ справедливости, а съ другой личными выгодами, стали охотно отпускать крестьянъ. Дѣйствительно, въ XIII и XIV вѣкахъ мы встрѣчаемъ огромное количество освобожденныхъ деревень, подъ названіемъ общинъ, получившихъ въ болѣе или менѣе широкихъ размѣрахъ муниципальное право. Устройство ихъ было далеко не одинаково, а потому сельскія общины и не имѣли никогда такого единства, какъ города. Тѣмъ не менѣе огромная масса освобожденныхъ людей, хотя и не пользовавшихся еще политическимъ значеніемъ, составляла живую, здоровую силу страны. Это доказали событія, случившіяся тотчасъ же послѣ пораженія при Азинкурѣ, еще болѣе жестокаго, чѣмъ при Пуатье.

Общественныя бѣдствія привели государство на край гибели: королевство и корона переходили во власть чужеземцевъ, Парижъ, въ припадкѣ слабости и ослѣпленія, отворилъ свои ворота Англичанамъ и праздновалъ ихъ успѣхи; вся страна до Луары была завоевана. Орлеанъ, послѣдній оплотъ королевства, изнемогалъ въ борьбѣ. Съ этимъ послѣднимъ дыханіемъ народной энергіи, казалось, все должно рушиться. Извѣстна чудесная сила, спасшая городъ, значеніе для короля и королевства орлеанской дѣвы, горячее чувство любви къ общему отечеству, чувство состраданія къ его бѣдствіямъ и гнѣва противъ его поработителей, зажженное въ народѣ необыкновенной женщиной. Патріотическія чувства эти, переходя отъ нисшихъ классовъ къ высшимъ, подняли и соединили весь народъ и спасли страну.

Послѣ продолжительнаго, тягостнаго періода освобожденія наступило царствованіе короля, окруженнаго лицами третьяго сословія. Самъ по себѣ Карлъ VII былъ король и слабый и безпечный, но тѣмъ не менѣе онъ занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ между французскими королями, если не собственными поступками, то тѣмъ, что дѣлалось его именемъ просвѣщеннѣйшими людьми эпохи, стоявшими въ головѣ управленія. Люди эти, представители общественнаго мнѣнія, какъ выборные, такъ и министры короля, были всѣ изъ третьяго сословія или бѣднаго дворянства (*). Духъ реформы 1413 года, задушенный реакціей, явился снова во всѣхъ государственныхъ преобразованіяхъ. Королевскіе указы по управленію финансами, арміей, судами, полиціей носятъ отпечатокъ сознающей себя власти. Главнымъ дѣломъ снова является установленіе постоянныхъ податей и налоговъ безъ собранія сословій. Городскія ополченія, независимыя прежде отъ короля, стали его арміей, которой онъ располагалъ свободно. Въ это-то время, въ ущербъ многимъ правамъ третьяго сословія, выработывалась форма новѣйшей монархіи, послужившей въ рукахъ третьяго сословія для уничтоженія феодальнаго произвола. Оставалось рѣшить споръ въ открытой борьбѣ и подъ руководствомъ болѣе энергичной личности, чѣмъ Карлъ VII.

Такою личностью является Лудовикъ XI, дѣятельный, завистливый, упрямый. Казалось, онъ чувствовалъ на себѣ печать особаго призванія, и если являются въ исторіи люди, посылаемые для исполненія извѣстныхъ цѣлей, то Лудовикъ безспорно принадлежитъ къ ихъ числу. Сынъ Карла VII, поднимавшій знамя возстанія противъ отца во имя аристократіи и ея привилегій, становится защитникомъ всего, что та ненавидитъ. На борьбу онъ употребилъ всѣ силы души своей, всѣ страсти, добродѣтели и пороки. Царствованіе его есть ежедневная борьба во имя единства власти, борьба безпощадная, на которую онъ не жалѣлъ ни жестокости, ни звѣрства, ни коварства. Вотъ причина, почему эта ориги-

(*) Между ними замѣчательнѣйшими были Жакъ Кёръ въ финансовомъ управленіи и Жанъ Бюро въ военномъ.

нальная личность возбуждаетъ въ насъ такой сильный интересъ и такое глубокое отвращеніе. Лудовикъ XI не узкій, эгоистическій деспотъ, а холодный, безжалостный реформаторъ До послѣднихъ революцій его не могли ни понять, ни оцѣнить, и какъ бы мы ни сочувствовали его войнѣ съ феодализмомъ, его стремленію подвести сеньоровъ подъ одинъ общій уровень съ остальнымъ народонаселеніемъ, но мы никогда не простимъ и не оправдаемъ его принципа: «всѣ пути дозволены для достиженія цѣли.» Онъ представляетъ типъ третьяго сословія. Онъ носилъ простое платье, обращался безцеремонно, любилъ говорить со всѣми безъ различія происхожденія, самъ хотѣлъ все знать и дѣлать. Онъ предчувствовалъ, если не сознавалъ, характеръ новѣйшей цивилизаціи, угадывалъ ея стремленія и неуклонно шелъ къ ней, нисколько не справляясь, настало ли для нея время. Вотъ почему въ сужденіяхъ о Лудовикѣ XI должно умѣть отличать то, что онъ хотѣлъ сдѣлать отъ того, что онъ успѣлъ сдѣлать. Онъ мечталъ ввести во всей странѣ пламенно желаемое третьимъ сословіемъ единство нравовъ, вѣсовъ, мѣръ, какъ единство управленія; промышленность, замкнутую въ корпораціи со времени возрожденія муниципальнаго права, изъ городской онъ хотѣлъ сдѣлать народной. Онъ допустилъ въ свой совѣтъ представителей купечества, чтобы вызвать къ жизни торговлю; открывалъ рынки, создавалъ фабрики, проводилъ дороги, каналы, устраивалъ купеческій флотъ, разработывалъ рудники, вызывалъ иностранныхъ мастеровъ и въ то же время содержалъ вчетверо многочисленнѣйшія, нежели было до него, арміи, устроилъ морскія силы, раздвинулъ и укрѣпилъ границы королевства и вознесъ политическое значеніе страны до могущества еще небывалаго. Разумѣется, что это были только брошенныя сѣмена, которыя должны были принести плодъ гораздо позже. Настоящее было мрачно и тяжело: подати возрастали все болѣе и болѣе; короля преслѣдовали постоянныя подозрѣнія и страхъ крамолы. Но третіе сословіе, единственное, права котораго онъ пощадилъ, было предано ему, хотя и не любило его. Его планы, намѣренія, всегда клонящіяся къ благу общественному, поняты были весьма немногими, кого онъ самъ

посвящалъ въ нихъ. Этихъ свойствъ современники не оцѣнили въ немъ и передали потомству насмѣшливую, мрачную, подозрительную, желчную физіономію Лудовика XI, съ которою онъ и прошелъ въ исторіи до послѣднихъ временъ.

Какую бы цѣль ни имѣлъ деспотизмъ, реформу или поддержаніе стараго порядка, за нимъ всегда слѣдуетъ истощеніе, усталость народа. Поэтому понятно, что страна всегда радостно встрѣчаетъ на престолѣ вмѣсто талантливаго даже, но самовластнаго государя, болѣе обыкновеннаго человѣка. Смерть Лудовика XI казалась всеобщимъ освобожденіемъ. Тотчасъ же созваны были государственные чины. Собраніе открылось 5-го января 1484 года, чтобы произнести свой приговоръ надъ прошедшимъ царствованіемъ, передѣлать или уничтожить что было имъ сдѣлано. Составъ собранія въ первый разъ былъ истиннымъ представительствомъ народнымъ: выборные всѣхъ провинцій королевства, langue d'oil и langue d'oc засѣдали вмѣстѣ. Выборы въ провинціяхъ по тремъ сословіямъ происходили въ главныхъ городахъ округовъ; въ нихъ участвовали даже крестьяне. Пренія въ самомъ собраніи происходили не по сословіямъ, а по общему числу голосовъ въ шести камерахъ, соотвѣтствующихъ шести провинціямъ королевства. Со временъ 1357 года никогда цѣль и власть собранія не были такъ опредѣлительно поставлены. Многіе члены его отличались талантами и краснорѣчіемъ. Но все было безсильно противъ совершившихся фактовъ прошедшаго царствованія. Данный имъ толчокъ къ централизаціи былъ слишкомъ силенъ и горячія пренія, содержаніе которыхъ сохранилось въ журналѣ собранія, кончились незначительными уступками и обѣщаніями, которыя не были исполнены.

Въ настоящее время на первомъ планѣ стоялъ вопросъ о постоянныхъ и произвольныхъ налогахъ; только въ его рѣшеніи третіе сословіе принимало участіе и не думало еще переносить правъ своихъ во всѣ другія отрасли государственнаго управленія. Движеніе 1357 года было невозможно въ 1484. Мечтою Марселя и друзей его была верховная власть городовъ, долженствующихъ составить, съ Парижемъ въ головѣ, конфедерацію въ ленной зави-

симости отъ короля. Такихъ широкихъ стремленій послѣ Лудовика XI ожидать было невозможно. Камера, въ которой засѣдали выборные отъ Парижа, первая согласилась на уступки, побудившія все собраніе утвердить налогъ, платимый съ капитала. Все вниманіе представителей было обращено на практическіе вопросы, на настоящее положеніе дѣлъ. Не было предложено и новой организаціи, подобно тому, какъ это было сдѣлано университетомъ. Царствованіе Лудовика XI уничтожило надежды получить что нибудь болѣе широкое и свободное. Оставалось собрать уцѣлѣвшія, нетронутыя еще права, ослабить повсюду натянутыя пружины, и стараться залѣчить раны, которыя нанесены странѣ его деспотизмомъ. Важнѣйшія статьи главы «о третьемъ сословіи» въ общемъ по всѣмъ тремъ сословіямъ журналѣ были: уменьшеніе податей, уничтоженіе наемныхъ войскъ, возвращеніе части королевскаго имущества, введеніе устава, гарантирующаго свободу галликанской церкви и письменное закрѣпленіе обычаевъ, вошедшихъ въ силу закона, въ видѣ свода, послужившее первымъ шагомъ къ единству законодательства. Никакіе новые налоги не могли быть вотированы иначе, какъ подъ именемъ пожертвованій или приношеній. Собраніе разошлось не прежде, какъ получивъ обѣщаніе быть снова созваннымъ черезъ два года. Но въ четырнадцатилѣтнее царствованіе Карла VIII государственные чины не созывались, а подати и налоги назначались попрежнему королевскими указами. Журналы собраній ясно показываютъ, что страна была въ крайнемъ истощеніи, близкомъ къ нищетѣ, въ то самое время, когда новый король вздумалъ прославиться геройскими завоеваніями и объявилъ походъ въ южную Италію, самый отдаленный, какой предпринимали до сихъ поръ Французы. Расходы на одно вооруженіе и приготовленіе къ нему стоили столько, сколько употреблено на содержаніе арміи во все царствованіе Лудовика XI и въ то самое время, когда въ продолжительномъ мирѣ всѣ искали спасенія и выхода изъ затруднительныхъ обстоятельствъ, открылась эпоха великихъ войнъ, прошедшихъ безъ внутренняго кризиса.

Вліяніе Италіи на Францію было самое спасительное: въ

XI вѣкѣ оттуда разлились муниципальныя учрежденія, въ XIII оттуда пришло возрожденіе римскаго права, наконецъ въ концѣ XV изъ нея же широко потекло на Европу возрожденіе наукъ и искусствъ въ періодъ пятидесятилѣтней войны, погубившей ея политическую самостоятельность. Съ этой эпохи Италія утратила свою независимость и начались ея бѣдствія. Франція нанесла ей первый смертельный ударъ. Но во враждебныхъ какъ и дружескихъ столкновеніяхъ съ Италіей, она выносила изъ нея новыя идеи, стремленія, которымъ суждено было преобразовать ея внутреннюю, политическую жизнь. Прежде всего вліяніе это отразилось на замкнутость и недоступность привилегированныхъ сословій. Личныя достоинства, пріобрѣтенныя воспитаніемъ, стали затмѣвать кастовыя, аристократическія предубѣжденія, которыя все болѣе и болѣе подкапывались явившимся впервые общественнымъ мнѣніемъ.

Но политическое положеніе третьяго сословія не измѣнилось. Попрежнему прибѣгали къ нему только въ критическія минуты, и собраніе государственныхъ чиновъ не было учрежденіемъ правильнымъ, постояннымъ.

Уже при Карлѣ VIII государственные чины требовали правильныхъ, періодическихъ собраній, но исполненіе этого требованія произошло не ранѣе какъ въ XVIII столѣтіи. И между тѣмъ какъ значеніе государственныхъ чиновъ все слабѣло, является весьма замѣчательный фактъ въ исторіи французскаго общества, хотя нѣсколько восполнявшій недостатокъ представительства—мы говоримъ о парижскомъ парламентѣ. Изъ среды третьяго сословія вышла огромная масса правовѣдовъ, облеченныхъ въ высшую судебную власть. Въ ихъ рукахъ сосредоточивался просвѣщенный, энергическій контроль надъ всѣми правительственными распоряженіями и изъ нихъ-то выбирались члены парламента. Значеніе свое онъ получилъ впрочемъ впослѣдствіи; вначалѣ же онъ былъ не болѣе какъ высшее судебное мѣсто. Простая, обычная формальность, повидимому безъ особеннаго значенія—прочитывать королевскіе указы въ собраніи парламента и записывать ихъ въ журналъ, открыла этому судебному учрежденію поводъ вмѣшиваться въ госу-

дарственныя дѣла. Указъ короля записывался въ журналъ послѣ опредѣленія парламента, а какъ это опредѣленіе было слѣдствіемъ предварительнаго совѣщанія, то такимъ образомъ и родилось право пересмотра, критическаго разбора, измѣненія и даже протеста, отказа внести указъ въ журналъ. Въ эпоху, о которой идетъ рѣчь, право это еще не высказывалось; парламентъ находился въ видимомъ подчиненіи королевской власти и не выходилъ изъ тѣснаго круга высшей судебной дѣятельности.

Въ царствованіе Лудовика XII парламентъ становится чѣмъ-то посредствующимъ между верховной властью и народомъ, а члены его,. древніе враги всякаго движенія въ ущербъ королевскаго самодержавія, подъ защитой своей личной неприкосновенности, становятся лицами, выражающими общественное мнѣніе и защитниками народныхъ интересовъ. Лудовикъ XII жилъ въ счастливое время. Ему легко было управлять страною. Прошло пятнадцать лѣтъ со времени смерти Лудовика XI. Можно было сдѣлать вѣрную оцѣнку всего, что̀ было хорошо, что̀ было дурно въ его царствованіе. Народныя язвы затянулись сами–собою, настала эпоха благосостоянія. Всюду виднѣлось довольство и богатство. Торговля принимала широкіе размѣры, земли возвысились въ цѣнѣ, подати поступали въ казну безъ особенныхъ затрудненій. Король хотѣлъ уничтожить злоупотребленія, обнаруженныя собраніемъ 1484 года. Въ замѣчательнѣйшемъ законодательномъ актѣ его царствованія видно желаніе удовлетворить всѣмъ жалобамъ, оставшимся безъ отвѣта, утвердить страстно желаемыя народомъ избирательныя начала въ назначеніи на судейскія должности и уничтожить продажу мѣстъ. Собраніе государственныхъ чиновъ было имъ созвано только одинъ разъ. Оно состояло изъ представителей одного третьяго сословія; дворянство и духовенство присутствовали только какъ украшеніе престола. На этомъ-то собраніи поднесено было королю названіе «отца народа,» сохраненное имъ въ исторіи. Но главная заслуга Лудовика состояла не въ этомъ титулѣ. Онъ первый успѣлъ облечь въ законъ многіе обычаи и этой новой рѣзкой чертой обозначилъ переходную эпоху отъ среднихъ вѣковъ къ новѣй-

шему времени. Намѣреніе подвергнуть разсмотрѣнію народные обычаи, собрать ихъ въ одинъ общій сводъ и придать имъ силу закона имѣлъ и Карлъ VII, и Лудовикъ XI и Карлъ VIII, но разныя обстоятельства отодвигали это дѣло на второй планъ. Лудовикъ XII рѣшилъ эту задачу. Собрано было двадцать болѣе важныхъ обычаевъ, разсмотрѣно и обращено въ законъ. Въ нихъ высказались мнѣнія третьяго сословія о брачныхъ отношеніяхъ, объ опредѣленіи собственности супруговъ и проч. Съ этихъ поръ съ каждой побѣдой третьяго сословія, римскіе законы и преданія о правѣ вытѣсняли обычаи германскіе.

Послѣ Лудовика XI, настойчиво защищавшаго интересы третьяго сословія и ненавидимаго поэтому дворянствомъ, послѣ Лудовика XII, поклонника строгихъ административныхъ формъ, корона упала на голову короля, неумѣвшаго сдерживать своихъ страстей, незнавшаго другаго закона, кромѣ своей воли, другихъ интересовъ, кромѣ своихъ собственныхъ. Къ счастію, страсти Франциска I не успѣли развиться до мертвящаго эгоизма; личные интересы не рѣдко совпадали съ интересами народа. Король прежде всего былъ дворянинъ и рыцарь. Повидимому, можно было опасаться новой реакціи въ пользу феодальныхъ учрежденій; но очарованное личными свойствами государя дворянство упускало изъ виду свои политическія стремленія и смотрѣло сквозь пальцы на повсемѣстное занятіе должностей, исключительно ему принадлежавшихъ, королевскими чиновниками, выбиравшимися обыкновенно изъ среды третьяго сословія. Къ тому-же дѣятельность дворянства нашла другое поприще во время новыхъ войнъ, открытыхъ Франціею и заслужившихъ ей почетное мѣсто въ системѣ европейскихъ государствъ, какъ спасительницѣ Европы отъ германо-испанской гегемоніи. Король занятъ былъ исключительно устройствомъ арміи, въ которой съ этой эпохи началъ развиваться духъ дисциплины и военной корпораціи.

Между тѣмъ росло и матеріальное благосостояніе Франціи, несмотря на то, что борьба, въ которой она имѣла противъ себя нѣсколько разъ почти всю Европу, казалось, должна была истощить ея силы. Движеніе выказалось въ

наукахъ и искуствахъ. И на этомъ поприщѣ работали люди третьяго сословія. Это было время стремленій къ новой жизни, вслѣдствіе соединенія древнихъ классическихъ элементовъ съ народными германскими, которое мы привыкли называть эпохою возрожденія. Съ этой эпохой во Франціи тѣсно связаны имена Франциска I и Генриха II, и пятьдесятъ девять лѣтъ ихъ царствованія наполняютъ первую половину XVI столѣтія, окончившагося такими страшными бѣдствіями и потрясеніями. Тратившіяся на внѣшнія предпріятія силы приняли другое направленіе, обратились внутрь страны, которая покрылась тѣми прекрасными памятниками, остатками которыхъ любуются до сихъ поръ. Сами Итальянцы удивлялись числу, великолѣпію и вкусу этихъ сооруженій. Дворянство, по примѣру короля, не жалѣло денегъ на роскошныя постройки, и если третьему сословію принадлежитъ честь созданія и исполненія, то дворянству принадлежитъ та заслуга, что оно было главнымъ двигателемъ этихъ сооруженій. И вотъ единственная заслуга старинной аристократіи.

Всегда готовое сражаться за честь страны, въ мирное время дворянство имѣло отвращеніе отъ всякихъ серьозныхъ занятій и составляло въ странѣ сословіе военное, но не политическое. Когда-же наступила пора правительства болѣе разумнаго, когда для занятія судебныхъ и административныхъ должностей потребовался долгій усидчивый трудъ, оно стало смотрѣть съ презрѣніемъ на эти должности и даже на власть съ ними соединенную. Оно само удалилось, болѣе нежели было удалено недовѣріемъ короля, отъ политической роли и все передало въ руки третьяго сословія. Это была, быть можетъ, большая ошибка, большое зло, какъ для него самого, такъ и для всего государства. Всѣ должности, начиная съ самыхъ низшихъ, до тѣхъ, которыя соотвѣтствуютъ теперешнимъ министерскимъ, заняты были лицами третьяго сословія. Изъ плебейскихъ классовъ чрезъ посредство университетскихъ правъ и дипломовъ выходили: канцлеръ-хранитель государственной печати, государственные секретари, начальники по сборамъ податей, адвокаты, королевскіе прокуроры, наконецъ всѣ судебныя лица, наполнявшія главный

трибуналъ для исковъ и тяжбъ, парижскій парламентъ, контрольную палату, провинціальные парламенты и множество другихъ нисшихъ учрежденій. Финансовое управленіе тоже наполнено было лицами третьяго сословія, которыхъ называли «hommes de robe longue». Что касается до судебныхъ властей, сенешалей, судей, старшинъ, то они хотя и принадлежали дворянамъ, но послѣдніе должны были имѣть помощниковъ изъ лицъ, получившихъ университетскую степень. Третьему сословію закрытъ былъ доступъ къ управленію провинціями, городами, крѣпостями, къ офицерскимъ чинамъ въ арміи и флотѣ, къ должностямъ придворнымъ и къ мѣстамъ посланниковъ, избираемыхъ обыкновенно изъ замѣчательныхъ аристократическихъ домовъ или изъ духовенства. Къ концу XVI вѣка во всемъ государственномъ управленіи большинство мѣстъ принадлежало третьему сословію, несмотря на желаніе и попытки Сюлли образовать изъ королевскихъ совѣтовъ школу для политическаго воспитанія дворянства.

Занятіе судебныхъ финансовыхъ должностей, кромѣ значительнаго жалованья, доставляло особенный почетъ, какъ бы личное дворянство. Кромѣ того чиновное сословіе было освобождено отъ податей и имѣло право пріобрѣтать дворянскія земли безъ платы значительныхъ пошлинъ, которыя взимались съ лицъ, незанимавшихъ должностей. Такимъ образомъ и поземельная собственность разорявшагося вслѣдствіе расточительности дворянства переходила въ руки третьяго сословія. Для полученія же должности было два пути: проложить дорогу собственными заслугами самому или по протекціи, или же купить мѣсто (злоупотребленіе, вошедшее въ силу королевскихъ указовъ). Но и въ послѣднемъ случаѣ требовалось нѣкоторое испытаніе. Оба пути были открыты третьему сословію, въ рукахъ котораго сосредоточивалось и богатство, и образованіе, и жажда дѣятельности. Въ каждой семьѣ третьяго сословія одного изъ сыновей непремѣнно воспитывали для занятія выгодной должности. Этимъ стремленіемъ можно объяснить размноженіе университетовъ и увеличеніе въ нихъ числа слушателей: въ одномъ парижскомъ считалось 15 т. студентовъ. Другіе сыновья наслѣдо-

вали занятія отцовъ на поприщѣ искусствъ, ремеслъ, торговли.

Кромѣ того, вслѣдствіе введенія привезенной изъ Италіи откупной системы и кредитныхъ учрежденій, явился особый классъ капиталистовъ, получившій, хотя косвенно, особенный вѣсъ и значеніе въ дѣлахъ общественныхъ, въ большихъ предпріятіяхъ, въ войнѣ и мирѣ. Эти капиталисты и ростовщики имѣли доступъ даже ко двору, вступали въ бракъ съ дочерьми правительственныхъ лицъ, и если не имѣли достоинствъ и добродѣтелей третьяго сословія, то приносили ему матеріальную силу и денежное могущество. Правда, ихъ не всегда любили, они испытывали подъ-часъ страшные удары судьбы и нерѣдко разореніе, но тѣмъ не менѣе они оправлялись послѣ гоненія, завоевывали снова значеніе, и съ такимъ перемѣннымъ счастіемъ прошли чрезъ всю исторію до конца XVIII столѣтія.

Религіозная реформа во Франціи вовсе не походила на подобныя же явленія въ Германіи, Англіи, Швейцаріи, Скандинавіи. Послѣднія разорвали всякую связь съ римскимъ престоломъ уже въ первой половинѣ XVI вѣка, между тѣмъ какъ во Франціи необходимость религіозныхъ преобразованій чувствовалась только немногими. Такое движеніе въ массѣ народа или сословіяхъ было невозможно ужъ потому, что королевская власть была всегда противъ такого движенія, несмотря на то, что она поддерживала реформацію внѣ Франціи.

Послѣ слабаго, безхарактернаго Франциска II наступило время несовершеннолѣтія Карла IX. Не прошло и полутора года, какъ религіозныя антипатіи, доведенныя до крайности то преслѣдованіемъ, то поощреніями правительства, соединились съ политическими интригами и раздѣлили страну на два враждебные лагеря, изъ которыхъ одинъ былъ занятъ большею частью дворянства, а другой народомъ и духовенствомъ. Была еще средняя, умѣренная партія, нежелавшая преслѣдованій, видѣвшая въ религіозной войнѣ страшное бѣдствіе и желавшая отклонить ее терпимостью и примиреніемъ, не отступая впрочемъ отъ принципа единства цер-

кви. Представители этой умѣренной партіи были въ третьемъ сословіи. Они были враги раскола, но не свободы совѣсти, и требовали преобразованій въ жизни и нравахъ духовенства. Таково было настроеніе партій при собраніи государственныхъ чиновъ въ 1560 году. Въ преніяхъ о религіозныхъ вопросахъ предложены были начала, осуществиться которымъ суждено было только въ новѣйшее время. Въ совѣтѣ короля главную роль игралъ Мишель де-Лопиталь, безспорно замѣчательнѣйшая личность того грустнаго времени, нетолько какъ государственный человѣкъ, но какъ юристъ и философъ. Сынъ незнатнаго буржуа, занявшій мѣсто канцлера, т. е. перваго министра, онъ внесъ въ управленіе преданія третьяго сословія о единствѣ государственномъ и свободѣ галликанской церкви и умѣлъ склонить королеву-мать, Екатерину Медичи, не принимать участія ни въ религіозной революціи на сѣверѣ, ни въ реакціи на югѣ. Онъ былъ поборникомъ древняго принципа: une foi, une loi, un roi; но религія, по его мнѣнію, должна быть основана на свободѣ совѣсти, законъ долженъ быть защитникомъ всѣхъ, а король безпристрастнымъ ко всѣмъ. Такими словами открылъ Лопиталь засѣданія. Онъ призывалъ всѣхъ къ спокойному обсужденію вопроса, заклиналъ оставить ненависти, партіи, предостерегалъ отъ фанатизма, всегда готоваго на самыя крайнія мѣры и жестокости. Въ собраніи 1560 года третье сословіе играло замѣчательную роль; оно было отдѣлено отъ дворянства и духовенства, съ которыми подавало 1484 года голоса вмѣстѣ; въ его журналахъ мы встрѣчаемъ довольно широкіе взгляды, основанные на здравомъ политическомъ смыслѣ. Журналы эти составляютъ нѣчто въ родѣ новаго кодекса, статьи котораго такъ хорошо составлены, что онѣ тотчасъ же могли пройти въ законъ. Вотъ замѣчательнѣйшія требованія: избраніе въ духовныя должности должно принадлежать духовенству при содѣйствіи выборныхъ отъ сословій; нѣкоторая часть церковныхъ доходовъ должна идти на содержаніе новыхъ университетскихъ каѳедръ и на устройство въ каждомъ городѣ училища; запрещались завѣщанія въ пользу духовенства; ограничивалось число праздничныхъ дней; назначеніе лицъ на судебныя должности должно при-

надлежать судебнымъ корпораціямъ совмѣстно съ выборными отъ третьяго сословія и съ королевскими чиновниками; предложено было собрать и привести въ систему всѣ королевскіе указы; уничтожались таможни и заставы внутри государства и предполагалось ввести повсемѣстно одинъ вѣсъ и мѣру; положено было учредить комерческій судъ на избирательномъ правѣ, а суды дворянскіе замѣнить королевскими; требовалось, чтобы дворяне, злоупотребляющіе своими правами, были лишены дворянства; наконецъ высказано было желаніе, чтобы государственные чины созывались хотя разъ въ пять лѣтъ и чтобы теперь же было назначено время и мѣсто слѣдующему собранію. Несогласные между собою по многимъ вопросамъ, представители трехъ сословій были всегда за одно, когда шла рѣчь о податяхъ и налогахъ. Теперь они объявили, что не могутъ согласиться ни на одинъ новый налогъ, не посовѣтовавшись съ провинціями. Собраніе было закрыто въ январѣ 1560 года и ему было объявлено собраться снова въ мартѣ того же года въ Мелёнѣ. Его должны были составить по три депутата (по одному изъ каждаго сословія) изъ тринадцати провинцій, — всего тридцать девять представителей.

Въ самый день закрытія собранія изданъ былъ въ Орлеанѣ королевскій указъ, какъ прямое слѣдствіе бывшихъ совѣщаній. Честь изданія этого замѣчательнаго законодательнаго акта принадлежитъ Лопиталю, хотя, сравнительно съ преніями и предложеніями собранія, онъ менѣе смѣлъ и рѣшителенъ, чѣмъ можно было ожидать, судя по энергіи требованій. Во многихъ случаяхъ онъ дѣлаетъ уступки и ограничивается одними обѣщаніями. Депутаты тринадцати провинцій собрались въ августѣ въ Понтуазѣ вмѣсто Мелёна. Представители духовенства отдѣлились и имѣли особенныя совѣщанія въ Пуасси. Двадцать шесть депутатовъ дворянства и средняго сословія приняли обязанности прежнихъ собраній, но не дѣйствовали согласно. Тѣмъ не менѣе господствующимъ стремленіемъ ихъ была мысль не о частныхъ только реформахъ, но и о преобразованіяхъ общихъ. Въ журналахъ засѣданій мы находимъ желаніе захватить въ свои руки верховную власть какъ въ 1357 году и тѣ же предло-

женія, какія были сдѣланы въ 1789. Главнымъ основаніемъ преній была конфискація церковныхъ имуществъ, чтобы продажей ихъ потушить государственный долгъ. Духовенству же предложено было положить жалованье по степенямъ и должностямъ, ими занимаемымъ. Надѣялись, что подобная операція принесетъ 120 милльоновъ ливровъ, изъ которыхъ 48 пойдутъ на основаніе фонда для содержанія духовенства, 42 на погашеніе государственнаго долга, а 30 распредѣлены будутъ по городамъ для поддержанія торговли, а проценты съ нихъ поступятъ въ государственную казну. Планъ этотъ, клонившійся къ отстраненію духовенства, какъ политическаго сословія, рушился безъ всякаго сопротивленія предложеніемъ депутатовъ духовенства потушить въ продолженіе десяти лѣтъ треть государственнаго долга приношеніями отъ церквей, по общей раскладкѣ на всѣ лица духовнаго званія. Кромѣ этихъ преобразованій понтуазское собраніе предложило измѣнить систему финансоваго, полицейскаго и судебнаго управленія замѣною постоянныхъ чиновниковъ лицами, избираемыми на трехлѣтіе. Требуемый прежде пятилѣтній срокъ для созванія государственныхъ чиновъ обращенъ въ двухлѣтній. Наконецъ, болѣе рѣшительное и въ религіозныхъ вопросахъ, собраніе просило для протестантовъ свободнаго отправленія ихъ богослуженія.

Послѣднее предложеніе было тотчасъ приведено въ исполненіе. Франція увидѣла невиданное досслѣ дѣло: государство, отдѣленное отъ церкви и отправленіе такъ называемаго еретическаго богослуженія подъ защитою закона наряду съ католическимъ въ древнихъ священныхъ храмахъ. Не рано ли это было? Возможенъ ли былъ религіозный миръ и свобода совѣсти, когда двѣ религіи не умѣли еще уважать другъ друга? Дѣло философа и государственнаго человѣка встрѣчено было неукротимыми страстями, и въ то время, когда онъ достигъ отмѣненія религіозныхъ преслѣдованій, началась религіозная война. Къ страстямъ этимъ присоединились интересы враждующихъ принцевъ королевскаго дома и вельможъ. Во время несовершеннолѣтія Карла IX повторились тѣ же ужасы, которые наполняли царствованіе слабоумнаго Карла VI. Это была та же война Бургундцевъ съ Арманьянами,

только къ ней присоединился религіозный фанатизмъ. Среди неистовствъ и убійствъ, когда падали по очереди одинъ за другимъ, то на войнѣ, то подъ ножемъ фанатиковъ начальники партій, Лопиталь не переставалъ работать для примиренія, и если его смущало настоящее, то на будущее онъ смотрѣлъ спокойно. Безошибочно выбиралъ онъ изъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ, представляемыхъ журналами собранія 1560 года, лучшія, полезнѣйшія предложенія, облекалъ ихъ въ форму королевскихъ указовъ и присоединялъ къ орлеанскимъ постановленіямъ. Такимъ образомъ создалъ онъ гражданское право, послужившее основаніемъ развивавшемуся изъ него законодательству до 1789 года. Многія части его сохранились до настоящаго времени.

Между тѣмъ какъ Лопиталь честно работалъ противъ заблужденій и предразсудковъ своего несчастнаго времени, въ надеждѣ осилить ихъ, религіозная война, которую онъ старался всѣми силами затушить, продолжалась, прерываемая предательскими перемиріями. Нетерпимость вѣка заглушала голосъ истины и справедливости, рождала и давала пищу ненавистямъ и двигала массами. Королевская власть старалась держать въ равновѣсіи обѣ партіи, и сначала была безпристрастна, но не надолго. Скоро стала она систематически враждебной всякой терпимости и подкапывалась подъ свои же собственныя уступки. Вмѣсто человѣческихъ, справедливыхъ мѣръ, предложенныхъ канцлеромъ, избрано было занесенное изъ Италіи политическое лицемѣріе Маккіавелли. Лопиталь вышелъ изъ королевскаго совѣта, въ которомъ порицали его предостереженія и оставилъ политическую арену. Онъ видѣлъ все болѣе и болѣе ожесточенную борьбу, видѣлъ политику, основанную на коварствѣ и предательствѣ, на coup d'état, онъ видѣлъ послѣднее дѣло этой политики, варѳоломеевскую рѣзню — и умеръ съ горя. Должно сознаться, что парижское населеніе принимало не малое участіе въ королевскомъ злодѣяніи въ ужасную ночь. Обманутыя молвой о заговорѣ, ослѣпленныя фанатической ненавистью, муниципальныя власти получили и исполнили приказанія, направленныя къ тому, чтобы загнать тысячи Французовъ въ западню, въ которой они должны были погибнуть отъ фран-

цузской же руки. Это печальнѣйшее историческое событіе легло несмываемымъ пятномъ на памяти короля. А между тѣмъ Карлъ IX, сдѣлавшійся, подъ вліяніемъ общаго помѣшательства и гнусныхъ внушеній, предателемъ и убійцей, не былъ лишенъ порядочныхъ побужденій. Онъ страстно любилъ искусства и продолжалъ дѣло духовнаго возрожденія, начатое Францискомъ I. Литература этого періода приняла характеръ болѣе серьёзный, она сдѣлалась оружіемъ въ рукахъ партій, строго разбирала вопросы историческіе, нравственные, правительственные. Явились теоріи государственнаго управленія, принесена изъ Италіи наука политической экономіи, давшая новыя основанія государственному хозяйству.

Политическое преступленіе 24 августа 1572 года принесло свои плоды. Реформація не погибла со смертью своихъ доблестныхъ предводителей, верховная власть, надѣявшаяся потопить свои опасенія въ крови собственныхъ подданныхъ, встрѣтила теперь еще большія затрудненія. Кромѣ спасшихся отъ смерти, противъ нея возстали симпатія и состраданіе къ жертвамъ, негодованіе и угрызеніе совѣсти. Та же умѣренная партія, предлагавшая терпимость и примиреніе, поднялась снова подъ именемъ «*политической*» и присоединилась къ протестантамъ, чтобы защищать въ нихъ человѣческія права и чувство справедливости. Война противъ верховной власти, нарушившей варварскимъ вѣроломствомъ права свои, объявлена законной. Республиканскія стремленія, явившіяся вслѣдствіе изученія древностей и исторіи, взывали къ ненависти и мщенію. Распространилось множество сочиненій въ этомъ духѣ, еще болѣе разжигавшихъ общественное мнѣніе. Не прошло четырехъ лѣтъ со дня реакціонной катастрофы Карла IX, какъ наслѣдникъ его и главный виновникъ кровавой парижской свадьбы, долженъ былъ подписать самыя широкія, какія когда либо получали гугеноты, условія мира, предписанныя торжествующими кальвинистами и друзьями ихъ католиками. Исповѣданіе новой религіи объявлено свободнымъ по всему королевству, за исключеніемъ Парижа и двора; всѣ заключенные браки объявлены законными; для разбора дѣлъ между католиками

и протестантами учреждены суды, въ которыхъ засѣдаютъ поровну представители обѣихъ партій; всѣ указы въ дѣлѣ религіи, со времени Генриха II, были уничтожены; объявлена всеобщая амнистія; вдовы и дѣти жертвъ варѳоломеевской ночи освобождены отъ податей. Эти мѣры могли бы начать эпоху религіозной терпимости, еслибы ихъ приняли чистосердечно и имѣли бы энергію привести въ исполненіе. Но король принялъ ихъ какъ послѣднее крайнее средство, имѣя намѣреніе нарушить ихъ, какъ только представится къ тому подобный случай.

Слабый, скрытный Генрихъ III этимъ миромъ возстановилъ противъ себя фанатическую партію католиковъ, въ рукахъ которыхъ была матеріальная сила, основанная на симпатіи къ ней народа. Она образовала противъ него «*лигу*» съ цѣлью уничтожить все, что не захочетъ присоединиться къ ней. Могущество ея было основано на страхѣ и на безусловномъ повиновеніи ея начальнику. Назначеніе послѣдняго было прямой угрозой королю. Сила ея росла и скоро выказалась при созваніи государственныхъ чиновъ 1576 года. Протестанты и политики были устранены отъ выборовъ всѣми неправдами. Обѣщанное по послѣднему миру для всеобщаго примиренія собраніе тотчасъ было обращено противъ этого мира, когда собранные въ Блуа депутаты объявили, что намѣрены поддерживать въ преніяхъ католическую, римскую церковь. Представители дворянства, стоявшіе съ такой энергіей въ 1560 за свободу совѣсти, единодушно объявили теперь себя за реакцію. Депутаты третьяго сословія, хотя умѣреннѣе, но также объявили себя въ пользу единства религіи. Что касается до короля, то онъ, опасаясь лиги, объявилъ себя ея начальникомъ и просилъ собраніе уничтожить сдѣланныя имъ уступки. Небольшое число представителей, избранныхъ кальвинистами и ихъ друзьями, удалилось изъ собранія и протестовало противъ его рѣшеній.

Вотъ, при какихъ обстоятельствахъ предложенъ былъ общественному мнѣнію вопросъ о религіозной терпимости. Первыя два сословія безъ преній вотировали уничтоженіе заключеннаго мира и предложеніе гражданской войны. Третіе сословіе раздѣлилось на двѣ партіи: одна, въ головѣ

которой былъ Парижъ, не отказывалась отъ войны, другая желала возстановленія единства церкви болѣе кроткими мѣрами. Глава послѣдней Жанъ-Боденъ, представитель Вермандуа, занялъ роль Лопиталя и энергически противодѣйствовалъ парижскимъ депутатамъ, дворянамъ и королевскимъ комисарамъ. Не успѣвъ достигнуть, чтобы подъ предложеніемъ о соединеніи исповѣданій, представленнымъ на обсужденіе третьяго сословія, выборные его подписали «безъ войны», онъ старался сдѣлать войну невозможною рѣшительнымъ отказомъ субсидій. Но, несмотря на то, что религіозный вопросъ нетолько не былъ рѣшенъ, но поставленъ въ безвыходное положеніе, собраніе 1576 года весьма замѣчательно въ исторіи третьяго сословія. Законы, имъ предложенные, имѣли характеръ законовъ исходящихъ отъ верховной власти. На немъ отличали указы королевскіе, которые король могъ измѣнять и уничтожать по своему произволу отъ постановленій собранія, которыя считались неизмѣнными, пока они не будутъ отмѣнены депутатами трехъ сословій. Къ прежнимъ требованіямъ періодическихъ собраній государственныхъ чиновъ королевства присоединено предложеніе дать права на собранія частныя, по провинціямъ. Что касается прочихъ предложеній и требованій, то въ нихъ не видно ни прежняго увлеченія, ни энергіи. Новаго вообще сказано было мало: повторились прежніе совѣты, высказались прежнія жалобы на неприведеніе въ исполненіе данныхъ обѣщаній или изданныхъ постановленій. Характеристическія требованія остались: свобода собраній, свобода избранія въ депутаты и независимость судопроизводства. Завистливое, узкое предложеніе древней судебной корпораціи объ уничтоженіи комерческихъ судовъ было благоразумно отвергнуто правительствомъ.

Не ранѣе какъ черезъ два года, истекшихъ среди безпорядковъ вооруженнаго мира, король отвѣчалъ на журналъ блуаскаго собранія. Указъ его есть продолженіе и закрѣпленіе трудовъ Лопиталя. Большая часть журнала послѣднихъ засѣданій вошла въ его текстъ. Либеральный въ дѣлахъ гражданскаго права, онъ умалчиваетъ и увертывается, какъ только касается религіозной свободы и имѣетъ въ виду

только отдѣлаться отъ данныхъ обязательствъ. Въ назначеніи на духовныя должности онъ отвергаетъ избраніе некандидатовъ короны и удерживаетъ самодержавное право. Въ назначеніи на должности судебныя онъ обходитъ дорогое третьему сословію право представленія трехъ кандидатовъ и назначаетъ произвольно изъ списка подлежащихъ къ избранію въ кандидаты, составляемаго на каждое трехлѣтіе.

Ко времени блуаскихъ засѣданій относится проявленіе политической дѣятельности начальника партіи кальвинистовъ, Генриха Бурбона, которому суждено было, по случаю прекращенія валуаской линіи, получить французскую корону и примирить религіозныя партіи. Рожденный въ кальвинизмѣ, принужденный, безъ особеннаго съ его стороны сопротивленія, сдѣлаться католикомъ, потомъ бѣжавшій отъ двора Генриха III и сдѣлавшійся снова кальвинистомъ, среди гражданскихъ междоусобій и религіозныхъ ненавистей, Генрихъ рано привыкъ къ терпимости. Онъ защищалъ ее по убѣжденію, но духъ взволнованныхъ религіозныхъ партій былъ далекъ отъ примиренія.

Въ такомъ положеніи находился религіозный вопросъ, когда неожиданная смерть герцога ангулемскаго, брата короля, открыла дорогу къ престолу бурбонской линіи и начальникъ протестантской партіи сдѣлался ближайшимъ наслѣдникомъ престола. Несмотря на молодые еще годы Генриха III, предстоящее занятіе престола еретическимъ принцемъ наполняло ужасомъ сердца католиковъ. Съ страхомъ и трепетомъ предвидѣли они опасности, грозящія церкви. Они предполагали, что настоящая терпимость принца, какъ только онъ станетъ королемъ, обратится въ гоненіе, которое онъ поддержитъ всею силою верховной власти. Подъ вліяніемъ такихъ опасеній лига дѣлала страшные успѣхи. Честолюбивые замыслы ея начальника, герцога Генриха Гиза, въ первый разъ выказались во весь ростъ. Соединяя ловкость съ энергіей, онъ внушалъ страхъ всѣмъ своимъ противникамъ; народная любовь къ нему росла, между тѣмъ какъ всѣ оставляли слабаго, развратнаго, малодушнаго короля. Всеобщее сочувствіе къ демократическимъ стремленіямъ кальвинистской партіи, вызванное преступленіемъ Карла IX, перешло теперь на

сторону древняго исповѣданія вслѣдствіе презрѣнія къ королю и опасеній за будущее, въ случаѣ его смерти. Всѣ взывали къ верховной власти народа для защиты православія противъ ереси и противъ занятія престола еретикомъ. Эти стремленія въ пользу древней религіи открывали Гизамъ, объявившимъ свое происхожденіе отъ Карла Великаго, дорогу къ престолу, тѣмъ болѣе вѣрную, что они приняли на себя защиту всѣхъ правъ, выработанныхъ трехвѣковыми усиліями третьяго сословія. Они обѣщали возвращеніе привилегій всѣмъ классамъ. Въ–особенности сильно подѣйствовали эти обѣщанія на города, утратившіе, вслѣдствіе введенной въ администрацію централизаціи, значительную часть своихъ муниципальныхъ преимуществъ. Они спѣшили, по примѣру Парижа, соединиться съ лигой. Подъ вліяніемъ парижской демократіи явились, какъ во времена Марселя, городскія корпораціи. Къ несчастію, ими руководило на этотъ разъ не желаніе благоразумной и справедливой реформы, а духъ партій; цѣлью ихъ было уничтоженіе одной части Французовъ другою, а не благосостояніе всей страны. Въ случаѣ побѣды, независимое положеніе сословій, относительно королевской власти и относительно другъ-друга, упрочивалось покровительствомъ и обѣщаніями римскаго престола и содѣйствіемъ испанскаго короля, объявившаго себя врагомъ Франціи.

П. БИБИКОВЪ.

(Продолженіе будетъ.)

---

* * *

Все спало вокругъ.... Мы открыли окно
И долго сидѣли, смотря
На яркія звѣзды и въ даль, гдѣ давно,
Давно загоралась заря.

Все спало вокругъ.... Подъ завѣсою тьмы
Одинъ соловей лишь не спалъ,
Да слушали только безсонные мы,
Какъ громко въ саду онъ свисталъ.

И все, все молчало кругомъ, только садъ
Листами шепталъ, какъ живой
Да съ бѣлыхъ черемухъ въ окно ароматъ
Къ нимъ несся съ прохладой ночной;

И всюду былъ сонъ, все молчало кругомъ,
Лишь мы не могли съ ней заснуть,
Да сердце, недружное вѣчно со сномъ,
Стучало въ горячую грудь.

А звѣзды на небѣ все гасли межъ тѣмъ;
Краснѣли вдали облака
И слышался тихій мнѣ ропотъ: «зачѣмъ
Такъ вешняя ночь коротка!»

Н. Грековъ.

МИСТИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ О НИФОНТѢ.

Памятникъ русской литературы XIII вѣка.

Вмѣстѣ съ христіанствомъ юная русская жизнь приняла въ себя восточный мистицизмъ, направлявшій чувства и вообраҗеніе къ міру таинственныхъ существъ, обращающихся среди насъ, сообщающихъ намъ побужденія, но незримыхъ для обыкновенныхъ глазъ и доступныхъ только тѣмъ, которые получили для того особое приготовленіе. Вкусъ къ духовидѣнію развивался у насъ вмѣстѣ съ монашествомъ. Изъ монастырей, которые стали для народа свѣтилами образованности, представленія о бѣсахъ перешли въ массу народа, сочетались съ старыми языческими образами, жившими прежде въ его воображеніи, и такимъ способомъ, содѣлались важною стороною русской жизни. Бѣсъ сталъ представителемъ веселости, разгула, земныхъ удовольствій, земныхъ страстей и пороковъ; жизнь, угодная божеству, исполнялась самоотреченія, горя, болѣзни, сокрушенія. Страхъ бѣса руководилъ поступками человѣка. Любопытно и важно прослѣдить, какимъ путемъ установлялось въ народѣ это воззрѣніе и въ этомъ отношеніи безспорно принесли свою дань тѣ греческія сочиненія мистическаго содержанія, съ которыми предки наши познакомились въ старинныхъ переводахъ. Въ числѣ такихъ сочиненій, едва ли есть столь полное, столь богатое и плодовитое образами, какъ повѣсть о Нифонтѣ, извѣстная у насъ безспорно съ XIII вѣка. Греческій ея подлинникъ,

кажется, не былъ напечатанъ никогда. Изъ древнихъ ея рукописей извѣстны двѣ, обѣ очень старыя: одна въ парижской библіотекѣ, другая пергаментная въ нашей синодальной библіотекѣ подъ № 406. Но нельзя ничего сказать положительно-вѣрнаго ни о времени ея составленія, ни о времени, когда дѣйствительно существовала личность, которая нынѣ описывается здѣсь. Нѣтъ сомнѣнія, однако, что событіе, составляющее предметъ повѣствованія, не могло происходить въ то время, которое тутъ указывается. Герой повѣсти дѣйствуетъ при Константинѣ Великомъ въ Константинополѣ и дѣлается епископомъ кипрскимъ, но разсказчикъ попадаетъ въ важные анахронизмы. Константинополь изображается городомъ уже вполнѣ христіанскимъ; не видно ни малѣйшихъ слѣдовъ язычества, которые необходимо должны были-бы встрѣтиться; въ городѣ уже существуютъ монастыри; а ихъ тогда еще тамъ не было; наконецъ герой повѣсти посвящается въ санъ кипрскаго епископа отъ патріарха александрійскаго, когда кипрская епархія зависѣла отъ антіохійскаго патріарха; посвящается при александрійскомъ патріархѣ Александрѣ и находится въ этомъ санѣ въ то время, когда мѣсто Александра заступилъ Аѳанасій, слѣдовательно долженъ былъ занимать санъ кипрскаго епископа во время никейскаго собора, тогда какъ достовѣрно извѣстно, что на никейскомъ соборѣ участвовалъ кипрскій епископъ Геласій. Александръ называется пятымъ по Петрѣ мученикѣ, тогда какъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ не пятый, а второй, или первый по Ахиллѣ, преемникѣ Петра (Oriens Christ. III. 390. 392. 1046). Наконецъ въ повѣсти упоминаются такіе отцы церкви, которые въ самомъ дѣлѣ жили гораздо позже, въ IV и V вѣкѣ. Очевидно, повѣсть сочинена была уже позже и притомъ такимъ авторомъ, который не твердо зналъ подробности церковной исторіи и писалъ, не справившись съ ними. Впрочемъ для насъ этотъ вопросъ не представляетъ непосредственной важности: когда-бы эта повѣсть ни была составлена, къ намъ она перешла не ранѣе того времени, когда мы въ состояніи были принять и усвоить ее, да и значеніе ея не въ исторической древности подлинника, а въ ея содержаніи; и самый подлинникъ

не столько важенъ для насъ, сколько переводъ, ибо нашими предками читался послѣдній.

Рукописная повѣсть о Нифонтѣ сохранилась въ харатейномъ спискѣ, въ листъ, составленномъ въ XIII вѣкѣ и хранящемся въ библіотекѣ Троицко-Сергіевской Лавры. Онъ писанъ крупнымъ, четкимъ уставомъ, блестящими, но нѣсколько поблѣднѣвшими отъ времени чернилами. Въ началѣ рукописи нѣсколько недостающихъ листовъ замѣнено позднѣйшимъ спискомъ на бумагѣ. На послѣднемъ листѣ означено: когда и гдѣ и кѣмъ писана была эта рукопись: Господи помози рабомъ своимъ Іоанну и Алексію, написавшема книгы сія, и гдѣ соутъ помяткы, исправя чтите. Въ лѣто 6723 кончана быша книгы сия мѣсяца мая въ 21 день на память святаго мученика Иеремiа въ градѣ Ростовѣ, при князѣ при Василцѣ, при сыну Костянтинонѣ, а внуцѣ Всеволожи. Святіи апостолы, пророцы, мученицы, святый Нифонте, помози господину Василку и мене грѣшна раба своего Кирила избави въ день судный отъ вѣчныя муки». По всему вѣроятію, Кириллъ, здѣсь упоминаемый, есть Кириллъ ростовскій; о немъ свидѣтельствуетъ лѣтопись, что онъ собиралъ писанія и распространялъ ихъ.

Въ первой половинѣ XIII вѣка былъ, такъ сказать, золотой вѣкъ книжной образованности въ ростовско-суздальской землѣ. Образованность, въ началѣ воспитанная на кіевской почвѣ, должна была выступить изъ южной Руси, потрясенной Половцами и междоусобіями, и нашла себѣ на короткое время пріютъ на востокѣ, пока оттуда не была вытѣснена татарскимъ нашествіемъ. Памятниками этой эпохи было нѣсколько переводныхъ сочиненій; тамъ была переведена и Діоптра, древнѣйшій списокъ которой хранится въ Публичной библіотекѣ и гдѣ также указано, что она была списана въ Ростовѣ. Самая лѣтопись этого края, составляющая продолженіе первоначальной лѣтописи по Лаврентьевскому списку, отличается велерѣчіемъ и риторикою, которыя показываютъ близкое усвоеніе византійскихъ пріемовъ письменности. Повѣсть о Нифонтѣ въ переводѣ есть произведеніе изъ ростовской эпохи. Трудно рѣшить, была-ли она въ ростовской землѣ переведена или, быть можетъ, только тамъ пе-

реписана; неизвѣстно чѣмъ были Іоаннъ и Алексѣй, переводчиками или списчиками. Должно думать, что изготовивши рукопись въ томъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ, они поднесли ее Кириллу, который собственноручно сдѣлалъ на ней надпись.

Повѣсть эта не считалась у насъ никогда въ кругу церковныхъ сочиненій, напротивъ въ нѣкоторыхъ перечняхъ отреченныхъ (апокрифическихъ) книгъ иногда помѣщается и она. Нельзя сказать, чтобъ списки этой повѣсти, въ той полнотѣ, въ какой она находится въ Ростовской рукописи, были сильно распространены у насъ впослѣдствіи; но съ другой стороны она не составляла исключительнаго достоянія владычныхъ библіотекъ, а была въ чтеніи народномъ и имѣла вліяніе на народныя понятія. Это видно изъ того, что многія мѣста изъ нея попались во многіе сборники послѣдующаго времени съ различными измѣненіями и въ приспособленіи къ своебытнымъ пріемамъ русской жизни. Ясно, что эти принадлежали нѣкогда къ любимымъ чтеніямъ.

Въ самомъ дѣлѣ ея оригинальный складъ и занимательный разсказъ должны были дѣйствовать на воображеніе; такого рода повѣсти могли нравиться старому нашему обществу. Въ рѣдкомъ изъ житій отшельниковъ можно не встрѣтить борьбы съ духами, но нигдѣ эта борьба не высказана съ такими подробностями и въ такихъ затѣйливыхъ образахъ, съ такимъ признакомъ таланта и роскошной фантазіи. Вся повѣсть составляетъ рядъ духовидѣній и напоминаетъ сочиненія Сведенборга, Юстина Кернера, Каганье и другихъ духовидцевъ близкаго къ намъ времени.

Нифонтъ былъ сынъ князя Агапита въ Плагіонѣ. Присланный туда отъ царя Константина, начальникъ области выпросилъ его у родителя, когда онъ былъ еще отрокомъ, и отправилъ къ своей женѣ въ Константинополь для изученія книжной мудрости и божественныхъ писаній. Благочестивая женщина поручила его обученіе священнику, жившему въ ея дворѣ *да по малѣ научить псалтыри*. Мальчикъ былъ отъ природы кротокъ и застѣнчивъ, какъ обыкновенно бываютъ въ дѣтствѣ натуры, въ которыхъ съ лѣтами впослѣд-

ствіи развивается мечтательность. Вскорѣ онъ получилъ такую любовь къ ученію, что вставалъ по ночамъ, зажигалъ свѣчи и кадило и читалъ духовныя книги. У него возникло желаніе испытать самому то, что описывалось въ книгахъ, и сдѣлаться похожимъ на тѣхъ святыхъ, о которыхъ онъ начитался столько чудеснаго. По наставленію тѣхъ-же книгъ, онъ воспитывалъ въ себѣ сочувствіе и уваженіе къ нищетѣ и злополучію. Однажды, случилось ему услышать нравоученіе такого рода: *иже чистоту у себѣ имать, а милостыня не имать,* не входитъ въ царство небесное. Онъ началъ спрашивать своего наставника: что это такое чистота? Учитель объяснилъ ему, что чистота значитъ *убѣгать блуда.* Познакомившись со словомъ *блудъ,* юноша сталъ тосковать о томъ, что онъ не въ силахъ будетъ убѣжать отъ этого блуда; діаволъ воспользовался такимъ тревожнымъ состояніемъ и напустилъ на него еще большую скорбь. Отъ этой скорби Нифонтъ впалъ въ пьянство и объядѣніе, вмѣсто прежней молчаливости возникла у него охота разглагольствовать, сталъ онъ ходить на позорища, распѣвать веселыя пѣсни, а потомъ познакомился практически съ блудомъ, прелюбодѣяніемъ и, наконецъ, содомскимъ грѣхомъ. Но вотъ однажды онъ зашелъ къ одному изъ оставленныхъ благочестивыхъ пріятелей прежняго времени, по имени Никанору; съ ужасомъ тотъ замѣчаетъ, что лицо Нифонта сдѣлалось черно какъ у Мюрина (у Мавра). Это обратило Нифонта внутрь себя; вступило въ сердце его раскаяніе; стала мерзка ему порочная жизнь. Вошедши въ храмъ, онъ со слезами сталъ молиться предъ иконою Богородицы и ему показалось, будто изображеніе улыбнулось ему. Видѣніе наполнило его отрадою. Вслѣдъ затѣмъ, онъ нѣсколько разъ замѣчалъ, что образъ Богородицы улыбался ему, когда онъ каялся и принималъ рѣшительное намѣреніе вести чистую жизнь, и напротивъ образъ глядѣлъ на него сурово, когда передъ тѣмъ онъ допускалъ къ себѣ грѣшныя думы. Отсюда начинается родъ духовидѣній и во снѣ, и наяву. Бѣсы преслѣдуютъ Нифонта, стараются отвлечь его отъ молитвы; Богородица и святые защищаютъ его. Бѣсъ завелъ его въ колодецъ; Богородица, по его молитвѣ, чудодѣйственно из-

влекла его оттуда. Нифонтъ впадаетъ въ недугъ; Богородица и св. Анастасія мажутъ его масломъ и исцѣляютъ. Съ нимъ было таинственное сновидѣніе: онъ увидѣлъ, что его преслѣдуютъ бѣсы; сновидѣніе это трижды повторилось; Нифонтъ заключилъ, что ему придется претерпѣть большія искушенія. Нифонтъ не удаляется въ монастырь, онъ обрекаетъ себя на безпрестанную ходьбу изъ церкви въ церковь по городу. Тогда во снѣ явился ему первомученикъ Стефанъ, похвалилъ его намѣреніе, обѣщалъ ему содѣйствовать въ борьбѣ съ бѣсами, и велѣлъ идти въ церковь, созданную во имя свое. Нифонтъ, помолившись въ указанномъ храмѣ, поднялъ съ земли камешекъ, вложилъ себѣ въ ротъ и носилъ нѣсколько дней; тѣмъ онъ предохранялъ себя отъ самословія и если случалось ему не утерпѣть и проговориться, то заходилъ въ уединенное мѣсто, билъ себя по щекамъ и по губамъ *(зашьдъ кромѣ, заоушашесѧ самъ ïелику силоу имѣѧше, глаголя: тебѣ нечистыи никто же кажетъ, нынѣ оубо азъ тѧ кажю; и биıася зѣло сѧ тружаашесѧ мѣста того, и паки аще ïему сѧ прогнѣвати боудѧше на кого, то възбиıаше въ оуста своıа кърьшняма глагола: азъ вы по малоу семоу научю кротость и мълчание имѣти.... И бѣ видѣти чюдо преславно: мученика без мучителя стражюща за премноıихъ тѣхъ ранъ ïеже себе блаженыи творяше ѿ многыıа болѣзни, юже имѧше блаженныи велми стража, и бѣ видѣти дивъно мьртьца ходѧща и никакоже имѣюща вида животьнаго на лици своемь, ïако ѿ таковааго биıениı врату ïего обьходѧщу ѿ биıенııа ѿпадатися).* Бѣсу не понравилось это; бѣсъ сталъ ему представлять, что такъ не годится уродовать образъ Божій; но блаженный опровергъ его доводы, напомнивъ ему, что каждый господинъ имѣетъ право бить своего раба, а плоть есть его рабъ. *И се слышавъ бѣсъ лоукавый стоудъ пріимаше.* За такую твердость, небесная благодать уничтожила болѣзнь, происходившую отъ самоистязанія; явился ангелъ, кадилъ около Нифонта, и оттого на лицѣ его, изможденномъ отъ побоевъ, оставались слѣды благоуханія небеснаго фиміама. Бѣсъ, однако, не переставалъ его искушать, выдумывалъ то одно, то другое; одинъ разъ явился передъ нимъ въ образѣ ворона и сталъ около него прыгать, думая, авось, онъ вздумаетъ ло-

вить его; но прозорливый и осторожный Нифонтъ не поддался на такую уловку, и еще самъ причинилъ бѣсу досаду, напомнивъ, что бѣса ожидаетъ на страшномъ судѣ *рожъство огньное,* а бѣсамъ, какъ извѣстно, очень не нравится мысль объ этой грядущей ихъ судьбѣ. Въ другой разъ бѣсъискушалъ его яствами и питіями; Нифонтъ отослалъ его тудаа *идѣже человѣци потребоу грѣшноу творѧтъ.* Бѣсъ повелъ на него иного рода нападеніе—«*Въ блоудный ровъ въвергу тѧ*»—сказалъ лукавый врагъ—*и поиде нань съ великимъ ражьженииемъ, распалѧіа іего и оустѧ порѣіа и на сластъ блоудную*». Но Нифонтъ наложилъ на себя суровый постъ и діаволъ бѣжалъ отъ него. Только что Нифонтъ освободился отъ такого искушенія, какъ увидѣлъ *на мѣстѣ гноинѣ пса тьмна лежаща и помысливъ рече: еда іестъ песъ или лоукавый бѣсъ?* Вдругъ песъ съ яростію бросился на него; Нифонтъ дунулъ—и песъ исчезъ. Новое видѣніе предупредило его, что ему грозятъ еще большія искушенія; онъ увидѣлъ, что ангелъ вынулъ у него сердце и вложилъ новое, и съ этимъ новымъ сердцемъ онъ долженъ былъ пройдти сквозь рядъ черныхъ демоновъ. И дѣйствительно, послѣ этого пророческаго видѣнія, бѣсъ напустилъ на Нифонта тяжелое искушеніе, навѣялъ ему сомнѣніе въ бытіи Божіемъ. Мы выпишемъ это поэтическое мѣсто, гдѣ образно выражается психическая борьба мысли въ человѣкѣ.

Однажды онъ молился и внезапно услышалъ шумъ, который проходилъ отъ праваго уха до лѣваго и ужаснулся святый мужъ, и изумился, говоря: что это будетъ? И когда онъ такъ размышлялъ, пришелъ діяволъ, ревя и претя и гнѣваяся, и омрачилъ ему умъ и отемнилъ, и ввелъ его въ страхъ и смутилъ. Блаженный хотѣлъ творить молитву, но не было въ немъ чистаго смысла, а только сонливость и зѣвота и потягота, и лѣнь великая напала на него, и тягость большая, и невыразимая тоска. Блаженный, будучи объятъ діявольскимъ омраченіемъ, сказалъ: о грѣшный Нифонтъ! нынѣ пришли на тебя грѣхи твои, и искушеніе, котораго ты сильно боялся, ослѣпило тебѣ умъ и сильно свищетъ! О, я бѣдный съ душею своею! Стерегись, чтобъ не войти живьемъ во чрево его! И говоря такимъ образомъ,

знаменовался крестнымъ образомъ; нападалъ же на него несытый волкъ и помышлялъ низложить праведнаго и говорилъ ему: покинь молитву! Блаженный же говорилъ: я не покорюсь нечистому бѣсу; если Богъ повелѣлъ ему погубить меня, я приму съ благодареніемъ повелѣніе моего Бога, а если тебѣ не повелѣно отъ Бога моего, то посрамлю всѣ твои козни. Діяволъ же говорилъ: А есть ли Богъ? гдѣ? Нѣтъ Бога; все самобытно; кто тебѣ сказалъ, что Богъ есть?... А Бога нѣтъ! Ведя на соблазнъ блаженнаго, всечасно говорилъ ему: а есть ли Богъ? Нѣтъ Бога! Растворялъ нечистый бѣсъ сіи три (?) вещи, которыя наводилъ на праведнаго и покушался прельстить и омрачить его, говоря ему: нѣтъ Бога!

Но рабъ Божій, слыша это и распаляясь, говорилъ: Сказалъ безумецъ въ сердцѣ своемъ: нѣтъ Бога. Растлился злой и помрачился! Ангелъ хулы! Бѣги во тьму отъ меня. Я вѣрую, что есть Богъ и будетъ! Лютый же бѣсъ еще сильнѣе омрачалъ его, и когда блаженный покушался сотворить молитву, уста его говорили, а умъ омрачался, не вѣдая, что говорилось и какой былъ смыслъ духовной пѣсни, которую онъ читалъ, а великая печаль одолѣвала его отъ этой неотвязчивости, и много разъ блазнился въ молитвѣ, и размышляя говорилъ: Горе мнѣ грѣшному, самъ не знаю, что помышляю! И снова обращаясь, творилъ молитвы сначала, съ большимъ трудомъ. И такъ страдалъ каждый день: влагалъ ему пронырливый, что нѣтъ Бога, и вметалъ его въ скорбь безмѣрную; и такъ тосковалъ блаженный отъ діявольскаго возмущенія, что лишился смысла человѣческаго. И говорилъ ему діяволъ: я не буду болѣе тебя безпокоить, только перестань творить молитву, которую творишь утромъ и въ полдень. Рабъ же, видя злобу безстуднаго змія, говорилъ: если я соблужу, или впаду въ прелюбодѣяніе, или украду, или какое-нибудь другое зло сдѣлаю, а отъ Христа моего никогда не отступлю. Снова говорилъ діяволъ: что ты это говоришь? А есть ли Христосъ? Христа нѣтъ. Кто тебя обманулъ, будто Христосъ есть? Христосъ не существуетъ; нѣтъ Христа; я одинъ все содержу: для чего же ты меня оставилъ? И отвѣчалъ святый: Есть Христосъ; Онъ Богъ

и человѣкъ; и все ему принадлежитъ! Окаянный! Доколѣ будешь мучить созданіе Божіе! Окаянный! ты не прельстишь моего смысла! Что ты меня ослѣпляешь? Ты тьма и во тьмѣ ходишь и тьмою съ людми борешся, и во systemakѣ будешъ мучиться во вѣкъ вѣка. Отступи же, врагъ Божій, отъ святыхъ Божіихъ! Такъ говорилъ рабъ Божій и терпѣлъ и страдалъ крѣпко, славя Бога! Онъ же лукавствомъ своимъ не отступалъ отъ него и безпрестанно говорилъ: Нѣтъ Бога! И что такое Богъ? Знаешь ли того Бога, о которомъ говоришь? Развѣ онъ тебѣ показывался? Гдѣ онъ живетъ? Гдѣ онъ пребываетъ? Покажи мнѣ его—и повѣрю тебѣ и я! Такія мысли насѣвалъ ему бѣсъ четыре года и мучилъ праведника, влагая ему, что нѣтъ Бога, обнекалъ ему смыслъ тьмою, и праведный помышлялъ, что Бога нѣтъ. Когда такъ было, святый сильно отягчался, но не преставалъ молиться и читать божественныя писанія, и когда онъ стоялъ съ вечера на молитвѣ, опять темный бѣсъ началъ томить его, говоря, что нѣтъ Бога. Праведный же, глядя предъ собою, увидѣлъ лице Господа Іисуса Христа и сильно застеналъ, и простеръ свои руки къ чистому образу сему, и сказалъ: Боже мой, Боже мой! Зачѣмъ ты меня оставилъ? Извѣсти меня, что ты существуешь, единый Богъ! Неужели я оставлю все, что есть съ именемъ твоимъ и сотворю то, о чемъ мнѣ говоритъ діяволъ? И такъ сказавши, стоялъ и ожидалъ, что услышитъ, и смотрѣлъ въ лице честной иконы, и видѣлъ, что просвѣтилось лице святой иконы, какъ солнце, и все исполнилось неизреченнаго благоуханія. Блаженный пришелъ въ ужасъ отъ этого свѣта, палъ ницъ и говорилъ съ трепетомъ: Вѣрую во единаго Бога Отца Вседержителя, Творца небу и землѣ, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ, и во единаго Господа Іисуса Христа; Творца и небу и землѣ, и въ Святаго Духа, славимаго и просвѣщающаго! Господи мой Іисусе Христе! не прогнѣвайся на меня, ради твоей великой милости и не отвергни меня, нечистаго, искусившаго святое имя твое; самъ вѣдаешь, Господи, какъ досаждаетъ мнѣ врагъ мой, погружая меня въ лукавое безвѣріе. Прости меня, Господи, что я искусилъ тебя, Господи.

»И говоря это, онъ лежалъ ницъ, и, вставши, воззрѣлъ на

святой образъ и узрѣлъ преславное видѣніе: просвѣтлѣло лице образа и обращалъ онъ очами какъ живой человѣкъ, и покивалъ, и брови его сгибались и сходились. Видя это, блаженный Нифонтъ началъ вопіять радостною душею: Господи помилуй меня! И очень удивился, и говорилъ: великъ Богъ христіанскій и велика сила твоя! Не остави меня до конца погибнути, созданіе свое; припадаю къ святымъ ногамъ Твоимъ! Благословенъ Богъ и благословенно царство Отца и Сына и Святаго Духа, ибо избавилъ меня отъ сѣни и тьмы смертной, окованнаго нищетою какъ желѣзомъ. И такъ говорилъ онъ, и болѣе того говорилъ предъ иконою Господа нашего Іисуса Христа, и отошелъ изъ церкви, окончивъ молитву, и вшедши въ свой покой, немного уснулъ, ибо сердце его исполнилось небесной сладости, и веселія, и радости, и видимо было благообразное чудо: вышелъ онъ оттуда свѣтелъ, и улыбался, всѣмъ казался веселъ и красивъ, такъ что многіе, знавшіе его, удивлялись и говорили: что это съ нимъ; столько лѣтъ онъ ходилъ унылъ, опустившись, а теперь веселится и радуется? Или видѣлъ явленіе?»

(Іединою же молѧщюсѧ іемоу ѿ вечера и вънезапоу слыша зѣло шюмъ шюмѧщь, иже прихожаше съ деснаго оуха и до лѣваго, и абие свѧтый оужаесенъ бывъ, недомышлѧшесѧ глаголѧ: что оубо се боудеть? И се іему размышлѧющю, и се диіаволъ приде ревыи и претѧ, и гнѣваѧсѧ и ѡмрачи іему оумъ ѡтьмни, и въ страхъ въложи и съмоути, и блаженыи же хотѧше молитвоу творити, и съмысла чиста не бѡше в немъ, нъ тъкмо сънъ и зианиіе, и пролѧщаніе и лѣность припаде іемоу велика, и тѧготы многы, и бесѣды и скърбъ коньца не имоущи, блаженыи же объіатъ зѣло ѧмраченіемь диіаволемь рече: ѡ грѣшьныи Нифонте, нынѣ придоу на вы грѣси твои и искоушениіе, іего же сѧ іеси боіалъ, зѣло люто, оумъ ми ѡслѣпи и свищеть зѣло! ѡ наю! вънемли оубо твьрдѣ, да не живь вниденни въ чрево іего. И се глаголѧ, знаменашесѧ ѡбразъмь креста; нападаше же нань несытыи вълкъ и мышлѧше низложити правьднаго глаголѧ: ѿвьрзи молитвоу! Блаженыи же глаголаше: азъ нечистомоу бѣсоу не покорюсѧ, аще ти іе Богъ мои повелѣлъ погоубити мѧ, да приимоу съ благодареніемь Бога моего повелѣниіе; аще ли ти нѣсть повелѣно ѿ Бога моего, посрамлю всѧ козни твоіа. Диіаволъ же глаголаше: а іе ли

Богъ? Къде? Нѣсть Бога; самобытьна соуть вс҄а! А кто ли ти, льсти, іако Богъ іесть, а Бога нѣсть. На съблазноу веда блаженаго по вся часъ іемоу глагол҄а: а іесть ли Богъ? Раствор҄аше нечистыи бѣсь сиіа три вещи, іаже бяше нанеслъ на праведнаго, и покоушашес҄а прельститі и і ѡмрачити, глагол҄а: Бога нѣсть.

Слышавъ же се рабъ Божии и раждизашес҄а глагол҄а: рече безоуменъ въ сердци своіемь: нѣсть Бога. Растьлѣ злыи и помрачис҄а. Ангели хоулы, бѣжи въ тьмоу ѿ мене: азъ бо вѣроую, іако іесть Богъ и боудеть. Лютыи же бѣсъ паче ѡмрачаше и, и іегда с҄а покушаше сътворити молитвоу, оусты оубо глаголаше, оумъ іего омрачашес҄а не вѣдый что с҄а глагол҄а и.чь іесть разоумъ пѣниі҄а, и бѣ іемоу велика печаль въ томь стоужении, и блажн҄ашес҄а въ молитвѣ многажды, и мало нѣчьто размышлъ, глаголаше: оувы мнѣ грѣшному, іако не вѣдѣ что съвѣщаю! И пакы ѡбращьс҄а, твор҄аше молитвы ѿ начатька и съ многъмь трудъмь: сице страда, по вс҄а же дни вълагаше проныривыи, іако нѣсть Бога, и въмѣтатше и въ скърбь безмѣрну; и толикоу печаль им҄аше блаженыи ѿ възмоущениіа диіавол҄а, іако и съмысла чловѣча лишену быти. И глаголаше іемоу диіаволъ: азъ по семъ не ноужю тебе, тъкмо престани ѿ молитвы, юже твориши заоутра и до полудне. Рабъ же, вид҄а бестоудьнаго злобы змиіевы, и глаголаше: аще съблоужю или прелюбы сътворю, ли оубию, ли оукрадоу, ли ино зъло створю, азъ Христа моего николи жо ѿвьргоус҄а, ни ѿстоуплю. Пакы же глаголаше диіаволъ: что ли глаголеши: а іесть ли и Христосъ? Христа нѣсть. Кто ли т҄а іесть прельстилъ іако Христосъ іесть? Нѣсть Христосъ; нѣсть Христа; азъ іединъ съдржю вс҄а; ты же почьто м҄а іеси оставилъ? И ѿтвѣща святый и рече: іесть Христосъ тъже Богъ и чловѣкъ, и того все іесть. Оканьне, доколѣ моутиші зданиіе Божиіе? Оканьне, не имаши прельстити моего смысла! Что м҄а слѣпиши? іако тьма іеси, въ тьмѣ ходиши и тьмою борешис҄а съ человѣкы, въ мглѣ ходишиі въ мрацѣ въ вѣкъ вѣка моучитис҄а; ѿступи оубо, враже Божии, св҄атыхъ іего, Си глагол҄а рабъ Божии търп҄аше и страдаше, крѣпко слав҄а Бога. Онъ же лукавьствъмь своимъ не ѿступаше іего, нъ глаголаше присно: нѣсть Бога! И что ли іесть Богъ? Воле! вѣси ли Бога, іего же глаголеши? Что ти іесть показалъ? Кде ли живеть? Кде ли пребываіеть? Покажи ми іего, и вѣроую ти и азъ! И си оубо насѣваіа глаголаше на четыре лѣта моуча праведника, се вълагаше, іако нѣсть Бога, кладый іему смыслъ тьмою; и помышл҄аше правьдный іако Бога нѣсть. Семоу же сицемоу бывающю, зѣло

бѧше ѡтѧгъчалъ себе свѧтый, нъ обаче не престаіаше ѿ молитвы и чьтыи божествьнаіа писаниіа; и стоіащю іемоу съ вечера на молитвѣ, паки тьмьныи бѣсъ начать ноудіти, іако нѣсть Бога; правьдныи же смотривъ предъ собою и видѣ лице Господа нашего Іисуса Христа и вельми постенавъ, простеръ роуцѣ свои къ чьстному ѡбразоу семоу, и рече: Боже, Боже мои! въскоую мѧ іеси оставилъ, и извѣсті мѧ іако ты іеси іединъ Богъ! Аще ли ѡставлю вcѧ о имени твоіемь и сътворю вcѧ іелико же ми диіаволъ глаголеть! И си рекъ, стоіа чаіа что оуслышить, и зрѧщу іемоу въ лице чьстьныіа тоіа иконы, видѣ, ипросвьтѣсѧ лице іего—іако сълнце лице свѧтыіа тоіа иконы, и испълнениіе неиздреченьнаго благоуханиіа. Блаженыи же, оужасьнъ бывъ ѿ свѣта того, паде ниць, и трепеща глаголаше: вѣроую въ іединаго Бога ѿца вседьржителѧ творца небоу и земли, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ, и во іединъ Господь Христосъ творьць и небоу и земли, и Свѧтыи же Доухъ, іего славимъ и просвѣщаіемь. Господи мой Іисусе Христе, не прогнѣваисѧ на мѧ великыіа ради твоіеіа милости и не ѿвьрзи мене нечистаго искоусивъша свѧтоіе имѧ твоіе, ты бо вѣси, Господи, како ми стоужаіеть врагъ мои, погроужаіа мѧ въ лоукавѣмъ невѣрствѣ, тѣмъ же прости мѧ, Господи, іелико искусихъ тѧ Господи, и дивьно имя твоіе, преблагыи, милосерде! И се рекъ леже ниць, и въставъ, и възрѣ пакы на ѡбразъ свѧтыи, и се преславно видѣниіе: бѣ бо лице іего пресвѣтло зѣло, и ѡбращаше очима іако живъ чловѣкъ, и покываше, и бръві іего гыбѧстесѧ и съхожастесѧ. Си же видѣвъ блаженыи Нифонтъ нача вънити радостьною душею: Господи, помилоуй мѧ! И зѣло сѧ чюдивъ, глаголаше: великъ Богъ христіанскъ и велика сила твоіа! Не ѡстави мене до коньца погыбноути зъданиіа своіего, иже въиноу припадаіеть къ ногама твоима пресвятыма! Благословенъ Богъ и благословенно царьство ѿца и Сына и Святаго Доуха, іако же избави мѧ ѿ сѣни ѿ тьмы смьртныіа и ѡкована соуща нищетою и железъмь. И си рекъ, ина множаиша предъ иконою Господа нашего Іисуса Христа, и ѿиде ѿ церкве молитвоу коньчавъ, и въшедь въ хлѣвиноу свою, поспа мало; бѣ бо сердце іего испълнилосѧ сладости небесьныіа, и веселіа, и радости, и бѣ видѣти чюдо благообразьно; и хожаше ѿтолѣ свѣтьлъ, и вьсъ осклабѧсѧ, всѣмъ же сладъкъ и чьстьнъ, іако же и мнози ѿ чловѣкъ, иже и знаіахоу, оудивлѧхоусѧ глаголюще: что оубо бысть іемоу, іако колико лѣтъ ходи дрѧсельнъ и оуньлъ, а нынѣ веселитьсѧ и радоуіетсѧ: или іавлениіе видѣлъ іесть?)

Побѣдивши вѣрою безвѣріе, Нифонтъ подвергся другому искушенію; бѣсъ старался нашептывать ему высокое мнѣніе о своихъ подвигахъ и о своей святости; Нифонту западали въ голову гордыя мысли, входило покушеніе сравнить себя съ самимъ Богомъ. Но при всякой такой мысли Нифонтъ расточалъ себѣ самыя унизительныя названія и такимъ образомъ снова побѣдилъ дьявольское искушеніе. Небесная благодать подкрѣпила его утѣшительными видѣніями; одинъ разъ онъ былъ вознесенъ на таинственный столпъ посреди моря; другой разъ, когда молился въ храмѣ, съ небесной высоты простерлись къ нему огромныя руки и обняли его; потомъ ангелъ облилъ его мѵромъ; былъ онъ поднятъ на воздухъ, какъ безплотный; вступая въ храмъ, былъ осѣняемъ множествомъ блестящихъ крестовъ, которые образовали надъ головою его кругъ, то сходились между собою краями, то расходились; когда крестики расходились, бѣсы вскакивали въ кругъ, образуемый крестами, и потомъ выскакивали прочь; это дѣлалось не для того, чтобы подвергать святаго страданіямъ, а чтобы показать безсиліе бѣсовъ противъ него. Всегда на стражѣ противъ своего врага, съ помощію Богородицы, Нифонтъ сталъ недоступенъ для діавола.

»Когда онъ хотѣлъ вкусить сна, то клалъ на землю камень, на верху его клалъ сажецъ (?) и потомъ становился, пѣлъ погребальныя пѣсни, будто хотѣлъ похоронить себя, а потомъ читалъ четыре апостола и евангеліе и еще кое-что, и перекрещивалъ свою постель, и такъ почивалъ, подлагая камень себѣ подъ голову, и когда приступали къ нему бѣсы, нападая на него во снѣ и не давая уснуть, и тогда онъ тотчасъ во снѣ отгонялъ ихъ и воспринималъ духовную силу, и билъ ихъ крѣпко, укоряя и уничижая, и вельми возмущая ихъ; оттого и бѣсы изумлялись, говоря: что намъ дѣлать съ симъ жестокимъ? Крѣпко онъ насъ бьетъ и укоряетъ и уничтожаетъ нашъ родъ. Когда рабъ Божій лежалъ и дремалъ, пришелъ на него діаволъ, держа бердышъ, и думая его убить, но ужаснулся дьяволъ, и скрежеща зубами, бѣжалъ и вопіялъ: О Маріе! ты меня всюду сожигаешь и хранишь этого жестокаго! Слыша это праведный, увѣдалъ поистинѣ, что хранитъ его святая Богородица и помо-

гаетъ ему; ибо онъ бралъ отъ лампады масла съ великою вѣрою и на время сна помазывалъ себѣ чело, и уши, и шею, и тѣмъ избѣгалъ діавола.

(Іегда хотѧше приіати мало сна, пьрвѣи полагаше камень на землю, и вьрхоу іего полагашемалъ сажець, і потомъ станѧше, поіа погрѣбалнаіа како погретися хотѧ, и потомъ съчьтѧше 4 апостолы и іеваньгелиіа, и ина нѣкака, прскрьщаіа ложе своіе, и тако почиваше, камень подъложь подъ главоу свою, и іегъда пристоупаху надъ нь бѣси, въ сънѣ потыкающе и не дадоуще іемоу оусноути, и тоу абиіе въ снѣ отгонѧше а и силоу духовноую въсприімъ, биіаше іа крѣпцѣ, корѧи оуничьжаіаѣ, и велми възмущаіа ѣ, тѣмь же и соумнѧщесѧ бѣси глаголахоу: что створимъ жестокомоу семоу? понеже зѣло биіеть ны, и корить ны, и оуничьжаіеть родъ нашь. Възлежащю же рабоу Божиію малъмь сънъмь, и се приде надъ нь диіаволъ дьржа брадъвь, хотя оубити іего, оужасноувъ же сѧ диіаволъ и скрьжьча зоубѣ своими, бѣжа въпиіаше глаголѧ: ѡ Мариіе! ты мѧ вьсьде жьжеши и хранишп жестокаго сего! Си же слышавъ правьдный, оувѣдѣ по истинѣ, іако хранить и вельми святаіа Богородица и помогаіеть іемоу; възимаше бо ѿ кандила іеіа масло съ великою вѣрою и помазашесѧ іакоже ѡбычаи имѧше, во время съпаниіа чело свое, и оуши, и выю, и срдце, и тѣмь побѣжаше диіавола.)

Оградившись самъ отъ бѣсовскихъ нападеній, онъ достигъ духовнаго прозрѣнія и видѣлъ, какъ лукавые духи искушаютъ людей, а потомъ разсказывалъ это тѣмъ, которые приходили утѣшаться его душеспасительными бесѣдами. Вотъ, напримѣръ, онъ видѣлъ, какъ бѣсы заводили грѣшниковъ въ домъ разврата, а ангелъ Божій плакалъ о погибели ввѣренныхъ ему душъ:

»Когда они дошли до нѣкотораго мѣста, гдѣ проживали блудницы, узрѣлъ блаженный человѣка, словно евнуха, стоящаго внѣ жилья съ очень унылымъ видомъ; закрывалъ онъ лице свое ладонью, и такъ плакалъ, что, казалось, небо съ нимъ плакало, то рыдалъ, то руки воздѣвалъ, и молился, и стоналъ, то поддерживалъ челюсти свои рукою и стоялъ будто въ недоумѣніи, то снова начиналъ стенать, а потомъ задумывался. Видя это, праведный сталъ съ нимъ самъ плакать и приступивъ къ нему, сказалъ: Бога ради, братъ, скажи

мнѣ, что за причина, что ты такъ плачешь и унываешь? Скажи мнѣ, умоляю тебя, хочу я узнать это и желаю! Имѣлъ большое умиленіе и плачь. Отвѣчалъ ему, и явилъ ему, и сказалъ: естествомъ преславный Нифонтъ! Я ангелъ Божій; всѣ христіане въ часъ, когда крещаются, принимаютъ ангела отъ Бога хранителя своему житію, и я, какъ и всѣ, получилъ на храненіе нѣкотораго человѣка; онъ же меня оскорбляетъ, творя беззаконіе, и нынѣ находится въ этомъ жилищѣ, какъ видишь, лежитъ со блудницею и я не могу зрѣть беззаконія, которое онъ творитъ; какъ мнѣ не плакать, видя образъ Божій падшій въ такую тьму! Говорилъ ему праведный: Зачѣмъ же ты не накажешь его, да убѣжитъ темнаго грѣха. Говорилъ его ангелъ: Я не могу приблизиться къ нему, когда онъ началъ творить грѣхъ; онъ рабъ бѣсовъ, и я не имѣю надъ нимъ никакой власти. Говорилъ ему святый: отчего же такъ, что ты не имѣешь надъ нимъ власти, когда Богъ тебѣ его предалъ? Отвѣчалъ ему ангелъ: послушай рабъ Божій Нифонтъ! Богъ сотворилъ человѣка самовластнымъ и попустилъ ему: какимъ путемъ хочетъ тѣмъ и ходитъ; и показалъ ему тѣсный путь и широкій, и сказалъ: тѣсный путь прискорбенъ и ведетъ къ жизни тѣхъ, кто его держится, а пространный путь никого на спасеніе не приводитъ; и далъ Господь разумъ; кто по худой этой области ходитъ, тотъ въ огонь вѣчный идетъ, а кто по скорбномъ пути, ходитъ тотъ въ вѣчное блаженство идетъ. Какое же наказаніе могу дать человѣку этому, порученному мнѣ отъ Бога, когда самъ Богъ нашъ Іисусъ Христосъ своими устами наставляетъ и милуетъ, и учитъ уклоняться отъ злыхъ дѣлъ? И мало людей, которые творятъ истинно слово его! Праведникъ сказалъ ему: зачѣмъ простираешь руки на небо, стеня и ужасаясь? Отвѣчалъ ему ангелъ: я видѣлъ бѣсовъ его плещущихъ, другіе же ругаются надъ нимъ, и оттого разгорѣлось сердце его на студныхъ бѣсовъ; я молился Богу, да будетъ избавлена отъ прелести омраченныхъ бѣсовъ тварь его, да и мнѣ даруетъ обрадоваться, хотя бы объ одномъ днѣ его покаянія и обращенія!... И я молился, да сподобитъ мнѣ милостивый Богъ предать душу его благости, чистую, бодрую и трезвую. И сказавъ сіе, ангелъ сталъ

невидимъ. Когда же мы отошли отъ него, праведный сказалъ мнѣ, что нѣтъ грѣха смраднѣе блуднаго грѣха; но если блудникъ хочетъ покаяться, то скорѣе приметъ его Богъ другихъ грѣшниковъ и беззаконниковъ, ибо это грѣхъ отъ естества: осилѣетъ діаволъ скоктаніемъ, и если кто хочетъ отогнать его, то отгонитъ бдѣніемъ и малоядѣніемъ. Говорилъ еще и вотъ что: когда мы шли, то я видѣлъ человѣка идущаго широкимъ путемъ, и отверзлись мои очи, и я узрѣлъ тридцать бѣсовъ около него крамолующихъ: одни какъ мухи омрачали лице его, другіе какъ комары жужжали въ уши ему, иные же зацѣпивши веревками, держали его за шею, и за ноги, и за сокровенные члены, и безъ милости тащили его: одинъ сюда, другой туда; я же все это видѣлъ и былъ объятъ слезами, и помышлялъ: кто эти три, которые влекутъ человѣка. И мнѣ открылось, что одинъ изъ нихъ блудный бѣсъ, другой прелюбодѣй, третій же тотъ, который содомскій грѣхъ творитъ, а тѣ, что жужжали въ ухо ему, посѣвали въ немъ отчаяніе, тѣ, что лице его омрачали, тѣ отгоняли отъ него страхъ студодѣянія. Они отъ Бога моего мнѣ явлены были, и тотчасъ затѣмъ я видѣлъ: ангелъ его шелъ далече и держалъ въ рукѣ тонкую трость, а на концѣ его прекрасный цвѣтокъ, и шелъ онъ потупя взоръ, какъ будто въ отчаяніи и грусти, оттого что скорбѣлъ о человѣкѣ, потому что этотъ человѣкъ былъ уже въ гортани адской, чрезъ прелюбодѣянія, и бѣсился на мужескій полъ, и тѣмъ порабощался. Видя это, я воздвигъ руки на высоту небесную и сказалъ: о хоть единую молитву сотвори о немъ къ Богу. Но лукавые бѣсы, казалось мнѣ, какъ комары объѣдали мышцы его, не допуская меня сотворить молитвы о немъ. Когда я слышалъ эти рѣчи отъ праведника, то меня, отцы и братья, постигъ великій страхъ, и я дивился, услыша то, чего никогда не слышалъ.»

Излѣзшемъ же въ нѣкотороіе мѣсто, идѣже блоудьница живоуть, оузрѣвъ блаженный человѣка іако и каженика, вънѣ храма стоіаща, зѣло оуныла, дланию лице своіе покърывъ и плакаше сицемь ѡбразомь, іако же мнѣти небо с нимъ плачюще и ѡвъгда рыдаше и ѡвъгда роуцѣ въздѣвъ, молѧшесѧ, стонѧ и плача, дроугоици же подържаше челюсти свои, и стоіаше іако обоуіенъ, понываіа, ѡвъгда съ стенаниіемь,

ѡвъгда др҄ахлъ сый. Се же видѣвъ правьдныи начатъ самъ плакатис҄а, и преставъ, приста къ человѣкоу плачющемоус҄а, и рече: Бога ради, брате, повѣжь ми каіа ти іесть вина имьже тако плачешис҄а и іеси оунылъ? Повѣжь ми, молю тя; хощю бо увѣдѣти и желаю. Им҄аше бо мъного оумиленііе и плачь. Ѿвѣщавъ же, іави іемоу, и глагола: іестьствомь преславныи Нифонте! азъ бо іесмь ангелъ Божии, и да іако же вси крестиіане въ часъ, въ нь же с҄а крьст҄атъ, приимають ангела къждо ѿ Бога хранителя житию своіемоу, и прилоучихъс҄а, іако же и вси, поущенъ на храненііе человѣка нѣкоіего, онъ же зѣло м҄а оскърьбл҄ііеть безакониіа твор҄а, и нынѣ въ обители сеи іесть, іако же видиши, лежить въ безаконии съ ѡньсицею и блоудницею, и се оуже не могоу зьрѣти безакониіа, іего же тъ творить, да како ми зр҄аще не плакати въ какоу тьмоу ѡбраза Божиіа въпадъшас҄а. Глаголаше же ему правьдный: да почто не накажеши іего да оубѣжить тьмьнаго грѣха? Глагола іемоу ангелъ: понеже не имамъ мѣста приближитис҄а к немоу; ѿнележе началъ іесть творити грѣхы, рабъ іесть бѣсомъ, и ни іединоіа же власти не имамъ на немь. Глагола же іему святый: ѿкоудоу оубо іако ни іединоіа власти имаши на немь, а Богоу тебе и предавъшю? Глагола іемоу аньгелъ: послоушай, рабе Божии Нифонте, Богъ нашъ вещію самовластна створилъ іесть человѣка, и попоусти іемоу да имьже поутьмь хощеть ходити, да ходить, и показа іему тѣсныи поуть, такоже и широкыи, и рекъ: іако тѣсныи прискърьбьнъ іесть путь, иже на животъ ведеть, и иже ся іего държить, пакы же пространъ поуть іесть, иже никого же на спасениіе приводить, и сею поутью разоумъ давъ Господь, да иже по хоудѣи власти сеи ходить, то въ огнь вѣчныи, а иже по скърьбнѣмъ, то въ породу вѣчьноую идеть; да коіе показаниіе могоу азъ сътворити на человѣцѣ семь, іего же ми Богъ пороучи хранитї, самъ бо Господь Іисусъ Христосъ своими оусты наставляеть, и милоуіеть, и оучить вс҄а оуклан҄атис҄а злыхъ дѣлъ. И едва мало нѣкде чловѣкъ, иже твор҄атъ слово іего истиньнѣ. Правьдникъ глагола іемоу: да чесо ради простьрлъ іеси роуцѣ на небо стен҄а и оужастьнѣ? Глагола іему ангелъ: зрѣхъ бѣсовъ іего плещущь, и дроугы҄а ругающас҄а іемоу, да того ради разгарашес҄а сердце іего на стоудньпа бѣсы; мол҄ахь же с҄а Богоу, да избавлена боудеть ѿ прельстї ѡмраченыхъ бѣсъ тварь іего, и да мї дасть ѡбрадоватис҄а о немъ, понѣ іединъ день о покаіании іего и възвращении. Еще же мол҄ахъс҄а и ѿ семь да м҄а сподобить милостивыи Богъ предати душю іего благыни чистоу бъдроу и тръзвеноу соущю. И се рекъ ангелъ безвѣсти бысть

ѿ него. Ѿшедшема же нама, глаголаше правьдныи: іако смрадънѣ блоудьнаго грѣха инъ не іесть къ Богоу, и аще хощеть блоудникъ покаіатисѧ, то въскорѣ прииметь и Богъ паче вьсѣхъ беззаконьникъ и грѣшьникъ, понеже ѿ іесть-ства іесть грѣхъ, ѡсилѣіеть же диіаволъ скъкътаниемь, и рще кто хощеть ѿгнаті и, то бьдѣниіемь и малоѧдениіемь ѡроженеть и. Глаголаше же, и се, грѧдущема нама, видѣхъ, пече, чловѣка грѧдуща широкымь поутемь, ѿвьрзостемисѧ ачи мои, и оузьрѣхъ іако 30 бѣсъ ѡколо іего крамолоующа: ѡвьи іако и мухы ѡмрачахоу лице іего, ѡви же іако комариіе свирѧхоу въ оуши іего, инии же оужі повьрзъше, дьржахоу по шию и по нозѣ и по съкровеньніа оуды, и влачахоуть и без милости, ѡвъ семо, ѡвъ ѡнамо; азъ же се видѣвъ, сльзами ѡбъіатъ быхъ и помышлѧхъ: кто соуть трые иже влекоуть человѣка сего, ѿкрыже ми сѧ то, іако тъ іесть блоудьныи бѣсъ, другыи же прелюбодѣи, третии же іесть иже содомь-скыи грѣхъ творить, а иже въ оухо іемоу свирѵхоу, ѿчаѧ-ниіа сыають въ немь, а иже лице іего ѡмрачахоу, страхъ и стоудодѣіаниіе ѿ него ѿіемлюще. Си ѿ Бога моіего іа-вишамисѧ, и абиіе пакы видѣхъ, и се ангелъ іего надалечи идѧше, дьржа въ роуцѣ своіеи тоіагъ тънъкъ, на коньци іего цьвѣтьць красьнъ зѣло, идѧше іако ѿчаіасѧ долоу нича, и зѣло скърьбѧ, того дѣлѧ члвѣка скърбѧше тако, понеже бѧше человѣкъ оуже в гортани адовѣ прелюбодѣяниіемь впадъ, а на моужьскъ полъ бѣсѧшесѧ и тѣми сѧ порабощьши. Азъ же то видѣвъ въздвигъ роуцѣ на высоту небесноую и рѣхъ: да нонѣ іединоу молитвоу сътворю ѡнемь къ Богу, и се лоукавыи бѣси іако комариіе бывшеи объіадѧхоу іако же мнѧхъ мышьци іего, оуставлѧюще мѧ никакоже ѡ немь мо-литвы сътворити къ Богу. Се же мьнѣ, ѡци и братиіа, правьд-никоу повѣдающе, и ѡбъіатъ мѧ страхъ великъ, и дивихъсѧ слыша, ихъ же николи же ні слышахъ.)

Замѣчательно, что бѣсы не всегда искушаютъ людей по собственному желанію; находясь подъ деспотическимъ правле-ніемъ сатаны и старѣйшинъ, второстепенные бѣсы иногда поневолѣ, такъ сказать, по обязанности службы, должны работать ко вреду рода человѣческаго.

«Видѣлъ предъ собою человѣка идущаго; тотъ человѣкъ былъ духовенъ. И видѣлъ блаженный за этимъ человѣкъ кого-то чернаго, посѣвающаго скверные помыслы. Выше-реченный же мужъ отъ благаго помысла наблюдалъ за своими помышленіями и часто обращаясь на дьявола, плевалъ и

укорялъ его. Праведный, видя, что лукавый духъ безпокоитъ Божія человѣка, возопилъ къ духу и говорилъ къ нему съ яростію: оставь его, свирѣпый льстецъ, перестань налегать на созданіе Божіе. Что тебѣ за польза, окаянный, если душа его погибнетъ? Отвѣчалъ ему бѣсъ: послушай, что я тебѣ скажу: мнѣ тутъ нѣтъ пользы никакой; но поневолѣ принужденъ я бороться съ нимъ; у насъ есть князи, властвующіе надъ нами, и если мы лѣнимся и не боремся съ человѣческимъ родомъ, то князи наши бьютъ крѣпко того изъ бѣсовъ, о комъ найдутъ, что онъ не борется, и отпуская гонятъ на дѣло. Многіе изъ насъ лѣнивы и вялы, а другіе бѣгаютъ отъ дѣла; и ради того принуждаютъ насъ на брань. Говоритъ ему святый: Окаянный! Знаешь ли что огонь тебя ждетъ и лукавыхъ твоихъ бѣсовъ и дѣла ихъ! Зачѣмъ не плачешь, помышляя о неизбѣжномъ огнѣ для тебя уготованномъ? Бѣсъ, услышавъ объ этомъ, сталъ невидимъ.

(Видѣ человѣка идоуща предъ собою; бѣ же человѣкъ дховьнъ; и видѣ блажєныи за члвѣкъмь тѣмь чьрна нѣкоего идоуща и скврьньнъ помыслъ въсѣвающа: нареченыи же тои мужь ѿ блага помысла расмацряше помыслы своѧ, и часто обращаіасѧ на диіавола, пльваше, коря іего; видѣвъ же правьдьный духъ лоукавый стоужающь члвѣкоу Божию, възъпи къ духоу и глагола іемоу съ іаростию: престани прочеіе, сверѣпе льстьче, належа на зданиіе Божиіе! каіа ти польза, оканьне, аще душа іего іеже не боудеть погыбнеть? Глагола іему бѣсъ: послоушай оубо, рекоу ти: ползѣ оубо никоіеіа же ми нѣсть, нъ ни хотѧ ноудимъ іесмь с нимь побаратисѧ; кнѧзи бо имамъ владоуща нами, а аще лѣнѧщесѧ не боремъсѧ съ родомь крыстиіаньскымь, то іего же насъ обрѧщють ѿ бѣсовъ кнѧзи наши неборющасѧ, то биють ны крѣпцѣ и разгонѧюще ѿпущають; мнози бо соуть ѿ насъ лѣнивии, слаби, дроузи иже бѣгоуни; да того ради ноудѧть ны на брань. Глагола іемоу святыи: оканьне! вѣси ли іако огнь тебе жидеть и лоукавыихъ твоихъ бѣсъ и дѣлъ! Почто не плачетесѧ неѿреченнаго огнѧ, иже тебе уготованъ іесть? И слышавъ бѣсъ, без вѣсти бысть.)

Въ своемъ духосозерцаніи Нифонтъ видѣлъ, какъ человѣческія бесѣды привлекаютъ то ангеловъ, то бѣсовъ къ людямъ, и разсказалъ, какъ онъ видѣлъ благочестиваго человѣка, обѣдавшаго съ женой и дѣтьми, и ангеловъ, прислужи-

вавшихъ имъ за трапезою. Это видѣніе съ объясненіями повторялось во множествѣ послѣдующихъ сборниковъ съ разными видоизмѣненіями; но всѣ различія не мѣшаютъ видѣть первоначальный источникъ его въ нашей повѣсти:

»Нашелъ человѣка сидящаго съ женою своею и дѣтьми; и видѣлъ нѣкоторыхъ прекрасныхъ евнуховъ въ свѣтлыхъ одеждахъ предстоящихъ предъ обѣдающими въ томъ покоѣ, и было ихъ числомъ столько, сколько ѣдящихъ, и нищіи съ ними ѣли. Видя это, рабъ Божій изумился, говоря: что это такое–сидятъ убогіе, а служатъ имъ въ свѣтлыхъ одеждахъ? Онъ не догадался еще, а Богъ ему явилъ, что это за служащіе за трапезою! И сказалъ: служащіе—ангелы Божіи; такова ихъ обязанность, что во время обѣда предстанутъ, обвязавши руки, какъ Божіи служители; но когда начинается клеветное слово, или что–нибудь неподобное станутъ говорить за трапезою, тогда, какъ дымъ, отгоняетъ пчелъ, такъи злая бесѣда отгоняетъ ангеловъ Божіихъ; и когда ангелы Божіи отойдутъ, тогда приходитъ темный мрачный злой духъ и посѣваетъ зло посреди обѣдающихъ, и разливается злосмрадный дымъ отъ бѣсовскихъ рѣчей и злыхъ бесѣдъ.

(ѡбрете человѣка сидѧща ѡбѣдоуща съ женою своею и дѣтми, и видѣ нѣкоторыіа красьныіа каженикы въ свѣтьлахъ ѡдежахъ престоіаща предъ іадоущими въ хлѣвинѣ тои; бѣ же ихъ числомь іелико и ѣдоущихъ и нищіи бѧхоу іадоущіи. Видѧ же се рабъ Божии, почюдисѧ, глаголѧ: воле! се боудеть сѣдѧщіи оубози соуть зѣло, а предстоіащии въ свѣтьлахъ ѡдежахъ? И не домыслѧщю же сѧ іемоу, что се боудеть, іави іемоу Богъ, кто сі соуть престоіащихъ, что ли іесть трапеза? И рече: престоіащии ангели божіи соуть; имѣють такъ чинъ, да въ времѧ обѣда предъстаноуть, съвѧзавше роуцѣ, іако блази слоужители Божіи; да іегда начнетьсѧ слово клеветьно, или ино неподобно къ Богу глаголати на трапезѣ, да іако съ бъчелы ѿгонить дымъ, тако и зълаіа бесѣда ѿгонить ангелы Божии; и изълазѧщимъ же святымъ ангеломъ Божиимъ, приходить тьмьнъ мрачьнъ злыи духъ, и въсѣваіетъ зло посредѣ ѡбѣдающихъ, дымъ зломрачьнъ проливаіа ѿ словесъ бѣсѧщихъ и ѿ бесѣдъ подобныхъ злыхъ.)

Въ числѣ другихъ видѣній замѣчательна исторія Созомена; за милостыню, данную нищему, ему представи-

лось видѣніе ангеловъ съ ковчежцами; изъ ковчежцевъ они выбирали драгоцѣнныя одежды и указывали на нихъ, какъ на награду за тѣ бѣдныя одежды, которыя онъ удѣлялъ нищимъ. Такъ и теперь народъ воображаетъ, что въ будущей жизни послѣдуетъ вознагражденіе за милосердіе предметами, подобными тѣмъ, какими въ этой жизни добродѣтельные люди ознаменовали свое состраданіе къ несчастнымъ. За кусокъ хлѣба—роскошныя яства, за рубище—златот каныяодежды, за мѣдный грошъ—золото на томъ свѣтѣ. Вмѣстѣ съ этимъ связана, если не по ходу разсказа, то по смыслу, повѣсть о томъ, какъ въ видѣ нищаго явился Христосъ, повѣсть, повторяемая отрывочно въ разныхъ сборникахъ и перешедшая въ народную легенду:

«Увидѣлъ» —пересказываетъ Нифонтъ слово благодѣтельнаго мужа —«нища въ рубищѣ, а надъ головой его стояло изображеніе Господа нашего Іисуса Христа, не разлучаясь отъ нищаго ни на мгновеніе; и когда нищій шелъ своимъ путемъ, нѣкоторый милостивый человѣкъ встрѣтилъ его и далъ ему хлѣбъ; но только что протянулъ руку нищелюбецъ съ хлѣбомъ, какъ вмѣсто нищаго изображеніе Спасителя приняло изъ рукъ христолюбиваго человѣка хлѣбъ и даровало ему благословеніе; и видя это, съ тѣхъ поръ вѣрую, что дающій нищему влагаетъ въ руки Бога.»

(Узрѣхъ нища въ роубѣхъ грядоуща и надъ главою іемоу стоіаше ѡбличіа Господа нашего Іисусъ Христа, никако же неразлучено и іако же нищии идѧше поутьмь, нѣкто милостивыихъ идѧше и срѣте и, дасть іемоу хлѣбъ; да іако же простре роуку дьржа хлѣбъ нищелюбьць, и се простретьсѧ ѡбразъ Спасовъ въ роуцѣ христолюбивомоу ономоу, и пріиа ѿ рукоу іего хлѣбъ, и вьдасть іемоу благословеніie. И то видѣвъ, ѿтолѣ вѣровахъ іако даіаи нищю въ истину в роуцѣ Богу вълагаіетъ.)

Касаясь великаго таинства причащенія, Нифонтъ разсказываетъ, что, во время приношенія безкровной жертвы, онъ видѣлъ вмѣсто хлѣба на дискосѣ закланнаго младенца, а когда литургія окончилась, младенецъ снова явился живымъ и взятъ ангелами на небо. Во время причащенія мірянъ, тѣ изъ нихъ, которые были достойны этой чести, яв-

лялись съ свѣтлыми лицами, а недостойные съ темными и унылыми. Это видѣніе въ разныхъ видахъ записано въ сборникахъ и сдѣлалось народнымъ вѣрованіемъ. Точно также существуетъ до сихъ поръ вѣрованіе, что отказываться отъ дѣтей грѣшно, и тотъ, кто часто креститъ, имѣетъ у себя заступниковъ въ младенцахъ. Это разсказывается у Нифонта въ такомъ видѣ;

»Нѣкто пришелъ къ блаженному и повѣрилъ ему что на него находитъ непонятная скорбь. Блаженный отвѣчалъ ему: Сатана тебя прельщаетъ, какъ будто нѣтъ тебѣ награды отъ Бога за тѣхъ дѣтей, которыхъ ты воспринималъ отъ св. Крещенія. Богъ въ писаніи говоритъ: кто васъ пріемлетъ, тотъ пріемлетъ и пославшаго меня! И опять: взявъ Іисусъ дитя, поставилъ его предъ собою и сказалъ: истинно говорю вамъ, кто пріемлетъ сихъ малыхъ, меня пріемлетъ! Что можетъ быть этого блаженнѣе? принимая младенцевъ, пріемлешь Христа, и духомъ пріемлешь Отца его. Что можетъ быть, сынъ, лучше и свѣтлѣе, какъ добро творить! Сколько ты младенцевъ воспримешь отъ св. Крещенія, то всѣ они пойдутъ предъ твоею душею до небесныхъ вратъ, творя тебѣ великую честь и великій срамъ воздушнымъ бѣсамъ. Въ оный день, когда ты оставишь свое житіе и прейдешь къ владыкѣ въ великой радости, тогда, вмѣсто младенцевъ, будутъ тебѣ заступники ангелы и пойдутъ предъ лицемъ твоимъ въ оный день къ престолу Божію и покоищу, оказывая тебѣ честь; и въ образѣ тѣхъ младенцевъ ты принялъ Христа и почествовалъ; купѣль есть дѣвица, и ты какъ бы держишь самого Христа на рукахъ, и нарицаешься ты Симеонъ, пріемлющій Христа въ образѣ младенцевъ.»

(Сотона тѧ льститъ, іако іелико іеси дѣтии изѧлъ ис святаго крещенія нѣсть ти мзды ѿ Бога. Глаголеть бо Богъ въ писаніи томь: іакоже и васъ пріемлеть и пославшаго мѧ; и пакы—въземъ Іисусъ отроча младо и постави іе предъ собою, и рече: аминь, аминь глаголю вамъ, иже пріiемле малыхъ сихъ, мене пріемлеть. Да что іе, чадо, блаженѣе того; понеже младеньць пріемлеши, пріемлеши Христа, духъмь же пріемлеши Отца іего. Да что іесть, чадо, оунеіе того

или свѣтлѣіе, или, чадо, твори добро: іелико бо младеньць приіемлеши ѿ святаго крещениіа, то ти преди поидоуть предъ душею твоіею до вратъ небесныхъ, честь тебе творѧще великоу, и многъ стоудъ въздоушнымъ бѣсомъ въ днь онъ, іегда ѡставиши житиіе своіе и преидеши къ владыцѣ въ радости велицѣ, стоіальца бо дьржать ангели въ младеньць мѣсто, и преди поидоть предъ лицемь твоимь въ день онъ до престола Божиіа и покоища, чтоущаіа тѧ, имь же тѣми младеньци Христа приіалъ іеси, и почьлъ; дѣвица бо іесть коупѣль, а дьржить Христа самого на роукоу, и нарицаіешисѧ ты Симеонъ приіемлѧ Христа въ младеньцѣхъ.)

Замѣчательно тоже, по отношенію къ послѣдующимъ вѣрованіямъ, укоренившимся у насъ, пророчество Нифонта о томъ, что въ послѣдующія времена перестанутъ являться святые и не будутъ происходить чудеса, но тѣмъ не менѣе святые угодники не переведутся на землѣ, а только укроются предъ свѣтомъ. Это мѣсто, записанное въ разныхъ видахъ въ раскольничьихъ сборникахъ, повторялось нашими старообрядцами, нехотѣвшими признать святости причисленныхъ къ лику святыхъ послѣ никоновской реформы богослуженія: »Прошу тебя, отче, повѣдать мнѣ: умножатся ли святые до нашего времени по всему міру, въ добрыхъ подвигахъ подобные Антонію, Иларіону, Симеону и любимому Павлу и инымъ, которыхъ Богъ вѣдаетъ и очи Его зрятъ. Отвѣчалъ ему: святые не оскудѣютъ до скончанія вѣка; но въ послѣдніе дни укроется отъ людей праведная жизнь богоугодниковъ во смиреніи и явятся въ царствіи Божіимъ *выше* чудоносныхъ отецъ; ибо тогда не будетъ никого творящихъ чудесъ предъ лицами ихъ.»

(Воле, отче, повѣжь ми: до нынѣшнѧго соуть ли сѧ оумножили святии по всемоу мiроу, днесь въ добрѣ подвизѣ и нарочита имена ихъ, ихъ же пьрвыи іесть Антонии, Иларіонъ и Симеонъ и любимыи Павелъ пресвятыи и ини мнози, іаже Богъ вѣсть и очи іего видита. Глагола іемоу святыи: до скончаниіа вѣка не оскоудѣють, нъ обаче въ послѣднѧіа дни съкрыються ѿ человѣкъ, Богоугоднѣ въ смѣрениже просто вышьше чюдоносныхъ отець іавѧтьсѧ въ царьствии Божиимь, понеже тъгда не боудеть никого же творѧща предъ очима ихъ чюдесъ.)

Особенное значеніе получило въ повѣсти Нифонта то мѣ-

сто, гдѣ разсказывается видѣніе бѣсовъ, побуждавшихъ людей на свѣтскія удовольствія, на игры и пѣсни; причемъ блаженный видѣлъ, какъ бѣсъ укралъ изъ кармана у скомороха монету и понесъ ее на показъ къ сатанѣ. Это мѣсто во множествѣ нашихъ рукописныхъ сборникахъ называется «слово св. Нифонта о Русальяхъ. Оно напечатано въ памятникахъ старинной Русской Литературы по списку XIV вѣка. Хотя въ спискѣ XIII вѣка есть нѣкоторыя отличія, но не столько важныя, чтобы здѣсь приводить снова все это слово. Замѣтить слѣдуетъ, что въ повѣсти нѣтъ вовсе прибавленія о *Русальяхъ* и самое это имя не упоминается; очевидно, что, впослѣдствіи, проповѣдники заимствовали этотъ отрывокъ изъ переводной повѣсти, прилагая его къ явленіямъ русской жизни. Но приведемъ здѣсь другое, столь же оригинальное видѣніе огромнаго полчища бѣсовъ и выступленія, противъ нихъ святыхъ ангеловъ, подобіе земной войны между духами. Это видѣніе указываетъ Нифонту самъ Господь. По его повелѣнію, Нифонтъ

«Узрѣлъ чувственными очами мѣсто ровное, въ ширину и долготу неизмѣримо большое, и на этомъ мѣстѣ стояло множество муриновъ; очень черны были ихъ лица; стояли чины и полки ихъ страшные, во множествѣ; одинъ изъ нихъ былъ огненный и мрачный, и онъ много кричалъ и перебиралъ воиновъ своихъ, и раздавалъ приказанія князьямъ своимъ, дабы они съ большимъ прилежаніемъ приступали къ брани, и такъ имъ говорилъ: сила моя съ вами будетъ; взирая на меня, ихъ не бойтесь. И стояли они отрядами по числу каждаго грѣха въ ополченіи, и пришли другіе бѣсы съ оружіемъ изъ ада и каждый полкъ былъ въ различной одеждѣ, цвѣтъ и покрой одежды для каждаго полка, и всѣхъ полковъ было 365, ибо столько существуетъ страшныхъ грѣховъ, которыми мы, окаянные люди, прогнѣвляемъ Бога, не разумѣя этого. Когда лукавые бѣсы взяли свои оружія и приготовились идти, тогда злый началъ пересмотръ полковъ своихъ и каждому давалъ чародѣйскіе составы, и пускалъ полки на всякое утвержденіе Христовыхъ церквей и на весь міръ. Была же и темному князю ихъ нѣкоторая тревога и недоумѣніе на то время, и когда хотѣлъ пустить

своихъ подчиненныхъ на ѳракійскую землю, то говорилъ: нѣтъ у меня силы противъ дѣвицы Маріи идти на Византію, ибо она приняла въ свой жребій этотъ городъ, и не отступаетъ отъ него никогда, приходитъ лично и явно, и ободряетъ тамошнихъ назарянъ и подвигаетъ ихъ не поддаваться побѣдѣ надъ собою. Сказавъ это, онъ ревнулъ и избралъ себѣ тридцать тысячъ бѣсовъ и припустилъ на помощь къ ѳракійскому ополченію и особенно бѣсился на Византію. Когда блаженный это видѣлъ, тогда былъ къ нему гласъ: Нифонтъ! Нифонтъ! обратись къ востоку и смотри! Праведникъ же удивлялся, видя ухищреніе непотребныхъ бѣсовъ, и услышавъ гласъ къ себѣ, обратился на востокъ и увидѣлъ: поле шире и длиннѣе прежняго, и озарялъ его невыразимый свѣтъ, и стояли на немъ особы какъ снѣгъ бѣлыя, и было ихъ еще болѣе, чѣмъ прежде черныхъ, были они величественны и прекрасны, стояли въ ополченіи на тысячи числъ, и нѣкто прекрасный, выше всѣхъ ростомъ и красотою повелѣвалъ пречистыми полками невидимаго Бога, приказывая имъ помогать христіанамъ и хранить житіе ихъ. Такъ говорилъ онъ, и говорилъ много о другомъ страшномъ и величественномъ, и пустилъ чины свои и все войско Христовыхъ церквей, и отправилъ на брань шестьдесятъ тысячъ, а прочихъ всѣхъ отпустилъ, а самъ взошелъ на небеса. Блаженный же, видя такое преславное чудо, покивалъ головою, размышляя, какъ много совершается тайнъ надъ людьми отъ человѣколюбца Бога нашего, а мы не разумѣемъ этого.»

(Узрѣ чювьствьными очима и се бѧше мѣсто равноширыню и дълготу имы безмѣрноу, и на томь стоіаше множьство мюринъ, зѣло чьрна лица ихъ, стоіахоу же чинове и пълци страшни множьство ихъ; іединъ ѿ нихъ бѧше акы огнѧнъ мрачьнъ зѣло, и тъ имѧше много тщаніие кліча іа, и смоущаіа и пробираіа и чьтып воіа сноіа и запрещенниіе творѧ кнѧзьмъ своимъ, да съ прилежаніемь многъмь и тщаніемь начноуть брани, и сице глаголѧ к нимъ: сила моіа с вами боудеть, і на мѧ взирающе не бойтесѧ ничесоже. И іако же стоіахоу число числомъ когождо грѣха въпълчивъшесѧ, и се придоша друзии, и бѣси носѧше ѡроужиіе ѿ ада, и ѡдежа различными видѣнии комуждо пълкоу, чисмѧ же различныхъ шаротъ и лиць ѡдежа ихъ в кыи пълкъ въчи-

таіема бѧше въ числѧ и въ число, іакоже бѧше пълковъ 300 и 60 и 5, понеже толико іесть страшныхъ грѣхъ, іакоже глаголаше, ими же оканьнии чловѣци прогнѣваемь Бога и не разоумѣемь. Едва взѧша лоукавіи бѣси ѡроужиіа свои и оуготовашасѧ ити абиіе нача злии, раздроушати пълкы своіа, и вдаіа имъ чародѣйска сътворениіа комуждо врѣдоу пълкъ, поущаше на всѧко оутвержениіе Христовыхъ церквъ и на вьсь міръ; бысть же и кнѧзю ихъ тьмьномоу подвигъ нѣкакъ, и недоумѣнии въ тъ часъ, и іегда хотѧще поустити на землю трачьску съдѣлникы своіа, и глаголаше: іако не имамъ силы таковы къ дѣвици Марии въ Воузѧтыню (Византіи), понеже бѣ та приіала жрѣбии и градъ сии и николи же іего не ѿстоупаіеть, самовидно очивѣсть приходить, и тоу соущаіа назаріанъ окрылѧіеть, паче же подвижникы не дадоущемъ ими побѣжатисѧ. Си рекъ рыкноу, и избравъ себѣ 30 тысоущь бѣсовъ, и припоусти посилиіе къ тьмѣ трактѣ, наипаче бѣсѧсѧ на Оузѧтнию. Си блаженомоу видѧщю, бысть пакы гласъ к немоу, глаголѧ: Нифонте, Нифонте, обратисѧ на въстокъ и віжь! праведныи же бѣ дівѧи зрѧ непотребныхъ бѣсовъ оухыщреніа; бывшю же гласу к немоу и обратисѧ на въстокъ, и видѣ, и бѣаше поле въ ширинѧ и въ дълготу паче оного, свѣтъ же на немъ безмѣренъ, и стоіаху на немъ нѣцыи іако снѣгъ бѣли, паче множьства чьрныхъ; бѧхоу же славни и красни, стоіахоу въопълчени на тысоуща и тьмы, и нѣкто красьнъ видьмь вышнихъ вьрстою и добротою повелѣваше въ пречистѣхъ пълцѣхъ невидимаго Бога, запрещаіа имъ помогати крьстьіаномъ, и хранити съ милостию житиіе ихъ. Си рекъ, и ина страшьна и преславна, и поусти чины и ликы и всѧкы тьмы Христовыхъ цьрковъ и царства, и припоусти божественныи прилогъ на страсти же тракиіево ликъ и тысоущь 60 и прочеіе всѧ ѿпоусти воиньства своіа, красныи тъ, и възиде на небеса. Блаженыи же въ себе бывъ, о видѣніи чюдѧсѧ предивнымь чюдесьмъ, кываіа главою своіею, и колико таиныхъ бываеть в насъ чловѣцѣхъ ѿ чловѣколюбца Бога нашего, а мы не разоумѣіемъ.)

Обращаясь запросто въ духовномъ мірѣ, Нифонтъ разсказываетъ видѣніе суда надъ душами умершихъ, какъ ангелы спорятъ за нихъ съ бѣсами, какъ бѣсы, теряя свою добычу, жалуются, что ихъ труды пропали, когда покаяніе смываетъ съ грѣшника содѣянное преступленіе. Эти образы, вмѣстѣ съ видѣніемъ Θеодоры и Василія Новаго, служили для воспитанія въ нашемъ народѣ представленій о загроб-

ной жизни. Восходя болѣе и болѣе по ступенямъ духовнаго созерцанія, Нифонтъ видитъ самого Христа, окруженнаго ангелами. Послѣ долгаго странствія по цареградскимъ церквамъ, Нифонтъ увидѣлъ однажды стадо овецъ и апостола Павла, который предлагаетъ ему пасти этихъ овецъ и возвѣщаетъ, что онъ будетъ избранъ епископомъ. Нифонтъ, по смиренію, убѣгаетъ изъ Константинополя въ Александрію, но туда приходятъ изъ Кипра просить патріарха о назначеніи новаго епископа на мѣсто скончавшагося. Патріархъ Александръ указываетъ на Нифонта. Отклонявшись долго всѣми силами, Нифонтъ наконецъ подчиняется высшей волѣ, посвящается въ епископы и уѣзжаетъ въ Кипръ. Онъ правитъ достойно своею паствою. Безразсудный бѣсъ, преслѣдовавшій его нѣкогда, вздумалъ-было явиться на новыя искушенія, но святой сдѣлался недоступенъ искушенію, и самъ сталъ такъ грозенъ для бѣса, что бѣсъ униженно просилъ у него пощады. Незадолго передъ кончиною, Нифонтъ видитъ образы благочестиваго и грѣшнаго житія, въ видѣ двухъ женщинъ; видѣніе это изображено очень поэтически. Скоро послѣ того высшее откровеніе извѣщаетъ его о близкой кончинѣ, и блаженный спокойно переселяется въ нескончаемую жизнь. Ничѣмъ приличнѣе не можемъ завершить нашихъ выписокъ изъ повѣсти о Нифонтѣ, какъ показавши, что извѣстное вѣрованіе, будто во время зѣвоты бѣсъ садится человѣку на губу и дѣлаетъ ему пакость (для чего благочестивые перекрещиваютъ себѣ ротъ), имѣетъ большое сходство съ однимъ изъ послѣднихъ искушеній, съ которыми бѣсы напрасно подъѣзжаютъ къ блаженному. Собралось нѣсколько бѣсовъ; они поочередно стараются навести на старца зѣвоту, но праведникъ знаетъ, что это угодно бѣсу, крѣпится съ достоинствомъ, ни разу не зѣвнулъ и посрамилъ бѣсовъ....

«Видѣлъ я разумнаго мужа, который почувствовалъ знаменіе бывающее отъ бѣсовъ, зарекся не зѣвать никогда: это узнали лукавые бѣсы, что онъ крѣпится чтобъ не зѣвнуть и не потягиваться, сотворили на него крѣпкую брань, а онъ мужественно сопротивлялся имъ, не поддаваясь ихъ хотѣнію; и смѣшно было смотрѣть, какъ бѣсы одинъ за другимъ по-

кушались на него, какъ бы его соблазнить, но сами изнемогали и отходили отъ него съ гнѣвомъ, не въ силахъ сдѣлать надъ нимъ ничего себѣ угоднаго. Какъ не посмѣяться надъ немощью пронырливыхъ нечистыхъ бѣсовъ! напеременну къ нему приходили въ день по тридцати бѣсовъ и не было силъ у нихъ. И праведникъ говорилъ мнѣ объ этомъ, веселясь о Господѣ, и никто никогда не видалъ, чтобъ онъ потягивался, либо зѣвалъ, и возвращался отъ него въ добромъ смиреніи и поклоненіи Господу Богу своему. Всегда онъ говорилъ: злой вредъ человѣку зѣвота; кто, задумавшись, искусится этимъ и отверзаются его уста,—и оный, омраченный, (т. е. бѣсъ) тьму готовитъ душѣ, отгоняя у зѣвающихъ смыслъ на безмѣрное разслабленіе.

(Видѣхъ моужа разоумьна, иже почювъ знамение ѿ бѣсъ бывающее никакоже не зияти, но увѣдавше же іего лоукавии бѣси крѣпящеса яко ни пролящатиса ни зиати, брань нань створиша крѣпкоу; онъ же моужьскы противлашеса имъ, не попоущаа хотѣнию ихъ, и бѣ видѣти смѣху достоины стражющіа, дроуга по дроузи покоушахоуса нань, хотаще и превратити; изнемогающе же и възвращающеса гнѣвахоуса не могоуще ничесоже годныхъ себе створити на немь, кто же ли не посмѣіеть немощи пронърливыхъ бѣсовъ нечистыхъ, измѣновахоу бо са к немоу на день акы до три и десать бѣсовъ, и не баше силы в нихъ. И си глагола праведникъ мнѣ, веселашеса о Господи; николи же бо іего видѣ никтоже ни пролацающаса, ни зѣюща, ѿ него же са възврати къ Господоу Богоу своіему въ добрѣмь смѣреніи и покланании; глаголаше бо присно: злыи вредъ іесть человѣку зиаиніе; да иже са тѣми прельщають ѿ примыслиіа нѣкоего, ѿвързаютьса оуста іего, онъ же омраченныи тьмоу готовить души, а смыслъ ѿгона зиіяющихъ на разслабленііе безмѣрно.)

Такова повѣсть, имѣвшая, безспорно, вліяніе на образованіе нашихъ народныхъ представленій, вѣрованій и убѣжденій.

Н. КОСТОМАРОВЪ.

1860
сентябрь.

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ МОСКОВСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

— Не хотите-ли играть въ горѣлки? сказала Катенька, дочь хозяйки, обращаясь къ небольшой группѣ, столпившейся около маленькаго, круглаго столика, на которомъ лежали фотографическіе эстампы.

Гости съ восторгомъ приняли предложеніе и бросились къ дверямъ; вдругъ раздался стукъ; всѣ оглянулись: столикъ лежалъ на полу съ отломленной ножкой и эстампы, которыми такъ хвасталась Марья Ивановна Торшъ, хозяйка дома, разлетѣлись по комнатѣ.

— Ахъ! ахъ! кто это? что такое? раздалось со всѣхъ концовъ и гости бросились поднимать картинки.

— Богъ мой! воскликнула хозяйка, вбѣгая въ залу и глаза ея засверкали гнѣвомъ. Она грозно осмотрѣла присутствующихъ, желая узнать виновнаго. Къ ней подошелъ корнетъ Львовъ, безпощадно гремя своей саблей.

— Извините меня, проговорилъ онъ несмѣло.... право не нарочно.

— Нарочно! нарочно! кричала молодежь.

Молодой человѣкъ оглянулся и глаза его встрѣтились съ глазами Кати, которая стояла въ дверяхъ и пристально смотрѣла на него. Львовъ сконфузился еще болѣе.

— Я нечаянно.... сабля запуталась.... право-съ.... и онъ робко взглянулъ на Марью Ивановну. — Но, къ удивленію

его, хозяйка нетолько что не сердилась, но даже улыбалась такъ благосклонно, что онъ осмѣлился взять ея руку и поцѣловать кончики пальцевъ, и въ знакъ полнаго прощенья получилъ поцѣлуй въ щеку.

— Ну, полноте, Михаилъ Петровичъ! Могу ли я на васъ сердиться? проговорила умильно хозяйка. Да и стоитъ ли такая бездѣлица?...

— Катенька! обратилась она къ дочери, пригласи Михаила Петровича бѣгать съ тобою въ горѣлки и докажи, что мы не сердимся на него.

Катя взглянула на своихъ подругъ; всѣ смѣялись. Ей сдѣлалось неловко; она, повидимому, неохотно протянула руку, проговоривъ едва слышно: Михаилъ Петровичъ, пойдемте, и, нагнувъ свою голову, старалась скрыть зардѣвшееся личико.

— Вы на меня не сердитесь, Катерина Ѳедоровна? проговорилъ молодой человѣкъ, тихо пожимая ея маленькую ручку.

— Нѣтъ, прошептала она.

Молодежь и старики вышли на широкій дворъ, покрытый низенькой, зеленой травой. Налѣво отъ воротъ былъ огромный садъ, обнесенный деревянной оградой. Множество цвѣтовъ наполняли куртины.

— Пойдемте въ садъ! проговорили нѣкоторые; тамъ много цвѣтовъ....

— Въ горѣлки! въ горѣлки! кричали другіе.

Пары расположились; горѣть досталось Васинькѣ, старшему брату Кати.

— Насъ не смѣй ловить, прошептала Катя, ущипнувъ тихонько брата.

— Не буду, вскрикнулъ Васинька, подпрыгнувъ отъ боли.

— Дуракъ! прошептала она съ улыбкой.

— Какіе друзья! замѣтилъ Ѳаддей Ѳомичъ, старый холостякъ, страстный поклонникъ молодыхъ дѣвицъ, наблюдавшій съ крыльца.

— Примѣрные! добавила Анна Сидоровна, владѣтельница 60 душъ и столькихъ же бантовъ на чепцѣ.

— Бѣгутъ, бѣгутъ! лови ихъ! кричалъ Ѳаддей Ѳомичъ,

хлопая въ ладоши. Бѣжали Катя съ Львовымъ. Сабля, низко спущенная съ колецъ, гремѣла и била по ногамъ, хотя и старался онъ придерживать ее. Къ счастію, Васѣ былъ отданъ приказъ не ловить ихъ и Катя, сдѣлавъ кругъ, граціозно подала руку Львову.

— Браво! кричалъ Ѳаддей Ѳомичъ.

— Это не хорошо! пищали дѣвицы; Василій Ѳедоровичъ, вы не ловили сестры.... вы нарочно не ловили.

— Я боялся, что сабля Михаила Петровича меня ранитъ, смѣясь, отвѣтилъ Васинька.

— Снимите вашу саблю, говорили играющіе, окружая Львова; она мѣшаетъ играть какъ надо.

— Снимите, а то она вамъ надѣлаетъ еще какихъ–нибудь бѣдъ, съ улыбкой сказала Катенька. Львовъ покраснѣлъ и снялъ свое вооруженіе.

— Теперь вы нашъ плѣнникъ, проговорила Лиза, меньшая сестра Кати, 17 лѣтъ, одѣтая въ коротенькое платье.

— Хоть на всю жизнь, тихо отвѣтилъ онъ.

Лиза вспыхнула и осмотрѣлась, не слыхалъ ли кто-нибудь; потомъ, попрыгивая и напѣвая какую-то польку, стала опять въ ряды играющихъ. Вѣра! твоя очередь, сказала она одной изъ своихъ подругъ. Вася, лови! Вася, послушный и на этотъ разъ, бросился, растопыривъ руки и поймалъ Вѣру.... Всѣ разсмѣялись.

— Вотъ вы допустили меня поймать, проговорила Вѣра своему кавалеру, надувши губки, такъ и горите.

— Горите, Алексѣй Павловичъ! сказала Лиза, которой приходилась очередь бѣжать.

— Я и такъ сгараю, восторженно сказалъ молодой человѣкъ и, сдѣлавъ два шага, обхватилъ ее.

— Вы нарочно поддались, замѣтили ей. Лиза покраснѣла, но ничего не отвѣтила.

Пары мѣнялись. Вотъ очередь Кати и Львова. Дѣвушка бѣжитъ, увертывается, поворачиваетъ назадъ. Нельзя такъ! Нельзя! кричатъ ей. Можно, отвѣчаетъ она и схватывается съ Львовымъ. Мы опять вмѣстѣ, шепчетъ онъ, и шпора его запутывается въ ея длинномъ, легкомъ платьѣ и разрываетъ его.

— Боже мой! что это съ вами сегодня? сказала Катя, осматривая свое новое платье, которое такъ шло къ ней, и слезы навернулись на ея глазахъ.

Львовъ растерялся до того, что рѣшительно не зналъ, что ему дѣлать. Катя покачала головой и пошла въ домъ. Игра разстроилась. Всѣ сердились на Львова, особенно Лиза, которой не удалось побѣгать съ своимъ кавалеромъ.

— Какой вы сегодня несносный, Михаилъ Петровичъ, сказала она, подходя къ нему въ припрыжку.

— Скажите лучше — несчастный.

— Почему же?... и Лиза завертѣлась на одной ножкѣ.... Ловите меня, Алексѣй Петровичъ.... Павловичъ.... Ахъ! никогда не могу запомнить ваше имя, сказала она своему кавалеру.

— Алексѣй Павловичъ, подсказалъ онъ съ улыбкой.

— Ну да, Алексѣй Павловичъ, ловите меня.

— Я уже васъ поймалъ, сказалъ онъ выразительно.

— Вы думаете, отвѣтила она съ усмѣшкой, давъ знать, что поняла его намекъ, и она опять запрыгала, напѣвая: соловей мой, соловей....

— Какой вы прелестный ребенокъ!

— Я ребенокъ? повторила она, кусая съ досады губы.

— Да вы меня просто съ ума сведете.

— Полноте, я васъ не понимаю; пойдемте домой.... всѣ ушли.... и она побѣжала впередъ, желая скрыть раскраснѣвшіяся щеки.

Что же это? она шутитъ со мной или въ самомъ дѣлѣ ребенокъ? подумалъ Алексѣй Павловичъ, идя за дѣвочкой 17 лѣтъ и смотря на ея хорошенькое платье, и онъ тихо пошелъ за ней въ нерѣшительности. Это было немудрено; Алексѣй Павловичъ только что кончилъ курсъ въ университетѣ и совершенно не зналъ свѣта. Въ немъ сохранился и юношескій энтузіазмъ къ наукѣ и пылкая вѣра въ жизнь. Лиза подмѣтила это, безпрестанно распрашивала его о томъ, о другомъ и Алексѣй Павловичъ, удивленный такой любознательностію, съ нетерпѣніемъ ожидалъ минуты, когда можно будетъ промѣнять роль наставника на званіе мужа.

Между тѣмъ пока играли на дворѣ, дома происходила другая сцена.

— Ахъ, какая неосторожность! кого это угораздило, сказалъ Өедоръ Ивановичъ Торшъ, входя въ залу и онъ отчаянно всплеснулъ руками,—и вѣрно опять этотъ головорѣзъ: онъ готовъ все переломать и перебить своей саблей.

— Ахъ! какой ты болванъ! какъ я погляжу, сказала Марья Ивановна своему мужу, убѣдившись, что всѣ гости вышли изъ комнаты.

— Да какъ же душечка, вѣдь вчера только поправили всю мебель, ты же все бранишься....

— И что у тебя за охота принимать такихъ.... такихъ.... и бѣдный Өедоръ Ивановичъ не могъ окончить фразы. Марья Ивановна, молча, смотрѣла на него.

— Продолжайте, продолжайте! гнѣвно шипѣла раздраженная супруга.

— Душечка! За что же ты на меня сердишься? вѣдь онъ сломалъ столъ, а не я; я и не былъ въ комнатѣ и не зналъ, что здѣсь дѣлается.

— Лучше бы и вовсе не приходили сюда. Торшъ стоялъ посреди комнаты и съ удивленіемъ посматривалъ то на жену, то на сломанный столъ. Онъ все-таки не могъ понять, почему жена бранитъ его и не сердится на Львова.

— Вы вѣчно суетесь не въ свое дѣло... убирайтесь на кухню лучше и присмотрите за поваромъ, чтобы онъ не укралъ чего-нибудь.... Да чтобы все было хорошо. Слышите, сударь?...

— Слышу, душечка моя. Онъ въ раздумьи пошелъ изъ комнаты, постоялъ у дверей, еще разъ посмотрѣлъ на жену и вышелъ.

— Theodore! закричала ему въ слѣдъ Марья Ивановна. Онъ съ радостію бросился назадъ въ залу и подбѣжалъ къ женѣ... Возьми столъ-то, болванъ, вынеси... сказала она гнѣвно сдержаннымъ голосомъ, и этого не догадается сдѣлать!...

Өедоръ Ивановичъ схвативъ столъ и отломанную ножку, пошелъ изъ комнаты, все размышляя про себя, что все это значитъ?...

— Вотъ поживи съ такимъ мужемъ, такъ поневолѣ сдѣлаешься умной... все приходится самой обдумывать... Двѣ дочери на рукахъ, да сынъ болванъ... весь въ отца, прости Господи, такъ подумаешь, погадаешь!... Никто не поможетъ мнѣ, такъ сама буду стараться. Катю-то я научила хорошо... поняла, бестія! такъ и разсыпается... и краснѣть выучилась такъ кстати.... подумаешь, и въ самомъ дѣлѣ влюблена, да меня только не обманетъ.... она мои уроки только вытвердила, и Марья Ивановна самодовольна улыбнулась и вышла въ сосѣднюю комнату. Она достала изъ большаго шкафа разныя тарелки и начала раскладывать фрукты. Матрена! крикнула она.

Взошла дѣвушка въ грязномъ платьѣ и съ растрепанными волосами.

— На кого ты похожа?! посмотри, пожалуйста!... У насъ гости, а ты ходишь тряпкой.... Поди, причешись... Дѣвушка вышла. Матрена! закричала вновь Марья Ивановна. Матрена вернулась. Позови барина, да поскорѣй... Черезъ двѣ минуты, запыхавшись, вбѣжалъ Торшъ.

— Что прикажешь, душечка? ласково спросилъ онъ жену свою.

— Вамъ все надо приказывать; сами не догадаетесь; разложите эти фрукты, да вымойте прежде руки.

— У меня чисты, сказалъ Ѳедоръ Ивановичъ, показывая толстыя, красныя руки свои.

— Хорошо, хорошо.... дѣлайте свое дѣло. И она сѣла въ большое кресло, которое стояло у окна. Оттуда они могли смотрѣть на игру молодыхъ людей, собиравшихся у ней всякое воскресенье. Повидимому она осталась довольна своими наблюденіями и даже улыбнулась. Ѳедоръ Ивановичъ робко и искоса поглядывалъ на нее.

— Что вы все смотрите на меня? Еще тарелки перебьете.

— Я радуюсь, что ты такая сегодня веселая и добрая. (Онъ привыкъ къ брани жены въ отношеніи всѣхъ и себя въ особенности). Сегодня Львовъ сломалъ столъ — и ты ничего.

— Да что ты присталъ ко мнѣ съ Львовымъ. По-твое-

му надо выгнать жениха нашей почери за то, что нечаянно уронилъ столъ.

— Жениха? съ удивленіемъ воскликнулъ Торшъ, жениха нашей дочери?...

— Ну да, жениха. Чего орешь-то, вѣдь это еще въ секретѣ.

— Въ секретѣ? машинально повторялъ онъ, удивляясь все болѣе и болѣе.

На дворѣ раздался въ это время громкій хохотъ. Марья Ивановна взглянула въ окно. Львовъ стоялъ около Кати. Пусть веселятся! проговорила она.

— Которой же дочери онъ женихъ? спросилъ Өедоръ Ивановичъ.

— Ну, что за вопросъ? Конечно Кати.... Лиза еще дитя, въ коротенькомъ платьѣ ходитъ.

— Лизѣ семнадцать лѣтъ...

— Вы это при комъ-нибудь еще скажете... Вотъ одолжите-то, съ испугомъ, оглядываясь, сказала Марья Ивановна, боясь, чтобы ихъ кто-нибудь не подслушалъ. Өедоръ Ивановичъ испугался тоже. Онъ вспомнилъ, что дѣйствительно какъ-то разсказалъ, что Катѣ 22 года, Лизѣ 17, а Васинькѣ 28 и что онъ служитъ безъ жалованья, такъ, изъ чиновъ, потому что былъ исключенъ изъ гимназіи за какую-то шалость. Да что же за бѣда? подумалъ онъ, вѣдь когда-нибудь узнаютъ и что за охота женѣ все секретничать. Да и теперь зачѣмъ скрывать, что Львовъ женихъ Кати? Надо радоваться.... Я просто вышелъ бы на крыльцо да и крикнулъ бы: любезная дочь наша Екатерина Өедоровна Торшъ вступаетъ въ законный бракъ съ Михайломъ Петровичемъ Львовымъ, корнетомъ уланскаго полка; въ чемъ и удостовѣряю. Многія лѣта, многія лѣта! крикнули бы мнѣ и Өаддей Өомичъ, и Анна Сидоровна и всѣ, всѣ... а я раскланялся бы и благодарилъ... и онъ дѣйствительно поклонился всѣмъ своимъ туловищемъ. Тарелки, которыя онъ держалъ, покачнулись и бергамоты посыпались по полу. Въ эту минуту вбѣжала Катя въ изорванномъ платьѣ.

— Какъ это тебя угораздило? вскрикнула Марья Ивановна.

— Да этотъ дуракъ шпорами своими разорвалъ; ну, ужъ хорошъ женихъ!

— Тише, тише, матушка.... услышитъ, такъ сама не будешь рада.

Гости входили въ залу. Маменька и дочка приняли веселый видъ; даже и отецъ улыбнулся; онъ радъ былъ, что хоть изорванное платье дочери выручило его отъ неизбѣжной бѣды, и онъ проговорилъ ласково: ничего, Катенька, надѣнь другое платье.... у тебя много ихъ; я завтра тебѣ новое куплю.... сама поѣдешь выбирать... Дочь съ чувствомъ бросилась цѣловать отца, причемъ смяла ему высокіе, накрахмаленные воротнички. Между тѣмъ въ залѣ устроивались танцы; Вася усаживался за фортепіано, барабанить по избитымъ клавишамъ. Катя одѣлась въ бѣлое кисейное платье, приколовъ розанъ на груди; вошедъ въ залу, она весело подала руку Львову и, улыбнувшись, сказала: я танцую съ вами; вы видите, что я не сержусь на васъ. Наконецъ Вася забрянчалъ, и кадриль началась къ общему удовольствію стариковъ и молодежи.

Ѳома Ѳомичъ ангажировалъ Лизу; она прыгала, хохотала и изрѣдка поглядывала съ насмѣшкой на Алексѣя Павловича.

— Старый да малый! шептала Марья Ивановна.

— Ангелъ, сущій ангелъ, повторяла Анна Сидоровна, умильно посматривая на танцующихъ, а гдѣ-же, матушка, вашъ благовѣрный?

— Онъ все по хозяйству; вы уже знаете, какой онъ у меня! Онъ за всѣмъ у меня присмотритъ, такой право добрый! ужъ можно сказать, счастлива я. А дѣти-то, Анна Сидоровна, только утѣшаютъ меня... вотъ, положимъ, Катенька.

— Невѣста уже...

— Какая невѣста! она выросла только, а въ душѣ просто дитя... ей-бы поиграть, побѣгать... Ужъ я ее все останавливаю, говорю: ты ужъ не маленькая... а она мнѣ; маменька, дайте поиграть...

Танцы продолжались долго. Послѣ ужина, Львовъ, надѣвъ свою саблю, просилъ позволенія пріѣхать на другой день утромъ.

— Я всегда рада васъ видѣть, отвѣчала Марья Ивановна. Попался... подумала она.

Между тѣмъ Лиза помирилась съ Алексѣемъ Павловичемъ и тихонько повѣряла ему, что она уже не дитя, что ей сошьютъ длинное платье, что маменька не даетъ ей читать романовъ; но она и не жалѣстъ объ этомъ: она такъ любитъ естественную исторію, ботанику. Поучите меня чему нибудь, Алексѣй Павловичъ.... я такъ люблю заниматься.

— Съ большимъ удовольствіемъ....

— Приходите къ намъ чаще.... маменька будетъ рада васъ видѣть.... она васъ такъ любитъ, и Лиза ему улыбнулась.... Алексѣй Павловичъ былъ въ восхищеньи.

II.

Марья Ивановна была изъ княжескаго рода; дѣдъ ея князь Даниловскій промоталъ имѣнье, находившееся въ Саратовской губерніи. Отецъ продалъ остальное и переѣхалъ въ Москву съ женой и дочерью Машенькой, которой уже было двадцать пять лѣтъ. Они тщательно вывозили ее на балы и гулянья, давали великолѣпные вечера и говорили всѣмъ, что дочь ихъ единственная наслѣдница. Старикъ особенно любилъ разсказывать про удивительное устройство своего имѣнія, про фабрики и заводы. Въ этихъ разсказахъ онъ не прибавлялъ ничего, а утаивалъ самое главное, что имѣнье продано и они проживаютъ послѣднія деньги. Наступила критическая минута. Жениховъ было много, но безъ состоянія. Марья Ивановна, узнавъ по опыту, что званіе не кормитъ, рѣшилась выйдти замужъ за одного богатаго негоціанта, Ѳедора Ивановича Торшъ, владѣтеля двухъ домовъ и значительнаго капитала. На другой день свадьбы Марья Ивановна со слезами на глазахъ призналась мужу, что за ней нетолько нѣтъ приданаго, но еще были долги, которые приходилось ему выплачивать. Прости меня, другъ мой! говорила она, рыдая, я изъ любви къ тебѣ рѣшилась на обманъ. Ты бы не женился на мнѣ, а я хотѣла принадлежать тебѣ. Торшъ повѣрилъ ей, заплатилъ долги и принялъ родныхъ ея въ свой домъ. Даниловская, привыкнувъ къ открытой жизни, продолжала устроивать вечера на счетъ зятя. Но прежніе знакомые ихъ оставили. Спѣсивое барство выгнало ихъ изъ своихъ

салоновъ и съ презрѣніемъ отзывалось о такомъ бракѣ. Общество купцовъ было грязно для Марьи Ивановны и она должна была войти въ средній кругъ,—гдѣ могла разыгрывать важную роль. Скоро капиталъ ихъ исчезъ. Торшъ продолжалъ торговлю, но доходовъ недоставало. Онъ вошелъ въ долги, заложилъ дома и скоро дошелъ до совершенно безвыходнаго положенія. Нѣсколько разъ добрый Ѳедоръ Ивановичъ пробовалъ остановить свою жену, но она всякій разъ дѣлала такія сцены, что бѣдный старикъ закусывалъ губы и молчалъ понѣскольку мѣсяцевъ.

— Развѣ мало я для васъ сдѣлала! кричала она; я оставила всѣ знакомства, я никуда не могу выѣхать. Княжна Даниловская вышла за купца, да это не слыхано!.. А ты, неблагодарный, смѣешь бранить меня. Глупа я была, что пошла за такого болвана!.. Вы и въ торговлѣ-то ничего не смыслите... не можете прокормить жены.

Подобныя сцены происходили очень часто, почти каждый день. Между тѣмъ дѣти подростали. Не получивъ сама никакого серьезнаго воспитанія, Марья Ивановна постаралась научить ихъ только тому, что считалось необходимымъ въ свѣтѣ. Дочери ея болтали по-французски, танцовали, играли на фортепіано и отлично кокетничали съ молодыми людьми. Цѣль ихъ была, по словамъ матушки, выйдти замужъ.— А то останетесь въ дѣвкахъ, говаривала она, срамъ такой... всѣ смѣяться будутъ надъ вами, а я корми, одѣвай васъ, бѣлоручекъ.—Такъ выучите насъ чему-нибудь! говорили дочери.—Чему прикажете? вотъ братъ вашъ многому научился; стыдъ просто! чина заслужить не можетъ.

Такой примѣръ ясно доказывалъ безполезность труда; къ тому же онѣ хорошо слышали, какъ мать ихъ вышла замужъ и стали изучать во всѣхъ тонкостяхъ охоту на жениховъ.

Торшъ, давая вечера каждое воскресенье, принимали къ себѣ молодыхъ людей. Но надо признаться, что они были разборчивы въ выборѣ знакомыхъ. Изъ мужчинъ они приглашали только тѣхъ, которые могли составить выгодную партію ихъ дочерямъ; изъ дѣвицъ, разумѣется, тѣхъ, которыя не могли соперничать съ ними ни умомъ, ни красотой, ни состояніемъ. Тактика эта строго наблюдалась нѣсколько

лѣтъ, но безъ успѣха; иныхъ пугалъ характеръ Марьи Ивановны, другіе благоразумно сомнѣвались въ состояніи Торшъ, хотя Марья Ивановна не переставала распускать слухи, что даетъ за старшей дочерью сто тысячъ и каменный домъ.

Время шло; вотъ Катѣ уже 21 годъ; подруги ея почти всѣ были замужемъ. Она съ ужасомъ смотрѣла на будущую жизнь; въ домѣ было невыносимо слышать каждый разъ упреки матери.—Ты виновата сама, что никто не сватается за тебя, говорила ей мать; посмотри, Лиза скорѣй тебя выскочитъ, а что я буду съ тобой дѣлать.. у насъ ничего не остается, вечерамъ скоро будетъ конецъ.

— Чѣмъ же я виновата? говорила со слезами Катя; мнѣ уже 21 годъ, не могу же я прыгать, какъ Лиза. И въ душѣ своей она ненавидѣла сестру, завидовала ей и рѣшилась выйдти замужъ за перваго встрѣчнаго. Выборъ ея палъ на Петра Николаевича Лобкова. Интрига завязалась скоро; молодой человѣкъ былъ увлеченъ ея наивно-дѣтскимъ разговоромъ, ея голубыми глазами, которые глядѣли на него съ такой мягкостью, сулили столько счастья, что онъ рѣшился сдѣлать ей предложеніе. Онъ зналъ, что за ней нѣтъ приданаго, но онъ имѣлъ маленькій домикъ, гдѣ жилъ съ матерью и получалъ порядочное жалованье.

Катю ужасала такая жизнь; она не могла трудиться; но дома было еще хуже, и она, разыгравъ роль влюбленной, приняла предложеніе. Марьѣ Ивановнѣ не нравился этотъ выборъ; но нечего было дѣлать, она дала свое согласіе, прося только не объявлять до свадьбы. А можетъ быть кто нибудь и получше подвернется въ это время, думала она.

Чрезъ нѣсколько времени Петра Николаевича послали куда-то по службѣ мѣсяца на два, обѣщая дать ему хорошее мѣсто, если онъ удачно исполнитъ это порученіе.

Лобковъ съ радостью собрался въ дорогу и на прощаньи обмѣнялся кольцами съ невѣстой. Носи его! сказалъ онъ, надѣвая на ея пальчикъ бирюзовое кольцо, это символъ нашей любви, и онъ восторженно цѣловалъ Катю. Ты будешь мнѣ писать?

— Да, милый.... отвѣчала она.

Отчего онъ не богатъ! Я была бы счастлива; какъ онъ меня любитъ! думала она, грустно смотря на него.

Не грусти! Я скоро пріѣду, утѣшалъ онъ,и тогда ты будешь моя?

— Твоя, говорила она.

Лобковъ уѣхалъ; Катя навѣщала старушку мать его, прекрасную женщину. Елена Матвѣевна, такъ звали ее, жила для сына; счастье его она считала своимъ счастіемъ. Ей не совсѣмъ нравилось семейство Торшъ, но любовь сына къ Катенькѣ заставила ее согласиться на бракъ.

Въ это время пріѣхалъ въ Москву Михаилъ Петровичъ Львовъ. Онъ былъ сынъ отставнаго ротмистра, который выше всего на свѣтѣ считалъ собакъ и лошадей. Эта страсть обошлась ему не дешево: вскорѣ всѣ 500 душъ его были заложены и перезаложены. Дочери богатыхъ помѣщиковъ не шли за него; поправить состоянія выгодной женидьбой не представлялось и онъ принужденъ былъ спуститься пониже. Съ помощью свахъ и лакеевъ ему удалось наконецъ увезти дочь одного богатаго купца, въ надеждѣ, что тотъ посердится, да и перестанетъ. Но вышло не такъ. Купецъ былъ упрямъ, да въ-добавокъ старообрядецъ. Онъ проклялъ дочь, не видался съ ней всю жизнь, а, умирая, оставилъ все имѣніе какому-то раскольничьему скиту. Бѣдная женщина скоро поняла, что мужъ не любилъ ее.

Обращеніе его было грубое и даже жестокое; онъ видимо сталъ мстить ей, когда потерялъ послѣднюю надежду на полученіе богатаго наслѣдства. Жена его много вынесла оскорбленій, побоевъ и черезъ 8 лѣтъ умерла, оставивъ сироту сына. Маленькій Миша былъ безпрестанно свидѣтелемъ домашнихъ драмъ: онѣ оставили въ душѣ его глубокое впечатлѣніе; загнатый, запуганный отцомъ, онъ только въ объятіяхъ матери находилъ утѣшеніе.... Съ раннихъ лѣтъ безотчетно онъ понялъ цѣну деньгамъ: жизнь вь семействѣ оставила неизгладимые слѣды въ его душѣ: корыстолюбіе и застѣнчивость...

Черезъ годъ по смерти, матери Миша былъ отданъ въ корпусъ. Пробывъ тамъ одинадцать лѣтъ, онъ былъ выпу-

щенъ корнетомъ въ с. уланскій полкъ и вскорѣ пріѣхалъ въ деревню.

Отецъ его померъ не задолго передъ тѣмъ. Имѣнье было въ самомъ скверномъ состояніи. Что оставалось дѣлать? Михаилъ Петровичъ не былъ приготовленъ къ труду; воспитаніе не указало ему никакой положительной цѣли; познанія его были менѣе чѣмъ поверхностныя; онъ учился многому и ничего не вынесъ изъ этого многаго; въ сельскомъ хозяйствѣ онъ ничего не смыслилъ, къ тому же какъ заглохнуть въ деревнѣ? жизнь такъ хороша, такъ привлекательна и свѣжа; его манили въ столицу и молодыя мечты и новенькіе эполеты. Михаилъ Петровичъ ни за что не хотѣлъ похоронить себя въ деревенской глуши; онъ рѣшился поправить дѣла выгодной женидьбой, тѣмъ болѣе, что полкъ ихъ славился такими оборотами. Всѣ офицеры были въ восторгѣ отъ корнета Краснокутскаго, который женился на пятидесятилѣтней старухѣ и взялъ за ней 300 тысячъ; всѣ благоговѣли предъ полковымъ командиромъ, который взялъ за женой, совершеннымъ уродомъ, полміліона. Цифры эти заставляли молодежь неутомимо танцовать и любезничать.

Вскорѣ Михаилъ Петровичъ увидѣлъ, что конкуренція слишкомъ велика, неопытность и застѣнчивость мѣшали ему на каждомъ шагу, и потому онъ взялъ отпускъ и отправился въ Москву, гдѣ, какъ говорятъ, невѣстами хоть прудъ пруди.

Скоро онъ познакомился съ семействомъ Торшъ. Завѣтныя мечты его осуществлялись и онъ уже разсчитывалъ какъ блеснетъ предъ петербургскими товарищами хорошенькой женой и приличнымъ за ней приданымъ.

На другой день описаннаго нами вечера, Өедоръ Ивановичъ не пошелъ въ контору, а хлопоталъ, чтобы чище убрали въ комнатѣ. Васеньку послали къ Депре за шампанскимъ. Сама Марья Ивановна, безъ крика и брани, одѣтая по праздничному, отдавала приказанія. Всѣ дожидали жениха. Дочери разодѣтыя гуляли по саду.

— А если Петръ Николаевичъ пріѣдетъ? сказала Лиза, пристально взглядывая на сестру; что тогда дѣлать?

— Откажемъ.

— Онъ можетъ надѣлать тебѣ непріятностей; у него есть твои письма.

— Маменька не велѣла безпокоиться объ этомъ; она взялась устроить все, спокойно отвѣчала невѣста.

— А ты что скажешь? приставала Лиза, вѣдь ты увѣряла его, что любишь...

— Онъ бѣденъ, а этотъ богатъ.

— Ты такъ и отвѣтишь.?

— Нѣтъ, я скажу, что маменька меня насильно отдаетъ.

— Ха, ха, ха! Вотъ такъ романъ!

— Полно прыгать! вѣдь никого нѣтъ здѣсь!

— Не долго мнѣ прыгать; маменька обѣщалась сшить длинное платье, я тоже скоро выйду замужъ.

— А что, развѣ твой вздыхатель тоже объяснился съ тобой?

— Нѣтъ еще.

— Такъ держи ухо востро; вѣдь эти сладенькіе ухаживаютъ, ухаживаютъ, а глядишь, и женятся на другой.

— Не бойся! я выучу двѣ страницы изъ ботаники Шлейдена, онъ и растаетъ.

— Удивляюсь твоему терпѣнью.

Раздался звонокъ; всѣ засуетились.

— Вы останьтесь въ саду! крикнула Марья Ивановна дочерямъ своимъ и бросилась навстрѣчу Львову, который, гремя саблей, входилъ въ это время въ залу. Өедоръ Ивановичъ замѣтивъ на одномъ стулѣ пыль, мимоходомъ стеръ ее рукою, боясь, чтобы не замѣтила жена его. Послѣ обычныхъ фразъ о здоровьи и погодѣ, Михаилъ Петровичъ сказалъ, что пріѣхалъ просить руки дочери ихъ Катерины Өедоровны.

— Вы знаете, любезный Михаилъ Петровичъ, какъ мы воспитываемъ дѣтей своихъ?

— Въ совершенномъ повиновеніи, наобумъ вклеилъ Өедоръ Ивановичъ.

— Да, въ совершенномъ повиновеніи, съ дасадой повторила Марья Ивановна; но на этотъ разъ мы не можемъ употребить родительской власти своей. Катя уже совершеннолѣтняя.

— Совершенно..........

Грозный взглядъ жены остановилъ Өедора Ивановича.

— И дочь наша свободна располагать своимъ выборомъ.

— Я надѣюсь, что Катерина Өедоровна не откажетъ мнѣ.

— Я ничего не могу сказать за нее, хотя, признаюсь, я бы желала отъ всего сердца назвать васъ сыномъ своимъ.

— Мы любимъ васъ какъ родного, прибавилъ Торшъ, взглядывая на жену.

— Я съ нетерпѣніемъ ожидаю своей участи, потому что все счастіе мое зависитъ отъ васъ.

— Не отъ насъ, повторяю вамъ; все зависитъ отъ Кати.

Позвали Катерину Өедоровну. Мать торжественно объявила ей причину пріѣзда Львова. Катя нагнула голову и покраснѣла.

— Ты знаешь, другъ мой, что ты совершенно свободна. Мое дѣло было дать тебѣ воспитаніе, сдѣлать изъ тебя покорную дочь, скромную дѣвицу, чтобъ ты могла сдѣлать счастливымъ того, съ кѣмъ соединишь судьбу свою. Теперь мы ждемъ твоего отвѣта.

— Маменька! проговорила Катя дрожащимъ голосомъ, вы такъ заботились о моемъ счастьи, что я не хочу и теперь поступать противъ вашего желанія. Өедоръ Ивановичъ былъ растроганъ и утиралъ слезы. Лиза стояла за дверями и хохотала. Комедія разыгрывалась превосходно.

— Другъ мой! сказала Марья Ивановна, обнимая свою дочь; я могу только сказать, что Михаила Петровича мы любили какъ родного.

Катя взглянула на отца, какъ бы ожидая его совѣта.

— Какъ родного, повторилъ Өедоръ Ивановичъ и вынулъ фуляровый платокъ и громко высморкался. Львовъ въ лихорадочномъ ожиданіи смотрѣлъ на всѣхъ и не могъ выговорить ни слова. Участь его рѣшалась: сто тысячъ или ничего.

Всѣ молчали. Марья Ивановна натирала платкомъ глаза; Катя краснѣла и, казалось, обдумывала отвѣтъ...

— Какъ вамъ угодно, шептала она, цѣлуя мать.

— Но ты, мой другъ?.. Я не хочу тебя выдавать насильно.

— Я... я согласна, и она протянула свою руку Михаилу Петровичу. Женихъ осыпалъ ее поцѣлуями. Марья Ивановна

принесла образъ и благословила ихъ; потомъ явились Васинька и Лиза, откупорили шампанское и начались поздравленія.

— Какъ я счастливъ! сказалъ Львовъ, оставшись съ Катей одинъ въ комнатѣ. Сто тысячъ и вдобавокъ хорошенькая невѣста! думалъ онъ, засматриваясь на нее. И дѣйствительно, она была не дурна, особенно въ эту минуту: щеки ея горѣли, счастье свѣтилось въ ея голубыхъ глазахъ, грудь тяжело подымалась и розовыя губки манили на поцѣлуй.

— Да, мы счастливы! отвѣтила Катя съ непритворнымъ чувствомъ.

Она не любила Михаила Петровича, но ей представлялась возможность вырваться на свободу, не слышать упрековъ; она будетъ полная хозяйка, будетъ управлять богатымъ мужемъ, какъ учила ее мать; но все же нельзя не чувствовать благодарности.

— Да, мы счастливы! повторила она; а что такое счастье?..

— Счастье — это любовь, отвѣтилъ онъ, а мы любимъ другъ друга.

— Такъ вы очень любите меня? спросила Катя съ наивнымъ кокетствомъ, пристально посмотрѣвъ ему въ глаза и опираясь руками объ его руку.

— Безпредѣльно... это первая моя любовь.... а вы тоже любите меня?

— Я никого не любила кромѣ васъ и никого не буду любить.... Послѣднее было правда.

Михаилъ Петровичъ съ жадностію прильнулъ къ ея бѣленькой ручкѣ и увидалъ бирюзовое кольцо. Онъ вздрогнулъ и пристально посмотрѣлъ на невѣсту; что-то непріятное кольнуло его въ сердце; онъ старался что-то припомнить. Катя сконфузилась, замѣтивъ взглядъ его; она хотѣла уйдти.

— Куда вы идете, Катерина Ѳедоровна?

— Мнѣ показалось, что маменька меня зоветъ.

Въ это время кто то позвонилъ. Лиза побѣжала узнать, кто пріѣхалъ.

— Скажите мнѣ, откуда у васъ это кольцо? спросилъ Львовъ, удерживая Катю.

— Ха, ха, ха! что за любопытство!..

— Такъ.... у меня было такое же кольцо.

— Гдѣ же оно?... потеряли?...

— Я подарилъ его другу моему Лобкову.

Елена Матвѣевна Лобкова пріѣхала, доложила Лиза, вбѣгая въ гостиную. Львовъ взглянулъ на Катю.

— Это она мнѣ подарила, проговорила невѣста, идя на встрѣчу гостьѣ.

— Вретъ! подумалъ Михаилъ Петровичъ, остановившись среди комнаты; здѣсь что нибудь да есть... А чортъ съ ними! сто тысячъ, каменный домъ.... да пусть ее вретъ!... И онъ съ улыбкой раскланялся всѣмъ и поспѣшилъ уѣхать, получивъ приглашеніе навѣщать ихъ какъ можно чаще.

— Катя! я пріѣхала къ тебѣ съ радостію, сказала старушка нѣжно, усаживаясь на диванъ. Петя скоро пріѣдетъ, я получила отъ него письмо.—Молодая дѣвушка покраснѣла и не знала, что говорить.—Вижу, вижу, что рада, продолжала Лобкова, ну, чего же конфузиться?... вѣдь не чужой.... женихъ твой....

— Елена Матвѣевна! тихо проговорила Катя, я хотѣла вамъ сказать....

— Говори, говори дружочекъ!

— Елена Матвѣевна!... я выхожу замужъ.... меня сегодня благословили.

— Старушка съ удивленіемъ смотрѣла на нее.

— Да какъ же это? . За кого?...

— За этого офицера, котораго вы видѣли сейчасъ...

— А Петя?... развѣ ты забыла его?... ты его больше не любишь?...

— Елена Матвѣевна! простите меня... я не виновата... меня отдаютъ насильно... я не люблю жениха своего.

— Такъ я вступлюсь... Петя скоро пріѣдетъ....

— Нѣтъ, нѣтъ! живо перебила ее Катя; не дѣлайте этого! я должна исполнить волю маменьки.

Что же это? думала Лобкова; она глядѣла вокругъ себя, на Катю—и не могла, не хотѣла вѣрить своему горю. Какъ же я скажу ему?... Катя; Катя! что же будетъ съ моимъ Петей... съ моимъ милымъ сыномъ?... Да почему же это?

— Онъ богатъ... тихо сказала Катя.

— Богатъ... и Елена Матвѣевна вздрогнула, а мой сынъ

бѣденъ! сказала она, вставая. Она грустно посмотрѣла на невѣсту, покачала головой... Прощай, Катя, но помни мои слова: не будешь ты счастлива! и она поспѣшила уѣхать домой.

Марья Ивановна все слышала изъ сосѣдней комнаты и съ радостію видѣла, какъ уѣхала Лобкова...

Наконецъ-то развязались! вѣдь говорила я тебѣ, что съ этой голью нечего и связываться, сказала она Катѣ; ну да хорошо, что такъ кончилось...

III.

Весело возвращался Петръ Николаевичъ въ Москву. Дѣла его задержали долѣе, чѣмъ онъ предполагалъ. Это была первая разлука съ матерью; онъ писалъ часто и получалъ письма, исполненныя любви, отъ матери своей и отъ невѣсты. Уже онъ представлялъ себѣ картину тихой, семейной жизни, онъ вѣрилъ въ счастіе!...

Ему пришлось проѣзжать мимо дома Торшъ. Былъ вечеръ; окна были освѣщены, музыка гремѣла. Онъ велѣлъ остановиться экипажу, прошелъ ни кѣмъ не замѣченный въ садъ, откуда могъ видѣть, что происходило въ залѣ. Онъ совѣстился взойти въ дорожномъ костюмѣ; но не могъ утерпѣть не повидать своей невѣсты, своей милой Кати.

Множество гостей наполняло комнаты: сначала онъ не могъ ничего разглядѣть: всѣ вертѣлись, двигались; но вотъ она мелькнула съ какимъ-то офицеромъ,—и опять не видать ничего. Въ это время кто-то выходилъ изъ комнатъ,—онъ спрятался за дерево; шаги утихли,—онъ опять началъ смотрѣть. Онъ видитъ Катю, она идетъ подъ руку съ офицеромъ. Лобковъ не обратилъ на него вниманія, только она, — она одна передъ его глазами!... Какъ хороша она, точно невѣста: вся въ цвѣтахъ!... Но они идутъ въ садъ, Лобковъ опять спрятался.

— Какъ ты хороша! говорилъ чей-то знакомый голосъ.

— Любовью къ тебѣ, мой милый!

Раздался поцѣлуй, Лобковъ вздрогнулъ. Въ двухъ шагахъ отъ него стоялъ Михаилъ Петровичъ Львовъ, его быв-

шій товарищъ и другъ, и Катерина Ѳедоровна Торшъ, его невѣста.

Вечеръ былъ чудно хорошъ; воздухъ былъ тихъ, такъ тихъ, что травка не шелохнулась. Огромныя, бѣлыя березы раскидисто бросали тѣнь на дорожки и куртины, наполненныя цвѣтами. Свѣтъ безчисленныхъ огней, прорываясь въ окна, ложился длинной бѣлой полосой, а сквозь густыя вѣтви просвѣчивала луна, выглядывая изъ-за облаковъ; звѣзды мерцали въ вышинѣ, чудный былъ вечеръ!... Долго ходила Катя съ Львовымъ, долго смотрѣлъ Лобковъ. Не одинъ поцѣлуй доносился до него!... Не одна фраза любви кольнула его сердце!... Чего же ждалъ онъ?... чего же онъ надѣялся?... Все тише и тише было на улицѣ; изрѣдка шаги запоздалаго пѣшехода слышались по тротуару, или извощикъ, возвращаясь на ночлегъ, напѣвалъ:

«Отгадай, моя родная,
Отчего я такъ грустна?»

И эта пѣсня, слышанная имъ такъ часто, нашла отголосокъ въ его разбитомъ сердцѣ. Слезы покатились по щекамъ «Богъ съ ней!» тихо прошепталъ онъ и, махнувъ рукой, ни кѣмъ не замѣченный, вышелъ на улицу и поѣхалъ домой. Грустно встрѣтила его старушка. «Я все знаю!» сказалъ онъ и упалъ въ объятія матери.

Уныло потекла жизнь Лобковыхъ. На службу Петръ Николаевичъ отправлялся такъ, — по привычкѣ. Дома сидѣлъ молча, ни съ кѣмъ не занимался, ни съ кѣмъ не разговаривалъ, даже съ матерью избѣгалъ видѣться. Онъ не могъ забыть Кати, хотя и потерялъ къ ней уваженіе. Сперва онъ эгоистически думалъ только о себѣ; онъ видѣлъ всѣ свои мечты, всѣ свои надежды разрушенными; отъ жизни онъ ничего не ожидалъ; два раза нельзя полюбить, а безъ любви что за счастье! говорилъ онъ. Но когда понемногу онъ привыкъ къ своему положенію, при воспоминаніи о Катѣ, представлялся другой вопросъ: будетъ ли она счастлива? И не найдя отвѣта на вопросъ свой, прибавлялъ: пусть будетъ, что будетъ!

Недѣли черезъ двѣ, когда Лобковы сидѣли въ маленькой столовой за чайнымъ столикомъ и, по обыкновенію, молчали или перекидывались общими фразами, Анна Сидоровна вошла въ комнату. Петръ Николаевичъ, раскланявшись, хотѣлъ уйдти.

— Куда же вы? съ упрекомъ замѣтила гостья; ну, что же дѣлать? ни одинъ человѣкъ не проживетъ безъ горя; вы думаете, что одни страдаете, а тамъ радуются?... сказала она, махнувъ головой въ ту сторону, гдѣ по ея расчету былъ домъ Торшъ. Не завидно и тамъ, милые мои!

— А что? съ любопытствомъ спросила Елена Матвѣевна.

— А вотъ мы прежде сядемъ, а потомъ и поговоримъ; и вы останьтесь съ нами старухами. Петръ Николаевичъ нехотя сѣлъ на стулъ. Да какая радость? продолжала она, подумайте сами: что поймали богатаго жениха и обманываютъ его?!... вѣдь я все знаю... сто тысячъ, матушка, сулятъ, да каменный домъ. А ужъ какъ ловили-то его, просто срамъ смотрѣть было... Онъ и столъ у нихъ сломалъ, и лампу разбилъ, новое платье у Кати разорвалъ — все ничего!... Ужъ я и тогда смекнула, говорю: вѣрно женихъ.... Куда ты! забожилась, заклялась.... какой женихъ! говоритъ: моя дочь дитя еще; ей бы все играть да бѣгать... Знаемъ эти игры!...

Петръ Наколаевичъ съ досадой слушалъ болтовню старой сплетницы.

— И не такихъ знавала, продолжала со вздохомъ Анна Сидоровна. Вотъ въ Петербургѣ мадамъ... какъ бишь ее... знаю только не русская, ну да не въ имени дѣло.... Ужъ на какія хитрости пускалась... У нихъ дочерей-то много, а денегъ-то нѣтъ... вотъ и вздумали учить старшаго сына... а ему уже 25 лѣтъ.

— Какъ, учить? воскликнула въ одинъ голосъ Лобкова.

— Такъ, учить! Къ нему всякій день собираются учителя, студенты изъ университета и читаютъ, какъ они говорятъ, лекціи, а маменька-то съ дочками, разряженныя, такъ и снуютъ, такъ и снуютъ.... Извѣстно, учителя понимаютъ, для чего пригласили ихъ... Вотъ они посидятъ, посидятъ у сына, да пойдутъ внизъ, будто чай пить, а тамъ и игры затѣятся... танцы... барышень не принимаютъ, такъ и

приходится вся плясать съ сестрами.... Чтожъ, матушка? до сихъ поръ ни одна не вышла.... Молодежь-то попьетъ, поѣстъ, да только выйдетъ за дверь—надъ ними же смѣется.

Всѣ молчали. Анна Сидоровна снова начала:

— А не будетъ счастлива, не будетъ, утвердительно сказала она, взглянувъ на всѣхъ; развѣ только богатство-то его....

— Про чье богатство говорите вы? спросила Лобкова.

— А какъ же?... извѣстно, про какое... говорятъ, у жениха-то, у Львова, 500 душъ крестьянъ, да домъ въ Петербургѣ.

— Говорятъ только, грустно проговорилъ Петръ Николаевичъ, а на дѣлѣ ничего нѣтъ, и онъ вышелъ изъ комнаты.

— Какъ нѣтъ! вскрикнула Анна Сидоровна, привскочивъ на диванѣ; матушка, да растолкуйте мнѣ пожалуйста....

Елена Матвѣевна разсказала что слышала отъ сына.

— Такъ, матушка! Это, какъ говорятъ, коса на камень нашла, или еще лучше: воръ у вора дубинку укралъ. Вотъ исторія-то! ахъ, ахъ, ахъ! и Анна Сидоровна начала сбираться.

— Куда вы спѣшите? посидѣли бы немножко; еще не поздно.

— Устала, домой поѣду, слабымъ голосомъ сказала Анна Сидоровна; стара ужъ стала.

Но не домой отправилась старуха. Она вспомнила, что было воскресенье и поѣхала къ Торшъ.

Шумно веселилась молодежь; какихъ не выдумывали игръ! и въ горѣлки и въ жмурки!... Веселый смѣхъ разносился далеко. Невѣста и женихъ, счастливые настоящимъ и представляя великолѣпныя картины въ будущемъ, безпечно предавались игрѣ; только Лиза веселилась не такъ, какъ прежде. Въ длинномъ платьѣ, она важно ходила между гостями и дѣлала колкія замѣчанія насчетъ сестры своей. Она завидовала ей. Въ послѣднее время Алексѣй Павловичъ смотрѣлъ на нее съ меньшею довѣренностію. Онъ зналъ исторію съ Лобковымъ, видѣлъ притворство старшей сестры и полагалъ, что меньшая воспитана въ той же школѣ. Лиза досадовала, начала говорить колкости и невольно высказа-

лась. Ей было еще досаднѣй, потому что Алексѣй Павловичъ все-таки бывалъ у нихъ и, стоя въ отдаленіи, съ упрекомъ смотрѣлъ на нее. Вѣдь ты не женишься на мнѣ, думала она, такъ чего же смотришь!... Не просидѣть же мнѣ въ дѣвкахъ изъ-за твоего хорошаго мнѣнія!... и она копировала сестру: находила любезное словцо всѣмъ безъ разбора, щурила глазки; но кандидата не находилось.

— Давно, давно я не была у васъ! сказала Анна Сидоровна, здороваясь съ Марьей Ивановной.

— Очень рада васъ видѣть; мы думали, ужъ не больны ли вы; все сбиралась васъ навѣстить.

— Куда вамъ! Въ хлопотахъ, я думаю, не видите, какъ время идетъ.

— Ну, нѣтъ; хлопоты не велики; мы приданое заказали въ магазинахъ....

— Хорошо богачамъ такъ поступать. А вотъ какъ у насъ только 60 душъ, такъ маменька все шила сама, да и меня бывало усадитъ.

— Нѣтъ; признаюсь, я Катю не неволю за работой; пускай повеселится, думаю, особенно теперь.

— Да и когда жъ веселиться, какъ не невѣстѣ? Ну, а Лизанька, я думаю, тоже не засидится у васъ?

— Не знаю, какъ Богъ устроитъ.

— Вы все секретничаете, съ досадой сказала Анна Сидоровна; смотрите, чтобъ не вышло худо, и она отошла къ играющимъ.

— Анна Сидоровна, и вы съ нами будете играть? сказала любезно Катя.

— Вы будете котелъ, проговорила Лиза.

— Въ которомъ сто тысячъ наличными денежками, язвительно произнесла Анна Сидоровна, взглядывая на Львова Невѣста покраснѣла; игра продолжалась; стали разыгрывать фанты; Аннѣ Сидоровнѣ досталось пѣть и она затянула заунывную свадебную пѣсню.

— Нѣтъ, это скучно.... это наводитъ тоску, сказала невѣста.

— Безъ скуки ни одна свадьба не обойдется.

Игра замѣтно разстроилась. Марья Ивановна, замѣтивъ

это, поспѣшила позвать всѣхъ въ комнаты; хотѣли устроить танцы; Васинька отказался играть; у него былъ обрѣзанъ палецъ, другіе не умѣли или не хотѣли быть музыкантами; гости парами ходили по комнатамъ.

— Какъ измѣнилась Лизанька! начала Анна Сидоровна, придвигаясь къ хозяйкѣ; она сдѣлалась совершенной дѣвицей.

— Да, она хочетъ замѣнить въ домѣ старшую сестру; такая хозяйка сдѣлалась, за всѣмъ приглядитъ, распорядится, а Катенька сегодня мороженое сама дѣлала... говоритъ, выйду замужъ, все должна умѣть дѣлать.

— Примѣрныя у васъ дѣти, Марья Ивановна! только знаете.... вы не сердитесь за совѣтъ... надо бы поосторожнѣе быть....

— Что такое?

— А насчетъ жениха-то.... вы польстились, откровенно сказать, на богатство его, а вѣдь, говорятъ, у него въ карманахъ-то пусто; онъ надѣется отъ васъ получить сто тысячъ.

— Кто сказалъ вамъ это? съ волненіемъ спросила Марья Ивановна и лицо ея покрылось пятнами.

— Я была сейчасъ у Лобковыхъ: Петръ Николаевичъ-то былъ товарищъ Львова, такъ знаетъ его хорошо.

— Все изъ зависти голь эта болтаетъ, а вы сплетничаете только, гнѣвно произнесла Марья Ивановна.

Анна Сидоровна вспыхнула; разсердилась не на-шутку и за себя и за Лобковыхъ, и поспѣшила уйдти домой, не простившись съ хозяйкой. Катя, замѣтивъ съ проницательностью женскаго инстинкта волненіе матери и негодованіе Анны Сидоровны, догадалась въ чемъ дѣло. Не желая допустить жениха быть свидѣтелемъ новой непріятной сцены, она немедленно отвела его въ другую комнату... Марья Ивановна, боясь, что слухъ распространится и дойдетъ до самого Львова, поторопилась свадьбой, и все остальное предоставила на волю судьбы...

Прошло нѣсколько лѣтъ. Въ небольшой комнатѣ, обставленной ветхой мебелью, съ полуопущенными сторами и завялыми цвѣтами на окнахъ, сидѣла молодая женщина. На усталомъ и блѣдномъ лицѣ лежало выраженіе глубокой тос-

ки, медленно точившей ея сердце; въ ея голубыхъ глазахъ замѣтна была та гнетущая апатія, для которой, кажется, нѣтъ различія между жизнью и смертью. Она тоскливо и холодно посматривала кругомъ себя и о чемъ-то раздумывала. По-временамъ изъ груди вырывались сдавленные вздохи, за которыми слѣдовалъ удушливый кашель. Видимо, она была очень больна и недалека отъ могилы.

Въ этой женщинѣ не трудно было узнать Катю. Черезъ годъ или два по выходѣ замужъ, она повѣрила уроки матери на самомъ дѣлѣ. Прежняя маска была узка и стѣснительна въ новомъ положеніи; она отбросила ее съ презрѣніемъ и должна была признаться, что никогда не любила Львова. Прежде, когда она знала его не близко, видѣла какъ жениха и гостя, онъ казался ей по крайней мѣрѣ сноснымъ, а теперь, когда они сошлись подъ одной домашней крышей и взглянули другъ другу въ открытое лицо, Катерина Ѳедоровна съ испугомъ отступила отъ своего мужа. Прежде онъ представлялся ей просто-глупымъ человѣкомъ, а теперь она открыла въ немъ и другіе недостатки мелкаго эгоиста, тяжелаго деспота и одинъ изъ тѣхъ пустыхъ характеровъ, на которыхъ жизнь не оставляетъ никакого слѣда и для которыхъ кромѣ, настоящей минуты, нѣтъ мысли ни въ прошедшемъ, ни въ будущемъ. Какъ женщина, мало развитая, Катя не могла и требовать многаго, но и для нея Львовъ сдѣлался невыносимо - антипатичнымъ существомъ. Ея равнодушіе скоро перешло въ непобѣдимое отвращеніе, которое, подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ семейной жизни, не замедлило обратиться въ ненависть. Вольнѣй дышалось ей, когда мужъ уходилъ изъ дому и оставлялъ ее одну; она рада была, когда онъ не возвращался по цѣлымъ днямъ и ночамъ; присутствіе его тяготило Катю, съ каждымъ днемъ больше и больше; на ея раздраженныя нервы начинали дѣйствовать всякое слово, всякое движеніе, всякій шагъ мужа. Ктому же бѣдность, этотъ безличный, но ужасный тиранъ, отравила послѣднія радости бѣдной женщины. Михаилъ Петровичъ, промотавшій остатки отцовскаго имѣнія, принужденъ былъ жить однимъ жалованьемъ; но его недоставало на самыя насущныя нужды, да и то онъ приносилъ рѣдко до-

мой. Обманутый въ своемъ расчетѣ на приданое Кати, неполучившій за нею почти ничего, кромѣ нѣкоторыхъ вещей изъ домашняго обихода, онъ не считалъ себя обязаннымъ отдавать ей отчетъ въ своихъ расходахъ и даже никогда не говорилъ о нихъ. Случалось, что Катя нуждалась въ приличномъ платьѣ, проводила день безъ обѣда, и Львовъ никогда ни полслова о томъ, чѣмъ существуетъ жена его? Онъ считалъ ее бременемъ, камнемъ на шеѣ, и въ откровенныя минуты, когда былъ пьянъ или разсерженъ, проклиналъ тотъ день, когда увидѣлъ Катю и попросилъ ея руки. Къ этимъ упрекамъ почти всегда присоединялись оскорбленія и грубыя выходки, иногда доходившія до цинической брани и кулаковъ. Положеніе Кати было нестерпимое. Здоровье ея быстро падало; боль въ груди ея постепенно развивалась, и она нисколько не думала лѣчиться. «Хуже этого не будетъ,» разсуждала она сама съ собой, и, заливаясь горькими слезами, съ отчаяніемъ уходила къ матери. Марья Ивановна, занятая сбытомъ другой дочери и домашними хлопотами, не обращала особеннаго вниманія на судьбу Кати; попрекала ее тѣмъ, что она не умѣла взять мужа въ руки и ужиться съ нимъ. «Что жъ мнѣ дѣлать съ тобой, говорила Торпъ, когда у меня на плечахъ виситъ еще Лиза? Потерпи, все перемелется — и мука будетъ».

Но, терпѣть дольше не было физической возможности, и Катя рѣшилась разстаться съ мужемъ, оставить мать, отца и сестеръ и переселиться куда нибудь, гдѣ бы никто не зналъ ее и не видѣлъ. Въ одномъ изъ московскихъ захолустій она наняла себѣ небольшую комнату, и одному Богу и ея совѣсти извѣстно, чѣмъ существовала здѣсь, среди совершеннаго одиночества и отчужденія отъ людей. И эта смятая и уничтоженная жизнь погибла безъ возврата!

Львовъ, разлучившись съ женой, почувствовалъ себя легче; онъ скоро вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Петербургъ. Здѣсь, отдавшись буйному разгулу, онъ забылъ и Катю и прошлую жизнь свою.

Ж. ЛИНСКАЯ.

Ночь — Красавица.

1.

Только что дня потухаетъ сіяніе
Въ тучкѣ прозрачно златой,
Въ садъ я иду и спѣшу на свиданіе
Съ милой моей надъ рѣкой.

2.

Тихо она ко мнѣ крадется, кроткая;
Тѣнью несется въ поляхъ;
Стелется гладью зеркальной подъ лодкою;
Свѣтъ зажигаетъ въ звѣздахъ.

3.

Свѣтомъ луны—серебромъ наряжается;
Бѣлый туманъ разостлавъ,
Между холмами росой омывается
Въ запахѣ скошенныхъ травъ.

4.

Всѣхъ усыпитъ, а меня темноокая
Кротко обниметъ въ тиши
И красотой своей горе глубокое
Сгонитъ съ печальной души.

1860.

Н. ФИРСОВЪ.

ПОЛИТИКА.

Обзоръ современныхъ событій.

Рѣдко случалось народамъ въ такое короткое время переживать такъ много великихъ событій, какъ Италіи въ послѣдніе два года. Путь, пройденный ею, отъ флорентійской революціи до паденія Гаеты, представляетъ такое разнообразіе фактовъ, столько новыхъ сторонъ въ соціальной жизни, такіе странные контрасты страстей, желаній, побѣдъ и пораженій, быструю смѣну людей и еще болѣе быстрый ходъ происшествій, что вся эта драма болѣе походитъ на великолѣпную поэму, въ родѣ Одиссеи, чѣмъ на дѣйствительную исторію XIX вѣка. Въ два года изъ маленькаго конституціоннаго государства, съ пятью милліонами народонаселенія, образуется италіянское королевство, съ двадцатью двумя милліонами людей, съ огромнымъ войскомъ, готовымъ стать подъ одно знамя отъ Милана до Палермо, съ лучшими берегами на Средиземномъ морѣ, гдѣ можетъ развѣваться флагъ могущественнаго флота, господствующаго надъ тремя частями свѣта, съ разнообразными почвами отъ альпійскаго дуба до сицилійскаго померанца, наконецъ съ умнымъ, здоровымъ и страстнымъ племенемъ юга, способнымъ занять самое высокое мѣсто въ человѣческомъ развитіи. И все это совершилось наперекоръ историческимъ *законамъ* и общепринятой логикѣ фактовъ. За нѣсколько мѣсяцевъ Викторъ Эмануилъ готовъ былъ соединиться съ однимъ изъ самыхъ реакціонныхъ правительствъ Неаполя, и потомъ вдругъ

бросился въ потокъ революціоннаго движенія. За нѣсколько мѣсяцевъ Францискъ II спокойно спалъ въ наслѣдственномъ дворцѣ Бурбоновъ, а теперь не имѣетъ ни одного клочка земли, гдѣ бы могъ поставить ногу въ своихъ бывшихъ владѣніяхъ; за нѣсколько мѣсяцевъ Пій IX еще былъ настолько силенъ, чтобъ поражать проклятіемъ королей, а теперь, заключенный въ своемъ Квиринналѣ, долженъ просить о милости того же опальнаго короля и ежеминутно ждать своего паденія. И кто бы могъ подумать, что въ этомъ переворотѣ, измѣняющемъ карту Европы и, можетъ быть, судьбу ея политической жизни, такая важная роль будетъ принадлежать ничтожной горсти людей, собранныхъ и предводимыхъ Гарибальди. Въ прошломъ году, 5 мая, (н. с.), ночью два купеческихъ корабля вышли изъ генуезскаго порта. На этихъ корабляхъ находились большею частію молодые люди—сицилійскіе и неаполитанскіе эмигранты, Тосканцы, Венгерцы, Миланцы, въ разнообразныхъ костюмахъ, съ разными національными типами и нарѣчіями, но съ одной безпредѣльной преданностью своему вождю и съ однимъ пламеннымъ желаніемъ италіянской независимости. Потопи эти корабли въ морѣ или попадись въ руки неаполитанскихъ крейсеровъ и, вѣроятно, исторія отсчитала бы еще десять лѣтъ прежнему положенію Италіи. Но маленькая экспедиція удалась, Гарибальди, въ виду враговъ и подъ огнемъ непріятельскихъ пушекъ, успѣлъ высадиться на берегъ Сициліи, и вопросъ италіянскаго единства изъ теоріи и мечты перешелъ въ дѣйствительное явленіе.

И то надо сказать, что искра упала на готовую почву. Сами же враги Италіи, уничтожившіе ея политическую личность, смотрѣвшіе на нее, какъ на «простое географическое выраженіе», помогли ей проснуться отъ долгаго и тяжелаго сна. Чѣмъ болѣе внѣшнее давленіе стѣсняло ее, тѣмъ сильнѣе внутренняя жизнь порывалась наружу; чѣмъ болѣе оскорбляла ее грубая австрійская политика, обратившая страну, по выраженію Леопарди, «въ бѣдную женщину, плакавшую у креста своихъ мучениковъ,» тѣмъ рѣзче чувствовались оскорбленія и тѣмъ сильнѣй разгоралось въ этомъ кратерѣ пламя мести. И чего требовала политика Меттерниха отъ Италіи? Племеннаго сліянія съ нѣмецкой народностью, но оно было менѣе возможно, чѣмъ химическое соединеніе огня съ водой. Безусловной покорности матеріальной силѣ? Но вынужденная покорность націи, неимѣющей болѣе благородныхъ, нравственныхъ отношеній къ побѣдителю,

есть постоянная борьба, сдерживаемая только насиліемъ. Время показало, къ чему могла привести эта система, не имѣющая никакого оправданія передъ судомъ исторіи; всѣ эти войны, казни у позорныхъ столбовъ, эти тюремныя пытки и застѣнки, этотъ военный произволъ гарнизоновъ и палочныя расправы на улицахъ, все это было предпринято напрасно — и только заставило Италію плотнѣй сомкнуться противъ своего притѣснителя.

Но эта политика распространенная по всему полуострову съ разными формами и оттѣнками, нашла себѣ полное примѣненіе въ королевствѣ Обѣихъ Сицилій. Здѣсь она выразилась въ образѣ іезуитизма, соединеннаго съ полицейскимъ преслѣдованіемъ гражданской жизни по всѣмъ ея направленіямъ. Для Фердинанда II человѣческая свобода казалась чѣмъ-то въ родѣ того легендарнаго привидѣнія, которое, посѣщая домъ, вносило въ него съ собой разоръ, пожаръ или другое несчастіе. Воображенію короля, напуганнаго постоянными заговорами и возстаніями его подданныхъ, наконецъ представлялось, что кругомъ его одни измѣнники и предатели. Говорятъ, что, проходя длинными залами своего дворца, онъ вздрагивалъ отъ своей собственной тѣни, и потому не рѣшался проѣхать темной аллеей или остаться въ темной комнатѣ безъ постороннихъ лицъ. Подъ конецъ жизни эта боязнь обратилась въ психическую болѣзнь, подъ вліяніемъ которой Фердинандъ II трепеталъ отъ своего собственнаго созданія, облеченнаго для него въ черные образы смерти, заключенія и истязаній палача. Его тревожили стоны матерей, которыхъ разстрѣливалъ Делкаретто; его возмущали тѣ самыя сцены произвола, которыя именемъ его производилъ Манискалко надъ женщинами и дѣтьми. Разъ увлеченный своей ложной системой, Фердинандъ II не могъ безнаказанно отступить отъ нея; кромѣ полицейскаго произвола для него не было другаго средства поддержать видимое спокойствіе своихъ владѣній въ глазахъ Европы и внутреннюю безопасность своей династіи. «Для него, говоритъ Мазадъ, полиція была все. Она такъ укоренилась въ странѣ, такъ глубоко проникла во всѣ учрежденія, во всѣ привычки гражданской жизни, что сдѣлалась силой, равной старой инквизиціи, и управляла самимъ королемъ. Сорокъ лѣтъ она стремилась къ этому всемогуществу, приводившему въ недоумѣніе всѣхъ наблюдателей; она имѣла свою хартію, — единственную дѣйствительную хартію въ Неаполѣ, — въ постановленіи 1817 года, 22 января; повидимому, это постановленіе было дополнительнымъ актомъ законовъ

и справедливости, на самомъ же дѣлѣ оно безусловно располагало свободой и интересами девяти милліоновъ народа. Нѣтъ сомнѣнія, что по закону никто не могъ содержаться подъ арестомъ полиціи долѣе двадцати четырехъ часовъ, не будучи представленъ въ судъ; но, въ видѣ исключенія, скоро обратившагося въ общее правило, полиція удерживала схваченное лицо до тѣхъ поръ, пока не совершала полнаго слѣдствія и во всѣхъ случаяхъ дѣйствовала помимо формальнаго суда, было ли то преступленіе по паспорту или распоряженіе директора полиціи, назначаемаго самимъ королемъ. Чтобъ избѣжать законнаго судебнаго порядка, королевская власть могла освободить обвиненнаго безъ суда, такъ что полиція, ничѣмъ не стѣсняясь въ своихъ пріемахъ, могла по произволу дѣйствовать противъ всякаго, уничтожая юридическія формы, безусловная въ своихъ распоряженіяхъ, подобно королю, съ которымъ она раздѣляла верховный авторитетъ и именемъ котораго покрывалась; часто снисходительная къ разбойникамъ и убійцамъ, но неумолимая и готовая на все, когда замѣшивалась въ дѣло политика, она бросала въ однѣ тюрьмы съ злодѣями самыхъ честныхъ людей, которые были виноваты только въ томъ, что принадлежали къ либеральной партіи. (Revue des deux Mondes. 1861. 1 fevr. 516 p.). Такимъ образомъ при смерти Фердинанда II насчитывалось въ Неаполѣ до ста восьмидесяти тысячъ *подозрѣваемыхъ* полиціей, удаленныхъ отъ всѣхъ гражданскихъ должностей и наблюдаемыхъ подъ строгимъ надзоромъ въ провинціяхъ.

Такая система, основанная подъ предлогомъ общественной безопасности на безмолвіи и страхѣ, вооруженная всѣми орудіями карающей силы, нещадившая ни свободы совѣсти, ни мысли, ни убѣжденія, естественно должна была отразиться на характерѣ Неаполитанцевъ; она унизила его дотого, что самое простое человѣческое чувство сдѣлалось рѣдкимъ явленіемъ въ высшихъ сословіяхъ и самое мрачное невѣжество налегло на массы. Теперь понятно, почему въ Неаполѣ духъ реакціи удержался гораздо дольше, чѣмъ въ сѣверной Италіи и почему будущая задача италіянскаго единства встрѣчаетъ тамъ главныя препятствія. Тогда какъ Ломбардія, Тоскана, Парма, Модена и Романья такъ легко вошли въ общій національный союзъ, южная часть Италіи то на одномъ, то на другомъ пунктѣ поднимаетъ вооруженную оппозицію сардинскому правительству и нарушаетъ гармонію общенароднаго стремленія. Если судить по важности результата, представляемаго независимостью Не-

аполя по сравненію, напримѣръ, съ Флоренціей, то первый долженъ былъ бы скорѣе и спокойнѣе примкнуть къ Италіянскому королевству, чѣмъ вторая, а между тѣмъ неаполитанское общество оказывается главнымъ виновникомъ раздора и вражды. Но фактъ совершился, и Викторъ Эмануилъ 14 марта (н. с.) былъ провозглашенъ королемъ Италіи; его избрало въ италіянскомъ парламентѣ большинство 296 голосовъ противъ 2, слѣдовательно почти единодушно. Этимъ оканчивается первый актъ италіянскаго движенія; затѣмъ предстоитъ гораздо болѣе серьезное дѣло—внутренняя организація новаго королевства. Нѣтъ сомнѣнія, это трудъ великій, потому что соединеніе отдѣльныхъ политическихъ частей, разрозненыхъ и разбитыхъ историческими обстоятельствами и разными правительственными системами, соединеніе ихъ въ одно цѣлое составляетъ едва ли не самую трудную задачу современной политики. Притомъ, первый шагъ въ соціальномъ устройствѣ народа требуетъ необыкновенной осмотрительности и дальновидности; отъ него, отъ этого перваго шага нерѣдко зависитъ вся послѣдующая судьба общества: время и дальнѣйшая дѣятельность націи часто безсознательно развиваютъ тѣ формы жизни, какія сначала были приняты. Во всякомъ случаѣ, измѣнять и ломать ихъ впослѣдствіи тѣмъ труднѣе, чѣмъ онѣ дольше существуютъ. И это объясняется очень просто: то, что мы называемъ прогрессомъ того или другаго народа, есть не что иное, какъ постепенное развитіе тѣхъ общественныхъ элементовъ, которые легли въ основу его первоначальнаго строя. Хорошо сложилась народная жизнь, хорошо ей будетъ и въ будущемъ; дурно и угловато построилась она сначала, дурно ей будетъ и впослѣдствіи.... Мы видимъ, что одни общества отличаются необыкновенной живучестью и въ день переживаютъ больше, чѣмъ другія впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Если сравнить, напримѣръ, Турцію съ Англіей, то общая сумма жизни первой будетъ гораздо меньше за всѣ шестьдесятъ лѣтъ XIX вѣка, чѣмъ сумма жизни второй за послѣдніе десять лѣтъ. Отчего это? Разумѣется, отъ тѣхъ руководящихъ началъ, по которымъ идетъ развитіе соціальной жизни. Контъ въ своей книгѣ (прогрессъ ума) очень справедливо замѣчаетъ, «что если каждый изъ насъ броситъ взглядъ назадъ, на свою собственную исторію, то увидитъ, что въ дѣтствѣ онъ былъ созерцателемъ, въ юности—метафизикомъ, а въ зрѣлые годы—естествоиспытателемъ» (The philosophy of progress, by Slack.), т. е., жизнь индивидуальнаго существа проходитъ три періода развитія—эпическій, полный вѣры и

внѣшняго созерцанія,—абстрактный или теоретическій, когда мысль работаетъ надъ общими законами, и третій періодъ положительнаго анализа, когда знаніе требуетъ сравненія и точности. Само - собою разумѣется, что такое развитіе въ отдѣльномъ лицѣ обезусловливается благапріятными обстоятельствами жизни. Точно также и въ человѣческихъ обществахъ: иныя изъ нихъ навсегда остаются въ младенческомъ или эпическомъ состояніи и, не выходя изъ него, погибаютъ; иныя, напротивъ, идутъ гораздо дальше, хотя мы и не знаемъ ни одного примѣра, чтобъ вся масса народа находилась на степени высшаго положительнаго развитія.

Вопросъ настоящей организаціи Италіи представляется тѣмъ сложнѣе, что здѣсь дѣло идетъ не объ устройствѣ молодаго народа, только-что закладывающаго свою политическую жизнь, а о націи, уже пережившей нѣсколько вѣковъ гражданскаго существованія. Какъ бы то ни было, будетъ ли рѣшаться этотъ вопросъ въ національномъ или въ такъ называемомъ обще-италіянскомъ парламентѣ, главная тема состоитъ въ томъ, какъ опредѣлить взаимныя отношенія отдѣльныхъ частей Италіи къ Сардиніи и какъ лучше согласить мѣстные интересы съ общими цѣлями страны? Въ этомъ отношеніи Піемонту лежатъ два пути — сосредоточить въ своихъ рукахъ всю власть надъ присоединенными провинціями, лишивъ ихъ мѣстной самодѣятельности, или предоставить имъ полную независимость самоуправленія, ставъ въ головѣ только одного политическаго единства. Въ первомъ случаѣ администрація, т. е. назначеніе чиновниковъ, государственнаго бюджета, войска и всѣ отрасли управленія будутъ зависѣть отъ сардинскаго парламента, такъ точно, какъ внутренняя жизнь Лорени и Алзаса зависятъ отъ парижскаго правительства. Замѣтимъ, что такая система діаметрально-противоположна историческому характеру и соціальному организму страны. Италія всегда была землей индивидуальныхъ стремленій и глубоко-развитыхъ муниципальныхъ правъ. Мы имѣли уже случай говорить (см. Реформа Италіи, Русское Слово, 1860 г. іюль), насколько возможна національная связь полуострова и какіе элементы могутъ послужить ея основаніемъ. Нѣтъ сомнѣнія, она возможна и естественна по языку, племенному типу, преданіямъ и географическому положенію, т. е., она возможна во всѣхъ высшихъ народныхъ проявленіяхъ, какъ отдѣльная политическая личность, независимая отъ иностраннаго вліянія. Къ этому единству Италія давно порывалась и въ послѣднее время доказала его рядомъ его блистательныхъ фактовъ. Но способна-ли она отказаться отъ своихъ индивиду-

альныхъ различій такъ, чтобъ соединиться подъ одной центральной администраціей? Могутъ-ли Неаполь, Болонья, Флоренція, Миланъ и Туринъ быть управляемы однимъ и тѣмъ-же закономъ? Можетъ-ли Пармская область и Венеція ужиться подъ однимъ и тѣмъ-же конституціоннымъ статутомъ? Разумѣется, нѣтъ. Различіе гражданскихъ правовъ, мѣстныхъ обычаевъ, правительственныхъ системъ, такъ долго и такъ рѣзко разъединявшихъ народъ, — все это противодѣйствуетъ административной централизаціи. Нѣтъ сомнѣнія, ее можно навязать насильно, по праву побѣдителя, но тогда надо отвѣчать и за всѣ печальныя послѣдствія такого факта. Законодатель не долженъ забывать, что, составляя постановленія для народной жизни, онъ пишетъ ихъ не на одной бумагѣ. Мы видимъ, чѣмъ оканчивается произволъ вѣнскаго кабинета, измѣнившаго однимъ почеркомъ пера судьбы Венгріи или Чехіи. А между тѣмъ у Кавура, большаго любителя французскаго политическаго нигилизма, является желаніе подвести подъ одинъ юридическій и соціальный уровень всѣ части Италіи. Пока это неопасно, потому что рѣшительно невозможно; но еслибъ и было возможно, что выиграло бы сардинское правительство отъ такого насилія надъ Италіей? Въ настоящую минуту, конечно, его безпокоятъ мѣстные раздоры и реакціи; но кто же не понимаетъ, что такая страна, какъ Неаполь, переходя отъ прежняго застоя къ политической свободѣ, не могла принять новую жизнь съ тѣмъ спокойствіемъ, какого можно ожидать только отъ народа, граждански воспитаннаго. Тамъ, гдѣ за нѣсколько мѣсяцевъ нельзя было навязать на шляпу красной ленты или отпустить клиномъ бороду, чтобъ не возбудить вниманіе и подозрѣніе полиціи, тамъ, естественно, на первый разъ, конституціонная независимость, какъ бы она ни была ограниченна, не можетъ не породить интригъ, оппозиціи и смутъ. Но даетъ ли право это исключительное положеніе думать, что италіянскія провинціи неспособны къ самоуправленію?

Есть и другое обстоятельство, по которому сардинское правительство должно предоставить мѣстную автономію своимъ новымъ владѣніямъ. Говоря вообще, Піемонтъ никогда не пользовался особеннымъ сочувствіемъ Италіянцевъ. Положимъ, что эти наслѣдственныя антипатіи ослабли, но зачѣмъ же возбуждать ихъ и обращат- историческій предразсудокъ въ соціальную ненависть? А эта ненависть непремѣнно явится, если Викторъ Эмануилъ пойдетъ въ разь рѣзъ со всѣми мѣстными и индивидуальными условіями страны

Опытъ доказываетъ, что сліяніе народностей происходило тѣмъ легче и натуральнѣе, чѣмъ онѣ были независтнѣе другъ отъ друга во внутреннемъ управленіи; ихъ переработывала самая жизнь. Еще неизвѣстно, какъ рѣшитъ этотъ вопросъ будущій національный парламентъ, но рѣшеніе его очень важно, потому что отъ него зависитъ участь двадцати пяти милліоновъ людей.

Въ связи съ организаціей италіянскаго королевства стоитъ назначеніе его столицы. Гдѣ долженъ быть политическій центръ полуострова? Туринъ не представляетъ въ этомъ отношеніи ни одного удобства, ни стратегическаго, ни этнографическаго, ни даже гигіеническаго. Взглядъ Италіянцевъ невольно останавливается на Римѣ, на тѣхъ семи холмахъ, съ которыхъ вѣетъ на Италію такъ много всемірныхъ воспоминаній; но занятіе Рима еще составляетъ вопросъ. Хотя Кавуръ и говоритъ, что «мы имѣетъ право избрать Римъ столицей Италіи», но въ то же время прибавляетъ, что «мы должны войдти туда съ согласія Франціи». Слѣдовательно, этотъ выборъ зависитъ отъ Наполеона III. А между тѣмъ онъ не выводитъ свои войска изъ Папской области, и тѣмъ какъ будто протестуетъ противъ намѣреній Виктора Эмануила. Неужели лицемѣрная роль, такъ неловко разыгранная французскимъ правительствомъ передъ Гаетой, повторится и въ настоящемъ случаѣ? Но должно же наконецъ хоть наскучить святому отцу это странное положеніе между народнымъ неудовольствіемъ и иностранными штыками, охраняющими его епископскую цѣлость. Какъ бы то ни было, но надо замѣтить, что назначеніе Рима столицей представляетъ много національныхъ невыгодъ. Это городъ цесарскихъ и папскихъ преданій, дѣйствующихъ на воображеніе и чувство Италіи скорѣе вредно, чѣмъ полезно. Самая поэтическая обстановка католической метрополіи связывается со всѣми средневѣковыми предразсудками и повѣрьями. Для обновленной націи нужна другая столица, съ другими преданіями и другой обстановкой. Флоренція и Миланъ гораздо больше имѣютъ національнаго значенія, чѣмъ Римъ, столько вѣковъ переходившій изъ рукъ въ руки духовныхъ деспотовъ Италіи.

Г. Б.

Письмо изъ Парижа.

«Государь, если вы не оставите преслѣдованій, я паду и мое паденіе потрясетъ ступени трона»: такъ писалъ наканунѣ своего ареста Миресъ къ Наполеону III и едва ли хвастался; это доказали факты. Болѣе 9 дней, а для Парижа это очень долго, только и говорили объ этомъ происшествіи. Въ театрахъ, въ гостиныхъ, въ конторахъ, въ кондитерскихъ, въ присутственныхъ мѣстахъ, на биржѣ только и слышно было: Миресъ; только и шептали: Миресъ. Одинъ этотъ банкиръ занималъ французскую націю сильнѣе китайской и кохинхинской арміи, сильнѣе Венгріи и Италіи.

Еслибъ дѣло шло только о финансовомъ скандалѣ, мы могли бы и не писать вамъ объ этомъ, но эта продѣлка приняла размѣры важнаго событія, благодаря соучастію сановитыхъ лицъ. Въ книгѣ Миреса прочли, не безъ особеннаго изумленія, имена — императорскаго секретаря Мокара, сыновей министровъ; сіятельнѣйшія имена имперіи красовались въ ней толпой, не говоря о второстепенныхъ знаменитостяхъ, изъ которыхъ можно отмѣтить человѣкъ десять генеральныхъ и частныхъ сборщиковъ податей, и Коле-Мегре, извѣстнаго цензора.

Миресъ — человѣкъ аккуратный и осторожный; его книги были совершенно въ порядкѣ; къ нимъ были приложены всѣ необходимыя росписки, а суммы, выданныя впередъ этимъ знатнымъ господамъ, были оговорены въ особыхъ замѣткахъ.

Неудивительно, что глава государства, человѣкъ, спасшій религію, семейство и собственность, представитель общественной нравственности изумлялся, приходилъ въ негодованіе и гнѣвался по мѣрѣ того, какъ выдвигались на свѣтъ эти факты; онъ сначала принялъ ихъ за гиперболу и за хвастливую угрозу, которою хотѣлъ запугать его Миресъ. Говорятъ, что Барошъ-отецъ валялся въ ногахъ императора, но Наполеонъ III остался неумолимъ. Другія лица выдержали со стороны государя самые рѣзкіе упреки; разсказываютъ, что онъ въ негодованіи схватилъ кипы банковыхъ билетовъ, бросилъ имъ эту кипу въ лицо и закричалъ: «Подбирайте ихъ, подбирайте!» Но всего замѣчательнѣе въ этой исторіи рѣчь, произнесенная въ полномъ собраніи сената его превосходительствомъ, Дюпеномъ, лучшимъ дру-

гомъ и душеприкащикомъ Лудовика-Филиппа, «Да, говорилъ онъ, кладя правую руку на четвертую пуговицу, бываютъ такія положенія, въ которыхъ человѣкъ, дорожа своимъ честнымъ именемъ, не долженъ обогащаться!»

Вы знаете, что нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, Французы начали снова читать журналы и заниматься внутренней политикой. Императоръ приподнялъ немного шлюзы, чтобы посмотрѣть, не превратилась ли вода въ жидкую грязь и будетъ ли она течь къ тому узкому отверстію, которое онъ ей оставилъ; однако нѣтъ; вода хлынула съ прежней стремительной силой и, если онъ хочетъ избѣгнуть наводненія, то надо какъ можно скорѣе задвинуть шлюзы. Ни что не измѣнилось въ французскомъ умѣ. Какъ только ослабло немного давленіе, сейчасъ возвратилась прежняя свобода мысли и слова; даже въ сенатѣ, составленномъ изъ чиновниковъ и придворныхъ, даже въ законодательномъ корпусѣ, куда успѣли проникнуть только пять независимыхъ членовъ,—произносятъ каждый день смѣлыя рѣчи. Странно! Во время первой имперіи, сенатъ и законодательный корпусъ осмѣлились заговорить свободно уже послѣ сраженія при Ватерлоо; теперь они начали разсуждать въ присутствіи комисаровъ такого государя, котораго еще не побѣждали ни въ совѣтахъ Европы, ни въ сраженіяхъ.

Чтобы угодить духовенству, правительство старалось принимать въ обѣ палаты только такихъ людей, которые аккуратно бываютъ на исповѣди; благодаря этой заботливости, оно въ этихъ собраніяхъ только по римскому вопросу встрѣтило грозную оппозицію. Питомцы іезуитовъ и аббатовъ, видя себя представителями Франціи въ двухъ великихъ учрежденіяхъ, гораздо болѣе занимаются интересами своего спасенія, чѣмъ нашимъ благосостояніемъ и національною честью; лишь бы достались полныя индульгенціи, затѣмъ имъ нѣтъ дѣла до разстройства нашихъ финансовъ, до произвола администраціи, до двуличности нашей политики. Такимъ образомъ вопросы, поднятые въ законодательномъ корпусѣ демократическими представителями Парижа и Ліона, Жюлемъ Фавромъ, Оливье, Даримономъ и Пикаромъ, не могли быть приняты въ соображеніе и не отстранены только потому, что нѣсколько честолюбцевъ видѣли въ нихъ прекрасный предлогъ блеснуть своимъ благонамѣреннымъ краснорѣчіемъ; зато публика обнаружила страстное сочувствіе къ этимъ рѣчамъ, въ которыхъ замѣчались почти свободные пріемы, напоминающіе сіи дни давно ми-

нувшіе. Каждый вечеръ слышитъ она разсказъ о бурномъ засѣданіи, въ которомъ громко, хотя и напрасно проситъ потерянныхъ правъ. Въ этой палатѣ, которая, какъ говорятъ, составлена подачею голосовъ всей націи, но которая на самомъ дѣлѣ создана императорскимъ декретомъ, разсуждаютъ о свободѣ печати, ассоціаціи, о муниципальной свободѣ, объ отмѣненіи законовъ общественной безопасности; осмѣливаются даже обсуживать права законодательнаго корпуса и ставить ему въ упрекъ тотъ мутный источникъ, изъ котораго онъ вышелъ.

Одно изъ преній, всего болѣе интерессовавшихъ публику, относилось къ государственнымъ финансамъ. Въ такой странѣ, гдѣ не существуетъ серьезнаго контроля, гдѣ болѣе 20 милліардовъ франковъ израсходовано въ 10 лѣтъ, и гдѣ представители націи, оплачивающей эти баснословныя расходы, не могутъ отдать себѣ категорическаго отчета въ расходахъ, въ такой странѣ общество конечно склонно къ сомнѣнію; естественно возникаютъ вопросы: соблюдалась ли строгая экономія въ распоряженіи этими суммами? Не содѣйствовало ли отсутствіе контроля развитію безплодной траты? Не подвергалась ли искушенію самая мужественная честность при ослѣпительномъ блескѣ милліардовъ золотыхъ монетъ? Не тратились ли деньги націи на подготовленіе биржевыхъ успѣховъ, на пополненіе непріятныхъ пробѣловъ, произведенныхъ непредвидѣнными несчастіями... Самые благонамѣренные люди, видѣвшіе, что ихъ налоги въ-теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ прибавились на цѣлую четверть, люди, видящіе ежегодное приращеніе государственнаго бюджета на 100 милліоновъ, люди, которымъ отказываютъ въ возможности читать списокъ расходовъ, могутъ очень естественно почувствовать недовѣріе; неудивительно, если они съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдятъ глазами за путешествіемъ своихъ франковъ въ глубокіе сундуки правительственной казны. Но нѣтъ; на это напряженное вниманіе министры отвѣчаютъ однимъ презрѣніемъ. Требовать у нихъ отчета въ деньгахъ, которыя имъ не принадлежатъ, и которыя поручаетъ имъ нація, не значитъ ли это обнаруживать очевидное недовѣріе къ правителю, избранному шестью милліонами голосовъ? Эти шесть милліоновъ голосовъ, выразившихъ свое желаніе въ 1852 г., должны дать полную свободу дѣйствій совѣтникамъ короны, и напередъ узаконить всѣ ихъ поступки. Когда они приняли управленіе, на Франціи было 5 милліардовъ долгу; этотъ долгъ возросъ еще на четыре милліарда; налоговъ было 1,500 милліоновъ; теперь ихъ 2 милліарда. Что это доказываетъ?—То, что средства Франціи *неисто-*

щимы, неистощимы по-крайней-мѣрѣ для тѣхъ, кто живетъ общественнымъ достояніемъ. Между тѣмъ, никто не осмѣлится отрицать, чтобы во Франціи не было бѣдныхъ, чтобы тамъ не видно было гнилыхъ хижинъ, въ которыхъ живутъ кучами многочисленныя семейства, чтобы женщины, не успѣвая выработать себѣ кусокъ хлѣба, не кончали жизни въ Сенѣ или надъ жаровней. *Неистощимы*—это слово употреблено въ томъ адресѣ, который предложили министры и подписали всѣ депутаты; они довольны жизнью, получаютъ огромные пенсіоны и такимъ образомъ воздаютъ торжественную благодарность тому бюджету, который ихъ кормитъ. Благодаря нѣсколькимъ сотнямъ милліоновъ, которые занимаются въ счетъ будущаго дохода, правительство можетъ держать бюджеты въ равновѣсіи и радоваться своему искуству въ управленіи общественными дѣлами. Пока Австрія не была доведена до цѣлаго ряда болѣе или менѣе скрытыхъ банкротствъ, ея средства тоже были неистощимы. Миресъ накануцѣ своего заключенія въ тюрьму, звонкимъ смѣхомъ смѣялся надъ судьбою и грозилъ судебнымъ преслѣдованіемъ тѣмъ людямъ, которые обвиняли его въ растратѣ денегъ, принадлежавшихъ его акціонерамъ.

Если со стороны либеральной партіи законодательнаго корпуса было извинительно требовать для представителей націи право контроля надъ общественнымъ управленіемъ, то тѣмъ болѣе было извинительно желать для Парижа муниципальнаго совѣта. Если бюджетъ Франціи прибавился на одну четверть, то бюджетъ Парижа почти учетверился. Въ 1851 году долгъ его былъ незначителенъ, а теперь онъ составляетъ болѣе 300 милліоновъ, т. е. на 100 милліоновъ превышаетъ долгъ Соединенныхъ Штатовъ. Изъ года въ годъ, Парижъ долженъ представлять своему префекту до 200 милліоновъ на украшеніе своихъ улицъ. Правда, сдѣлано нѣсколько хорошихъ распоряженій; въ душныхъ частяхъ города проведены широкіе бульвары, очищены скверы, значительная часть города высушена по новой системѣ стоковъ; но кромѣ дѣйствительныхъ улучшеній, предпринято много работъ сомнительнаго достоинства; сколько вреда нанесено тѣмъ, что тысячи семействъ выкинуты на улицу и не находятъ себѣ жилища въ тѣхъ дворцахъ, которые выстроены на мѣстѣ ихъ хижинъ. Во всѣхъ концахъ города возводятся казармы и въ самыхъ дѣятельныхъ кварталахъ полки солдатъ замѣняютъ работниковъ; разрушаютъ мосты, потому что они лежатъ не въ симметріи съ бульварами и перестраиваютъ ихъ болѣе наискось; проры-

ваютъ съ большими издержками туннель для желѣзной дороги, потомъ засыпаютъ его мусоромъ; строятъ каменныя галереи, потомъ ломаютъ ихъ и вновь строятъ желѣзныя; проводятъ вновь цѣлыя улицы, потомъ передумываютъ и ломаютъ только-что конченныя зданія; у церкви покупаютъ право закрыть ея почернѣвшую стѣну украшеніями скульптурной работы. И на какіе кварталы тратится большая часть этихъ милліоновъ? На тѣ части, въ которыхъ живутъ милліонеры, на Елисейскія поля, на фобургъ Ст.-Оноре и Нельи. Кругомъ Arc de l'Etoile прорѣзываютъ двѣнадцать великолѣпныхъ улицъ; срываютъ холмъ въ 20 метровъ, чтобы облегчить экипажамъ въѣздъ въ великолѣпный кварталъ, выстроенный банкиромъ Перейрою; а между тѣмъ оставляютъ безъ передѣлки Hôtel-Dieu, въ стѣнахъ котораго лежатъ тысячи больныхъ; внутреннее устройство этого зданія такъ неудобно, что, когда нужно сдѣлать операцію, паціента несутъ почти на разстояніи цѣлаго километра черезъ дворы, темные переходы и безконечные коридоры. Да! этотъ Парижъ, такъ-называемая столица цивилизаціи, въ стѣнахъ котораго живутъ болѣе двухъ милліоновъ людей, наравнѣ съ Франціею долженъ довольствоваться простымъ словомъ своего префекта, а префектъ громко принимаетъ на свою отвѣтственность тотъ милліардъ, который онъ истратилъ съ тѣхъ поръ, какъ вошелъ въ парижскую ратушу бѣднякомъ, жившимъ юридическими продѣлками. Онъ полагаетъ, что одинъ, безъ контроля можетъ управиться съ неистощимыми финансами ввѣреннаго ему города.

Но самымъ важнымъ предметомъ разсужденія въ обѣихъ палатахъ былъ вопросъ о Римѣ и Италіи. Союзники, поддерживавшіе общими силами римъ — правительство и духовенство, — открыто расторгли свой союзный трактатъ и объявили другъ другу войну. Давно уже эта вражда имперіалистовъ и ультрамонтановъ представлялась неизбѣжной. Чтобы раздавить духъ новой жизни и укрѣпиться противъ революціи, правительство, вышедшее изъ государственнаго переворота, предоставило духовенству полныя преимущества, удвоило его содержаніе, поручило ему воспитаніе юнаго поколѣнія и пригласило его на дѣлежъ доспѣховъ одержимой побѣды. De facto духовенство было освобождено отъ всѣхъ общественныхъ обязанностей; оно могло не бояться правосудія, которое всю свою строгость обращало на его враговъ; оно защищало набожныхъ преступниковъ и спасало ихъ отъ наказанія; своими многочисленными обще-

ствами, которыхъ развѣтвленія протягиваются черезъ всю Францію отъ монастыря къ монастырю и проникаютъ даже въ казармы и во всѣ сословія, начиная отъ аристократовъ, окружающихъ престолъ и кончая нищими калѣками, стоящими у церковныхъ дверей, духовныя лица образовали обширный кругъ, стремившійся къ возстановленію алтаря въ первобытномъ его великолѣпіи. Во Франціи сдѣлалось однако слишкомъ тѣсно для двухъ могучихъ соперниковъ, для папы и для императора; послѣдній получилъ приглашеніе исполнить свои обязанности въ качествѣ старшаго сына церкви; если онъ хочетъ быть въ дружбѣ, онъ долженъ возстановить систему кардинальскаго управленія отъ Болоньи до Чивитта-Веккіа; онъ долженъ примириться съ Австріей, пожалуй, долженъ даже предложить Генриху V-му корону, которую онъ задержалъ при себѣ въ теченіи десяти лѣтъ. Въ законодательномъ корпусѣ обсуживали даже въ довольно ясныхъ выраженіяхъ вопросъ о перемѣнѣ династіи.

Передъ лицомъ чистой логики, непогрѣшимая церковь права въ отношеніи къ Наполеону III; она не принимаетъ соглашеній и примиреній между авторитетомъ католицизма и принципами 1789 года; въ ея глазахъ всѣ эти новѣйшія изобрѣтенія, эта поголовная подача голосовъ, эти права народностей, все это — ереси. Что касается до врага Пія IX, врага, получившаго власть посредствомъ государственнаго переворота и народнаго выбора, — то онъ опирается одной рукою на урну, а другой на штыки своего войска; его роль гораздо сложнѣе, и чтобы оставаться вѣрнымъ самому себѣ, постоянно ведетъ рядомъ двѣ политики. Въ Италіи особенно, его политика была нетолько двойственная, но, если можно такъ выразиться, множественная; онъ занималъ Римъ и позволялъ завоевывать Романьи; онъ отзывалъ своего посланника при туринскомъ дворѣ и безъ бою отдавалъ Анкону; онъ защищалъ политику невмѣшательства и безпрестанно вмѣшивался. Органамъ клерикальной партіи не трудно было упрекнуть его въ постоянныхъ колебаніяхъ; не трудно было доказать, что его величайшее искуство состоитъ въ томъ, чтобы постоянно опровергать самого себя. Результатомъ подачи голосовъ было то убѣжденіе, что легитимистическая партія снова сомкнулась и отъ императора окончательно перешла на сторону папы. Въ сенатѣ, клерикальная оппозиція одержала бы рѣшительную побѣду, еслибы въ собраніи не было человѣкъ 20 чиновниковъ, державшихъ сторону правительства. Въ законодательномъ корпусѣ, гдѣ президентъ очень на-

стоятельно поставилъ вопросъ о довѣріи, 90 человѣкъ подали голосъ противъ предлагаемаго параграфа и выразили такимъ образомъ свое недовѣріе правительству, которому они однакожъ обязаны своимъ мѣстомъ и содержаніемъ.

Всѣ эти пренія дали намъ мало интереснаго, за исключеніемъ нѣкоторыхъ историческихъ подробностей насчетъ сношеній французскаго правительства съ папскимъ престоломъ; они не открыли намъ ни настоящей политики Наполеона, ни его плановъ на будущее время. Двоюродный братъ его говорилъ, по его программѣ, въ одномъ смыслѣ, а г. Бильо—въ другомъ; чтобы сохранить ту огромную силу, которую даетъ ему молчаніе, чтобы въ глазахъ Франціи и міра быть оракуломъ, котораго мысль глубока и недоступна изслѣдованію, онъ отказалъ въ инструкціи даже тѣмъ министрамъ, которымъ поручено обсуживать дѣла Италіи и Рима. Они были принуждены, подъ страхомъ отвѣтственности, отгадывать политику своего патрона, если только онъ самъ не ожидаетъ вдохновенія отъ хода событій. Медлить, медлить, потомъ на одну минуту двинуться впередъ, чтобы удобнѣе стоять на мѣстѣ; съ большимъ шумомъ вызвать изъ Рима полкъ и потомъ замѣнить его другимъ полкомъ одинаковой силы — таковы самые обыкновенные пріемы этой выжидающей политики...

Впрочемъ, мы увѣрены, что, если позволютъ обстоятельства, онъ постарается привести въ исполненіе свой проэктъ итальянской федераціи. Когда у него является идея, онъ держится за нее съ безпримѣрнымъ упорствомъ, и пользуется всѣмъ, что только можетъ содѣйствовать ея осуществленію. Вмѣсто того, чтобы оставить проэктъ итальянской федераціи, проэктъ непріятный для самихъ Итальянцевъ, проэктъ, котораго несостоятельность доказывается совершившимся фактомъ добровольнаго соединенія всѣхъ итальянскихъ провинцій, онъ безпрестанно предлагаетъ это разрѣшеніе вопроса и не обращаетъ вниманія на то, что факты каждый день опровергаютъ его идею. Недавно, типографскій станокъ Дантю уже набралъ брошюру, предлагающую раздѣлить Италію на три соединенныя королевства; если брошюра еще не вышла въ свѣтъ, то это случилось благодаря тому, что г. Тувенель и другіе министры подали въ отставку; въ то же время, событія обогнали рѣшенія, которыя онъ вырабатываетъ съ такимъ трудомъ. Несмотря на все это, онъ не оставляетъ своего проэкта.

Всякій вопросъ, строго поставленный, требуетъ быстраго разрѣшенія. Несмотря на оппозицію Наполеона, Модена, Тоскана, Сицилія, Неаполь, Сардинія, Умбрія составили итальянское единство; Гаэта, которую онъ защищалъ впродолженіи четырехъ мѣсяцевъ, взята войскомъ Чальдини. Мессина отдалась безусловно. Чивителла дель-Тронто, послѣдняя крѣпость, занятая неаполитанскими войсками, также спустила знамя; единство охватило Италію отъ Милана до Палермо и вдругъ этотъ народъ, готовый завоевать свою историческую столицу, остановится у воротъ Рима, когда онъ не остановился передъ Анконою и Гаэтой! Героическій порывъ, заставившій Итальянцевъ идти на Палермо и Неаполь, не измѣнитъ имъ въ ту минуту, когда они почти достигаютъ цѣли своихъ желаній. Логика событій, нетерпѣніе Итальянцевъ, соперничество великихъ городовъ полуострова не позволяютъ долѣе медлить; Римъ по всей вѣроятности сдѣлается столицей новаго королевства, если только императоръ не объявитъ себя открытымъ врагомъ Италіи.

Одинъ фактъ могъ бы отбросить на второй планъ вопросъ о Римѣ: начало открытой войны съ Австріей. Еслибы армія ея, сгруппированная на берегахъ По, вдругъ наводнила Ломбардію, то конечно всѣ силы Италіи сосредоточилось бы на томъ пунктѣ, которому грозитъ опасность и занятіе Рима было бы отложено до исхода войны: Итальянцы не могутъ оставить въ Монтуѣ и Веронѣ заряженныя пушки, направленныя на ихъ сердца; не могутъ они въ особенности оставить Венецію во власти имперскимъ пандурамъ. Австрія съ своей стороны можетъ быть никогда не найдетъ болѣе удобной минуты, чтобы открыть войну и вознаградить неудачу 1859 года. Силы Италіи еще не организованы; Неаполь, Сицилія, Умбрія поставили безполезныхъ рекрутовъ. Папа и Францискъ II все еще готовятъ въ Ватиканѣ планы въ пользу Австріи; Францискъ Іосифъ можетъ надѣяться, что успокоилъ Венгрію своими обѣщаніями; и потомъ у него не хватитъ денегъ, чтобы еще двѣнадцать мѣсяцевъ простоять подъ ружьемъ: рѣшится ли онъ перейдти черезъ Минчіо? Если онъ не рѣшится, то рано или поздно осмѣлится Италія, которая съ каждымъ днемъ становится сильнѣе и грознѣе, и которая безъ этого рѣшительнаго шага едва ли можетъ существовать...

Въ ожиданіи этого великаго дня войны, приверженцы итальянской свободы не теряютъ времени. Они стараются устроить во всей стра-

нѣ общество *дѣятелей*. Они принуждены на время оставить графу Кавуру управленіе общественными дѣлами и пользуются этимъ промежуткомъ времени, чтобы скрѣпить демократію въ тѣсныхъ группахъ, связанныхъ между собою единствомъ матеріальныхъ, умственныхъ и нравственныхъ интересовъ. Ассоціація есть то зерно, изъ котораго будутъ развиваться всѣ силы народа; она дастъ средство противиться всѣмъ реакціямъ. Въ странѣ, въ которой такъ высоко стоитъ уровень мысли, въ которой муниципальный духъ сохранилъ первобытную силу, можно всего надѣяться отъ этихъ обществъ работниковъ; въ нѣкоторыхъ городахъ, напримѣръ во Флоренціи, они считаютъ своихъ членовъ десятками тысячъ.

Франція, кажется, остановилась и задумалась надъ путемъ, по которому она шла до сихъ поръ; Италія организуется, Неаполитанскій король отправился въ изгнаніе; свѣтская власть папы держится военной силой, которая завтра же можетъ быть отозвана; Австрія принуждена прибѣгать къ крайнимъ мѣрамъ; старая Турція разваливается на части; всѣ національности, разсѣянныя по Дунаю, просыпаются и между тѣмъ на обѣихъ оконечностяхъ міра въ Европѣ и въ молодой Америкѣ, смѣло заявляютъ протестъ...

Не буду выражать вамъ свое мнѣніе о событіяхъ, совершающихся вокругъ васъ; мое сужденіе конечно показалось бы вамъ неполнымъ. Довольно будетъ сказать, что мы съ величайшимъ вниманіемъ слѣдимъ за этимъ движеніемъ; если оно приведетъ къ хорошему результату, то конечно оно вмѣстѣ съ будущимъ рѣшеніемъ вопроса о различіи расъ въ Америкѣ, будетъ величайшимъ переворотомъ нашего столѣтія. Въ Новомъ свѣтѣ важный фактъ, раздѣленіе Американской республики на двѣ враждебныя группы представляетъ событіе чрезвычайно утѣшительное для друзей справедливости. Принципы проводятся въ міръ фактовъ; свобода и рабство, которыя до сихъ поръ были смѣшаны между собой, расходятся по своимъ областямъ и не будутъ больше смущать свѣтъ своимъ соединеніемъ. Конечно, мы не можемъ надѣяться, чтобы сѣверные штаты съ нынѣшняго дня приняли чисто эмансипаторскую политику, потому что продолжительное участіе въ преступленіи, совершенномъ противъ африканскаго племени, глубоко заразило собой нравственное чувство; но по естественному закону магнитныхъ полюсовъ, два враждебные принципа съ каждымъ днемъ будутъ болѣе расходиться. Уже Канзасъ и вѣроятно Новая Мексика вырваны

изъ рукъ рабовладѣльцевъ и нѣкоторыя пограничныя области съ испугомъ просятъ, чтобы у нихъ выкупили рабовъ, и чтобы ихъ избавили отъ тяготѣющей надъ ними язвы. Если начнется война, тогда прощай безопасность рабовладѣльцевъ; вынужденная эмансипація сдѣлается неизбѣжной.

ЖАКЪ ЛЕФРЕНЬ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Историческіе очерки русской народной словесности и искусства. Сочиненіе Ѳ. Буслаева. (Томъ I: Русская народная поэзія. — Томъ II: Древне-русская народная литература и искусство). Изданіе Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1861 г.

II.

Хотя справедливо, по остроумному замѣчанію Томаса Бёкля, что, при здоровомъ, нормальномъ равновѣсіи духа, фантазія и разсудокъ играютъ свойственныя каждому роли и взаимно другъ другу помогаютъ, однако не менѣе справедливо и то, что въ большей части случаевъ разсудокъ бываетъ слишкомъ безсиленъ, чтобы сдерживать порывы фантазіи и обуздывать ея опасное своеволіе. Цивилизація, въ своемъ прогрессивномъ ходѣ, стремится уравнять эту несоразмѣрность и доставить разсудку авторитетъ, который, на болѣе-низкой ступени развитія человѣческаго общества, былъ исключительно на сторонѣ фантазіи. Но должны ли мы опасаться, что реакція зайдетъ наконецъ такъ далеко, что въ свою очередь наступитъ когда-нибудь тиранія разсудка надъ фантазіей, — это вопросъ величайшаго интереса, на который, однако, при настоящемъ состояніи нашихъ знаній, едва ли можно отвѣчать положительно. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію то обстоятельство, что до сихъ поръ еще не было ничего подобнаго, потому что даже въ наше время, когда фантазія болѣе чѣмъ когда-либо прежде подчиняется законамъ разсудка, она все еще имѣетъ очень и очень много силы (Buckle, I, 103).

Творчество фантазіи обусловливается не тѣми явленіями, среди которыхъ протекла жизнь нашего народа. Все, что возбуждаетъ па-

ническій страхъ, наполняетъ душу удивленіемъ, смутнымъ понятіемъ безконечнаго и сверхъестественнаго, имѣетъ свойство воспламенять фантазію и подчинять ея владычеству, иногда самому ограниченному и безсмысленному, дѣятельность холоднаго разсудка. Въ порывѣ страха и безотчетнаго удивленія человѣкъ смиряется передъ явленіемъ, возбудившимъ этотъ страхъ и удивленіе, смиряется передъ силою и величіемъ природы, испытываетъ томительное чувство своего собственнаго ничтожества и безсилія, какъ физическаго, такъ и моральнаго, именно безсилія разсудка. Со всѣхъ сторонъ гнетутъ его безчисленныя препятствія и обезсиливаютъ его собственную волю, еще дѣтскую, полную сомнѣній; его духъ напуганъ непостижимыми явленіями безконечнаго и таинственнаго, подобно тому, какъ величественная картина высочайшихъ въ мірѣ горъ, въ хребтѣ гималайскомъ, съ ихъ блестящими ледниками и бездонными пропастями, съ горящими на солнцѣ остроконечными вершинами, ниже которыхъ какъ-бы рождаются, клубятся и движутся, какъ живыя существа, дымящіяся массы облаковъ, поселяетъ ужасъ въ самое смѣлое сердце Индуса, для котораго всѣ эти страшныя и непостижимыя картины — что-то живое, грозное и разрушительное, предъ чѣмъ ничтожна его слабая сила. Напротивъ, гдѣ природа не такъ величественна, гдѣ проявленія силъ повидимому слабы, ровны и не такъ порывисты, не такъ неожиданны, какъ въ южныхъ, тропическихъ или самыхъ сѣверныхъ странахъ, тамъ человѣкъ пріобрѣтаетъ какую-то разсудочность, увѣренность въ свои собственныя силы, сознаетъ естественность тѣхъ или другихъ явленій и тѣмъ самымъ парализируетъ порывы фантазіи, которой нѣтъ пищи при ровномъ теченіи жизни и при естественности, повторяемости явленій. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ человѣкъ спокойнѣе, безъ боязни и напряженія фантазіи, анализируетъ свое отношеніе къ природѣ, находитъ послѣдовательность въ ея нѣсколько-размѣренныхъ и стройныхъ явленіяхъ и старается подвести ихъ подъ извѣстные законы. Здѣсь уже есть пища для ума, который крѣпнетъ и развивается по мѣрѣ анализа внѣшнихъ явленій. Его логическимъ комбинаціямъ не помѣшаютъ ни необычайность и неожиданность этихъ явленій, ни страшныя и разрушительныя дѣйствія природы, которая тѣмъ болѣе кажется ему живымъ существомъ, чѣмъ фантастичнѣе и непостижимѣе ея силы и дѣйствія. Какъ поразительна напримѣръ природа въ Азіи, Африкѣ и Америкѣ: горы этихъ странъ выше и пропасти въ междугорьяхъ глубже чѣмъ въ Европѣ,

лѣса роскошнѣе, тѣнистѣе и мрачнѣе, звѣри свирѣпѣе и многочисленнѣе, солнце жарче и лучи его губительнѣе, вѣтры порывистѣе и удушливѣе, землетрясенія, бури, ураганы, моровыя бѣдствія ужаснѣе и продолжительнѣе чѣмъ въ Европѣ; и зато какъ безсиленъ и ничтоженъ кажется въ этихъ странахъ человѣкъ, совершенно подавленный величіемъ природы, весь поддавшійся суевѣрному страху и болѣзненной фантазіи, которая, наперекоръ разсудку, все живитъ и олицетворяетъ, во всемъ видитъ начала чудеснаго и сверхъестественнаго, потому что все таинственное и неизвѣстное — естественная пища фантазіи. Притомъ, нѣкоторыя физическія явленія преимущественно свойственны этимъ странамъ, какъ напримѣръ землетрясенія, сопровождаемыя разными атмосферическими переворотами, которые непосредственно дѣйствуютъ на нервную систему и тѣмъ ослабляютъ нормальныя силы разсудка, притупляютъ его дѣятельность. Ужасъ, который овладѣваетъ человѣкомъ при видѣ страшной силы природы, болѣзненно дѣйствуетъ на нервы, возбуждаетъ всю дѣятельность фантазіи, которая творитъ чудовищные образы и небывалыя существа. Въ Перу, напримѣръ, гдѣ землетрясенія обыкновеннѣе чѣмъ въ какой-либо другой странѣ земнаго шара, каждый разъ подобныя несчастія наводятъ такой ужасъ на жителей, что они окончательно теряютъ присутствіе духа, теряютъ разсудокъ: а между тѣмъ въ Перу, по свидѣтельству Макъ-Куллоха, землетрясенія повторяются до 45 разъ ежегодно. Чувствуя свое безсиліе противъ такихъ непостижимыхъ явленій, человѣкъ начинаетъ создавать въ своей фантазіи чудовищныя представленія и вѣритъ имъ, потому что разсудокъ его ни гдѣ не находитъ точки опоры, ни на чемъ не можетъ остановиться. Даже на Европѣ, на исторіи ея духовной жизни отразилось это вліяніе землетрясеній, которыя у насъ сравнительно весьма рѣдки. Землетрясенія и волканическія изверженія, говоритъ Бёкль, въ Испаніи и на всемъ Пиринейскомъ полуостровѣ случаются чаще и дѣйствія ихъ бываютъ опустошительнѣе, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ Европы, и потому предразсудки здѣсь господствуютъ болѣе чѣмъ гдѣ-либо и низшіе классы народа суевѣрнѣе, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ Европы. Испанія и Италія — это тѣ страны, гдѣ прежде всего водворилось клерикальное господство, гдѣ впервые совершилась порча христіанской религіи и гдѣ всего продолжительнѣе живетъ и крѣпнетъ суевѣріе. Вліяніе природы, отразившись на развитіи фантазіи этихъ народовъ, отразилось и на другихъ проявленіяхъ ихъ ду-

ховной самодѣятельности. Говоря вообще, свободныя искусства, по-крайней-мѣрѣ какъ до сихъ поръ понимались они, входятъ въ область фантазіи столько же, сколько въ наукѣ выражается дѣятельность человѣческаго разума. Достойно замѣчанія, говоритъ Бёкль, что Италія и Испанія произвели величайшихъ живописцевъ и почти всѣхъ величайшихъ ваятелей, какими обладала Европа новѣйшаго времени. Безъ сомнѣнія, Италія дала міру также и нѣсколько замѣчательныхъ ученыхъ; но число ихъ несоразмѣрно мало въ сравненіи съ числомъ ея художниковъ и поэтовъ. Литература Испаніи и Португалліи, напротивъ,—почти исключительно поэтическая, и изъ испанской школы вышло нѣсколько величайшихъ живописцевъ въ мірѣ. Однако отвлеченное мышленіе не имѣло тамъ господства, и весь полуостровъ, отъ временъ самыхъ отдаленныхъ до послѣднихъ дней, не далъ ни одного сколько-нибудь замѣчательнаго имени въ исторіи естествознанія, ни одного ученаго, котораго творенія сдѣлали бы эпоху въ движеніи европейской науки.

Можетъ быть, нѣсколько яснѣе выкажутся передъ нами особенности русской народной поэзіи, если объяснится предварительно, какимъ образомъ, вслѣдствіе упомянутыхъ естественныхъ явленій, преобладаніе фантазіи надъ разсудкомъ въ самыхъ поразительныхъ чертахъ отразилось на поэзіи азіатскихъ народовъ, и особенно на поэзіи и творчествѣ тѣхъ племенъ, которыхъ вся жизнь состояла или въ борьбѣ съ страшными силами тропической природы, или въ нѣмомъ созерцаніи самыхъ поразительныхъ проявленій ея грозныхъ силъ. Ни одна поэзія въ мірѣ не представляетъ такого безумнаго, деспотическаго преобладанія фантазіи надъ разумомъ, какъ поэзія Индусовъ, которая облекла въ стихотворную форму нетолько то, что входитъ въ область поэтическаго творчества, но и всѣ отрасли знанія доступныя Индусу. У Индуса все составляетъ предметъ для поэмы: и сухія грамматическія формы, и юриспруденція, исторія и метафизическіе трактаты, даже математика и медицина, все улеглось въ стихотворную рамку, все написано стихами, все подчинено требованіямъ метра и скандировки, и во всемъ этомъ видна до безобразія своевольная фантазія, точно все народное творчество дѣйствовало подъ вліяніемъ какого-то болѣзненнаго, горячечнаго чувства, и между тѣмъ какая удивительная несообразность въ проявленіяхъ этого творчества, какъ мало естественности и логичности во всей индійской поэзіи. Въ поэмахъ Индустана обыкновенные люди живутъ

на землѣ по 80,000 лѣтъ, а для людей святыхъ нормальная жизнь продолжается 100,000 лѣтъ и болѣе. Какъ самый поразительный примѣръ необузданности фантазіи Индуса, можно привести свидѣтельство изъ индійской исторіи, въ которой говорится, что одинъ блаженный царь жилъ дольше чѣмъ существуетъ самая земля отъ ея основанія, и притомъ, по ихъ же фантастическимъ понятіямъ, онъ взошелъ на престолъ, когда ему было уже 2,000,000 лѣтъ, потомъ царствовалъ 6,300,000 и наконецъ, отказавшись отъ престола, еще влачилъ жизнь въ продолженіи 100,000 лѣтъ. Кодексъ индійскихъ законовъ Мену, древность котораго не превышаетъ 3,000 лѣтъ, по фантастическимъ разсказамъ Индусовъ, представляетъ такой удивительный примѣръ древности, что самое пылкое воображеніе европейца не въ состояніи даже вообразить что-либо подобное: законъ этотъ существуетъ уже 1,830,320,000 лѣтъ. Тиранія фантазіи надъ разумомъ, проявляющаяся иногда въ самыхъ дикихъ образахъ, крѣпнетъ и поддерживается безсмысленнымъ обожаніемъ старины, суевѣрнымъ предпочтеніемъ прошедшаго настоящему. Какъ фантазія ни враждебна здравому смыслу, но поклоненіе священной старинѣ еще враждебнѣе, еще гибельнѣе для истины. Старина, золотой вѣкъ, по понятіямъ всѣхъ неразвитыхъ народовъ, — это-то, надъ чѣмъ необузданно разыгрывается фантазія, гдѣ нѣтъ мѣста разсудку. Полная тиранія фантазіи надъ разсудкомъ и, вслѣдствіе этого, поклоненіе старинѣ, объясняютъ намъ жалкое положеніе всѣхъ восточныхъ народовъ, ихъ вѣчную неподвижность, застой мысли и дѣла, точно народы эти окаменѣли въ своихъ гражданскихъ формахъ. Преобладаніе фантазіи надъ разсудкомъ и привязанность къ героической старинѣ, хотя не въ такой степени, какъ въ Индіи, едва ли не были причиной того, что Греція, такая поэтическая страна, съ такимъ повидимому способнымъ народомъ, остановившись въ своемъ развитіи, была убита возраждавшимися вокругъ жизненными силами другихъ народовъ, и неподвижно стоитъ до сихъ поръ, безполезно и бездѣйственно мечтая о славномъ Гекторѣ, Ѳемистоклѣ и Алкивіадѣ, тогда какъ холодный сѣверъ, какой-нибудь туманный, безсолнечный Албіонъ, съ его реальными стремленіями, ушелъ такъ далеко впередъ, можетъ быть потому, что старина его была не такъ поэтична, какъ старина Индіи и Греціи, и его фантазіи не къ чему было привязаться, кромѣ дѣйствительной жизни.

Совершенно подъ иными условіями выработывалось поэтическое

творчество русскаго народа. Исторія застаетъ Славянъ въ Европѣ, между Чернымъ и Балтійскимъ морями, по обѣимъ сторонамъ Карпатскихъ горъ и Дуная, и тѣ племена, изъ которыхъ образовалась русская народность, — собственно къ сѣверу отъ Дуная, о которомъ и осталось воспоминаніе въ поэтическихъ преданіяхъ старины и даже въ пѣсняхъ позднѣйшаго цикла. Племена эти еще Богъ-вѣсть когда разбрелись по широкой равнинѣ, раскинутой на цѣлыя тысячи верстъ, начиная отъ Карпатъ и кончая Алаунскою возвышенностью и отрогами Уральскаго хребта, и сѣли, какъ можно заключить изъ самыхъ древнѣйшихъ свидѣтельствъ, кто въ дремучихъ лѣсахъ и равнинахъ междулѣсья, кто по теченію рѣкъ. Уже доисторическая жизнь нашего народа разлагается такимъ образомъ на два періода: жизнь къ югу отъ Дуная и Карпатъ, среди болѣе или менѣе роскошной природы, и жизнь сѣверная въ природѣ болѣе или менѣе суровой, среди равнинъ, степей и лѣсовъ, которые были, конечно, дремучѣе тѣхъ, какими теперь мы видимъ ихъ. Природа, среди которой протекло доисторическое существованіе нашего народа, не отличалась ни поразительной яркостью и жизненностью тропическаго юга, болѣзненно дѣйствовавшихъ на фантазію Индуса, ни пластичностью Эллады, съ ея жаркимъ солнцемъ, съ омывающими ее голубыми морями, игравшими такую важную роль въ жизни Грека, ни дикой, суровой картинностью скандинавскаго сѣвера, не менѣе Эллады чувствовавшаго вліяніе моря, не того сѣвера, гдѣ глазъ ничего не видитъ кромѣ снѣга, болотъ и тундры, но сѣвера картиннаго и поразительнаго, съ скалистыми горами и блестящими на солнцѣ ледниками, съ суровой и продолжительной зимой, съ звонкими, говорливыми ручьями горъ и бездонными въ междугорьяхъ озерами. Наше русское солнце не жгло и не убивало своими отвѣсными лучами, какъ въ Индіи; наши перуны гремѣли хотя и страшно, но не производили такихъ опустошеній, какъ въ горахъ и равнинахъ Индустана; вѣтры, бури и ураганы не были у насъ такъ разрушительны, какъ на югѣ; наши дожди никогда не были ливнями, затоплявшими страну по цѣлымъ мѣсяцамъ; наши горы не были такъ недосягаемо-высоки, не упирались въ небо, не блистали ледниками, вокругъ которыхъ клубились бы, точно живыя, облака и сверкали молніи, и у насъ не было ни одной горы, на которую не взошелъ бы самый безстрашный человѣкъ, не исходилъ бы ее вдоль и поперегъ; дикіе звѣри, крывшіеся въ нашихъ дремучихъ лѣсахъ, были бѣлки и куницы,

лисицы, зайцы, волки и, самые страшные, — медвѣди, которые едвали могли производить на человѣка такое впечатлѣніе, какъ звѣри въ Индіи, съ ея слонами, львами и пантерами; наши змѣи — ужи и мѣдянки не были такъ опасны, какъ змѣи юга. Наша природа не возбуждала ни чувства ужаса, ни удивленія. Море мы видѣли только изрѣдка, но не то безконечное море, которое омываетъ берега Индустана, и не блестящее море Эллады; наконецъ, не грозное море сѣвера, волнующееся у береговъ Скандинавіи, покрытое горами льда, а море довольно покойное, съ ровными, песчаными или болотистыми берегами; о «трусахъ земли» мы знали только понаслышкѣ, по преданіямъ. На долю русскаго народа выпала болѣе скромная обстановка. У него были только быстрыя рѣчки съ крутыми берегами, зеленый боръ съ кунами и векшами да кедровыми орѣхами, скромныя лужайки съ травою-муравою да лазоревыми цвѣтиками, болотистыя, заросшія камышемъ озера, съ плавающими по нимъ бѣлыми лебедями да сѣрыми утицами, благодатный частый дождикъ, поливавшій мать-сыру землю, да трудовую пашню; были у него зимы холодныя, ночи осеннія темныя, да степи, безконечныя степи, которыя пока переѣдешь, такъ одурь возьметъ, сердце все изноетъ отъ тоски и одиночества.

Среди такой обстановки протекала жизнь русскаго народа въ самую доисторическую эпоху и эти-то картины обусловливали развитіе его фантазіи. Какъ видимъ, не съ чего было разыграться этой фантазіи, не надъ чѣмъ было работать воображенію, — ничего ужаснаго и поразительнаго, ничего блестящаго не представляла русская природа, до утомленія однообразная. Оттого такъ бѣдна наша миѳологія, такъ безобразны наши боги, для созданія которыхъ природа не представляла ни того матеріала, какой былъ у другихъ народовъ, ни той страшно-поэтической обстановки, которою окружены божества другихъ странъ. Одно только явленіе наиболѣе поражало воображеніе Славянина, это громъ, и явился богъ Перунъ, имѣющій опредѣленную личность и характеръ, хотя и образъ Перуна является довольно блѣднымъ. Свѣтъ, солнце и огонь, какъ самыя естественныя явленія, давали пищу народной фантазіи; а потому къ этимъ явленіямъ пріурочена большая часть нашихъ божествъ; но поэзія и изъ этихъ представленій не создала ничего цѣльнаго и óбразнаго. Однимъ словомъ, во всей нашей миѳологіи очень мало поэтическаго начала, нѣтъ ничего ни увлекательнаго и картиннаго, какъ въ миѳологіи Грековъ, ни

грознаго и поразительнаго какъ въ миѳологіи Индуса и даже Норманна. Поэтому образы, созданные, такъ сказать, безъ участія вдохновенія, не приковывали къ себѣ таинственной силой, не были ни страшны, ни дороги для народа, и скоро сглаживались въ его воспоминаніи, теряли свою чарующую силу и легко забывались. Такой индифферентизмъ въ отношеніи къ языческимъ божествамъ имѣлъ важныя послѣдствія въ исторіи русскаго народа и въ исторіи его поэзіи.

Вліяніе условій, дѣйствующихъ прямо на чувства человѣка и на его фантазію, видимо отразилось даже на характерѣ поэзіи той или другой мѣстности Россіи. Нѣтъ сомнѣнія, что въ иныхъ мѣстностяхъ и преданія поэтичнѣе, и сказки стройнѣе и увлекательнѣе, и пѣсни лучше, и голоса ихъ, можно сказать, сердечнѣе и впечатлительнѣе, между тѣмъ какъ другія мѣстности отличаются отсутствіемъ въ народѣ всякаго творчества, тупостью воображенія и неподвижностью мысли. Кто не согласится, что малорусская народная поэзія роскошнѣе и задушевнѣе поэзіи великорусской; выраженія ея эпичнѣе, своеобразнѣе, краски ярче, образы живѣе и впечатлительнѣе: — и это оттого, что развитію фантазіи южнорусскаго народа способствовали иныя, болѣе счастливыя условія, чѣмъ тѣ, которыя выпали на долю болѣе сѣверныхъ обитателей Россіи. На югѣ Россіи и солнце горитъ ярче и грѣетъ дольше; тамъ и небо свѣтлѣе, чѣмъ на сѣверѣ, и зелень разнообразнѣе, и степи картиннѣе, и украинскія ночи такъ хороши,— оттого и пѣсня по ночамъ льется тамъ звонче, и вѣнки завиваются охотнѣе, и вечеръ на Ивана Купала такъ поэтиченъ, такъ богатъ преданіями. Въ природѣ все, сколько-нибудь останавливающее на себѣ вниманіе человѣка, дѣйствуетъ на его фантазію и на его поэтическое творчество. Рѣки, переставъ быть предметами обожанія, долго не перестаютъ вдохновлять народъ или своею величественностію, или прозрачностью воды, или картинностію береговъ. Гангъ воодушевлялъ Индуса, Тибръ Римлянина, Испанца Брента, Славянина — тихій Дунай, Сава и Морава. Такъ и Волга, единственный предметъ, поражающій глазъ обитателя восточной половины Россіи, довольно бѣдной картинами природы, становится предметомъ удивленія, шевелитъ чувство и воображеніе. И замѣчательно, что пѣсни, гдѣ упоминается эта рѣка, едва-ли не поэтичнѣе прочихъ великорусскихъ пѣсенъ. Суровая жизнь бурлака, борьба съ опасностями, непомѣрный трудъ, воспоминаніе о покинутой семьѣ, — все это вызываетъ изъ груди рабочаго такую тоскливую пѣсню, въ ко-

торой слышится больше слезъ, чѣмъ какого-либо другаго чувства, но зато въ ней не мало и поэзіи. И чѣмъ горче жизнь, чѣмъ больше опасностей, тѣмъ болѣзненнѣе говоритъ фантазія, и тѣмъ задушевнѣе, иногда даже тѣмъ звонче, поется пѣсня. Невеселая жизнь нашихъ сибирскихъ переселенцевъ, вдали отъ родины, опять затрогиваетъ фантазію, поднимаетъ воспоминанія о прошедшей, лучшей жизни, и оттого такъ пѣвучъ сибирскій каторжникъ и заводскій рабочій, и такія старинныя пѣсни удается иногда записывать гдѣ нибудь за Уральскимъ хребтомъ, въ рудникахъ или на золотоносныхъ розсыпяхъ. Говоря вообще, кочевая жизнь и чужая сторона имѣютъ прямое вліяніе на фантазію, какъ и горькая жизнь переселенца развиваетъ это качество, которое и услаждаетъ человѣка, взамѣнъ другихъ, болѣе положительныхъ благъ жизни. Все это, наконецъ, приводитъ насъ къ тому же, что сказалъ г. Буслаевъ о народномъ пѣвцѣ вообще, о слѣпомъ и нищемъ, которому ничего не оставалось въ жизни, какъ пѣть и хранить преданія старины, потому что у него ничего больше не было для сбереженія.

Несмотря однако на видимыя отклоненія въ характерѣ той или другой мѣстности, на большую или меньшую пѣвучесть украинца, поволжскаго бурлака и сибиряка, природа, съ колыбели окружавшая славянина, и въ особенности того, котораго жизнь протекла на равнинѣ между Карпатами и Алаунами, а не за Дунаемъ, не была такъ впечатлительна, или настолько сурова, чтобы развить въ немъ фантазію насчетъ разсудка и другихъ способностей духа. Но эта природа и вся жизненная обстановка не были похожи и на тѣ печальныя, лишенныя всякой поэзіи картины, среди которыхъ, напримѣръ, тянется жизнь среднеазіатскаго номада, для котораго блеяніе стада представляетъ самые мелодическіе звуки въ природѣ, а сочная трава на пастбищѣ — конечныя цѣли жизни; котораго пѣсня состоитъ изъ набора словъ, выражающихъ то, что онъ видитъ въ степи, а голосъ этой пѣсни напоминаетъ заунывный вой вѣтра, врывающагося въ отверстіе шалаша. Пѣсня Киргиза, напримѣръ, безконечна, какъ степь, по которой онъ кочуетъ, и такъ же какъ степь безобразна, непоэтична и грустна. Онъ поетъ только о томъ, что даетъ ему бѣдная природа, — а она ничего не представляетъ кромѣ безконечной глади, обожженной солнцемъ травы, безоблачнаго неба и изрѣдка пролетающей степью птицы да убѣгающаго вдаль сайгака. Нѣтъ, наша природа и жизненная обстановка русскаго народа не таковы, какъ у

Киргиза; его фантазія не обнищала оттого, что онъ не видѣлъ ни безконечнаго моря, ни высокихъ горъ, ни тропической растительности, но зато она и не развилась до такого безобразія, какъ у Индуса, и не достигла той степени поэтичности и образности, какою отличалась фантазія Грека. Въ духовномъ развитіи русскаго народа ни фантазія не преобладала надъ разсудкомъ, ни тираническое преобладаніе разсудка не убивало фантазіи. Это развитіе, такое медленное, повидимому такое жалкое, не имѣетъ ничего общаго съ быстрымъ возвышеніемъ и такимъ же быстрымъ паденіемъ эллинскаго народа, ни съ временнымъ развитіемъ и продолжительнымъ застоемъ племени, населяющаго Пиринейскій полуостровъ; зато историческія судьбы нашей народности не могутъ быть также поставлены въ параллель съ историческимъ ходомъ народности британской, повидимому не знавшей никогда застоя и также никогда не обнаруживавшей преобладанія фантазіи надъ разсудкомъ. Наконецъ, послѣднее обстоятельство, способствовавшее сравнительно меньшему возбужденію фантазіи въ славянскихъ племенахъ, жившихъ къ сѣверу отъ Дуная и Карпатъ,—это здоровый климатъ, которымъ отличаются равнины, занятыя русскими Славянами. Болѣзни, выходящія изъ разряда обыкновенныхъ, особенно эпидемическія, и внезапная смерть составляютъ такія явленія, которыя воспламеняютъ фантазію младенчествующаго народа, если даже и нѣтъ другихъ обстоятельствъ, могущихъ дѣйствовать на его воображеніе. Нигдѣ эпидемическія болѣзни не свирѣпствуютъ съ такой силой, какъ на востокѣ, и нигдѣ таинственная сила болѣзней не поэтизируется до такой степени, какъ на востокѣ. Напуганное воображеніе создаетъ, на основаніи разрушительныхъ симптомовъ болѣзни, цѣлые образы и олицетворяетъ ими таинственную силу, будто бы странствующую по землѣ и пожирающую людей. Климатъ европейскихъ странъ сравнительно здоровѣе чѣмъ въ Азіи; оттого съ этой стороны не могло быть чрезмѣрнаго возбужденія фантазіи; еще меньше это могло быть въ Россіи, въ умѣренной полосѣ, гдѣ, разумѣется, существовали только болѣзни эндимическія, мѣстныя, какія нибудь простудныя лихорадки, горячки, но отнюдь не чума, не холера и не проказа. При всемъ томъ, даже при такихъ обыкновенныхъ случаяхъ болѣзней, фантазія не могла не быть поражена хотя общностью и повторяемостью явленій, и вотъ въ воображеніи народа возстаютъ таинственныя существа, — лихорадки, «нежиты», «игрецы», изображенія которыхъ такъ фантастичны, ды-

шутъ такой наивностью первобытнаго воззрѣнія человѣка на міръ.— Въ нихъ олицетворяются божества карающія, злобныя, силы гнѣва и разрушенія (у Сербовъ и теперь оспа называется «богиње»). Оттого, сообразно съ климатическими условіями, всего болѣе фантазія славянина и русскаго работала надъ оживотвореніемъ сестеръ—лихорадокъ, которыхъ насчитывается такое множество въ нашихъ повѣрьяхъ. Но какъ бы то ни было, климатическія условія и въ этомъ отношеніи мало способствовали возбужденію фантазіи русскаго народа въ младенческую пору его развитія.

Принимая во вниманіе, что степенью развитія фантазіи обусловливается богатство народной миѳологіи, мы можемъ теперь положительно сказать, почему наша миѳологія такъ бѣдна и мало поэтична, почему наши боги не возбуждали такой горячей къ себѣ привязанности и не пользовались такой долговѣчностью, какъ боги Греціи; почему такъ равнодушно народъ смотрѣлъ на посрамленіе своего главнаго идола, Перуна, когда его, опутаннаго веревками, тащили по грязи, били палками и толкали въ Волховъ. Еслибы съ вѣрованіемъ въ Перуна соединялось больше фантазіи и чувства, то народу не легко было бы разстаться съ нимъ. Притомъ надо и то сказать, что изъ всѣхъ племенъ, населявшихъ Россію, сѣверное или новгородское было едва-ли не самое практическое, дѣловое, такъ быстро развившееся до самоуправленія, и слѣдовательно менѣе прочихъ допускавшее преобладаніе фантазіи надъ разсудкомъ; между тѣмъ о Кіевлянахъ, предкахъ нынѣшняго пѣвучаго украинскаго народа, для которыхъ вѣра была болѣе дѣломъ сердца, чувства и поэтическаго настроенія, чѣмъ для Новгородцевъ, преданіе говоритъ, что когда Перуна привязали къ конскому хвосту и волочили по улицамъ, Кіевляне не могли вынести поруганія надъ богомъ, котораго создала ихъ впечатлительная фантазія, и горько плакали. Этимъ различіемъ характера племенъ южныхъ и сѣверныхъ едва-ли не слѣдуетъ объяснить и то обстоятельство, что былины миѳологическаго цикла и всѣ богатырскія пѣсни, большею частію имѣютъ отношеніе къ Кіеву, между тѣмъ какъ почти только Василій Буслаевъ, гость Терентьище и «Садко богатый гость» (да и тотъ съ Волги) дѣйствовали въ Новгородѣ. Какъ-то невольно фантазія народа переносится ближе къ югу, если не къ Дунаю, то къ Кіеву, и самыя вѣдьмы со всей Россіи въ извѣстные сроки слетаются по ночамъ на Лысую гору, все туда же къ Кіеву. Во всѣхъ поэтическихъ преда-

ніяхъ, съ миѳологическою основою, также не безъ причины разсказываются событія такимъ образомъ, что зима рѣдко или почти никогда не упоминается въ этихъ разсказахъ, а всѣ подвиги богатырей и вѣщихъ людей совершаются лѣтомъ: на первомъ планѣ солнце, степь, трава, зеленый лѣсъ и вся обстановка южной природы, но почти нѣтъ и намековъ на зимнія бури, на снѣгъ и мятели, на замерзанія рѣки и прочія принадлежности холоднаго сѣвера. Притомъ, во многихъ поэтическихъ мотивахъ ясно слышатся отголоски юга; можетъ быть, смутныя воспоминанія о задунайской родинѣ нашего народа, о яркомъ солнцѣ, о садѣ-виноградѣ, о той природѣ, которая, еще въ доисторическія времена, взлелѣяла поэтическое чувство Полянъ и Древлянъ, разогрѣла ихъ фантазію такъ, что даже сѣверная природа, въ теченіе многихъ столѣтій не успѣла остудить поэтическаго жара, источникъ котораго — въ иной природѣ, еще и до сихъ поръ незабытой народомъ. Зато, чѣмъ ближе къ Дунаю, къ югу, тѣмъ замѣтнѣе вліяніе природы на фантазію Славянина, такъ-что Сербъ и Черногорецъ являются любимыми дѣтьми природы, и поэзія ихъ дышетъ первобытностью болѣе чѣмъ русская, потому что послѣдняя какъ будто остановилась въ своемъ творчествѣ, не идетъ дальше того, что создала въ былое время, тогда какъ сербскій «слjепацъ» и теперь поетъ по вдохновенію, творитъ, такъ-сказать, по горячимъ слѣдамъ событія новую пѣсню, и она почти также хороша и эпична какъ старая.

Хотя, вслѣдствіе приведенныхъ нами обстоятельствъ, какъ въ исторіи нашего собственнаго развитія, такъ и въ поэтическомъ творчествѣ Русскихъ фантазія не могла играть такой всеобъемлющей роли, какъ у народовъ южныхъ, при всемъ томъ, въ характерѣ нашего народа и въ самомъ духѣ его поэзіи нельзя не замѣтить одной особенности, которая не могла не служить реакціей его духовному развитію. Это—свойственное преимущественно восточнымъ народамъ, — слѣпое поклоненіе старинѣ. Качество это есть не что иное какъ самый естественный эквивалентъ фантазіи, ближайшій продуктъ воображенія, но не разсудка. Если языческая древность, съ Перунами и Дажьбогомъ, не настолько была обаятельною для воображенія русскаго Славянина, что онъ довольно хладнокровно смотрѣлъ, какъ ее изгоняли изъ капищъ и священныхъ рощей, какъ били и толкали въ воду главнаго идола, то взамѣнъ этого фантазія его все-таки не разлюбила этой языческой старины и хотя отчасти забыла ее съ те-

ченіемъ времени, какъ забывается все на свѣтѣ, однако привязалась потомъ къ старинѣ болѣе памятной, къ тому что вообще прошло, и всегда отдавала этому прошедшему предпочтеніе. Это вообще свойство первобытности, эпичности воззрѣній, и первый признакъ младенчества, неразвитости или застоя народной мысли, довольствующейся тѣмъ, что осталось отъ старины, и повидимому безсильно создать что-либо новое, лучшее. Оттого-то и пѣвецъ Полка Игорева счелъ необходимымъ предувѣдомить слушателей, что онъ будетъ разсказывать о подвигахъ князей «старыми словесы». Оттого такъ обыкновенна въ нашихъ героическихъ былинахъ эпическая припѣвка, заканчивающая разсказъ о чудесахъ древности: «то старина, то и дѣянье, какъ бы добрымъ людямъ на послушанье, молодымъ молодцамъ на перениманье» и т. д. Оттого, наконецъ, народная пѣсня заставляетъ царя Алексѣя Михайловича говорить такія несообразности, при отправленіи воеводы съ войскомъ къ Соловецкому монастырю, нехотѣвшему принимать исправленныхъ книгъ:

Охъ, ты гой еси, большой бояринъ,
Ты любимый мой воеводушка!
Ты ступай-ка ко морю ко синему,
Ко тому острову ко большому,
Ко тому монастырю ко честному,
Къ Соловецкому;
Ты порушь вѣру старую, правую,
Постановь вѣру новую, неправую и т. д.

(Изъ Сборн. г. Якушкина).

Народная поэзія, какъ созданіе болѣзненнаго, напуганнаго воображенія или какъ выраженіе дѣтскихъ воззрѣній народа на природу и явленія внѣшняго міра, едвали поэтому имѣетъ право на признаніе за ней «высокаго назначенія» въ жизни человѣка; едвали можно утверждать, говоря напримѣръ о значеніи сказокъ въ связи съ духовной жизнію народа, что и такая поэзія находится «внѣ всякаго подозрѣнія въ неправдѣ и обманѣ»; что «сущая правда, безсмысленная ложь, не могла бы пронестись на разстояніи вѣковъ по многимъ народамъ и племенамъ общимъ согласіемъ въ главныхъ мотивахъ сказочнаго преданія, и не могла бы такъ твердо окрѣпнуть въ національности каждаго» (Бусл. I, 309).

Но въ томъ-то и заключается несчастная, жалкая сторона народнаго духа, въ томъ и встрѣчаетъ онъ неодолимое препятствіе къ своему совершенствованію, что человѣкъ имѣетъ свойство считать святой правдой то, что представлялось ему нѣкогда въ порывѣ нечаяннаго испуга, или въ горячечномъ бреду, или наконецъ просто воображалось, когда еще онъ былъ ребенкомъ и солнце считалъ окошкомъ, прорубленномъ въ небѣ, а шаръ земной понималъ не иначе какъ большимъ комомъ земли, положеннымъ на китахъ. Ребенокъ и теперь такъ думаетъ: онъ и теперь наказываетъ куклу, въ полномъ убѣжденіи, что она чувствуетъ боль, подобно тому какъ персидскій царь стегалъ кнутомъ море за непослушаніе, а наши предки сѣкли «батоги нещадно» колокола, не будучи въ силахъ поднять ихъ. Дѣйствительно, здѣсь не можетъ быть и мысли заподозрить ребенка въ преднамѣренной лжи и «обманѣ»; но едвали все, что грезилось дитяти или что создалъ ребенокъ-народъ, можетъ имѣть высокое назначеніе въ его послѣдующей жизни, хотя бы все это было удивительнымъ образомъ тожественно у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ и прошло неизмѣненнымъ въ главныхъ мотивахъ нетолько черезъ сотни, но тысячи и десятки тысячъ лѣтъ. Какъ-то грустно сознаться, что въ народныхъ вѣрованіяхъ, столь интересныхъ для ученаго или поэта, есть много сторонъ очень невыгодныхъ развитію національной жизни. Богатое прошедшее служитъ вѣрнымъ признакомъ бѣднаго будущаго. Это происходитъ оттого, что чѣмъ ярче, картиннѣе и фантастичнѣе образы доисторической старины, чѣмъ больше воображенія потрачено на созданіе ихъ, тѣмъ труднѣе разстаться съ ними, тѣмъ дороже они народу и тѣмъ долговѣчнѣе, а слѣдовательно, тѣмъ упорнѣе задерживаютъ поступательный ходъ его мысли.

Братьями Гриммами уже достаточно объяснена доисторическая связь большей части преданій всѣхъ индоевропейскихъ племенъ, ихъ взаимное сродство и общность источниковъ этихъ преданій; г. Буслаевъ также достаточно раскрылъ миѳологическое значеніе народной поэзіи и въ томъ числѣ славянскихъ сказокъ (въ XII главѣ «Очерковъ»). Продолжать начатое г. Буслаевымъ — значитъ разработывать предметъ вширь; а не въ глубь, подбирать крохи, имъ обойденныя или незамѣченныя, укавывать на мелкіе промахи или невольныя натяжки; притомъ, все это перенесло бы насъ снова въ область миѳологіи, въ міръ фантазіи, языческихъ и полуязыческихъ вѣрованій и разныхъ дѣтскихъ бредней, — и далеко бы увело отъ

дѣйствительной жизни и дѣйствительной правды, которыя видимо пробиваются въ народной поэзіи, несмотря на все владычество фантазіи надъ разсудкомъ, на преобладаніе идеальнаго надъ едва замѣтными проблесками чего-то другаго, лучшаго.

Довольно странный мотивъ, останавливающій на себѣ вниманіе въ народныхъ сказкахъ, это всегдашнее торжество *дурака* (дурня) надъ всѣми препятствіями, о которыя разбивается всякая могучая сила другихъ людей, даже повидимому умныхъ и практическихъ. Ни физическій трудъ, подъ которымъ изнемогаетъ самый крѣпкій изъ богатырей, ни таинственныя чары колдовства, противъ которыхъ безсильно все живущее на землѣ, ни мудрость человѣческая, ни хитрость и изворотливость, ни разрушительныя силы огня, воды и вѣтровъ, ничто не въ состояніи остановить дурака и помѣшать ему сдѣлать то, на что онъ однажды рѣшился. Отчего же такое предпочтеніе дураку? Еслибы сказка изображала его юродствующимъ, притворяющимся, маскирующимъ свой умъ и свои способности — это было бы еще понятно: скинувъ маску дурака, мнимый глупецъ могъ явиться идеаломъ совершенства. Но задней мысли нѣтъ въ сказкѣ: она совершенно искренно передаетъ, что у такаго-то мужика или царя было три сына — два умныхъ, а третій непремѣнно дуракъ, дуракъ вполнѣ, и по понятію родныхъ и по общепринятому о немъ мнѣнію; и самъ герой считаетъ себя дуракомъ. До начала подвиговъ вся жизнь его соотвѣтствуетъ той роли, какую играетъ глупый мужичекъ въ народныхъ понятіяхъ: онъ ни къ чему не способенъ, ни на что не годенъ: работать онъ не работаетъ, и на него даже и не расчитываютъ какъ на работника, не посылаютъ ни въ поле, ни въ городъ, никуда; дуракъ всю жизнь проводитъ на печкѣ и даже не совсѣмъ благопристойно ведетъ себя, какъ это можно слышать въ малорусскихъ сказкахъ; великорусскій же дуракъ только и бываетъ неравнодушенъ къ толокну и луку. — Но вдругъ въ жизни дурака совершается переворотъ: оказывается физическая сила, которой въ немъ прежде не замѣчали, а главное онъ начинаетъ дѣйствовать повидимому умно и честно, побѣждаетъ всѣ препятствія и входитъ въ славу, то есть, или живетъ-поживаетъ да медъ попиваетъ, или, наконецъ, дѣлается царемъ. — Чѣмъ же объяснить эту странную игру фантазіи? Нѣтъ сомнѣнія, что въ сказочномъ дуракѣ народное творчество изобразило идеалъ человѣка, до котораго только можетъ достигнуть смертный; дуракъ — въ своемъ родѣ «герой на-

шего (по понятіямъ народа) времени», конечно времени давнишняго, первобытнаго, но все же герой. Слѣдовательно, въ дуракѣ народъ рисуетъ такую личность, которая вполнѣ соотвѣтствуетъ его понятіямъ о назначеніи человѣка, то есть — онъ возсоздаетъ свой собственный образъ, самого себя. Вслѣдствіе какихъ соображеній онъ является сначала дуракомъ, это можно, кажется, объяснить, не безъ нѣкотораго вѣроятія, развѣ только деликатной скромностью народа, всегда сознававшаго, что не въ видимыхъ признакахъ ума познается настоящій умъ, а что нерѣдко скрывается онъ подъ совершенно иною оболочкою и проявляется только въ дѣйствительно-важныхъ случаяхъ. Что сказочный дуракъ физически силенъ, это не удивительно, если только подъ мнимымъ дуракомъ народъ разумѣлъ себя самого. Иванъ Попяловъ, двѣнадцать лѣтъ валявшійся въ золѣ (потому что былъ дурачекъ), когда рѣшился убить змѣя, похитившаго солнечный свѣтъ, попросилъ отца сдѣлать ему дубинку въ пять пудовъ, и когда она была готова, такъ высоко бросилъ ее вверхъ, что и не дожидался, пока она упадетъ на землю, а пошелъ домой, и только на другой день вышелъ въ поле, къ тому мѣсту, гдѣ должна была упасть его палица; онъ подставилъ подъ нее лобъ, и ударившись о крѣпкую голову дурака, дубинка разломилась надвое; когдажъ кинулъ другую дубинку, въ десять пудовъ, то ждалъ ее три дня и три ночи: ударившись потомъ объ колѣнку богатыря, — и эта дубинка разлетѣлась на три части; наконецъ, третья палица, въ пятнадцать пудовъ, брошенная вверхъ, упала только на седьмой день и опять ударила дурака въ лобъ. Только отъ этой дубины подался нѣсколько лобъ дурака (Аѳанасьевъ, II, 100—101). Но способность побѣждать всякія чары дуракъ получалъ извнѣ, и только вслѣдствіе тѣхъ похвальныхъ качествъ, которыя уважались народомъ. Дуракъ изображается смирнымъ и послушнымъ сыномъ; онъ уважаетъ старость и слушается совѣтовъ бывалыхъ людей: вотъ гдѣ разгадка всѣхъ его удачъ и даже торжества надъ непобѣдимой силой чародѣйства. Только тотъ, кто послушенъ, кто уважаетъ старину и преданіе, кто сынъ своей земли, кто не надѣется ни на свои собственныя силы, ни на свой умъ, а живетъ наслѣдственной мудростью предковъ, только тотъ будетъ въ силахъ побѣдить всѣ препятствія, выйти изъ подземнаго царства, достать себѣ царевну и получить царство, хотя бы прежде онъ и въ самомъ дѣлѣ былъ дуракомъ. Такъ и въ этомъ случаѣ народная фантазія выходитъ на свою любимую дорогу, поетъ свою люби-

мую пѣсню: Илья Муромецъ получилъ силу за свои добрыя качества, за патріархальное гостепріимство, за радушный пріемъ старцевъ, «каликъ перехожихъ», и всю жизнь былъ счастливъ и непобѣдимъ, потому что слушался родительскаго благословенія, былъ идеаломъ русскаго народа. Въ сказкахъ о трехъ братьяхъ всегда разсказывается такъ, что умные изъ нихъ надѣются на свои собственныя силы, ни у кого не спрашиваютъ совѣта, дѣйствуютъ недобросовѣстно и имъ ни что не удается; а меньшой, отправляясь на подвигъ богатырскій, непремѣнно встрѣтится съ старухой, съ самымъ безобразнымъ существомъ, у котораго почти нѣтъ и вида человѣческаго, вслѣдствіе глубокой старости; старуха непремѣнно спроситъ богатыря о причинѣ задумчивости или о его слезахъ, и когда услышитъ грубый отвѣтъ (эти отвѣты выражаются въ сказкахъ большею частью очень непривѣтливо, какъ напримѣръ въ одной сказкѣ, записанной для насъ въ Саратовской губерніи, гдѣ царевичъ объясняется совсѣмъ не печатнымъ стилемъ), то не дастъ мудраго совѣта; но когда ей покажутъ уваженіе, она всегда замѣтитъ, намекая на важное значеніе старости, — «дурашка, мучишься, а старухѣ не кучишься» или что «и стары люди пригодятся», и дастъ самые полезные совѣты, свято исполнивъ которые, дуракъ всегда останется побѣдителемъ. Такъ въ сказкѣ о «сивкѣ–буркѣ, вѣщемъ–воронкѣ», Иванъ–дуракъ, ничего недѣлавшій, а только сидѣвшій на печи въ углу и сморкавшійся, получилъ вѣщаго коня, добылъ царевну и самъ сдѣлался царемъ, единственно за почтеніе къ отцу–старику, который, умирая, завѣщалъ тремъ сынамъ своимъ переночевать по разу у него на могилѣ. Когда старшіе братья не хотѣли этого сдѣлать, а на могилу ходилъ одинъ дуракъ, то отецъ и наградилъ его волшебнымъ конемъ. Въ этомъ заключается дидактическая основа сказокъ о дуракѣ, а sens moral — подтвержденіе народнаго вѣрованія, что только старина спасительна. И замѣчательно, что весь смыслъ народной поэзіи подводится къ этому единственному тезису, который одинаковъ у всѣхъ младенчествующихъ народовъ, и у Индусовъ, и у Арійцевъ, у всѣхъ азіатскихъ, европейскихъ народовъ, особенно въ пору ихъ умственнаго дѣтства. Неудивительно, что въ народной памяти такъ прочна старина со всѣми ея заблужденіями и несовершенствами, со всѣмъ тѣмъ добромъ, а чаще зломъ, которое и передается народамъ по наслѣдству.

Переходъ отъ эпическихъ воззрѣній народа на значеніе старины

къ воззрѣніямъ болѣе поздней эпохи составляютъ тѣ преданія, гдѣ выказывается превосходство глупаго человѣка надъ умнымъ безъ всякаго повидимому отношенія къ тѣмъ понятіямъ, что и положительная глупость, подкрѣпляемая наслѣдственной, народной мудростью, взятою хотя напрокатъ, руководимая завѣтной стариной, можетъ быть сильна и дѣйствовать съ тактомъ, что мы сейчасъ показали. Въ этихъ послѣднихъ сказаніяхъ народная фантазія какъ-бы силится показать ничтожество ума, какъ-бы издѣвается надъ его несовершенствомъ. Это уже начало борьбы разсудка съ фантазіей, желаніе выбиться изъ подъ его тираническаго преобладанія, и въ то же время смутно сознаваемая стариною опасность, что проходитъ время эпическихъ воззрѣній на жизнь, что фантазія теряетъ частицу своихъ правъ надъ человѣческой мыслью, и потому старинѣ и фантазіи остается только одно оружіе — насмѣшка надъ противникомъ, униженіе его, преслѣдованіе индивидуальнаго разума, непризнающаго правъ старины. Эту борьбу подготовила сама жизнь; она — естественный результатъ перехода человѣка отъ одного нравственнаго состоянія къ другому, отъ первобытныхъ воззрѣній къ новымъ, болѣе широкимъ,— признакъ развитія. Такая борьба ведется всегда и вездѣ, во всѣхъ сферахъ внѣшней жизни и во всѣ моменты постепеннаго развитія человѣческой мысли. Преданія, на которыя мы указываемъ, — то же, что на современномъ языкѣ называется реакціей, борьбой консервативныхъ началъ съ иными началами, каждый день вырабатываемыми жизнью. Пока противникъ не опасенъ, реакція дѣйствуетъ слегка, пускаетъ въ ходъ только насмѣшку, самоувѣренную иронію, смыслъ которой тотъ, что кажущійся умникъ не стоитъ Иванушки-дурачка, что на него смѣшно же серьезной старинѣ обращать вниманіе; но когда противникъ начинаетъ усиливаться, эпическая старина начинаетъ чувствовать свою несостоятельность при столкновеніи съ жизнію, видѣть, какъ, мало-по-малу, авторитетъ ея теряетъ силу и совѣты яги-бабы уже не нужны никому, — эпическая старина сердится, выходитъ изъ себя и призываетъ на помощь фантазію, которая и рисуетъ страшные образы передъ глазами ослушниковъ. Умные братья теряютъ во всемъ, выигрываетъ одинъ только дуракъ...

Но какъ ни обаятельна сила фантазіи, какъ ни всесильна надъ неразвитымъ человѣкомъ прелесть эпическихъ воззрѣній, какъ ни тверда повидимому вѣра въ превосходство старины надъ всѣмъ вновь созидаемымъ жизнью, время беретъ свое, образы, созданные фанта-

зіею безъ участія разума, начинаютъ блѣднѣть, вѣрованія въ дѣйствительную силу этихъ образовъ начинаютъ становиться простымъ обрядомъ, и разсудокъ мало-по-малу заявляетъ свои права. Онъ начинаетъ заподозрѣвать дѣйствительность событій и людей, о которыхъ напѣвала ему старина. Пришло наконецъ время, когда народу самому совѣстно стало за свои дѣтскія вѣрованія — и реакція проявилась уже въ насмѣшкѣ, но только не надъ разсудкомъ, а надъ фантазіей, не надъ настоящимъ, а надъ прошедшимъ. И вотъ опять является Иванушка-дурачокъ, дуракъ, въ полномъ смыслѣ слова, и уже не эпическая старина въ образѣ его осмѣиваетъ умныхъ братьевъ — прогрессистовъ, а наоборотъ — дуракъ побиваетъ эпическую старину и издѣвается надъ ней. Такъ безсильна стала она даже противъ современнаго дурака. Въ самомъ дѣлѣ, какъ нельзя рельефнѣе эта идея проводится по нѣкоторымъ позднѣйшимъ преданіямъ, и такъ поразительно торжество новаго порядка вещей надъ старымъ: Иванушка-дурачокъ побиваетъ всѣхъ богатырей древности, которыхъ не могли побѣдить ни рати могучія, ни змѣи-горынычи, ни всѣ чары колдовства. Эпическая обстановка въ этихъ произведеніяхъ народнаго самосознанія остается все та же, что и въ древности; священная обрядность соблюдена, удержаны даже формы эпическаго изложенія: — но только идея, выражаемая преданіемъ, уже не та, что была встарь; оборотъ дѣла уже иной и вся древность, съ ея тайнами и сверхъестественными силами, становится до крайности смѣшна самому же народу.

Старина и эпическія преданія, утративъ для народа свое прежнее, серьезное значеніе, начинаютъ забавлять праздное любопытство именно своей эпической обстановкой, которая уже потеряла первобытный смыслъ; съ стариной начинаютъ обращаться безцеремонно, не какъ съ святымъ завѣтомъ предковъ, а какъ съ простой безсмысленной забавой: храмъ разрушенный пересталъ быть храмомъ, кумиръ поверженный пересталъ быть богомъ. Время, жизнь и духовный ростъ народа пошли наперекоръ фантазіи, и чѣмъ священнѣе, неприкосновеннѣе было вѣрованіе въ этихъ кумировъ, тѣмъ лукавѣе насмѣшка, которою они преслѣдуются; пробуждающемуся уму какъ-будто совѣстно становится за эти увеличенія фантазіи, и онъ казнитъ ихъ юморомъ, безъ всякой жалости. Богатырь Голь Воянской осмѣиваетъ другихъ героевъ древности, Чурилу Пленковича, Еруслана Лазаревича, Бову королевича и Зиланта Змѣулановича, тугаринова брата. Онъ былъ подобно Ивану дураку «мужичокъ-простачокъ» и также пахалъ

*

пашню, на худенькой, хромоногой лошаденкѣ, да и ту облѣпили слѣпни съ комарами; онъ убилъ кнутомъ тридцать трехъ слѣпней, а комаровъ безъ счета, и на своей хромоногой лошаденкѣ отправился на подвиги; подобно Иванушкѣ, онъ окружилъ себя богатырями, чтобы тѣ поучились у него богатырской наукѣ; съ помощью ихъ побѣдилъ сильныя рати одной королевны, и убилъ Зиланта, потому только, что богатыря окончательно озадачила невзрачная наружность мужичонка. Съ начала до конца сказка выдерживаетъ эпическій характеръ и рельефно выставляетъ то щекотливое положеніе, въ которое мужичокъ ставитъ героевъ древности и своей трехногой лошадью, и жалкой наружностью, и кафтанишкомъ, изъ котораго онъ сдѣлалъ для себя шатеръ; богатыри ухаживаютъ за нимъ; по свойственной старинѣ глупости (такъ думаетъ сказка), они сами избавляютъ его отъ опасности, не умѣя понять, что поступаютъ изъ–рукъ–вонъ смѣшно. Глупость багатырей и королевны проглядываетъ въ каждомъ поступкѣ, а Голь только храбрится да распоряжается. Зато, когда онъ женился на королевнѣ, она родила ему двухъ дочерей — *Смету* да *Удачу* (Аоан. II. 135—138). Проснувшееся народное сознаніе разомъ убило такимъ образомъ свои вѣрованія, осмѣявъ обаятельную нѣкогда прелесть священной старины,—и станемъ ли мы упрекать народъ за его развитіе, если онъ посмѣется подобнымъ образомъ надъ всѣми такими вѣрованіями, когда придетъ къ нему сомнѣніе и недовѣрчивость ко многому, что казалось для него нѣкогда не шуткой, а дѣломъ сердца и фантазіи? — Такія сказки, съ извѣстной точки зрѣнія, драгоцѣннѣе для насъ старыхъ, миѳологическихъ: въ нихъ сказалась дѣйствительная жизнь; съ помощью ихъ мы можемъ мѣрить духовый ростъ народа и по настоящимъ проявленіямъ его воззрѣній судить о томъ, что будетъ или можетъ быть дальше. Это своего рода скептицизмъ, переходное состояніе мысли, все еще впрочемъ связанной обаяніемъ эпической древности. Скептицизмъ и неувѣренность въ дѣйствительной силѣ фантастическихъ богатырей перешли наконецъ и на тѣ вѣрованія, которыя, казалось бы, держались прочнѣе другихъ, и до сихъ поръ держатся многими едва ли не въ такой же неприкосновенности, какъ въ тѣ времена, когда топили Перуна въ Волховѣ или избивали въ Суздалѣ «старую чадь–бабы», именно въ XI–мъ столѣтіи. Мы говорили уже о значеніи вѣщихъ дѣвъ и женъ, сказали, что вѣрованіе въ чародѣйственную силу женщины пережило почти всѣ другія языческія вѣрованія, и между тѣмъ какъ

забывались Перуны, Сварожичи, Дажьбоги, осмѣивались богатыри цикла Владимірова, одни колдуны продолжали играть въ народѣ роль, какую играли въ XI-мъ вѣкѣ. Но нѣкоторыя сказки утѣшаютъ насъ, что и эта вѣра пошатнулась, и сказка смѣется надъ этимъ вѣрованіемъ въ вѣщую силу женщины, которое такъ было сильно въ эпическій періодъ. Въ XI вѣкѣ самъ лѣтописецъ, осуждавшій кудесниковъ за убіеніе лихихъ бабъ, вѣрилъ въ ихъ бѣсовскую силу; въ эту силу вѣровала вся Европа, и жертвой дикаго вѣрованія сдѣлались тысячи, можетъ быть, десятки тысячъ женщинъ, большею частію сожженныхъ, повѣшенныхъ и утопленныхъ; истязанія, которымъ подвергались эти несчастныя, превосходятъ всякое описаніе. Но чему вѣрили нѣкогда папы, кардиналы, епископы, короли, князья и образованнѣйшіе изъ людей, въ томъ только теперь начинаетъ сомнѣваться русской мужичокъ, и въ одной любопытной сказкѣ доказываетъ, что вѣщія женщины—просто обманщицы. Сказка выводитъ именно такую ворожею, какія пользуются въ народѣ наибольшею популярностью и съ помощью которыхъ воры и мошенники безнаказанно совершаютъ преступленія. Освобождаясь болѣе и болѣе изъ-подъ гнета замиравшихъ вѣрованій, выбиваясь изъ тѣснаго круга эпическихъ воззрѣній, народный пѣвецъ, въ веселую минуту, сталъ шутить надъ всѣмъ, надъ чѣмъ прежде шутка могла казаться неумѣстною. Въ началѣ нѣкоторыхъ эпическихъ сказаній передавался слушателямъ широкій взглядъ на вселенную, чудеса которой должны были служить содержаніемъ разсказа, и этотъ взглядъ выражался прелюдіей, въ которой такъ много, повидимому, глубокаго смысла, что она не могла не произвести впечатлѣнія на самаго равнодушнаго слушателя. Мы говоримъ объ извѣстномъ припѣвѣ:

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота океанъ—море,
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты днѣпровскіе...

«Здѣсь, какъ справедливо замѣчаетъ г. Буслаевъ (I, 58), призвано въ помощь все необъятное, чтобъ дать эпическому воодушевленію надлежащій просторъ: и широта земная, и глубина океана, и высота поднебесная». Дѣйствительно, это ловкій, гармоническій ударъ по струнамъ, которымъ вызываются звуки, располагающіе и сердце и слухъ къ тому, что послѣдуетъ дальше. Это своего рода эффект-

ная увертюра передъ открытіемъ занавѣса. Всѣ эпическіе пѣвцы начинали подобнымъ образомъ: Гомеръ молился богу передъ началомъ пѣнія, то-есть звалъ музу, какъ бы показывая всю важность и строгость того, что передастъ слушателямъ само божество устами разсказчика. То же самое было и въ нашей эпической поэзіи. Но наконецъ капризъ пробудившагося сознанія народа сдѣлалъ изъ эпическаго припѣва смѣшную пародію; отъ необъятнаго и безконечнаго низводитъ мысль слушателя къ самымъ тривіальнымъ предметамъ, и однимъ припѣвомъ убиваетъ священную важность эпическихъ пріемовъ, какъ это можно видѣть въ стихотвореніи «Агаѳонушка» у Кирши Данилова:

Высока ли высота
Потолочная,
Глубока глубота
Подпольная,
А и широко раздолье—
Передъ печью шестокъ,
Чистое поле—
По подлавечью,
А и синее море—
Въ лохани вода...

Это своего рода реакція эпическому воззрѣнію и эпической формѣ, реакція, явившаяся въ самомъ народѣ, подобно тому какъ въ литературѣ въ свое время послѣдовала реакція классицизму. Послѣдняя вызвала пародію на Энеиду и другія литературныя явленія; точно такъ и народъ сознавалъ несостоятельность того, что пользовалось нѣкогда большимъ значеніемъ. Наконецъ, что особенно замѣчательно, и вся старина, вмѣстѣ съ ея вѣрованіями, не пощажена этимъ же самимъ народомъ, такъ суевѣрно сохранявшимъ многіе изъ ея завѣтовъ. Уже у Кирши Данилова записано такое стихотвореніе, обращенное къ старинѣ и относящееся къ ней далеко не попрежнему:

Благословите, братцы, старину сказать,
Какъ бы старину стародавнюю.
Какъ бы въ стары годы, прежніе,
Во тѣ времена первоначальныя,
А и сынъ на матери снопы возилъ,

Молода жена въ припряжи была;
Его матушка облѣнчева,
Молода жена разрывчива.
Молоду жену свою поддерживалъ,
Онъ матушку свою подстегивалъ
Своимъ кнутикомъ воровиннымъ, —
Изорвался кнутикъ — онъ березиной. (*)

Наконецъ, въ форму эпическихъ сказаній стали облекаться такіе разсказы, гдѣ роль богатырей играютъ насѣкомыя и звѣри, и опять-таки, для большей эффектности, разсказываемыя событія пріурочиваются къ старинѣ. Такъ «въ стары годы въ старопрежные, въ красну вѣсну, въ теплое лѣто сдѣлалась такая соромота, въ мірѣ тягота: стали проявляться комары да мошки, людей кусать, горячую кровь пропускать; проявился мизгирь (паукъ), удалой добрый молодецъ, сталъ ножками трясти да мережки плести, ставить на пути на дорожки, куда летаютъ комары да мошки». Тутъ дѣйствуютъ муха, тараканъ, сверчокъ и клопъ: клопъ распускаетъ про мизгиря-борца, добра молодца, такую славу, что мизгиря борца, добра молодца, въ живѣ нѣтъ: въ Казань отослали, въ Казани голову отсѣкли на плахѣ и плаху раскололи» и т. д. Казнь паука въ Казани напоминаетъ дѣйствительныя казни добрыхъ молодцевъ, понизовыхъ разбойниковъ. Самыя выраженія въ сказкѣ — «лежатъ яко мертвы» и др. — придаютъ разсказу характеръ эпической древности (Ао. II, 7—8).

Какъ переходъ отъ сказочнаго устнаго эпоса къ письменной литературѣ являются народныя сказанія о «Ершѣ-щетинникѣ», занесенныя въ сказочные сборники; однако, по справедливому замѣчанію г. Пыпина (Очер. литер. ист. etc. 239—300), эти литературныя попытки, хотя и усвоенныя народомъ, должны быть отнесены уже къ сатирѣ, какъ продуктъ книжнаго образованія. Можетъ быть, начало преданія о судномъ дѣлѣ ерша кроется въ устномъ эпосѣ, и всего вѣроятнѣе, что народъ самъ создалъ типъ ерша забіяки; но то не подлежитъ сомнѣнію, что сказаніе о немъ, дошедшее до насъ въ письменныхъ памятникахъ, сочинено человѣкомъ грамотнымъ и, можетъ быть, какимъ-нибудь подъячимъ-скептикомъ, какіе, конечно, были у насъ и въ XVI вѣкѣ: знаніе канцелярскихъ формъ, языка

(*) Ср. у Аѳан. «байку про старину стародавнюю» (IV. 112—114).

и всей подъяческой процедуры служитъ тому неопровержимымъ доказательствомъ. Умный разсказъ о ершѣ еще не говоритъ въ пользу развитія народнаго пониманія; онъ только дѣлаетъ честь остроумію подъячаго или другаго литератора XVI столѣтія, который называетъ леща, въ челобитной, боярскимъ «сынчишкомъ» и заставляетъ ерша говорить, что «рыбы сигъ и лодуга люди богатые, животами прожиточны» что они притомъ «люди великіе, а лещь такой-же человѣкъ заводной», что они хотятъ ершей «маломочныхъ людей, непродать напрасно» и что наконецъ они «въ сусѣдствѣ имаются, гдѣ судятся — ѣдятъ и пьютъ вмѣстѣ». Судное дѣло ерша дѣлаетъ честь и добросовѣстности тогдашняго литератора, обвинявшаго окуня-пристава во взятьи «посулъ великихъ», сравнивавшаго неводъ съ боярскимъ дворомъ — «войти ворота широки, а выдти узки» и заставившаго наконецъ ерша обвинять судей, что они рѣшили его дѣло не по правдѣ, а «по мздѣ», плюнуть за то судьямъ (бѣлугѣ, осетру и бѣлой рыбицѣ) въ глаза и убѣжать въ хворостъ (Сахар., Аоан. и др.).

По мѣрѣ того, какъ мало-по-малу въ народной поэзіи преобладаніе фантазіи надъ разсудкомъ органичивалось болѣе тѣсными рамками, уступая неизбѣжному развитію мысли; по мѣрѣ того, какъ первобытный эпосъ утрачивалъ для народа свое первоначальное значеніе, все болѣе и болѣе превращаясь, такъ сказать, въ невнятные звуки, доносившіеся отъ старины; по мѣрѣ того, какъ забывались боги, осмѣивались богатыри полу-боги, замѣняясь насѣкомыми да звѣрями, а дураки новаго времени торжествовали надъ богатырями и — слѣдовательно — мудрецами древности, — разгадана и осмѣяна была вѣщая сила женъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ поэзія не пощадила и простую женщину, вмѣстѣ съ аскетической литературой нашихъ предковъ унизивъ ее до такой степени, какъ только можетъ быть что-либо унижено въ первую минуту торжества одного начала надъ другимъ. Женщина, которой эпическая поэзія давала такое высокое значеніе въ лицѣ вѣщихъ дѣвъ, стала предметомъ самыхъ оскорбительныхъ сказаній, въ которыхъ писатели изощряли свое тяжелое остроуміе, а народъ ловко тѣшился надъ сварливыми и упрямыми бабами, надъ злыми женами и ихъ безсердечностью. Народъ заставилъ даже чорта трепетать злой жены. Въ сказкахъ жена прежде всего изображается спорщицей и упрямой; она все дѣлаетъ наперекоръ мужу: велитъ ей мужъ вставать раньше — она спитъ трое сутокъ, велитъ спать — она совсѣмъ не приляжетъ; попроситъ ис-

печь блиновъ — она ругается и не кормитъ мужа, а не проситъ— напечетъ цѣлую гору блиновъ и велитъ всѣ съѣсть, и т. п.

Нѣтъ сомнѣнія, что подобный взглядъ на женщину народная поэзія не могла заимствовать въ господствовавшемъ нѣкогда литературномъ направленіи мизогиновъ; такой взглядъ, конечно, выработанъ жизнью и несчастнымъ положеніемъ женщины, какое выпадаетъ ей на долю у всѣхъ неразвитыхъ народовъ; однако нельзя не признать, что и усилія мизогиновъ, опиравшихся на нѣкоторыя исключительныя мнѣнія объ этомъ предметѣ византійскихъ писателей, должны были имѣть вліяніе на униженіе женщины въ глазахъ народа, особенно когда онъ видѣлъ, что ее такъ жестоко преслѣдовали и устныя проповѣди и духовная письменность.

Самую высшую, по нашему мнѣнію, степень развитія сказки или начало уничтоженія сказочнаго эпоса составляютъ тѣ народныя разсказы, въ которыхъ вообще осмѣиваются человѣческія глупости и смѣшныя стороны жизни. Высшую степень развитія сказки мы видимъ въ нихъ потому, что въ такихъ разсказахъ, какъ и въ сатирахъ образованнаго общества, заявляетъ свои права умъ, наблюдательность и смѣтка, между тѣмъ какъ въ настоящей эпической сказкѣ — фантазія, чудесное и вымышленное играютъ не послѣднюю роль; въ то же время мы видимъ въ такихъ разсказахъ и начало уничтоженія сказочнаго эпоса, потому что разсказы эти входятъ уже въ область анекдотическую. Къ этому отдѣлу творчества народнаго духа принадлежатъ малорусскіе анекдоты о собственной лѣности и недогадливости, и разсказы русскихъ о глупости инородцевъ, Мордвы, Татаръ Чувашей и, наконецъ — о Малороссіянахъ; а между тѣмъ многіе изъ подобныхъ разсказовъ занесены въ сборники сказокъ и перемѣшаны съ эпическими сказаніями. Малорусскіе разсказы въ особенности отличаются неподражаемымъ юморомъ, краткостью и художественнымъ тактомъ.

Взаимное сродство индоевропейскихъ сказокъ, въ главныхъ чертахъ, доказано самымъ неоспоримымъ образомъ; и г. Буслаевымъ найдены главныя основы такого сродства въ миѳологическомъ элементѣ славянскихъ сказокъ. Не удивительно, впрочемъ, тожество миѳологическихъ сказаній въ этомъ случаѣ, ибо вѣрованія, какъ и языкъ, составляли главную основу народности; но то удивительно, какъ иногда въ самыхъ повидимому ничтожныхъ мелочахъ проявляется такое поразительное тожество преданій русскихъ съ преданіями

другихъ Славянъ, которое положительно заставляетъ убѣждаться, что сходство народныхъ преданій лежитъ не въ одномъ племенномъ сродствѣ языковъ и національностей, а составляетъ результатъ общихъ, непреложныхъ законовъ развитія человѣческаго духа, непреложныхъ, какъ и законы физическіе; что развитіе человѣческаго духа всегда и вездѣ шло одними и тѣми же путями по однимъ и тѣмъ же законамъ, какъ, напримѣръ, и геологическія или климатическія измѣненія земной поверхности. Многіе, безъ сомнѣнія, слышали разсказъ или сказку «о пузырѣ, соломинкѣ и лаптѣ». Сказка эта разсказывается, приблизительно, такимъ образомъ: «Жили — были пузырь, соломенка и лапоть; пошли они въ лѣсъ дрова рубить, дошли до рѣки, — не знаютъ, какъ черезъ рѣку перейти? Лапоть говоритъ пузырю:» пузырь, давай на тебѣ переплывемъ!—«Нѣтъ, лапоть, пусть лучше соломенка перетянется съ берега на берегъ, а мы перейдемъ по ней. Соломенка перетянулась; лапоть пошелъ по ней, она и переломилась. Лапоть упалъ въ воду, а пузырь хохоталъ — хохоталъ да и лопнулъ!» Въ извѣстномъ изданіи Гаупта и Смоляра (Volkslieder der Wenden in der Ober–und Nieder–Zauzitz), въ числѣ лужицкихъ сказокъ находится одна подъ названіемъ Njeĉcje horjo, njeĉeji smjech, въ которой разсказывается о путешествіи «уголька, пузырька и соломенки». Сходство разсказа поразительно: эти три пріятеля отправились въ чужую сторону и встрѣтили слѣдъ отъ конскаго копыта, наполненный водою. Для нихъ это казалось моремъ. Также какъ и въ русскомъ разсказѣ, соломенка перетянулась черезъ море, уголекъ пошелъ по соломенкѣ (у насъ сталъ перебираться черезъ рѣку нашъ національный лапоть), зазѣвался, соломенка переломилась и они вмѣстѣ упали въ море. Пузырекъ, который былъ всегда смѣшливъ, хохоталъ—хохоталъ да и лопнулъ (*).

Оканчивая этотъ отдѣлъ произведеній народнаго творчества, мы,

---

(*) Въ лужицкой сказкѣ находится еще слѣдующая прибавка: «A kamušk, kotrys psihladowasc, rekny: Haj wsak haj, njecejc horjo, njeceji smjéch!—Ale druhdy so wusmjeserjam tola tež zlje radsi; (Wend March u. Leg., II, 160). У насъ еще разсказываютъ, что «пузырекъ и бородка остановились погрѣться въ пустой избушкѣ. Пузырекъ и посылаетъ бородку: «поди, добудь огонька». Бородка пошла, дунула на огонекъ и вспыхнула; а пузырекъ хохоталъ да хохоталъ, палъ съ печки и лопнулъ» (Аѳан. IV. 101).

прежде чѣмъ перейдемъ къ объясненію другихъ сторонъ русской поэзіи, укажемъ на нѣкоторыя опущенныя г. Буслаевымъ преданія, имѣющія прямое отношеніе къ раскрытію миѳологическихъ основъ славянской жизни, именно тѣхъ основъ, которыя вмѣстѣ съ охлажденіемъ народной фантазіи къ эпической старинѣ замѣтно видоизмѣнились. Преданія о волкахъ — оборотняхъ, «влъкодлакахъ» (wer-wolf) и нѣмецкихъ вёльзунгахъ, занесенныя даже во французскую литературу XIII вѣка (Lai du Bisclavaret, Бусл. I, 345–348), сохранилось нетолько у словаковъ, но и у малороссіянъ; только съ измѣненіемъ древнихъ вѣрованій и преданія эти видимо удалились отъ первоначальной формы. Малорусскіе «вовкулаки» могутъ превращаться въ волковъ по собственной волѣ, а иные дѣлаются вовкулаками по волѣ другихъ, владѣющихъ силами чародѣйства. Владѣющіе силой колдовства принимаютъ видъ волка, перекинувшись черезъ пень или черезъ двѣнадцать ножей, воткнутыхъ въ землю. Однажды работникъ такого знахаря, замѣтивъ какъ хозяинъ его превращался въ волка, сдѣлалъ то же самое, но потомъ уже не могъ изъ волка обратиться опять въ человѣка. Жилъ онъ съ волками, ѣлъ всякую падаль; но потомъ стало ему скучно безъ людей, и онъ пришелъ къ хозяину: хочетъ сказать что нибудь — и завоетъ по-волчьи; а собаки такъ и рвутъ его. Только послѣ догадался хозяинъ, что это не волкъ, сжалился надъ нимъ и снова обратилъ въ человѣка. Жаль стало хозяину, когда онъ увидѣлъ своего работника: — худой какъ щенка и все лице изгрызано собаками. И хозяинъ сказалъ ему: «Отò жъ, небóже, не роби, чòго не знаешъ». (Зап. о Южн. Руси, Кулиша, II, 35) — Бóльшею частью, невольный вовкулака самое жалкое существо: онъ не теряетъ ни человѣческаго смысла, ни человѣческихъ чувствъ, а между тѣмъ его боятся люди, бьютъ какъ хищнаго звѣря, травятъ собаками. Сохранился одинъ разсказъ о такомъ несчастномъ, котораго по злобѣ вѣдьма превратила въ волка на три года. Замѣчательно, что и въ позднѣйшихъ разсказахъ о вовкулакахъ упоминается, какъ и въ сказаніи о вёльзунгахъ, что шкура волка *надѣвалась* на человѣка и прирастала къ тѣлу. Когда вѣдьма желаетъ сдѣлать кого-либо волкомъ, она раздѣваетъ его, намазываетъ тѣло какой-то липкой жидкостью, надѣваетъ шкуру и зашиваетъ: волчьи уши и хвостъ получаютъ способность двигаться, какъ у настоящаго звѣря, когти-рыть землю. Глубокимъ чувствомъ дышутъ разсказы о невольныхъ оборотняхъ, когда они, въ ночное время,

пробравшись въ родное село, ходятъ по знакомымъ мѣстамъ, посѣщаютъ свою опустѣвшую избушку, гдѣ жена плачетъ о пропавшемъ мужѣ; осматриваютъ опустѣлый дворъ, заброшенное хозяйство; когда горе выше человѣческихъ силъ и когда несчастный не вытерпитъ и заплачетъ, вмѣсто человѣческаго плача раздастся волчій вой, и оборотня травятъ свои же родные, и свои собаки рвутъ въ клочки его тѣло. Встоскуется оборотень по своей пашнѣ, захочетъ посмотрѣть, что дѣлается въ полѣ, которое онъ пахалъ нѣкогда, выростаетъ ли хлѣбъ, который онъ посѣялъ, — придетъ на пашню, и снова воетъ, вмѣсто того чтобъ плакать. Вообще, всѣ разсказы объ оборотняхъ, которые намъ удавалось слышать, полны самой грустной поэзіи. Въ преданіи о вовкулакахъ, какимъ оно стало въ настоящее время, когда такъ измѣнилось въ народныхъ понятіяхъ самое значеніе миѳическаго эпоса, оборотни являются безсильными существами, тѣмъ болѣе что превращеніе ихъ совершается подъ вліяніемъ чужой враждебной силы; въ преданіяхъ о вовкулакахъ народная мысль какъ бы проводитъ параллель между положеніемъ человѣка и животнаго, — и какъ ни горько иногда положеніе перваго, все-таки оно лучше всякой другой участи, выпадающей на долю существъ низшаго разряда. Это всего болѣе говоритъ въ пользу той мысли, что миѳическія вѣрованія потеряли для народа свою прелесть; это ужъ не то, что, по понятіямъ пѣвца Полка Игорева, было въ XI вѣкѣ: тогда съ уваженіемъ и страхомъ могли смотрѣть на князя Всеслава — оборотня, который «въ ночь влъкомъ рыскаше, до Куръ Тмуторокапя, великому хръсови влъкомъ путь прерыскаше», и, безъ сомнѣнія, Всеславъ не страдалъ оттого, что былъ «влъкодлакомъ», какъ страдаютъ, по понятіямъ народа, оборотни нашихъ временъ; теперь же съ жалостью разсказываютъ о несчастныхъ, превращенныхъ въ волковъ, и оттого такъ незавидно въ настоящее непоэтическое время положеніе «влъкодлака», нѣкогда до того сильнаго, что онъ могъ «съѣдать солнце» (языческій взглядъ на солнечное затмѣніе).

Такъ во всемъ съузились и охладѣли поэтическіе интересы эпической древности, и въ свою очередь дѣйствительная жизнь все болѣе и болѣе овладѣваетъ и мыслью и чувствами народа. Въ этомъ положительные залоги развитія и начало торжества разсудка надъ фантазіею, хотя побѣды перваго еще такъ не полны, такъ сомнительны.

Изъ всего до сихъ поръ сказаннаго нами можно безъ сомнѣнія видѣть, какъ мы далеки отъ того, чтобъ признать за народной поэ-

зіей, и особенно за народнымъ эпосомъ, всеобъемлющее, міровое значеніе, по той простой причинѣ, что самъ народъ, повинуясь неотразимымъ законамъ естественнаго развитія, переживаетъ самого себя, свои понятія и воззрѣнія, выростаетъ — такъ сказать изъ того, что̀ нѣкогда было ему впо̀ру. Говорятъ, — народная поэзія «*непогрѣшительна* относительно поэтическихъ достоинствъ вообще», что будетъ справедливо, смотря потому, какую точку зрѣнія мы изберемъ для рѣшенія вопроса, что̀ такое вообще поэтическое достоинство. «Поэзія искуственная, говорятъ, къ которой принадлежатъ лирическая и драматическая, можетъ быть лучше или хуже, смотря по личнымъ дарованіямъ поэта, по его направленію и т. п. — Поэзія народная, разумѣется — *чисто* народная, а не испорченная фабричными или лакейскими передѣлками — во всѣхъ отношеніяхъ хороша, потому что она *естественна*; потому что будучи выраженіемъ творческаго духа всего народа, свободно вылилась она изъ устъ цѣлыхъ поколѣній. Къ ней не прикоснулось никакое личное соображеніе. Красота ея есть такое же независимое отъ личной искуственности, отъ случайной прикрасы, явленіе, какъ и красота самой природы. И какъ произведенія природы потому только прекрасны, что это качество согласно съ ихъ внутреннимъ организмомъ, со всѣмъ существомъ ихъ: такъ и изящество народной поэзіи есть необходимое выраженіе самаго содержанія, самаго миѳа или преданія, и кроющейся въ нихъ мысли или основнаго нравственнаго чувства: потому что безъискуственная поэзія всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ высоко нравственна, точно такъ же, какъ въ природѣ физической здоровье — необходимое условіе красоты» (Бусл. I, 407—408). Дѣйствительно, чисто народная поэзія можетъ быть во всѣхъ отношеніяхъ хороша, если только она естественна; но понятіе естественности слишкомъ неопредѣленно или по крайней мѣрѣ обусловливается цѣлымъ рядомъ понятій, совершенно другъ другу не соотвѣтствующихъ: что̀ естественно съ одной точки зрѣнія, то неестественно съ другой, или что̀ не поражало своей безобразностью въ одно время, то поражаетъ въ другое. Для дикаря естественнымъ кажется съѣдать тѣло убитаго имъ непріятеля и пить изъ его черепа; для человѣка же другихъ понятій это кажется нѣсколько страннымъ; притомъ, не все то естественно, что создаетъ, хоть бы весь народъ въ эпоху эпическихъ воззрѣній, до чего даже не прикоснулось никакое личное соображеніе, будь то пѣсня о подвигахъ какого нибудь миѳическаго существа или обычай украшать

тѣло татуировкой, продѣвать въ носъ кольца, или выбивать у невѣсты два переднихъ зуба. Впрочемъ, понятіе естественности такъ широко, что въ сущности, съ извѣстной точки зрѣнія, ни въ природѣ, ни въ человѣкѣ, какъ продуктѣ этой же самой прироры, ни въ его понятіяхъ и дѣйствіяхъ, однимъ словомъ—ни въ чемъ нѣтъ неестественности, потому что всякое явленіе, какъ въ области видимой природы, такъ и въ области человѣческаго духа, имѣетъ свои причины быть такимъ, а не другимъ, совершается по извѣстнымъ, неотразимымъ законамъ матеріи и духа. Слѣдовательно, если нѣтъ ничего неестественнаго въ народной поэзіи, въ проявленіяхъ творчества народнаго духа, если нѣтъ ничего неестественнаго въ томъ или другомъ направленіи его понятій, въ тѣхъ или другихъ явленіяхъ его дѣйствительной жизни, то ничего не должно быть неестественнаго—положимъ—въ современной русской литературѣ и даже въ фабричныхъ и лакейскихъ передѣлкахъ народной поэзіи, наконецъ, въ литературѣ прошлаго вѣка, какъ и въ литературѣ XVII и XVI столѣтій. Затѣмъ, хотя признано непреложнымъ давнишнее рѣшеніе, что народная поэзія есть результатъ духовнаго творчества всего народа, что она вылилась изъ устъ цѣлыхъ поколѣній, но едва ли можетъ быть непреложною и та мысль, что къ ней, то-есть къ народной поэзіи, не прикоснулось никакое личное соображеніе, что красота ея есть такое же независимое отъ личной искуственности, отъ случайной прикрасы, явленіе, какъ и красота самой природы. Что касается лично до насъ, то мы никакъ не можемъ себѣ представить возможность созданія чего бы то ни было цѣлымъ народомъ, безъ участія личныхъ соображеній; для насъ понятно, что народная поэзія есть произведеніе всего народа, какъ и вся русская литература по справедливости можетъ быть названа произведеніемъ всего болѣе или менѣе мыслящаго русскаго общества, хотя и не всѣ русскіе пишутъ, не всѣ даже умѣютъ писать; но намъ кажется немыслимымъ, физически невозможнымъ, чтобы и каждая отдѣльная народная пѣсня принадлежала совокупному творчеству всего народа. Личное, единичное участіе индивидуума, въ *первоначальномъ* созданіи пѣсни неизбѣжно, — это вытекаетъ изъ естественныхъ законовъ логики; но усвоитъ или не усвоитъ весь народъ это созданіе личнаго творчества, станетъ ли пѣсня достояніемъ всего народа,—это уже другое дѣло. Но что пѣсня создается однимъ лицомъ, это также неоспоримо, какъ и то, что созданіе новаго, прежде неупотреблявшагося въ народѣ слова непремѣнно должно

принадлежать только одному лицу, а не всему народу. Новое слово, по удачному выраженію г. Срезневскаго, рождается иногда совершенно неожиданно, срывается у кого нибудь съ устъ въ жару бесѣды, одушевленнаго разговора, въ порывѣ спора, — и сказанное удачно, согласно съ внутренними требованіями рѣчи, выраженное мѣтко, кстати, оно усвоивается многими, а потомъ и всѣми, если отвѣчаетъ всѣмъ условіямъ изобразительности, если придется по душѣ народу. Такъ рождается и пѣсня, такъ рождалась она и въ эпоху эпическихъ воззрѣній на міръ, такъ будетъ рождаться всегда, при помощи личнаго участія, съ помощью личнаго соображенія. Та разница между творчествомъ эпическаго періода и сочиненіемъ нашего времени, что въ первомъ—личное участіе ограничивалось болѣе тѣсными рамками, сковано было и ограниченностью круга понятій, и бѣдностью, собственно однообразіемъ эпическихъ выраженій, и своего рода стѣснительными требованіями эпическаго вкуса, формой, обрядностью, однимъ словомъ—связано было принятыми отъ отцовъ эпическими законами, которые считались священными. Чтобы пѣсня нашла отзвукъ въ душѣ слушателя, пѣвецъ эпической эпохи долженъ былъ, да онъ и не могъ иначе пѣть, какъ придавая всему общепринятое значеніе, украшая слова общепринятыми эпитетами, какъ и теперь безъискуственная народная пѣсня непремѣнно требуетъ, чтобы снѣга были «бѣлые» волки «сѣрые», кукушка «горькая», коса «русая», участь «горькая» и т. д. Если всѣ эти условія выполнены сочинителемъ, если пѣсня не противорѣчитъ законамъ эпическаго творчества, удовлетворяетъ — такъ сказать — эстетическимъ и критическимъ требованіямъ народа, если пѣсня—быль, то-есть правильно сложена и дѣло говоритъ, по понятіямъ тѣхъ, для кого она сложена, — пѣсня усвоивается народомъ. Но вѣдь такимъ же точно образомъ усвоивались и пѣсни Мерзлякова, и пѣсни о разбойникахъ послѣдняго времени, которыя сочинялись въ острогахъ, что-называется по горячимъ слѣдамъ, — и поются въ народѣ наравнѣ съ пѣснями объ Иванѣ Грозномъ, Стенькѣ Разинѣ и другихъ. Наши доводы объ участіи личнаго соображенія пѣвцовъ въ созданіи народной пѣсни могутъ подтвердить тѣ, чьи слова въ этомъ случаѣ будутъ сильнѣе всякихъ теоретическихъ доказательствъ; въ этомъ случаѣ, надо спросить тѣхъ, кто жилъ лицомъ къ лицу съ народомъ, кто подмѣчалъ иногда самый моментъ народнаго творчества, надо спросить людей, глубоко изучившихъ, на мѣстѣ, украинскую народную поэзію, которая еще такъ полна эпической прелести,

что единогласно признано всѣми, потому что всѣми прочувствован при чтеніи украинскихъ думъ. Знатоки живой народности говорятъ, что первоначальное созданіе эпическихъ думъ всегда совершалось лицами, большею частію участниками событій, по свѣжимъ слѣдамъ, а не народомъ, участіемъ единичнаго творчества, а не общими силами. Такъ «невольницкія» думы слагались самими невольниками, въ Турціи, во время плѣна, и тамъ же пѣлись ими во время работъ на галерахъ. Одиссей, какъ извѣстно, слушалъ рапсодію о себѣ самомъ: рапсодія, ему пѣтая, еще не успѣла бы усвоиться всѣмъ народомъ, а пѣлась или тѣмъ, кто сложилъ ее, или тѣмъ, кто разъ прослушалъ ее отъ сочинителя. Такъ невѣста Тимоѳея Хмѣльницкаго, наканунѣ свиданія съ женихомъ, приказывала пѣть себѣ о немъ: «думу казацкую». Такъ пѣсня о Паліи въ Сибири выражаетъ самый моментъ сочиненія (Зап. о Южн. Рос. I, 178—215). Самое «замышленіе» Бояна говоритъ объ участіи его личнаго творчества и личнаго соображенія въ созданіи эпическихъ пѣсенъ.

Слѣдовательно, народная поэзія, какъ и искуственная, какъ и позднѣйшія произведенія личной литературной дѣятельности, можетъ быть и хороша и не хороша, и во всякомъ случаѣ ей далеко до живыхъ красотъ природы, потому что мы все-таки находимъ различіе между творческими силами природы и поэтическимъ творчествомъ человѣка, между красотами первой, вѣчно естественными, вѣчно согласными съ самымъ существомъ природы, и красотами поэзіи, которыя, какъ результатъ творческой дѣятельности человѣческаго духа, иногда очень ограниченнаго, очень неразвитаго, не могутъ быть безъ погрѣшностей. Какъ и въ современной письменной литературѣ, — въ народной поэзіи могутъ быть безобразныя и безсмысленныя произведенія; если народная поэзія въ цѣломъ хороша непогрѣшительно, какъ результатъ творчества всего народа, то, по аналогіи, должна быть непогрѣшительно-хороша и письменная литература, какъ результатъ такого же творчества массъ, притомъ творчества болѣе или менѣе сознательнаго. Но можно ли сказать, что какая-нибудь литература въ цѣломъ непогрѣшительно хороша?—едва ли. Точно также едва ли можно утверждать, что безъискуственная поэзія всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ высоко нравственна; этимъ слишкомъ много сказано, потому что всякая нравственность необходимо обусловливается идеально-полной гармоніею, счастливымъ равновѣсіемъ способностей человѣческаго духа, или положительнымъ торжествомъ чи-

стаго разума надъ всѣми прочими умственными силами. Въ примѣръ высоко-нравственнаго чувства, господствующаго въ народномъ эпосѣ, г. Буслаевъ приводитъ одну изъ сербскихъ пѣсенъ, которыя, говоритъ онъ, вообще отличаются самымъ чистымъ и свѣжимъ эпическимъ воодушевленіемъ, именно «о женитьбѣ краля Вукашина». Вукашинъ совѣтовалъ Видосавѣ, женѣ Момчина, отравить своего мужа и выйти за него замужъ. Та такъ и сдѣлала — погубила мужа. Но передъ смертью, когда Вукашинъ ударилъ несчастнаго саблею въ самое сердце, умирающій сказалъ своему врагу: «Не бери за себя мою Видосаву, мою невѣрницу; она и твою загубитъ голову: нынче меня предала, завтра предастъ и тебя другому. Но возьми мою милую сестру Евросиму: она будетъ тебѣ всегда вѣрна, и родитъ тебѣ такого же, какъ я, богатыря». Вукашинъ послушался его совѣта.— Дѣйствительно, здѣсь довольно нравственнаго величія: умирающій не только даетъ искренній совѣтъ своему убійцѣ и соблазнителю своей жены, желая спасти его отъ своей участи, но и вручаетъ ему самое лучшее, что только онъ на землѣ оставляетъ — свою любящую, преданную сестру (Бусл. I, 408—411). Но та же сербская поэзія представляетъ иные образцы, не вполнѣ говорящіе въ пользу развитости и высоко-нравственнаго чутья народа, и — главное—кажется, что самъ народъ не замѣчаетъ рѣзкаго противорѣчія понятій о нравственномъ чувствѣ и величіи. Сынъ этого же Вукашина, любимѣйшій герой сербскаго народа, соединявшій въ себѣ всѣ добрыя нравственныя качества сербской народности, олицетворявшій собою идеалъ лучшаго на землѣ человѣка, Марко Королевичь, поступаетъ иногда не совсѣмъ благородно. Однимъ изъ самыхъ возмутительныхъ подвиговъ этого героя сербскаго эпоса является убійство дочери арабскаго царя, дѣвушки, которая спасла этого Марка Королевича изъ темницы, убійство, совершенное безъ всякой побудительной причины, — и народъ повидимому не задумался простить своему любимцу убійство дѣвушки-спасительницы. Семь лѣтъ сидѣлъ Марко въ арабской темницѣ, и не зналъ, когда наступало и проходило лѣто, когда наступала и проходила зима; только и узнавалъ онъ о временахъ года, когда, зимой, дѣвушка бросала ему въ темницу груду снѣга, и пукъ цвѣтовъ—когда было лѣто. Утромъ и вечеромъ приходила къ нему подъ темничное окно милая дочь короля арабскаго; обѣщала освободить его изъ темницы, вывести ему добраго коня Шарца, надѣлить его золотомъ, сколько душѣ угодно,—только бы онъ полюбилъ ее, по-

клялся бы взять ее съ собою. И Марко далъ страшную клятву, что исполнитъ все. Дѣвушка вывела его изъ темницы, отдала ему любимаго коня, саблю, все, что было дорого Маркѣ. Но Марко убилъ свою спасительницу. Превосходное мѣсто, гдѣ онъ самъ говоритъ своей старой матери объ этомъ убійствѣ. «Когда проглянуло утро (онъ ѣхалъ вмѣстѣ съ королевной), и я, матушка, сѣлъ отдохнуть, а около меня дѣвушка-арапка, обняла меня черными руками, и когда я увидѣлъ, моя старая матушка, что сама она черна, а зубы бѣлые, скверно мнѣ стало: я вынулъ свою кованую саблю, ударилъ ее по шелковому поясу — и насквось, мамо, пролетѣла сабля! Я вскочилъ на своего коня, и проговорила ко мнѣ голова арапки: «Братъ мой Богомъ, Королевичъ Марко! не покидай меня, милый!» — Вотъ гдѣ я, мати, согрѣшилъ Богу...» (Карад. II, 376—379). Правда, народная поэзія заставляетъ Марка раскаяваться въ этомъ преступленіи, но другой подобный поступокъ богатыря рисуется съ видимымъ сочувствіемъ къ самой безобразности этого факта. Марко варварски лишилъ зрѣнія свою невѣсту, лучшую красавицу въ мірѣ, такую красавицу, какой не видѣлъ свѣтъ отъ своего начала, какой не было ни въ турецкой землѣ, ни между бѣлыми Болгарками и Волошками, ни между тонкими Итальянками. Пятнадцать лѣтъ росла она и не видѣла ни солнца, ни мѣсяца, «а нынче, говоритъ пѣсня, это чудо по свѣту ходитъ!...» Эта превосходная поэма заключаетъ въ себѣ до шестисотъ строкъ; но мѣсто, гдѣ Марко выкалываетъ глаза красавицѣ, исполнено самыхъ варварскихъ подробностей, а между тѣмъ народъ пѣлъ ихъ хладнокровно, точно такъ и слѣдовало поступить, какъ поступилъ Марко.—Роксанда (такъ звали дѣвушку) отказалась выйти замужъ за богатыря и пошла къ своимъ подругамъ, которыя и окружили ее. Марко сказалъ: «обернись ко мнѣ, Росо; я хорошенько не разсмотрѣлъ твоего лица, а мнѣ надоѣстъ моя сестра вопросами—какова собой Роса?—обернись же, я посмотрю на твое лицо». Дѣвушка обернулась и сказала: «Гляди, Марко, разсматривай Росу». Тогда герой схватилъ ее за руку, вынулъ острый ножъ изъ-за пояса, отрѣзалъ ей правую руку до самаго плеча и положилъ ей эту руку въ лѣвую, неотрѣзанную, потомъ этимъ ножомъ вынулъ ей оба глаза изъ орбитъ, завернулъ въ шелковый платокъ, спряталъ у нея на груди — и посовѣтовалъ выбирать новаго жениха!... (Кар. II, 223—42). Ни однимъ словомъ, ни однимъ намекомъ не осудила поэзія своего любимца за

этотъ поступокъ и народъ видимо гордился подобнымъ молодечествомъ.

Подобнымъ пониманіемъ народной поэзіи, отрицаніемъ всеобъемлющаго значенія эпоса и сомнѣніемъ въ его непогрѣшительности, въ отсутствіи всякаго нравственнаго безобразія, сомнѣніемъ въ той естественной, безукоризненной красотѣ, какая свойственна одной природѣ, наконецъ сомнѣніемъ въ превосходствѣ эпической поэзіи надъ литературой образованныхъ народовъ, мы нисколько не умаляемъ неотъемныхъ достоинствъ народной поэзіи, а только, отказывая ей въ тѣхъ качествахъ, какія въ ней стараются видѣть, хотимъ сказать, что есть другія стороны въ эпосѣ, которыя гораздо дороже всей эстетической его цѣнности, и важнѣе всѣхъ миѳологическимъ элементовъ, свойственныхъ всякой первобытной поэзіи. Мы говоримъ о его историческомъ значеніи. Замѣчено, что только тотъ народъ заявляетъ свои права на историческое существованіе, тотъ только не безслѣдно проходитъ на землѣ, вырабатываетъ что нибудь на пользу общественнаго развитія, однимъ словомъ—хотя сколько-нибудь подвигаетъ человѣчество впередъ, у кого существовалъ не одинъ миѳологическій, но преимущественно историческій эпосъ, и потому только народы, имѣющіе историческій эпосъ, могутъ считаться призванными къ исторической жизни. Можетъ быть, и народы, поэзія которыхъ лишена этихъ качествъ, когда-нибудь выступятъ на историческое поприще; этого отрицать нельзя; но по крайней мѣрѣ до сихъ поръ не было ничего подобнаго. Греческій эпосъ былъ достаточно богатъ историческими элементами—и Греки успѣли сдѣлать для человѣчества то, что могли, что были въ силахъ сдѣлать — ни больше, ни меньше. Историческій элементъ въ индійскомъ эпосѣ слишкомъ ничтоженъ; историческія данныя этого эпоса слишкомъ фантастичны; свидѣтельства слишкомъ нелогичны; совершившіеся факты представляются въ этомъ эпосѣ какимъ-то сбродомъ чудовищныхъ сновъ больнаго человѣка; нѣтъ ничего прочнаго, историческаго: неудивительно, что таково же и все четырехтысячелѣтнее существованіе индійскаго племени. Миѳологическій элементъ финскаго эпоса замѣчательно богатъ; финская Калевала представляетъ неистощимыя богатства чисто-эпическихъ сокровищъ; финскіе боги—это боги Греціи, рельефно очерченные, хотя въ иной обстановкѣ, каждый съ своей ролью и физіономіей: а между тѣмъ финскій эпосъ не имѣетъ въ себѣ ничего историческаго, точно этотъ народъ никогда не жилъ дѣйствительной

жизнью, точно не случилось во все его существованіе ничего достойнаго памяти. И дѣйствительно, — достойнаго памяти ничего не произвелъ этотъ безличный въ исторіи народъ, какъ бы поглощенный по частямъ болѣе трезвой и здоровой натурой славянина. Онъ умѣлъ создать богатую миѳологію и мечтать надъ ней, но больше, кажется, ни на что не былъ способенъ, по крайней мѣрѣ, вся историческая жизнь его сложилась самымъ несчастнымъ образомъ. Что касается до славянскаго эпоса, то въ немъ есть этотъ историческій элементъ, правда,—незначительный, но все же есть, а особенно у западныхъ славянъ, у Чеховъ и Поляковъ, которые вошли въ колею исторической жизни западной Европы много раньше, чѣмъ племена восточныя, раньше ихъ предъявили право на историческое существованіе и раньше ихъ утратили тотъ запасъ эпическихъ преданій миѳологическаго цикла, который выработали въ доисторическую эпоху своего существованія. Историческая основа эпическихъ сказаній о Любушѣ, ея сестрахъ и о той роли, какую играли онѣ во времена образованія чешской земли, и подобные историческіе намеки въ польскихъ преданіяхъ находятъ подтвержденіе въ лѣтописяхъ этихъ странъ, такъ что начало исторіи чешскихъ и польскихъ славянъ по необходимости должно совпадать съ ихъ народнымъ эпосомъ, который представляетъ въ этомъ случаѣ довольно достовѣрные факты. Въ самомъ судѣ Любуши уже не такъ силенъ миѳологическій элементъ, хотя событія, связанныя съ этимъ преданіемъ, восходятъ къ отдаленной доисторической древности; въ немъ упоминаются еще и миѳическія змѣи (san luta), и вещія дѣвы, и чудодѣйственная вода (vehlasne devy, svatocudna voda), но послѣдующая судьба упоминаемыхъ въ чешскомъ преданіи лицъ имѣетъ непосредственное отношеніе къ лицамъ и событіямъ, которыя историкъ уже смѣло можетъ заносить на первыя страницы исторіи чешскаго народа. Тотъ же самый характеръ отличаетъ скудные остатки польскаго народнаго эпоса, который, подобно чешскому, проникнутъ историческимъ элементомъ и уже даетъ историку нѣкоторую точку опоры, для слѣдованія шагъ за шагомъ за историческими судьбами польскаго народа.

Присутствіе этихъ-то элементовъ въ русскомъ эпосѣ и во всей русской народной поэзіи, а не элементъ миѳологическій, возвышаетъ значеніе и эпоса, и всего поэтическаго творчества народа; въ этомъ и эстетическія его достоинства. Оттого тамъ, гдѣ въ своихъ изслѣдованіяхъ г. Буслаевъ ступаетъ на историческую почву, труды его

открываютъ цѣлый рядъ драгоцѣнныхъ пріобрѣтеній для исторіи русскаго народа и для исторіи его духовнаго развитія. Такими результатами богаты XIV, XV, и въ особенности XVIII и XIX главы его «Очерковъ»; то же должно сказать и о большей части изслѣдованій, помѣщенныхъ во второмъ томѣ его трудовъ. —

Въ XVIII главѣ «Очерковъ», г. Буслаевъ разсматриваетъ русскую поэзію XVII вѣка, по поводу извѣстныхъ шести русскихъ стихотвореній, записанныхъ въ 1619 году, для оксфордскаго баккалавра Ричарда Джемса и хранящихся нынѣ въ Оксфордѣ. Стихотворенія эти, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ первый разъ стали извѣстны публикѣ изъ Извѣстій II-го отдѣленія Академіи наукъ, гдѣ они изданы были съ краткими пояснительными комментаріями. Для того, чтобы яснѣе выказались достоинства стихотвореній XVII вѣка, случайно сбереженныхъ для насъ Англичанами, г. Буслаевъ очерчиваетъ состояніе современной этимъ стихотвореніямъ русской поэзіи и касается, кромѣ того, народной поэзіи за пятьдесятъ лѣтъ раньше этого времени и за все столѣтіе послѣ него. Разумѣется, стихотворенія, записанныя для Джемса, представляютъ едва ли не единственный примѣръ русскихъ стиховъ, сохранившихся отъ времени первыхъ самозванцевъ и царствованія Михаила Ѳедоровича и сохранившихся въ той первобытной цѣлости, въ какой, конечно, не могла дойти къ намъ, отъ той эпохи, ни одна пѣсня, обращавшаяся въ устахъ народа. Вотъ почему дороги для насъ эти шесть стихотвореній, какова бы ни была ихъ поэтическая или историческая цѣнность. Г. Буслаевъ старается предварительно выяснить самое направленіе, какое могла принять поэзія этой эпохи, вслѣдствіе той или другой жизненной обстановки, и приходитъ къ тому заключенію, что самый естественный родъ поэзіи, который могъ быть въ ходу у тогдашняго русскаго общества,—историческій, но отнюдь не какой-либо другой. Дѣйствительно, и самыя стихотворенія, почему-то обратившія на себя вниманіе заѣзжаго Англичанина, имѣютъ содержаніемъ историческія происшествія и преимущественно событія того времени, или близко тѣхъ лѣтъ, когда Джемсъ былъ въ Россіи. Впрочемъ, и то можетъ быть, что для Джемса списаны были именно эти стихи, потому что они имѣли историческую завязку, могли быть интересными для современниковъ, какъ литературная новинка и притомъ общественнаго содержанія. Стихотворенія эти, въ то время, могли казаться тѣмъ, чѣмъ стали въ послѣднее время стихи, сочиняемые по поводу какого-либо важ-

наго событія, о которомъ говорятъ въ обществѣ, пишутъ въ газетахъ и т. п. Какъ бы то ни было, но все говоритъ въ пользу того мнѣнія, что въ началѣ XVII вѣка самымъ позволительнымъ эстетическимъ развлеченіемъ могли быть скромные, безъ пѣсенъ и плясокъ, хотя тѣмъ не менѣе пьяные, пиры и братчины, пѣніе духовныхъ стиховъ и историческихъ пѣсенъ и убійственно-жаркія бани. Все прочее находилось подъ тяжкимъ запрещеніемъ со стороны закона, духовной литературы и общественнаго мнѣнія, какое только могло быть въ то время; особенно преслѣдовались—бѣсовское пѣніе, скаканіе, плясаніе и гудѣніе; даже соколиная охота, до Алексѣя Михайловича, находилась подъ запретомъ, какъ дьявольское угодіе. Слѣдовательно трудно было тогда проявляться свободному поэтическому творчеству, въ какой бы формѣ ни являлось оно: пѣть велѣно было только то, чего не понималъ народъ; все поэтическое нашей старины считалось языческимъ, всякій обрядъ непозволительнымъ, хотя взамѣнъ всего этого языческаго и непозволительнаго, народу не дано было ничего лучшаго, для удовлетворенія его эстетическимъ склонностямъ, наконецъ—для удовлетворенія его любознательности. Но поэтическое начало, свойственное натурѣ человѣка, требовало проявленія, и оно проявлялось, несмотря на энергическія преслѣдованія. Хотя народу запрещено было пѣть свои любимыя пѣсни (а лучше пѣсенъ онъ ничего не имѣлъ, въ чемъ бы могло вылиться его поэтическое творчество), однако онъ пѣлъ ихъ, потому что еще въ свѣжести были его эпическія воспоминанія. Кромѣ пѣсенъ, эпическая старина,—вообще эпическая дѣятельность проявлялась въ свадебныхъ обрядахъ, на народныхъ праздникахъ, на похоронахъ, въ чернокнижіи, заговорахъ и нашептываніяхъ и, наконецъ,—въ чтеніи и слушаніи довольно обширной апокрифической литературы. (Обо всемъ этомъ мы читаемъ въ трудахъ г. Буслаева самыя разнообразныя и любопытныя свѣдѣнія). Но время сдѣлало свое дѣло: народное развитіе шло своимъ чередомъ, хотя медленно, потому что задерживалось живучей этой эпической стариной, но все же шло понемногу; прежнія вѣрованія сами собой пошатнулись въ своемъ основаніи; а преслѣдованіе добивало ихъ, заставляло народъ поневолѣ вдуматься и въ причины этого дружнаго преслѣдованія и въ самыя вѣрованія свои; все клонилось къ тому, что пора бы и подумать, дѣйствительно-ли было изъ за чего терпѣть укоры проповѣдниковъ, испытывать на себѣ строгость закона и даже подвергаться наказаніямъ.

Умъ и фантазія требовали новой пищи и чувствовалась потребность въ чемъ-то иномъ, кромѣ разсказовъ о богатыряхъ и старыхъ пѣсенъ. Приходилось поневолѣ оглядѣться кругомъ, всмотрѣться ближе въ дѣйствительную жизнь, поискать въ ней того, что̀ давала нѣкогда эпическая старина; но жизнь, конечно, не могла уже быть тѣмъ, чѣмъ она была прежде для народа; фантазія и умъ отрицали уже многое изъ того, чѣмъ удовлетворялись прежде. И вотъ наблюдательность, прозрѣніе въ жизнь, какою она была на самомъ дѣлѣ, дали начатки новеллы, первообразъ повѣсти и разсказа, взятаго изъ дѣйствительной жизни. Въ свою очередь отрицаніе и попытки ума выйти изъ тьмы предразсудковъ, породили шутку и сатиру, что̀ все отразилось въ устной поэзіи и письменности этой переходной эпохи. Появились «смѣхотворныя» повѣсти, челобитныя ершей, шуточныя жалобы чернецовъ на скучное монастырское житье; стали списываться въ огромномъ количествѣ экземпляровъ повѣсти всѣхъ возможныхъ содержаній (см. изслѣдов, г. Пыпина), и все это, повидимому, читалось жадно, все удивляло и поучало. Современность стала привлекать къ себѣ общее вниманіе; громкія историческія событія, какими были волненія во всей русской землѣ при самозванцахъ, тревожили умъ народа — не однихъ лѣтописцевъ. Все это было ближе къ сердцу, давало больше пищи уму, чѣмъ воспоминанія эпической старины, все болѣе и болѣе блѣднѣвшія и отходившія на второй планъ. Дѣйствительно, это было кипучее, живое время въ русской исторіи, и передъ народомъ постоянно проходили такія личности, какъ Гришка Отрепьевъ, Годуновъ, Шуйскіе, Пожарскій, Мининъ, совершались такія событія, какъ взятіе Москвы, плѣнъ патріарховъ, битвы, цѣлованіе креста Богъ—вѣсть какимъ пришлымъ царемъ и проч.

Къ этому–то времени, къ первымъ попыткамъ пробужденія народной мысли и относятся нѣкоторыя историческія пѣсни, въ которыхъ уже нѣтъ владиміровыхъ богатырей, нѣтъ элемента чудеснаго и миѳологическаго. Къ тому же времени принадлежитъ составленіе пѣсенъ записанныхъ для Ричарда Джемса. Первая изъ нихъ—въѣздъ патріарха Филарета въ Москву (изъ литовскаго плѣна) — тяжеловатостію пріемовъ напоминаетъ лѣтописныя сказанія, хотя, впрочемъ, въ ней менѣе сухихъ реторическихъ фразъ, а подчасъ пробивается живое эпическое выраженіе. Стихотвореніе не укладывается въ обыкновенный метръ народныхъ пѣсенъ, но плавностью и пѣвучестью ближе подходитъ къ тѣмъ лѣтописнымъ эпизодамъ въ которыхъ реторика

перемѣшана съ проблесками истиннаго вдохновенія. Такія поэтическія отступленія въ лѣтописяхъ читаемъ при описаніи битвъ, при разсказѣ о смерти любимыхъ князей, о всеобщемъ плачѣ по поводу какого-нибудь бѣдствія и проч. Эти эпизоды рано появились въ лѣтописи и, въ нѣкоторой степени, замѣняли собой эпическія сказанія старины. Уже при описаніи смерти Дмитрія Донскаго, лѣтописецъ цитируетъ, конечно съ измѣненіями и реторическими прикрасами, причитанье жены князя:.. «въплакася горькымъ гласомъ, огненыа слезы отъ очію испущающи, утробою распаляющи, въ перси своя рукама біющи, яко труба рать повѣдающи, яко ластовица рано щепчющи и арганъ сладко вѣщающи, глаголаша:» Како умре животе мой драгій, мене едину вдовою оставивъ? почто азъ преже тебе не умрохъ? како зайде свѣтъ отъ очію моею? гдѣ отходиши съкровище живота моего?.. Цвѣте прекрасный, что рано увядаеши? виноградъ многоплодный, уже не подаси плода сердцу моему и сладости души моей... Солнце мое, рано заходиши; мѣсяцъ мой свѣтлый, скоро погибаеши; звѣзда восточная, почто къ западу грядеши? Царю мой милый! како пріиму тя, како тя обойму, или како ти послужю?.. Свѣте мой свѣтлый, чему помрачился еси?» Все это живо напоминаетъ народныя причитанья по умершихъ—тѣже фразы, тѣ же эпитеты и уподобленія (Пол. соб. р. лѣт. IV 345—355). Въ стихотвореніи о въѣздѣ Филарета въ Москву больше, конечно, замѣтенъ народный элементъ и видна пѣсенная манера; но нельзя отрицать и того, что пѣсня эта не округлилась въ устахъ народа до эпической плавности, потому что народъ не успѣлъ еще этого сдѣлать. Извѣстно, что пѣсня эта говоритъ о событіи, послѣдовавшемъ 22 іюня 1619 года (день прибытія патріарха изъ плѣна въ Москву); а Ричардъ Джемсъ выѣхалъ изъ Москвы 20 августа того же года, слѣдовательно чрезъ мѣсяцъ и 28 дней послѣ этого событія. Пѣсня, значитъ, была сочинена однимъ лицомъ и притомъ въ промежутокъ только двухъ мѣсяцевъ, а потому и не могла такъ скоро усвоиться народомъ, чтобъ окончательно сгладиться въ его устахъ и получить полную эпическую форму. Вотъ, почему она имѣетъ въ себѣ что-то книжное, менѣе народное, чѣмъ, напримѣръ, другія стихотворенія, записанныя для того же Джемса, которыя, какъ волны, увлекаемыя потокомъ воды, успѣли сгладиться, округлиться, утратить всѣ неровности и шероховатость, въ какой могли явиться въ устахъ сочинителя. Только народъ, усвоивая пѣсню, сочиненную однимъ лицомъ, передѣлываетъ ее по-своему, прибавляетъ и убавляетъ метры и строфы, пока пѣсня не получитъ полной эпичности.

Болѣе выработанной формой отличается другая пѣсня, записанная для Джемса, именно о князѣ Михайлѣ Васильевичѣ Скопинѣ Шуйскомъ. Такъ-какъ скоропостижная смерть Скопина-Шуйскаго послѣдовала въ 1610 году, то до 1619 года, въ теченіе девяти лѣтъ, пѣсня, сочиненная, безъ сомнѣнія, тотчасъ по смерти любимаго народомъ полководца, могла конечно округлиться и получить вполнѣ эпическую наружность. Дѣйствительно, эта пѣсня лучше другихъ, то-есть, народнѣе. Г, Буслаевъ приводитъ въ параллель къ пѣснѣ Джемса о Скопинѣ-Шуйскомъ варіантъ ея, находящійся у Кирши Данилова, потомъ сводитъ лѣтописныя показанія о томъ же предметѣ (въ Псковской, въ рукоп. Филарета и въ хронографѣ Румянцевскаго музея: послѣдній варіантъ помѣщенъ въ «Памятникахъ» г. Костомарова). Но мы имѣемъ еще одинъ варіантъ народной пѣсни о смерти Скопина и приводимъ его здѣсь для сравненія съ стихотвореніемъ Джемса и съ варіантами, указанными г. Буслаевымъ. Вотъ она:

У князя было у Владимира (!)
Было пированье почетное:
Ой крестили дитя княжецкое.
Ахъ, кто кумъ тотъ былъ, кто кума была?
Ахъ, кумъ-отъ былъ князь Михайло Скопинъ,
Князь Михайло Скопинъ сынъ Васильевичъ,
А кума-то была дочь Скурлатова.
Они пили, ѣли, прохлажалися,
Пивши, ѣвши похвалялися,
Выходили на крылечко на красное;
Ужь какъ учали похвалу чинить князья, бояра:
Одинъ скажетъ-у меня много чистаго серебра,
Другой скажетъ-у меня больше красна золота.
Ахъ, что взговоритъ князь Михайло Скопинъ,
Михайло Скопинъ сынъ Васильевичъ:
Еще что вы, братцы, выхваляетесь?
Я скажу вамъ не въ похвалу себѣ:
Я очистилъ царство московское,
Я вывелъ вѣру поганскую,
Я сталъ за вѣру Христіанскую.
То слово кумѣ не показалося,
То крестовой не понравилось;
Наливала она чару водки крѣпкія,
Подносила куму крестовому;

Самъ же онъ не пилъ, а ее почтилъ:
Ему мнилось, она выпила,
А она ворукавъ вылила;
Наливала еще куму крестовому:
Какъ выпилъ князь Михайло Скопинъ,
Трезвы (рѣзвы?) ноги подломилися,
Бѣлы руки опустилися.
Ужъ какъ брали его слуги вѣрные,
Подхватили его подъ бѣлы руки,
Повезли его домой къ себѣ;
Какъ встрѣчала его матушка:
Дитя мое, чадо милое,
Сколько ты по пирамъ не ѣзжалъ,
— А таковъ еще пьянъ не бывалъ. —
Ахъ, ты гой еси, моя мать родная!
Сколько я по пирамъ не ѣзжалъ,
А таковъ еще пьянъ не бывалъ:
Съѣла меня кума крестовая,
Дочь Малюты Скурлатова.

Нельзя не замѣтить, что пѣсня приведенная нами, долго обращалась въ народѣ, усвоивъ пріемы пѣсеннаго эпоса, между тѣмъ какъ первообразъ ея могъ быть совершенно инымъ. Это можно заключить изъ той же пѣсни, записанной въ Сборникѣ Кирши Данилова, и изъ пѣсни Джемсовой. Въ нашемъ варіантѣ уже перемѣшаны эпохи и лица, что для народа казалось совершенно естественнымъ: X и XVII столѣтія сведены въ одинъ разсказъ; личность, жившая въ эпоху самозванцевъ, является на пиру у Владиміра — язычника, гдѣ могли быть и Добрыня Никитичь и Илья Муромецъ, и Тугаринъ Змѣевичь, потому что если рѣчь идетъ о пирѣ, то ужъ непремѣнно, по эпическимъ пріемамъ поэзіи, пиръ этотъ ни у кого другаго не можетъ быть, какъ у ласкова-князя Владиміра. Въ варіантѣ Кирши Данилова, какъ болѣе древнемъ, нѣтъ такихъ анахронизмовъ: народъ тогда не успѣлъ еще передѣлать пѣсню о Скопинѣ на свой ладъ, не успѣлъ подвести ее подъ общій уровень пѣсень, хотя описаніе пира и у Кирши сильно отзывается манерой пѣсень богатырскаго цикла; однако, по Киршѣ, пиръ происходилъ у князя Воротынскаго, какъ это дѣйствительно и было. Варіантъ Данилова говоритъ, что бояре подсыпали въ чашу лютаго зелья и передали кумѣ; въ нашемъ варіан-

тѣ, дочь Малюты сама, по своей волѣ, вслѣдствіе похвальбы Скопина, отравила его, выливъ одну чашу съ зельемъ себѣ въ рукавъ. Но варіантъ баккалавра Джемса имѣетъ совершенно другой характеръ и поэтическія красоты его не передѣланы по общей мѣркѣ, стихотвореніе не обезличено вставкою избитыхъ эпическихъ фразъ:

Ино что у насъ въ Москвѣ учинилося:
Съ полуночи у насъ въ колоколъ звонили.
А росплачютца гости москвичи:
А тепере наши головы загибли,
Что не стало у насъ воеводы,
Васильевича князя Михаила.
А съежалися князи, бояре супротиво къ намъ,
Мьстиславской князь, Воротынской,
И между собою они слово говорили,
А говорили слово, усмѣхнулися:
Высоко соколъ поднялся,
И о сыру матеру землю ушибся.
А росплачютца свецкіе Нѣмцы,
Что не стало у насъ воеводы,
Васильевича князя Михаила.
Побѣжали Нѣмцы въ Новъгородъ,
И въ Нове городе заперлися,
И многой миръ-народъ погубили,
И въ латынскую землю превратили.

Послѣ пѣсенъ о царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ съ другими личностями, группировавшимися около него, съ Малютою Скуратовымъ, Никитою Романовичемъ и Ермакомъ, пѣсня о Скопинѣ-Шуйскомъ можетъ назваться единственною, гдѣ на сцену является историческая личность, первая, на которой остановилось вниманіе народа, забывшаго въ своихъ пѣсняхъ весь промежутокъ времени отъ Владиміра до Самозванцевъ, то-есть отъ чисто-эпическихъ временъ до той эпохи, когда начало пробуждаться народное сознаніе. Сколько важныхъ событій насчитываетъ исторія въ этотъ промежутокъ времени, сколько видныхъ историческихъ именъ, сколько князей и другихъ владыкъ русской земли занесено въ лѣтописи, сколько перемѣнъ испытала Россія въ эти 700 лѣтъ, и — замѣчательно — почти ни одно имя не удержалось въ памяти народа, точно все, происходившее въ Россіи,

и не касалось его судьбы, точно все это были чужіе люди, кромѣ развѣ Грознаго, слишкомъ для всѣхъ памятнаго. Народъ забылъ все. У него нѣтъ исторіи. И вотъ, — послѣ этого семивѣковаго сна и забвенія, — его апатическое равнодушіе къ родной исторіи потревожено; онъ останавливается на двухъ — трехъ личностяхъ, переноситъ ихъ въ другую эпоху, за семьсотъ лѣтъ, или, напротивъ, событія эпическаго періода переноситъ ко времени своего нечаяннаго пробужденія, все спутываетъ, помнитъ только эти имена, и снова забывается, снова засыпаетъ, пока опять не разбудитъ его какое-либо новое имя, почему-либо важное для него. — Къ числу такихъ именъ принадлежитъ имя Скопина-Шуйскаго, которое уцѣлѣло въ народной памяти, благодаря двумъ-тремъ пѣснямъ, но уцѣлѣло какъ-то особнякомъ, безъ связи съ другими историческими событіями, или напротивъ является въ такой обстановкѣ, что если вмѣсто Скопина-Шуйскаго поставить другое имя, то это будетъ почти все равно. Такъ въ одной народной пѣснѣ, которой нѣтъ ни у Сахарова, ни у Кирши Данилова, Скопинъ-Шуйскій обѣщаетъ царю взять Азовъ — городъ. Въ памяти народа осталось, что Скопинъ былъ хорошій человѣкъ, умѣвшій оборонять русскую землю отъ лютыхъ враговъ, — и этого достаточно, чтобы взятіе Азова связать съ именемъ этого человѣка.

У насъ было во кремлѣ во городѣ,
У того у собора у Успенскаго,
Соѣзжалися князья и бояре,
Всѣ сильные воеводы московскіе.
Ужъ какъ царь говоритъ, какъ въ трубу трубитъ:
Охъ, вы гой еси, князья, бояре!
Какъ намъ, братцы, на приступъ итти,
Какъ намъ взять будетъ Азовъ-городъ?
Азовъ-городъ во крѣпи стоитъ,
Нельзя къ нему подойти, ни подъѣхати.
Какъ тутъ-ли бояре испужалися,
Большой за меньшова хоронится,
А меньшихъ за большими давно не знать.
Ахъ что взговорилъ Михайло Скопинъ:
Охъ, ты гой еси, грозный царь!
Благослови мнѣ слово молвити,
Или цѣлу рѣчъ выговорить.

Дѣлайте тележки бурмицкія,
Убивайте тележки кунами собольими,
Сукнами багрецовыми и гвоздьми полужеными,
Сажайте въ тележки по пяти человѣкъ:
Я поѣду въ тотъ городъ могучій гость,
Я возьму тотъ городъ во единый часъ.
Пріѣхали они къ синему морю;
Кричитъ онъ перевозчикамъ:
Перевезите гостя могучаго
Что во тотъ ли во Азовъ городъ.
Стали бурмистры и головы,
Стали пошлины спрашивати.
Ахъ, вы гой еси, бурмистры и головы!
Погодите вы до утрія,
Дамъ вамъ по таксѣ полную.
Со полуночи до вечера могучій гость
Черезъ сине море переправился,
Осмотрѣлъ крѣпость Азовскую
И донесъ царю о возможности.

Въ этой пѣснѣ гораздо больше эпическаго «замышленія», чѣмъ въ другихъ преданіяхъ о Скопинѣ и, повидимому, историческій элементъ въ ней довольно слабъ, потому что разсказъ отзывается чѣмъ-то вымышленнымъ, сказочнымъ.

Въ запискахъ баккалавра Джемса находятся двѣ пѣсни о царевнѣ Ксеніи Борисовнѣ Годуновой. Замѣчательно, что пѣсни эти записаны для Джемса въ то время, когда Ксенія была еще жива, а слѣдовательно пѣсни о ея горькой участи пѣлись при ея жизни, точно такъ какъ изъ одного древняго стихотворенія можно догадываться, что о Скопинѣ-Шуйскомъ пѣлъ народъ при жизни этого воеводы, и самъ Скопинъ естественно могъ слышать восхваленіе его подвиговъ. Пѣсни о Ксеніи не отличаются особенными поэтическими доствинствами, можетъ быть потому, что самая жизнь русской женщины и особенно русской дѣвушки въ ту эпоху была безцвѣтна, однообразна и лишена всякаго драматическаго движенія; даже въ жизни простой крестьянки могло быть больше поэтическаго начала, потому что и нѣжныя чувства ея и всѣ душевныя порывы могли выражаться свободно. Теремная жизнь могла родить только теремную поэзію, если можно такъ выразиться, и дальше косятчатыхъ оконъ, сѣнныхъ переходовъ, шитоя по бархату, браныхъ убрусовъ, золотыхъ ширинокъ,

яхонтовыхъ сережекъ не могла идти поэзія женщины высшаго круга; иногда рисуется монастырская жизнь — и только. Объ этомъ-то поется и въ пѣсняхъ Ксеніи, объ этомъ же поется во всѣхъ нашихъ обрядныхъ пѣсняхъ, которыя едва ли не произведеніе затворнической жизни, не знавшей другаго развлеченія кромѣ жмурокъ, гаданья на воскѣ и проч. Неудивительно, что наша женщина (не эпическаго періода: богатыри не сажали своихъ женъ въ терема, а часто сражались вмѣстѣ съ ними), является существомъ безличнымъ и ни мало не напоминаетъ того рельефнаго характера женщинъ западной поэзіи, на которыхъ указываетъ г. Буслаевъ; женскія типы русской поэзіи богатырскаго цикла, съ утратою эпическихъ воззрѣній на вѣщую силу женщины, исчезли и не выродились въ иные типы, сообразно съ новыми требованіями народнаго духа. Та женщина, которая служила вдохновительнымъ началомъ для романской поэзіи, не теряла значенія для народа; но та, которая скрылась въ теремѣ, для которой назначались такія скучныя занятія, такія мелочныя обязанности, какія предписывались Домостроемъ, имѣла отношеніе къ народу только какъ хозяйка дома, какъ учетчица и гроза челяди. Некогда и не къ лицу ей было становиться въ уровень ни съ безстыдной инфантой Уракой (въ Сидѣ), ни съ преступной Франческой (у Данта), ни съ яростной Кримгильдой и др., когда она вся была погружена въ домашніе мелочные хлопоты. Вся жизнь ея проходила въ бряцаньѣ ключами, съ иголкой и плеткой въ рукѣ, да изрѣдка развѣ поэтическія наклонности ея искали удовлетворенія въ перешептываньѣ съ бабами-вѣдуньями о приворотномъ зельѣ, о спасеніи мужа отъ горькаго пьянства, объ укрощеніи его буйнаго нрава, объ отвращеніи неосторожнаго мужнинаго кулака; уже и то для нея было отрадно, если мужъ «смотря по винѣ, постегаетъ ее плеткою бережно и вѣжливенько, за руки держа», даже и «соймя рубашку», — а не по уху, не по лицу, ни подъ сердце кулакомъ, ни пинкомъ, ни посохомъ и ничѣмъ желѣзнымъ и деревяннымъ бить и колоть не станетъ (Домострой; у Буслаева I, 474—475). Естественно, что тамъ гдѣ Frauendienst (Minnedienst — служеніе дамѣ) замѣняло всѣ наставленія Домостроя, женщина должна была играть въ народной поэзіи иную роль, чѣмъ у насъ, если бы простой народъ на западѣ и билъ иногда дамъ своего сердца. Г. Буслаевъ указываетъ на это различіе между женщиною восточною и западною; но было бы не лишнее, кажется, обратить вниманіе на характеристику женщины въ поэзіи славянскихъ

народностей, что имѣетъ ближайшое отношеніе къ нашему предмету. Характеристика женщины въ польской и чешской поэзіи сложилась отчасти подъ вліяніемъ того же начала, которое такъ возвысило женщину въ Европѣ и отразилось на поэтическомъ творчествѣ народа; но жизнь другихъ славянъ не была похожа на жизнь западную; однако и здѣсь мы находимъ замѣтные оттѣнки въ поэзіи, смотря потому какимъ образомъ сложилась вся историкиская жизнь того или другаго славянскаго племени. Московскій теремъ, конечно. не имѣлъ вліянія на поэзію нисшихъ классовъ общества; деревни, села и старые, небольшія города продолжали жить естественной жизнію, и цѣлымъ рядомъ пѣсень семейнаго быта заявили о своемъ существованіи, о своихъ радостяхъ и печаляхъ; здѣсь же ничто не помѣшало высказаться въ пѣснѣ и руской простой женщинѣ, въ ея узкой, семейной обстановкѣ, съ злой свекровью, съ «золовками смутливыми», съ «деверьями пересмѣшливыми» и даже съ чужой дальней стороной, — съ какимъ-нибудь незнакомымъ селомъ, верстъ за 10 за 20 отъ роднаго крова, о которомъ женщина думала, что эта чужая сторона — «горемъ горожена, а печалью усожена, слезами поливана, тоскою покрывана»; здѣсь русская женщина училась пассивной покорности; здѣсь она легко свыкалась съ мужниным «умомъ разумомъ и обычаемъ молодецкіимъ».

Въ Малороссіи не было терема, да и вся жизненная обстановка является тамъ въ иномъ свѣтѣ, чѣмъ на сѣверѣ. Тревожная жизнь казака была слишкомъ близка сердцу женщины и, сколько могла, женщина входила въ эту жизнь уже тѣмъ, что поила и сѣдлала коня воронова, на которомъ братъ собирался ѣхать на войну, встрѣчала побѣдителей, слушала пѣсни бандуристовъ о подвигахъ милаго. Въ жизни малорусской женщины больше движенія и свободы, и въ пѣсняхъ этого края больше нѣжности, страсти и драматизма, чѣмъ на сѣверѣ. Въ то время, когда царевна Ксенія поетъ о золотыхъ ширинкахъ и браныхъ убрусахъ, малорусская женщина уже сама является поэтомъ и пѣсни, сложенныя молодой дѣвушкой болѣе чѣмъ за двѣсти лѣтъ до насъ, поются и теперь въ народѣ и дышатъ неподдѣльной прелестью. Г. Буслаевъ приводитъ, по поводу пѣсенъ Ксеніи, сонетъ одной флорентинской красавицы XIII вѣка, сочиненной ею въ порывѣ грусти о томъ, что отецъ не позволялъ ей вступить въ монастырь (Бусл I, 530—531); мы можемъ указать на другую личность, изъ прошедшей исторіи Малороссіи, личность вполнѣ

народную, на простую дѣвушку, которая, какъ говоритъ преданіе не писала, а импровизировала свои прекрасныя пѣсни, и пѣсни эти живутъ въ народѣ и едва ли когда-нибудь забудутся. Мы разумѣемъ Марину, родомъ изъ Полтавы, прославившуюся замѣчательнымъ поэтическимъ дарованіемъ въ первой половинѣ XVII вѣка, при Богданѣ Хмѣльницкомъ, слѣдовательно почти современницу царевны Ксеніи. Говорятъ, что первое сложенное ею стихотвореніе—была извѣстная пѣсня: «Болить моя головонька відъ самого чола». Вся жизнь и трагическая смерть этого существа могутъ служить прекрасной характеристикой украинской женщины, потому что личность Маруси отражаетъ въ себѣ всѣ хорошія и дурныя стороны южно-русской женщины, и положеніе, какое она занимаетъ въ этой поэтической половинѣ Россіи, и то значеніе, которымъ едва-ли когда-нибудь пользовалась сѣверная женщина. Маруся, говоритъ преданіе, любила своего молочнаго брата, который не могъ жениться на дочери своей кормилицы, хотя также любилъ дѣвушку съ дѣтства; это было перымъ горемъ для поэтической души ея, и она излила—свою тоску въ новыхъ грустныхъ пѣсняхъ, которыя и теперь еще поются не только въ Малороссіи, но и въ другихъ частяхъ Россіи. Пѣсни, оставленныя ею въ памяти народа и долго сохранившіеся о ней разсказы живо рисуютъ передъ нами эту замѣчательную личность.—Послѣ неудачной попытки утопиться съ отчаянія, вслѣдствіе невѣрности своего милаго, она отравляетъ его, и когда мать Маруси, не зная что ея молочный сынъ пьетъ отраву, взяла отъ него кружку и хотѣла также выпить, дѣвушка бросается вырвать отраву у матери, разбиваетъ кружку и съ словами «постой, смерть! и ты отъ меня бѣжишь» — кидается на полъ и съ полу пьетъ оставшіяся капли яда. Приведенная на судъ, скованная въ желѣза, она, говорятъ, ничего не понимала уже, что читалось ей въ допросныхъ пунктахъ, ничего не отвѣчала на вопросы судей, а только съ глухимъ шопотомъ перебирала кольца своей цѣпи; но когда при чтеніи было произнесено имя отравленнаго ею человѣка, она быстро спросила: «тебѣ жаль его»? — и потомъ сама же отвѣчала: «охъ, жаль, жаль!» Ее осудили на смерть, къ сожалѣнію; но Хмѣльницкій, говорятъ, простилъ несчастную. Маруся умерла въ 1653 году, слѣдовательно, ровно черезъ тридцать лѣтъ послѣ царевны Ксеніи. Другая мало-русская дѣвушка изображается полонянкою. Находясь въ плѣну, въ турецкой неволѣ, Маруся Богуславка имѣла такое вліяніе на своего господина, что онъ, отъѣзжая въ мечеть, вручалъ ей ключи

отъ темницы, гдѣ содержалось семьсотъ плѣнныхъ казаковъ; однажды она напомнила казакамъ, забывшимъ, въ теченіе тринадцатилѣтняго тюремнаго заключенія, даже счетъ днямъ и временамъ года, что «сёгодня у нашій землі христіяньскій великодная субота а завтра святи́й празникъ, рокови́й день Вели́къ-день,» и когда казаки проклинали ее за это грустное напоминаніе о родинѣ, она всѣхъ ихъ выпустила на волю; но, освобождая плѣнныхъ, просила зайти въ ея родной городъ Богуславъ и сказать отцу и матери, чтобъ они не старались выкупить ее изъ неволи:

Бо вже я потурчилась, побусурменилась,
Для роскоши турецькоі,
Для лакомства нещаского.

(Кулиша Зап. о Южн. Р. I, 210—213).

Тотъ ошибется, намъ кажется, кто найдетъ сходство въ характерахъ великорусской и малорусской женщины, — разница огромная: обманутое чувство, оскорбленная страсть, ревность, тоска и отчаяніе доводятъ иногда послѣднюю до изступленія, и она или губитъ любимаго человѣка или погибаетъ сама; но въ характерѣ первой замѣчается особая черта, которой вы не подмѣтите ни у одной женщины. Она также отравляетъ, но больше мститъ за оскорбленіе слезами; чаще же всего молчитъ и терпитъ.—Но образы всѣхъ такихъ существъ, какъ Кримгильда или инфанта Урака, блѣднѣютъ передъ отвратительной личностью нашей Дуни, характеръ которой выработался въ народной поэзіи подъ иными условіями, неизвѣстнымъ на Западѣ. Дуня — явленіе болѣе новаго времени; она создается вмѣстѣ съ богатымъ цикломъ разбойничьихъ пѣсенъ и характеризуетъ собой всѣ жалкія стороны той жизни, которая сдѣлала возможнымъ подобный образъ дѣвушки. Дуня создалась преимущественно на Волгѣ, между бурлаками и вольницей стараго времени, и собственно поволжью принадлежитъ эта личность, по крайней мѣрѣ здѣсь пѣсни о ней варьируются на самые разнообразные тоны, рисуютъ Дуню во всѣхъ возможныхъ положеніяхъ. Дуня живетъ между разбойниками и они величаютъ ее красной дѣвицей. Ѣдетъ Дуня по Волгѣ, въ косной лодочкѣ, съ своими товарищами и разсказываетъ имъ о своей удалой жизни, какъ съ пятнадцати лѣтъ она «въ гульбу пошла», а съ шестнадцати «души губила». Она убиваетъ хладнокровно всѣхъ, кого могли уби-

вать и разбойники, — что для нихъ не диво; но вотъ она плачетъ и вспоминаетъ, какъ убила роднаго брата, какъ гналась за нимъ по степи, какъ настигла его, зарѣзала, вынула ножемъ изъ убитаго еще живое сердце и прибавляетъ: «на ножъ сердце встрепенулося, а я, дѣвушка, усмѣхнулася». Потомъ убиваетъ она отца съ матерью, и сколько они ни молили пощадить ихъ, сколько ни кланялись ей въ ноги, она убила-таки обоихъ. Только тутъ добрые молодцы «ужахнулися»; но при всемъ томъ удаль ея была до-того поразительна, характеръ разбойницы до-того казался имъ сильнымъ и страшнымъ, что они не могли не похвалиться такой красной дѣвицей. Другая дѣвушка состарѣлась на разбоѣ и когда ей было, можетъ быть, — лѣтъ подъ шестьдесятъ, вспомнила о своей прошлой жизни и плакала, разсказывая о ней товарищамъ бурлакамъ: и какъ она ходила сорокъ лѣтъ съ шайкой, и какъ погубила «сорокъ душъ съ душою», и какъ не пощадила отца съ матерью, и «родъ-племя красная дѣвица потребила». Здѣсь уже дѣйствуетъ не страстное чувство женщины, покинутой или обманутой въ лучшихъ надеждахъ, или ослѣпленной местью; нѣтъ, — здѣсь все это дѣлается хладнокровно, безъ всякой, кажется, страстности и даже безъ всякой мысли, просто— вслѣдствіе испорченности сердца, вслѣдствіе крайней извращенности человѣческихъ инстинктовъ. Только самая жалкая жизнь можетъ создать не только такой несчастный образъ женщины, но даже пѣсню о ней, возможность представленія такого существа. А между тѣмъ такія личности являлись не въ фантазіи народа, не въ одной пѣснѣ онѣ возможны, а возможны были въ самой жизни: и теперь разсказываютъ въ поволжьѣ о дѣвкѣ — Танькѣ, атаманѣ разбойниковъ, и указываютъ мѣста, удержавшія память о ея имени и похожденіяхъ. Конечно, явленіе такихъ существъ въ русской жизни есть не что иное, как печальная аномалія, неизбѣжное послѣдствіе ложнаго хода жизни; русская поэзія, въ большинствѣ случаевъ, выводитъ передъ нами симпатическіе образы добрыхъ и любящихъ женщинъ:—но такъ неотразимо вліяніе жизни и историческихъ условій на человѣка, что народная поэзія неминуемо отразитъ въ себѣ тѣ историческіе моменты жизни и тѣ стороны его бытія, которые самому народу казались наиболѣе впечатлительными и рельефными.

Но нигдѣ, кажется, мы не находимъ такой полной характеристики женщины, какъ въ народной сербской поэзіи. Сербская пѣсня рисує женщину во всѣ моменты ея семейной жизни, ея отношенія къ

мужчинѣ, свѣтлыя и темныя стороны ея характера. Начиная отъ прекраснаго образа «Косовской дѣвушки» до самыхъ печальныхъ и возмутительныхъ типовъ, противоположныхъ этому симпатическому существу, вездѣ мы видимъ мѣткое изображеніе женщины, которая не остается въ тѣни, не забыта народной поэзіей, а напротивъ является вездѣ и принимаетъ во всемъ дѣятельное участіе. Повидимому она пользуется полной свободой дѣйствій, независимо выражаетъ свои чувства и словомъ и дѣломъ; она служитъ мужчинѣ, она цѣлуетъ его «въ полу и въ руку», какъ господина; но она не раба, она не угнетена и не забыта. И какъ трогательно, напримѣръ, обращеніе царицы Милицы съ своимъ мужемъ и братьями, сколько нѣжности и наивности въ любви къ сыну старой матери буйнаго королевича Марка, Евросимы, которая и въ старости осталась все той же доброй и любящей женщиной, какою была еще въ дѣвушкахъ, когда спасала своего брата Момчила отъ измѣны преступной Видосавы; а Мара, которая умираетъ въ одинъ часъ съ своимъ милымъ Іовой; а та дѣвушка, которая плачетъ о смерти Конди, единственнаго сына у матери, плачетъ такъ, что въ могилѣ становится тяжко мертвецу и земля вокругъ него трясется: — все это исполнено самаго нѣжнаго чувства, самой наивной прелести. Понятно, что и въ жизни, въ дѣйствительности, возможны такіе характеры, какіе выводитъ передъ нами сербская поэзія. Косовская дѣвушка, въ самый роковой для сербскаго народа день, когда погибла его независимость, не сидитъ дома за «яглукомъ» (обыкновенное вязанье), не хоронится въ четырехъ стѣнахъ, а чѣмъ свѣтъ идетъ на поле битвы, на Косово, гдѣ погибла вся армія царя Лазаря, гдѣ, какъ говоритъ пѣсня, стояло море крови, конямъ по поводъ, а воинамъ — по шелковый поясъ, гдѣ плавали въ крови и кони и люди, конь до коня, человѣкъ плылъ до человѣка, гдѣ орлы, птицы сѣрыя, налетѣвъ жадными и голодными стаями, кормились человѣческимъ мясомъ и напившись человѣческой кровью, замочили въ ней свои крылья, такъ что и летать не могли; на это страшное поле идетъ дѣвушка, засучивъ бѣлые рукава до бѣлыхъ локтей, несетъ на плечахъ бѣлый хлѣбъ, а въ рукахъ двѣ золотыя чаши; въ одной холодная вода, а въ другой—красное вино; вылила она на поле и пошла по побоищу честнаго князя, приподымаетъ изъ крови, перевертываетъ и осматриваетъ мертвыхъ, нѣтъ ли гдѣ живаго человѣка; найдетъ живаго — и обмываетъ его холодной водою, причащаетъ краснымъ виномъ и кормитъ бѣлымъ хлѣбомъ.

Нашла она на побоищѣ Орловича Павла, у котораго была отсѣчена правая рука и лѣвая нога отрублена по самое колѣно, перебиты всѣ тонкія ребра и виднѣлась сквозь нихъ бѣлая печень, и раненый сказалъ дѣвушкѣ, чтобы шла она домой, не кровавила полъ и рукавовъ, — что не найдетъ она тѣхъ, кого искала. Горе, поразившее дѣвушку, когда она услышала эту странную вѣсть, вылилось у нея такъ тихо и трогательно, и между тѣмъ такъ глубоко западаетъ въ сердце ея плачь, когда пѣсня говоритъ:

Кад девојка сослушала речи,
Проли сузе низ бијело лице,
Она одо свој бијелу двору,
Кукајући из, бијела грла:
«Іао јадна, уде ти сам среће!
Да сејадна, за зелен бор ватим,
И он би се зелен осушло».

Г. Буслаевъ, указавъ на характеристику женщины романскихъ племенъ, относительно славянъ замѣчаетъ, что чѣмъ меньше было искуственности въ развитіи славянской поэзіи, которая не имѣла ни Данта, ни Боккачіо, ни даже трубадуровъ, чѣмъ богаче Славяне, особенно восточные, произведеніями чистаго эпоса, тѣмъ благопріятнѣе результаты для нравственной характеристики женщины (534). Мы уже видѣли отчасти и подтвержденіе, и опроверженіе этихъ словъ, особенно въ пѣсняхъ о Дунѣ. Сербская поэзія, давшая намъ милый образъ «Косовской дѣвушки», и знакомящая съ десяткомъ подобныхъ существъ, вполнѣ нѣжныхъ и привлекательныхъ, не бѣдна и другаго рода личностями, которыя если съ одной стороны и уступаютъ Дунѣ и подобнымъ ей несчастнымъ женщинамъ, то съ другой превосходятъ ее далеко незавидными качествами. По нашему мнѣнію, богатство эпической поэзіи Славянъ сколько благопріятно для нравственной характеристики женщины, столько и неблагопріятно для нея: жизнь мало развитыхъ племенъ создаетъ и простые, даже высоко-поэтическіе образы женщинъ, и въ то же время выработываетъ характеры самые безчеловѣчные, являетъ столько безсмысленно-злаго и безнравственнаго, какъ только можетъ быть безсмысленно-зло и безнравственно существо неразвитое, ничѣмъ необлагороженное, ничѣмъ другимъ неруководимое, кромѣ животныхъ инстинктовъ и грубыхъ побужденій. Для насъ не кажется аномаліей молодая Павло-

вица, которая, изъ зависти къ золовкѣ, сама зарѣзала своего ребенка въ колыбели и положила окровавленный ножъ подъ голову спящей Елицы, чтобъ только обвинить ее предъ братомъ; для насъ кажется дѣломъ естественнымъ, что она хладнокровно смотрѣла, какъ братъ привязалъ потомъ невинную сестру къ конскимъ хвостамъ и размыкалъ дѣвушку по полю; точно также весьма натурально, что народная пѣсня, стоящая за нравственныя начала, заставляетъ злодѣйку Павловицу тяжко заболѣть, хворать безнадежно въ продолженіи девяти лѣтъ, дойти до такого состоянія, что у больной сквозь кости трава проросла, а въ травѣ улеглись лютыя змѣи, которыя, какъ говоритъ пѣсня, »очи пиjу, у траву се криjу (Кар. II, 14—17). Еще болѣе мрачными красками рисуется передъ нами характеръ молодой жены Миланъ-бега, которая, въ брачную ночь, такой дорогой цѣной продала мужу первый поцѣлуй свой. Безъ всякой побудительной причины она сказала ему, что только тогда позволитъ поцѣловать себя, когда увидитъ роднаго брата его, Драгутина-бега, убитымъ и когда мертвая голова его будетъ валяться на дворѣ. И Миланъ-бегъ исполнилъ ея требованіе. Между тѣмъ эти братья такъ много любили другъ друга, говоритъ пѣсня, что когда они бывало ѣхали вмѣстѣ, то даже добрые кони ихъ цѣловали одинъ другаго! (II, 42—48). Вѣроломство женщины въ сербской поэзіи — самое обыкновенное явленіе: развратная Иконія, жена добраго бана Милутина, самымъ постыднымъ образомъ обманываетъ довѣріе мужа, убѣгаетъ съ любовникомъ, уводитъ съ собой двухъ маленькихъ сыновей своихъ и моритъ малютокъ съ голоду, водитъ ихъ и голыми и босыми и такъ озлобляетъ несчастныхъ противъ себя, что когда Милутинъ, вырвавъ ее изъ рукъ любовника, приказалъ завернуть въ смоленое полотно и зажечь волосы измѣнницы и когда Иконія, сгарая подобно свѣчкѣ, чувствовала, что огонь доходитъ уже до ея черныхъ очей и просила мужа пощадить эти очи, которыя онъ такъ любилъ нѣкогда цѣловать, когда наконецъ чувствовала, что огонь начинаетъ пожирать ея бѣлыя груди и просила дѣтей сжалиться надъ сосцами, которыми она вскормила ихъ,—ни мужъ, ни дѣти не пощадили вѣроломной (II 168 — 180).

Сколько ни желали мы найти подтвержденіе мысли, что въ характерѣ сербской женщины больше хорошихъ качествъ чѣмъ дурныхъ, къ сожалѣнію не нашли этого подтвержденія. Цѣлые десятки нравственно-безобразныхъ личностей заслоняютъ собой свѣтлые об-

разы такихъ существъ, какъ Косовская дѣвушка и Евросима, и окончательно убѣждаютъ въ томъ, что чистоты эпическихъ воззрѣній еще недостаточно для облагороженія женскаго характера.

Все это сильно колеблетъ нашу вѣру въ возможность созданія народомъ чистыхъ и возвышенныхъ образовъ женщины, какъ бы ни чиста была эпичность его поэзіи, если только у народа ничего нѣтъ, кромѣ этого богатаго эпоса. Необходимо что-то другое для изображенія возвышенныхъ характеровъ, для полной человѣчности изображаемыхъ типовъ, и только тотъ можетъ познакомить насъ съ образомъ совершеннаго человѣка, кто или самъ носитъ въ себѣ этотъ образъ или сознаетъ возможность бытія такого человѣка, точно такъ же какъ характеристику совершенной женщины дастъ намъ поэзія только того народа, котораго жизнь познакомила съ такой женщиной. Эпическая поэзія младенчествующаго народа тѣмъ и отличается отъ творчества народа развитаго, что въ первой поражаетъ насъ страшное смѣшеніе чистоты и грязи, безсознательное признаніе ложныхъ принциповъ истинными, поклоненіе физической силѣ и извращеніе самыхъ простыхъ нравственныхъ истинъ. Совершеннѣйшіе типы женскихъ характеровъ у Шекспира обязаны своимъ происхожденіемъ не тому, конечно, что онъ черпалъ свое вдохновеніе изъ національныхъ основъ эпической старины, а чему-то другому, чего не могъ ему дать самый чистый и совершеннѣйшій эпосъ всѣхъ народовъ; не итальянскій народный эпосъ помогъ ему своими богатствами, когда геній поэта создавалъ такія личности, какъ Ромео и Юлія, а глубина пониманія малѣйшихъ движеній человѣческаго сердца, сознательное знакомство съ интеллектуальной стороной человѣка, чему не могъ научить его народъ, стоящій на первой ступени развитія и не сознающій своего собственнаго сердца. Не эпическая поэзія, а жизнь знакомитъ съ живыми человѣческими личностями, потому что жизнь постоянно творитъ новые образы и новые характеры, а образы, созданные въ эпическую эпоху творчества народа, становятся для насъ прекрасными тѣнями прошедшаго, мертвыми существами, въ которыхъ давно изсякла жизнь. Всякая старина пригодна только какъ матеріалъ для исторіи; на то же пригодна и эпическая поэзія всякаго народа. Потому, само собой отрицается положеніе, признаваемое г. Буслаевымъ за истину, что только тогда возможно созданіе въ искуственной поэзіи совершеннѣйшихъ образцовъ и характеровъ человѣка, когда поэзія эта будетъ почерпать свое вдохновеніе изъ націо-

нальныхъ основъ эпической старины. Если національныя основы эпической старины не противорѣчатъ дѣйствительной жизни, постоянно видоизмѣняющей все, къ чему она ни прикоснется, то мы согласны, что искусственная поэзія не погрѣшитъ ни противъ истины, ни противъ законовъ красоты, если народный эпосъ будетъ служить для нея источникомъ вдохновенія; но такъ какъ самъ народъ, по естественнымъ законамъ развитія, становится въ разладъ съ своей эпической стариной, отрицаетъ то, чему прежде вѣрилъ, и не удовлетворяется сокровищами, наслѣдованными отъ предковъ, то изъ этого слѣдуетъ, что черпать изъ старины вдохновеніе — совершенно нелогично, противно законамъ человѣческаго развитія. Жизнь слишкомъ богата, слишкомъ разнообразна и можетъ дать всевозможные образцы человѣческихъ характеровъ, и потому для искуственной поэзіи достаточно дѣйствительной жизни, чтобы почерпать въ ней новыя идеи и образы.

Пѣсни царевны Ксеніи, давшія намъ поводъ сказать вообще о характеристикѣ женщины въ народной поэзіи Славянъ, во многомъ уступаютъ другимъ стихотвореніямъ, помѣщеннымъ въ запискахъ баккалавра Джемса. Гораздо большую цѣну имѣетъ для насъ пѣсня» «о-весновой службѣ», потому что въ ней нечувствительно выразился переходъ отъ эпическаго творчества къ той поэзіи, которая черпаетъ вдохновеніе изъ дѣйствительной жизни, а не изъ старины, — которая не довольствуется спокойнымъ созерцаніемъ того, что мало трогаетъ мысль слушателя, что не заставляетъ сжиматься болью его сердце, — которая не ищетъ пустаго самоуслажденія небывалыми образами, а заставляетъ оглядѣться вокругъ, вслушаться въ біеніе сердца человѣка, а не полубога. Это уже не пѣсня для пѣсни; не искусство, для искусства, а начало примиренія послѣдняго съ жизнію, съ ея разумными цѣлями. Пѣсню эту, какъ видно, поютъ «воинскіе люди», для которыхъ было не все равно, отправлять ли «весновую» службу или «зимовую», и они просятъ Бога, чтобы вовсе не было послѣдней:

Сотворилъ ты, Боже,
Да и небо, землю,
Сотворилъ же, Боже,
Весновую службу.
Не давай ты, Боже,
Зимовыя службы.

Воинскіе люди, для которыхъ едва ли была, въ то смутное время, красна ратная служба, особенно зимой, чувствуютъ приближеніе весны и «томятца»; они объясняютъ даже, почему весновая служба лучше зимовой:

Зимовая служба —
Молотцамъ кручинно
Да сердцу надсадно.
Ино дай же, Боже,
Весновую службу:
Весновая служба —
Молотцамъ веселье,
Сердцу утѣха.

Дальше въ этомъ стихотвореніи слышится уже начало тѣхъ пѣсенъ, которыя какъ бы составили особый циклъ поволжскихъ или понизовыхъ пѣсенъ, раздававшихся нѣсколько столѣтій по Волгѣ и на косныхъ разбойничьихъ лодкахъ, и на царскихъ стругахъ, и не замолкшихъ и до сихъ поръ въ восточной половинѣ Россіи. Въ стихотвореніи Джемса поётся:

И емлите, братцы,
Яровы веселца;
А садимся, братцы,
Въ ветляны стружечки;
Да грѣнемъте, братцы,
Въ яровы веселца,
Ино внизъ по Волги:
Сотворилъ намъ Боже
Весновую службу.

Въ этомъ окончаніи есть уже напоминаніе объ извѣстной поволжской пѣснѣ—«Внизъ по матушкѣ по Волгѣ», которой древность, можетъ быть, одновременна съ сочиненіемъ пѣсни Джемса. Но весь смыслъ пѣсни служитъ подтвержденіемъ того мнѣнія, что въ XVII вѣкѣ народный эпосъ уже не могъ вполнѣ удовлетворять поэтическимъ стремленіямъ народа, который подъ звуки эпической пѣсни могъ только мечтать, какъ ребенокъ мечтаетъ надъ сказкой; новая пѣсня, напротивъ, вводила его въ дѣйствительную жизнь; какъ бы то ни было, но въ этомъ мы видимъ уже шагъ впередъ, желаніе

выбиться изъ колеи рутиннаго эпоса, заявленіе правъ свободнаго творчества, которому тяжелы и эпическіе пріемы, и эпическіе предметы; а если и не тяжелы, то кажутся слишкомъ ничтожными предъ идеей, ставшей въ основу новаго творчества. Эпическіе пріемы становятся дѣломъ неважнымъ, второстепеннымъ, когда напервый планъ выступаетъ идея. Новыя рекрутскія пѣсни сильно страдаютъ погрѣшностями противъ эпическихъ пріемовъ, а между тѣмъ это лучшія пѣсни народа, пѣсни, исполненныя мысли, чувства и нерѣдко глубокой думы; въ нихъ живой струей пробивается жизнь, и сквозь нелѣпую иногда форму вы различаете, что пѣсня говоритъ отъ лица всего народа и для народа она краснорѣчивѣе всего наслѣдственнаго эпическаго богатства. Для нихъ внѣшняя форма стала дѣломъ ненужнымъ, зато мысль и чувство замѣняютъ въ ней все остальное. Отчего, напримѣръ, обвиняютъ новѣйшую народную пѣсню, особенно фабричныя и лакейскія передѣлки, въ искаженіи старой, эпической, стройной пѣсни?—Оттого, что въ ней нѣтъ ни мысли, ни чувства и, слушая ее, невольно приходится обращать вниманіе на внѣшность, на нелѣпыя формы и на странные пріемы. А развѣ лакейская пѣсня и не можетъ быть хороша, когда она выльется подъ вліяніемъ истиннаго чувства, когда мысль, выраженная въ ней, будетъ выстрадана и глубоко прочувствована сердцемъ? Отрицать возможность хорошей лакейской пѣсни—значитъ отрицать существованіе всякаго чувства въ лакейскомъ сердцѣ; а что всѣ подобныя пѣсни большею частію пошлы, такъ это потому, что лакеями по преимуществу поются пошленькіе романсы, заимствованные ими у господъ.—Обращаясь къ пѣснѣ о «весновой службѣ», мы находимъ въ ней ту особенность, что она совершенно чужда подражательности пріемамъ эпической поэзіи; а это снова говоритъ въ пользу той мысли, что въ XVII вѣкѣ народная поэзія вступала уже на новый путь, становилась поэзіею дѣйствительной жизни.

Наконецъ послѣдняя, пѣсня, записанная для Джемса въ 1619 году, имѣетъ содержаніемъ набѣгъ крымскихъ Татаръ на Россію. Но какъ въ XVII вѣкѣ татары не имѣли уже того значенія въ глазамъ народа, какое имѣли 200—300 лѣтъ народъ, не были верховными владыками русскихъ областей, а не разъ уже испытывали силу русскаго оружія, то и пѣсня проникнута той же мыслью: «Собака, крымскій царь, не путемъ, не дорогою» бѣжитъ изъ Россіи, потому что Татаринъ не кажется уже богатыремъ; отъ несмѣтной рати его «мать—сы-

ра земля уже не погнется»; отъ «пару коннаго» мѣсяцъ и солнце уже не меркнутъ, какъ было прежде. Все таинственное мало-помалу разоблачалось передъ русскимъ народомъ, ужасы постепенно исчезали, народная мысль силилась пробудиться. Вотъ смыслъ всѣхъ стихотвореній Ричарда Джемса, и этимъ они въ высшей степени важны для исторіи русской поэзіи. Однако едва ли можно положительно утверждать, что стихотворенія эти были чисто-народными. Если бы это было въ самомъ дѣлѣ, то мы могли бы на этомъ явленіи основать цѣлый рядъ предположеній и выводовъ относительно степени развитія, на какой находилась масса русскаго народа уже въ началѣ XVII столѣтія. Если же эти стихотворенія принадлежали не ограниченному кругу образованныхъ людей того времени, а ходили въ народѣ, пѣлись старымъ и малымъ, какъ поются пѣсни исключительно принадлежащія народу, то мы имѣли бы право говорить въ пользу развитія народа; но такое предположеніе слишкомъ гадательно и имѣетъ противъ себя слишкомъ много данныхъ, положительно опровергающихъ его вѣроятность. Напримѣръ, стихотвореніе о въѣздѣ патріарха въ Москву сочинено было въ то самое время, когда Джемсъ былъ въ Москвѣ, слѣдовательно принадлежать народу еще не могло; другія стихотворенія также, по всей вѣроятности, были сложены недавно и сложены собственно въ кругу людей болѣе или менѣе развитыхъ по тому времени. Народъ же, какъ замѣчаетъ и г. Буслаевъ, довольствовался пока эпической стариной, какъ довольствуется и послѣ, хотя въ меньшей степени. Народъ слишкомъ еще былъ далекъ отъ сочувствія тѣмъ идеямъ, какія вошли въ основу пѣсенъ, записанныхъ для Джемса; онъ еще не имѣлъ силы отвернуться отъ таинственныхъ образовъ эпической старины, не могъ сочувствовать историческому или реальному направленію поэзіи, потому что въ то время, говоритъ г. Буслаевъ, «по свидѣтельству офиціальныхъ актовъ, во всѣхъ концахъ Москвы и въ Китаѣ-городѣ, и въ Бѣломъ, и въ земляномъ городахъ, и за городомъ, по улицамъ и переулкамъ, въ Черныхъ и Ямскихъ слободахъ многіе люди, потѣшаясь бѣсовскими и скверно-словными пѣснями, кликали Каледу и Усень» (Бусл· I, 545—546). Еслибы пѣсни Джемса хотя сколько-нибудь могли служить выраженіемъ того отраднаго направленія, по которому начинала, въ первой четверти XVII столѣтія, идти русская народная поэзія, то было бы естественно ожидать, что во второй половинѣ XIX вѣка русскій народъ совершенно усвоитъ себѣ это направленіе, навсегда откажется отъ напра-

вленія противнаго; а между тѣмъ онъ и теперь поетъ Каледу и Усень и теперь эпическая старина, совершенно уже потерявшая для него смыслъ и прежнее значеніе, живетъ въ пѣсняхъ и обычаяхъ. Это не значитъ, что русская народная поэзія, въ первой четверти XVII столѣтія вступившая на путь историческаго развитія, въ XIX вѣкѣ пошла назадъ, воротилась къ направленію, господствовавшему раньше XVII вѣка. Нѣтъ, народъ не много ушелъ впередъ въ эти два съ половиною столѣтія, какъ не уйдетъ и въ слѣдующія два, если въ судьбѣ его не послѣдуетъ благопріятной перемѣны. Было бы неестественно въ самомъ дѣлѣ такое явленіе: народъ, создавшій въ XVII вѣкѣ такія пѣсни, какія записаны у Джемса, здраво понимавшій историческія нѣкоторыя явленія того времени, принимавшій участіе въ судьбѣ патріарха, воеводы Скопина-Шуйскаго, знавшій отчасти дѣйствительную силу крымскихъ Татаръ, интересовавшійся участью царевны Ксеніи, этотъ самый народъ въ XIX вѣкѣ имѣетъ самыя ошибочныя, дѣтскія понятія о всемъ, что дѣлается въ Россіи, не знаетъ почти ни одного имени, которое пользуется популярностью въ обществѣ людей болѣе или менѣе образованныхъ, не сложилъ пѣсни не объ одномъ изъ послѣднихъ очень важныхъ историческихъ событій; о кончинѣ императора Александра Павловича онъ поетъ, напримѣръ, что «родимая его матушка выбѣгала на большую дорожку, встрѣчала кульерчика и умоляла его сказать ей, не знаетъ ли онъ чего о сынѣ,» что во время самыхъ похоронъ, «молодую его жену подъ рученьки вели, а малыхъ дѣтушекъ въ колясочкѣ везли» и т. д. Понятно, что такими же дѣтскими мечтами руководствовался онъ и въ XVII вѣкѣ и очень ошибочныя свѣдѣнія имѣлъ о судьбѣ патріарха Филарета, о кончинѣ Скопина-Шуйскаго и объ участи царевны. Пѣсни же Джемса доказываютъ только, что, во время первыхъ самозванцевъ, изъ русскаго общества выдѣлялись уже личности, которыя не удовлетворялись эпическимъ направленіемъ поэзіи, а находили больше эстетическаго наслажденія въ слушаніи стиховъ о событіяхъ дѣйствительной жизни, о нѣкоторыхъ историческихъ фактахъ, особенно занимавшихъ Москву въ то время. Весьма натурально, что только такіе стихи могли сколько нибудь занять любопытство Англичанина (не забудемъ, что въ 1616 году Англичане уже схоронили своего великаго Шекспира) и онъ пожелалъ имѣть ихъ на память о Россіи. Слѣдовательно, стихотворенія, сохранившіяся въ запискахъ Джемса, важны для насъ какъ историческій документъ, свидѣтельствующій, что русская народная поэзія, въ началѣ XVII вѣка,

а можетъ быть и раньше, выдѣлившись изъ устной народной, начинала вступать на новый путь развитія и, выдержавъ предварительно борьбу съ силлабизмомъ, прогрессивно стремилась къ усовершенствованію, служа выраженіемъ духовной жизни образованнаго меньшинства и продолжая оставаться чуждою массѣ народа, который не былъ подготовленъ настолько, чтобы понимать и сочувствовать ей: притомъ она была чужда его интересамъ и насущнымъ цѣлямъ жизни, да и читать онъ не умѣлъ до сихъ поръ, а потому и не могъ познакомиться съ поэзіей этого развитаго меньшинства. Что же касается до чисто-народной, устной поэзіи, то она не сошла съ прежняго пути, потому что другаго не видала; но, переживъ эпическій періодъ творчества, продолжаетъ теперь жить воспоминаніемъ стараго, постоянно забываетъ его и только изрѣдка свидѣтельствуетъ о самостоятельномъ творчествѣ народа такими пѣснями, какъ рекрутскія, новыя разбойничьи и др.—Что ожидаетъ ее въ будущемъ—неизвѣстно.

Въ послѣдней главѣ перваго тома г. Буслаевъ подвергаетъ строгому разбору извѣстное древнее стихотвореніе, открытое г. Пыпинымъ и въ первый разъ напечатанное г. Костомаровымъ, именно «Повѣсть о Горѣ и Злочастіи, какъ горе-злочастіе довело молодца во иноческій чинъ». Послѣ Слова о Полку Игоревѣ ни одно произведеніе народнаго творчества не обращало на себя такого вниманія, какъ эта стихотворная повѣсть, и нельзя не согласиться, что стихотвореніе это составляетъ драгоцѣнное пріобрѣтеніе. Сущность стихотворенія заключается въ томъ, что добрый молодецъ, задумавъ, безъ родительскаго благословенія, жить на своей волѣ, «какъ ему любо», и наживъ пятьдесятъ рублей, нажилъ пятьдесятъ друзей, между которыми выискался милъ-надеженъ другъ;

Назвался молодцу названой братъ,
Прельстилъ его рѣчьми прелестными,
Зазвалъ его на кабацкой дворъ,
Завелъ его въ избу кабацкую,
Поднесъ ему чару зелена-вина,
И кружку поднесъ пива пьянаго и т. д.

Съ этого-то посѣщенія кабацкаго двора и начинаются всѣ несчастія добраго молодца, который былъ обманутъ и ограбленъ названымъ братомъ, скитался по чужой сторонѣ, перенесъ много горя,

загубилъ окончательно свою жизнь, такъ что оставалось одно спасеніе отъ «Горя–злочастія»—спастись въ стѣнахъ монастыря. Завязка самая обыкновенная, въ духѣ нашего народа, содержаніе тоже нехитрое, но обстановка стихотворенія, весь разсказъ, все мыканье молодца по бѣлу–свѣту исполнены неподдѣльныхъ поэтическихъ красотъ. Стихотвореніе это тѣмъ имѣетъ для насъ большее значеніе, что въ немъ точкою отправленія берется указаніе на коренную язву русскаго общества во всѣ болѣе или менѣе извѣстны эпохи его существованія. Ни одинъ порокъ не вызвалъ противъ себя такого сильнаго протеста въ нашей древней литературѣ, какъ пьянство, и ни о чемъ, кажется, не любилъ такъ читать русскій человѣкъ, съ той самой поры, какъ полюбилъ всякое душеполезное или веселое чтеніе, какъ о «высокоумномъ хмѣлѣ» и бражникахъ, по крайней мѣрѣ въ рукописныхъ памятникахъ нашей древней литературы сказанія о пьянствѣ и хмѣлѣ составляютъ самый богатый отдѣлъ. Пьянство преслѣдовалось не потому только, что этого требовали нравственно-религіозныя убѣжденія передовыхъ по тому времени людей, но вслѣдствіе неумѣренной, безграничной склонности русскаго общества къ бражничанью, что безъ сомнѣнія состояло въ тѣсной связи съ нѣкоторыми историческими условіями. Только та страна могла испытать на себѣ все зло этого общественнаго порока, въ которой велись изъ старины, какъ освященный временемъ обычай, *пиры* и *братчины*, законность которыхъ признавалась и свѣтскою и духовною властью; на пиры и братчины ѣхалъ и шелъ всякій, кого звалъ міръ; братчина, наконецъ, имѣла право суда—огромное право, доказывающее, какъ смотрѣлъ законъ на странный обычай общественнаго пьянства, въ основаніи котораго лежалъ древній религіозный обрядъ (весьма любопытная статья объ этомъ предметѣ находится въ Архивѣ Калачова, 1854 года). Было бы излишне распространяться здѣсь о древней нашей литературѣ, направленной противъ пьянства, тѣмъ болѣе, что у г. Буслава этотъ отдѣлъ письменности достаточно обозначенъ въ главныхъ чертахъ; но пьяные пиры такъ крѣпко засѣли въ обычаяхъ старины, что эта же самая литература потворствовала иногда страсти къ бражничанью, на что указываетъ и г. Буслаевъ въ «Бесѣдѣ» о бражникѣ, которая видимо потакаетъ пьяницамъ; писатели XVII вѣка любили даже сочинять «привѣтства» въ честь такихъ пировъ, и привѣтства эти помѣщались въ «азбуковникахъ» въ такихъ сборникахъ, въ какихъ дошла до насъ и повѣсть о горѣ злочастіи.

«Повѣсть о хмѣльномъ питіи, вельми душеполезна», приводимая г. Буслаевымъ, говоритъ даже какое количество чашъ могло споить человѣка: обыкновенно первая чаша пьется во здравіе, вторая въ веселіе, третья — въ отраду, а ужъ четвертая — во пьянство; притомъ, чаша была, безъ сомнѣнія, не маленькая, и называется «душникъ мѣрекъ», вѣроятно мѣра, выпиваемая однимъ духомъ, за одинъ духъ, какъ обыкновенно пивали русскіе богатыри (Бусл. I, 576). Въ одномъ рукописномъ сборникѣ XVII—XVIII вѣка (въ Публич. Библіот.) мы видѣли особо-сочиненныя на этотъ предметъ изрѣченія, въ которыхъ прямо объясняется, какая чарка спаиваетъ человѣка и какое дѣйствіе каждая чарка производитъ на пьющаго. Изрѣченія эти говорятъ:

Первую пить-здраву быть,
Вторую пить - умъ свой возвеселить,
Третью утроить - умъ свой устроить,
Четвертую пить - неискусну быть,
Пяту пить - пьяну быть,
Пить чарка шестая - мысль будетъ иная,
Къ седьмой себя приплести - рукъ своихъ не отвести,
Приближаться къ осмой - умъ будетъ не свой,
За девятую приняться - и съ мѣста не подняться,
Какъ выпить чарокъ десять — такъ и поневоли збѣситъ.

Пренебреженіе родительскимъ благословеніемъ — первая несчастная ошибка въ жизни добраго молодца, за ней пьянство, одинъ изъ крупныхъ общественныхъ пороковъ той эпохи, въ которую создавалась повѣсть о Горѣ-Злочастіи, являются главными проступками противъ нравственно-философской идеи вѣка, и потому нарушеніе идеи влекло за собой наказаніе, которое и выразилось цѣлымъ рядомъ несчастій, постигшихъ молодца за пренебреженіе идеей. По философскому смыслу вѣка, жизнь, начавшаяся противорѣчіемъ основной идеѣ, не могла уже направиться къ добру: жизнь начата ложно, нарушено равновѣсіе нравственныхъ силъ, на которыхъ опиралась философія эпохи, и ложное начало должно было погубить всю остальную жизнь человѣка. Добрый молодецъ и поправилъ—было потомъ свои матерьяльныя средства, «наживалъ живота болшы старова», но добра уже ждать было нечего; выбралъ онъ себѣ и невѣсту, думалъ начать разумную жизнь, какъ совѣтовали люди, но ложный шагъ, сдѣланный

однажды, не забывался въ жизни, оскорбленіе господствовавшей идеи требовало мести: — оскорбитель не долженъ былъ жить въ средѣ общества, служившаго этой идеѣ, потому что разъ нарушенныя нравственныя правила жизни, не забываются, по мнѣнію того общества, которое признавало законъ нравственнаго возмездія. Съ той поры, какъ добрый молодецъ нарушилъ нравственный законъ вѣка, ему уже «на роду было написано» не встрѣчать радости въ жизни; съ этой самой поры Горе-Злочастіе, какъ греческое *судьба*, римское fatum (понималось ли горе-злочастіе, какъ поэтическое изображеніе этихъ понятій, или это было миѳологическое существо — для насъ все равно; смыслъ будетъ тотъ же, да притомъ, по нашему мнѣнію, миѳологическое представленіе или поэтическое изображеніе извѣстнаго понятія едва-ли когда-либо раздѣлялись въ воззрѣніяхъ народа), Горе-злочастіе вступаетъ въ свои права и ведетъ жизнь молодца, какъ ему на роду написано: отказался онъ отъ невѣсты своей любимой, пропилъ нажитое добро и опять пошелъ въ чужую сторону, потому что въ себѣ самомъ, въ собственной совѣсти не видѣлъ онъ примиренія съ нравственными законами; въ немъ самомъ уже была полная дисгармонія — все было испорчено. Горе-Злочастіе имѣетъ надъ нимъ полное право и преслѣдуетъ его, какъ существо отверженное, погибшее и отказываетъ въ малѣйшей надеждѣ на лучшую долю. Невыносима стала для несчастнаго жизнь: хочетъ онъ броситься въ быструю рѣку, и этого не дастъ ему сдѣлать Горе-Злочастіе; говорятъ ему люди, чтобы шелъ онъ на свою сторону, примирился бы съ родителями, исправилъ первый ложный шагъ своей жизни; онъ и пошелъ было на свою сторону,—но ложный шагъ неисправимъ въ жизни, Горе-Злочастіе ведетъ его къ *своимъ* цѣлямъ, хочетъ показать, что осталось ему одно спасеніе:

Какъ будетъ молодецъ на чистомъ полѣ,
А что злое горе напередъ зашло,
На чистомъ полѣ молодца встрѣтило,
Учало надъ молодцемъ граяти,
Что злая ворона надъ соколомъ;
Говоритъ горе таково слово:
Ты стой, не ушелъ, добрый молодецъ!
Не на часъ я къ тебѣ горе злочастное привязалося,
Хоть до смерти съ тобою помучуся!
Не одно я горе,—еще сродники,

А вся родня наша добрая,
Всѣ мы гладкіе, умильные;
А кто въ семю къ намъ примѣшается, —
Ино тотъ между нами замучится!
Такова у насъ участь и лутчая.
Хотя кинся въ птицы воздушныя;
Хотя въ синее море ты пойдешь рыбою, —
А я съ тобой пойду подъ руку подъ правую.

И дѣйствительно, полетѣлъ молодецъ яснымъ соколомъ, а Горе за нимъ бѣлымъ кречетомъ; полетѣлъ онъ сизымъ голубемъ, а Горе за нимъ сѣрымъ ястребомъ; побѣжалъ молодецъ въ поле сѣрымъ волкомъ, а Горе за нимъ съ борзыми собаками; сталъ онъ въ полѣ ковыль-травою, а Горе за нимъ съ косой вострою, наконецъ пошелъ молодецъ въ море рыбою, а Горе за нимъ съ частыми неводами. Ничего уже больше не оставалось ему въ жизни, а между тѣмъ Горе издѣвается надъ нимъ, совѣтуетъ ему богато жить, убить и ограбить, чтобы молодца за то повѣсили или съ камнемъ на шеѣ въ воду бросили.

Мы сказали, что Горе-Злочастіе вело безталаннаго къ *своимъ* цѣлямъ, не давало ему мѣста среди людей, среди той жизни, требованіями которой онъ пренебрегъ. Вотъ тогда то

Спамятуетъ молодецъ спасенный путь,
И оттолѣ молодецъ въ монастырь пошелъ постригатися,
А Горе у святыхъ воротъ остается,
Къ молодцу впредъ не привяжетца!
А ему житію конецъ мы вѣдаемъ и т. д.

Итакъ руководящая идея стихотворенія объясняется сама-собой, хотя нельзя не видѣть, что дидактизмъ повѣсти обнаруживаетъ благочестивыя, тѣмъ не менѣе предвзятыя цѣли ея составителя, и оттого самая развязка является чѣмъ-то придѣланнымъ, и придѣланнымъ довольно неискусно; при всемъ этомъ даже дидактизмъ не отнимаетъ у стихотворенія его неоспоримыхъ поэтическихъ достоинствъ; красота цѣлаго не потеряна, потому что по нравственнымъ понятіямъ вѣка, къ которому принадлежитъ повѣсть, другой развязки, другаго исхода не предвидѣлось. Нравственной идеей, положенной въ основу стихотворенія, объясняется отчасти и та безотрадная картина чело-

вѣческой жизни, та безвыходность положенія, которую видитъ читатель во все продолженіе чтенія повѣсти и не находитъ ничего утѣшительнаго, ничего обнадеживающаго и отраднаго. Какой-то обидной кажется эта жизнь, это безжалостное преслѣдованіе человѣка, у котораго отняты всѣ средства поправить свой ложный шагъ, выйти изъ отчаяннаго положенія; грустное и непріятное впечатлѣніе, производимое стихотвореніемъ, усиливается какъ-будто не безъ намѣренія; печальная картина жизни рисовалась, повидимому, съ полнымъ убѣжденіемъ, что красокъ жалѣть нечего, что самая цѣль повѣсти требуетъ, чтобы впечатлѣнія, при чтеніи ея, были поразительны и отнимали всякое мужество, всякое желаніе бороться противъ безжалостнаго Горя-Злосчастія. Говоря вообще, безъ отношенія къ основной идеѣ стихотворенія, все въ немъ дышетъ какой-то безпощадностью, ожесточеніемъ противъ жизни; насмѣшки Горя-Злочастія слишкомъ жестки; смыслъ повѣсти приводитъ къ одному убѣжденію, что жизнь только издѣвается надъ человѣкомъ, что участь его — полная безнадежность, рѣшительная невозможность хотя чѣмъ-нибудь, рано-ли, поздно-ли умилостивить безжалостное Горе; въ жизни какъ-будто нѣтъ исправленія, прощенія ошибокъ и поворота къ прежнему, лучшему положенію. Въ этомъ неотразимая сила Горя, которое въ сущности и не жестоко, не такъ зло, какъ само говоритъ о себѣ, но дѣйствуетъ жестоко, потому что цѣль его заставить человѣка избрать одинъ путь «спасенія», внѣ котораго онъ погибнетъ, внѣ котораго оно не покинетъ его ни въ полѣ, ни въ морѣ, ни въ воздухѣ, и хотя бы онъ землею прикрылся въ могилѣ, Злочастіе на могилѣ его останется. Только въ концѣ повѣсти вы видите, что, ради преднамѣренной идеи, жизнь показывается съ такой печальной стороны, что добрый молодецъ какъ бы насильно натолкнутъ былъ на тотъ путь, избрать который онъ не чувствовалъ въ себѣ призванія и силы; Горе-Злочастіе завербовало его, если можно такъ выразиться, въ партизаны извѣстной идеи, и для этой цѣли онъ былъ морально истерзанъ, и не совсѣмъ справедливо; для этой цѣли его сдѣлали неспособнымъ къ исправленію, когда, быть можетъ, онъ желалъ и исправленія, и примиренія съ совѣстью, но примиренія свободнаго, не отрекаясь отъ жизни. Чтеніе повѣсти могло пробуждать въ читателѣ скорбное чувство, горькую увѣренность въ томъ, что если человѣка постигло несчастье въ мірѣ, то для него не остается уже другой надежды воротить потерянное счастье, какъ только отка-

завшись отъ міра; а возбужденіе этого чувства и было цѣлью повѣсти. Какъ ни мало привлекательною могла быть дѣйствительная жизнь той эпохи, которая создала это стихотвореніе и вложила въ него идею отчужденія отъ міра, но едва-ли суровая обстановка этой жизни не была отчасти выраженіемъ аскетическаго направленія сочинителя, который намѣренно старался усилить тяжелое впечатлѣніе въ душѣ читателя, чтобы тѣмъ свѣтлѣе казалась ему другая, лучшая, по его мнѣнію, жизнь. Когда нашъ добрый молодецъ бражничалъ, въ то время, кромѣ горя, онъ ничего не заслуживалъ, потому что самъ былъ источникомъ своихъ страданій; также, когда онъ думалъ жениться, и тутъ Горе—Злочастіе могло посмѣяться надъ безхарактерностью пьяницы, потому что нечистая совѣсть шептала ему, что не стоитъ онъ хорошей жены:

«Быть тебѣ отъ невѣсты истравлену,
«Еще быть тебѣ отъ тое жены удавлену,
«Изъ злата и сребра быть убитому!»

Но когда наконецъ горькое мыканье по свѣту измучило его, когда добрые перевозчики, тронутые грустной «напѣвочкой» удалаго молодца, въ которой вылился его безнадежный взглядъ на жизнь и свою долю, пріютили его, накормили, напоили, сняли съ бродяги »чуйку кабацкую« и надѣли на него »порты крестьянскіе«, посовѣтовавъ итти къ отцу съ матерью за примиреніемъ и благословеніемъ, и когда произошелъ благопріятный переломъ въ его сознаніи, когда рѣшился онъ быть другимъ человѣкомъ, — зачѣмъ послѣ этого Горе-Злочастіе безжалостно разбило его вѣру въ лучшую жизнь? зачѣмъ грозило не отстать отъ несчастнаго, обѣщало мучить его до смерти? Развѣ онъ ужъ не могъ быть хорошимъ человѣкомъ? И почему только передъ монастырскими воротами остановилось Горе и не пошло дальше?... Г. Буслаевъ какъ нельзя болѣе удовлетворительно отвѣчаетъ на эти вопросы, подвергнувъ самому тщательному анализу все стихотвореніе, самую жизнь и господствовавшія понятія эпохи, продуктомъ которыхъ была повѣсть о Горѣ-Злосчастіи; онъ провелъ параллель между нашей повѣстью и произведеніями западнаго искусства, выражавшими ту же идею, которою проникнуто русское стихотвореніе. Все это плоды напуганнаго воображенія средневѣковаго человѣка; только на западѣ такое мрачное уныніе и безна-

дежный взглядъ на жизнь господствовали гораздо раньше. Уже приближеніе «тысячнаго» года послѣ Р. Х., въ который ожидалась кончина міра, мрачно настроивало фантазію западныхъ народовъ и вело ихъ къ отреченію отъ жизни и ея непрочныхъ радостей; настроеніе это продолжалось нѣсколько столѣтій, и имъ объясняется тотъ громадный успѣхъ, какимъ пользовались на западѣ литературныя передѣлки и переводы аскетическихъ произведеній въ родѣ исторіи Варлаама и Іосафата; у насъ они пріобрѣли популярность гораздо позже. Идеей мрачнаго аскетизма проникнуты всѣ духовные стихи, воспѣвающіе пустынное житіе, отреченіе отъ міра, убійство плоти; эта же идея, еще такъ недавно, въ нынѣшнемъ столѣтіи, воодушевляла сектантовъ на подвигъ самосожженія.

Разсматривая повѣсть о Горѣ-Злочастіи въ связи съ прочими произведеніями народнаго творчества, приходимъ къ тому заключенію, что повѣсть эта выражаетъ не «двоевѣрныя» понятія, не колебаніе народнаго сознанія между эпическими вѣрованіями и идеями христіанства, а полное торжество послѣднихъ. Отрицаніе языческихъ воззрѣній привело, наконецъ, какъ это всегда бываетъ, къ другой крайности, — къ абсолютному владычеству духа надъ матеріей, къ полному отрицанію правъ и требованій плоти. Въ стихотвореніи этомъ слышится проклятіе уже всему мірскому: въ началѣ и концѣ повѣсти не призывается уже на помощь все необъятное, какъ это мы видѣли въ эпическихъ сказаніяхъ ни высота поднебесная, ни глубина морская, не выводятся на сцену земные полубоги и не говорится обо всемъ этомъ—» то старина, то и «дѣянье»; а въ началѣ и концѣ повѣсти мысль поражается библейскими образами и тяжелой думой о загробной жизни; здѣсь нѣтъ уже нетолько богатырей, но даже на дѣйствительную, земную жизнь человѣка падаетъ какое-то проклятіе, будто жизнь эта ведетъ только къ гибели, къ вѣчному горю и лишеніямъ. Это—крайность увлеченія новыми идеями, преобладаніе спиритуализма надъ разумными и естественными требованіями жизни, направленіе исключительно аскетическое, которое не могло удержаться надолго и не въ силахъ было окончательно овладѣть народной мыслью.

Но какъ чисто-народная поэзія мало принимала участія въ движеніи мысли, которое проявлялось иногда въ кружкахъ болѣе развитыхъ, то и такое направленіе, какое господствуетъ въ повѣсти о Горѣ-Злочастіи, мало коснулось народнаго творчества; оно отрази—

лось только на духовной поэзіи, которая все-таки не была принадлежностью всего народа, и только въ письменности направленіе это господствовало долго и у насъ, и на Западѣ. Поэзію абсолютнаго спиритуализма Гейне справедливо называетъ «une *fleur de la passion*, née du sang du Christ (*), и нельзя не согласиться, что поэзія эта богата мрачными, раздирающими сердце картинами, возбуждаетъ въ душѣ тяжелое чувство страха и безнадежности, и естественно-невинныя радости жизни должны были казаться страшнымъ преступленіемъ. При всемъ томъ, какъ не обаятельно было это направленіе, въ которомъ фантазія играла такую значительную роль, жизнь, даже самая горькая, была обаятельнѣе всего для человѣка, и поэзія, временно настроенная на такіе грустные и безотрадные тоны, снова касалась жизни, ея временныхъ радостей и временнаго—горя, и пѣсня снова пѣла о жизни: вмѣстѣ съ повѣстью о Горѣ-Злочастіи, скромный грамотникъ XVII вѣка вписывалъ въ свои сборники и азбуковники такія произведенія, какъ напримѣръ извѣстная «челобитная» старцевъ на архимандрита или «сказаніе о роскошномъ житіи», ненамѣренно и противъ воли завѣщая потомству свои мысли и чувства, въ которыхъ онъ, можетъ быть, и не замѣчалъ протеста господствовавшему направленію вѣка, самъ не подозрѣвалъ, что въ душѣ его готова возникнуть реакція спиритуальному абсолютизму поэзіи.

Д. МОРДОВЦОВЪ.

(Будетъ продолженіе)

(*) «C'est cette fleur (говоритъ онъ), à couleurs singuliéres et tranchèes, dans le Calice de laquelle sont tracés les instruments qui servirent au martyre de Jesus-Christ, tels que le marteau, les pinces, les clous etc, une fleur qui n'est pas absolument repoussante, mais funèbre, et dont la vue excite en nous un plaisir déchirant, semblable aux sensations douces qu'on trouve dans la douleur même»

Стихотворенія А. Н. Плещеева. Новое изданіе, значительно дополненное. Москва. 1861. in 8° (стр. 283).

Года за два или за три въ Петербургѣ была мода на маленькія и очень красивыя изданія. Хорошенькій переплетъ, затѣйливыя заглавія и вообще изящный видъ книжки, не говоримъ,—выкупали пустоту содержанія этихъ литературныхъ астръ, а представляли ихъ публикѣ въ силу пословицы: принимаютъ по одежкѣ, а провожаютъ по уму. Между прочимъ такъ были изданы и стихотворенія г. Плещеева. Помнится, намъ случалось встрѣчаться съ этой послѣдней книжкой и въ холостой квартирѣ студента, и въ гостиной свѣтской дамы, и въ кабинетѣ литератора; красивая и уютная, книжка вездѣ лежала на виду и вездѣ была принята благосклонно. На вопросъ о ней, или о ея авторѣ, вездѣ слышался почти одинъ и тотъ же отвѣтъ: «онъ такой милый, въ немъ такъ много симпатичнаго!» Литературная критика ограничивалась почти тѣмъ же самымъ мнѣніемъ, не высказывая о г. Плещеевѣ ничего нѣсколько болѣе глубокаго и замѣчательнаго. Эпитетъ «милаго и симпатичнаго» удержался за нимъ и до сихъ поръ безъ возраженія; и дѣйствительно, если глядѣть на его музу такъ, слегка, стороной, мимоходомъ, то противъ этого эпитета нечего и сказать, онъ принадлежитъ г. Плещееву по праву, потому что каждое его произведеніе и не вызывало о себѣ болѣе рѣзкаго или глубокаго отзыва.

Но какой же, въ сущности, смыслъ имѣетъ эта характеристика музы г. Плещеева? что это такое само по себѣ: «милый, симпатичный?»

Передъ нами теперь новое его изданіе, «значительно дополненное», какъ сказано на его оберткѣ. Авторъ раздѣлилъ его на четыре отдѣла: 1) «Новыя стихотворенія,» принадлежащія періоду его дѣятельности отъ 1858 года до послѣдняго времени; 2) «Стихотворенія, изданныя въ 1858 году», уже извѣстныя читающей публикѣ по прежней красивой книжкѣ; 3) «Нѣсколько стихотвореній прежняго періода», который г. Плещеевъ обозначаетъ 1846 годомъ, того періода, въ который, по его словамъ, или лучше сказать, по избранному имъ эпиграфу изъ Пушкина, г. Плещееву «были новы

Всѣ впечатлѣнія бытія»,

значитъ, когда вдохновеніе его только-что пробуждалось и подавало

различныя ожиданія, и наконецъ 4 отдѣлъ, заключающій въ себѣ переводы изъ Гейне.

Помимо этого послѣдняго отдѣла, о которомъ мы говорить не будемъ, г. Плещеевъ въ новомъ изданіи далъ намъ возможность прослѣдить почти всю свою поэтическую дѣятельность и сдѣлать по возмождости болѣе полную ея характеристику.

Въ газетныхъ и журнальныхъ объявленіяхъ о новомъ изданіи намъ уже встрѣтились обычные эпитеты «милаго и симпатичнаго», между прочимъ въ одномъ изъ нихъ случилось намъ встрѣтить мнѣніе такого рода, что въ послѣднее время поэзія не есть поэзія, какой она пребывала во время Пушкина и всей плеяды поэтовъ его періода и его школы, что поэзія теперь размѣнялась на мелочи и меркантильные предметы насущныхъ потребностей, а что г. Плещееву до этихъ мелочей нѣтъ ровно никакого дѣла, что онъ поетъ себѣ особнячкомъ, какъ пѣли въ прежніе годы и какъ муза положитъ ему на душу и что въ этомъ наконецъ и есть его заслуга. Хотя это и вовсе еще не составляетъ заслуги, но кромѣ этого мы несогласны съ только-что приведеннымъ нами отзывомъ въ томъ, будто г. Плещеевъ не откликался своимъ стихомъ на наши современныя нужды и потребности: изъ книги его стихотвореній мы видимъ совершенно противное; напротивъ, если кто и откликался на наши нужды, то это именно г. Некрасовъ и г. Плещеевъ; отчасти мы готовы отнести сюда и Майкова, по періоду его послѣдней дѣятельности, хотя онъ и никогда не выходилъ изъ области чисто художественнаго міросозерцанія. Мы даже думаемъ, что г. Плещееву вслѣдствіе отклика его на эти нужды и былъ приданъ эпитетъ «симпатичнаго». Но дѣло въ томъ, какъ откликался онъ на эти нужды?

Мы вообще далеки отъ всякаго строгаго ограниченія поэзіи. Мы равно несогласны съ Современникомъ, который пропагандируетъ идею поэзіи, какъ служенія *исключительно* дѣлу сегодняшнихъ насущныхъ нуждъ и ранъ общественныхъ, какъ не согласны и съ адептами «искуства ради искуства», ратующими за то, что поэзія отнюдь не должна спускаться въ сферы вседневныхъ потребностей, а должна жить въ холодной и высшей области «безпечальнаго созерцанія», которую изволилъ открыть многодумный г. Дружининъ. И то и другое узко, потому что составляетъ совершенно противуположныя крайности. А дѣло искуства, дѣло поэзіи во всякомъ случаѣ нельзя и не логично тѣснить въ какую бы то ни было крайность.

Поэзія есть жизнь, и существуетъ вовсе не ради «искуства для искуства» или «области безпечальнаго созерцанія», равно какъ и не для исключительнаго копанія въ гнойныхъ язвахъ общественной жизни,—существуетъ она для *жизни*, въ самомъ широкомъ, объективномъ значеніи этого слова, потому что, повторяемъ, сама она есть жизнь и ея насущная потребность. Все, чѣмъ бы ни выражалась эта жизнь, будетъ ли то

Шопотъ, робкое дыханье,
Трели соловья,

или жосткое и желчное слово поэта про то, какъ

Голоднаго отъ пьянаго
Не умѣютъ отличить

или какъ несчастная мать пошла продать себя первому встрѣчному и принесла гробикъ малюткѣ сыну

И ужинъ больному отцу,

будетъ ли поэтъ намъ словами Аспазіи передавать ея страсть къ мальчику и говорить, какъ

позы любитъ онъ героевъ принимать,
И дѣтскій голосъ свой все хочетъ сдѣлать басомъ,

все это, говоримъ мы, равно принадлежитъ жизни, и потому имѣетъ право на вдохновеніе поэта и вниманіе читателя. Поэзія такъ или иначе, но должна, непремѣнно должна служить *жизни*, а не теоріи, а жизнь проявляется въ безчисленномъ множествѣ фактовъ и формъ, изъ которыхъ каждая можетъ быть предметомъ стиха.

Но дѣло въ томъ еще, какъ поэтъ относится къ жизни и какъ воспринимаетъ ее въ себя? Конечно, здѣсь главное зависитъ прежде всего отъ *силы* самаго таланта, силы, которая упрочиваетъ въ памяти общества то или другое произведеніе; кромѣ того нужно знать еще, насколько и какъ поэтъ выносилъ и прочувствовалъ то, что дала ему жизнь. Въ этомъ случаѣ можно сказать утвердительно, чѣмъ непридуманнѣй, чѣмъ искреннѣе, правдивѣе вылилось произведеніе поэта, тѣмъ сила его больше, тѣмъ права его на жизнь и память общества сильнѣе и законнѣе.

Мы говорили уже, что у насъ если кто и откликался на наши нужды, то это именно г. Некрасовъ и Плещеевъ. Говоря о г. Некрасовѣ, мы, конечно, беремъ его дѣятельность прежняго періода, когда онъ писалъ искренно, а не натягивалъ кучи фразъ и водянистыхъ стиховъ на одну блѣдную, ничего незначущую и только по наружности современную мысль. Всѣ мы помнимъ еще, какое лихорадочно-жизненное впечатлѣніе производили на насъ проникнутые горечью, страданьемъ, и глубокой мыслью стихи г. Некрасова. — И г. Некрасовъ былъ тогда *нашъ* поэтъ; было тогда ему о чемъ говорить—и сила у него была, и слова его глубоко затверживались мы ихъ помнимъ еще и до сихъ поръ, благодаря той мощи, той благородной силѣ, съ которой вырвались они изъ наболѣвшей груди поэта: время ихъ прошло, но они не забудутся. Но увы!.. того же самаго не можемъ мы сказать о музѣ г. Плещеева, хотя и проникнутой всегда теплой, тихою скорбью и христіанской любовью!.. Видно, что и онъ страдаетъ, что и въ его душѣ поднимается протестъ, но отчего же изъ его стиховъ не вынесете вы ни примиряющаго чувства любви и утѣшенія, хотя стихъ его, повторяемъ, и проникнуть ею, ни сильнаго, могучаго и непрощающаго протеста, который бы заставилъ содрогнуться вашу душу? Причина этому одна: отсутствіе силы. Ему не суждено ни бросить обществу

въ глаза желѣзный стихъ,
Облитый горечью и желчью злости,

ни уврачевать его раны силой любви и утѣшенія, хотя онъ видимо порывается и на то и на другое. Для одного онъ слишкомъ незлобивъ, для другаго слабъ и слабъ-то именно ничѣмъ инымъ, какъ только отсутствіемъ сили и энергіи. Изъ всей поэтической дѣятельности г. Плещеева мы запомнимъ только два стихотворенія, проникнутыя истиннымъ жаромъ и увлеченіемъ. Одно изъ нихъ принадлежитъ еще его раннему періоду, это—«*Впередъ! безъ страха и сомнѣнья*»; другое встрѣтили мы съ изданіи 1858 года. Вотъ оно:

О нѣтъ! не всякому дано
Святое право обличенья.
Кто не взростилъ въ себѣ зерно
Любви живой и отреченья,
И безполезно и грѣшно

На міръ его ожесточенье.
Но если пламенная рѣчь
Изъ сердца чистаго стремится,
Она разитъ, какъ божій мечъ,
Дрожитъ, блѣднѣетъ и стыдится
Предъ нею тотъ, кого обречь
Она проклятью не страшится.
Но гдѣ тотъ вѣка проводникъ,
Что скупъ на рѣчи—щедръ на дѣло,
Что, заглушивъ страстей языкъ —
Идя на подвигъ честно, смѣло,
Благой примѣръ являть привыкъ
Толпѣ, въ неправдѣ закоснѣлой?
Гдѣ онъ? Насъ къ безднѣ привела
Стезя безвѣрья и порока;
Рабамъ позорной лжи и зла
Пошли, пошли, господь, пророка,
Чтобъ рѣчь его намъ сердце жгла,
И содрогнулись мы глубоко...

Но эта напряженная энергія рѣдко проступаетъ въ г. Плещеевѣ; почти во всемъ остальномъ, что ни написалъ онъ, чуется только вѣяніе тихой грусти или слабаго протеста, неотмѣченнаго этой «пламенною рѣчью», какъ говоритъ онъ, предъ которою «дрожитъ, блѣднѣетъ и стыдится» тотъ, «кого обречь она проклятью не страшится». Особенной яркости, и особеннаго разнообразія, широты и богатства не дано дарованію г. Плещеева. Еслибы вамъ пришлось прочесть его произведеніе, неподписанное его именемъ, вы навѣрное не отгадали бы—чьё оно, не назвали бы его плещеевскимъ, тогда какъ произведеніе Некрасова, Огарева, будь оно и не подписано, сразу указываетъ вамъ на его автора, потому что каждый изъ этихъ поэтовъ запечатлёнъ своею оригинальною особенностью, которая проявляется во всемъ, начиная отъ внутренняго смысла и чувства произведенія до внѣшняго склада и постройки стиха. Аляповатый, прозаичный и подчасъ нескладный стихъ г. Некрасова все-таки имѣетъ свою прелесть, заключенную въ той силѣ, которую поэтъ кладетъ въ него;—про стихъ г. Плещеева, исключая того, что онъ гладокъ, вы болѣе не скажете ничего; болѣе блестящихъ или характерныхъ сторонъ вы въ немъ не отыщете; а гладкость все-таки, какъ хотите, давнымъ-давно не составляетъ уже достоинства, — она должна

быть почти необходимостью каждаго стихотворенія. Протестъ г. Плещеева иногда хочетъ возвыситься до сатиры, но сатиры онъ не достигаетъ, опять-таки потому, что поэтъ слишкомъ добръ, слишкомъ незлобивъ для этого — и выходитъ изъ стихотворенія милая юмористическая вещица, которая очень удобно могла бы быть помѣщена въ «Искрѣ»: таковы пьесы, «Счастливецъ» и «Мой знакомый».

Одно неотъемлемое качество, свойственное г. Плещееву, это милая простота и задушевность, которыя проявляются въ нѣкоторыхъ его чисто субъективныхъ произведеніяхъ; хотя, опять-таки, не можемъ не сознаться, и эти произведенія настолько общи и легки, настолько не отмѣчены индивидуальностью поэта, что и они не существуютъ для памяти общества. Мы приведемъ одно изъ нихъ, какъ намъ кажется, болѣе удачное. Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, какое милое, простое и задушевное стихотвореше:

Былое.

Ночи блѣдное свѣтило
Кроткимъ свѣтомъ озарило
Комнатку мою.
Снова слышу за стѣною,
Надъ малюткою больною:
Баюшки-баю.
Голосокъ такъ чистъ и звонокъ,
Что подъ звукъ его ребенокъ
Затихаетъ вдругъ.
Спой еще, тебя внимая,
И моя душа больная
Отдохнетъ отъ мукъ.
Помню я, иное время,
Легче было жизни бремя,
Веселѣй жилось!
Шли такъ быстро эти годы,
Годы счастья и свободы,
Годы свѣтлыхъ грезъ!
Сколько вызвано мечтою
Лицъ знакомыхъ предо мною
И знакомыхъ мѣстъ.
Помню лѣсъ... деревьевъ шопотъ,
И волны стемнѣвшей ропотъ
И мерцанье звѣздъ,

Садъ запущенный и мрачный,
Надъ водой пруда прозрачной
Деревенскій домъ.
Рѣчи нѣжныя и ласки,
Въ уголкѣ уютномъ сказки
Зимнимъ вечеркомъ...
Сердце вѣрило, любило;
Все ему такъ было мило,
Что теперь смѣшно!
Но все тихо за стѣною...
Надъ малюткою больною
Голосъ смолкъ давно...
Ахъ, зачѣмъ былые годы,
Годы счастья и свободы,
Я припомнилъ васъ?
На душѣ тоска сильнѣе.
И до утра, видно, съ нею
Не сомкну я глазъ!

Въ этихъ стихахъ есть что-то благоуханное, что-то такое, въ чемъ слышится откликъ тихой тоски, грусти, которая прямо и непосредственно дѣйствуетъ на вашу душу, доходитъ до вашего сердца и умиляетъ его своею безъискуственной простотой. Стихотвореніе искренно, оно прямо вылилось изъ сердца поэта, оно спѣлось такъ, какъ сказалось душѣ — и потому оно хорошо. Къ числу такихъ мы можемъ отнести и еще нѣсколько піесъ; такъ напримѣръ: *Посвященіе* — «Домчатся-ль къ вамъ знакомыхъ пѣсенъ звуки»; *Цвѣтокъ*, — *Звуки* — стихотвореніе слитое въ одинъ поэтическій стремительный порывъ и потому производящее сильное впечатлѣніе на душу; — *Птичку* и еще нѣсколько другихъ. Все это очень мило; но во всемъ этомъ одинъ только недостатокъ, который, право, мы и не знаемъ, считать ли еще недостаткомъ въ г. Плещеевѣ, потому что недостатокъ этотъ въ отношеніи его поэтической дѣятельности, можетъ стать въ паралель съ недостаткомъ человѣка, рожденнаго безъ руки, безъ зрячаго глаза и т. п., въ чемъ онъ самъ по себѣ нисколько не виноватъ; этотъ недостатокъ — отсутствіе оригинальности, той характерности поэтическаго дарованія, которая сразу и непосредственно налагаетъ свою печать на произведеніе поэта. Этого-то и недостаетъ г. Плещееву. Мы не хотимъ этимъ сказать, чтобы онъ повторялъ чьи ни-

будь зады, нѣтъ; но у него просто естественный недостатокъ *силы,* которая одна только въ состояніи была бы придать и яркость его образамъ, и скрѣпить его мысль и чувство. Мы отнюдь не ставимъ этого въ укоръ ему: укорять его за это нельзя, какъ нельзя укорять скворца за то, что онъ не поетъ соловьемъ или жаворонка за то, что онъ не летаетъ орломъ. Это уже дѣло природы, и критикѣ здѣсь нѣтъ мѣста.

Но мы пошлемъ одинъ только укоръ г. Плещееву; укоръ за то, что онъ не всегда поетъ искренно, а пишетъ головой, гдѣ слѣдовало бы говорить сердцу. Это недостатокъ, тѣмъ болѣе замѣтный у поэта, потому что натяжка смысла еще можетъ ускользнуть отъ читателей, а натяжка чувства никогда.

Чтобы нашъ укоръ не былъ голословенъ, мы готовы подтвердить его стихотвореніями самого же г. Плещеева. — Пусть судятъ читатели. Возьмемъ сначала одно изъ новыхъ его стихотвореній — «Лунной ночью»:

И мнѣ когда-то было мило,
Свѣтило блѣдное ночей,
Такъ много грезъ оно будило
Въ душѣ неопытной моей!
Когда лучи его дрожали
На влагѣ дремлющей рѣки —
Душа рвалась къ неясной дали,
Полна невѣдомой тоски;
И было томное сіянье
Путеводителемъ моимъ,
Когда спѣшилъ я на свиданье,
Кипя восторгомъ молодымъ.
Прошли неясныя стремленья,
И поэтическіе сны!
Теперь иныя впечатлѣнья
Во мнѣ луной порождены.
Досадно мнѣ, что такъ безстрастно
Съ недосягаемыхъ высотъ,
Глядитъ она на міръ несчастный,
Гдѣ лжи и зла повсюду гнётъ.—
Гдѣ столько слабыхъ и гонимыхъ,
Изнемогающихъ отъ битвъ,

Гдѣ льется столько слезъ незримыхъ,
И скорбныхъ слышится молитвъ.

Что же изъ этого слѣдуетъ, позвольте васъ спросить? Мы понимаемъ, что луна могла быть вамъ очень мила и любезна, когда ея «томное» сіянье освѣщало вамъ дорогу, въ то время, какъ вы торопились на свиданье — это очень естественно и понятно, тѣмъ болѣе, что уже легіонъ стихотворцевъ приносилъ ей за это свою стиховную благодарность; но, позвольте васъ спросить, г. Плещеевъ, за что же вы сердитесь на луну? за то, что она глядитъ безстрастно на міръ, гдѣ, конечно, есть и зло, и слезы, свѣтитъ — себѣ да и знать ничего не хочетъ? А по вашему, что бы она должна сдѣлать? Вѣдь это трудно и придумать; смѣемъ думать даже, что вы и сами не нашли бы на это положительнаго отвѣта; не упасть же ей мячикомъ на землю; это, согласитесь, было бы ужъ черезчуръ глупо и неделикатно съ ея стороны; нѣтъ, тутъ ужъ ей, что называется, ничего и не подѣлать, какъ только стоять-себѣ да свѣтить; луна-то тутъ ужъ совершенно постороннее обстоятельство; а дѣло въ томъ, что вамъ очень понравилась мысль: «вотъ-де, сколько въ мірѣ-то и лжи и зла, сколько слабыхъ и гонимыхъ», вы и подумали-себѣ: «а вѣдь изъ этого недурно бы стишки написать!» — и свалили всю вину на луну, совершенно ни въ чемъ неповинную — и вышло холодное, придуманное головой стихотвореніе, да вдобавокъ еще нисколько и неоправдываемое никакою логическою мыслью. Нѣтъ, г. Плещеевъ, когда у васъ протестъ за бѣдныхъ братій выходилъ прямо изъ наболѣвшаго сердца, тогда онъ былъ и искрененъ, и законенъ, и билъ горячо и смѣло прямо въ живую жилу — и ему нельзя было не сочувствовать, и вы сами не прибѣгали въ немъ ни къ лунѣ, ни къ стереотипнымъ звучнымъ фразамъ. Мы говоримъ про «Опустѣвшій домъ». — Позвольте напомнить и вамъ и читателямъ это прекрасное стихотвореніе:

Одинъ по улицамъ брожу я съ грустной думой;
На спящій городъ хоръ дрожащихъ звѣздъ глядитъ.
Вотъ предо мной дворецъ забытый и угрюмый,
Гдѣ жизнь провелъ въ пирахъ и нѣгѣ сибаритъ.
Когда-то музыка гремѣла въ пышныхъ залахъ;
Изъ оконъ лился свѣтъ отъ тысячи свѣчей,
И кубки старые усердно осушала

Шумящая толпа напудренныхъ гостей.
Теперь заброшены огромныя палаты;
Въ роскошныхъ комнатахъ и пусто и темно.
Давно лежитъ въ землѣ хозяинъ тароватый;
Въ чужихъ краяхъ живутъ наслѣдники давно.
Стоитъ уныло домъ; а на крылечныхъ плитахъ,
Подъ рубищемъ дрожа, бѣднякъ заснуть прилегъ,
И думаетъ: когда бъ въ палатахъ позабытыхъ
Отъ стужи дали мнѣ хоть тѣсный уголокъ!

Въ подтвержденіе той же нашей мысли о придуманномъ и искреннемъ, мы позволимъ себѣ привести еще одинъ примѣръ. Пусть видятъ и судятъ читатели, какъ въ одномъ стихотвореніи натягивались строка за строкою блѣдные, водянистые стихи, для того, чтобы сказать фразу, которая вдобавокъ и не принадлежитъ автору, а составляетъ въ настоящее время общее достояніе. Кто и не думалъ о ней прежде и не предполагалъ даже ея возможности, и тотъ теперь повторяетъ ее съ чужаго голоса, такъ что вы, г. Плещеевъ, своимъ стихотвореніемъ, которое мы приводимъ ниже, ни для кого и не сказали ничего новаго; другое дѣло, еслибъ эта мысль была поставлена вами иначе, освѣщена ярче, говорила бы намъ хоть что нибудь, мы не дерзнули бы поднять на нее руку, потому что глубоко уважаемъ проявленіе всякой благородной и свободной мысли. Мы и теперь ничего не осмѣливаемся сказать что либо противъ вашей мысли,—мы говоримъ только про головную придуманность вашего стихотворенія, для того, чтобы сказать два три стиха, которые и не произведутъ ни на кого никакого впечатлѣнія, пототу что все стихотвореніе блѣдно придумалось вами, и не вылилось изъ сердца. Вотъ эти стихи:

Передъ ветхою избенкой,
Старичекъ сидитъ сѣдой,
И кудряваго ребенка
Онъ морщинистой рукой
Охватилъ. Въ свой полушубокъ
Завернулъ его теплѣй;
Съ пухлыхъ щекъ и алыхъ губокъ
Не спускаетъ онъ очей.
«Охъ! недолго, внучекъ милый,
Мнѣ поняньчиться съ тобой,»

Говоритъ старикъ.» Въ могилу
Мнѣ пора ужъ — на покой.
Долго маялся я; много
Вынесъ горя на плечахъ;
Не легка была дорога,
Да Господь помогъ. Онъ благъ.
Хоть во многомъ я былъ грѣшенъ,
И хоть часто я роцталъ;
Но подъ старость имъ утѣшенъ.—
Мнѣ онъ радость низпослалъ.
Знаю я, мой свѣтикъ Саша,
Веселѣй твой будетъ вѣкъ:
Доля ждетъ тебя не наша —
Будешь вольный человѣкъ!»

Вы прочли стихотвореніе—и ничего: все въ немъ гладко, ровно; но что же вы вынесли изъ него? сказало-ли оно хоть что нибудь вашему уму или сердцу? Положилъ ли поэтъ настолько въ него своей теплоты, чувства и любви, чтобы невольно заставить васъ откликнуться на его голосъ, заставить васъ сочувствовать ему? — нѣтъ; оно гладко, мило, современно, но холодно; оно скользитъ въ вашемъ умѣ, ничуть не затрогивая живыхъ струнъ вашего сердца. Такія стихотворенія писать легко, и всякій напишетъ, кто только легко владѣетъ стихомъ, и можно написать ихъ хоть десять, хоть двадцать въ день, лишь бы было досужее время да охота; стоитъ только развернуть любую книжку свѣжаго современнаго журнала, вычитать себѣ подходящую мысль—и ступай, пиши себѣ съ Богомъ, пока пишется, или пока не надоѣло. Но поэтому-то, понимающему свое дѣло, имѣющему какое нибудь имя и голосъ въ литературѣ, нельзя относиться подобнымъ образомъ къ своей способности и современному дѣлу. Намъ, впрочемъ, нечего и говорить объ этомъ г. Плещееву, потому что онъ и самъ очень хорошо это знаетъ, потому что онъ и самъ писалъ живыя, теплыя современныя вещи, которыя заставляли насъ сочувствовать ему и живо откликаться на его произведенія. Вотъ для контраста съ этимъ стихотвореніемъ другое, которое въ свое время вызвало больше сочувствія къ Плещееву:

Трудились бѣдные, вы, отдыху не зная,
Судьбѣ покорные, трудились день и ночь;

И думали: знать, доля ужъ такая
Намъ Богомъ суждена—и горю не помочь!
Смочивъ поля кровавымъ скорбнымъ потомъ,
Вы знали, что не вамъ они готовятъ плодъ,
Но не роптали вы, согбенные подъ гнетомъ,
Нѣтъ! вы несли свой крестъ—какъ праведникъ несетъ;
И тотъ, кто міръ своею чистой кровью
Отъ рабства искупилъ, кто какъ и вы страдалъ,—
Кому молились вы смиренно и съ любовью,
Вамъ избавителя вѣнчаннаго послалъ.
И настаетъ пора святая возрожденья!
Да будетъ ясенъ дня грядущаго разсвѣтъ,
Да принесетъ онъ вамъ съ прошедшимъ примиренье,
И раны вѣковой да уврачуетъ слѣдъ!

Здѣсь ужъ вамъ слышится совсѣмъ не та струна; ясно, что говоритъ голосъ теплый, искренній, проникнутый братскою любовью къ страждущимъ братьямъ—и тутъ вы не выищите ни одного придуманнаго, холоднаго или безцвѣтнаго стиха, ни одного лишняго выраженія. Вотъ чего требуемъ мы отъ поэта! Прежде всего—отсутствіе всякихъ ходуль, отсутствіе головнаго сочиненія и, напротивъ того, необходимость искренности, простоты и жизненной правды. Будетъ ли при этомъ характерная и творческая сила у поэта—это дѣло другое и дѣло лично отъ поэта независящее, потому что сила ему дается не отъ него самого: ее не выжмешь, не возьмешь—она родится вмѣстѣ съ тѣмъ, у кого она есть; но по крайней мѣрѣ тогда голосъ его не будетъ лишнимъ и ненужнымъ голосомъ въ литературѣ: онъ все-таки принесетъ обществу свою долю пользы. И нечего въ этомъ случаѣ становиться въ рядъ съ г. Некрасовымъ, который сталъ въ послѣднее время, видимо увядая и выдыхаясь, подбирать плохія и безцвѣтныя вирши въ родѣ его: «*Знахарки*» или тѣхъ, которыя появились въ одномъ изъ первыхъ нумеровъ журнала «Вѣкъ».

Мы увѣрены, что г. Плещеевъ воспользуется этимъ примѣромъ и не растратитъ своей теплоты и симпатичности попусту. За неимѣніемъ оригинальности и силы самобытнаго творчества, онъ, вѣроятно, найдетъ своему дарованію болѣе полезное примѣненіе. Думаемъ, что г. Плещеевъ могъ бы быть прекраснымъ переводчикомъ: его легкій стихъ, его способность понимать и сочувствовать вели-

кимъ образцамъ поэзіи, поставили бы имя его въ ряду замѣчательныхъ дѣятелей нашей переводной литературы. Во всякомъ случаѣ, мы искренно желаемъ ему успѣха, уважая въ немъ поэта, знакомаго съ страданіями не одной мечтой, но и въ дѣйствительной жизни.

В. К—ІЙ.

Въ ожиданіи лучшаго. Романъ В. Крестовскаго. Москва. 2. ч. 1861 (*).

Исторія человѣчества, говоритъ Монталамберъ, не представляетъ другаго примѣра учрежденія, такъ глубоко обдуманнаго и прочнаго, такъ гибкаго и въ то же время энергическаго, какъ аристократія англійская, Съ рѣдкой понятливостью она умѣетъ нетолько уступить кстати, но даже иногда принимаетъ инипіативу въ важныхъ и плодотворныхъ вопросахъ. Она привлекаетъ въ свои ряды все замѣчательное въ сферѣ государственной и научной и выбрасываетъ изъ своей среды въ массу побочныя вѣтви, начиная съ младшихъ сыновей перовъ: такимъ образомъ между ею и націей существуетъ безпрестанное сообщеніе; аристократія не отдѣляется отъ народа и оттого въ нее безпрестанно притекаютъ свѣжіе и мощные соки. Совершенно другое явленіе представляетъ намъ исторія французской аристократіи. Во Франціи она образовала касту, которая чуждалась гражданскихъ должностей; она развращалась и тупѣла. Лудовики XIV и XV окончательно развратили ее; оба они отличались замѣчательнымъ невѣжествомъ; въ особенности великій король, какъ его называютъ Французы; придворные ихъ были не лучше: герцоги Лозэнъ и Ришлье не умѣли грамотно написать письма; разговоры ихъ отличались казарменнымъ цинизмомъ; животные апетиты не знали препятствій... (**) По этому образцу была скроена большая часть французской аристократіи—не мудрено, что она погибла въ бурномъ потокѣ революціи...

(*) Намѣреваясь впослѣдствіи поговорить подробнѣе объ этомъ замѣчательномъ произведеніи, редакція на этотъ разъ ограничивается помѣщеніемъ этой статьи.

(**) См: Русс. Слово Авг. 1860.

Но, возразятъ намъ, было время, когда и англійская аристократія была не лучше и въ подтвержденіе укажутъ на краснорѣчивыя страницы Маколэ о дворѣ Карла II и Якова (*). На это мы можемъ возразить, что Карлъ и Яковъ вели себя чужестранцами на англійскомъ престолѣ, были какъ-бы намѣстниками Лудовика XIV; дворъ ихъ былъ созданъ по образцу французскаго двора; это было совершенное отчужденіе отъ народа и оттого правленіе послѣднихъ Стюартовъ носитъ на себѣ печать слабости и дикаго тиранства.... Призваніе Вильгельма рѣшило вопросъ: дворъ разсѣялся послѣ бѣгства Якова, а правительственная власть снова досталась въ руки аристократіи, которую не надо смѣшивать съ дворомъ.

Изъ этого видно, что всякая переходная эпоха, разумѣя ее въ предшествованіи какому нибудь великому событію, имѣющему громадное значеніе для народной жизни, отличается испорченностью какого нибудь кружка или иногда и цѣлаго сословія. Избытокъ власти и капитала, соединеніе ихъ въ одиѣхъ рукахъ, въ рукахъ людей неспособныхъ, мѣшаетъ общественному развитію. Замкнутость касты осуждаетъ ее на вырожденіе; презрѣніе къ труду, легкость, съ которой достаются наслажденія—пріучаютъ къ эгоизму; отсюда являются неуваженіе къ общественному мнѣнію массы и самообожаніе. Презрѣніе къ труду всегда сопровождается презрѣніемъ къ человѣческой личности и развратомъ. Посмотрите, что рабство успѣло сдѣлать изъ промышленной и свободолюбивой англо-саксонской расы — что же удивительнаго, что оно способствовало къ нравственному упадку касты, неимѣвшей ни того историческаго развитія, ни тѣхъ данныхъ...

У насъ нѣтъ аристократіи въ строгомъ смыслѣ этого слова. Уничтоженіе мѣстничества уничтожило боярскую оппозицію: индивидуальное сопротивленіе членовъ ея исчезло; вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла и замкнутость касты: желѣзная рука Петра вдвинула въ ряды ея новыхъ людей. Съ тѣхъ поръ услуги государямъ и военныя способности не переставали вводить въ нее новыя личности и такимъ образомъ у насъ образовался блистающій дворъ.

Но отсутствіе замкнутости аристократіи не помѣшало образоваться почти вездѣ особенному кружку, отличающемуся самыми кастическими тенденціями. Одно только утѣшительно, что оно не можетъ долго продолжаться: приходитъ время, когда мрачныя фигуры ретроградовъ должны

(*) См. Рус. Слово, январь 1861, Р. лит., стр. 28—30.

исчезнуть со сцены, если не захотятъ переродиться; но тѣмъ не менѣе въ настоящее время они представляютъ довольно плотную массу, препятствующую свободному развитію прогресса; поэтому представленіе замкнутыхъ кружковъ, опредѣленіе ихъ значенія въ наше время составляютъ весьма любопытный предметъ для изученія нашей эпохи.

Главное дѣйствующее лицо романа, центръ, около котораго обращается дѣйствіе—княгиня Десятова; но главная интрига заключается въ любви Алексинской, крестницы княгини, къ внуку ея, гусарскому офицеру, князю Ивану Петровичу. Мужъ Алексинской узнаетъ объ этой любви, прощаетъ жену, но, видя ея неисправимость, не выдерживаетъ страданій и застрѣливается. Эта главная интрига обставлена двумя другими: первая состоитъ въ связи Полины Абаровой, дочери одной приживалки съ княземъ. Полина всѣми мѣрами домогается попасть въ высшій кругъ; съ этой цѣлью она вступаетъ въ борьбу съ Аделаидой Григорьевной, компаньонкой княгини, за Пехлецова, одного изъ тѣхъ старичковъ, которыхъ Гоголь весьма мѣтко назвалъ мышиными жеребчиками. Борьба эта оканчивается открытіемъ интригъ князя, изгнаніемъ Полины изъ дому княгини и свадьбой ея съ чиновникомъ Гусевымъ, котораго ей сосваталъ князь. Вторая интрига заключается въ борьбѣ между внуками Десятовой за ея наслѣдство. Четырнадцатилѣтній графъ Василій Тяженецкій могъ—бы сдѣлать честь самому Игнатію Лойолѣ своимъ воспитаніемъ: лицемѣріе и сила воли удивительная! онъ ловко способствуетъ открытію интригъ князя и такимъ образомъ заставляетъ бабушку перемѣнить намѣреніе свое о составленіи дарственной записи на село Бубново въ пользу соперника. Главное достоинство романа состоитъ въ мастерски очерченныхъ характерахъ. Это великолѣпная коллекція нравственныхъ уродовъ, вѣрныхъ себѣ до послѣдней нитки; но какъ скоро авторъ выходитъ изъ сатирической сферы, талантъ его слабѣетъ: такъ неудачно имъ воспроизведены мужъ Алексинской, который вмѣсто энергическаго современнаго человѣка выходитъ подъ конецъ человѣкомъ—тряпкой; для чего ему застрѣливаться или прикрывать своимъ именемъ проступки жены, когда онъ не дорожитъ мнѣніемъ того круга, въ которомъ она живетъ, когда ему представляются утѣшенія дружбы. Еще болѣе неудачно представленъ Перяцкій, управляющій и другъ Алексинскаго, Чацкій этого романа.

Касательно отношенія частей между собою, мы думаемъ, что первая часть слишкомъ велика для завязки: всѣ важнѣйшія лица совер-

шенно выяснились—бы одной второй частью, съ прибавленіемъ къ ней главы, для поясненія ихъ отношеній, но этотъ недостатокъ выкупается истинно художественными подробностями; авторъ съ неподражаемымъ искуствомъ выводитъ на сцену нѣсколько второстепенныхъ лицъ, которыя хоть и не содѣйствуютъ ходу романа, но зато представляютъ нѣсколько новыхъ данныхъ для произнесенія приговора надъ этимъ кружкомъ московскаго общества.

Основная идея, проведенная черезъ весь романъ, заключается, по нашему мнѣнію, въ ложности женскаго воспитанія, образовавшей изъ этого кружка касту, непонимающую народа, отдѣленную отъ него, составляющую особенную національность, весьма удачно названную г. Костомаровымъ національностью Евгенія Онѣгина. Ложное образованіе женщины уничтожаетъ семейство. Какого ждать добра отъ лицъ въ родѣ княгини Десятовой, которая никогда и никого не любила, которая думала, «что остальные люди составляютъ отдѣльный міръ, съ «которымъ ни она, ни существа ея породы не имѣли ничего об«щаго; она знала, что тѣ—другіе смертные, живутъ, трудятся, тер«пятъ нужду, но вникать въ эту жизнь, обращать вниманіе на этотъ «трудъ, прислушиваться къ голосу этой нужды, она сочла—бы (еслибы «даже потрудилась объ этомъ подумать) совершенно безполезнымъ «безпокойствомъ» (стр. 17).

Несмотря на то, что княгиня была несообщительна, она портила внуковъ своихъ самымъ отвратительнымъ баловствомъ, основаннымъ на приличіи. «Ихъ долги платились, ихъ шалости скрывались, «объ ихъ дурныхъ свойствахъ никто не смѣлъ заикнуться; словомъ, «они были ограждены отъ общественнаго мнѣнія; княгиня знала все, «что они дѣлали дурнаго... Но все совершаемое въ ея семействѣ и «во всей огромной семьѣ аристократіи, къ которой принадлежала она «и ея близкіе, княгиня считала за непреложное, неизбѣжное, такое, «чего простые смертные, дерзающіе возводить взоры на такую вы«соту, не должны были смѣть помыслить даже анализировать, не«только осуждать» (19).

Внуки княгини вслѣдствіе такого воспитанія являются эгоистами и негодяями; одна струна звучитъ въ ихъ сердцѣ: это жажда богатства. Четырнадцатилѣтній Вася представляетъ грустный примѣръ ранняго развращенія. Съ этихъ поръ въ немъ нѣтъ уже никакого чувства: эгоизмъ и лицемѣріе поглотили всѣ хорошія начала. Что выйдетъ изъ него? Какой нибудь ловкій шарлатанъ, который не оста-

новится ни передъ чѣмъ. Захочется ему орденовъ—есть государства, гдѣ можно купить ихъ, напримѣръ Испанія и Римъ; захочется парнасскихъ лавровъ—можно нанять капельмейстера или литератора, заказать имъ написать что-нибудь и потомъ выдать за свое и послать хвалебную статью въ какую нибудь продажную иностранную газету-.. Такимъ образомъ можно спокойно дожить до глубокой старости, пользуясь уваженіемъ своей касты, возбуждая въ ней зависть...

Другой внукъ княгини личность не менѣе грязная, хотя совершенно въ другомъ родѣ: въ немъ также нѣтъ сердца; онъ также самъ себѣ поклоняется; онъ любитъ женщинъ казарменной любовью, или, лучше сказать, совсѣмъ ихъ не любитъ; цинизмъ его въ обхожденіи съ ними доходитъ до отвратительности; а между тѣмъ, несмотря на то, онѣ любятъ его, любятъ потому, что воспитаніе не научило ихъ цѣнить людей и представило породистыхъ фатовъ въ какомъ-то ложномъ свѣтѣ. Чувственность и капризы сдѣлали изъ этихъ женщинъ—деспотовъ покорныхъ рабынь грязныхъ обольстителей. Не будь этого, Алексинская не могла-бы унизиться передъ княземъ Десятовымъ до роли собачки, выпрашивающей подачки у барина; она поняла-бы и оцѣнила своего мужа, и еслибы не любила его, то, покрайней мѣрѣ, уважала. Перевѣсъ воображенія надъ разумомъ при слабости воли, при неимѣніи никакихъ нравственныхъ началъ — вотъ слѣдствіе подобнаго воспитанія. Начитавшись пошлыхъ романовъ, Алексинская вообразила, что она женщина съ сильными страстями, а на дѣлѣ она вовсе не способна любить... Жертва общественныхъ условій своего круга, она попробовала-было вырваться изъ него, но вскорѣ увидѣла, что это невозможно, что тамъ для ней все родное; она не была приготовлена къ борьбѣ, а безъ борьбы не могло совершиться ея развитіе, и она рѣшилась доживать свой вѣкъ въ благоуханныхъ, раззолоченныхъ гостиныхъ, гдѣ такъ тяжело дышать человѣку со свѣжимъ сердцемъ и свѣтлой головой. Что мудренаго, что слабая натура Алексинской не устояла противъ такого воспитанія, когда женщины и болѣе энергическія пали его жертвою. Даже Полина не вынесла, хотя отличалась удивительно сильнымъ характеромъ, который еще болѣе окрѣпъ отъ лишеній. «У этой молодой дѣвушки, почти ребенка, не было дѣтства: оно прошло въ скитальчествѣ по чужимъ домамъ, гдѣ многіе, и даже сама мать, употребляли ее на подслушиванье у дверей.» Поступивъ потомъ, по милости благодѣтелей, въ роскошный пансіонъ, она наблюдательностью умѣла заслужить милость классныхъ дамъ и пріо-

брѣсти нѣкоторый вѣсъ между подругами. По выходѣ изъ пансіона, она хорошо узнала свѣтъ. «Съ такими мелкими людьми, какъ Анна Ѳедоровна и дочь ея, не церемонятся, но зато передъ ними и не стѣсняются... Полина выросла безъ мечтаній и безъ очарованій, безъ заблужденій; она узнала всѣ двумысленныя исторіи, которыхъ много вездѣ и особенно много въ высшемъ обществѣ. Усвоивъ себѣ внѣшнія манеры этого общества, Полина усвоила и его привычку не разбирать много, не привязываться ни къ кому, не дорожить ничѣмъ, кромѣ собственныхъ интересовъ. Было-бы забавно даже предположить, чтобъ она могла когда нибудь влюбиться. Правда, въ глазахъ ея, свѣтскія дѣвушки любили, случалось, даже искренно, но эти-же самыя, если и не хладнокровно, зато не отчаянно *жертвовали* своею любовью выгодному замужству. Полина слишкомъ хорошо знала и молодыхъ людей, зная какъ нерѣдко одинъ и тотъ-же молодой человѣкъ увѣрялъ въ любви своей двухъ трехъ дѣвушекъ разомъ, а эти дѣвушки, свѣтскія пріятельницы Полины, довѣряли ей это, каждая порознь. Это не огорчало Полину и не приводило въ негодованіе, напротивъ, ей было смѣшно и даже весело». (127—128).

Полина презирала это общество, а между тѣмъ всѣми силами старалась въ него вступить. Ей представляются случаи честнымъ трудомъ добывать себѣ хлѣбъ, но она съ презрѣніемъ отвергаетъ ихъ. Деспотизмъ, нелюбовь къ труду и эгоизмъ тѣсно между собою связаны. Гдѣ только можно, Полина безъ всякаго состраданія обнаруживаетъ власть свою, не обращая вниманія ни на какія отношенія; мать нѣжно, хотя и глупо, любитъ ее и она обращаетъ ее въ служанку; вся энергія ея направлена на то, чтобъ казаться богаче и выше своихъ средствъ; ложный стыдъ, сознаніе ежедневно переносимыхъ оскорбленій заставляютъ бѣдную дѣвушку стремиться къ своей цѣли съ удвоенной настойчивостью. Мы не можемъ винить ее за это, потому что стремленіе къ лучшему свойственно человѣку, но нельзя удержаться отъ сожалѣнія, видя въ чемъ она считаетъ лучшее. Сколько молодыхъ, свѣжихъ силъ убило воспитаніе и среда, въ которой ей суждено было вращаться. А между тѣмъ, еслибы эти силы получили другое направленіе,—какую пользу могли-бы принести они! но нравственное растлѣніе такъ глубоко проникло въ душу Полины, что даже страданіе остается безплоднымъ для нея.

Нѣкоторые обвиняютъ реформу Петра въ такомъ положеніи женщины; но, разсматривая свидѣтельства лѣтописцевъ, мы видимъ, что

прежде было хуже; свидѣтельства иностранцевъ, посѣщавшихъ Россію въ XVI и XVII вѣкѣ, представляютъ нравы нашихъ предковъ въ самомъ незавидномъ свѣтѣ; показанія нашихъ лѣтописцевъ совершенно сходятся съ показаніями ихъ. «Благоразумный читателю, восклицаетъ Котошихинъ, не удивляйся сему; истинная есть тому правда, что во всемъ свѣтѣ нигдѣ такого на дѣвки обманства нѣтъ, яко въ московскомъ государствѣ». Жалкое состояніе нашего общества лучше всего показываетъ ничтожность вліянія женщины на соціальное развитіе. Матронство, которымъ такъ восхищаются нѣкоторые поклонники древности, никогда не уживалось съ сильной централизаціей; еще во время военной диктатуры первыхъ тріумвировъ оно быстро упало, а во время Августа уже понадобились понудительные законы для подкрѣпленія брачнаго союза. Подобное же явленіе представляется во французской исторіи; мы упомянули о немъ въ статьѣ о любовницахъ Людовика XV и Регента.

Реформа Петра дала болѣе простора женщинѣ, болѣе средствъ обнаруживать свое вліяніе; если женщина не умѣла воспользоваться этимъ, если образовался кружокъ, отличающійся замкнутостью и окаменѣлостью, въ этомъ нельзя винить великаго преобразователя; скорѣе можно упрекнуть его въ томъ, что онъ не позаботился о женскомъ воспитаніи. Всѣ неблагопріятныя условія, при которыхъ возникли Полины и Алексинскія, образовались впослѣдствіи. Къ этимъ женщинамъ привилась только дурная сторона западной цивилизаціи; отъ этого-то онѣ обратились въ нѣчто особенное, въ болѣзненный наростъ, который хотя и не можетъ разрушить здороваго организма, но тѣмъ не менѣе отвлекаетъ отъ него часть соковъ на свое питаніе. Но это исключеніе; вообще-же «наше субстанціальное начало не подавлено реформою Петра, но только получило чрезъ нее высшее развитіе, высшую форму». Такимъ образомъ у насъ образовались два общества, развивающіяся каждое отдѣльно; близкаго соотношенія между ними нѣтъ, но всякій разъ, когда личность изъ одного кружка вступаетъ въ другой, переходъ этотъ отзывается болѣзненно во всемъ существѣ вступающаго; онъ входитъ въ новый міръ; понятія его должны измѣниться; онъ долженъ отречься отъ всего, что любилъ прежде, и полюбить то, что ненавидѣлъ. Надо имѣть сильную волю, глубокое чувство, чтобъ не пасть въ этой борьбѣ. Даже любовь оказывается иногда безсильною, для произведенія благодѣтельной реакціи:—такъ велико вліяніе воспитанія. Въ такое положеніе поставленъ Алексин-

скій; онъ любитъ жену; она любила его также, когда вышла за него замужъ, — но потомъ различіе взглядовъ произвело семейную драму. Алексинскій не имѣлъ ни довольно энергіи, ни знанія женскаго сердца, чтобъ отдѣлить жену свою отъ того общества, въ которомъ она выросла; онъ оставляетъ ее въ немъ, а въ такомъ положеніи перевоспитаніе невозможно. Алексинскій долженъ былъ пасть, какъ личность, неподдерживаемая своими, потому что онъ, былъ слабѣе того кружка, съ которымъ боролся; онъ могъ быть силенъ презрѣніемъ, — а онъ любилъ; любилъ, можетъ быть, противъ воли, но тѣмъ не менѣе въ этой любви заключалась его слабость. Полина и Алексинскій оба являются жертвами того круга, въ который имъ не слѣдовало вступать. Ни порокъ, ни добродѣтель не въ силахъ тронуть этого нѣмаго идола, которому ежеднев но приносятся новыя жертвы; только богатство да связи трогаютъ его. Немудрено, что Неряцкій отзывается объ немъ съ такой желчью.

«Общество это до конца прогнило, а все еще на себя радуется! Education! Какъ-же! французско-замоскворѣцкое нарѣчіе! Женщина, которая и поумнѣе, та боится думать, насильно себя одуряетъ изъ приличія; думать не прилично... Да никто ничего и не думаетъ. Какъ думать? тронешь одну — сто бѣдъ на голову валится; шевельнешь одинъ грѣхъ — за нимъ сотня ползетъ... Что тутъ думать? закрыть глаза, да доживать какъ нибудь! Эта безтѣлесная княгиня, эти барыни-привередницы, эта молодежъ-недоучка носъ поднимаетъ, по уши въ долгахъ, за плечами скверныя исторіи, ни Бога не знаетъ, ни здраваго смысла... ни въ комъ правды, ни въ комъ достоинства; другъ передъ другомъ унизились, ненавидятъ другъ друга, какъ разбойники другъ друга ненавидятъ. И вѣдь какъ глупы! Сжалится кто нибудь надъ ихъ дурью, станетъ имъ вотъ такъ говорить: опомнитесь, — куда! прогнѣваются; ажитаторъ опасный человѣкъ... Между ними есть и хорошіе люди, — какъ не быть исключеній!.. Исключенія самыя блестящія: люди образованные, съ теплымъ сердцемъ, готовые на добро, способные на дѣло. Они видятъ, что тѣ дурны, но эти дурные люди *свои*; они нетолько не оставляютъ ихъ, но отстаиваютъ, грѣшатъ потворствомъ, поддерживаютъ: *свои*, видите, солидарность!.. И изъ этой солидарности, изъ этого потворства, дѣльные, превосходные люди мельчаютъ, теряютъ самихъ себя, портятъ дѣло» (71-72). Если эти сужденія и покажутся преувеличенными, то все-таки нельзя

не сознаться, что въ нихъ много правды. Такое состояніе не можетъ долго существовать: авторъ весьма справедливо назвалъ романъ свой «Въ ожиданіи лучшаго»,—но какъ придетъ это лучшее, какія драмы разыграются въ этой мертвой средѣ, какія страсти взволнуютъ ее; сама-ли собой разовьется она или получитъ толчекъ извнѣ?—это такіе вопросы, которые разрѣшитъ только время. Одно можемъ сказать, что—гдѣ жизнь, тамъ и страданіе; безъ него невозможно обновленіе, безъ него жизнь становится на степень прозябанія. Пусть-же плодотворный дождь оросить эту засохшую почву; пусть каменная преграда, раздѣлявшая до сихъ поръ двѣ народности, рухнетъ; онѣ сольются и широкая волна народной жизни потечетъ плавно, но неуклонно, относя свою дань въ океанъ человѣчества.

В. ПОПОВЪ.

---

1) Русская азбука для народныхъ школъ и для домашняго обученія по новѣйшей простѣйшей методѣ. Изданіе Лермантова и Комп. 1860. 2) Русская азбука съ наставленіемъ какъ должно учить. Второе изданіе, значительно дополненное. В. Золотова. Изданіе товарищества «Общественная Польза». 1860. 3) Хрестоматія. 4) 28 басенъ русскихъ баснописцевъ, Измайлова, Хемницера, Дмитріева и Крылова. Изданіе Лермантова и Комп. 1861. 5) Бесѣды въ досужее время. Разсказы для чтенія простому народу. Изданіе А. Станюковича. 1860. 6) Дѣдушка Назарычъ. Разсказъ А. Погоскаго. 1860. 7) Первый винокуръ. Древнее сказаніе. 8) Механикъ самоучка Кулибинъ. Соч. И. Троицкаго. Изъ народнаго чтенія. 1860. 9) Дядя Титъ Антонычъ учитъ, какъ надо любить ближняго. Соч. Н. С. 1861. 10) Княгиня Ольга, первая русская правительница-христіанка. Соч. Н. С. 1861.

Наконецъ общество начинаетъ сознавать, что на немъ лежитъ обязанность — дѣлиться съ народомъ знаніями и идеями. Вѣроятно,

многія изъ книгъ, поименованныхъ въ заглавіи статьи моей, написаны съ добросовѣстнымъ желаніемъ принести пользу; вѣроятно, также, что нѣкоторыя изъ нихъ составлены съ промышленною цѣлью; но и это не бѣда. Составить предметъ спекуляціи можетъ только такое предпріятіе, котораго необходимость вошла въ общественное сознаніе. Разумѣется, книга, написанная для народа только ради торговаго сбыта, не дѣлаетъ чести нравственному чувству составителя ея, но самое существованіе подобной спекуляціи—фактъ отрадный, потому что онъ указываетъ на большой запросъ, или, по крайней мѣрѣ, на возможность подобнаго запроса въ ближайшемъ будущемъ. Необходимость народнаго образованія вошла въ общественное сознаніе, но между теоретическимъ и практическимъ рѣшеніемъ вопроса лежитъ цѣлая бездна. Давно ли въ нашихъ журналахъ разсуждали и спорили о томъ, нужна ли и полезна ли для народа грамотность? Вопросъ эторъ рѣшенъ утвердительно, но самая возможность подобнаго спора, самая необходимость доказывать аксіому служитъ осязательнымъ примѣромъ того, какъ ново и непривычно для насъ дѣло народнаго образованія. И это не удивительно. Потребность умственнаго прогресса была отодвинута въ нашей жизни на задній планъ и мы, вмѣсто истиннаго образованія, довольствовались одними внѣшними условіями его; мы не видѣли или, лучше, не хотѣли видѣть, что позади насъ есть милліоны другихъ людей, которые имѣютъ одинаковое право на человѣческую жизнь, образованіе и соціальное усовершенствованіе. Теперь мы сознаемъ, что безъ этихъ милліоновъ людей мы не далеко уйдемъ съ своей привозной цивилизаціей и съ своимъ просвѣщеніемъ, взятымъ напрокатъ. Такимъ образомъ, великой задачей нашего времени становится умственная эманципація массъ, черезъ которую предвидится имъ исходъ къ лучшему положенію не только ихъ самихъ, но и всего общества. Школой нашего воспитанія является весь народъ, а воспитателемъ его образованное меньшинство. Въ теоріи мы знаемъ, что надо дѣлать. Надо изучить характеръ воспитанника, взвѣсить тѣ обстоятельства и обстановку его прежней жизни, которыя могли имѣть вліяніе на складъ его способностей и жизни, надо честнымъ и откровеннымъ обращеніемъ пріобрѣсть его довѣріе, надо узнать его насущныя потребности, и наконецъ, ощупавъ дѣйствительную почву, взяться за дѣло такъ, какъ потребуютъ обстоятельства, какъ Богъ на душу положитъ, не ожидая отъ теоріи рѣшенія такихъ вопросовъ, которые

должны рѣшаться на мѣстѣ, путемъ какого-то наитія и творческаго вдохновенія. Съ такими требованіями каждый развитой человѣкъ имѣетъ право обратиться къ любому порядочному воспитателю, и вѣроятно въ этихъ требованіяхъ не будетъ ничего преувеличеннаго. Если же нельзя браться кое-какъ, съ-палету за воспитаніе ребенка, то тѣмъ болѣе нельзя, съ кое-какими теоретическими свѣдѣніями приступать къ воспитанію народа. Въ первомъ случаѣ мы рискуемъ приготовить обществу дурнаго гражданина, можетъ быть, несчастную жертву порока; во второмъ, мы принимаемъ на себя тяжелую отвѣтственность за всю націю. И если жалко видѣть отдѣльное лицо, испорченное ложнымъ воспитаніемъ, то съ какимъ же чувствомъ мы должны смотрѣть на умственный развратъ всего народа? Къ сожалѣнію, мы рѣдко задумываемся надъ этимъ вопросомъ и, облачаясь въ санъ воспитателя его, оказываемъ ему услугу, подобную той, какую въ баснѣ Крылова оказалъ медвѣдь спавшему пустыннику. Говоря вообще, мы плохо понимаемъ требованія народной жизни, хоть и много кричимъ на эту тему. Теоретики, фразеры, реформаторы съ высоты величія отвлеченной мысли, доктринеры, фанатики, готовые умереть на словахъ за честь своего знамени, энтузіасты, крикуны и махатели руками расплодились неимовѣрно въ нашемъ разсыропленномъ обществѣ. Предпріятія возникаютъ и лопаются; теоріи въ одинъ день создаются и распадаются; всѣ какъ будто заняты, а дѣло двигается медленно впередъ. Мы никогда не отличались особенной энергіей, но теперь на всѣхъ замѣтна апатія, лихорадочные порывы и вслѣдъ за ними какая-то нравственная усталость и безпощадное равнодушіе. Первое препятствіе охлаждаетъ насъ, первая неудача отбрасываетъ наши силы въ совершенное бездѣйствіе. Притомъ мы давно привыкли думать, что великія дѣла можно дѣлать посредствомъ маленькихъ людей, между тѣмъ для добросовѣстнаго выполненія и маленькаго дѣла нуженъ если не великій, то хорошій человѣкъ. Мы эту истину цѣнимъ мало; и я увѣренъ, что остановивъ на улицѣ тридцать встрѣчныхъ и предложивъ имъ быть воспитателями народа, мы получимъ отказъ развѣ отъ одного: всѣ прочіе точно также возьмутся за этотъ трудъ, какъ они взялись бы за переписываніе бумагъ. Это признакъ совершеннаго непониманія общественныхъ интересовъ и крайняго презрѣнія къ нимъ.

Встрѣчаясь съ слабыми и блѣдными попытками провести въ народное сознаніе нѣсколько свѣтлыхъ мыслей, я прежде всего считаю

нужнымъ выяснить до нѣкоторой степени тѣ формы, въ которыхъ вообще можетъ и должна проявиться пропаганда. И педагогъ, и поэтъ, и учитель, и профессоръ — пропагандисты, которыхъ вліяніе конечно обусловливается ихъ личными свойствами и достоинствами; но между пропагандою поэта и педагога нельзя не замѣтить существенной разницы. Поэтъ не видитъ передъ собою публики и не разсчитываетъ на нее, не взвѣшиваетъ каждое слово и не предлагаетъ себѣ на каждомъ шагу вопроса: какое впечатлѣніе произведу я на современное общество. Создавая по внутренней необходимости, выдѣляя изъ себя то, что накопилось и накипѣло въ груди, онъ весь занятъ своимъ предметомъ, весь живетъ въ мірѣ вызванныхъ имъ образовъ, и кромѣ этихъ образовъ въ минуту творчества не видитъ ничего, да и не долженъ ничего видѣть. Связь между поэтомъ и обществомъ неизбѣжна, но она существуетъ помимо воли поэта, и поэтъ не дѣлаетъ, да и не долженъ дѣлать ни шагу, чтобы скрѣпить или ослабить эту связь. Связь эта основана на томъ, что поэтъ переживаетъ съ современниками и горе, и радость, и надежды, и опасенія, и моменты юношеской вѣры, и годы мучительныхъ сомнѣній и тяжкаго раздумья. Онъ переживаетъ все это вмѣстѣ съ нами, но чувствуетъ живѣе насъ, оттого наша неясная грусть, или тревожная, но еще несознанная и почти безпричинная радость въ созданіяхъ поэта принимаютъ плоть и кровь; оттого-то поэтъ учитъ насъ, не говоря намъ ничего новаго.

Въ пропагандѣ педагога, напротивъ того, все соображено, размѣрено и клонится къ пользѣ воспитываемой личности. Его пропаганда должна быть послѣдовательна и строго сообразна условіямъ времени, личности и степени ея развитія. Насколько поэту необходима искренность чувства, настолько педагогу необходима постоянная наблюдательность и осторожность какъ въ выборѣ предмета, такъ и въ процессѣ его изложенія. Чистый типъ поэта и педагога вѣроятно не всрѣчается въ природѣ, потому что вообще не встрѣчается воплощеній отвлеченныхъ качествъ. Чтобы быть поэтомъ въ дѣлѣ народнаго образованія, надо стоять на одной почвѣ съ народомъ, надо горячо любить его и притомъ любить просто и безъ претензій, надо силою непосредственнаго чувства понимать и его невысказанное горе, и несознанныя надежды и невыяснившіяся стремленія. Кромѣ Кольцова, врядъ ли кто нибудь изъ нашихъ замѣчательныхъ поэтовъ умѣлъ въ своихъ произведеніяхъ жить одною жизнью съ той массою людей, ко-

торая нуждается въ умственномъ содѣйствіи со стороны образованнаго меньшинства. Ни Пушкинъ, ни Лермонтовъ не могли проникнуть творческою мыслью исключительно въ народное міросозерцаніе, потому что все ихъ вниманіе было поглощено анализомъ окружающей ихъ полу-русской среды, сложившейся подъ вліяніемъ акклиматизаціи европейскаго этикета, европейскихъ предразсудковъ и отчасти европейскихъ идей и воззрѣній. Эту среду, въ которой они выросли и развились, наши поэты поняли и изучили; что же касается до простаго народа, съ которымъ каждый изъ насъ имѣетъ чисто-внѣшнія отношенія, то изъ него наши поэты брали нѣкоторыя характерныя фигуры, но при этомъ постоянно останавливались на одной внѣшней сторонѣ явленія. Они представляли лакея, крестьянина, фабричнаго и т. п., но кромѣ подробностей костюма и обстановки, кромѣ копированія домашняго быта и языка, кромѣ воспроизведенія внѣшнихъ отношеній въ ихъ произведеніяхъ не было ничего такого, въ чемъ выразилось бы пониманіе внутреннихъ и существенныхъ особенностей русской жизни. Осипъ въ Ревизорѣ, Петрушка и Селифанъ въ Мертвыхъ Душахъ живые люди—это безспорно, но они схвачены только съ внѣшней стороны, какъ лица, составляющія декорацію, обстановку и потому не заслуживающія особенно тщательнаго разсмотрѣнія. Все, что они говорятъ—вѣрно; все это непремѣнно было бы сказано русскимъ дворовымъ человѣкомъ, находящимся въ ихъ положеніи, но все это, взятое вмѣстѣ, такъ незначительно, что никакимъ образомъ не даетъ читателю средства проникнуть во внутренній міръ этихъ личностей. Послѣ Гоголя, дѣло сближенія образованнаго класса съ народомъ подвинулось впередъ; главными дѣйствующими лицами романовъ и повѣстей стали являться русскіе мужики и бабы, но и здѣсь анализъ скользитъ по одной поверхности. Романы изъ народнаго быта рисовали и рисуютъ намъ не столько характеры, сколько положенія. Если есть драматическая борьба, то она замыкается въ кругъ чисто внѣшнихъ происшествій: Черезъ это всѣ характеры являются въ напряженномъ состояніи, и мы видимъ не естественное и спокойное развитіе жизни, а нравственныя судороги, которыя не позволяютъ намъ дѣлать какія бы то ни было заключенія о выраженіи лицъ въ обыденныя, будничныя минуты жизни. На это мнѣ, можетъ быть, скажутъ, что трудовая, пасмурная жизнь крестьянина такъ безцвѣтна и однообразна, что

собственно человѣческія стороны его личности выражаются только проблесками, въ тѣ минуты, когда заговоритъ ретивое и когда нашъ простолюдинъ на нѣсколько мгновеній стряхнетъ съ себя тяжелую и вынужденную апатію.

Но это возраженіе опровергается пѣснями Кольцова, относящимися такъ часто и съ такою любовью къ этой заунывной, трогательной сторонѣ народной жизни, состоящей изъ длиннаго ряда однообразныхъ трудовъ, крупныхъ и мелкихъ лишеній. Притомъ, замѣчу, что только незнаніе Русскаго человѣка и человѣка вообще можетъ рѣшить такъ смѣло и голословно, что обыденная жизнь простолюдина сама по себѣ безцвѣтна и пуста. Народъ ближе насъ стоитъ къ природѣ и смотритъ на окружающій его міръ яснѣе, чѣмъ мы, потому что взглядъ его не омраченъ предубѣжденіями и ложными понятіями нашей жизни. По потому то намъ и трудно наблюдать и анализировать внутреннюю сторону народной жизни. Мы, обыкновенно, подступаемъ къ ней съ предвзятыми идеями и даемъ свой собственный, произвольный смыслъ дѣйствительнымъ явленіямъ. Кто, напримѣръ, понялъ и вѣрно выразилъ отношенія крестьянина къ любимой имъ женщинѣ. Изображая отношенія между влюбленными, наши романисты большею частью рисовали намъ сцены, созданныя воображеніемъ, сцены, за вѣрность которыхъ не поручится ни самъ авторъ, ни внутреннее чутье читателя. «Свиданіе» описанное въ «запискахъ охотника» Тургенева, составляетъ въ ряду подобныхъ сценъ рѣдкое исключеніе, но при этомъ не должно упускать изъ виду обстоятельство, которое придаетъ всей сценѣ живой и своеобразный колоритъ. Тургеневъ выставляетъ контрастъ между дѣвственною, свѣжею душою молодой крестьянки и засушенною и пошлою натурою лакея, любимца барина. Внѣшнее положеніе дѣйствующихъ лицъ само по себѣ такъ характеристично, что оно совершенно овладѣваетъ вниманіемъ читателя и совершенно выкупаетъ въ его глазахъ недостатокъ анализа самаго чувства. Семейныя отношенія точно также были недоступны правильному наблюденію нашихъ писателей; мы знаемъ, что отецъ хозяинъ въ домѣ, что мужъ распоряжается съ женою деспотически, что жена считаетъ такой порядокъ вещей естественнымъ и законнымъ, что взрослые дѣти ходятъ въ страхѣ передъ старикомъ отцомъ; но всѣ эти свѣдѣнія очень похожи на примѣты, выставляемыя въ паспортахъ и отпускныхъ билетахъ; живое явленіе жизни трудно исчерпать описаніемъ; его надо прочувствовать и пережить на самомъ себѣ; если бы какой ни-

будь путешественникъ, прожившій лѣтъ десять въ Парагуаѣ или на Сандвичевыхъ островахъ, написалъ романъ изъ тамошнихъ нравовъ, мы, вѣроятно съ большимъ любопытствомъ остановились бы на описаніи мѣстныхъ обычаевъ, обрядовъ образа жизни, быта и предразсудковъ, но въ то же время имѣли бы полное право усомниться въ жизненной вѣрности и полнотѣ выведенныхъ характеровъ и изображенныхъ личностей. А между тѣмъ, читая романы изъ народнаго быта, публика наша думаетъ, что имѣетъ дѣло съ дѣйствительной народной жизнью. Спрашивается: развѣ различіе между какимъ нибудь Парагуайцемъ и европейскимъ туристомъ значительно больше того различія, которое существуетъ между русскимъ простолюдиномъ и русскимъ писателемъ? Развѣ между простолюдиномъ и писателемъ есть какая нибудь связь, кромѣ единства языка и мѣста рожденія? Развѣ отношенія простолюдина къ писателю искреннѣе, задушевнѣе и ближе отношеній Парагуайца къ заѣзжему европейцу? Мы любимъ народъ, или, по крайней мѣрѣ, воображаемъ себѣ, что любимъ, потому что мудрено дѣйствительно любить того, кого мы почти не знаемъ, но народъ не любитъ насъ и не вѣритъ намъ. Мы для него до сихъ поръ ровно ничего не сдѣлали, мы его трудами жили въ теченіи столѣтій и онъ это помнитъ тою самою памятью, которая до сихъ поръ хранитъ въ народной пѣсни воспоминанія о Дунаѣ—рѣкѣ и о Владимірѣ—Красномъ Солнышкѣ. Кто станетъ винить нашего мужика въ томъ, что онъ въ каждомъ одѣтомъ по европейски господинѣ видитъ человѣка, съ которымъ надо держать ухо востро, и съ которымъ пускаться въ откровенность не слѣдуетъ ни подъ какимъ видомъ? — Какъ бы то ни было, мы должны признаться, что при настоящемъ положеніи дѣлъ, изученіе народности только-что начинается; мы едва начали распознавать ея существенные признаки, мы не можемъ даже дать внѣшняго описанія народнаго типа, стало-быть вывести этотъ типъ въ художественномъ произведеніи еще нѣтъ никакой возможности. Исторія разлучила насъ съ нимъ гораздо ранѣе Петра. До сихъ поръ, сколько можно припомнить, народная иниціатива выразилась только въ эпоху самозванцевъ, да въ 1812 году; во все остальное время народъ нашъ представлялъ собою огромную массу, повиновавшуюся данному извнѣ толчку по силѣ инерціи, и принимавшую любую форму, смотря по тому, откуда чувствовалось давленіе. — На основаніи всего сказаннаго, можно допустить предположеніе, что едва ли поэтическая, и педагогическая пропаганда по си-

ламъ нашему поколѣнію. Нашей поэтической пропаганды народъ не пойметъ, потому что мы говоримъ на двухъ разныхъ языкахъ, живемъ въ двухъ разныхъ сферахъ и въ умственныхъ нашихъ интересахъ не имѣемъ ни одной, да вѣдь ни одной точки соприкосновенія. Что волнуетъ лучшихъ людей нашего общества, что заставляетъ ихъ стремиться къ отвлеченной истинѣ, къ знанію ради знанія, что заставляетъ ихъ страдать и радоваться муками творческаго рожденія, то конечно покажется всякому здравомыслящему, но неразвитому простолюдину искуственною потребностью, прихотью барства, слѣдствіемъ изнѣженной и праздной жизни. Эстетическія понятія наши расходятся такъ же сильно съ понятіями нашего народа; что намъ кажется превосходнымъ, вызываетъ нашъ умъ на усиленную дѣятельность, а въ душѣ будитъ цѣлый міръ неясно сознаваемаго чувства, то навѣрное покажется народу слишкомъ блѣднымъ, потому что требованія его фантазіи и сердца гораздо шире и проще нашихъ. Словомъ, разстояніе между нашими воззрѣніями и наклонностями до сихъ поръ еще такъ велико, что оно исключаетъ всякую возможность непосредственнаго пониманія. Намъ достаточно было бы развернуть передъ народомъ наше міросозерцаніе во всей его полнотѣ, чтобы внушить ему недовѣріе и боязнь. Есть такія народныя вѣрованія и предразсудки, которые невозможно затрогивать грубо и неосторожно; ихъ надо разрушать исподоволь, надо вести народное развитіе, не касаясь ихъ прямо и предоставляя ихъ устраненіе времени и здравому смыслу.— Стало—быть, надо дѣйствовать педагогически, т. е. приноравливать свое изложеніе къ понятіямъ слушателя и не сходить съ его точки зрѣнія. Но для педагогической дѣятельности необходимо, чтобы, во 1-хъ, воспитатель зналъ своего воспитанника вдоль и поперегъ, и чтобы, во 2-хъ, между воспитателемъ и воспитанникомъ существовало полное довѣріе. Въ послѣднемъ случаѣ намъ представляется величайшее затрудненіе. Мы можемъ возвратить довѣріе народа только тогда, когда станемъ къ нему снисходительными братьями. Доселѣ мы искали только одиихъ правъ и расширенія произвола въ отношеніи массы, но не хотѣли знать, что кромѣ правъ есть и обязанности съ нашей стороны.

Высказавъ свое мнѣніе о народной литератрѣ вообще, приступлю къ разбору фактовъ, т. е. вышедшихъ для народа книжекъ. Этотъ разборъ фактовъ подтверждаетъ мое заключеніе, сдѣланное *a priori*; скажу болѣе: онъ приводитъ къ результату, гораздо болѣе

печальному, чѣмъ можно было ожидать. Еслибы принять совокупность лежащихъ передо мною книжекъ за *maximum* того, что можетъ дать народу пишущая Россія, то можно было бы подумать, что у насъ нѣтъ ни одного таланта, ни одного человѣка, любящаго народъ.

Въ этихъ книжкахъ даже нельзя указать на слишкомъ большія ошибки, потому что онѣ ниже ошибокъ. Еслибы составители этихъ книжекъ имѣли какое нибудь понятіе о своей задачѣ (т. е. о народѣ, для котораго пишутъ, и о предметѣ, по которому пишутъ), то, хотя бы это понятіе было ложное, самое существованіе его отразилось бы въ большей жизненности и теплотѣ изложенія. Но въ этихъ книжкахъ нѣтъ ни мысли, ни направленія, ни пониманія народности; это даже не книги, это бумага, болѣе или менѣе сѣрая, напечатанная болѣе или менѣе убористымъ шрифтомъ, съ большимъ или меньшимъ числомъ опечатокъ. — Четыре книжки, именно двѣ азбуки и два сборника стихотвореній, по многимъ причинамъ должны быть изъяты изъ общаго разбора, и потому я теперь же скажу о нихъ нѣсколько словъ. Обѣ азбуки составлены по новой методѣ и въ нихъ обученіе начинается не съ буквъ, а съ цѣлыхъ словъ; эта метода, признанная современною педагогикою, дѣйствительно раціональнѣе прежней методы и отличается большими практическими удобствами. Когда русскому человѣку говорятъ русское слово, онъ его понимаетъ, но когда неграмотному человѣку называютъ букву, онъ рѣшительно не въ состояніи понять, что это такое. Факты доказываютъ намъ, что въ исторіи изобрѣтенія письменъ, буквенная система занимаетъ высшую и послѣднюю степень, и что гораздо прежде раздѣленія словъ на буквы находилось въ употребленіи письмо, изображающее самые предметы или символически указывающее на идею того слова, которое нужно было написать. Не слово составилось изъ буквъ или звуковъ, а напротивъ того, звуки произошли оттого, что аналитическая дѣятельность ума разложила существующія слова и нашла въ нихъ общія составныя части, элементы, которые сами по себѣ, самостоятельно никогда не существовали. Требовать такой аналитической дѣятельности отъ человѣка неграмотнаго и мало мыслившаго нельзя; поэтому необходимо, чтобы учитель на наглядныхъ примѣрахъ показалъ ему, какъ слова дѣлятся на слоги, а слоги на буквы, и, на этомъ основаніи, метода, предлагаемая двумя названными мною азбуками во многихъ отношеніяхъ облегчаетъ первоначальное обученіе, которое

было такъ скучно и утомительно для учителя и для ученика. Честь изобрѣтенія этой методы принадлежитъ европейскимъ педагогамъ; примѣнена она въ обѣихъ азбукахъ не дурно, но, сколько мнѣ кажется, она лучше примѣнена въ изданіи Лермонтова и комп. Въ азбукѣ г. Золотова воспитанникъ, прочтя при помощи учителя девять двусложныхъ словъ, въ первомъ же упражненіи переходитъ къ слогамъ и даже къ буквамъ; въ азбукѣ Лермантова этотъ переходъ дѣлается нечувствительно; тамъ ученикъ прочитываетъ рядъ словъ, очень коротких и сходныхъ между собою по своимъ составнымъ частямъ, напр. ты, то, та, — ты, мы, вы. Видя сходство въ написаніи и созвучіе въ произношеніи, онъ естественно проводитъ параллель между тѣмъ и другимъ и собственнымъ умомъ доходитъ до пониманія отдѣльныхъ буквъ; это возбудительное вліяніе, которое азбука можетъ оказать на самодѣятельность мысли, особенно важно и полезно, потому что оно ободряетъ ученика и облегчаетъ ученіе. Въ обѣихъ азбукахъ есть нѣсколько страницъ упражненій; на нихъ, какъ это бываетъ во всѣхъ дюжинныхъ азбукахъ, есть и правоученія, и ариѳметика, и статистическія свѣдѣнія о Россіи; все тамъ есть, и зачѣмъ оно туда попало, — единому Богу извѣстно. Азбуки изъявляютъ желаніе быть энциклопедіями и черезъ это перестаютъ быть хорошими азбуками. Достаточно было бы кажется дать ученику, выучившемуся читать, страницъ 20 занимательнаго и понятнаго чтенія, чтобы пріохотить его, или пожалуй просто, чтобы дать ему средства съ удовольствіемъ почитать подъ руководствомъ учителя; но изъ чтенія исторіи, ариѳметики, правилъ общежитія и изъ всѣхъ этихъ отрывочныхъ полусвѣдѣній выходитъ такая скучная и безполезная смѣсь, что ученикъ конечно не въ состояніи будетъ ни прочесть ее съ удовольствіемъ, ни пріобрѣсти изъ нея какое нибудь дѣйствительное знаніе. На двухъ страницахъ азбуки г. Золотова (26 и 27) говорится объ именованныхъ числахъ, о календарѣ, о древней исторіи, о сотвореніи міра, о Рождествѣ Христовомъ, Евангеліи и объ основаніи россійскаго государства. Прочтя такія двѣ страницы, невольно вспомнишь о томъ уѣздномъ учителѣ, который въ одинъ урокъ прочиталъ отъ Ассиріянъ и Вавилонянъ до Александра Македонскаго и даже въ заключеніе сломалъ казенный стулъ. Вотъ напр. о древней исторіи: « Во все это время (отъ сотворенія міра до 1860 года) жили разные народы; самыми древними изъ нихъ были Египтяне, Вавилоняне, Евреи, Римляне, Греки и многіе другіе», а далѣе уже слѣдуютъ объ откровенномъ законѣ Моисея и о Рождествѣ Христовомъ. А вотъ

изъ азбуки Лермантова статья изъ отдѣла: «основныя законоположенія:» Власть родительская простирается на дѣтей обоего пола и всякаго возраста, съ различіемъ и въ предѣлахъ, законами для сего постановленныхъ (Св. Зак. Т. X, ст. 158)». Насколько, прочитавъ эти строки, ученики получатъ понятіе о древней исторіи и о предѣлахъ родительской власти въ Россіи—это я предоставляю рѣшить самимъ составителямъ. Есть родители и воспитатели, которые, желая своимъ дѣтямъ и воспитанникамъ добра, говорятъ: пускай всему учится, все пригодится; не узнаетъ всего вполнѣ, по крайней мѣрѣ получитъ какое нибудь понятіе. Въ отношеніи къ понятію эти педагоги чрезвычайно нетребовательны; они часто называютъ понятіемъ одно слово, одну фразу, часто просто имя собственное.

Съ этой точки зрѣнія можно пожалуй оправдать приложенія къ азбукамъ Золотова и Лермантова, но я позволю себѣ держаться мнѣнія діаметрально противуположнаго и потому замѣчу, что нехорошо и недобросовѣстно заваливать память человѣка, которому придется въ будущемъ многому учиться; это значитъ злоупотреблять правами учителя и терпѣніемъ ученика. — Оба сборника стихотвореній отличаются вычурностью обертки и совершенною случайностью въ выборѣ помѣщенныхъ піесъ. Любопытно было бы спросить у господъ составителей, какой цѣли старались они достигнуть своими сборниками, нравственной или эстетической? Хотѣли ли они дать народу назидательное чтеніе, или просто познакомить его съ лучшими произведеніями русской поэзіи? Отвѣчать на этотъ вопросъ я предоставлю имъ самимъ, а отъ себя скажу только, что они не достигли никакой цѣли. Первая цѣль вообще недостижима, потому что исправить нравственность человѣка баснями и поученіями невозможно. Вторая цѣль не достигается по причинѣ крайней неразборчивости составителей. Плохія басни Дмитріева и Измайлова безъ малѣйшаго выбора ставятся рядомъ съ баснями Крылова; и къ чему все это, и почему это предназначается для народа и что можетъ, по расчетамъ составителя, найти народъ въ этихъ книжкахъ—не знаю, да и считаю лишнимъ изслѣдовать. До сихъ поръ я имѣлъ дѣло съ такими книгами, которыхъ идеи собственно не подвергались критикѣ. Въ азбукахъ мы видѣли примѣненіе извѣстной методы; въ сборникахъ — перепечатку давно извѣстныхъ произведеній. Составителямъ принадлежали только расположеніе частей и выборъ. И то и другое оказалось неудовлетворительнымъ; посмотримъ, что дадутъ намъ книги, не *составленныя*, а *написанныя* для народа.

*

Въ числѣ этихъ книгъ есть бельлетристическіе опыты (Первый Винокуръ и Дѣдушка Назарычъ), нравственныя разсужденія (Дядя Титъ Антонычъ учитъ, какъ надо любить ближняго), попытки популярно изложить начала физики (Бесѣды въ досужее время) и два біографическіе очерка («Княгиня Ольга» и «механикъ самоучка Кулибинъ). Разсмотрю сначала повѣсти. Древнее сказаніе «Первый Винокуръ» написано съ дидактическою и полемическою цѣлью и напоминаетъ наивныя проповѣди противъ пьянства, которыми такъ богата наша древняя церковная литература. Гласъ вопіющаго въ пустыни раздается до нашего времени; желаніе наговорить читателямъ множество душеспасительныхъ поученій, желаніе исправить народную нравственность фразами живетъ, какъ видно, и въ нашемъ вѣкѣ. Кто беретъ въ руки перо, чтобы писать для народа или для дѣтей, тотъ непремѣнно задастъ себѣ какую нибудь благонамѣренную задачу, неуклонно стремится къ достиженію своей добродѣтельной цѣли, не обращая вниманія на бѣдность собственной фантазіи, и заканчиваетъ свое скучное произведеніе — нравоученіемъ, которое выражаетъ собою всю идею и вѣнчаетъ дѣло. Въ этомъ разрядѣ литературныхъ произведеній примѣняется, какъ видно, самымъ оригинальнымъ образомъ знаменитое положеніе Маккіавелли: «цѣль оправдываетъ средства». Авторъ древняго сказанія «Первый Винокуръ» ставитъ себѣ великую и полезную задачу отучить народъ отъ пьянства и очернить въ общественномъ мнѣніи не только откупщиковъ, но даже и винокуровъ.

Желая внушить мужику отвращеніе къ пьянству, онъ разсказываетъ, что куреніе вина идетъ отъ дьявола и что первый винокуръ былъ чертенокъ, посланный на землю самимъ сатаною, чтобы сотворить людямъ великую пакость. Авторъ не сообразилъ, какое вліяніе можетъ произвести его брошюра. Я съ своей стороны думаю, что она будетъ совершенно оставлена безъ вниманія, но авторъ, рѣшившійся писать и издавать разсказъ съ нравоучительною цѣлью, по всей вѣроятности расчитывалъ на то, что народъ повѣритъ его доводамъ и будетъ сочувствовать его идеямъ. Если авторъ такимъ образомъ смотрѣлъ на вещи, то онъ сдѣлалъ непростительную педагогическую ошибку. Пьянство вредно, въ этомъ спору нѣтъ, но народное суевѣріе, исключающее всякую возможность разумнаго и здороваго міросозерцанія, составляетъ не меньшее зло и притомъ такое зло, противъ котораго можетъ и должна бороться литература. Что же дѣлаетъ разсказъ Первый Винокуръ? Поражая

пьянство, онъ поддерживаетъ дикіе народные предразсудки. Онъ ратуетъ противъ пьянства тѣми самыми доводами, которыми народъ ополчался противъ табаку, противъ картофеля, противъ желѣзныхъ дорогъ, словомъ, противъ всякаго заморскаго изобрѣтенія. Православные люди, говоритъ авторъ, это дьявольское навожденіе; отплевывайтесь и открещивайтесь отъ него. И съ такою логикою, съ такими литературными пріемами люди берутся учить народъ, просвѣщать и гуманизировать его. Нашъ народъ вѣритъ во все сверхъестественное, въ чертей, въ колдуновъ, въ домовыхъ, въ лѣшихъ, въ водяныхъ, въ русалокъ, въ вѣдьмъ, оборотней и знахарокъ и вдругъ ему представляютъ правоучительный разсказъ, котораго главныя дѣйствующія лица взяты изъ преисподней и созданы самою безобразною и въ то же время безсильною фантазіею. Хороши народные воспитатели, которые укореняютъ и узаконяютъ народные предразсудки и дѣлаютъ изъ нихъ пугала для поддержанія народной нравственности и первобытной простоты нравовъ. Къ сожалѣнію, должно сознаться, что несмотря на дикое направленіе, этотъ разсказъ написанъ живымъ языкомъ и что народъ можетъ понять его и, сколько мнѣ кажется, прочесть съ удовольствіемъ. Художникъ, еслибы его воображенію представились гибельныя послѣдствія пьянства для народной нравственности, воплотилъ бы эту идею въ простомъ, безъискуственномъ образѣ, взялъ бы матеріалы изъ живой дѣйствительности и написалъ бы такую картину, которая для читателей всѣхъ сословій имѣла бы свой смыслъ и всѣмъ имъ сказала бы свое слово. Взялся за ту же идею проповѣдникъ, нагородилъ вздору, состроилъ фантастическую исторію, не принесъ ни малѣйшей пользы, а можетъ быть даже сбилъ съ толку какого нибудь простодушнаго и довѣрчиваго читателя.

Другая повѣсть г. Погоскаго: «Дѣдушка Назарычъ», не представляя никакихъ положительныхъ достоинствъ, не бросается въ глаза яркими недостатками. Г. Погоскій не дурно владѣетъ языкомъ, не употребляетъ высокопарныхъ выраженій, непонятныхъ для народа, но въ его литературныхъ пріемахъ есть нѣкоторыя странности, показывающія, что онъ не художникъ; онъ поддѣлывается подъ солдатскій говоръ и испещряетъ свои страницы разными замысловатыми метафорами, непонятными для непосвященныхъ. Огородъ онъ сравниваетъ съ фронтомъ солдатъ, кочни капусты разставлены у него по ранжиру и образуютъ шеренги, словомъ фантазія автора

черпаетъ изъ военнаго артикула богатый запасъ сравненій и образовъ.

Такого рода пріемы встрѣчаются очень часто въ такой литературѣ, которая предназначается для публики, стоящей ниже автора по умственному своему развитію. Вмѣсто того, чтобы возвысить ее до себя, авторъ самъ унижается до нея и перенимаетъ ея дурныя привычки или невольныя ея уклоненія отъ разумности и естественности. Не можетъ быть, чтобы г. Погоскій самъ находилъ свои воинственныя сравненія изящными и умѣстными. Скалозубы вообще не любятъ литературу и относятся къ ней съ пренебреженіемъ, а г. Погоскій, какъ издатель «Солдатской бесѣды», самъ доказываетъ фактически, что не таковы его наклонности и убѣжденія. А поддѣлываться подъ вкусъ публики, которую желаешь развить и гуманизировать, значитъ подчиняться нравственному вліянію своего ученика и исполнять и предупреждать его нелѣпые капризы. Мы знаемъ, что нашъ народъ считаетъ изящнымъ и однако, стараясь подвинуть впередъ его эстетическое образованіе, не станемъ распространять по дешевой цѣнѣ лубочныя картины съ безграмотными и безсмысленными подписями. Современная педагогика дошла до того убѣжденія, что надо воспитывать преимущественно и прежде всего человѣка, что даже складъ ума и наклонности воспитанника должны имѣть вліянія на составъ энциклопедическаго преподаванія, т. е. что будущій гуманистъ, будущій математикъ, юристъ, офицеръ, администраторъ, технологъ должны получить прежде всего одинаковое общее образованіе, которое бы возвысило и укрѣпило въ нихъ чувство и сознаніе собственнаго человѣческаго достоинства. Узкая спеціальность и неорганическое обособленіе отдѣльныхъ сословій ведутъ къ духу исключительности и нетерпимости, дробятъ народность и сознаніе національнаго единства. Дѣльность спеціалиста не исключаетъ въ немъ общительности и не должна развиваться въ ущербъ человѣческимъ качествамъ ума и сердца. Можно быть храбрымъ солдатомъ и не класть всю душу въ выправку и ружейные пріемы. Можно быть опытнымъ фронтовикомъ и выражаться общечеловѣческимъ и общепонятнымъ языкомъ. Кромѣ несовершенствъ внѣшняго изложенія, можно еще замѣтить въ разсказѣ г. Погоскаго одинъ существенный недостатокъ. Спрашивается: почему именно старый солдатъ выбранъ г. Погоскимъ для того, чтобы украситься всѣми лучшими качествами человѣка. Почему именно идеаломъ добродѣтельнаго старика является

старый солдатъ. Если это сдѣлано въ назиданіе читателямъ солдатамъ, то я упрекну г. Погоскаго въ дидактизмѣ, который, какъ неоднократно бывало доказано, никогда не достигаетъ даже своей узкой и ограниченной цѣли. Жизнь, полная дѣятельности, тревогъ и лишеній, жизнь походная и бивачная, отсутствіе своего крова, оторванность отъ семьи заставитъ неразвитаго человѣка съежиться въ самомъ себѣ, но никакъ не доведетъ его до той идиллической мягкости, которою отличается все поведеніе Назарыча.

Бесѣды въ досужее время до нѣкоторой степени напоминаютъ тѣ энциклопедическія свѣдѣнія, которыя сообщаютъ азбуки Золотова и Лермантова. На 72-хъ крошечныхъ страничкахъ авторъ умѣстилъ и предостереженіе противъ деревенскихъ знахарей, и панегирикъ ученымъ врачамъ, и магнитизмъ, и гальванизмъ, и электрическую машину, и паровозы, и телеграфъ. Люди, читавшіе или изучавшіе физику Ленца, конечно поймутъ, что хочетъ сказать авторъ, но пойметъ ли это народъ и вынесетъ ли онъ изъ книжки что нибудь существенное—это вопросъ, да еще очень важный. Да наконецъ, допустимъ, что народъ пойметъ, какъ устроенъ вольтовъ столбъ и какъ производится гальванопластическое золоченіе. Какая-жъ въ этомъ будетъ польза. Представьте себѣ, что я бы прочелъ путешествіе Герберштейна по Россіи, потомъ палеонтологію Кювье, потомъ изслѣдованіе о языкѣ Кави Вильгельма Гумбольдта, потомъ геральдику Лакіера, потомъ Radices linguae Slavicae Добровскаго, и т. д.—неужели тысячи страницъ и цѣлыя полки томовъ, поглощенныхъ такимъ образомъ обогатили бы хоть на одну іоту мой внутренній міръ? Мнѣ кажется, что, напротивъ, надо было бы быть чуть не геніемъ, чтобы при такомъ чтеніи не сдѣлаться круглымъ дуракомъ. А вѣдь народное образованіе, выражающееся въ грошовыхъ изданіяхъ, ведется именно такимъ образомъ. Еслибы народъ прочелъ и усвоилъ себѣ то, что спеціально для него пишутъ, то это было бы для него величайшимъ несчастіемъ; это заволокло бы тусклою тиною живую струю народнаго ума. Образованіе народа пойдетъ мимо этихъ бездарныхъ попытокъ и пойдетъ неудержимою волною, когда дремлющія силы сознаютъ собственное существованіе и двинутся по внутренней потребности. Скажите, какую живую мысль дастъ нашему мужику описаніе вольтова столба. Улучшится ли отъ этого его матеріальное благосостояніе; прибудетъ ли хлѣба на гумнѣ, перестанетъ ли онъ бить свою хозяйку, внесетъ ли онъ человѣческую логику въ свои вѣрованія и убѣжденія. Придетъ

время говорить и о вольтовомъ столбѣ, да вѣдь не теперь же, и не такимъ образомъ. Вѣдь нельзя же забрасывать человѣка незнакомыми словами, до которыхъ ему нѣтъ дѣла, вѣдь зарябитъ въ глазахъ и зашумитъ въ ушахъ отъ этой безцвѣтной пестроты. «Бесѣды въ досужее время» могли бы быть хорошею книжкою, еслибы онѣ не захватили разомъ такое множество предметовъ, еслибы онѣ о чемъ нибудь одномъ поговорили подробно, занимательно и общепонятно. Но тутъ то и является препятствіе: чтобы говорить подробно, надо прочесть что нибудь, кромѣ учебника, да и подумать о томъ, что выбрать, и какъ изложить. Сказать же вскользь о громѣ, потомъ объ электрическихъ машинахъ, потомъ о гальванизмѣ, выказать при этомъ просвѣщенное сочувствіе къ прогрессу и привести этимологію этого слова, порадоваться на свою образованость и ткнуть мужику въ глаза его невѣжество и суевѣріе—на это способенъ любой гимназистъ, перешедшій въ старшій классъ и гордый своимъ общественнымъ положеніемъ. Если что при такомъ изложеніи забудется — не бѣда, можно заглянуть въ учебникъ; а переврешь что нибудь и то не штука, благо публика ничего не знаетъ и взыскать не съумѣетъ. Если народныя книжки не являются у насъ сотнями и тысячами, то развѣ только потому, что книгопродавцы боятся типографскихъ издержекъ и не увѣрены въ сбытѣ. За авторами не стало бы дѣло; народная книжка всякому по плечу; она не требуетъ отъ составителя ни стараній, ни свѣдѣній, ни любви къ своему дѣлу, ни даже умѣнья порядочно писать по-русски. Захотѣлъ и написалъ, а что изъ этого выйдетъ, объ этомъ смѣшно и спрашивать. Конечно ничего не выйдетъ, и это самое утѣшительное, что можно сказать въ этомъ случаѣ. Было бы страшно за будущее нашего народа, если бы можно было думать, что недоучившіяся или ничему не учившіяся бездарности могли бы имѣть какое нибудь вліяніе на его образъ мыслей. Народъ, который можно было бы вылечить отъ вѣковыхъ предразсудковъ грошовою книжкою, былъ бы пустой народъ, который не стоило бы воспитывать, котораго убѣжденія никогда не пріобрѣли бы стойкости и самостоятельности. — Изъ дряблаго и мягкаго дерева трудно выточить хорошую вещь, а твердое дерево уступаетъ съ трудомъ и какъ будто борется съ обработывающимъ его инструментомъ; часто бываетъ и то, что плохой инструментъ ломается объ хорошій матеріалъ.

Книжка «Дядя Титъ Антонычъ» учитъ какъ надо любить ближ-

няго» стоитъ ниже всякой критики. Это скучная, безцвѣтная проповѣдь, облеченная неизвѣстно зачѣмъ въ діалогическую форму, обставленная неправоподобными личностями несуществующими ни въ русскомъ, ни въ какомъ либо другомъ быту. Дѣло вотъ въ чемъ: у хозяина-мужика живетъ батракъ, тоже мужикъ, который въ деревнѣ играетъ роль проповѣдника, и которому самъ хозяинъ и сосѣдніе поселяне кланяются въ-поясъ. Этотъ деревенскій патріархъ, поступившій въ батраки для процесса самоуничиженія, объясняетъ текстъ изъ Евангелія, собравшимся сосѣдямъ; всѣ слушаютъ съ благоговѣніемъ и выносятъ изъ его рѣчи то незамысловатое заключеніе, что Турки, Нѣмцы и Французы такіе же люди, какъ и Русскіе, и потому имѣютъ право на нашу любовь и на наше участіе.—Мнѣ кажется, все разсужденіе въ высокой степени безполезно и сверхъ того изложено языкомъ растянутымъ, витіеватымъ и въ то же время водянистымъ. Ни одно слово не бьетъ въ сердце; ни разу ораторъ не возвышается до паѳоса и не покидаетъ старчески-византійскаго тона рѣчи; ни въ одной строкѣ не слышно живаго чувства; вездѣ условная, клерикальная риторика, вездѣ холодная, безстрастная наставительность. Знаній эта брошюра не дастъ, на чувство подѣйствовать не можетъ, стало-быть больше нечего объ ней и говорить.

На эту брошюру похожа по своей внѣшности біографія княгини Ольги; кажется, она составлена тѣмъ же авторомъ; на обѣихъ книжкахъ написано «соч. Н. С.» и обѣ онѣ представляютъ значительное сходство въ литературномъ отношеніи. Пріемы построенія совершенно тѣ же. Точно также какая то личность, называющая себя, т. е. говорящая отъ своего имени, подходитъ къ группѣ деревенскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, собравшихся вокругъ учителя. Роль дяди Тита Антоныча въ этой брошюрѣ играетъ приходскій священникъ отецъ Павелъ. Отъ перемѣны имени не перемѣняется манера изложенія; она представляетъ ту же утомительную безцвѣтность, которою въ высокой степени отличалось повѣствованіе дяди Тита; въ этой брошюрѣ эта утомительность еще замѣтнѣе, потому что отъ историческаго разсказа мы требуемъ того, чего нельзя ожидать отъ поучительнаго слова. Но ужъ таково свойство бездарности, что она вноситъ холодъ и скуку во все, за что ни берется. Разсказъ о жизни Ольги шибко сбивается на проповѣдь; онъ составленъ по житію Св. Ольги и осязательно показываетъ, какъ мало авторъ умѣлъ воспользоваться своими источниками. Исторія, сколько мнѣ кажется, даже въ настоящее время нужна для народнаго образованія:

фонъ исторической картины, колоритъ мѣста и времени, подробности, рисующія громадную, хотя отвлеченную личность народа, должны обратить на себя все вниманіе историка, способнаго писать для народа, т. е. излагать свои идеи просто и популярно. Пусть на этомъ фонѣ выдѣляются и выступаютъ передъ воображеніе читателя личности отдѣльныхъ историческихъ дѣятелей и работниковъ, Народу необходимы историческія идеи; изъ этихъ идей формируются убѣжденія, составляется міросозерцаніе. Но чѣмъ нужнѣе какой нибудь предметъ, тѣмъ строже надо быть въ его выборѣ, тѣмъ неумолимѣе надо клеймить неудачныя и безсмысленныя попытки. Въ біографіи княгини Ольги—бѣдность содержанія, безцвѣтность изложенія и отсутствіе всякой исторической идеи поражаютъ на каждой строкѣ. Авторъ разсказываетъ, что Древляне убили Игоря, что жена Игоря Ольга отмстила за него, что потомъ въ 955 году она приняла христіанство, потомъ видѣла видѣніе, а наконецъ умерла. Вотъ вамъ и историческая идея, и мѣстный колоритъ, и физіономія фактовъ. Точно также можно было бы разсказать какую нибудь деревенскую сплетню, не измѣняя обстановки, потому именно, что обстановки нѣтъ и тѣни. О Древлянахъ не сказано даже, что они жили въ лѣсистой странѣ и отличались отъ Полянъ дикостью и суровостью; имени Полянъ не встрѣчается во всемъ разсказѣ. Сказано, что князь Рюрикъ былъ первый русскій государь и это послѣднее выраженіе оставлено безъ всякаго поясненія. Грамотный мужикъ, имѣющій понятіе о теперешнихъ границахъ Россіи и о значеніи слова государь, можетъ себѣ представить, что Рюрикъ былъ то же, что теперь императоръ, что онъ владѣлъ такою же территоріею, имѣлъ такой же дворъ и штатъ министровъ, что онъ велъ такой же образъ жизни и, пожалуй даже, что его резиденціею былъ Петербургъ и зимній дворецъ. Вѣдь популярное изложеніе состоитъ именно въ томъ, чтобы каждое слово было объяснено и вызывало въ умѣ читателя именно то представленіе, которое вы хотите вызвать. Вы должны предвидѣть самое полное незнаніе, предполагать возможность самой грубой ошибки и приступать къ дѣлу, почувствовавъ въ себѣ достаточно силъ, чтобы разбить это невѣжество и устранить упорное заблужденіе. Это очень трудно, но кто же и говоритъ, чтобы добросовѣстное исполненіе задачи популяризатора было легко; сдѣлать дѣло, какъ слѣдуетъ, всегда трудно, а такими популяризаторами, какіе у насъ теперь развились, хоть прудъ пруди, да что же въ нихъ толку. Говорится, напр., что «Ольга сочла нужнымъ принять на себя

управленіе русскимъ государствомъ». А что такое было тогдашнее русское государство и въ чемъ состояло его управленіе, какъ совершался въ то время механизмъ государственной дѣятельности, это не пояснено ни однимъ словомъ. Далѣе говорится, что Ольга была «язычницею, и покланялась идоламъ и не знала, что первый долгъ человѣка состоитъ въ томъ, чтобы прощать обиды. Этими словами объясняется то, что она погубила Древлянъ, присланныхъ просить ея руки для своего князя Мала. Въ этихъ словахъ есть двѣ ошибки: во 1-хъ объ язычествѣ Ольги не сказано ни слова, а выраженіе *«покланялась идоламъ»* ничего не поясняетъ, потому, что само по себѣ требуетъ поясненія. Во-вторыхъ, эти слова даютъ невѣрное и неправдоподобное объясненіе поступка Ольги съ Древлянами. Древляне были избиты, потому что идея родовой мести, идея «кровь за кровь» господствовала во всемъ славянскомъ мірѣ въ то время, когда еще слабо развиты были юридическія понятія. Христіанство не могло сразу искоренить эти понятія, и подкапывало ихъ настолько, насколько оно постепенно содѣйствовало смягченію нравовъ. Заглушить голосъ человѣческихъ страстей и подчинить ихъ нравственному закону оно не могло, и стоитъ взглянуть на исторію Византіи, гдѣ императоры рѣзали другъ другу носы и выкалывали глаза, сталкивая другъ друга съ престола, чтобы убѣдиться въ томъ, что христіанство было безсильно, когда ему приходилось бороться съ корыстнымъ расчетомъ или съ дикою страстью. Ольга потому убила Древлянъ, что не была христіанкою, а почему же христіанинъ Владиміръ святой собирался идти войною на непокорнаго сына своего Ярослава? Почему христіанинъ Святополкъ перебилъ своихъ братьевъ Бориса, Глѣба, Святослава? Почему христіанинъ Святополкъ-Михаилъ выкололъ глаза Васильку Ростиславичу? Почему, наконецъ, въ XV столѣтіи, христіане Дмитрій Шемяка и Василій Темный позволили себѣ во время междоусобій такія кровавыя и безполезныя злодѣянія?—Говоря о жестокостяхъ Ольги, авторъ старается показать высокое значеніе христіанства; но, выводя эти жестокости изъ язычества, онъ навязываетъ христіанству отвѣтственность за тѣ злодѣянія, которыя были совершены послѣ крещенія Руси. Это опять плачевное слѣдствіе дидактизма, который также неумѣстенъ въ исторіи, какъ въ художественномъ произведеніи. Читая исторію, надо учиться тому, чему учитъ сама жизнь, сами факты; если же авторъ желаетъ вставлять правоученія, до которыхъ онъ дошелъ собственнымъ умомъ, тогда

лучше писать проповѣди въ родѣ Тита Антоныча, нежели статьи съ претензіею на историческое знаніе. Первыя не оставляютъ никакаго сомнѣнія насчетъ своего характера, а послѣднія обманываютъ и заинтересовываютъ своимъ заглавіемъ. Разсказывая о прибытіи Ольги въ Константинополь, авторъ дѣлаетъ грубую историческую ошибку. «Греческій императоръ Константинъ Багрянородный, говоритъ онъ, въ золотой колесницѣ, сопровождаемый патріархомъ и всѣми высшими чиновниками, выѣхалъ навстрѣчу русской княгинѣ». Нелѣпѣе этого извѣстія трудно что нибудь придумать. Кажется, въ лѣтописяхъ Византіи не было примѣра, чтобы императоръ выѣхалъ навстрѣчу какому нибудь иностранному государю, и вдругъ онъ выѣзжаетъ навстрѣчу Ольгѣ, на которую онъ не могъ даже смотрѣть, какъ на государыню, и въ которой онъ долженъ былъ видѣть просто полудикую искательницу приключеній. Но не нужно въ этомъ случаѣ дѣлать предположеній насчетъ возможности подобнаго факта. Наши лѣтописи и сочиненія Константина Порфиророднаго опровергаютъ эту нелѣпую выдумку; изъ разсказа нашихъ лѣтописей видно, что Ольга была недовольна пріемомъ, который сдѣлалъ ей императоръ, и по возвращеніи въ Кіевъ жаловалась на то, что ее заставили долго стоять въ гавани Константинополя. У Константина Порфиророднаго въ церемоніяхъ Византійскаго двора подробно описанъ пріемъ Ольги русской (῾Ελγηςτῆς ῾Ρωσσενῆς); пріемъ этотъ происходилъ въ золотомъ триклиніи (столовой), сопровождался обѣдомъ, и, конечно, въ описаніи этого пріема ни о золотой колесницѣ, ни о встрѣчѣ не упоминается ни однимъ словомъ. Я подозрѣваю въ этой выдумкѣ г. Н. С. нравоучительную цѣль. Онъ, вѣроятно, имѣлъ поползновеніе показать величіе русскаго государства даже въ тѣ времена, которыя для самого повѣствователя покрыты густымъ мракомъ неизвѣстности. Но добродѣтель всегда торжествуетъ, и добродѣтельный и благонамѣренный патріотизмъ г. Н. С. разбился о скалу историческихъ свидѣтельствъ и фактовъ. Выдумка г. Н. С. можетъ служить яркимъ подтвержденіемъ моей мысли о томъ, что книжки для народа составляются по плохимъ учебникамъ, и что, гдѣ понадобится, факты учебниковъ пополняются и подкрашиваются сообразно съ наклонностями и глубокомысленными соображеніями недоучившихся составителей. Научная и литературная добросовѣстность неизвѣстны въ низшихъ слояхъ нашей письменности, въ толкучемъ рынкѣ нашей журналистики и книжной торговли. Нашарлатанить, наврать, привести цитату

изъ нечитаннаго сочиненія, или утаить источникъ, изъ котораго заимствована какая нибудь идея—подобные подвиги позволяютъ себѣ и не одни составители грошовыхъ книжекъ. Но кто посмышленнѣе, да пообразованнѣе, тотъ мошенничаетъ умно, такъ, что трудно будетъ поймать и уличить; кто же берется за перо, едва умѣя писать, безъ дарованій и безъ свѣдѣній, тотъ попадется на первой же выдумкѣ и обнаружитъ въ полномъ блескѣ все свое невѣжество и все свое неуваженіе къ истинѣ, къ своимъ читателямъ, и къ предмету своего разсказа. Пусть г. Н. С. приметъ въ расчетъ это обстоятельство, и постарается быть осторожнѣе или хитрѣе въ послѣдующихъ своихъ изданіяхъ для народа. Пусть онъ чаще справляется съ учебниками и рѣже увлекается преслѣдованіемъ побочныхъ цѣлей въ историческомъ изложеніи.

Біографія механика самоучки Кулибина, составленная г. Троицкимъ и продающаяся какъ отдѣльный оттискъ изъ журнала «Народное чтеніе», интересна по сообщаемымъ фактамъ, но изложена такъ дурно, какъ только можетъ быть дурно изложена статья, написанная для народа. Г. Троицкій какъ будто нарочно старается нарушить своимъ изложеніемъ всѣ условія, которыхъ соблюденіе необходимо для того, чтобы народъ могъ понять то, что для него пишутъ. Отвлеченныя разсужденія, составляющія собою начало статьи, написаны такимъ тяжелымъ языкомъ, такими длинными и запутанными періодами, что ими затруднится даже тотъ, кто привыкъ къ чтенію и къ книжнымъ выраженіямъ. Напр. «Будучи убѣждены, что благое Провидѣніе, одѣляя человѣчество своими безчисленными дарами, соблюдаетъ строгую справедливость, мы не можемъ однако оспаривать, что многія историческія событія, а также и различныя условія окружающей мѣстности имѣютъ весьма сильное вліяніе на каждый народъ, и вырабатываютъ ему, если не всегда, то на извѣстный промежутокъ времени, особенный характеръ, отличающій его отъ другихъ народовъ.» Такъ много наговорить и такъ мало сказать—на это надо особенное искуство. Вѣдь ни одинъ порядочный журналъ не принялъ бы на свои страницы статью, написанную такимъ языкомъ, а написать такимъ образомъ для народа считается дѣломъ позволительнымъ, между тѣмъ какъ для народа хорошій языкъ составляетъ не прихоть, а насущную потребность, при неудовлетвореніи которой онъ не будетъ въ состояніи понимать то, что ему стараются передать. Еслибы г. Троицкій принесъ свою

статью въ редакцію одного изъ нашихъ большихъ журналовъ, то его вѣроятно попросили бы передѣлать введеніе и повсемѣстно исправить языкъ. Печатая ее въ Народномъ чтеніи, редакція должна была сдѣлать гораздо большія измѣненія. Отвлеченныя разсужденія надо было совершенно уничтожить; связь между отдѣльными фактами жизни Кулибина надо было провести яснѣе; личный характеръ механика самоучки, очерченный въ бѣгломъ очеркѣ подъ конецъ статьи, долженъ былъ осмысливать и окрашивать собою всѣ сообщаемые эпизоды. Языкъ надо было передѣлать *de fond en comble*; больше жизни, больше движенія мысли и художественности и меньше отвлеченныхъ разсужденій, больше критики и меньше панегиризма—и тогда біографія Кулибина могла бы быть прекраснымъ подаркомъ для грамотной части нашего народа. Въ настоящемъ своемъ видѣ, книга г. Троицкаго для народа недоступна и ее прочтутъ только тѣ грамотные простолюдины, которые читаютъ для процесса чтенія. Небрежность, съ которою пишутъ для народа даже люди толкующіе о сочувствіи ко всему русскому и о народномъ благѣ, превышаетъ всякое вѣроятіе. Я разсмотрѣлъ десять книжекъ для народа, изданныхъ въ прошломъ и въ нынѣшнемъ году и какіе же результаты дало намъ это обозрѣніе?—Оно убѣдило меня и моихъ читателей въ отсутствіи хорошихъ книгъ для народа, и хотя это убѣжденіе, какъ всякая истина, имѣетъ свою хорошую сторону, оно тѣмъ не менѣе крайне неутѣшительно. Мы сознаемъ свое безсиліе—это хорошо, но существованіе самаго безсилія—явленіе очень печальное. Начиная свою статью, я надѣялся указать на разбираемыя книги, какъ на неудачныя попытки, которыя могутъ по крайней мѣрѣ имѣть свое значеніе, какъ первая степень въ исторіи развитія литературы для народа. Но чѣмъ внимательнѣе я вглядываюсь въ преобладающій характеръ этихъ книгъ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь въ томъ, что видѣть въ нихъ неудачныя попытки, предполагать въ нихъ зародыши будущаго развитія значитъ впадать въ доктринерство и оказывать слишкомъ много чести этимъ топорнымъ произведеніямъ промышленнаго пера. Гг. составители этихъ книжекъ дѣлали, кажется, только одну попытку—выручить за свою работу деньги; насколько эта попытка удалась имъ—не наше дѣло; что изъ подобныхъ книжекъ ничего не разовьется ни въ близкомъ, ни въ отдаленномъ будущемъ, и что первому человѣку, который выступитъ впередъ съ добросовѣстнымъ и просвѣщеннымъ желаніемъ служить народному обра-

зованію, будетъ такъ же трудно начать, какъ будто бы онъ первый пошелъ по этому пути, въ этомъ, кажется, усомниться трудно. Дѣло нашей народности не стоитъ на одномъ мѣстѣ, но его двигаютъ не грошовыя изданія. Его несутъ на плечахъ наши публицисты, наши ученые и художники. Знакомя наше общество съ государственными идеями и учрежденіями Европы, изучая прошедшее нашего народа въ его словесности, въ его государственной, юридической и семейной жизни, выясняя мало по малу, черту за чертою, характеристическія особенности народнаго типа, публицисты, ученые и художники постепенно вырабатываютъ и проводятъ въ общественное сознаніе тотъ идеалъ, къ которому стремится наше современное общество.

Д. ПИСАРЕВЪ.

14 Марта 1861.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

АЛЕКСАНДРЪ ПЕТЕФИ, ВЕНГЕРСКІЙ ПОЭТЪ.

1) Dichtungen von Petöfi aus dem Ungrischen, von *Karl Maria Kertbeny. Berlin*, 1860. — 2) Petöfi's Gedichte aus dem Ungrischen von *Szarvady* und *Moritz Hartmann*: Leipzig, 1858. — 3) Alexandre Petoefi, par *Charles Louis Chassin*. Paris. 1860. — 4) Также двѣ статьи *Тайландье*, помѣщенныя въ Revue des deux Mondes, 15 Avril и 1 Septembre, 1860: La poésie hongroise au XIX siècle.

I.

Мадярская раса долго составляла любопытную задачу для ученыхъ этнографовъ, занимавшихся опредѣленіемъ его народныхъ свойствъ и племеннаго происхожденія. Неопредѣленность племеннаго вопроса Мадяръ еще болѣе относилась къ вопросу объ ихъ языкѣ. Кто бы подумалъ, что народъ, извѣстный Европѣ болѣе тысячи лѣтъ, живущій на ея материкѣ и на одномъ изъ болѣе видныхъ мѣстъ, десять вѣковъ живущій жизнью самобытною, что народъ этотъ до половины прошлаго столѣтія не подалъ никакого голоса о своемъ языкѣ. Только въ половинѣ XVIII столѣтія языкъ Мадяръ обратилъ вниманіе ученыхъ по случаю филологическаго открытія, сдѣланнаго мадярскимъ астрономомъ Шайновичемъ, посланнымъ вмѣстѣ съ Гелемъ въ Лапландію, для измѣренія градуса меридіана. Здѣсь Шайновичъ съ изумленіемъ замѣтилъ сходство лапландскаго языка съ венгерскимъ и тогда же написалъ особое сочиненіе, вышедшее въ

1770 г. въ Копенгагенѣ, подъ заглавіемъ: *Demonstratio idioma Ungarorum et Lapponorum idem esse.* Вслѣдъ затѣмъ явились и другіе труды, гдѣ доказывалось сходство двухъ языковъ, но это производство Мадяръ отъ Лопи оказалось, при болѣе спеціальной разработкѣ предмета, слишкомъ насильственнымъ, хотя и нельзя отрицать вполнѣ финскаго элемента въ Мадярахъ.

Филологи доказали, что въ нынѣшнемъ венгерскомъ языкѣ считается столько же славянскихъ словъ, переиначенныхъ и измѣненныхъ, сколько и мадярскихъ. Кромѣ того находится въ немъ до восьми сотъ латинскихъ и до пяти сотъ турецкихъ. И на этомъ-то языкѣ, дикомъ и необработанномъ, какъ кажется онъ съ перваго взгляда, развилась въ послѣднія два столѣтія своя литература, достигшая въ настоящее время высшаго развитія, и представляющая поэтическія произведенія, которыя стали обращать на себя вниманіе образованной Европы.

Несмотря на древность мадярскаго народа въ Европѣ, языкъ его долгое время находился въ младенчествѣ, народная литература не могла назвать ни одного произведенія, кромѣ памятниковъ средневѣковой латыни. Причиною этой необработанности народнаго языка было то, что онъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій не былъ въ употребленіи ни въ судопроизводствѣ, ни въ общественномъ образованіи, ни даже въ богослуженіи. Вездѣ его замѣняла латинская рѣчь. За всѣмъ тѣмъ народный языкъ держался при дворахъ мадярскихъ королей, господствовалъ на комитатскихъ и государственныхъ сеймахъ, а во время протестантской реформы постоянно слышался въ богословскихъ диспутахъ — изустно и письменно. Это обстоятельство дало сильный толчокъ его развитію, а насильственное введеніе нѣмецкаго языка при Маріи-Терезіи и Іосифѣ II еще болѣе способствовало къ обработкѣ роднаго языка. Явился рядъ грамматиковъ и лексикографовъ, явилась и народная литература, съ каждымъ днемъ принимавшая большее и большее развитіе.

Замѣчательная и въ высшей степени интересная судьба мадярскаго языка заставляетъ насъ коснуться здѣсь нѣкоторыхъ подробностей: Надо отдать справедливость стойкости народнаго характера Мадяръ, которые никогда не поддавались иноземному вліянію, стремившемуся сгладить его письменную особенность. Уже въ самомъ началѣ обращенія Венгровъ въ христіанство, за девять съ половиной столѣтій до нашего времени, народный языкъ подвергся духовному

остракизму и былъ изгнанъ изъ богослуженія непремѣннымъ закономъ католичества. Но несмотря на это изгнаніе, Венгрія до 1525 года, т. е. до времени свободнаго призванія на престолъ венгерскій Габсбурговъ, постоянно держалась родной рѣчи, которая была органомъ общественныхъ дѣлъ, какъ на комитатскихъ сеймахъ, такъ и на общемъ, — вооруженномъ сеймѣ Ракоса. Со времени же избранія австрійской династіи мадярскій языкъ исчезаетъ съ сейма, и смыслъ самаго сейма измѣняетъ свое значеніе. Уменьшенный въ своемъ размѣрѣ, онъ не представлялся болѣе совокупнымъ собраніемъ дворянъ всей земли мадярской, а избраннымъ числомъ ихъ, назначеннымъ отъ правительства; и не подъ открытымъ небомъ, среди свѣтлаго дня, въ виду народа собирался онъ, а въ тѣсныхъ стѣнахъ палатъ, гдѣ обсуживались дѣла народа. Тогда введенъ былъ въ область администраціи и политики языкъ латинскій, и это обстоятельство положило рѣзкую грань между магнатами и остальной массой, между грамотнымъ классомъ населенія и людьми безграмотными, что, естественно, облегчило и Риму и Австріи ихъ позднѣйшіе замыслы противъ Венгріи. Мало по малу австрійскіе императоры пытались произвести реакцію противъ латинизма въ пользу германизаціи, и въ теченіе полутора вѣка, благодаря противуборству людей, подобныхъ Бетленъ Габору и Тёкёли, Австрія оказывалась безсильною въ своихъ попыткахъ исторгнуть у Венгріи ея конституцію, религіозную свободу, ея народную рѣчь. По окончаніи же венгерскихъ смутъ снова были пущены въ ходъ средства онѣмеченія этой страны и народа, и мы имѣли случай подробно видѣть (*), какой путь избранъ былъ Маріею-Терезіей и Іосифомъ II въ отношеніи германизаціи Венгріи. Крутой поворотъ, предпринятый императоромъ — *философомъ*, пробудилъ народное чувство Мадяръ, и если на сеймѣ 1790—1791 гг. самоуправленіе Венгріи было объявлено на латинскомъ языкѣ, то вмѣстѣ съ тѣмъ было принято за правило, чтобы органомъ общественныхъ дѣлъ не былъ языкъ иностранный, т. е. нѣмецкій, и даже языкъ латинскій допускался только на время, пока подготовлены будутъ чиновники и общественные дѣятели, знающіе языкъ мадярскій. Съ того времени изученіе народнаго языка было введено во всѣ училища Венгріи, и сдѣлалось обязательнымъ для всѣхъ классовъ

(*) Русское Слово, 1861, кн. 2 въ статьѣ: *Венгрія въ современномъ ея отношеніи къ Австріи.*

общества. Затѣмъ сеймы 1792, 1805 и 1807 годовъ, подтвердивъ рѣшеніе предъидущаго, установили, что въ извѣстное время народная мадярская рѣчь должна будетъ замѣнить мертвый языкъ духовенства и аристократіи, и что знаніе ея будетъ непремѣннымъ условіемъ тѣхъ, которые пожелаютъ имѣть общественныя должности. Этотъ энергическій поворотъ къ народности принесъ вскорѣ свои плоды: въ собраніи королевскихъ штатовъ въ Пресбургѣ въ 1825 году, представитель народной партіи, Степанъ Сечени заговорилъ по-мадярски, и въ то же время основана была и мадярская академія. Въ 1830 г. мадярскій языкъ былъ введенъ и въ судопроизводство, а въ 1832—1836 текстъ венгерскихъ законовъ былъ переведенъ на живой языкъ народа. Черезъ восемь лѣтъ былъ нанесенъ окончательный ударъ иноземному языку и съ тѣхъ поръ мадярская рѣчь вступила въ свои права, какъ административныя, такъ и литературныя.

Послѣдствія этой побѣды были громадныя. Лишь только перевѣсъ остался за родной рѣчью, Австрія, имѣя дотолѣ своимъ врагомъ мадярское дворянство, явилось лицомъ къ лицу и съ народомъ. Отдѣльно отъ народа, мадярская аристократія не была довольно сильна противиться онѣмеченію и вмѣстѣ съ своими правами отстаивать независимость Венгріи противъ насилій и хитростей метерниховой политической системы. Соединенная вновь съ народомъ, она съ 1825 года болѣе и болѣе стала принимать грозное положеніе въ виду своего кровнаго врага и день ото дня заявлять свои законныя права.

Собственно первое начало народно-мадярской литературы можно отнести къ XVI вѣка, когда появились нѣсколько риомованныхъ лѣтописей, неимѣвшихъ впрочемъ особенныхъ достоинствъ.

Но это только были попытки народа младенчествующаго, языкъ не имѣлъ ни опредѣленныхъ формъ, ни граматическихъ правилъ. Но событія, совершившіяся въ Венгріи, и предшествовавшія этому вѣку, были сами по себѣ столь поэтичны, что они не могли не затронуть народныя струны, и не образовать народныхъ пѣвцовъ. Войны среднихъ вѣковъ, борьба Венгровъ съ Татарами, битвы Яна Гуніади съ Турками, составлявшія народную эпопею, наконецъ несчастное сраженіе при Могачѣ, — всѣ эти событія не могли не вдохновить патріотическими воспоминаніями будущія поколѣнія Мадяръ. Дѣйствительно, поэма *Толди*, приписанная Петру Иллошван, была любимымъ чтеніемъ Мадяръ XVI вѣка.

Слѣдующая эпоха была болѣе плодовита поэтическими произведе-

ніями на языкѣ народномъ. Зриньи и Лишчи заняли первыя мѣста въ ряду немногихъ поэтическихъ дарованій мадярскаго народа. Первый изъ нихъ въ пылкомъ и восторженномъ стихѣ воспѣлъ смерть своихъ храбрыхъ предковъ, а второй описалъ несчастное сраженіе при Могачѣ, столь гибельное своими послѣдствіями и для мадярской національности. Еще большее число писателей, по всѣмъ отраслямъ литературы на народномъ языкѣ Мадяра, начало появляться съ половины XVIII вѣка, когда, какъ мы выше сказали, нѣмецкая политика Маріи–Терезіи и Іосифа II вызвала противодѣйствіе со стороны патріотовъ, и съ большимъ рвеніемъ заставила ихъ обработывать свой собственный языкъ. Къ этому времени слѣдуетъ отнести Ревая, Дугонича, Казинчи, Вершеди, Дайка. Послѣдніе три отличались въ особенности своими стихотворными произведеніями, такъ что съ того времени образовалась новая школа поэзіи, подъ вліяніемъ ихъ талантовъ. Казинчи первый хорошо понялъ положеніе мадярской литературы, и особенно старался усовершенствовать свой родной языкъ. Изучивъ въ подлинникахъ произведенія Шекспира, Лессинга, Стерна и Гёте, онъ сдѣлался достойнымъ ихъ истолкователемъ и передалъ своей юной литературѣ великіе образцы этихъ писателей. Казинчи писалъ во многихъ родахъ: пѣсни его отличаются нѣжностью и простотою; эпиграммы его полны остроты и соли, и легкія посланія дышутъ неподдѣльнымъ чувствомъ дружбы. Онъ также много писалъ политическихъ статей, за которыя былъ постоянно преслѣдуемъ австрійскимъ правительствомъ, засадившимъ его на семь лѣтъ въ вѣнскія темницы. Вслѣдъ за Казинчи явился рядъ даровитыхъ прозаиковъ и поэтовъ, перешедшихъ и въ наше столѣтіе, первую четверть котораго они освѣтили яркимъ свѣтомъ своихъ дарованій. Нельзя не упомянуть изъ нихъ Берженя—(Berzsenyi) и Буси—(Buczy); одинъ былъ другъ, другой—подражатель Казинчи; произведенія ихъ еще и теперь читаются съ наслажденіемъ. Особенно послѣдній, Буси, родомъ Трансильванецъ, получившій классическое образованіе, воспиталъ свой умъ и чувство изящнаго въ древней школѣ; другой Трансильванецъ, Добрентэй своими произведеніями значительно обогатилъ мадярскую литературу. Путешествуя по Европѣ, онъ познакомился съ извѣстнѣйшими поэтами своего времени, имѣвшими сильное вліяніе на развитіе его таланта. Онъ первый основалъ трансильванскій музей, перевелъ Макбета, и признанъ лучшимъ мадярскимъ критикомъ. Въ числѣ этихъ дѣятелей на поприщѣ мадярской словесности, нельзя не упомянуть Витковича,

родомъ Серба и Сентмиклоши,—(Szentmiklossi). Первый изъ нихъ съ юнаго возраста посвятилъ себя изученію мадярскаго языка, и хотя онъ извѣстенъ также и въ сербской литературѣ, но издалъ по—мадярски переводы нѣкоторыхъ народныхъ пѣсенъ и преданій сербскихъ, которыя по отдѣлкѣ языка считаются образцовыми въ венгерской литературѣ. Сочиненія Витковича въ прозѣ и стихахъ явились въ Пестѣ въ 1817 г. подъ заглавіемъ *Mesyi es Versei*. Сентмиклоши извѣстенъ и какъ романтикъ и какъ поэтъ, преимущественно лирическій; но въ немъ сильно отразилось вліяніе французской литературы, которой изученію онъ преимущественно посвятилъ себя.

Поэтъ, бывшій Тиртеемъ мадярскаго возстанія, Александръ Петёфи, принадлежитъ къ той школѣ національныхъ писателей, которая и теперь еще признается господствующею въ Венгріи. Новое направленіе началось съ конца прошлаго столѣтія, когда появились братья Кишфалуди и Михаилъ Вёрёшмарти. Мы не считаемъ лишнимъ остановить на минуту вниманіе читателей на этихъ трехъ дѣятеляхъ новомадярской литературы. Старшій изъ братьевъ Кишфалуди Александръ, родившійся въ Шюмегѣ—(Sümeg) въ 1772, былъ въ военной службѣ и участвовалъ въ итальянскомъ походѣ. Попавъ въ плѣнъ къ Французамъ въ Миланѣ въ 1786 г., онъ былъ отправленъ во Францію, гдѣ ему назначили мѣстомъ жительства Авиньонъ, богатый воспоминаніями о Петраркѣ. Здѣсь, подъ небомъ Воклюза родились въ немъ первыя поэтическія впечатлѣнія и молодой Венгерецъ не замедлилъ перелить ихъ въ форму роднаго языка, который, на чужбинѣ, казался ему еще нѣжнѣе. Языкъ этотъ, которымъ гордый магнатъ, быть можетъ, пренебрегалъ въ блестящихъ салонахъ вѣнскаго общества, открылъ ему всю свою волшебную прелесть на землѣ изгнанія, вдали отъ родины (*).

(*) Для иностранцевъ мадярскій языкъ кажется однимъ изъ самыхъ неблагородныхъ языковъ. Смѣсь, о которой мы упомянули выше, и еще болѣе звуки и ударенія, придаютъ ему совершенно оригинальный характеръ. Вмѣстѣ съ христіанствомъ Мадяры приняли буквы латинскаго письма, но съ измѣненіемъ значенія нѣкоторыхъ изъ нихъ, а равно также и условнымъ соединеніемъ иныхъ буквъ начали выражать звуки неизвѣстные латинскому языку. Буква *s* напр. выговаривается у Мадяръ какъ русское *ш*; *cs*, *ts* какъ *ч*; *zs* какъ *ж*; *dcs* какъ *дж*; *sz* какъ *с*. Кромѣ того скорое или протяжное произношеніе гласныхъ буквъ измѣняетъ совершенно значеніе слова и даетъ ему другое понятіе; такъ напр. слово *kar* — рука, произносится какъ *кр*; *kár*—нѣсколько протяжно значитъ *убытокъ*. Слова *kerek*, *kerék*, и *kérek*, смотря по произношенію имѣютъ совершенно иное значеніе. Первое означаетъ—*кругло*, другое—*колесо*, третье—*я прошу*.

Въ 1797 г. Кишфалуди возвратился въ Венгрію и, бросивъ службу, посвятилъ себя исключительно литературѣ. Первая поэма его, подъ заглавіемъ «*Пѣсни любви Гимфея*» появилась въ 1801 году. Поселившись въ своемъ помѣстьи на берегу Блатна, поэтъ оставилъ свое мирное убѣжище только въ 1809 г., чтобы снова принять участіе въ войнѣ, по окончаніи которой онъ опять возвратился подъ уединенный кровъ своего замка, гдѣ, среди умственныхъ занятій, провелъ остальные дни жизни и умеръ въ 1844 году, оплаканный всей Венгріей. Александръ Кишфалуди, подъ заглавіемъ *Regek*, издалъ свои записки, въ которыхъ рѣзко вѣетъ мадярская народность. Въ этихъ запискахъ нельзя не замѣтить плодъ долговременнаго изученія отечественной исторіи, ея древностей и преданій. Въ нихъ вѣрно и съ точностью изображены частные и общественные нравы и портреты замѣчательныхъ личностей Венгріи. Александръ Кишфалуди писалъ также и драмы.

Рядомъ съ нимъ развивалось и дарованіе его младшаго брата, Карла, который, участвуя въ походахъ противъ Наполеона, пытался обогатить національный театръ драмами, какъ братъ его Александръ обогатилъ народный эпосъ и лиризмъ. Карлъ Кишфалуди родился въ 1790 году, слѣд. былъ восемнадцатью годами моложе своего брата. Послѣ войнъ 1805 и 1809 годовъ, возвратившись на родину, онъ написалъ нѣсколько трагедій и комедій, изъ ко торыхъ замѣчательны были: *A'Tatárok*, *Zács* (Зачъ), *Brutus*. Необыкновенный успѣхъ первой изъ нихъ одушевилъ автора, который изъ всѣхъ силъ началъ работать для мадярской сцены, нуждавшейся въ хорошемъ репертуарѣ. Сочиняя, можно сказать, импровизируя чрезвычайно легко, онъ, говорятъ, въ десять дней написалъ драму въ четырехъ дѣйствіяхъ, *Stibor*, ямбическими стихами. Въ 1820 г. напечатано было въ Пестѣ собраніе драматическихъ его произведеній, всего восемь піесъ, изъ которыхъ иныя были написаны въ нѣсколько дней. Отъ этой поспѣшности страдала иногда внѣшняя отдѣлка; но все-таки въ произведеніяхъ его было замѣтно первоклассное дарованіе. Въ 20-хъ годахъ онъ основалъ литературный журналъ *Aurora*, въ которомъ помѣщалъ, подъ псевдонимомъ *Веніамина Салеи*, пѣсни, элегіи, сказки, повѣсти и сатиры. Карлъ умеръ въ 1830 году въ Пестѣ, едва достигнувъ сорокалѣтняго возраста, и въ продолженіе послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ жизни онъ написалъ до сорока сценическихъ произведеній, которыя и въ настоящее время составляютъ основу

народнаго мадярскаго театра въ Пестѣ. Значеніе братьевъ Кишфалуди для мадярской литературы было такъ важно, что еще при жизни старшаго, въ 1836 году, въ честь ихъ было образовано *общество Кишфалуди*, родъ академіи, состоящей изъ двадцати членовъ, выдающее ежегодныя преміи лучшимъ поэтическимъ произведеніямъ, появляющимся на мадярскомъ языкѣ, и которое неоднократно вызывало истинные таланты, затертые несчастными обстоятельствами жизни.

Національная поэзія Мадяръ окончательно установилась, и приняла, если можно такъ выразиться, право гражданства въ средѣ новоевропейскихъ литературъ, вмѣстѣ съ появленіемъ Михаила Вёрёшмарти. Разнообразіе его картинъ, смѣлая, широкая кисть, доставили ему полное превосходство предъ его соперниками, особенно Цуцоромъ (Czuczor,)—который издалъ эпическую поэму *Аради Дюлесъ*—*Aradi Gyules*, содержаніе которой взято имъ изъ мадярскихъ лѣтописей. Щегольской слогъ Вёрёшмарти не имѣлъ ни малѣйшаго усилія; характеры и личности его героевъ всегда были отдѣланы съ удивительною оконченностію. Родившись въ 1800 году, онъ тринадцати лѣтъ писалъ уже латинскіе стихи, а четырнадцати владѣлъ въ совершенствѣ венгерскимъ гекзаметромъ. Всю свою молодость провелъ онъ въ изученіи Шекспира, и литературное его поприще съ самаго начала составляло рядъ блистательныхъ успѣховъ. Поклонники его находятъ въ поэмахъ его большое сходство со складомъ, духомъ и направленіемъ поэмъ Тегнера; но лучшая оцѣнка, какая была сдѣлана Михаилу Вёрёшмарти, какъ народному поэту, это было общее сочувствіе, когда Венгрія хоронила своего пѣвца. Онъ умеръ въ Пестѣ 19 ноября 1855 года; огромныя толпы народа сопровождали гробъ его до могилы. Литераторы, ученые и художники, всѣ до одного собрались, чтобы отдать послѣдній долгъ любимому поэту, такъ что, казалось, Вёрёшмарти увѣнчалъ собой народную поэзію Мадяръ и въ ряду знаменитыхъ именъ образованной Европы стало произноситься и его имя.

Самые ревностные поклонники Вёрёшмарти упрекаютъ его въ томъ, что онъ не вполнѣ выражалъ въ своихъ произведеніяхъ характеръ и духъ мадярскаго генія. Несмотря на высшую, художественную натуру и на рѣдкій даръ, съ какимъ владѣлъ онъ языкомъ, находятъ, что онъ не совсѣмъ усвоилъ главнѣйшее качество Мадяра, именно, его страстную, восторженную натуру. Ему недо-

ставало того легкаго пламени, которое зажигаетъ крылатыя рѣчи. Но благородная душа Вёрёшмарти никогда не отказывалась сознать истинное дарованіе въ своемъ собратѣ, еслибы таковое было. Случилось, что однажды, въ 1844 году, вошелъ къ нему молодой человѣкъ, бѣдно одѣтый, съ смиреннымъ видомъ, съ просьбою выслушать его стихи. Подобныя посѣщенія часто тревожили литературнаго отшельника, и онъ не зналъ, какъ отдѣлаться отъ докучнаго гостя, готовившагося прочитать ему свои произведенія. Нехотя рѣшился онъ быть до конца благосклоннымъ, но при первыхъ строфахъ, глаза его загорѣлись, лицо прояснилось, и онъ почувствовалъ самъ, по выраженію Пушкина, приближеніе бога. Лишь только молодой человѣкъ окончилъ чтеніе, Вёрёшмарти бросился къ нему и съ неподдѣльной радостью воскликнулъ: другъ, ты первый поэтъ Венгріи! Этотъ поэтъ, такъ благородно принятый своимъ учителемъ, былъ Петёфи Шандаръ (*).

II.

Одна изъ кровопролитнѣйшихъ битвъ во время венгерской войны, происходила при Шедьешварѣ въ послѣднихъ числахъ іюля 1849 г. Несмотря на изумительную храбрость Мадяръ, они не могли выдержать противъ многочисленнаго непріятеля, и должны были еще разъ отказаться отъ надежды освобожденія изъ подъ власти Австріи. Разбитые на-голову, Мадяры искали спасеніе въ бѣгствѣ, бросившись чрезъ ущелья, окружавшія мѣсто битвы. Въ числѣ бѣжавшихъ въ трансильванскія горы находился и одинъ молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати шести, служившій въ штабѣ генерала Бема. Въ продолженіе битвы нельзя было не замѣтить, какъ онъ съ невозмутимымъ хладнокровіемъ, стоялъ подъ градомъ пуль и картечи, исполняя порученія главнокомандующаго. Въ минуту пораженія, когда Бемъ, раненый, оставленъ былъ замертво въ одномъ болотѣ, молодой герой, о которомъ идетъ рѣчь, вслѣдъ за другими бросился въ одно ущелье, и съ той поры его больше никто не видѣлъ. Былъ ли онъ убитъ, или, удалившись изъ пораженной родины, на-

(*) По обыкновенію Мадяръ ставитъ личное имя послѣ фамильнаго; какъ напр. *Vörösmarty Mihaly*, *Poetoefi Sandor*, и пр.

шелъ гдѣ-нибудь на чужбинѣ гостепріимный уголокъ. Извѣстно, что Бемъ былъ спасенъ въ то время, когда не было никакого сомнѣнія, что онъ умеръ. Долгое время думали, что и его молодой адъютантъ скоро вернется, и это ожиданіе естественно объяснялось симпатіей и популярной любовью къ пѣвцу новой Венгріи, Петёфи Шандору. Образъ поэта, несмотря на то, что онъ болѣе не являлся, постоянно рисуется въ памяти народа, какъ и его любимыя пѣсни не сходятъ съ языка патріотовъ. Пѣсни его, получившія опять народную извѣстность въ Венгріи, начинаютъ распространяться въ Европѣ, переводиться даже на сербскій языкъ. Искусные переводчики перенесли эти пѣсни за Дунай и Тиссу, познакомили съ ними Германію, гдѣ въ свою очередь явились поклонники мадярскаго поэта. Карлъ Бекъ, Морицъ Гартманнъ, Фердинандъ Фрейлигратъ воспроизвели уже по-нѣмецки частію отрывками, частію цѣлыми отдѣлами, произведенія Александра Петефи. Но ближе всѣхъ познакомитъ любознательную Германію съ мадярскимъ поэтомъ, писатель Кертени, самъ Мадяръ по рожденію, который посвятилъ себя благородной цѣли — знакомить Европу съ литературными сокровищами своей родины. Живя, большею частію въ Германіи, Кертени постоянно печатаетъ произведенія мадярскихъ поэтовъ, и бывши ученикомъ и даже товарищемъ тѣхъ, которые отозвались на пробужденіе мадярской народности, онъ сдѣлался живымъ рапсодомъ ихъ разбросанныхъ, большею частію ненапечатанныхъ произведеній. Благодаря Кертени, цѣлая фаланга мадярскихъ писателей явилась передъ глазами Европы, изумленной въ ихъ произведеніяхъ глубиною чувствъ, возвышенностью взглядовъ и художественной обработкою стиха. Михаилъ Вёрёшмарти, Янъ Арани, Янъ Дьярай, и множество другихъ, бывшихъ главными двигателями нравственнаго возрожденія Венгріи, получаютъ, въ ряду европейскихъ писателей, одно изъ почетныхъ мѣстъ. Но въ числѣ этихъ поэтовъ представленныхъ европейской литературѣ Кертени, никто такъ вѣрно и оригинально не выражаетъ въ своихъ сочиненіяхъ характеръ мадярскаго народа, какъ молодой товарищъ Бема, воинъ, исчезнувшій въ ущельи трансильванскихъ горъ, Александръ Петёфи.

Онъ родился въ округѣ малой Кумании (по-мадярски Kis Kunsag), 1 января 1823 года. Отецъ его былъ сначала мясникомъ, а впослѣдствіи держалъ питейный домъ въ родномъ селеніи, но это скромное занятіе не помѣшало ему дать нѣкотораго рода образованіе своему сыну. Молодой Петёфи началъ свое ученіе въ протестантской

гимназіи въ Асадѣ, перешелъ въ Сентлорингъ и затѣмъ поступилъ въ лицей въ Шемницѣ. Живая и въ высшей степени раздражительная натура мальчика не вынесла строгости и дисциплины школьной жизни, такъ что онъ рѣшился тайно бѣжать въ Пестъ, гдѣ поступилъ фигурантомъ на сцену театра. Отецъ юнаго бѣглеца принужденъ былъ броситься за нимъ въ погоню и перевелъ его въ Эденбургъ (повенгерски Шопрони), гдѣ помѣстилъ его снова въ учебное заведеніе, поручивъ надзору родственниковъ своихъ, жившихъ въ этомъ городѣ. Окончивъ здѣсь ученіе, Петёфи, какъ удостовѣряетъ Кертени, захотѣлъ вступить въ военную службу, чтобъ имѣть случай отправиться въ Тироль, для того, чтобы бѣжать потомъ въ чужіе краи. Надежды его не могли осуществиться, потому что полкъ, въ который онъ поступилъ, былъ отправленъ въ Аграмъ, и новобранецъ почувствовалъ сильное отвращеніе къ военной службѣ, и былъ отставленъ по причинѣ болѣзни, прослуживъ только восемнадцать мѣсяцевъ въ полку.

Петёфи было не болѣе восемнадцати лѣтъ, когда началъ жизнь самостоятельную и независимую, заработывая свой хлѣбъ перомъ. Въ продолженіе 1842 года онъ проѣхалъ и большею частію прошелъ пѣшкомъ почти всю Венгрію и въ то же время участвовалъ во многихъ періодическихъ изданіяхъ, помѣщая въ нихъ свои произведенія. Журналисты заискивали его сотрудничество, и одинъ изъ нихъ, Игнатій Надьи, подъ редакціей котораго издавались переводные повѣсти и разсказы, поручилъ Петёфи перевести нѣкоторые романы съ англійскаго и французскаго языка. Первые мѣсяцы 1843 года были отданы имъ этимъ занятіямъ, когда вдругъ возродилось въ немъ непреодолимое желаніе снова поступить на сцену. Бросивъ свои занятія въ Пестѣ, онъ отправился въ Дебрецинъ, гдѣ пытался-было дебютировать въ одной изъ второстепенныхъ ролей *венеціанскаго купца*. Онъ былъ освистанъ; но это его нисколько не остановило, вполнѣ увѣреннаго, что театръ есть его единственное призваніе. Напрасно товарищи его по театру старались уговорить его оставить сцену. Онъ дотого вѣрилъ въ свое призваніе, что рѣшился собрать небольшую труппу подобныхъ себѣ горемыкъ и сдѣлаться кочевымъ актеромъ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ снова вернулся въ Дебрецинъ, больной и въ самомъ несчастномъ положеніи.

Вскорѣ однакожъ наступили и болѣе свѣтлые дни для нашего поэта. Въ то время, когда зрители освистывали его игру на импровизован-

ныхъ помосткахъ, пѣсни его, являвшіяся подъ вымышленнымъ именемъ, распространялись изъ одного конца Венгріи въ другой. Петёфи понялъ наконецъ свое назначеніе. Ободренный тѣмъ впечатлѣніемъ, какое производили его стихи на публику, онъ рѣшился объявить свое имя, и вернувшись въ Пестъ, предался исключительно поэзіи. Въ это-то время, весной 1844 года, явился онъ, какъ мы говорили, къ Михаилу Вёрёшмарти, который призналъ въ немъ первое поэтическое дарованіе Венгріи. Петёфи нашелъ въ Пестѣ и другаго покровителя въ извѣстномъ писателѣ Павлѣ Семерэ. Такъ называвшійся въ свое время *народный кругъ*, общество политическое и литературное вмѣстѣ, въ которомъ втайнѣ развивались начала либеральнаго возрожденія Венгріи, принялъ его по рекомендаціи Вёрёшмарти, въ число своихъ членовъ. И этотъ юноша, который еще не давно былъ освистанъ на провинціальной сценѣ, вдругъ является первымъ поэтомъ Венгріи, и общество принимаетъ на себя трудъ издать въ свѣтъ его произведенія.

Первое собраніе его сочиненій явилось въ Офенѣ въ 1844. Стихотворенія, напечатанныя въ этомъ изданіи, относятся къ предшествовавшимъ тремъ годамъ жизни поэта. Все, что перечувствовалъ Петёфи въ эти три года, ведя жизнь бѣдную и кочевую, все это выразилось у него то въ веселой пѣснѣ, то въ грустной элегіи, то въ жгучемъ посланіи къ предмету его любви. Въ этихъ первыхъ опытахъ нѣтъ еще того глубокаго лиризма, который такъ высоко поставилъ Петёфи, какъ поэта. Понятно: онъ еще не пытался пѣть патріотическія пѣсни своей родинѣ, которыя пробудились въ немъ нѣсколько лѣтъ спустя, когда Венгрія изъ конца въ конецъ поднялась, чтобы завоевать себѣ свободу. Тѣмъ не менѣе эти первыя произведенія Петёфи, чисто типичныя, откликнулись въ сердцахъ Мадяръ роднымъ отголоскомъ, потому что они вѣрно и рѣзко представили имъ самую Венгрію, потому что характеръ страны и народа схваченъ былъ Александромъ Петёфи и переданъ языкомъ столь простымъ, внятнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ своей простотѣ изящнымъ, какимъ ни одинъ дотолѣ поэтъ не говорилъ народу.

Со времени перваго изданія его стихотвореній, впродолженіе послѣднихъ двухъ лѣтъ, геній Александра Петёфи принялъ новую силу. Возмужалость, если можно такъ выразиться, поэтической мысли Петёфи въ произведеніяхъ его 1845 и 46 годовъ поразительная. Лучшее мѣсто въ этихъ произведеніяхъ занимаютъ тѣ небольшія эпо-

пеи, въ которыхъ поэтъ рисуетъ нравы Мадяръ, или воспроизводитъ сказки и народныя преданія. Замѣчательнѣйшее изъ этихъ произведеній народнаго генія Венгріи, облеченное въ поэтическую форму эпоса, есть, безъ сомнѣнія, преданіе о *витязь Яношъ*, Janos Vitez. Съ перваго, поверхностнаго, взгляда покажется, что это короткая поэма содержитъ въ себѣ грустный разсказъ о несчастной любви пастуха Яноша къ бѣлокурой Ильюшкѣ. По обстоятельства, какими поэтъ окружилъ своего героя, когда онъ рѣшился вступить въ службу къ Матвѣю Корвину, чтобы обогатиться и затѣмъ жениться на Ильюшкѣ, событія и лица, которыя такъ искусно умѣлъ Петёфи связать съ личностью Яноша, показываютъ, что это не простой идиллическій разсказъ несчастной любви, а болѣе осмысленный, пламенный эпосъ, гдѣ каждый стихъ заключаетъ въ себѣ жгучій упрекъ тѣмъ, которые допустили разорить наслѣдіе предковъ, и вмѣстѣ вызовъ тѣмъ, которые могутъ еще спасти Венгрію и возродить ее въ будущемъ. *Витязь Яношъ* есть любимая легенда мадярскихъ поселянъ, которые часто разсказываютъ о его подвигахъ въ длинные зимніе вечера. Недавно еще, именно въ прошломъ году, сербскій поэтъ Іовановичъ, родомъ изъ Бачскаго комитата, переложилъ на сербскій языкъ *Витязя Яноша*, но когда поэма эта была уже отпечатана, австрійская полиція остановила ея выходъ въ свѣтъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что къ заголовку была приложена виньетка, въ которой были изображены гербы и національные цвѣты Мадяръ и Сербовъ, сплетенные вмѣстѣ въ видѣ примиренія обоихъ народовъ, нѣкогда враждовавшихъ.

Яношъ, молодой поселянинъ, полюбилъ бѣлокурую Ильюшку, дочь своего хозяина, у котораго служилъ пастухомъ. Яношъ и Ильюшка часто встрѣчались у ручья, куда послѣдняя приходила мыть бѣлье, а первый пригонялъ стадо на водопой. Отецъ, недовольный работникомъ, который въ слѣдствіе своей страсти сталъ разсѣянъ, выгоняетъ его. Ночью Яношъ приходитъ въ село, стучитъ въ оконцо Ильюшки, которая, пробудившись, и растворивъ окно, увидѣла передъ собой блѣдное, исхудалое лицо возлюбленнаго. «Что такое случилось, Яношъ? Зачѣмъ ты такъ блѣденъ? Яношъ говоритъ ей о своемъ несчастіи, говоритъ ей: Ильюшка, надо растаться. Иду искать богатства, а ты останься мнѣ вѣрной; я возвращусь, но уже не бѣднымъ пастухомъ. — Молодая дѣвушка въ горѣ согласилась растаться съ своимъ возлюбленнымъ и даетъ обѣщаніе ждать его возврата.

Когда взошло солнце Яношъ былъ ужъ далеко. Онъ достигъ *Пущи*, этой необозримой степи, растилающейся между Дунаемъ и Тиссой, и которая не разъ вдохновляла Петёфи своею безпредѣльностью; отъ востока и до запада тянулась она, однообразная, молчаливая и таинственная передъ глазами Яноша. Онъ продолжаетъ свой путь и за нимъ слѣдомъ, по выраженію поэта, безотлучно идетъ черная его тѣнь, а въ душѣ его мрачныя мысли. Солнце обильными лучами разливало свѣтъ свой по обширной *Пущѣ*, но не могло разсѣять густую ночь, упавшую на сердце Яноша.

Онъ встрѣчаетъ наконецъ полки Матвѣя Корвина и вступаетъ въ ряды гусаръ. Мадярское войско, куда вступилъ Яношъ, было въ походѣ. Оно спѣшило на помощь французскому королю, которому грозили Турки. Но Мадярамъ предстоялъ еще далекій путь: надо было проѣхать всю татарскую землю, миновать владѣнія Сарацынъ, Италію, Польшу, Индійское царство, откуда ужъ не такъ далеко было и до Франціи. Эта географическая *licentia*, эта фантастическая топографія, совершенно въ духѣ мадярскаго народа. Для него за гранью родной *Пущи* начинается ужъ невѣдомый міръ, а небольшія познанія иностранныхъ земель пріобрѣлъ онъ или отъ заѣзжаго изъ Австріи и Германіи Жида – ходебщика, или отъ стараго инвалида, совершившаго когда–то походъ въ Италію. Петёфи вѣрно подслушалъ простодушныя понятія о мірѣ мадярскаго простолюдья и вотъ почему заставляетъ онъ войско Корвина идти во Францію чрезъ землю Татаръ и Сарацыновъ. Это образы прямо перенесенные къ намъ изъ XV вѣка, когда Янъ Гуніади и Матвѣй Корвинъ водили войска свои противъ Турокъ, оставившихъ въ народной памяти какое–то смутное воспоминаніе.

Во второй части поэмы *Витязя Яноша* не трудно замѣтить фантастическій образъ политической судьбы Венгріи. Мадярамъ, по разсказу поэта, выпало на долю избавить Францію, т. е. Европу отъ Турокъ. Прямое указаніе на назначеніе Венгріи, какое имѣла она въ XV вѣкѣ, защищая западное христіанство отъ турецкихъ нашествій. Когда войско Мадяръ приближалось, Турки предавали уже огню и мечу все достояніе христіанства, а король, у котораго невѣрные похитили дочь, изгнанный изъ своего дворца, предлагалъ отдать ее въ замужство тому, кто освободитъ ее изъ рукъ похитителя. Только одного Яноша не прельстило это обѣщаніе короля, несмотря на то, что ему удалось убить пашу–похитителя, и освободить молодую

принцесу. Онъ остается вѣренъ Ильюшкѣ, обѣщавшей выждать его возвращенія; онъ отправляется къ ней, богато награжденный признательнымъ королемъ, но пустившись въ обратный путь черезъ море, буря разбиваетъ его судно, сокровища его тонутъ, и Яношъ, бѣдный попрежнему, спѣшитъ однакожъ къ вѣрной Ильюшкѣ. Но и тутъ несчастіе какъ будто сроднилось съ нимъ: молодая дѣвушка давно умерла и Яношъ обнялъ одну холодную ея могилу.

Здѣсь фантастическіе образы начинаютъ рѣдѣть и тайная мысль поэта явно выходитъ наружу. Утраченное сокровище Яноша, сокровище, которое Мадяры завоевали, когда они ратовали въ XV вѣкѣ въ защиту своей народности, есть политическое существованіе ихъ среди европейскихъ народовъ. Венгрія временъ обоихъ Гуніадовъ, Яна и сына его Матвѣя, была во всемъ блескѣ своего величія и славы и предписывала законъ самой Австріи. Это самое сокровище было поглощено моремъ политическихъ пронырствъ, поднявшихъ страшную бурю. Освободившись въ 1526 году отъ владычества Турокъ, Венгрія перемѣнила только одно иго на другое, призвавъ на престолъ Арпадовъ и Корвиновъ домъ Габсбурговъ. Послѣ этого истому Мадяру остается разгульная область видѣній, надеждъ и глубокихъ мыслей. Такъ понялъ своего героя поэтъ, и такой смыслъ онъ придалъ его судьбѣ. Чтобы сдѣлаться вполнѣ достойнымъ своей возлюбленной, Яношъ садится снова на коня и съ саблею въ рукѣ снова пускается по бѣлому свѣту. Но уже не землю татарскую, не царство индійское посѣщаетъ онъ, а родную *Пущу*, гдѣ поэтическіе образы народной фантазіи,—великаны, феи, добрые геніи спѣшатъ предложить свои услуги Мадяру. Поэтъ приводитъ своего героя къ берегу баснословнаго моря *Оперенцеръ*, омывающаго берега край-свѣта, и играющаго главную роль въ народныхъ сказкахъ Венгріи. Яношъ на плечахъ великана переходитъ священныя воды и вступаетъ въ царство любви, гдѣ онъ обрѣтаетъ свою Ильюшку. Дай Богъ, досказываетъ поэтъ, чтобы настала день, въ который Венгрія обрѣтетъ также свое утраченное сокровище!

Ко времени, когда Петёфи писалъ *Витязя Яноша*, т. е. къ 1845 г. принадлежатъ также и его *Перлы любви* и *Кипарисовые листья*, — пѣсни, написанныя на гробѣ молодой пятнадцатилѣтней дѣвушки. Къ этому же времени относятся и картины *Пущи*, этихъ необозримыхъ степей Венгріи, вдохновлявшихъ поэта, какъ нѣкогда аккерманскія степи вдохновляли Мицкевича, какъ еще недавно степи

Украйны вызывали у Шевченки лучшіе звуки его души. Мы сказали, что *Пуща* въ Венгріи есть необозримое степное пространство, растилающееся между Дунаемъ и Тиссой. Ни одного деревка, ни одного куста не видно на ея гладкой поверхности. Кое-гдѣ только темнѣютъ тинистыя болота, да синѣетъ гладь таинственныхъ прудовъ, берега которыхъ подернуты водорослью и камышемъ. Единственная растительность этихъ пространствъ состоитъ изъ травы, едва прозябающей надъ поверхностью степи, но густой и сочной, составляющей сытный кормъ безчисленныхъ стадъ овецъ и конскихъ табуновъ. Кое-гдѣ встрѣчаются небольшія корчмы, называемыя *чарда*, куда заходятъ отдохнуть пастухи и сторожа табуновъ. Но зато встрѣчаются такія пространства на этой *Пущѣ*, гдѣ въ теченіе цѣлаго дня не видать ни одного живаго человѣка. Только цапля недвижно стоитъ у берега пруда, и аистъ, пролетая надъ болотомъ, запускаетъ отъ времени до времени длинную свою шею въ воду, чтобы схватить зашевелившуюся тамъ добычу. Таковъ вообще видъ мадярской *Пущи*. Классическій художникъ отвернется съ презрѣніемъ отъ этой мертвой пустыни; но поэтическая душа, подобная Петёфи, открываетъ намъ въ этой безпредѣльной степи такія сокровища, какія подмѣчали въ широкой степной глади Украйны и Новороссіи Шевченко и Мицкевичъ. Въ описаніи *Пущи* проявляется вся художественная оригинальность поэтическаго настроенія Петёфи. Эта мадярская *Пуща* захватываетъ часть малой Куманіи, округа, гдѣ онъ родился. Съ ранняго дѣтства онъ привыкъ уже къ ней, полюбилъ её всею душой, неоднократно отваживался на дальній путь, безъ товарищей.' Позже, когда мальчикъ обратился въ юношу, онъ ужъ разъѣзжалъ по *Пущѣ* на быстромъ, степномъ конѣ, гуляя по ней, подобно *Фарису* Мицкевича, самъ-другъ съ степнымъ вѣтромъ. Поэзія молчаливой, таинственной пустыни съ безграничнымъ горизонтомъ проникала всю душу молодаго поэта. На эту неизмѣримую гладь онъ смотрѣлъ какъ на область свободы... Здѣсь онъ дышалъ свободнѣе, видѣлъ дальше, двигался шире. Сравненія, которыя беретъ Петёфи съ натуры, проникнуты своего рода оригинальностью. Свобода движеній, предвѣстница другой, болѣе возвышенной, облагороженной свободы, нигдѣ не представлялась ему такъ развернутою, какъ въ широкихъ степяхъ *Пущи*. Гористая мѣстность на каждомъ шагу воздвигаетъ вамъ преграды, и если подобная мѣстность развиваетъ въ васъ духъ самосохраненія, заставляетъ привыкать къ борьбѣ, зато съ каждымъ ша-

гомъ, съ каждымъ движенiемъ пробуждаетъ въ васъ чувство собственнаго безсилiя. Утесъ, заслоняющiй отъ глазъ пространство, рытвина, сдерживающая вашъ разбѣгъ, не суть-ли образы человѣческой тираннiи? Напротивъ, въ степи свободно и безпрепятственно направляете вы бѣгъ коня, всѣ пространства въ вашей власти,—одинъ лишь вѣтеръ пустыни, да птицы небесныя являются вашими товарищами, вашими соперниками въ степномъ разгулѣ. Таковы главныя мысли картинъ *Пущи*, воспроизведенныхъ Александромъ Петёфи въ художественномъ словѣ. Онъ посѣщалъ *Пущу* не разъ. Во всѣ времена года, въ тишь и непогоду, въ зной и холодъ, днемъ и ночью, въ утреннiя и вечернiя сумерки, въ полдень и полночь,—однимъ словомъ во всѣхъ ея видахъ и образахъ видѣлъ Петёфи свою родную *Пущу*, и всякiй разъ онъ выносилъ изъ нея въ звучномъ словѣ ея же собственныя сокровища. Лучшiя произведенiя Петёфи, по увѣренiю Кертбени и Шассена, тѣ, въ которыхъ поэтъ воспѣвалъ *Пущу*. Пѣсни эти изъ конца въ конецъ облетали всю Венгрiю, такъ что предсказанiе Михаила Вёрёшмарти со дня на день сбывалось, и Петёфи становился народнымъ поэтомъ Венгрiи.

III.

Но слава Петёфи не ограничилась однимъ тѣснымъ кругомъ пѣсенъ, посвященныхъ *Пущѣ*. Любимецъ простолюдина и грамотнаго класса Мадяръ, прославившiйся какъ въ деревняхъ, такъ и въ высшихъ ученыхъ обществахъ Венгрiи, идолъ молодежи, которую съ избыткомъ надѣлялъ пѣснями любви и неподдѣльнаго разгула, Александръ Петёфи не оставался также въ сторонѣ отъ того народнаго движенiя, которое со дня на день принимало болѣе широкiе размѣры. Прежде чѣмъ началось возстанiе 1848—1849 г., Петёфи работалъ уже въ его пользу, и былъ, несмотря на свою молодость, однимъ изъ самыхъ рьяныхъ патрiотовъ. Въ минуту, когда вспыхнуло возстанiе, новая карьера не замедлила открыться для его восторженной души. Въ то время, когда всѣхъ занимали еще политическiе споры въ разныхъ народныхъ собранiяхъ, поэтъ дѣлалъ свое дѣло: онъ пѣлъ войну за независимость, и тысячи воиновъ сходили подъ знамена предводителей. Шассенъ, въ своей любопытной монографiи о Петёфи, представилъ въ послѣдовательномъ порядкѣ главнѣйшiя произведенiя

народнаго мадярскаго поэта, относящіяся къ періоду мадярскаго возстанія (стр. 163—348). Здѣсь проведена довольно удачная параллель между лирическимъ поэтомъ Вёрёшмарти, котораго патріотическая пѣснь *Вызовъ* — Szózat, постоянно повторявшаяся въ политическій періодъ, предшествовавшій 1848 году, и Александромъ Петёфи. Вёрёшмарти, говоритъ Шассенъ, поэтъ–аристократъ, старается вызвать, поджечь политическія страсти. Александръ Петёфи, напротивъ, весь проникнутый демократизмомъ, есть поэтъ самаго дѣйствія. Муза обоихъ однакожъ носитъ отпечатокъ грусти тамъ, гдѣ они воспѣваютъ любовь къ роднпѣ; это понятно, потому что и самая музыка Мадяръ, говоритъ народъ, стала грустна впродолженіи послѣднихъ трехъ столѣтій.

Когда въ концѣ октября 1848 года начались военныя дѣйствія, Петёфи вступилъ, въ свою очередь, въ двадцать седьмой батальонъ Гонведовъ, которыхъ онъ воспѣлъ въ одномъ изъ лучшихъ своихъ стихотвореній, подъ заглавіемъ *Гонведъ*. Піеса эта проникнута такимъ патріотизмомъ, что австрійское правительство вынуждено было строго запретить ее, и послѣ 1848 г. она не могла явить ся уже въ печати. Рядъ блестящихъ, частію весьма успѣшныхъ побѣдъ надъ Австрійцами при Солнокѣ, Гатванѣ, Тапіо-Бичке и Ишазедьѣ, Коморнѣ и Будѣ, вдохновилъ поэта, и онъ выразилъ ихъ въ этомъ стихотвореніи. Принимая участіе во всѣхъ битвахъ, происходившихъ на нижнемъ Дунаѣ, Петёфи былъ произведенъ въ капитаны батальона Гонведовъ, а въ январѣ 1849 г. генералъ Бемъ, начальствовавшій трансильванскою арміей, пригласилъ его къ себѣ въ адъютанты. Поле битвы, равно какъ и бурные сеймовые съѣзды равно вдохновляли поэта, который въ промежуткахъ сраженій передавалъ бумагѣ всѣ впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ кроваваго боя. Въ то время, когда разбитый Геллачичъ отступалъ по направленію къ Вѣнѣ, многіе видѣли въ передовыхъ рядахъ мадярской рати какого-то старца, который, держа въ рукѣ знамя одушевлялъ молодыхъ солдатъ къ преслѣдованію непріятеля. — «Кто этотъ старый знаменосецъ?—спрашивали многіе, изумленные воинственнымъ видомъ престарѣлаго Мадяра. — Это мой отецъ, говорилъ Петёфи. Вчера онъ былъ болѣнъ отъ старости и лѣтъ; едва могъ тащиться отъ постели къ столу, и отъ стола къ постели. Но лишь только отечеству стала грозить опасность, онъ снова почувствовалъ прежнюю бодрость, и твердо понесъ знамя нашего полка. — Описы-

вая этими словами характеръ стараго отца, помолодѣвшаго чувствомъ патріотизма, Петёфи ясно рисуетъ въ нихъ характеръ самой войны за независимость, войны вполнѣ народной, и вмѣстѣ съ тѣмъ проявляетъ тотъ энтузіазмъ, которымъ воспламенялся народъ отъ высшихъ слоевъ общества до самыхъ низшихъ. Эта любовь къ родинѣ и къ ея независимости сроднилась съ природою поэта еще тогда, когда онъ только-что начиналъ входить въ юношескій возрастъ, потому что еще въ 1846 въ одномъ изъ своихъ произведеній онъ выражалъ свое задушевное желаніе умереть на полѣ битвы, съ мечомъ въ рукѣ.— «Мысль, которая меня постоянно тревожитъ, — говорилъ онъ, — это та, что мнѣ придется умереть въ постели, на мягкихъ подушкахъ, и заблекнуть въ цвѣтѣ лѣтъ, подобно цвѣтку, подточенному червемъ въ самомъ корнѣ. Избави меня, Боже, отъ подобной смерти! Если придетъ время, когда этотъ народъ, утомленный гнетущимъ его игомъ, бросится въ битву, то съ нимъ желалъ бы я умереть вмѣстѣ. Пусть кровь моего сердца прольется на полѣ битвы; пусть тѣло мое истопчутъ конскія копыта, пусть останки мои лягутъ тамъ, пока не настанетъ время, когда восторжествуетъ правосудіе! Только тогда пусть соберутъ мои кости, чтобы въ знаменательный день свободы занять имъ мѣсто средп спущенныхъ знаменъ, покрытыхъ трауромъ, и похоронить въ одной могилѣ вмѣстѣ со всѣми павшими героями за свободу».— Только вполовину сбылось желаніе поэта. Онъ умеръ, какъ мы уже сказали, въ самый грустный моментъ мадярской войны.

Александръ Петёфи ярче другихъ выразилъ собой народный характеръ Мадяръ, живой, впечатлительный, свободолюбивый и воинственный. Онъ по преимуществу можетъ называться народнымъ поэтомъ Венгріи, и это доказывается той огромной популярностью, какую пріобрѣлъ онъ между своими согражданами. Сынъ мясника, Петёфи явился какъ въ литературѣ, такъ и на поприщѣ политическихъ дѣйствій живымъ воплощеніемъ своего народа. Лишь только равноправность Мадяръ была обнародована, онъ не замедлилъ явиться представителемъ и жаркимъ поборникомъ права того общества, которому онъ принадлежалъ по происхожденію. Зато и большинство народной массы не останавливалось предъ выраженіемъ своей любви и удивленія любимому поэту: пѣсни его заучивались и пѣлись, какъ мы сказали, изъ конца въ конецъ венгерской земли.

Такъ какъ, несмотря на долгіе поиски, трупъ Петёфи не былъ найденъ въ ущельяхъ Карпатъ, гдѣ онъ погибъ, то долгое время ду-

мали, что онъ остался въ-живыхъ. Но имя поэта не оказалось въ спискахъ плѣнныхъ и тѣхъ, которые подверглись наказанію и заточенію. Годы проходили, а объ немъ не было ни слуху, ни духу. Несмотря на это, пастухи *Пущи*, погонщики скота Кескемета не вѣрятъ въ его смерть. — Нѣтъ, говорятъ они, онъ живъ, укрывается у кого нибудь изъ вѣрныхъ сыновъ родины. Настанетъ война и Петёфи явится снова! Но скоро–ли? Сербы и Болгары также ждутъ Марко Кралевича. И они увѣряютъ, что онъ живъ, гдѣ–то въ лѣсу, уснувши на колѣнахъ вилы – посестримы, или названной сестры, а по другимъ, въ пещерѣ, гдѣ онъ укрывается и ждетъ только своей минуты чтобъ сѣсть снова на Шарца, шестоперомъ–буздаваномъ ударить на враговъ и погнать ихъ изъ родной земли.

Такое вѣрованіе народа не умретъ, потому что оно неразлучно съ его жизнію.

С. П–ОВЪ.

Литературная корреспонденція.

Астрономическія бесѣды: міры; живописное путешествіе по видимому свѣту. Амедэ Гильмэнъ. Парижъ. Мишель Леви.

Causeries astronomiques: les mondes; voyage pittoresque dans l'univers visiblée, par Amede Guillemin. Paris. M. Levy. 1861.

Вотъ прекрасная книжка; она толкуетъ объ одномъ изъ самымъ интересныхъ вопросовъ, языкомъ простымъ и легкимъ, съ умомъ и граціей. Отчетливость и полнота подробностей, философская концепція, мастерское расположеніе частей соединяются въ ней съ поэтическими описаніями, чистотой слога и теплотой сердца. Эта книга заставляетъ любить нетолько предметъ, но самого автора. «Она была писана съ удовольствіемъ,» говоритъ онъ. Охотно вѣримъ, судя по удовольствію, которое доставляетъ она читателю. Что касается меня, благодарю автора за то удовольствіе и пользу, которыя доставило мнѣ чтеніе его книги. Только тотъ, кто прожилъ болѣе тридцати лѣтъ, знаетъ цѣну вамъ, часы умственнаго наслажденія и пріобрѣтенія новаго знанія!

Отрывки Морица Герэна. Парижъ. 1861.

Maurice de Guerin, Reliquiae, publiè par G. S. Trebutien. Paris. 1861.

Я помню еще то радостное удивленіе, въ которое погрузило меня, лѣтъ 15 или 16 тому назадъ, чтеніе одной статьи Жоржа-Занда въ «Revue des Deux Mondes»; статья эта, какъ эпизодъ, заключала въ себѣ, «Центавра»—Морица Герэна. Впечатлѣніе это сохранилось до сихъ поръ, несмотря на всѣ житейскія бури, которыя испыталъ я съ того времени. До сихъ поръ я часто вспоминаю, какъ читалъ, сидя на кучѣ камней на большой дорогѣ, окаймлявшей лугъ; роса блестѣла, въ вѣтвяхъ огромнаго каштановаго дерева раздавалось щебетаніе птицъ, восходящее солнце окрашивало блѣднымъ пурпуромъ крестьянскіе домики и нѣсколько клочковъ облаковъ, запоздавшихъ путниковъ небесной лазури; зеленые занавѣсы деревьевъ, охваченныхъ, какъ поясомъ, синеватымъ туманомъ, представляли весьма узкій горизонтъ. Я былъ только въ трехъ километрахъ отъ города, но этого было довольно, чтобъ забыть и школу, и скучныхъ учителей и еще болѣе скучныхъ наставниковъ.

Морицъ Герэнъ былъ огромный талантъ и отличный литераторъ; все, что выходило изъ подъ пера его, носило на себѣ печать граціи, чувства и вкуса. Какъ жаль, что онъ умеръ, не оставивъ публикѣ ничего, кромѣ нѣсколькихъ отрывковъ, очерковъ, писемъ и эскизовъ.

Достоинства Герэна вытекали изъ любви его къ природѣ и искренности чувства; онъ предавался впечатлѣнію момента вполнѣ и безусловно, безъ всякой задней мысли, безъ всякаго чувства личности или гордости, безъ всякаго заранѣе составленнаго плана; онъ принадлежалъ весь природѣ; она поглощала его, она была необходима ему, какъ воздухъ для легкихъ, какъ свѣтъ для глазъ. Подобно каплѣ воды, затаившейся въ изгибѣ листка, каплѣ чистой, прозрачной, серебристой, которая отражаетъ и величіе солнца и крылышко насѣкомаго, коснувшагося ея, подобно этой каплѣ и душа Герэна была зеркаломъ, въ которомъ отражались всѣ движенія природы. Онъ позволялъ ей проникать себя, чтобъ самому, въ свою очередь, проникнуть ее.

Характеръ нашего поэта отличался нѣжной страстью, созерцательностью и самой теплой симпатіей; однимъ словомъ, Герэнъ былъ

меланхоликъ. Слабой комплекціи, онъ постоянно былъ болѣе или менѣе боленъ и умеръ преждевременно. Его духъ почти всегда носился въ области милой безпечности и сладкой нѣги, которыя обыкновенно облекаютъ мечтателей какой-то тепловатой атмосферой. Несмотря на то, были моменты, когда онъ удивлялъ глубокимъ и тонкимъ анализомъ; въ эти минуты онъ съ рѣдкой проницательностью разгадывалъ другихъ; но наблюденія его рѣдко обращались на предметы нравственности и философіи. Только побужденія совѣсти, матеріальная нужда и неизвѣстность будущаго увлекали его въ эту сферу. Легко отгадать, что онъ былъ бѣденъ, и потому рѣдко могъ дѣлать то, что̀ хотѣлъ.

Въ созерцаніи мы вполнѣ отдаемся растворяющимъ силамъ природы. Анализъ противуположенъ созерцанію, а между тѣмъ неразлученъ съ нимъ. Герэнъ обладалъ имъ въ изумительной степени, хотя характеръ его отличался нѣкоторой безличностью:—такъ тѣсно сближался онъ съ природой. Душа его была ясна и прозрачна; тѣни, т. е. личности въ ней не болѣе, сколько надо для того, чтобъ не казаться безтѣлеснымъ призракомъ, имѣть право на самостоятельное существованіе.

Два тома сочиненій Герэна непонятны для массы, они доступны только для избранныхъ. Какъ будутъ жалѣть они, что эти отрывки искажены неловкими, или, вѣрнѣе сказать, завистливыми руками.

Пантеистъ по склонности, по привычкѣ, по инстинкту, наконецъ по самой природѣ своей, судьба какъ-бы въ насмѣшку приготовила ему воспитаніе въ средѣ католиковъ и ультрамонтановъ; среда эта всѣми мѣрами старалась переработать Герэна, чтобъ имѣть на него вліяніе. Съ своей слабой и нѣжной натурой, съ безпечнымъ умомъ, Герэнъ не былъ въ состояніи противиться этому вліянію, онъ не былъ довольно разсудителенъ, чтобъ съ перваго раза увидѣть рѣзкое противорѣчіе между своимъ сердцемъ и системой, которую старались ему привить. Его назначали въ духовное званіе; онъ даже былъ посланъ къ Ламне, бывшему въ то время могущественнѣйшимъ поборникомъ католицизма. Знаменитый проповѣдникъ былъ тогда начальникомъ школы въ Шене (Chenaye), гдѣ жилъ съ нѣсколькими друзьями. Къ счастію, Ламне не присматривалъ за нимъ; онъ позволилъ ему спокойно блуждать по полямъ и лѣсамъ; онъ уважалъ тайну, которою эта нѣжная натура облекалась нечувствительно; если онъ оказывалъ на нее вліяніе, то единственно примѣрами своей жизни и пламенной любви къ истинѣ; это былъ человѣкъ вѣры, сердца и страсти; онъ былъ

неспособенъ задушить развитіе этой молодой души упражненіями сураго аскетизма; онъ былъ неспособенъ превратить въ грубаго семинариста граціознаго товарища уединенныхъ ночей и звѣзднаго неба. Впрочемъ, школа въ Шене скоро закрылась и Морицъ вступилъ въ свѣтъ, куда вели его любовь и жажда славы,—но увы, онъ оставался въ немъ недолго—смерть рано свела его въ могилу. Но и послѣ смерти онъ не избѣгъ отъ прозелитизма ханжей и пустосвятовъ; всю жизнь они преслѣдовали его: воспитывали, руководили, заставляли дѣйствовать наперекоръ его генію и природѣ, и теперь, собравъ все, что осталось у нихъ изъ его произведеній, все что могли достать отъ друзей его, напечатали эти отрывки въ искаженномъ видѣ; они тщательно выскоблили изъ нихъ всѣ лучшія мѣста, гдѣ высказывалась любовь его къ природѣ, слишкомъ странная, по ихъ мнѣнію; они дали намъ Герэна очищеннаго, Герэна католика; они не могли удержаться, чтобъ не бросить своей ядовитой желчью въ Ламне, этого необыкновеннаго человѣка, котораго Морицъ былъ гостемъ и ученикомъ. Но пусть! что бы ни дѣлали аббаты и іезуиты, природа всегда останется прекрасной и солнце лучезарнымъ; всегда найдется чистое сердце, чтобъ любить молодость, поэзію, величіе и красоту вселенной.

Мы не можемъ лучше характеризовать Герэна, «этого французскаго Новалиса», по счастливому выраженію Монтегю, какъ представивъ одну цитату изъ его сочиненій, въ которой выражено слѣдующее желаніе: «о, еслибъ можно было слиться въ одно съ природой, заставить себя вѣрить, что можно вдохнуть въ себя всю ея жизнь, всю любовь, которой она волнуется; чувствовать себя разомъ лазурью, зеленью, птицей, пѣніемъ, свѣжестью, гибкостью, сладострастіемъ и тишиной!»

Э. РЕКЛЮ.

Эльси Веннеръ.

(Elsie Venner, by O. Holmes. London. 1861).

Подъ этимъ заглавіемъ только-что появилась въ Лондонѣ очень интересная книга. Авторъ ея, родомъ Американецъ, Оливеръ Гольмсъ, справедливо пользуется громкой извѣстностью въ Соединенныхъ Шта-

тахъ. Притязанія его на литературную славу оправдываются юморомъ, остроуміемъ, глубокимъ философскимъ взглядомъ на вещи, силой и красотой слова и, что бываетъ рѣдко, полнымъ пониманіемъ трудныхъ и деликатныхъ оттѣнковъ англійскаго языка.

Оливеръ Гольмсъ родился въ 1809 г. въ Кэмбриджѣ, въ провинціи Массачуссетъ, и началъ свою карьеру изученіемъ правъ, но черезъ годъ рѣшился оставить этотъ предметъ, чтобъ посвятить себя болѣе сродному его душѣ изученію медицины.

Въ 1833 г. онъ посѣтилъ Европу, и прожилъ два или три года въ Парижѣ, гдѣ слушалъ курсъ въ медицинской школѣ. Воротившись въ Америку, онъ былъ избранъ въ 1838 г. профессоромъ анатоміи въ дортмоутской коллегіи, а въ 1847 г. занялъ одну изъ знаменитыхъ кафедръ профессора медицины въ Горвардскомъ университетѣ, гдѣ онъ находится и до сихъ поръ. Сверхъ этихъ очевидныхъ признаковъ практической способности и познаній, Гольмсъ доказалъ, что обладаетъ и поэтическимъ талантомъ. Кромѣ многихъ мелкихъ стихотвореній, помѣщенныхъ въ разныхъ журналахъ, имъ изданъ въ 1836 г. въ стихахъ «Опытъ о поэзіи,» написанный прекрасными стихами, въ формѣ героическихъ поэмъ. Какъ въ этой, такъ и въ послѣдующихъ поэмахъ Гольмса разлита именно та поэтическая прелесть, каторая дѣйствуетъ на свѣжее чувство читателя. Тонкій юморъ составляетъ преобладающую способность въ умственномъ темпераментѣ Гольмса. Но любовь къ поэзіи не помѣшала Гольмсу издать нѣсколько замѣчательныхъ сочиненій о болѣзняхъ и о медицинской практикѣ. Въ 1858 году онъ издалъ въ небольшомъ томѣ «Опыты», напечатанные въ новомъ періодическомъ изданіи,: «the Atlantic monthly». Основная мысль этого сочиненія была, вѣроятно, внушена хорошо извѣстными «noctes ambrosianae» профессора Уильсона, произведеніе, которымъ довольно долгое время оживлялись страницы «Blackwood's magasine».

Въ этихъ опытахъ Гольмсъ беретъ на себя роль «Самодура за завтракомъ» (the Autocrat of the breakfast table), который хочетъ говорить и проповѣдывать о всемъ одинъ и лишь изрѣдка допускаетъ вмѣшательство въ разговоръ кого либо изъ постороннихъ лицъ, присутствующихъ за столомъ. Въ разговорахъ удивительное разнообразіе сужденій о всемъ, начиная отъ религіи до гребли на лодкѣ, переданныхъ съ философскимъ спокойствіемъ искренности и согрѣтыхъ самымъ естественнымъ юморомъ, ясно оттѣняющимъ черты и вопросы, выводимые авторомъ.

«Самодуръ, говоритъ одинъ изъ критиковъ книги, не просто писатель опытовъ, а мыслитель, критикъ, философъ, поэтъ и превосходный разказчикъ. Въ этомъ заключается тайна его успѣха: онъ способенъ равно заинтересовать людей съ различными наклонностями, взглядами и во всѣхъ возбудить любопытство и вниманіе.

Съ такой подготовленной репутаціей Гольмсъ недавно издалъ въ Лондонѣ сочиненіе, котораго заглавіе поставлено въ началѣ этой статьи, и которое сначала явилось передъ судомъ американской публики въ одномъ изъ періодическихъ изданій. Интересъ сочиненія не въ содержаніи, которое невѣроятно до крайности, еще менѣе въ развиваемой авторомъ теоріи, что будто умственное существо наше можетъ переходить отъ родителей къ дѣтямъ; подобнаго рода вопросы, по нашему мнѣнію, не имѣютъ права входить въ составъ романа. Мы не любимъ встрѣчать трудныя ученыя темы тамъ, гдѣ ищемъ развлеченія. Но истинный интересъ Эльси Веннеръ заключается во множествѣ проницательныхъ замѣтокъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ дѣйствительной жизни нетолько однихъ Американцевъ, но всѣхъ народовъ и странъ вообще. Философскій тонъ этихъ зомѣтокъ, по нашему мнѣнію, нисколько не вредитъ сочиненію, такъ какъ философія эта ясна и понятна всякому.

Медицинское образованіе и опытность автора придаютъ книгѣ его особенный характеристическій оттѣнокъ. Онъ анализируетъ всѣ выводимыя имъ лица съ точки зрѣнія физіолога. Такъ, напримѣръ, очерчивая личность пятнатцатилѣтней дѣвушки—писательницы, онъ распространяется о блѣдномъ цвѣтѣ ея лица мягкости локоновъ и переходитъ въ разсужденіе о соотношеніи физическаго развитія съ характеромъ вообще; въ заключеніи онъ говоритъ, что дѣти, слабые физически, обыкновенно, отличаются большимъ развитіемъ умственныхъ способностей.

Эскизы повседневной жизни въ этомъ сочиненіи нарисованы очень живо, и хотя авторъ иногда позволяетъ себѣ нѣсколько увлекаться, но никогда не доходитъ до преувеличенія. Картины и характеры, списанные съ американской жизни, коротко знакомятъ съ этимъ новымъ, оригинальнымъ и постоянно измѣняющимся міромъ.

Въ описаніяхъ своихъ Гольмсъ отличается необыкновенной впечатлительностью поэта: онъ умѣетъ сливаться съ природой, смотритъ на н е такъ просто и ясно, что воздухъ, земля и море, кажется говорятъ вмѣстѣ съ нимъ понятнымъ языкомъ.

Вотъ какъ онъ описываетъ лѣсъ:

«Лѣса полны жизни для человѣка съ воображеніемъ, если только онъ захочетъ прислушаться къ ихъ говору. Деревья постоянно разговариваютъ другъ съ другомъ, склоняясь головами. Все здѣсь—слово: шумъ листка, или упавшаго орѣха, шелестъ вѣтви, стукъ дятла, прыганье бѣлки съ одного сучка на другой. А какая таинственная музыка наполняетъ лѣсъ во время пѣнія птицъ! Здѣсь голосъ ихъ гораздо заунывнѣе и симпатичнѣе, чѣмъ въ полѣ. Въ лѣсу птицы отшельницы, удалившіяся отъ свѣта, и повѣряющія свою грусть безконечно тонкому слуху лѣсной тишины, въ которой самый незначительный звукъ повторяется безчисленное множество разъ, какъ отраженіе звѣзды на покрывшейся рябью поверхности водъ.»

Въ изображеніи характеровъ взглядъ Гольмса твердъ и разборчивъ. Онъ больше рисуетъ, чѣмъ анализируетъ черты своихъ героевъ; иногда его личные взгляды, какъ философа, примѣшиваются къ характеристикамъ, но это не вредитъ общему тону красокъ.

Герой романа—Бернгаръ Лангтонъ,—ясно задуманная и хорошо опредѣленная личность, но героиня его неестественна до уродства. Бернгаръ единственный потомокъ старинной и обѣднѣвшей фамиліи, жившей въ колоніяхъ. Съ чувствомъ сословной привилегіи въ немъ соединяется сознаніе своего соціальнаго ничтожества: это одинъ изъ тѣхъ контрастовъ, которые ставятъ милліоны людей, подобныхъ Бернгару, въ самое ложное положеніе. Его прекрасная наружность, его гордый духъ даютъ ему высокое понятіе о себѣ, а бѣдность постоянно унижаетъ его. Чтобъ обезпечить себѣ насущный кусокъ хлѣба, онъ долженъ заняться изученіемъ медицины, какъ ремесломъ; но какъ ремесло, наука отталкиваетъ его отъ себя, и онъ, не окончивъ курса, оставляетъ университетъ; затѣмъ открывается ему возможность занять мѣсто учителя въ провинціальной школѣ. Новые воспитанники его привыкли грубо обращаться съ своими профессорами: Бернгаръ сердится, раздражается и наконецъ, поколотивъ одного изъ учениковъ, покидаетъ школу. Потомъ онъ переходитъ учителемъ въ пансіонъ дѣвочекъ, и тамъ сильно соблазняется поколотить содержателя, мистера Пекгама, за его жестокое обращеніе съ бѣдной гувернанткой, заваленной работой не по силамъ. Многія сцены, разбросанныя на этомъ фонѣ, достойны пера Свифта, и другихъ лучшихъ англійскихъ писателей. Между ученицами школы обращаетъ на себя особенное вниманіе высокая, прекрасная собою (исключая очень низкаго лба) брюнетка, съ роскошными черными волосами, и глазами, блестящими какъ ал-

мазы. Это и есть Эльси Веннеръ, единственная дочь Дёдлея Веннеръ, богатаго землевладѣльца.

Главный интересъ повѣсти завязыватся на описаніи необыкновенныхъ глазъ Эльси, въ которыхъ не было ни искры человѣческаго чувства, и блескъ которыхъ очаровывалъ, какъ ледяной взглядъ змѣи. Когда она была чѣмъ нибудь огорчена, вѣки ея двигались и зрачки вытягивались, совершенно какъ въ глазахъ эхидны. Это сходство еще болѣе довершали какая-то особенная гибкость ея тѣла во время движеній, змѣеволнистый лоскъ волосъ, даже цвѣтъ носимаго ею полосатаго платья и форма золотыхъ украшеній. Золотое ожерелье ея, какъ увѣряли, прикрывало на шеѣ полосу гораздо болѣе бѣлаго цвѣта, чѣмъ все тѣло. Характеръ ея соотвѣтствовалъ этому наружному сходству: она была вспыльчива, зла, всегда печальна и не терпѣла противорѣчія. Всѣ ея боялись. Она любила гулять одна ночью, по опаснымъ стремнинамъ скалъ, и безстрашно подходила къ разсѣлинамъ, гдѣ гнѣздились ядовитыя гремучія змѣи. Однажды, еще ребенкомъ, она поссорилась съ своимъ братомъ Ричардомъ, и укусила его. Рана оказалась заразительной, и жизнь ребенка была спасена только помощью прижиганья. Въ романѣ она спасаетъ жизнь Бернгара, останавливая силою взгляда гремучую змѣю, которая готова была его ужалить, и уже очаровала своимъ взглядомъ его дотого, что онъ былъ въ ея власти, какъ ласточка. Созданіе такой женщины напоминаетъ итальянскую сказку Готорна. Но послужила ли одна образцомъ для другой, или оба автора нечаянно сошлись на одной мысли, вслѣдствіе своихъ занятій однимъ предметомъ,—неизвѣстно. Вообще характеръ этотъ нельзя назвать плодомъ фантазіи, онъ порожденъ мыслью, изучавшей человѣка съ физіологической точки зрѣнія. Нѣтъ сомнѣнія, Гольмсъ долгое время читалъ и занимался изслѣдованіями, въ какой степени можетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, натура животныхъ привиться къ существу человѣка. Онъ не объясняетъ положительно, почему Эльси Веннеръ представляла такое странное смѣшеніе натуры змѣи и женщины, но замѣчаетъ вскользь, что мистрисъ Веннеръ, незадолго до рожденья Эльси, была испугана ужасной гремучей змѣей. Значитъ, по мнѣнію его, развитіе злаго характера Эльси лежало внѣ ея воли и сердца, и было врождено ей. Такая теорія, если только Гольмсъ принимаетъ ее серьезно, приводитъ къ убійственному и холодному фатализму, снимающему съ человѣка всякую личную отвѣтственность и индувидуальный характеръ. Это—теорія

нравственной смерти, поражающей въ самомъ корнѣ свободную дѣятельность общества.

Какъ будто испугавшись своего собственнаго созданія, Гольмсъ спѣшитъ преобразить характеръ Эльси посредствомъ пламенной любви ея къ Бернгару. Въ источникѣ высокой и благородной страсти она очищаетъ свои животные инстинкты. Однажды она пригласила своего милаго погулять съ ней по окрестностямъ, и на учтивый отвѣтъ его, что онъ готовъ сдѣлать для нея все, что ей угодно, Эльси вдругъ и стремительно сказала: «такъ, полюби меня»! Это неожиданное и нѣжное признаніе такъ поразило Бернгара, что онъ убѣжалъ, оставивъ ее одну.

Эльси, оскорбленная и убитая отчаяніемъ, заболѣла и умерла; но во время болѣзни натура ея преобразовалась. Перемѣну эту Гольмсъ объясняетъ физіологически. «Въ ней, говоритъ онъ, было двойное существо, вслѣдствіе безсознательнаго вліянія, которое имѣло на нее происшествіе, случившееся до ея рожденья. Еслибъ она не умерла, то можно бъ было предугадать, что изъ нея выйдетъ. Высшій человѣческій организмъ поборолъ бы низшій животный, который отпечатлѣлся на немъ случайно, и отравилъ годы ея дѣтства и юности; но потрясеніе было слишкомъ сильно, и эта связь двухъ противоположныхъ натуръ, уничтожившись вдругъ, порвала и основныя нити жизни».

Мысли эти чрезвычайно любопытны, какъ выраженіе тѣхъ социальныхъ проблесковъ, которые тревожатъ нашу эпоху, вслѣдствіе необыкновеннаго развитія естественныхъ наукъ. Не разъяснивъ себѣ физіологическихъ темныхъ сторонъ въ человѣческой природѣ, мы долго будемъ ошибаться насчетъ основныхъ законовъ самаго общества.

Изъ второстепенныхъ лицъ романа недурно очерченъ негодяй Дикъ Веннеръ, двоюродный братъ Эльси; впрочемъ это не болѣе, какъ эскизъ, едва обозначенный легкими контурами. Въ развязкѣ онъ покушается задушить героя арканомъ; но его намѣреніе открывается, и онъ исчезаетъ со сцены.

Элленъ Дёрлей, умная и милая гувернантка въ школѣ, играетъ въ романѣ роль общаго друга и хранителя. Разсужденія ея отзываются философскими познаніями и ученостью, болѣе чѣмъ мы привыкли встрѣчать въ европейскихъ женщинахъ. Въ ея строгихъ чертахъ чувствуется протестъ противъ нелѣпаго воспитанія и деспотизма, убивающихъ современную женщину еще въ колыбели. Замѣтимъ, что только въ сѣверо-американскомъ обществѣ, и то очень рѣдко, встрѣчается свободная личность женщины. Это величайшій недостатокъ нашего вре-

мени и одно изъ главныхъ препятствій къ прогрессу. По состоянію женщины можно судить о степени развитія всего общества; если она раба и самодуръ—и вся нація находится въ томъ же положеніи...

Семейный докторъ съ своимъ слугой Абелемъ—замѣчательные типы и принадлежатъ къ лучшимъ вымышленнымъ лицамъ. Абель—истинное дитя новаго свѣта. Въ Европѣ такихъ личностей нѣтъ. Онъ въ одно время и усердный слуга и самый независимый гражданинъ. Съ одинаковой важностью будетъ онъ распространяться о своемъ правѣ подавать голосъ, составляющій одну пятимилліонную долю воли великой республики, и чистить сапоги своему господину. Онъ не покривитъ душой даже тогда, когда-бъ отъ его голоса зависѣло назначеніе президента или судьба всего союза. Въ этой чертѣ — все нравственное достоинство Американца; потерявъ чувство своего достоинства, какъ гражданинъ, онъ теряетъ все, и тогда ему нельзя вѣрить даже настолько, чтобъ накормить въ долгъ обѣдомъ. На свое положеніе, какъ слуга, Абель смотритъ съ чисто американской точки зрѣнія: онъ продалъ доктору свое время, и честно выполняетъ обязательство. Докторъ, въ свою очередь, обращается съ нимъ гуманно, вѣжливо и даже съ уваженіемъ. Мы нарочно остановились на этихъ двухъ личностяхъ, потому что въ ихъ отношеніяхъ заключается живой урокъ варварскому обращенію старыхъ европейскихъ баръ съ ихъ подчиненными....

Небольшой, юмористическій портретъ маіора Рауэна можетъ служить образцомъ остроумія Гольмса, и по мѣткимъ чертамъ принадлежитъ не одной Америкѣ. Это офицеръ, служащій въ милиціи, и добивающійся, во что бы то ни стало, повышенія: ради повышенія, онъ охотно тянетъ лямку, душитъ себя мундиромъ, старается быть пустымъ, чтобъ не показаться скучнымъ, и выше дисциплины ничего лучшаго не знаетъ въ мірѣ. Это кукла, шагающая и говорящая по шнурку. Въ Америкѣ особенно смѣшонъ такой типъ, потому что слишкомъ рѣзко отдѣляется отъ остальныхъ кряжей общества. Не менѣе забавна личность его супруги, полагающей, что къ ней удивительно идетъ трауръ, и почти досадующей, что супругъ не оставляетъ ее вдовой, что, впрочемъ, скоро и сбывается: маіоръ умираетъ—и жена его съ удовольствіемъ надѣваетъ черный крепъ и бѣлые плёрезы.

Говоря вообще, нѣтъ ни одной страницы, ни одной личности, представленной Гольмсомъ, которыя бы не заставляли размышлять. И въ этомъ главное достоинство его книги. Какъ плодъ американской

мысли, она доказываетъ всего лучше, что самобытная умственная дѣятельность неразлучна съ самобытной и свободной жизнью самого народа.

Г. РОБИНЪ.

PALAEONTOLOGY OR A SYSTEMATIC SUMMARY OF EXTINCT ANIMALS AND THEIR GEOLOGICAL RELATIONS. BY *R. Owen.* EDINBURG. 1860.

Эта книга вышла въ Лондонѣ только въ концѣ прошлаго года; она вполнѣ достойна знаменитаго (хотя русской публикѣ, вѣроятно, и мало извѣстнаго) имени своего автора, можетъ быть перваго изъ современныхъ палеонтологовъ, по необыкновенной точности и проницательности своихъ истинно образцовыхъ изслѣдованій. Читая ее, я дивился, какъ удалось Оуэну ограничиться 500 страницами, при той полнотѣ и стройности свѣдѣній, которыя онъ сообщаетъ въ этомъ трудѣ, представляющемъ общедоступное руководство къ палеонтологіи такого совершенства, какое возможно только для подобнаго изслѣдователя, глубоко изучившаго въ натурѣ всѣ формы ископаемыхъ животныхъ, и обогатившаго науку (вмѣстѣ съ Агассисомъ) самыми существенными открытіями, какія были сдѣланы въ послѣднее тридцатилѣтіе.

Задача палеонтологіи, какъ извѣстно, чуть ли не самая увлекательная для воображенія изъ всѣхъ представляемыхъ естественными науками: это возсозданіе человѣческой мыслью формъ органической жизни, безвозвратно погибшихъ, большей частью оставившихъ въ земной корѣ едва узнаваемые остатки, на основаніи которыхъ палеонтологи должны составить исторію органической жизни на землѣ. Еще не такъ давно эта задача казалась большинству мечтательной; геніальные труды Кювье были цѣнными, но отрывочными дополненіями къ сравнительной анатоміи, а главное значеніе палеонтологіи вообще полагалось въ томъ, что ископаемыя животныя, преимущественно раковины и иные кораллы, доставляютъ самое вѣрное средство для опредѣленія относительной древности осадочныхъ формацій земной коры. Дѣйствительно, каждое палеонтологическое открытіе дѣлало эту науку болѣе и болѣе необходимой для опредѣленія формацій; но вмѣстѣ съ тѣмъ палеонтологія развилась и въ самостоятельную науку, и именно на основаніи, положенномъ Кювье, по его методѣ опредѣленія и возсозданія ископаемыхъ органическихъ остатковъ.

Вообще, въ палеонтологическихъ руководствахъ можно найти дѣйствительные признаки органическихъ остатковъ, костей, зубовъ, раковинъ и пр. (мы здѣсь ограничиваемся животными, какъ и разсматриваемый трудъ Оуэна), указанія того, каково было, *вѣроятно*, цѣлое животное, указанія формаціи, гдѣ находятся его остатки — и только развѣ еще нѣкоторыя догадки о прежнихъ условіяхъ животной жизни. Порядокъ изложенія этихъ свѣдѣній или систематическій, по классамъ животныхъ, или историческій, по формаціямъ.

Трудъ Оуэна, напротивъ, отличается именно тѣмъ, что онъ не заставляетъ читателя принимать на вѣру результаты палеонтологическихъ изслѣдованій; онъ предупреждаетъ вопросъ: да какъ же узнали, что жили именно такія чудовища; и не поверхностно, а весьма основательно знакомитъ съ самой методой опредѣленія органическихъ остатковъ, посредствомъ примѣровъ, заимствованныхъ изъ Оуэновыхъ же монографическихъ, спеціальныхъ трудовъ; въ этихъ примѣрахъ онъ очень обстоятельно объясняетъ значеніе каждаго признака. Выборъ примѣровъ необыкновенно удаченъ: всѣ животныя формы, наиболѣе поучительныя, наиболѣе объясняющія общіе законы сродства и послѣдовательнаго появленія организмовъ. Разсматривая ихъ, онъ начинаетъ съ обстоятельнаго описанія признаковъ скелета или найденныхъ частей его (такъ подробно описаны позвоночныя); потомъ объясняетъ, какія указанія можно извлечь изъ этихъ признаковъ, относительно общей организаціи и образа жизни изучаемаго погибшаго животнаго. Потомъ онъ опредѣляетъ степень сродства изучаемаго организма съ нынѣшними ближайшими, между которыми онъ, какъ и Кювье, ищетъ и находитъ аналогіи, способствующія пониманію исчезнувшей органической формы. Но затѣмъ—чего Кювье не сдѣлалъ—Оуэнъ опредѣляетъ тоже сродство изучаемаго организма съ его предшественниками древнѣйшихъ формацій, и тѣмъ ставитъ классификацію въ теснѣйшую связь съ исторіей появленія животныхъ типовъ. Притомъ, выборъ подробно описанныхъ животныхъ таковъ, что они объясняютъ значеніе и описанныхъ кратко—и вмѣстѣ съ этой методой являются у Оуэна и изумительные ея результаты, напр. цѣлый классъ животныхъ, не рыбъ и не амфибій, а вообще позвоночныхъ съ холодной кровью; оказывается, что было время, когда еще не выдѣлились признаки этихъ двухъ классовъ, теперь столь различныхъ. Объ этомъ догадывались многіе; Агассисъ указывалъ рыбъ, сохраняющихъ на всю жизнь зародышевые признаки, именно визигу, каковы были въ древнѣйшіе гео-

логическіе періоды всѣ тогда жившія рыбы, а теперь очень немногія; были извѣстны и ихтіозавры съ смѣшанными признаками гадовъ и рыбъ. Но превращенія этихъ догадокъ въ самый положительный научный выводъ, полная исторія этого класса позвоночныхъ вообще, котораго остатки (осетры, Lepidosiren) существуютъ и донынѣ — это составляетъ заслугу Оуэна, и эти въ высшей степени важные успѣхи науки сдѣланы доступными и не спеціалистамъ въ настоящемъ трудѣ. Безпозвоночные обработаны по тому же плану, но болѣе въ общихъ чертахъ, можетъ быть потому, что главные труды автора были объ ископаемыхъ позвоночныхъ. Однако, какъ ни сжато были бы описаны иныя формы животныхъ, но нѣтъ ни одной, о которой бы авторъ не давалъ читателю яснаго понятія,—чему способствуютъ и многочисленные, удачно выбранные и отчетливо исполненные политипажи. Группировка органическихъ формъ въ этой книгѣ совершено оригинальна: это необыкновенно удачное сочетаніе систематическаго порядка съ ихъ геологической послѣдовательностью. Во всякомъ классѣ авторъ начинаетъ съ его древнѣйшихъ представителей, и затѣмъ читатель видитъ, какъ изъ каждаго главнаго типа мало-по-малу выдѣлялись и обособлялись подчиненные ему—или прибавлялись къ нему новые, повидимому, независимые.

Теоретическихъ разсужденій, аргументацій крайне мало. Оуэнъ не любитъ пускаться въ умозрѣнія: онъ, какъ сама природа, говоритъ фактами, и ими, ихъ естественной логикой излагаетъ законы послѣдовательности организмовъ, а не афоризмами. Этимъ достигается поразительная объективность изложенія, и указываемая нами книга становится неоцѣнимымъ руководствомъ для повѣрки съ дѣйствительностью, насколько она извѣстна, всевозможныхъ теорій происхожденія и послѣдовательности органическихъ формъ и типовъ.

Оуэнъ достигъ той близости къ природѣ, того отожествленія съ ней, къ которому я стремлюсь, въ которомъ я вижу идеалъ естественныхъ наукъ, необходимѣйшее условіе ихъ точности и положительности.

Мы еще возвратимся къ этому геніальному труду, и воспользуемся имъ, чтобы представить читателямъ Русскаго Слова современное состояніе палеонтологіи, возбуждаемые ею вопросы и средства науки къ ихъ рѣшенію,—почему и не дѣлаемъ выписокъ въ подтвержденіе нашего мнѣнія о книгѣ Оуэна, тѣмъ болѣе, что выписка не представитъ лучшаго въ ней—группировки фактовъ.

Н. СѢВЕРЦОВЪ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Манифестъ 19 февраля. — Значеніе крѣпостнаго права. — Общія послѣдствія отмѣны его въ нравственныхъ и матеріальныхъ сторонахъ народнаго быта. — Созданіе капиталовъ въ рукахъ помѣщиковъ. — Ожидаемое освобожденіе труда изъ подъ вліянія капитала. — О наилучшей для помѣщиковъ формѣ устройства имѣній. — Передвиженіе населенія. —Участь дворовыхъ людей. — Средства, обезпечивающія ихъ.—Необходимость общественной благотворительности. — Главнѣйшія права и обязанности освобождаемыхъ крестьянъ и дворовыхъ людей: личныя, общественныя и по имуществу. — Организація новаго управленія ими.

Мы начинаемъ нашу лѣтопись съ событія, которое не имѣетъ себѣ подобнаго въ исторіи Россіи. Манифестъ 19 февраля 1861 г., уничтожающій крѣпостное право, является началомъ неисчислимыхъ реформъ нашего гражданскаго и политическаго быта, реформъ, которыя, по естественному историческому закону, должны слѣдовать одна за другой, съ исчезновеніемъ главнѣйшей причины, удерживавшей въ неподвижности силы и развитіе народа. Достопамятнымъ для Россіи манифестомъ, мы въ первый еще разъ приносимъ вкладъ въ общее дѣло человѣческой свободы; до сихъ же поръ мы были только завистливыми свидѣтелями чуждыхъ намъ событій, являвшихся плодомъ животворной идеи освобожденія, и отнынѣ лишь мы можемъ считать себя сближенными по духу съ семьей европейскихъ народовъ.

Первымъ и главнымъ послѣдствіемъ реформы должна быть сво-

бодная умственная и матеріальная производительность народа, у котораго до сихъ поръ эти отправленія его организма были искуственно ослабляемы и начнутся быть свободными для цѣлой націи только теперь.

Всякая административная и политическая реформа должна отражаться болѣе или менѣе на нравственной и матеріальной сторонахъ народнаго быта. Отмѣна крѣпостнаго права первымъ своимъ послѣдствіемъ должна будетъ имѣть въ матеріальномъ отношеніи—увеличеніе производительности и слѣдовательно народнаго богатства: донынѣ на каждую отрасль умственнаго труда дѣятели являлись лишь изъ одной трети русскаго населенія, а теперь мы вправѣ ожидать ихъ отъ цѣлаго народа; свободный трудъ, составляющій общее достояніе, также долженъ измѣнить всѣ стороны нашей экономической дѣятельности.

При современномъ экономическомъ и политическомъ устройствѣ, вездѣ въ Европѣ, трудъ приводится въ движеніе капиталомъ, — и въ Россіи разомъ можетъ быть создана масса капиталовъ посредствомъ выкупа у помѣщиковъ, послѣ временно-обязательнаго срока, земель, поступающихъ въ надѣлъ крестьянамъ. Земли эти, находясь теперь въ пользованіи крестьянъ, приносили помѣщику доходъ обязательнымъ трудомъ крестьянъ, а теперь онѣ, согласно положенію, могутъ быть превращаемы въ капиталъ, съ котораго шесть процентовъ равняются стоимости обязатетьнаго труда.

Правила о выкупѣ полевыхъ угодій указаны въ Высочайше утвержденномъ на этотъ предметъ положеніи, о которомъ, равно какъ и о прочихъ общихъ положеніяхъ, относящихся къ крестьянамъ, вышедшимъ изъ крѣпостной зависимости, мы говоримъ ниже, здѣсь же мы ограничиваемся только указаніемъ на предположенный выкупъ, какъ на мѣру, которая измѣняетъ радикально экономическіе законы цѣлой страны.

Взамѣнъ права на обязательный трудъ помѣщикъ пріобрѣтаетъ капиталъ, изъ котораго одна лишь незначительная часть должна быть обращена, въ видѣ оборотнаго капитала, на приведеніе въ дѣйствіе хозяйства посредствомъ свободнаго наемнаго труда; остальной же капиталъ долженъ ожидать какого либо производительнаго назначенія или на поприщѣ радикальнаго улучшенія сельскаго хозяйства или въ мануфактурной и промышленной предпріимчивости. Нѣтъ сомнѣнія, что эти свободные помѣщичьи капиталы обратятся, между прочимъ, на пріобрѣтеніе улучшенныхъ сельско-хозяйственныхъ орудій и машинъ,

сокращающихъ трудъ воздѣлыванія сырыхъ произведеній; такое направленіе капиталовъ будетъ вполнѣ естественно; потому что свободный трудъ, въ странѣ, гдѣ земледѣлецъ есть въ тоже время и собственникъ хотя небольшаго клочка земли, не можетъ быть значительно дешевымъ; впрочемъ, цѣнность свободнаго труда, съ упраздненіемъ крѣпостнаго права, опредѣлить трудно, потому что неизвѣстно, въ чьихъ рукахъ будетъ находиться установленіе цѣнъ на хлѣбъ, отъ которыхъ, конечно, прямо зависитъ и цѣнность труда: теперь большинство сырыхъ продуктовъ производится на помѣщичьихъ угодьяхъ, и крестьяне—земледѣльцы вообще донынѣ не могли соперничать съ помѣщиками, а теперь они также явятся производителями и конкурентами на нашихъ рынкахъ, — разумѣется съ помощію торговцевъ, которые возьмутъ на себя трудъ перепродажи крестьянскихъ продуктовъ. Если цѣнность продуктовъ и цѣнность труда будетъ зависѣть отъ свободной конкуренціи и слѣдовательно отъ большинства производителей, то земледѣльческій трудъ выйдетъ вполнѣ изъ подъ всякой зависимости капитала, организуясь совершенно на новыхъ началахъ, неизвѣстныхъ еще въ экономической жизни Европы; вообще настоящая наша реформа должна создать новые экономическіе принципы, неподходящіе подъ европейскую мѣрку.

Помѣщики наши, начиная отъ хорошихъ агрономовъ до самыхъ отсталыхъ рутинеровъ, удерживали за собою, съ помощію обязательнаго труда, преобладаніе въ производствѣ сырыхъ произведеній страны; съ освобожденіемъ же крестьянъ и при свободномъ трудѣ, въ полномъ смыслѣ этого слова, земледѣліе можетъ быть полезнымъ для помѣщиковъ только въ такомъ случаѣ, если употреблены будутъ ими всѣ приложимыя къ мѣстнымъ условіямъ сельско-хозяйственныя улучшенія, имѣющія цѣлью сократить издержки производства; съ барщиной можно было больше или меньше, но всегда получить пользу, а свободный трудъ долженъ быть такъ расчитанъ, чтобы издержки производства вознаграждались доходомъ отъ него. Нѣтъ сомнѣнія, что многіе изъ нашихъ помѣщиковъ, непривыкшіе затрачивать капиталовъ на оборотъ по сельско-хозяйственному производству, предпочтутъ получать денежный оброкъ за земли съ крестьянъ, которые, не тратя капиталовъ, а рискуя только однимъ своимъ трудомъ, никогда не останутся въ накладѣ отъ излишне обработанной ими земли, и народное богатсво нетолько ничего не потеряетъ отъ наибольшаго участія крестьянъ въ производствѣ сырыхъ произведеній, а на-

противъ выиграетъ чрезъ распредѣленіе народнаго богатства между наибольшимъ количествомъ индивидуумовъ, къ чему именно и стремятся новѣйшія экономическія теоріи.

Неопытные въ сельскомъ хозяйствѣ помѣщики, отказавшись отъ воздѣлыванія земли взамѣнъ денежнаго оброка съ крестьянъ, по нашему мнѣнію, избавятъ себя отъ многихъ разочарованій, которыя, въ противномъ случаѣ, имъ пришлось бы испытать. Если мы ошибаемся въ нашихъ соображеніяхъ, то также никто, надѣемся, не скажетъ утвердительно, какъ отразится реформа на экономическихъ условіяхъ страны. Мы увѣрены вполнѣ въ нашемъ предположеніи въ томъ лишь отношеніи, что ни общее благо, ни частные интересы помѣщиковъ не пострадаютъ отъ отдачи земли въ оброчное содержаніе освобождаемыхъ крестьянъ, и что, напротивъ, удержаніе помѣщиками въ своихъ рукахъ земель ихъ имѣній будетъ сопряжено съ большимъ рискомъ при несомнѣнномъ измѣненіи условій труда. Мы не говоримъ объ арендаторствѣ, которое, по всей вѣроятности, явится новымъ зломъ для крестьянскаго сословія; но, конечно, его легче будетъ, мѣстнымъ властямъ предупреждать и прекращать, нежели то было съ крѣпостнымъ правомъ.

Помѣщикамъ и кромѣ земледѣлія остается еще многое для ихъ дѣятельности и предпріимчивости: воздѣлка всѣхъ сырыхъ продуктовъ, т. е. всѣ возможныя фабрики и заводы требуютъ капиталовъ, и чѣмъ болѣе будетъ производимо этихъ продуктовъ, естественно, тѣмъ болѣе потребуется воздѣлки ихъ; эта отрасль дѣятельности требуетъ, кромѣ капиталовъ, многихъ соображеній, доступныхъ только болѣе или менѣе просвѣщеннымъ людямъ и знакомымъ съ потребностями края и его условіями, чего болѣе можно ожидать нестолько отъ нашего купечества, которое преимущественно сгруппировано въ большихъ лишь городахъ и столицахъ, сколько отъ нашихъ помѣщиковъ; кромѣ того и самый сбытъ сырыхъ произведеній на внутреннихъ и иностранныхъ рынкахъ требуетъ соединенныхъ капиталовъ и участія въ этомъ дѣлѣ людей образованныхъ, что также, при несомнѣнныхъ выгодахъ, можетъ упасть на долю помѣщиковъ; въ особенности наша хлѣбная торговля, также торговля шерстью и льномъ, ожидаютъ свѣжихъ дѣятелей взамѣнъ того безчисленнаго легіона мелкихъ перекупщиковъ, которые донынѣ составляютъ язву нашего сельскаго населенія.

Указывая на ожидаемыя послѣдствія реформы, необходимо вспом-

нить, что крѣпостное право, получившее свое начало, какъ по крайней мѣрѣ многiе объясняли, съ цѣлью прикрѣпить къ землѣ бродячее населенiе, задерживало до сихъ поръ правильное распредѣленiе населенности; конечно, нельзя предположить, чтобы до прикрѣпленiя крестьянъ къ землѣ, они переселялись изъ одной мѣстности въ другую по одной лишь страсти къ бродяжничеству; напротивъ, должно искать причины этого въ естественной потребности занять наилучшiя мѣстности въ странѣ; географическiя, физическiя и экономическiя условiя опредѣляютъ наивозможную плотность населенiя каждой мѣстности, такъ напримѣръ, одинъ и тотъ же процентъ населенiя въ одной мѣстности является нормальнымъ, а въ другой малымъ или чрезмѣрнымъ. Передвиженiе населенiя, которое задержано было крѣпостнымъ правомъ, естественно, должно теперь снова начаться и, для пользы страны, должно бы быть облегчено всѣми мѣрами, которыя зависятъ отъ правительства. Мы не имѣемъ достаточно подробныхъ изслѣдованiй о производительныхъ силахъ Россiи, да и едва-ли скоро будемъ имѣть такiя изслѣдованiя, которыя представляли бы намъ въ совокупности и сравнительно всѣ экономическiя условiя каждой взятой мѣстности; поэтому, предоставить въ этомъ случаѣ дѣйствовать народному инстинку—болѣе надежно, чѣмъ слѣдовать какимъ либо соображенiямъ, основаннымъ на статистическихъ данныхъ, собранныхъ мѣстными чиновниками. Въ настоящее время едва ли есть хоть одна мѣстность въ Россiи, которая была бы снабжена народонаселенiемъ, именно въ той степени, какую требуетъ мѣстный экономическiй законъ; поэтому можно ожидать, что переселенiя помѣщичьихъ крестьянъ изъ одной мѣстности въ другую начнутся немедленно и будутъ продолжаться болѣе или менѣе усиленно до тѣхъ поръ, покуда наилучшiя мѣстности по климату и производительности почвы или по географическому своему положенiю не достигнутъ нормальной степени населенности. Великое переселенiе народовъ и настоящiя эмиграцiи изъ Европы въ Америку и Австралiю—также суть потребности правильнаго распредѣленiя народонаселенiя.

Дворовые люди, освобождаемые изъ крѣпостной зависимости, взываютъ болѣе къ благотворительности общества, чѣмъ къ какимъ либо экономическимъ соображенiямъ объ устройствѣ ихъ быта. Это классъ, неимѣющiй ни собственности, ни опредѣленныхъ занятiй, ни осѣдлости, ни подготовки къ какому либо труду; разумѣется, все это можетъ относиться только къ тѣмъ изъ нихъ, которые по сво-

имъ лѣтамъ не могутъ уже приспособить своихъ привычекъ и силъ къ новой жизни. Будущность дворовыхъ людей—мѣщанство. У насъ это единственное сословіе, носящее на себѣ подобіе западнаго пролетарія и еслибы оно было значительно болѣе, чѣмъ теперь, то заставило бы о себѣ подумать серьезно. Теперь мѣщанство значительно должно увеличиться освобождаемыми отъ крѣпостной зависимости дворовыми людьми, и остаться при прежнихъ средствахъ и условіяхъ своего быта; мѣщанскія городскія общества, чрезъ два года срочно-обязательныхъ отношеній дворовыхъ людей къ ихъ владѣльцамъ, получатъ много готовыхъ кандидатовъ въ богадѣльни, больницы и т. п., и постоянно, число ихъ, по всей вѣроятности, не будетъ оскудѣвать, потому что сословіе это, съ увеличеніемъ числа своихъ членовъ, не найдетъ вдругъ же новыхъ источниковъ для усиленнаго добытка средствъ существованія.

Число дворовыхъ людей во всей Россіи простирается до 1,467,378 душъ, изъ которыхъ только 25,444 приписаны не къ населеннымъ имѣніямъ; но такъ какъ положеніемъ о дворовыхъ людяхъ, право на участіе въ пользованіи полевымъ надѣломъ, на одинаковомъ съ крестьянами основаніи, предоставляются не всѣмъ дворовымъ людямъ, а только тѣмъ изъ нихъ, которые до обнародованія указа 2-го марта 1858 г. сами лично пользовались полевымъ надѣломъ, или, по поступленіи къ помѣщику въ услуженіе, либо въ хозяйственную должность, не переставали пользоваться надѣломъ, или же нести издѣльную повинность при обработкѣ пахатныхъ полей;—то нельзя ожидать, чтобы изъ означенной цифры значительная доля дворовыхъ людей обратилась къ земледѣлію.

Но въ положеніи о дворовыхъ людяхъ предусмотрѣна участь тѣхъ изъ нихъ, которые, по болѣзнямъ, дряхлости, престарѣлости и малолѣтству, потребуютъ призрѣнія. Съ этой цѣлью, дворовые люди, со дня увольненія ихъ отъ обязательныхъ отношеній къ владѣльцамъ, до истеченія льготнаго отъ платежа податей и сборовъ срока (приписанные къ сельскимъ обществамъ освобождаются на 6 лѣтъ, а къ городскимъ обществамъ—на 2 года) облагаются ежегоднымъ сборомъ, по одному рублю съ каждаго способнаго къ работѣ лица мужескаго пола отъ 18 до 45 лѣтъ.

Такимъ образомъ составится значительный капиталъ, который или можетъ послужить основаніемъ богодѣленъ и пріютовъ для дворовыхъ людей въ городахъ, или изъ процентовъ съ него могутъ быть

выдаваемы ссуды на содержаніе нуждающихся. Но капиталъ этотъ можетъ образоваться только чрезъ нѣсколько лѣтъ, а между тѣмъ нужда въ пособіяхъ болѣе всего обнаружится сначала, теперь же, по мѣрѣ освобожденія дворовыхъ людей изъ крѣпостной зависимости. Слѣдующія поколѣнія дворовыхъ людей вполнѣ сольются съ тѣми сословіями, къ которымъ будутъ ближе, такъ: приписанные къ городамъ сдѣлаются мѣщанами, ремесленниками и т. п., приписанные къ земледѣльческимъ селеніямъ должны сдѣлаться настоящими сельскими обывателями и стать въ общій уровень съ большинствомъ земледѣльческаго класса; что же касается до освобождаемыхъ теперь дворовыхъ людей, то есть очень многіе изъ нихъ, именно пожилые, которые рѣшительно не способны къ самостоятельному свободному труду; иначе быть не можетъ: крѣпостное право не могло воспитать предпріимчивости, находчивости и самодѣятельности, безъ которыхъ на свободѣ нельзя себѣ добыть ничего. Личная зависимость, составлявшая все зло крѣпостнаго права, отразилась болѣе на дворовыхъ людяхъ, чѣмъ на крестьянахъ, и отразилась неисправимо; возрожденіе крестьянина возможно вполнѣ, какъ скоро онъ почувствуетъ себя свободнымъ, потому что почва его дѣятельности—земледѣльческій трудъ—остается та же и съ освобожденіемъ, а дворовые люди, особенно тѣ, которые выросли въ крѣпостныхъ захолустьяхъ, бывшихъ для нихъ особымъ міромъ, за предѣлами котораго все было для нихъ чуждымъ, переродиться не могутъ; и эти-то неискупимыя жертвы крѣпостнаго права, теперь же взываютъ къ общественному вниманію и сочувствію. Многіе помѣщики, конечно, воспользуются правомъ немедленно отпустить на волю такихъ дворовыхъ людей, которые нетолько не приносятъ имъ никакого дохода, а напротивъ требуютъ расходовъ на содержаніе; и, нѣтъ сомнѣнія, что отпущенные на волю люди припишутся къ городамъ, потому что въ крестьянскихъ селеніяхъ они не могутъ и надѣяться сыскать себѣ какого-либо дѣла, разумѣется, кромѣ мастеровыхъ, которые вездѣ могутъ быть одинаково полезны. Легко понять, что люди, неимѣвшіе никогда никакой собственности и лишенные свободнаго труда, а слѣдовательно и неимѣющіе никакихъ запасовъ, тотчасъ сдѣлаются жертвами нищеты, если не найдутъ себѣ занятій; такая участь ожидаетъ многихъ дворовыхъ людей, особенно пожилыхъ и—по недостатку физическихъ силъ, неспособныхъ къ тяжелымъ работамъ; притомъ же потребность рабочихъ рукъ возможна только при развитіи ману-

фактурной дѣятельности, которой, надо замѣтить, не могутъ похвалиться наши центральные города; слѣдовательно, не всегда могутъ находить себѣ работу и тѣ, которые имѣютъ полную возможность работать. Въ подобныхъ случаяхъ, обыкновенно нищенство и разнаго рода посягательства на чужую собственность, становятся явленіями очень обыкновенными, хотя не менѣе того печальными. Защитники отмѣненнаго уже крѣпостнаго права, если таковые еще есть въ Россіи, будутъ имѣть случай указывать на эти явленія какъ на доказательство печальныхъ послѣдствій отмѣны крѣпостнаго права. Предупредить и устроить эти явленія составляетъ одну изъ важнѣйшихъ обязанностей губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій; трудность этого дѣла тѣмъ болѣе велика, что она потребуетъ мѣръ быстрыхъ, безотлагательныхъ, какъ и самыя потребности, которыми вызываются самыя мѣры.

Законодательство обезпечило участь дворовыхъ людей, именно сборомъ на этотъ предметъ по одному рублю съ души; но чтобы мѣра эта дѣйствительно достигала цѣли, она требуетъ, чтобы введеніе ея въ дѣйствіе направлено было прямо къ удовлетворенію потребности и согласно съ обстоятельствами, которыми будетъ заявлять себя эта потребность.

Устройство богадѣленъ, пріютовъ и даже вспомогательныхъ кассъ для дворовыхъ людей—суть потребности, которыя отлагать нельзя до образованія капитала или до достаточнаго поступленія опредѣленнаго съ дворовыхъ людей сбора 1 р. съ души; а для этого, по нашему мнѣнію, нельзя выбрать лучшаго средства, какъ *кредитъ,* съ помощію котораго, частные вклады и займы изъ приказовъ общественнаго призрѣнія, за проценты и съ обезпеченіемъ ихъ уплаты отъ правительства сборомъ имѣющимъ поступить съ дворовыхъ людей, могли бы немедленно положить основаніе вспомогательныхъ кассъ для *немедленныхъ* выдачъ пособій временныхъ или постоянныхъ нуждающимся въ помощи дворовымъ людямъ; при дальнѣйшемъ же развитіи дѣла—возможно будетъ и устройство богадѣленъ и пріютовъ, особенно, если съ помощію освѣжающихъ вліяній переживаемаго нами времени, на Руси поубавится страсть къ обращенію всякаго рода общественныхъ кассъ на свою потребу.

Губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія имѣютъ въ своихъ рукахъ возможность положить начало благотворительному дѣлу, о которомъ мы говоримъ.

Главнѣйшія права и обязанности освобождаемыхъ изъ крѣпостной зависимости сословій, и организація управленія ими, опредѣлены положеніями въ слѣдующемъ видѣ:

Личныя права и обязанности освобожденныхъ изъ крѣпостной зависимости крестьянъ сравниваются съ состояніямъ свободныхъ сельскихъ обывателей, распространеніемъ на нихъ общихъ гражданскихъ законоположеній о правахъ и обязанностяхъ семейныхъ; на основаніи чего, для вступленія крестьянъ въ бракъ и распоряженія въ ихъ семейныхъ дѣлахъ, не требуется дозволенія помѣщиковъ. Теперь крестьяне не могутъ быть подвергаемы никакому наказанію иначе, какъ по судебному приговору, или по законному распоряженію поставленныхъ надъ ними правительственныхъ и общественныхъ властей. Они не могутъ быть лишены правъ состоянія, или ограничены въ этихъ правахъ иначе какъ по суду, или по приговору общества; въ охраненіе своихъ правъ, предоставляется крестьянамъ начинать иски, тяжбы, подавать жалобы, быть свидѣтелями и поручителями на общемъ основаніи. Крестьяне могутъ отлучаться отъ мѣста жительства, съ соблюденіемъ правилъ установленныхъ общими законами и настоящими положеніями, по исполненіи обязанностей къ помѣщику относительно опредѣленныхъ положеніями повинностей; дѣти крестьянъ могутъ поступать въ общія учебныя заведенія и на службу по учебной, ученой и межевой частямъ. Само собою разумѣется, что ученыя степени предоставляютъ право людямъ всякаго происхожденія поступать на *службу по всѣмъ частямъ*, слѣдовательно право это присвоивается и дѣтямъ освобожденныхъ изъ крѣпостной зависимости крестьянъ; также предоставляется имъ право производить свободную торговлю, предоставленную крестьянамъ, безъ взятія торговыхъ свидѣтельствъ и безъ платежа пошлинъ; открывать и содержать, на основаніи законовъ, фабрики и разныя промышленныя, торговыя и ремесленныя заведенія; записываться въ цехи, производить ремесла въ своихъ селеніяхъ и продавать свои издѣлія, какъ въ селеніяхъ, такъ и въ городахъ; вступать въ гильдіи, торговые разряды и соотвѣтствующіе онымъ подряды.

Со введеніемъ въ дѣйствіе настоящихъ положеній, общественныя обязанности крестьянъ состоятъ: въ попеченіи по общественному продовольствію и призрѣнію, уплатѣ государственныхъ податей, отбыванію казенныхъ и земскихъ натуральныхъ и денежныхъ повинно-

стей; попеченіе о личности и имуществѣ малолѣтнихъ сиротъ, назначеніе опекуновъ и попечителей и повѣрка ихъ дѣйствій, и всѣ прочіе виды отвѣтственности, относившіеся донынѣ къ обязанности помѣщиковъ.

Съ освобожденіемъ отъ крѣпостной зависимости, крестьяне остаются въ временно-обязательныхъ отношеніяхъ къ помѣщикамъ до выкупа крестьянами полевыхъ угодій, по обоюдному согласію, или когда пожелаетъ того помѣщикъ; каковой выкупъ будетъ совершаться съ помощію правительства посредствомъ ссуды крестьянамъ, равняющейся четыремъ пятымъ оцѣночной суммы поступающихъ въ крестьянскій душевой надѣлъ земельныхъ угодій; сущность обязательныхъ отношеній крестьянъ къ помѣщику заключается въ томъ, что они обязаны уплачивать, смотря по ихъ желанію, или опредѣленный положеніями денежный оброкъ за землю, или отбывать барщину, тоже въ размѣрѣ, опредѣленномъ положеніями, смотря по количеству земельнаго надѣла; число мужскихъ барщинныхъ дней опредѣляется меньшее 20, и большее — 40 въ годъ, женскихъ дней менѣе на одну четверть; изъ общаго числа барщинныхъ дней: три пятыхъ относятся на лѣтнее полугодіе, а двѣ пятыхъ — на зимнее; число рабочихъ часовъ: лѣтомъ — 12 въ сутки, а зимою 9; въ теченіи же первыхъ двухъ лѣтъ, со дня утвержденія положенія, крестьяне могутъ переходить на оброкъ не иначе, какъ съ согласія помѣщика. Но они также могутъ совершенно освободиться отъ всякихъ отношеній къ помѣщику въ слѣдующихъ случаяхъ: если крестьяне добровольно откажутся, съ соблюденіемъ того порядка и тѣхъ условій, какія опредѣлены въ мѣстныхъ положеніяхъ, отъ пользованія предоставленнымъ имъ надѣломъ, т. е. если захотятъ быть совершенно свободными безъ земли, или пріобрѣтутъ земли усадебную и полевую въ собственность, или — если крестьяне перейдутъ, съ соблюденіемъ установленныхъ для сего правилъ, въ другія сословія. Во всѣхъ этихъ случаяхъ прекращаются всѣ обязательныя поземельныя отношенія между помѣщиками и крестьянами.

Права крестьянъ по *имуществу* заключаются въ слѣдующемъ: они могутъ пріобрѣтать всякаго рода имущества, наравнѣ съ другими свободными сословіями; имущества, пріобрѣтенныя крестьянами на имя помѣщика, укрѣпляются за крестьянами. Крестьянамъ предоставлено право каждому порознь и цѣлымъ обществомъ выкупать предоставленную имъ въ постоянное пользованіе усадебную осѣдлость, не выше опредѣленныхъ положеніями цѣнъ; равно какъ предоставляется

право на выкупъ и полеваго надѣла; но пользованіе правомъ на выкупъ полевыхъ угодій будетъ зависѣть отъ обоюднаго согласія крестьянъ и владѣльца въ опредѣленіи цѣны за землю; что же касается до выкупа усадебной осѣдлости, то хотя размѣръ выкупу и опредѣляется положеніями, но приведеніе выкупа въ дѣйствіе зависитъ также отъ соглашенія съ помѣщиками, которымъ предоставлено право (§ 10 полож. о выкупѣ, раздѣлъ первый) вмѣсто продажи крестьянамъ одной усадебной осѣдлости, принять на себя обязательство предоставить крестьянамъ пріобрѣсти въ собственность, на условіяхъ въ положеніяхъ изложенныхъ, совокупно съ усадебною осѣдлостью и полевыя земли и угодья, цѣнность которыхъ зависитъ уже отъ обоюднаго соглашенія. Впрочемъ, какъ сказано въ § 10 полож. о выкупѣ, это не препятствуетъ впослѣдствіи, по обоюдному соглашенію, приступить къ отдѣльному выкупу усадебной осѣдлости.

Съ выкупомъ усадьбъ, крестьяне освобождаются отъ платежа помѣщику той доли оброка, которая падаетъ на выкупныя усадьбы, и получаютъ оныя въ полную свою собственность, съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, что въ продолженіи первыхъ девяти лѣтъ, со времени утвержденія положенія выкупленныя усадьбы не могутъ быть передаваемы, или закладываемы посторонимъ лицамъ, непринадлежащимъ къ обществу крестьянъ. По миновании же этого срока (по истеченіи котораго правительство начинаетъ денежную операцію на ссуды крестьянамъ для выкупа полевыхъ угодій) крестьяне могутъ располагать выкупленными усадьбами, какъ своею собственностью, на основаніи общихъ законовъ; домохозяинъ, выкупившій свою усадебною осѣдлость, сохраняетъ право участія въ пользованіи общественнымъ выкупомъ и другими частями крестьянской осѣдлости, состоящими въ распоряженіи всего общества.

Помѣщики, сохраняя право собственности на всѣ принадлежащія имъ земли, предоставляютъ, за установленныя повинности, въ постоянное пользованіе крестьянъ, усадебную ихъ осѣдлость, и, сверхъ того, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ,—то количество полевой земли и другихъ угодій, которое опредѣляется мѣстными положеніями.

Опредѣленіе количества надѣла и крестьянскихъ повинностей предоставляется также добровольному соглашенію крестьянъ и помѣщиковъ, съ соблюденіемъ лишь слѣдующихъ условій: чтобы земельный надѣлъ не былъ менѣе того размѣра, который опредѣленъ мѣстными поло-

женіями; чтобы повинности крестьянъ, отбываемыя барщиной, опредѣлялись не иначе, какъ временными договорами на сроки не далѣе трехъ лѣтъ, и чтобы вообще заключаемыя между помѣщиками и крестьянами сдѣлки не были противны общимъ гражданскимъ законамъ и не ограничивали правъ личныхъ, имущественныхъ и по состоянію предоставленныхъ крестьянамъ; въ тѣхъ же случаяхъ, когда добровольныя соглашенія крестьянъ и помѣщиковъ не состоятся, надѣлъ крестьянъ землею и отправленіе ими повинностей производится на точномъ основаніи мѣстныхъ положеній.

Взаимныя отношенія крестьянъ и помѣщиковъ, вытекающія изъ положеній, опредѣляются уставными грамотами, составленіе которыхъ въ срокъ, не долѣе какъ въ теченіе года со дня утвержденія положеній, возложено на помѣщиковъ; повѣрка же уставныхъ грамотъ производится на мѣстахъ, при уполномоченныхъ отъ мірскихъ обществъ, мировымъ посредникомъ, утверждается имъ и приводится въ дѣйствіе, и только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ грамотѣ убавляется земельный надѣлъ, опредѣляемый мѣстнымъ положеніемъ, или уменьшаются или увеличиваются повинности крестьянъ, — мировой посредникъ представляетъ грамоту на разсмотрѣніе губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ только уѣздному мировому съѣзду.

На введеніе въ дѣйствіе грамотъ полагается двухлѣтній срокъ со дня утвержденія положеній о крестьянахъ.

На неправильныя дѣйствія мироваго посредника и уѣзднаго мироваго съѣзда, по введенію и утвержденію уставныхъ грамотъ, предоставляется право какъ помѣщику, такъ и крестьянамъ приносить жалобу въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе. Срокъ на принесеніе жалобъ полагается трехмѣсячный.

Общественныя права крестьянъ освобожденныхъ изъ крѣпостной зависимости состоятъ: въ совмѣстномъ владѣніи общественнымъ имуществомъ, съ предоставленіемъ каждому крестьянину, если того пожелаетъ, требовать выдѣла въ частную собственность участка, соразмѣрнаго съ долей его въ пріобрѣтеніи общественнаго имущества; въ участіи въ общественномъ управленіи, которое составляютъ: сельскій и волостной сходы съ сельскимъ и волостнымъ управленіями.

Сельскій сходъ составляется изъ крестьянъ-домохозяевъ, принадлежащихъ къ составу сельскаго общества, и кромѣ того, изъ всѣхъ назначенныхъ по выбору сельскихъ должностныхъ лицъ. Въ сельскихъ сходахъ участвуютъ и тѣ крестьяне, которые пріобрѣли свои участки въ собственность (крестьяне-собственники); они подаютъ голосъ на сходахъ по всѣмъ, до нихъ касающимся, дѣламъ, но не принимаютъ никакого участія въ дѣлахъ, касающихся отношеній сельскаго общества къ владѣльцу отведенной въ пользованіе общества земли. Первое мѣсто на сельскомъ сходѣ и охраненіе на немъ должнаго порядка принадлежитъ старостѣ. Изъ этого общаго правила исключаются только тѣ случаи, когда сходы собираются: 1) для учета должностныхъ лицъ, и 2) для разсмотрѣнія принесенныхъ на сіи лица жалобъ. Въ этихъ случаяхъ первое мѣсто на сельскихъ сходахъ предоставляется волостному старшинѣ. Всѣ дѣла на сельскомъ сходѣ рѣшаются: или съ общаго согласія, или большинствомъ голосовъ. За каждымъ крестьяниномъ, который участвуетъ въ сходѣ, считается одинъ голосъ. Для рѣшенія нижеслѣдующихъ дѣлъ требуется согласіе не менѣе двухъ третей всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ голосъ на сходѣ: 1) о замѣнѣ общиннаго пользованія землею участковымъ или подворнымъ (наслѣдственнымъ); 2) о раздѣлѣ мірскихъ земель на постоянные наслѣдственные участки; 3) о передѣлахъ мірской земли; 4) объ установленіи мірскихъ добровольныхъ окладокъ и употребленіи мірскихъ капиталовъ, и 5) объ удаленіи порочныхъ крестьянъ изъ общества и предоставленіи ихъ въ распоряженіе правительства. Приговоры объ удаленіи крестьянъ изъ общества, прежде исполненія ихъ, представляются старостою мировому посреднику. Прочія дѣла рѣшаются по сходамъ по приговору тѣхъ крестьянъ, на сторонѣ которыхъ, по счету, окажется хотя бы однимъ голосомъ болѣе половины всѣхъ участвующихъ въ сходѣ; если же сходъ раздѣлится на двѣ половины, равныя по числу голосовъ, то большинство считается на той сторонѣ, съ которою согласится староста. Вѣдомству сельскаго старосты подлежатъ всѣ проживающіе на земляхъ, отведенныхъ сельскому обществу въ надѣлъ, или пріобрѣтенныхъ крестьянами въ собственность, лица податнаго состоянія, а также отставные и безсрочно-отпускные нижніе военные чины и ихъ семейства. Сельскому старостѣ предоставляется право, за маловажные проступки, совершенные лицами, ему подвѣдомственными, подвергать виновныхъ: назначенію на общественныя работы до двухъ дней, или денежному,

въ пользу мірскихъ суммъ, взысканію до одного рубля, или аресту не долѣе двухъ дней. Кто считаетъ себя неправильно подвергнутымъ взысканію, тотъ можетъ принести жалобу, въ семидневный срокъ, мировому посреднику. Мировой посредникъ, когда представляется надобность, приказываетъ также старостѣ, или другому должностному лицу собрать сельскій сходъ. Право это предоставляется и помѣщику, если онъ признаетъ нужнымъ собрать сходъ. Волостное управленіе составляютъ: 1) волостной сходъ, 2) волостной старшина, съ волостнымъ правленіемъ, и 3) волостной крестьянскій судъ. Волостной сходъ составляется изъ сельскихъ и волостныхъ должностныхъ лицъ, замѣщаемыхъ по выбору, и изъ крестьянъ, избираемыхъ отъ каждаго селенія или поселка, къ волости принадлежащаго, по одному отъ каждыхъ десяти дворовъ, какъ пользующихся землею за повинности, такъ и пріобрѣтшихъ участки въ собственность. По дѣламъ рекрутской повинности, допускаются къ участію въ сходахъ крестьяне, подлежащіе этой повинности, ихъ родители, или воспитатели. Изъ крестьянъ, участвующихъ въ волостномъ сходѣ, избираются очередные судьи. Первое мѣсто на волостныхъ сходахъ и охраненіе на нихъ должнаго порядка принадлежитъ волостному старшинѣ. Но когда учитывается старшина, или приносится на него жалоба, то на волостномъ сходѣ первое мѣсто предоставляется одному изъ сельскихъ старшинъ (или одному изъ помощниковъ старшины, если волость состоитъ изъ одного сельскаго общества) по взаимному между ними соглашенію, и въ случаѣ несогласія,—старшему изъ нихъ по лѣтамъ. Вѣдѣнію волостнаго схода подлежатъ: 1) выборы волостныхъ должностныхъ лицъ и судей волостнаго суда; 2) постановленіе о всѣхъ вообще предметахъ, относящихся до хозяйственныхъ и общественныхъ дѣлъ цѣлой волости; 3) мѣры общественнаго призрѣнія, учрежденіе волостныхъ училищъ, распоряженія по волостнымъ запаснымъ магазинамъ, гдѣ они есть; 4) принесеніе, куда слѣдуетъ, жалобъ и просьбъ, по дѣламъ волости, чрезъ особыхъ выборныхъ; 5) назначеніе и раскладка мірскихъ сборовъ и повинностей, относящихся до цѣлой волости; 6) повѣрка дѣйствій и учетъ должностныхъ лицъ, волостью избираемыхъ; 7) повѣрка рекрутскихъ списковъ и раскладка рекрутской повинности; 8) дача довѣренности на хожденіе по дѣламъ волости. Рѣшенія волостнаго схода признаются дѣйствительными, когда на сходѣ были: волостной старшина, или заступающій его мѣсто, и не менѣе двухъ третей крестьянъ, имѣю-

щихъ голосъ на сходѣ. Всѣ дѣла на волостномъ сходѣ рѣшаются по общему согласію, или по большинству голосовъ. Жалобы на рѣшеніе волостнаго суда приносятся мировому посреднику, для передачи на разрѣшеніе мироваго съѣзда. Волостной старшина отвѣтствуетъ за сохраненіе общаго порядка, спокойствія и благочинія въ волости. Въ этомъ отношеніи ему вполнѣ подчиняются сельскіе старшины. Вѣдомству волостнаго старшины подлежатъ: сельскія общества, къ составу волости принадлежащія, и вообще лица, состоящія въ вѣдѣніи сельскаго управленія тѣхъ обществъ, а равно приписанные къ волости дворовые люди. Волостное правленіе составляется изъ старшины, всѣхъ сельскихъ старостъ или помощниковъ старшины и изъ сборщиковъ податей, тамъ, гдѣ есть особые сборщики. Рѣшенію правленія, единогласному или по большинству голосовъ наличныхъ чиновъ, подлежатъ только слѣдующія дѣла: 1, производство изъ волостныхъ суммъ всякаго рода денежныхъ расходовъ, утвержденныхъ уже волостнымъ сходомъ; 2, продажа частнаго крестьянсгаго имущества, по взысканіямъ казны, помѣщика, или частнаго лица, кромѣ тѣхъ случаевъ, которые по закону возлагаются на общую полицію, и 3, опредѣленіе и увольненіе волостныхъ должностныхъ лицъ, служащихъ по найму. Дѣла въ волостномъ правленіи производятся словесно. Для составленія волостнаго суда, избирается ежегодно волостнымъ сходомъ (или сельскимъ, если волость состоитъ изъ одного сельскаго общества) отъ четырехъ до двѣнадцати очередныхъ судей. Присутствіе суда должно состоять не менѣе, какъ изъ трехъ судей; судьи могутъ быть избраны, или для безсмѣннаго, въ теченіе цѣлаго года, отправленія своей должности, или для отправленія оной по очереди, заранѣе опредѣлѣнной сходомъ. Волостной судъ вѣдаетъ, на основаніи слѣдующихъ статей, какъ споры и тяжбы между крестьянами, такъ и дѣла по маловажнымъ ихъ проступкамъ. Волостной судъ рѣшаетъ окончательно: всѣ споры и тяжбы собственно между крестьянами, цѣною до ста руб. включительно, какъ о недвижимомъ и движимомъ имуществахъ въ предѣлахъ крестьянскаго надѣла, такъ и по займамъ, покупкамъ, продажамъ и всякаго рода сдѣлкамъ и обязательствамъ, а равно и дѣла по вознагражденію за убытки и ущербъ, крестьянскому имуществу причиненные. Если дѣло превышаетъ эту сумму, или тяжба касается недвижимаго имущества, пріобрѣтеннаго крестьянами въ собственность внѣ надѣла, а также если участвуютъ въ тяжбѣ лица другихъ состояній, то во всѣхъ этихъ случаяхъ, по

требованію одной изъ сторонъ, дѣло подлежитъ разсмотрѣнію общихъ судебныхъ мѣстъ, на точномъ основаніи законовъ. Независимо отъ этого окончательному рѣшенію волостнаго суда подлежатъ всѣ безъ ограниченія цѣною иска, между крестьянами споры и тяжбы, которые тяжущіяся стороны предоставляютъ рѣшенію волостнаго суда. Споры и тяжбы, въ коихъ кромѣ крестьянъ участвуютъ и посторонніе лица, могутъ быть также, по желанію тяжущихся сторонъ, предоставляемы окончательному рѣшенію волостнаго суда. По всѣмъ дѣламъ безъ ограниченія ихъ цѣною, если съ оными не соединено преступленія или проступка, и не сопряжены пользы малолѣтнихъ и умалишенныхъ, крестьяне, какъ одной, такъ и разныхъ волостей, могутъ, вмѣсто разбирательства въ волостномъ судѣ, обращаться по взаимному согласію, къ третейскому, по совѣсти, суду, не стѣсняясь никакими формами. Рѣшеніе третейскаго суда должно быть немедленно объявлено тяжущимся сторонамъ и внесено въ имѣющуюся при волостномъ правленіи книгу. Оно считается вошедшимъ окончательно въ законную силу, со времени внесенія въ эту книгу. Никакія жалобы на оное нигдѣ не принимаются. Волостной судъ разбираетъ и приговариваетъ къ наказанію крестьянъ, принадлежащихъ къ волости, за маловажные проступки, когда оные совершены въ предѣлахъ самой волости, противъ лицъ, принадлежащихъ къ тому же состоянію и безъ участія лицъ другихъ состояній, а также, когда означенные проступки не находятся въ связи съ уголовными преступленіями, кои подлежатъ разсмотрѣнію общихъ судебныхъ мѣстъ. — Волостной судъ властенъ, по таковымъ проступкамъ, приговаривать виновныхъ: къ общественнымъ работамъ — до шести дней, или къ денежному взысканію до трехъ рублей, или къ аресту — до семи дней, или, наконецъ, лицъ отъ тѣлеснаго наказанія неизъятыхъ, — къ наказанію розгами *до двадцати ударовъ.* Назначеніе мѣры наказанія за каждый проступокъ предоставляется усмотрѣнію самого суда. Волостной судъ не вправѣ приговаривать къ тѣлесному наказанію: престарѣлыхъ крестьянъ, достигшихъ шестидесятилѣтняго возраста, должностныхъ лицъ, вышеупомянутыхъ, и тѣхъ, кои безспорно исполняли подобныя должности; равно и крестьянъ, кончившихъ курсъ въ уѣздныхъ училищахъ, земледѣльческихъ и равныхъ съ ними, или высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Волостной старшина и староста не должны вмѣшиваться въ производство волостнаго

суда и не присутствуютъ при обсужденіи дѣлъ. Всѣ дѣла въ волостномъ судѣ производятся словесно.

Волостной старшина утверждается въ должности мировымъ посредникомъ, прочія же лица окончательно избираются сходами; въ случаѣ жалобы на незаконность избранія, не менѣе какъ отъ одной пятой части домохозяевъ, составляющихъ сельское или волостное населеніе, мировой посредникъ повѣряетъ справедливость жалобы и распоряжается о производствѣ новыхъ выборовъ.

Увольненіе волостныхъ старшинъ, старостъ и помощниковъ старшинъ за неисправность или злоупотребленія, зависитъ отъ уѣзднаго мироваго съѣзда, постановленія котораго объ увольненіи волостныхъ старшинъ представляются на утвержденіе начальника губерніи.

Вотчинная полиція и попечительство въ сельскихъ обществахъ временно-обязанныхъ крестьянъ предоставляется помѣщику. Онъ имѣетъ право надзора за охраненіемъ общественнаго порядка и общественной безопасности на пространствѣ принадлежащаго ему имѣнія; посему сельскій староста исполняетъ безотлагательно всѣ законныя требованія помѣщика по предметамъ, подлежащимъ вѣдѣнію помѣщика, который, сверхъ того, можетъ требовать исправленія дорогъ на земляхъ, въ пользованіе крестьянъ отведенныхъ. Въ случаѣ злоупотребленій или неисправнаго исполненія должности старостою или помощникомъ старшины, помѣщикъ имѣетъ право требовать отъ мироваго посредника смѣны ихъ.

Исключеніе крестьянъ изъ общества по мірскому приговору не иначе можетъ быть какъ съ согласія помѣщика, который сверхъ того можетъ самъ предлагать обществу исключать изъ общества кого онъ найдетъ опаснымъ и вреднымъ, и въ случаѣ несогласія общества его на предложеніе обращается съ просьбою въ уѣздный мировой судъ для представленія въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе.

Помѣщикъ можетъ требовать всѣ мірскіе приговоры, составляющіеся въ сельскомъ сходѣ водвореннаго на его земляхъ общества, и по своему усмотрѣнію пріостанавливаетъ исполненіе приговоровъ.

Права свои вполнѣ или съ ограниченіями и по законнымъ довѣренностямъ, помѣщикъ можетъ передавать, по своему усмотрѣнію,

лицамъ, которымъ, общими законами, не воспрещается управленіе имѣніями.

Такимъ образомъ, прежнее вліяніе помѣщиковъ на ихъ крестьянъ измѣнилось въ права, опредѣленныя подробно положеніями, и попечительство надъ крестьянами и полиція остались у помѣщиковъ, которые съ тѣмъ вмѣстѣ облегчены отъ всякой отвѣтственности предъ правительствомъ за обезпеченіе быта крестьянъ и за исправный платежъ за нихъ казенныхъ повинностей.

Полное освобожденіе, нынѣ же, вытекаетъ изъ обоюдныхъ лишь соглашеній между ними и помѣщиками, и также осуществимо при желаніи самихъ крестьянъ быть свободными безъ земли. Дворовые люди, до истеченія двухъ лѣтъ, могутъ воспользоваться полной свободой тоже при согласіи на то помѣщика, или считаться временно-обязанными, не имѣя никакихъ отношеній къ помѣщику, если они отпущены на оброкъ и уплачиваютъ его исправно.

Такова сущность положеній объ отмѣнѣ крѣпостнаго права.

Въ положеніи о приведеніи въ дѣйствіе положеній о крестьянахъ опредѣленъ порядокъ и размѣры отбыванія ими повинностей помѣщику впредь до введенія въ дѣйствіе по каждому имѣнію уставныхъ грамотъ. Оброчные крестьяне не могутъ быть обращаемы на барщину; помѣщики не могутъ увеличивать платимыхъ донынѣ оброковъ; барщина, гдѣ она существуетъ, отбывается до утвержденія грамотъ, въ прежнемъ размѣрѣ и не можетъ простираться для мужчинъ—свыше трехъ дней въ недѣлю, а женская—двухъ; всѣ добавочные сверхъ барщины повинности отмѣняются. До введенія въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ, на владѣльцахъ остаются прежнія обязанности по продовольствію и призрѣнію крестьянъ; жалобы и недоразумѣнія, которыя могутъ возникнуть между помѣщиками и крестьянами и дворовыми людьми, разрѣшаются уѣздными предводителями дворянства. Тѣлесному наказанію помѣщики могутъ подвергать крестьянъ до открытія волостей, но не иначе, какъ чрезъ полицію.

Для введенія въ дѣйствіе положеній о крестьянахъ и для сосредоточенія управленія ими учреждаются: мировые посредники, мировые съѣзды и губернское присутствіе.

Мировые участки, число и составъ которыхъ опредѣляется, съ утвержденія начальника губерніи, уѣзднымъ дворянскимъ собраніемъ, состоятъ въ завѣдываніи мировыхъ посредниковъ, которые составляютъ первую инстанцію управленія; затѣмъ слѣдуетъ мировой съѣздъ, который составляютъ: уѣздный предводитель, какъ предсѣдатель, всѣ мировые посредники въ уѣздѣ и членъ отъ правительства, по назначенію губернатора. Мировые посредники избираются изъ дворянъ-собственниковъ земли начальникомъ губерніи и утверждаются правительствующимъ сенатомъ. Званіе посредника равняется съ званіемъ уѣзднаго предводителя дворянства. Посредникъ служитъ безъ жалованья.

Третья и высшая инстанція по управленію крестьянами, вышедшими изъ крѣпостной зависимости, есть губернское присутствіе, которое составляютъ: начальникъ губерніи, какъ предсѣдатель, губернскій предводитель дворянства, управляющій палатою государственныхъ имуществъ, губернскій прокуроръ, два члена изъ мѣстныхъ дворянъ помѣщиковъ, приглашаемыхъ, по сношенію съ начальникомъ губерніи, министромъ внутреннихъ дѣлъ, съ Высочайшаго соизволенія, и двухъ членовъ изъ мѣстныхъ дворянъ помѣщиковъ, избранныхъ собраніемъ губернскаго и уѣздныхъ предводителей дворянства.

Права дворовыхъ людей личныя, семейственныя и по имуществу одинаковы съ вышеизложенными правами крестьянъ, съ той лишь разницей, что на земельный надѣлъ имѣютъ право тѣ только изъ дворовыхъ людей, которые до обнародованія указа 2 марта 1858 г. сами лично пользовались полевымъ надѣломъ или, по поступленіи къ помѣщику въ услуженіе, либо въ хозяйственную должность, не переставали пользоваться надѣломъ, или же нести издѣльную повинность при обработкѣ пахатныхъ полей.

Дворовые люди, имѣющіе, право на поземельный надѣлъ, и объявившіе на это желаніе, могутъ войти въ составъ крестьянскаго общества, но помѣщикъ не обязанъ обзаводить ихъ ни домами, ни другими принадлежностями крестьянскаго хозяйства.

Со дня утвержденія положеній дворовые люди обоего пола обязаны, въ теченіе двухъ лѣтъ, платить владѣльцамъ оброкъ, или служить имъ, оставаясь въ полномъ повиновеніи. Состоящіе при обнаро-

даваніи положеній на оброкѣ, или проживающіе на сторонѣ, по паспортамъ, не могутъ быть требуемы владѣльцемъ на обязательную работу, или на службу, и платимый ими владѣльцамъ оброкъ не можетъ быть увеличенъ свыше того, который платился ими до утвержденія этого положенія. Вообще, оброкъ, взимаемый владѣльцемъ, ни въ какомъ случаѣ не долженъ превышать *тридцати* руб. сер. въ годъ съ взрослаго двороваго мужчины и десяти руб. съ дворовой женщины. За неисправный платежъ оброка дворовые люди могутъ быть, по требованію помѣщика, обращаемы въ заработки. Во все время обязательной службы помѣщику, дворовые люди получаютъ отъ владѣльца то же содержаніе (продовольствіе, помѣщеніе, одежду и отопленіе), коимъ они пользовались до обнародованія положеній, и денежное жалованье, по ближайшему усмотрѣнію самого владѣльца. На содержаніе владѣльца, въ теченіи того же времени, остаются и всѣ тѣ дворовые люди, которые по старости, малолѣтству, тѣлеснымъ и душевнымъ недугамъ неспособны къ работѣ. Дворовые люди, обличенные владѣльцемъ въ буйствѣ, нерадѣніи, неповиновеніи, или развратномъ поведеніи, отсылаются владѣльцемъ, для наказанія, въ городскую или земскую полицію, при письменномъ требованіи, въ коемъ должна быть объяснена вина двороваго человѣка. Полиція подвергаетъ этого послѣдняго взысканію, по мѣрѣ вины и въ предѣлахъ предоставленной ей власти.

Въ обѣихъ столицахъ, для разбора жалобъ и недоразумѣній между проживающими въ нихъ помѣщиками и дворовыми, назначаются, на время двухлѣтняго срока обязательной службы дворовыхъ помѣщикамъ, особые мировые посредники. Въ случаѣ, если жалоба на владѣльца окажется справедливой, мировой посредникъ, а гдѣ его нѣтъ, уѣздный предводитель предлагаетъ владѣльцу доставить жалующемуся удовлетвореніе, а въ случаѣ неуспѣха такого предложенія, а равнымъ образомъ въ случаѣ обнаруженія *важнаго* злоупотребленія въ обращеніи владѣльца съ дворовыми людьми, послѣдніе освобождаются отъ обязательныхъ отношеній къ владѣльцу, если сами того пожелаютъ, и до истеченія двухлѣтняго срока.

Обязательныя отношенія дворовыхъ людей къ владѣльцамъ могутъ быть прекращаемы и до истеченія двухъ лѣтъ, по обоюдному согласію, или по желанію владѣльца; въ послѣднемъ случаѣ неспособныхъ

къ работѣ онъ долженъ обезпечить денежной суммой, какая опредѣлена будетъ для каждой губернiи губернскимъ присутствiемъ, на все время до истеченiя двухлѣтняго срока, по истеченiи котораго прекращается всякое попечительство владѣльца надъ этими людьми, и они освобождаются навсегда отъ всякихъ обязанностей къ владѣльцу, кромѣ опредѣляемыхъ по добровольному условiю; малолѣтнiя дѣти принимаются тогда на попеченiе родителей, жены на попеченiе мужей, неспособные къ работѣ родители—на попеченiе совершеннолѣтнихъ дѣтей, а вообще нуждающiеся въ призрѣнiи обезпечиваются учреждаемымъ съ дворовыхъ людей сборомъ по 1 руб. съ души, о которомъ было говорено выше.

Съ прекращенiемъ двухлѣтняго срока дворовые люди могутъ приписываться къ городскимъ и сельскимъ обществамъ всѣхъ вѣдомствъ, кромѣ тѣхъ дворовыхъ людей, которые отданы владѣльцами, до обнародованiя положенiй, въ обученiе мастерствамъ и ремесламъ; безъ особой за то платы, по контрактамъ, остающимся въ семъ случаѣ въ своей силѣ до истеченiя сроковъ.

Передача правъ, по сдѣлкамъ съ другими лицами, на обязательную службу дворовыхъ людей, если нѣтъ на то ихъ согласiя, воспрещается владѣльцамъ; за несоблюденiе же сего дворовые люди могутъ быть освобождены отъ обязательныхъ отношенiй къ владѣльцу.

Положенiя, сущность которыхъ мы изложили, кладутъ основанiе устройству быта сельскаго населенiя и междусословныхъ отношенiй въ нашемъ отечествѣ.

Надо надѣяться, что положенiя эти, подобно всѣмъ государственнымъ узаконенiямъ, должны совершенствоваться путемъ дополненiй и измѣненiй, который укажетъ опытъ. Путь, которымъ прошолъ крестьянскiй вопросъ отъ возникновенiя его до обнародованныхъ нынѣ положенiй, указываетъ намъ, что и дальнѣйшiй ходъ этого дѣла, со всѣми его послѣдствiями, не будетъ чуждъ общественнаго обсужденiя, которое, можетъ быть, болѣе потребуетъ собирательнаго участiя и изученiя дѣла,—какъ факта уже—нежели требовало приведенiе въ исполненiе указанiй Государя, по которымъ приведено къ настоящему концу крестьянское дѣло.

Крѣпостное право со всѣми своими жертвами, безвозвратно сдѣлалось уже достояніемъ исторіи,—и это фактъ, который привѣтствуетъ Россія!

А. Г.

СМѢСЬ.

Замѣтки на проектъ преобразованія морскихъ учебныхъ заведеній съ учрежденіемъ новой гимназіи.

Въ ряду общественныхъ вопросовъ первостепенной важности, затронутыхъ въ настоящее время и стоящихъ на очереди, вопросъ о народномъ образованіи занимаетъ весьма важное мѣсто и вполнѣ заслуживаетъ самаго тщательнаго обсужденія и всесторонняго разсмотрѣнія. Если задуманныя реформы по нѣкоторымъ отраслямъ государственнаго управленія и могутъ быть отчасти удовлетворительно разрѣшаемы кабинетно, специалистами, — зато нѣкоторыя другія преобразованія, къ числу которыхъ принадлежатъ существенныя измѣненія по учебному вѣдомству, должны быть обдуманы и соображены по возможности, большинствомъ мыслящихъ людей, стоящихъ на разныхъ ступеняхъ общественной дѣятельности и прямо заинтересованныхъ въ дѣлѣ образованія народнаго. Для полнаго успѣха дѣла, конечно, необходимо, чтобъ мнѣнія были высказаны свободно и искренно безъ однѣхъ мыслей, принаравливающихся къ заранѣе извѣстному авторитету и плану. И чѣмъ больше соберется разнородныхъ предположеній и мнѣній о предстоящихъ преобразованіяхъ учебныхъ заведеній, тѣмъ, конечно, лучше. Главные вопросы народнаго образованія будутъ рѣшены всѣмъ міромъ и никто не рѣшится пенять впослѣдствіи, что сдѣлано это такъ, а не иначе, когда ни у кого не отнимали права высказать откровенно свое мнѣніе. Если справедливы вообще поговорки, что есть *нѣкто*, кто умнѣе самаго умнаго чело-

вѣка въ мірѣ, и этотъ нѣкто есть — *всѣ*, то это изрѣченіе всего ближе и разумнѣе примѣняется къ обсужденію вопросовъ общественной важности.

Представляя нѣсколько бѣглыхъ замѣтокъ на проектъ устава морскихъ учебныхъ заведеній, мы далеки отъ мысли считать ихъ непогрѣшимыми; но полагаемъ, что въ общей массѣ разнообразныхъ мнѣній по предмету народнаго образованія и нашъ голосъ можетъ имѣть мѣсто. Скажемъ, однакожъ, прежде нѣсколько словъ о системѣ нашего народнаго просвѣщенія вообще.

Система распространенія просвѣщенія въ массахъ народа только тогда можетъ назваться вполнѣ *народною и общею*, когда она обойметъ въ равной мѣрѣ всѣ сословія народа, когда ея основныя положенія, видоизмѣняясь въ частностяхъ и по мѣстнымъ условіямъ, будутъ одинаково доступны для всѣхъ классовъ общества. Но если будутъ существовать для нѣкоторыхъ сословій особыя учебныя заведенія, особые уставы, особыя положенія и права; если для образованія, напр. духовенства, военныхъ, инженеровъ, моряковъ и т. п. будутъ устроены особыя училища, въ основной системѣ которыхъ не будетъ проведена одна общая идея съ другими народными училищами, то нельзя уже назвать такой системы просвѣщенія *общенародною*; въ такомъ случаѣ, сколько въ государствѣ окажется отдѣльныхъ вѣдомствъ и управленій, столько же будетъ министерствъ народнаго просвѣщенія, изъ коихъ каждое станетъ преслѣдовать исключительно свою спеціальную цѣль, при образованіи ввѣреннаго ему юношества, отстранивъ общечеловѣческое образованіе на второй планъ, и тогда по необходимости разойдется во взглядѣ на просвѣщеніе съ другими подобными же учрежденіями государства. Такая раздробленность и разнохарактерность нашего просвѣщенія существуетъ у насъ, какъ всѣмъ извѣстно, на самомъ дѣлѣ, и хотя она развивалась исторически и оправдывается отчасти особыми временными потребностями государства; но тѣмъ не менѣе всякій невольно сознается, что въ общей системѣ народнаго образованія у насъ и до сихъ поръ нѣтъ единства и гармоніи. Наше просвѣщеніе можно сравнить съ тѣмъ громаднымъ, причудливымъ зданіемъ, которое строилось нѣсколько вѣковъ разными лицами и на которомъ поэтому отразились разнообразные вкусы и характеры всѣхъ его прежнихъ владѣтелей и зодчихъ, мало заботившихся о направленіи и гармоніи цѣлаго. Теперь всѣ начинаютъ, кажется, сознавать неудобство раздробленности у насъ учебной части

и стало замѣтно желаніе соединить общее образованіе вмѣстѣ, давъ ему единство характера и общность направленія. Несомнѣнно, что общечеловѣческое, гуманное образованіе юношества должно быть сосредоточено въ одномъ вѣдомствѣ, должно руководиться одними и тѣми же началами, не развѣтвляясь преждевременно на специальныя учебныя заведенія для малолѣтокъ, которыхъ родители очень часто самопроизвольно и слишкомъ рано прочатъ для разныхъ общественныхъ должностей. Мы какъ-то привыкли также всѣ заботы и издержки по образованію нашихъ дѣтей, равно какъ и по другимъ дѣламъ общественныхъ распорядковъ, взваливать на правительство, такъ что даже вполнѣ достаточные родители везутъ своихъ дѣтей въ столицы для доставленія имъ образованія на счетъ казны. Для достиженія возможнаго однообразія въ первоначальномъ, общечеловѣческомъ образованіи юношества слѣдовало бы строго опредѣлить, чтобъ никто, неокончившій курса въ гимназіи или невыдержавшій полнаго и строгаго испытанія въ наукахъ, въ нихъ преподаваемыхъ, не имѣлъ бы права поступить ни въ кадетскій корпусъ, ни въ семинарію, ни въ училище правовѣдѣнія, ни въ лицей. Для чего вмѣшивать въ дѣла образованія дѣтей—сословные предразсудки и дробить дѣтей на касты? Пусть господствуетъ въ обществѣ аристократія ума, образованности и личнаго благородства, самая законная аристократія въ человѣчествѣ, а не наслѣдственное мѣстничество, нелѣпое право считаться заслугами своихъ отцовъ и дѣдовъ, безъ личныхъ достоинствъ. Хоть мы и убѣждены, что наше мнѣніе будетъ гласомъ воніющаго въ пустынѣ, но рѣшаемся высказать его прямо, несмотря на предубѣжденіе тѣхъ, кто сжился съ сословными предразсудками, воспринялъ ихъ въ себя съ молокомъ матери и кому, по этой самой причинѣ, трудно отрѣшиться отъ нихъ. До тѣхъ же поръ, пока образованіе юношества будетъ у насъ раздроблено между различными вѣдомствами, съ разными правами и привиллегіями, относительно пріема и послѣдующей службы учащихся, до тѣхъ поръ наше народное просвѣщеніе будетъ неполно, будетъ сколкомъ чего-то цѣлаго. Правда, въ послѣднее время уже почувствована многими вѣдомствами крайняя необходимость измѣнить этотъ странный порядокъ образованія и воспитанія русскаго юношества: въ нѣкоторыхъ специальныхъ учебныхъ заведеніяхъ мало по малу упраздняются или сокращаются общіе курсы, допускаются къ обученію въ нихъ дѣти и другихъ сословій,—не однихъ привиллегированныхъ. Министръ народнаго просвѣщенія въ

проектѣ новаго устава низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній также разрѣшаетъ принимать въ число пансіонеровъ гимназій дѣтей всѣхъ состояній, а не исключительно дворянъ (§ 303), какъ было до сихъ поръ; стало-быть вопросъ этотъ вступаетъ уже въ область практическаго разрѣшенія. Слѣдствіемъ же ненормальнаго устройства у насъ учебныхъ заведеній разныхъ вѣдомствъ бываетъ то, что значительная часть учащихся въ низшихъ классахъ гимназій есть только кандидаты въ специальныя учебныя заведенія, и гимназія для нихъ становится не болѣе, какъ станціоннымъ домомъ на большой дорогѣ, куда заѣзжаютъ только по пути, на время, отдохнуть и обогрѣться. Это одна изъ главныхъ причинъ малочисленности учащихся въ высшихъ классахъ губернскихъ гимназій. Не многіе у насъ родители сознаютъ необходимость дать прочное и основательное образованіе своимъ дѣтямъ: большинство ихъ стремится поскорѣе вывести дѣтей своихъ въ свѣтъ, на службу, не разбирая, годенъ-ли онъ къ ней или нѣтъ.

Отрадно по крайней мѣрѣ видѣть, что сознана наконецъ необходимость кореннаго преобразованія у насъ учебной и воспитательной части. Въ прошломъ году явился проектъ преобразованія низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія; по поводу его изданія высказано, кажется, нѣсколько дѣльныхъ мыслей касательно общественнаго образованія у насъ юношества. Теперь мы имѣемъ передъ глазами проектъ преобразованія морскихъ учебныхъ заведеній, Эти учебныя заведенія принадлежатъ до сихъ поръ къ числу тѣхъ специальныхъ училищъ, въ которыхъ общее образованіе сливается съ специальнымъ и безъ всякаго сомнѣнія къ явному ущербу того и другаго. Этотъ главный недостатокъ морскихъ учебныхъ заведеній послужилъ между прочимъ причиною къ преобразованію ихъ на новыхъ основаніяхъ, съ уменьшеніемъ какъ числа самыхъ училищъ, такъ и учащихся въ нихъ. Такимъ образомъ изъ 5 учебныхъ заведеній морскаго министерства предположено оставить только два: морской кадетскій корпусъ въ С. Петербургѣ и морское техническое училище въ Кронштадтѣ, а отъ наличнаго числа учащихся по училищамъ этого министерства — 1426 ч. (а по календарю 1860 г., доходившее въ 1859 г. до 2,143 ч.) оставить 460 учениковъ. Первый,—будетъ состоять изъ трехъ отдѣленій: младшаго, средняго и старшаго; въ каждомъ изъ нихъ нормальное число учащихся простирается: въ старшемъ 44, а въ двухъ послѣднихъ по 88 челов.;

кромѣ того для высшаго спеціальнаго изученія морскаго искуства будетъ устроена морская академія съ 16 учащимися, долженствующая замѣнить нынѣшніе офицерскіе классы. Мы не понимаемъ, какимъ образомъ можно привести въ комплектное число учащихся по отдѣленіямъ и соблюдать этотъ порядокъ впослѣдствіи, если руководствоваться справедливою оцѣнкою познаній учащихся, а не простымъ перемѣщеніемъ воспитанниковъ изъ одного отдѣленія въ другое. Не понимаемъ также, для чего ограничивать число слушателей морской академіи и не допускать вовсе необязательныхъ слушателей; намъ кажется, чѣмъ больше сыщется охотниковъ получить высшее образованіе, тѣмъ лучше для самого морскаго вѣдомства; нельзя согласиться съ мнѣніемъ составителя проекта, будто необязательные слушатели, не имѣя никакихъ серьезныхъ цѣлей, оказываются часто *неумѣстными критиками* (см. объясненіе къ § 5 проекта академіи, стр. 245). Способъ ограниченія числа учащихся едва ли можетъ быть исполненъ по справедливости въ такомъ размѣрѣ, какъ предполагаетъ составитель проекта; мы полагаемъ, что удобнѣе будетъ прекратить вовсе пріемъ кандидатовъ въ морскія учебныя заведенія въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, оставивъ нынѣшнихъ воспитанниковъ окончить въ нихъ курсъ; или же, преобразовавъ по новому уставу морскія учебныя заведенія, излишнее число малолѣтныхъ воспитанниковъ, неспособныхъ къ морской службѣ, размѣстить по училищамъ министерства народнаго просвѣщенія: лучше употребить заразъ полезную мѣру и поставить училища въ настоящее ихъ положеніе, чѣмъ увольнять ежегодно понѣскольку сотъ учениковъ, которые, не будучи приспособлены и подготовлены къ курсамъ другихъ учебныхъ заведеній, очутятся въ безвыходномъ состояніи.

Не касаясь распредѣленія, плана и объема учебныхъ предметовъ по курсамъ, какъ подлежащихъ суду спеціалистовъ морскаго дѣла, скажемъ нѣсколько бѣглыхъ замѣтокъ на проектъ относительно воспитательной и административной части морскихъ училищъ.

Насчетъ учебнаго совѣта морскихъ училищъ позволимъ себѣ замѣтить, что, по нашему мнѣнію, въ каждомъ изъ нихъ долженъ быть учрежденъ свой отдѣльный совѣтъ, по образцу училищъ министерства народнаго просвѣщенія, членами котораго слѣдуетъ считать всѣхъ преподавателей и воспитателей заведенія; предметомъ обсужденія служатъ всѣ вопросы по воспитательной и учебной части училища. Кажется, нѣтъ никакой надобности доказывать пользу такого

учрежденія, какъ педагогическіе совѣты училищъ, если только пренія въ нихъ ведутся свободно, не стѣсняясь авторитетомъ начальства, и не смѣшивая подчиненіе лицу съ подчиненіемъ убѣжденію. Всѣ важнѣйшія взысканія съ учащихся, какъ-то заключеніе подъ арестъ и увольненіе изъ заведенія, должны быть рѣшаемы большинствомъ голосовъ членовъ учебнаго совѣта, а не исключительно властію директора или инспектора. Общія собранія учебнаго совѣта всѣхъ морскихъ училищъ могутъ состоять изъ лицъ, поименованныхъ въ § 9 настоящаго проекта и производиться въ сроки, опредѣленные § 12.

По нашему мнѣнію, должность главныхъ экзаменаторовъ морскихъ учебныхъ заведеній совершенно излишняя, хотя подобнаго рода учрежденіе и существуетъ во Франціи: обязанности ихъ дотого ничтожны, что не стоитъ заводить особыхъ наблюдателей надъ преподаваніемъ, которое, по спеціальнымъ наукамъ, можетъ быть повѣряемо кѣмъ нибудь изъ членовъ ученаго комитета, по назначенію морскаго министерства; а по прочимъ предметамъ ученія не предвидится въ томъ и надобности, такъ какъ ближайшее училищное начальство обязано имѣть настолько научныхъ познаній, чтобъ быть въ состояніи судить о степени усердія и знанія своихъ преподавателей, которыхъ само же оно избираетъ и увольняетъ отъ должности. Учебный совѣтъ съ своей стороны также слѣдитъ за успѣхами преподаванія и нравственности учениковъ. Къ тому же, главные экзаменаторы, состоя на службѣ по другимъ вѣдомствамъ, едва ли захотятъ принять горячее участіе въ учебныхъ дѣлахъ морскихъ училищъ, и будутъ посѣщать ихъ только предъ полученіемъ жалованья, которое назначено имъ весьма щедро, — по 2,000 р. с. каждому. Съ уничтоженіемъ же безполезной должности экзаменаторовъ, издержки на морскія училища сократятся на 8,000 р. с.,—сумма не маловажная для другихъ общеполезныхъ цѣлей.

Огромный шагъ впередъ въ педагогическомъ отношеніи мы видимъ въ томъ, что пріемъ воспитанниковъ въ морскія училища, на основаніи § 512 проекта, дозволенъ для всѣхъ сословій, безъ ограниченія; только жаль, что возрастъ для поступленія въ корпусъ опредѣленъ не настоящій, а переходный (отъ 14—16 лѣтъ), когда мальчикъ еще не въ состояніи самъ опредѣлить своей склонности къ морской службѣ, окончательно не сложенъ физически и не докончилъ еще общаго образованія. Какъ и всякая другая полумѣра, такъ точно и эта поведетъ къ такимъ же неудобствамъ, какія произошли отъ

слишкомъ ранняго поступленія въ морской корпусъ. Лучше сократить срокъ ученія въ корпусѣ, уничтоживъ въ немъ младшее отдѣленіе, въ которомъ почти исключительно назначены общеобразовательные предметы ученія, а не спеціальные. Такимъ образомъ спеціальный курсъ морскаго корпуса легко могъ бы быть пройденъ въ теченіи 3 лѣтъ, а поступали бы въ него молодые люди отъ 16—18 лѣтняго возраста, по степени *развитія* и знаній, вполнѣ окончившіе гимназическій курсъ, познакомленные нѣсколько съ англійскимъ языкомъ, Не сомнѣваемся, что такая мѣра принесетъ гораздо болѣе существенной пользы морскому вѣдомству, чѣмъ предложенная полумѣра; притомъ же она будетъ гораздо выгоднѣе и въ нравственномъ (о чемъ такъ заботится составитель проекта) и въ экономическомъ отношеніяхъ, потому что издержки на содержаніе корпуса, съ уничтоженіемъ одного младшаго отдѣленія, сократятся ежегодно болѣе, чѣмъ на 30,000 р. с., а на эту сумму легко можно будетъ содержать еще одну гимназію. Вообще должно сказать, что на содержаніе морскихъ училищъ ассигнована огромная сумма; мы полагаемъ, что штатъ морскаго корпуса можно бы *значительно* сократить, особливо по хозяйственной части; однихъ нижнихъ служителей положено въ корпусѣ до 100 человѣкъ на 200 кадетъ, тогда какъ достаточно было бы и четверти этого числа. Весьма щедрое жалованье назначено 5 священникамъ морскаго корпуса (по 1500 р. с. каждому въ годъ, кромѣ жалованья и годоваго содержанія отъ флота во время плаванія) и эконому корпуса съ его помощникомъ, изъ коихъ первому опредѣлено 2000 р. с., а второму 700 р. въ годъ жалованья, при казенной квартирѣ и готовомъ содержаніи. Хозяйственная часть въ корпусѣ при малочисленности учащихся, значительное число которыхъ будетъ постоянно находиться въ продолжительномъ заграничномъ плаваніи, никакъ не можетъ быть обширна. Вообще такого огромнаго бюджета (178,000 р. с.) на одно только учебное заведеніе съ 220 воспитанниками намъ не случалось еще видѣть; даже высшія учебныя заведенія, какъ университеты, довольствуются болѣе скромнымъ содержаніемъ. Взамѣнъ упраздненія нѣкоторыхъ учебныхъ заведеній на средства морскаго министерства предположено открыть въ С.-Петербургѣ новую, шестую гимназію, которая въ теченіи перваго учебнаго курса будетъ состоять въ вѣдѣніи морскаго начальства. Цѣль учрежденія гимназіи, кромѣ общеобразовательной, свойственной всѣмъ училищамъ этого рода, состоитъ также въ томъ, чтобъ размѣстить на

первое время излишнее число воспитанниковъ морскихъ училищъ съ преобразованіемъ ихъ по новому положенію и также имѣть для нихъ кандидатовъ впослѣдствіи. По курсу ученія новая гимназія будетъ примыкать къ разряду гимназій филологическихъ М. Н. Пр., проектированныхъ по новому уставу, и состоять также изъ восьмигодичнаго курса; она будетъ заведеніемъ закрытымъ. Откровенно говоря, мы не видимъ причины, почему не могутъ быть допущены въ эту гимназію приходящіе ученики съ небольшою платою за обученіе: всѣмъ извѣстно, что домашнее воспитаніе дѣтей, подъ ближайшимъ наблюденіемъ родителей и родственниковъ, во всякомъ случаѣ благодѣтельнѣе для ихъ нравственности, чѣмъ общій поверхностный надзоръ нанятыхъ гувернеровъ, и особенно иностранцевъ. На воспитательную часть въ гимназіи обращено надлежащее вниманіе; воспитателей полагается 12 человѣкъ и имъ назначено хорошее содержаніе (1000—1500 р. с. въ годъ). Но особенную заботливость обратилъ составитель проекта на укорененіе въ воспитанникахъ гимназіи чувства религіозности. Для этой цѣли даны особыя права и преимущества законоучителю, къ которому обращается инспекторъ, когда находящіяся въ его распоряженіи средства исправленія того или другаго воспитанника будутъ оказываться недѣйствительными или мало дѣйствительными (§ 111); воспитанники *обязаны два раза въ теченіи года говѣть* и *пріобщаться* (§ 49); воспитанники отпускаются къ родителямъ или родственникамъ въ праздничные дни ни въ какомъ случаѣ не ранѣе литургіи (§ 51). Особливой пользы для развитія въ дѣтяхъ религіозно-нравственнаго чувства отъ поименованныхъ мѣръ, по правдѣ сказать, мы не ожидаемъ: они могутъ скорѣе повести къ ханжеству и къ совершенному охлажденію въ дѣтяхъ религіозности: искуственными мѣрами очень неудобно вообще дѣйствовать на убѣжденія людей.

Касательно устройства административной части въ гимназіи нельзя не замѣтить, что директору ея предоставлены слишкомъ обширныя права, огромное жалованье (3000 р. с. въ годъ), при весьма тѣсномъ кругѣ его дѣятельности. Директоръ избираетъ инспектора, преподавателей и воспитателей для гимназіи (§ 73); онъ же, по благоусмотрѣнію своему, назначаетъ имъ жалованье и переводитъ изъ одного оклада въ другой (§ 74) и представляетъ ихъ къ увольненію отъ должности (§ 76). Случись директоръ человѣкъ крутой, вспыльчивый и неравнодушный къ презрѣнному металлу, да тогда отъ него

служащимъ въ гимназіи житья не будетъ: всѣ поневолѣ должны будутъ плясать по его дудкѣ и во всемъ безмолвно съ нимъ соглашаться, иначе директоръ убавитъ у безпокойнаго жалованья или попроситъ его совсѣмъ удалиться изъ гимназіи; деспотизмъ его ничѣмъ не будетъ контролироваться, кромѣ высшаго начальства, которое весьма часто оправдываетъ своего кліента.

Къ сожалѣнію, и здѣсь педагогическому совѣту не дано надлежащаго устройства: его должны составлять всѣ наличные преподаватели и воспитатели гимназіи съ правомъ голоса, а не избранные только директоромъ, иначе вся благодѣтельная цѣль этого полезнаго учрежденія станетъ пустой формой безъ смысла и значенія. Педагогическій совѣтъ долженъ имѣть власть обширную, какъ лицо собирательное, и сдерживать произволъ директора; хозяйственная часть заведенія должна также находиться подъ наблюденіемъ учебнаго совѣта и контролировать директора и эконома: не-то въ полное распоряженіе этихъ лицъ, несмотря на большіе оклады ихъ жалованья, можетъ нечаянно попасть замѣтная сумма, весьма пригодная для какихъ либо дѣйствительныхъ надобностей училища. Затѣмъ, надобности въ хозяйственномъ правленіи гимназіи, по нашему мнѣнію, вовсе не предвидится.

Не касаясь вообще плана преподаванія и распредѣленія учебныхъ предметовъ во вновь проектированной гимназіи, позволяемъ себѣ сказать только нѣсколько словъ о преподаваніи въ ней отечественнаго языка. Что составитель проекта, имѣя въ виду иностранныя учебныя заведенія, старался по образцу ихъ построить планъ обученія и въ новой гимназіи исключительно на филологической основѣ,—это очевидно при одномъ взглядѣ на распредѣленіе уроковъ; что эта основа хотя имѣетъ за собой историческую давность и важный авторитетъ для училищъ западной Европы, но что для русскихъ учебныхъ заведеній она не вполнѣ пригодна, это также, по нашему мнѣнію, не подлежитъ сомнѣнію, если только откажемся отъ желанія слѣпо и безсознательно перенимать для себя все западное.

Такъ какъ главная цѣль гимназическаго образованія состоитъ въ правильномъ развитіи всѣхъ душевныхъ способностей и преимущественно ума у дѣтей, то и слѣдуетъ въ преподаваніи обратить особенное вниманіе на тѣ предметы ученія, которые содѣйствуютъ всего болѣе ихъ умственному развитію. Несомнѣнно, что для того, чтобъ сознательно пріобыкнуть владѣть умомъ, необходимо знать какой нибудь языкъ,

который бы служилъ орудіемъ для выраженія мышленія. Такимъ орудіемъ всего духовнаго развитія человѣка можетъ быть только языкъ родной, языкъ того народа, въ средѣ котораго человѣкъ родился, живетъ и дѣйствуетъ. Слѣд. разумное изученіе отечественнаго языка при воспитаніи юношества должно всегда стоять на первомъ планѣ; оно должно быть главною заботою всякаго ученія: родной языкъ есть естественная и единственная точка опоры для усвоенія всѣхъ прочихъ предметовъ знанія. Если же начать съ дѣтьми, съ ранняго возраста, изученіе нѣсколькихъ иностранныхъ языковъ, пока дитя еще не окрѣпло въ знаніи своего роднаго, то такое ненормальное обученіе будетъ дѣйствовать пагубно на умственное развитіе дѣтей; оно поведетъ къ тупоумію, идіотству, къ отвращенію отъ всѣхъ послѣдующихъ серьезныхъ умственныхъ занятій. Три иностранные языка, кромѣ отечественнаго, которымъ будутъ обучать въ новой гимназіи бѣдныхъ дѣтей, начиная съ 1–го класса, принесутъ очевидно огромный вредъ ихъ умственному развитію; большинство ихъ выйдетъ, безъ сомнѣнія, съ тупыми головами и едвали будетъ способно къ какому либо умственному труду, за исключеніемъ, можетъ быть, весьма не многихъ крѣпкихъ натуръ, коихъ никакая нелѣпая метода не собьетъ съ толку и никакая хитро–придуманная умственная гимнастика не повредитъ естественному развитію ихъ природнаго ума; послѣднихъ счастливцевъ образуется, вѣроятно, нѣсколько единицъ, зато первыхъ погибнетъ нѣсколько сотенъ.

По этимъ причинамъ, мы полагаемъ, что въ новой гимназіи слѣдуетъ оставить въ двухъ низшихъ классахъ преподаваніе латинскаго языка; французскій же и нѣмецкій языки можно начать и съ 1–го класса, но ограничиться только обученіемъ механизма чтенія и письма и составленіемъ легкихъ фразъ; главное же вниманіе слѣдуетъ обратить на изученіе языка отечественнаго и на умственное развитіе учащихся посредствомъ соотвѣтствующихъ на немъ упражненій. Начинать теоретическое изученіе даже роднаго языка съ 1–го класса слишкомъ рано и безполезно, потому что дѣтскій умъ не въ состояніи сознательно уяснить себѣ законы языка, какъ и всякую другую отвлеченность; послѣдствіемъ же ненормальнаго напряженія дѣтскихъ способностей можетъ быть перевѣсъ развитія памяти надъ разсудкомъ. Гораздо сообразнѣе съ правилами здравой педагогіи упражнять учениковъ 1–го и 2–го классовъ преимущественно въ сознательномъ и объяснительномъ чтеніи и правильномъ писаніи, причемъ весьма удоб-

но можетъ быть сообщено ученикамъ много самыхъ разнообразныхъ и полезныхъ свѣдѣній для умственнаго, нравственнаго и эстетическаго ихъ развитія. Теорія языка только тогда съ пользою для дѣтей можетъ быть имъ преподаваема, когда они ясно и сознательно понимаютъ читаемое, если въ состояніи прочитанное плавно пересказать своими собственными словами, изустно и письменно, а этого ранѣе II-го класса достигнуть едвали возможно, даже при хорошей домашней подготовкѣ; поэтому грамматическое знаніе языка, въ общихъ чертахъ, можетъ быть съ пользою усвоено только во II-мъ классѣ, при одновременныхъ и разнообразныхъ практическихъ упражненіяхъ, цѣль которыхъ—развить умъ, обогатить его полезными свѣдѣніями и осмыслить природное владѣніе языкомъ.

Письменныя упражненія въ отечественномъ языкѣ или такъ-называемыя *сочиненія* должны начинаться не съ VI класса, какъ предполагаетъ составитель проекта, а съ 1-го и идти параллельно съ изустнымъ изученіемъ его; они составляютъ необходимое его дополненіе. Начинаясь въ 1-мъ классѣ съ составленія простыхъ и самыхъ легкихъ фразъ и переходя постепенно къ изложенію на письмѣ прочтеннаго въ классѣ, письменныя занятія учениковъ, съ расширеніемъ круга ихъ познаній въ языкѣ, разнообразятся и увеличиваются въ каждомъ классѣ, такъ что уже въ III и въ IV классахъ можно требовать отъ учащихся письменнаго изложенія ихъ мыслей о предметахъ имъ хорошо извѣстныхъ. Главное условіе успѣха здѣсь состоитъ въ томъ, чтобъ не насиловать дѣтскій умъ, понуждая учениковъ писать то, чего они основательно не знаютъ, чего вовсе не чувствовали, не видали и не могутъ ясно себѣ представить. Чтеніе замѣчательныхъ памятниковъ славянской письменности и особенно лѣтописей съ упражненіями въ переводахъ и компиляціяхъ съ славянскаго и древнерусскаго языка на современный должны производиться въ высшихъ классахъ, начиная съ IV-го: подобныя письменныя упражненія вовсе не составляютъ предмета спеціальнаго филологическаго образованія, какъ думаетъ составитель проекта, а необходимы для каждаго русскаго, если онъ желаетъ основательно ознакомиться съ языкомъ церкви и всей старинной нашей словесности, безъ пониманія которой не будетъ понята надлежащимъ образомъ жизнь нашихъ предковъ и даже современная, а потому напрасно боятся нѣкоторые славянскаго языка: онъ намъ родной и ближе по происхожденію къ нынѣшнему русскому языку, нежели латинскій къ француз-

скому, а тѣмъ болѣе къ англійскому, вопреки мнѣнію гр. Путятина.

Нормою для перевода въ высшее отдѣленіе гимназіи по отечественному языку должно быть отчетливое знаніе грамматики и умѣнье написать въ присутствіи экзаменаторовъ небольшое сочиненіе на заданную тему или написать пересказъ прочтеннаго, грамматически правильно и связно. Оканчивающій же курсъ въ гимназіи обязанъ умѣть письменно излагать свои мысли нетолько правильно и свободно, но и съ нѣкоторымъ изяществомъ. Письменные и словесные переводы съ иностранныхъ языковъ должны быть излагаемы правильно и точно, съ соблюденіемъ духа языка.

Число уроковъ по отечественному языку положено въ проектѣ достаточное, исключая 1-го класса, въ которомъ необходимо положить, по крайней мѣрѣ, 5 уроковъ въ недѣлю, взамѣнъ уроковъ исторіи и латинскаго языка.

И. КУПРІЯНОВЪ.

ФЕЛЬЕТОНЪ.

(ДНЕВНИКЪ ТЕМНАГО ЧЕЛОВѢКА).

«Увлеченіе—есть одно изъ главныхъ свойствъ натуры человѣка, нужно только умѣть увлекать его,» — вотъ сентенція, на которой всѣ ловкіе спекуляторы строятъ свои смѣлые планы и предпріятія. Расчетъ весьма вѣрный; человѣкъ постоянно увлекается, за исключеніемъ, разумѣется, тѣхъ немногихъ натуръ, которыя упруги и неподвижны и неспособны ни на какой порывъ. Будь я педантъ, то непремѣнно сталъ бы это доказывать на основаніи историческихъ данныхъ и показалъ-бы, что вся всемірная исторія — есть непрерывный рядъ увлеченій всего жившаго и живущаго человѣчества. Но такъ какъ я, «темный человѣкъ» — далеко не педантъ, то въ такіе окольные пути пускаться не буду; притомъ же я самъ человѣкъ сильно увлекающійся — и въ этомъ вся моя слабость и вся моя сила. Я всегда привыкъ смотрѣть на людей неспособныхъ на увлеченія, задерживающихъ въ себѣ каждое внутреннее движеніе и порывъ, какимъ-то нравственнымъ тормазомъ трусливаго благоразумія, какъ на скопцовъ жизни: отъ такихъ людей всегда пахнетъ трупомъ и гнилью. Разумѣется, увлеченіе ведетъ часто къ цѣлому ряду промаховъ и ошибокъ, но во всѣхъ этихъ ошибкахъ есть что-то человѣческое, живое; несмотря на все неблагоразуміе мота, промотавшаго все свое состояніе, вы отъ него не отвернетесь, онъ не возбудитъ отвращенія, межъ тѣмъ какъ голодное богатство скряги грязно и отвратительно и невольно заставляетъ содрогаться.

Всѣ эти мысли, не совсѣмъ игривыя, пришли мнѣ недавно въ

голову, и вотъ по какому поводу. На–дняхъ, нѣсколько десятковъ тысячъ объявленій, разосланныхъ во всѣ концы Россіи, повѣдали міру о новой раздачѣ билетовъ на второй отдѣлъ польской лотереи Шимановъ и Сероки, въ которой, кромѣ разныхъ денежныхъ суммъ, разыгрывается оцѣненное въ 280,000 р. имѣніе, съ приложеніемъ къ нему преміи деньгами въ 50,000 р. с. Публика заволновалась. Въ ней давно уже ходили толки и анекдоты о нѣкоторыхъ счастливцахъ, которые въ первый отдѣлъ лотереи выиграли весьма круглыя суммы; говорили объ одномъ бѣдномъ прикащикѣ, которому счастье улыбнулось въ видѣ трехъ–сотъ тысячъ. Соблазнъ случайнаго обогащенія очень силенъ,—и польская лотерея съ своимъ калифорнскимъ богатствомъ привлекла къ себѣ цѣлыя волны искателей счастья и сильныхъ ощущеній. Нѣсколько дней около главной конторы лотереи со всѣхъ концовъ города сходилась толпа и жадно разбирала билеты. На–дняхъ, проѣзжая мимо конторы, при приливѣ и отливѣ увлекающихся искателей, я самъ невольно увлекся — и отправился за билетомъ. Я кое–какъ добрался до кассы, посреди говора и толкотни будущихъ богачей.

— Есть билетъ? спросилъ я.

— Ни одного. Сегодня проданы послѣдніе.

Этотъ рѣшительный отказъ, какъ дантовское «Lasciate ogni speranza» (оставь всякую надежду) произвелъ мрачное впечатлѣніе на всю публику, въ томъ числѣ и на меня, и я, потерявъ всякую надежду сдѣлаться милліонеромъ и купить домъ Монферана со всѣми его рѣдкостями: съ кроватью Маріи Стюартъ, съ сапогомъ Наполеона и умывальникомъ Альберта Старчевскаго, — вышелъ изъ главной конторы. Предо мной вдругъ будто выросъ изъ земли какой–то господинъ въ потертой бекешѣ.

— Если вы желаете получить билетъ, сказалъ онъ мнѣ, — то можете найти ихъ въ другой конторѣ—на Невскомъ, въ домѣ Рогова.

Надежда опять меня осѣнила и я отправился по новому адресу. Въ домѣ Рогова билеты дѣйствительно оказались, но уже продавались по другой, возвышенной цѣнѣ.

Какая номинальная цѣна билета? спрашивалъ я у кассира.

— Шесть рублей семьдесятъ копѣекъ.

— Такъ почему же вы теперь продаете по десяти рублей?

— Мы ничего не знаемъ–съ. Это распоряженіе главной конторы,—обратитесь туда.

Въ это время къ кассѣ подошли новые покупатели.

— Позвольте мнѣ три билета, — требовалъ раздушенный до невозможности молодой юноша— и бросилъ на столъ смятый комокъ ассигнацій.

Кассиръ подалъ три билета и иронически взглянулъ на меня, какъ будто бы говорилъ глазами: что вотъ дескать другіе берутъ и о цѣнѣ не справляются.

Къ кассиру, вслѣдъ за раздушеннымъ юношей, который ушелъ, оставивъ въ конторѣ послѣ себя сильный запахъ помады, подошла старушка въ старенькомъ салопѣ, и развязавъ узелокъ въ платкѣ, вынула дрожащей рукой деньги и положила на кассу. Сзади старушки стояла молоденькая, съ хорошенькимъ личикомъ дѣвушка, какъ видно, ея дочь, одѣтая также очень бѣдно.

— У васъ не всѣ деньги;—сказалъ кассиръ старушкѣ: билетъ теперь стоитъ десять рублей.

Старушка совершенно растерялась и начала чуть не со слезами упрашивать выдать ей билетъ за семь рублей «на счастье ея Маши». Кассиръ оставался непоколебимъ. Я взглянулъ на дѣвушку, — она вся покраснѣла и въ ея глазахъ бѣгали слезы.

Не дождавшись чѣмъ кончилась эта сцена, поднявшая уголъ цѣлой домашней драмы бѣдняковъ, основавшихъ на лотереѣ все свое счастіе, я наконецъ не выдержалъ—взялъ билетъ и вышелъ изъ конторы.

Заговоривъ объ увлеченіи, кстати приведу теперь примѣръ одного подобнаго увлеченія въ духѣ Домашней Бесѣды и ея оглашеннаго представителя, юродствующаго въ литературѣ Виктора Аскоченскаго. Примѣръ этотъ весьма грустный и наводитъ на тяжелыя мысли, вызываетъ невольное негодованіе въ каждомъ.

Появись статья, о которой я буду говорить въ «Странникѣ» или въ «Домашней Бесѣдѣ»–это было бы неудивительно, потому что на эти два органа мракобѣсія всѣ мы привыкли уже давно смотрѣть какъ на что–то отгнивающее, подернутое плѣсенью старческой злобы и тупаго безсилія. Но увы, статья эта вышла не изъ этого источника, а изъ газеты «Вѣкъ, изъ газеты, въ которой всѣ думали найти лучшее періодическое еженедѣльное изданіе. Еще на первыхъ порахъ, «Вѣкъ» возбудилъ общее

неудовольствіе одной своей выходкой. Еще не успѣло изъ нашей памяти выдти знаменитое изрѣченіе А. В. Старчевскаго, который въ своемъ справочномъ энциклопедическомъ словарѣ провозгласилъ, что «развратныя идеи Гейне перепортили все молодое поколѣніе,» какъ вдругъ, новая газета «Вѣкъ» заявила своему читателю, что она не видитъ въ Шиллерѣ дарованія и не признаетъ въ немъ поэта. Къ чему была сдѣлана эта выходка? Неужели изъ одного только соперничества съ г. Старчевскимъ? Но Вѣкъ на этомъ не остановился, онъ пошелъ дальше и во вновь открытомъ отдѣлѣ, подъ названіемъ «Русскія диковинки,» явился уже достойнымъ сподвижникомъ В. Аскоченскаго, который могъ съ торжествомъ воскликнуть при этомъ:

Къ нашему полку прибыло, прибыло!...

Нѣкто, Камень Виногоровъ, нашелъ въ газетахъ слѣдующій фактъ, возмутившій его до глубины сердца. Въ г. Перми, на музыкально-литературномъ вечерѣ въ пользу тамошней воскресной школы, г-жа Толмачева прочла одно изъ самыхъ художественныхъ произведеній Пушкина «Египетскія ночи.» Одинъ молодой офицеръ съ георгіемъ въ петлицѣ, бывшій на чтеніи, также какъ и Камень Виногоровъ, пришелъ въ не малое негодованіе за чтеніе этихъ стиховъ публично и притомъ же женщиной. Вотъ что отвѣчала г-жа Толмачева. Лучшаго отвѣта нельзя придумать ни для офицера, ни для Камня Виногорова.

— Это немножко странно—говорила она:—если всѣ мы, и мужчины и женщины и дѣвицы, читаемъ, не конфузясь, грязные и безнравственные французскіе романы, смотримъ не краснѣя, сальные и пошлые французскіе водевили, то было бы въ высшей степени смѣшно и дико не прочесть публично прекрасное художественное произведеніе великаго поэта.» Къ этимъ словамъ кажется нечего больше прибавлять—такъ они убѣдительны. Но г. Виногорова вѣрно не такъ легко убѣдить: по его мнѣнію эти слова въ устахъ женщины смѣшны и непозволительны. Изъ нападковъ его на г-жу Толмачеву, доходящихъ до возмутительнаго цинизма, дѣлаются ясными слѣдующія обстоятельства: свобода женской личности для Камня Виногорова утопія и мечта; женщина, по его мнѣнію, не можетъ мыслить и не должна «смѣть свое сужденіе имѣть». Все это дало ему смѣлость печатно смѣяться и оскорблять женщину, забывая, что съ смѣхомъ

нужно быть какъ можно осторожнѣе. Смѣхъ въ томъ смыслѣ, какъ онъ имъ пользуется, переходитъ въ пасквиль и клевету.

Осмѣивая «*кавалерскія* убѣжденія» (по его выраженію) г—жи Толмачевой и ея рѣшимость прочесть публично такое стихотвореніе, какъ Египетскія ночи, Камень Виногоровъ не хотѣлъ сообразить того, что ни одно художественное произведеніе не можетъ быть безнравственно. Гдѣ есть грязь и цинизмъ, тамъ нѣтъ поэзіи, и обратно: только одинъ цинизмъ въ художественномъ созданіи поэта можетъ видѣть неприличіе и безнравственность.

Если чтеніе Египетскихъ ночей можетъ навести на дурныя мысли, то это уже вина не поэта, а самого слушателя или читателя. Отвертываться же и краснѣть отъ такого стиха, какъ

Кто межъ вами купитъ
Цѣною жизни ночь мою,

рѣшительно не благопристойно: это цѣломудріе безнравственности, это жеманство порока.

— Что же неприличнаго въ этихъ стихахъ, весьма справедливо замѣчаетъ г—жа Толмачева: когда мы чуть не каждый день видимъ, какъ молодыя женщины продаютъ себя и не на одну ночь, а на всю жизнь, противнымъ, дряхлымъ, но богатымъ старикамъ?... И неужели не знаетъ этого Камень Виногоровъ, неужели не знаетъ онъ, что современныя Клеопатры продаютъ себя съ болѣе прозаической обстановкой, часто даже черезъ своихъ практическихъ родителей, видящихъ въ своихъ дочкахъ выгодный товаръ. Развѣ не повсюду, не во всѣхъ сословіяхъ можно встрѣтить теперь этихъ «жертвъ общественной невоздержности,» у которыхъ, по выраженію поэта —

На лбу роковыя слова:
Продается съ публичнаго торга.

А Камень—Виногоровъ краснѣетъ за родителей и ихъ дочекъ, возросшихъ въ нелѣпой школѣ воспитанія, и мститъ за ихъ оскорбленный слухъ г—жѣ Толмачевой. О, неумолимый Камень—Виногоровъ!

Забывъ о нравственныхъ калѣкахъ,
Не помнилъ онъ, свершая судъ,
Что не въ однѣхъ теперь аптекахъ
Дѣвичью кожу продаютъ.

Насмѣявшись до-сыта надъ женщиной, оскорбивъ ее страшнымъ образомъ, Камень-Виногоровъ вдругъ былъ озадаченъ всеобщимъ негодованіемъ, съ которымъ была встрѣчена «диковинная» статья его. Видимо, онъ этого никакъ не ожидалъ.

Чтобъ сколько нибудь поправить бѣду, онъ тотчасъ же спѣшилъ напечатать свое публичное раскаяніе. Извиненіе его весьма любопытно и гласитъ, что онъ осмѣялъ и оскорбилъ женщину *нечаянно*, а не умышленно.

«Я такъ высоко ставлю женщину, пишетъ онъ, такъ свято чту ея права (и по всему замѣтно!), что нѣсколько выраженій моихъ, *вырвавшихся у меня совершенно невольно* (какъ это въ печатной статьѣ — слова могутъ вырваться невольно?), безъ всякаго злаго умысла, непріятно подѣйствовали на меня... Такое откровенное сознаніе предъ лицемъ всего общества, надѣюсь, сниметъ съ меня позорный укоръ—въ *умышленномъ* оскорбленіи женщины.»

Не могу при этомъ не замѣтить слѣдующаго обстоятельства. Камень-Виногоровъ въ длинной статьѣ извиняясь за свой *невольный* поступокъ передъ общественнымъ мнѣніемъ, которое вступилось за оскорбленную имъ женщину, не счелъ нужнымъ въ той же статьѣ попросить извиненія у самой дамы, которую онъ оскорбилъ цѣлымъ рядомъ обидныхъ насмѣшекъ и грубыхъ выходокъ. Г-жѣ Толмачевой онъ и двухъ словъ не говоритъ въ своемъ печатномъ оправданіи, а еще толкуетъ въ немъ о достоинствѣ женщины и о глубокомъ своемъ къ ней уваженіи.

Но и передъ самой публикой Камень-Виногоровъ извиняется только въ-половину, но главную свою мысль отстаиваетъ съ упорствомъ, утверждая, что такое стихотвореніе, какъ Египетскія ночи, не можетъ быть читано женщиною на публичномъ вечерѣ, что отъ этого ее должны остановить какъ общественныя условія, такъ и ея *врожденная натура*. Послѣ всего этого рѣшительно дѣлается непонятнымъ—для чего Камень-Виногоровъ писалъ свое оправданіе?

О, бѣдная, современная Русская женщина! Какимъ труднымъ, тяжелымъ путемъ идетъ твоя эмансипація! Позволь теперь мнѣ, «темному человѣку,» выразить участіе къ твоей печальной участи, поднести тебѣ свой совѣтъ, въ формѣ пѣсни, навѣянной на меня произведеніемъ Камня-Виногорова. Вотъ эта пѣсня:

СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНЩИНѢ.

(Вольное подражаніе Камню Виногорову.)

Пѣсня.

Пускай статьи и рѣчи Миля
Тебѣ сулятъ гражданскій путь,
Пускай Михайловъ съ жаромъ стиля
Творитъ о женщинахъ два биля, —
Молю тебя—ихъ позабудь!

—

Забудь прогрессъ, его надежды,
Эмансипаціи порывъ,
И сладко спи, закрывши вѣжды...
Повѣрь мнѣ:-тихій сонъ невѣжды
Покоенъ, ясенъ и счастливъ.

—

Въ развитьи женскомъ мало прока,
Въ томъ убѣдишься ты сама...
Болтай въ кадрили какъ сорока,
Читай романы Поль-де-Кока
И сказки милыя Дюма.

—

И до могилы отъ пеленокъ
Дать волю чувству не посмѣй.
Служанокъ бей, ласкай болонокъ,
И въ жизнь вступая, какъ ребенокъ,
Страшись порывовъ и страстей.

—

Какъ язвы мысли каждой бѣгай,
Ее въ зародышѣ души;
Твоимъ блаженствомъ, счастьемъ, нѣгой,
Всей жизни—альфой и омегой
Пусть будетъ сонъ и смерть души.

—

Твой женскій путь—рядъ длинныхъ паузъ,
Гдѣ-бъ только могъ будить твой жаръ —
Привозный клѣтчатый канаусъ,

Порой—въ воксалѣ съ скрипкой Страусъ,
Порою—въ циркѣ Леотаръ.

—

Грѣша въ невѣдѣньи глубокомъ,
Ты будешь всѣми прощена,
Ни порицаньемъ, ни упрекомъ,
Ни педантическимъ урокомъ
Не будешь ты оскорблена.

—

Но если смѣло изъ рабыни
Ты станешь женщиною вдругъ,
То будетъ голосъ твой и нынѣ—
Гласъ вопіющаго въ пустынѣ,
Одинъ пустой и мертвый звукъ.

—

Когда жъ публично стихъ поэта
Ты съ увлеченіемъ прочтешь,
Наперекоръ условьямъ свѣта,
Что, вмѣсто кроткаго привѣта,
Въ устахъ завистниковъ найдешь?

—

Потокъ и брани и укоровъ,
Позоръ общественный и гнётъ,
И въ свалкѣ грозныхъ приговоровъ
Суровый Камень—Виногоровъ
Тебя публично проклянетъ.

—

Забудь же Миля пѣсни барда,
Эмансипацію забудь,
Иначе—«Вѣка» алебарда
Рукой бойца изъ авангарда
Твой прекратитъ печальный путь.

*
* *

———

Странное, въ самомъ дѣлѣ, и грустное явленіе! Какъ горячо, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, былъ поднятъ и принятъ съ сочувствіемъ всѣми вопросъ о положеніи русской женщины, о необходимости ея серьезнаго образованія и полныхъ гражданскихъ правъ ея личности. Писали объ этомъ въ журналахъ, говорили въ обществѣ,

въ аудиторіяхъ, въ кабинетахъ и гостиныхъ,—но едва только дошло до дѣла, едва только русская женщина начала стремиться стать подъ общій нравственный уровень, какъ повсюду была встрѣчена прямымъ недовѣріемъ, косыми взглядами и нескрываемой насмѣшкой.

Появились, напр. въ университетѣ, постоянныя слушательницы; лекціи Костомарова, Кавелина и другихъ профессоровъ начали привлекать къ себѣ дамъ и дѣвицъ, привлекать не по одной модѣ, но по пробудившемуся въ нихъ интересу въ дѣлѣ науки. Казалось бы, что такой пріятный фактъ перваго проявленія женской любознательности, долженъ бы прежде всего радостно быть встрѣченъ студентами, какъ представителями науки и образованія. Но, къ несчастію, между ними есть пока много обскурантовъ, которые дотого еще привыкли къ рутинѣ, что на появленіе женщины въ ученой аудиторіи смотрятъ съ двусмысленной улыбкой. Эти юные обскуранты, большею частію львы съ двойными проборами, очень часто позволяютъ себѣ такія неприличныя выходки противъ посѣтительницъ университета, что нужно имѣть много любви къ наукѣ, чтобъ посѣщать лекціи и выносить оскорбительные взгляды и выслушивать неприличные намеки.

Вотъ образчикъ разговоровъ подобныхъ львовъ... не науки, а только ея мундира, подслушанный однимъ очевидцемъ. Два такихъ льва встрѣтились на улицѣ.

— Здравствуй. Откуда ты теперь?

— Съ лекціи Костомарова.

— Ну, что, какъ?

— Ничего, дамъ было много....

— Опять? Да къ чему, право, пускаютъ туда эту....? что онѣ смыслятъ. Къ счастію, кажется, подобные господа являются очень рѣдко въ аудиторіяхъ, предпочитая имъ фланёрство по Невскому проспекту и визитацію по петербургскимъ кондитерскимъ.

Я знаю еще одинъ подобный случай неуваженія къ посѣтительницамъ университетскихъ лекцій, который не могу и не долженъ пройти молчаніемъ. Авторъ этой непозволительной выходки является уже не какой нибудь юный обскурантъ и хлыщъ науки, но самый ея представитель. Недавно одинъ изъ такихъ представителей, замѣтилъ на своихъ лекціяхъ постоянную слушательницу, молоденькую дѣвушку, посѣщавшую университетъ съ цѣлью сдать кандидатскій экзаменъ.

Читающій лекціи, по какой-то непонятной причинѣ, былъ недоволенъ присутствіемъ слушательницы, и, желая какъ нибудь отъ нея избавиться, придумалъ особую мѣру. На одной изъ своихъ лекцій, придравшись къ первому случаю, онъ началъ подробно развивать, не спуская въ то же время глазъ съ слушательницы такую теорію, отъ которой молодая дѣвушка невольно должна была закрыть лицо. Со стороны ученаго мужа это было сдѣлано такъ намѣренно, онъ такъ упорно все время смотрѣлъ на покраснѣвшую дѣвушку, желая ее смутить, что она другой разъ не рисковала уже явиться на его лекцію, опасаясь услышать отъ него что-нибудь еще худшее.

Что же послѣ того дѣлается тамъ, въ глуши провинцій, въ степяхъ?—и заглянуть туда страшно. Но все-таки какъ ни страшно, а заглянуть за эти кулисы необходимо; и вотъ, вооружась терпѣніемъ и биноклемъ, я сажусь въ партеръ—и передо мной проходитъ сцена за сценой. Постараюсь прослѣдить ихъ.

Занавѣсъ поднимается. Дѣйствіе въ Одессѣ, на одномъ танцовальномъ вечерѣ. Гости, лампы, люстры, музыка,—ну, все какъ слѣдуетъ. Вотъ наконецъ появляется и главное дѣйствующее лицо, и лицо притомъ аристократическое, какъ гласитъ губернская афиша. Г. Глаголь (фамилія важнаго лица) беретъ стулъ, садится сзади одной танцующей пары и начинаетъ пускать въ даму цѣлое облако табачнаго дыма. Дама эта весьма образованная, была къ несчастію только дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей и по рангу ниже VIII класса. Г. Глаголь, какъ археологъ по этой части, всё это сообразилъ и дотого замучилъ даму своей сигарой, что она едва не упала въ обморокъ. Наконецъ, не въ состояніи бывши долѣе выносить этого подкуриванья, она обратилась къ важному лицу съ просьбой курить въ другую сторону. Важное лицо побагровѣло, молча выслушало просьбу, а чрезъ минуту, придумавъ планъ мщенія, отправилось къ хозяйкѣ дома.

— Позвольте попросить вашего разрѣшенія курить,-сказалъ онъ ей. Хозяйка съ недоумѣніемъ улыбнулась, сказала «пожалуйста курите,» и отошла.

Тотчасъ послѣ этого, г. Глаголь грозной поступью подошелъ къ танцующей дамѣ, и Зевсомъ глядя на нее, проговорилъ слѣдующую тираду:

— Позвольте вамъ замѣтить, что вы *осмѣлились* сказать мнѣ дерзость. Я курилъ въ залѣ съ разрѣшенія хозяйки и не обязанъ

знать, нравится ли вамъ дымъ моей сигары или нѣтъ. *Вы забываете въ какомъ вы обществѣ и съ кѣмъ вы говорите...* и исчезъ изъ комнаты. Виноватъ! забылъ еще объ одномъ: предъ своимъ уходомъ со сцены, г. Глаголь пропѣлъ слѣдующій куплетъ:

Вамъ-бы нужно на колѣняхъ
Казни выдержать грозу.
На общественныхъ ступеняхъ
Я—вверху, а вы—внизу.

*
* *

Вы дерзки въ нелѣпомъ чванствѣ,
Повторяю вамъ сто-кратъ:
Вы мѣщанка во дворянствѣ,
Я—вездѣ аристократъ.

*
* *

Въ рангѣ, въ обществѣ, въ народѣ—
Между нами—шагъ великъ:
Я—козырный тузъ въ колодѣ,
Вы же только—дама пикъ.

На другой день послѣ этого случая г. Глаголь ѣздилъ къ хозяйкѣ дома просить извиненія. Хозяйка предложила ему извиниться передъ ея обиженной гостьей, но г. Глаголь отъ такого униженія рѣшительно отказался. Какъ ему «особѣ изъ особъ «просить прощенія у оберъ-офицерши?... Это дѣйствительно невозможно! Губернскій водевиль на этомъ и поконченъ; занавѣсъ упалъ при общемъ хорѣ:

Пусть даму оскорбитъ теперь иная голь —
Ее казнятъ судомъ, клеймомъ позорныхъ пятенъ,
Когда-жъ дымить въ глаза начнетъ М-г Глаголь —
Его сигары дымъ и сладокъ и пріятенъ.

Не успѣлъ я опомниться отъ сильныхъ одесскихъ впечатлѣній и отъ обаятельной личности г. Глаголя, какъ занавѣсъ снова взвился, партеръ стихъ, и мое вниманіе обратилось поневолѣ опять на сцену.

— Дѣйствіе происходитъ въ Кронштадтѣ, подсказалъ мнѣ мой услужливый сосѣдъ.

Я началъ слушать. Это былъ ужъ не водевиль, а цѣлая комедія, печальная, страшная, возмутительная. Я слушалъ-слушалъ и долго не могъ понять въ чемъ дѣло: до такой степени все было нелѣ-

но, безсмысленно въ этомъ художественномъ произведенiи общественной жизни.

Дѣйствiе происходитъ въ Кронштадтѣ, т. е. въ двухъ шагахъ отъ Петербурга. Жилъ въ Кронштадтѣ, торгуя въ гостиномъ ряду, купецъ Григорiй Горшковъ съ женой и сыномъ Петромъ. Всѣ они жили въ собственномъ домѣ. Вдругъ, въ 1858 году умираетъ жена Горшкова, а черезъ мѣсяцъ умираетъ и самъ Горшковъ. Наслѣдникомъ остается Петръ Григорьевъ, имѣющiй отъ роду только 18 лѣтъ, т. е. несовершеннолѣтнiй, по нашимъ законамъ. Надъ людьми, недостигшими 21 года, въ такихъ случаяхъ учреждается опека. И вотъ, сиротскiй судъ, состоящiй изъ членовъ магистрата и городскаго головы, вступая въ свои родительскiя обязанности, не счелъ почему-то нужнымъ учредить опеки и попечительства надъ Петромъ Горшковымъ, а дума выдала ему свидѣтельство на торговлю. Такимъ образомъ юный Горшковъ сталъ лично полнымъ распорядителемъ отцовскаго имущества и получилъ право давать векселя и входить въ обязательства разнаго рода, тогда какъ закономъ это совершенно воспрещено и всѣ обязательства, данныя несовершеннолѣтними безъ согласiя попечителей, признаются несостоятельными.

Между тѣмъ Петръ Горшковъ началъ торговать въ отцовской лавкѣ, но незнакомый съ торговымъ дѣломъ, скоро подорвался и вошелъ въ долги, которые не въ состоянiи былъ выплатить въ срокъ. На него поступили долговыя взысканiя въ 2600 рублей. И вотъ лавку Горшкова запираютъ и начинаютъ оцѣнивать его имущество. По оцѣнкѣ оказывается, что онъ имѣетъ наличнаго товару на 2503 р., т. е. только на 97 руб. меньше той суммы, которую съ него взыскиваютъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что оцѣнка имущества всегда бываетъ гораздо ниже его настоящей стоимости и по продажѣ всегда выручается двойная или тройная противъ оцѣнки сумма. Кромѣ того у Горшкова былъ домъ. Но кронштадтскiй магистратъ ничего этого не хотѣлъ принять въ соображенiе и объявилъ Горшкова *несостоятельнымъ!!..*

Итакъ, кронштадтскiй магистратъ рѣшился на слѣдующiе три геройскiе поступка: 1) призналъ подлежащими удовлетворенiю долговыя взысканiя, которыя были совершенно несостоятельны относительно несовершеннолѣтняго и могли быть только обращены на лицъ, неучредившихъ надъ нимъ опеки и попечительства и выдавшихъ ему свидѣтельство на торговлю; 2) призналъ Горшкова несостоятельнымъ,

зная его несовершеннолѣтіе, и, наконецъ, третій пунктъ и самый лучшій, *состоятельнаго* назвалъ банкротомъ.

Но это еще не все. Въ пятомъ актѣ гоненія на Горшкова продолжаются, и его будто бы за несостоятельность 1 іюля 1860 года арестуютъ. На содержаніе арестованныхъ за долги, кормовыя деньги вносятся, какъ извѣстно, кредиторами. Но кредиторы Горшкова внесли деньги на содержаніе Горшкова только до 3 декабря. Съ 3 декабря деньги на содержаніе Горшкова вносились изъ доходовъ, получаемыхъ съ его собственнаго дома !?! Все это неподражаемо хорошо!

Полюбуйтесь теперь на экстрактъ этого дѣла:

Несовершеннолѣтній признанъ обязаннымъ къ удовлетворенію домовыхъ обязательствъ, данныхъ имъ во время несовершеннолѣтія.

Несмотря на состоятельность къ уплатѣ, онъ признанъ несостоятельнымъ.

Во время несовершеннолѣтія же, арестованъ и содержится подъ арестомъ на собственныя деньги!!

Все это отвратительное преслѣдованіе кончилось наконецъ тѣмъ, что несчастный Петръ Григорьевичъ Горшковъ 6 прошедшаго февраля умеръ подъ арестомъ отъ апоплексическаго удара, на 22 году отъ рожденія. Дѣйствительно, нельзя было не умереть, не задохнуться въ этомъ темномъ омутѣ, въ этомъ сцѣпленіи безсмыслицъ, неутомимыхъ преслѣдованій, наперекоръ всякой логикѣ закона и здраваго смысла.

Занавѣсъ упалъ. И нельзя было не вызвать.... на свѣтъ гласности дѣйствующихъ лицъ этой піесы.

Но дѣйствіе не ждетъ, не щадитъ нашихъ нервъ и, не давая отдохнуть, освободиться отъ мрачныхъ картинъ, переноситъ въ другое мѣсто...

Что это? спрашиваю я у своего сосѣда: гдѣ мы? какихъ еще новыхъ героевъ намъ покажутъ?

— Козлянинова, отвѣчаетъ мнѣ сосѣдъ: да притомъ не одного еще...

— Такъ это значитъ, нашъ старый знакомецъ Александръ Павловичъ Козляниновъ—рыцарь вагона, трагическій артистъ желѣзныхъ дорогъ?

— Нѣтъ, это его родственники не по крови, а по типу и ха–

рактеру. Первый изъ нихъ Николай Всеволодовичъ Козляниновъ изъ Ярославской губерніи. Вотъ, неугодно-ли послушать...

Усталый, совершенно разбитый, я началъ слушать съ какимъ-то болѣзненнымъ чувствомъ, и прослушалъ цѣлую повѣсть, какъ ярославскій баринъ заманилъ къ себѣ въ домъ крестьянку изъ чужой деревни и избилъ ее нагайкой до того, что она не могла идти и была отвезена къ своей помѣщицѣ.

Перейду теперь прямо изъ міра дѣйствительной прозы въ свѣтлую область поэзіи, гдѣ можетъ отдохнуть душа наша и сердце. Въ этой области давно уже не было ни одного отраднаго явленія, ни одной новой юной музы. Запѣлъ-было Случевскій, но вдругъ смолкъ, какъ запуганный соловей; затянулъ свою пѣсню и Кусковъ, но оскорбленный невниманіемъ публики, впалъ въ мизантропію и, выражаясь его собственными послѣдними стихами, —

Онъ проклинаетъ все свой трудъ сухой и глупый
И отъ людей бѣжать въ дремучій хочетъ лѣсъ...

Пустъ сталъ россійскій парнасъ, тишина на немъ невозмутимая. Всѣ ждали новой грядущей силы и наконецъ вдругъ, неожиданно, эта грядущая сила явилась передъ нами въ лицѣ новаго молодаго поэта. Явленіе это было совершенно неожиданно и одинъ только счастливый случай открылъ намъ неизвѣстный до тѣхъ поръ талантъ.

Въ прощальный бенефисъ Ристори, передъ ея отъѣздомъ, поклонники ея дарованія поднесли артисткѣ, въ знакъ своей признательности, альбомъ, украшенный рисунками нѣкоторыхъ русскихъ художниковъ. Въ альбомѣ находилось также нѣсколько стихотвореній нашихъ поэтовъ, а именно Г.г. Бенедиктова, Крестовскаго, Н. Курочкина, Майкова, Полонскаго и Щербины. Въ числѣ стихотвореній этихъ поэтовъ и появилась новая ода В. М. Михайлова, бывшаго секретаря Вольно-Экономическаго общества. Ода оказалась неподражаемо хороша, и когда я прочелъ ее въ первый разъ, то невольно припрыгнулъ на мѣстѣ отъ восторга. Но у новаго поэта тотчасъ явились недоброжелатели, которые, не имѣя ничего сказать противъ его стихотворенія, кололи ему глаза его неудачами на сельской выставкѣ прошлаго года. Впрочемъ, гдѣ талантъ—тамъ и зависть. Я, чуждый всѣхъ партій, хочу сказать свое слово за г. Михайлова и указать

на самобытность его музы. Самобытность есть лучшій признакъ творческой силы, а ужъ никто такъ не самобытенъ въ поэзіи, какъ г. Михайловъ; едва ли кто можетъ заподозрить его въ подражительности. Для доказательства привожу его классическое посланіе къ А. Ристори:

Пришла любимица боговъ,
Первосвященница искуства—
И Скиѳамъ-жителямъ снѣговъ
Восторгомъ упоила чувства.
Рѣчь нѣжно страстную твою
Въ волненьи съ трепетомъ внимаю,
И восхищенья слезы лью,
И леденѣю, и пылаю
Движеній, взоровъ, красоты —
Неотразимо обаянья!..
Изящна въ преступленьи ты —
Чаруешь и средь злодѣянья.
Но восхвалить дерзну ли я,
Когда Шекспиръ, Расинъ, Альфьери,
Вѣнчая лаврами тебя,
Къ безсмертью отверзаютъ двери?..

Неужели же эта ода не самобытна и особенно тѣ мѣста, которыя означены курсивомъ? Если г. Михайловъ, бывши секретаремъ Вольно-Экономическаго общества, возбуждалъ противъ себя, какъ распорядителя сельской выставки общее неудовольствіе, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ плохимъ поэтомъ. Но какъ бы то ни было, его стихотвореніе въ альбомѣ Ристори обойдетъ всю Европу и рано или поздно ему поднесутъ лавровый вѣнокъ безсмертной славы. А пока еше этого не случилось, я первый поднимаю за него голосъ и спѣшу воспѣть его въ свою очередь въ посильной одѣ. Хороша или дурна моя ода,—но она есть невольная дань моего удивленія предъ новорожденной музой на родной почвѣ, въ обществѣ сельскаго хозяйства и промышлености:

Поэту.

Пока не требовалъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,

Въ заботы Сельскаго Совѣта
Онъ былъ всей мыслью погруженъ.
Съ невозмутимостью гранита
И увлеченія далекъ,
Творилъ угрюмо и сердито
Онъ запоздалый каталогъ.

* * *

Но лишь Ристори голосъ вдругъ
До слуха чуткаго коснулся,
Поэтъ душею встрепенулся,
И вновь въ душѣ его проснулся
Стиховъ волшебныхъ тайный звукъ.
Онъ тосковалъ за корректурой
Экономическихъ статей,
И проклялъ хламъ мануфактурный,
Издѣлья выставки мишурной
И всѣхъ экспертовъ лѣтнихъ дней.
Бѣжалъ онъ, дикій и суровый,
Отъ книгъ, отъ счетовъ, отъ ландкартъ,
Съ двумя биноклями въ театръ
Смотрѣть Ристори въ драмѣ новой,
Гдѣ онъ одинъ,—когда гремѣлъ
Медеи яростной монóлогъ,—
Всегда *пылалъ и леденѣлъ*
Единовременно,—и млѣлъ
Отъ поэтическихъ иголокъ.

Пусть не думаетъ г. Михайловъ, что ни одинъ изъ его соотечественниковъ, которыхъ онъ всѣхъ называетъ Скиоами, т. е. варварами, не оцѣнитъ его таланта, и если даже допустить ту мысль, что его стихотвореніе — есть риторическое преступленіе и злодѣйство, то я ему готовъ воскликнуть его же собственными словами:

Изященъ въ преступленьи ты,
Чаруешь и средь злодѣянья.

И такъ, г. Михайловъ, хотя я Скиоъ, но я съумѣлъ васъ оцѣнить, не слушая никакихъ газетныхъ крикуновъ и озлобленныхъ враговъ вашихъ.

Пускай я Скиѳъ,
Пускай я дикъ,
Но вашъ мотивъ
Мнѣ въ грудь проникъ.
Я и пылалъ
И леденѣлъ,
Дышать не смѣлъ,
Когда читалъ
Вашъ мадригалъ.
О, пусть я Скиѳъ,
Но мой отвѣтъ:
Пока я живъ—
Вы мой поэтъ.

— У многихъ отцовъ семейства есть весьма извинительная слабость при каждомъ удобномъ случаѣ похваливать и восхищаться родными дѣтьми: это эгоистическое чувство художника предъ своими произведеніями. Вотъ, напримѣръ, попался мнѣ недавно одинъ изъ номеровъ «Сына Отечества», въ которомъ г. Старчевскій, исполненный родительской нѣжности къ своему «сыну», простодушно восхищается имъ и старается увѣрить своего читателя, что дескать такой газеты, какъ моя, лучше и найти нельзя, днемъ съ фонаремъ не найдешь. Не знаю, насколько искренно увлеченіе г. Старчевскаго своимъ собственнымъ дѣтищемъ, но въ его словахъ звучалъ такой напѣвъ:

Дитя горбатое, косое,
Больное, вялое, тупое,
Люблю тебя:
Вѣдь ты мое, а не чужое.

Во всякомъ случаѣ онъ увлекается своимъ «сыномъ,» и почти со слезами спѣшитъ доказать публикѣ, что онъ малый весьма хорошій, скромный, поведенія отличнаго и пр. и пр. Вотъ,—между прочимъ—говоритъ родитель,—вотъ прочтите въ моей газетѣ повѣсть Г—жи Викторовой «Подруга» художественное произведеніе—съ! такая повѣсть сдѣлала бы честь любому журналу.

Имѣя отъ природы самый мнительный и недовѣрчивый характеръ и притомъ, каюсь, сильно заподазривая нѣжность pater familias—а Стар-

чевскаго къ своимъ сотрудникамъ, я отыскалъ повѣсть Г—жи Викторовой «Подруга» и рѣшился ее прочесть. Но,—странное дѣло!—чѣмъ дальше я читалъ повѣсть, тѣмъ больше увѣрялся въ томъ, что она мнѣ уже давно знакома, какъ будто я уже давно прочелъ ее. Что за странность? Начинаю читать еще дальше, припоминать—и наконецъ добиваюсь истины.

Мнѣ истина всего дороже!

И она открылась передо мною во всей наготѣ своей, въ той наготѣ, отъ которой родитель «Сына Отечества» неминуемо долженъ покраснѣть... я въ этомъ увѣренъ.

Читали-ли вы, господа, когда нибудь романъ А. Дюма-сына *Le roman d'une femme*? Вѣроятно читали. Вообразите же мой неподдѣльный ужасъ и изумленіе, когда я въ *оригинальной* повѣсти Г. Викторовой нашелъ цѣликомъ подлинникъ французскаго романа. Я просто не вѣрилъ своимъ глазамъ и принялся сличать то и другое. Сходство было очевидно, потому что авторъ или вѣрнѣе переводчикъ романа взялъ у А. Дюма не одинъ только сюжетъ для повѣсти,—но перевелъ слово въ слово le roman d'une femme, только перемѣнивъ одни фамиліи и мѣсто дѣйствія. Въ короткихъ словахъ передамъ тѣ правила, которымъ слѣдуетъ Г—жа Викторова при *сочиненіи своихъ* произведеній. Вотъ экстрактъ изъ романа Дюма и Г-жи Викторовой.

У графа d'Hermi (у Г—жи Викторовой—у помѣщика Струлёва) есть дочь Марія (у Г. Викторовой—Серафима), которая измѣняетъ своему мужу и отдается любовнику. У А. Дюма любовникъ—маркизъ de Grige, а у Г. Викторовой—Чермскій. Маркизъ и Марія, также какъ Чермскій и Серафима бѣгутъ во Флоренцію, гдѣ ихъ находитъ мужъ Маріи, котораго ея любовникъ убиваетъ на дуэли. Марія (Серафима) возвращается въ замокъ отца, а у Г. Викторовой въ Россію, въ деревню къ отцу, котораго и та и другая находятъ уже сумасшедшимъ. Марія развлекаетъ своего отца игрой на органѣ, а русская Серафима игрой на фортепьяно. Г-жѣ Викторовой романъ А. Дюма такъ вѣроятно понравился, что она, перенеся его на русскую почву, не рѣшилась, разумѣется по скромности, перемѣнить ни одной сцены, ни одного разговора. Есть только одна разница: у Дюма—Марія идетъ въ монастырь, а у г—жи Викторовой Серафимато—пится.

Чѣмъ же объяснить такое странное сходство? Неужели Г—жа

Викторова, также какъ и Камень Виногоровъ извинится *нечаянностью*? А ей уже не въ первый разъ, кажется, приходится дѣлать нечаянности подобнаго рода. Мы помнимъ, какъ она, точно также, подъ перепечаткой повѣсти Гребенки—подписала свое имя, а теперь, отправившись за границу на такую же охоту во французской литературѣ, вышла изъ границъ всякаго литературнаго приличія.

И послѣ такого неловкаго, открытаго присвоенія чужой собственности, Г-жа Викторова еще восхваляется почтеннымъ редакторомъ «Сына Отечества,» который поетъ ей хвалебный гимнъ, и гордится ея повѣстью «Подруга». Что тутъ нужно думать? Вѣдь это литературное пристанодержательство прибавляетъ еще новый «старческій грѣхъ» къ прежнимъ грѣхамъ злополучнаго Сына Отечества!

Ходятъ слухи, будто Дюма-сынъ, узнавъ, что его романомъ такъ безцеремонно распоряжаются въ Россіи, въ какой-то казацкой газетѣ, хочетъ завести съ Г. Старчевскимъ серьезный процессъ, который можетъ кончиться для послѣдняго весьма плачевно, а домъ Монферана рискуетъ перейти въ руки оскорбленнаго французскаго романиста. О, Г. Викторова! Знаете-ли вы, какую бездну приготовила ваша повѣсть для Альб. Викент. Старчевскаго? знаете ли вы, какое зло дѣлаетъ ему ваше *нечаянное* или *неосторожное* присвоеніе чужой славы и чужаго романа?

И вотъ, послѣ такихъ доморощенныхъ мистификацій можно-ли оставаться попрежнему добродушнымъ и вѣрить газетнымъ восхваленіямъ г. Старчевскаго, да и одного-ли г. Старчевскаго?

Ахъ, я давно не вѣрю снамъ,
Всѣмъ объявленьямъ, ихъ словамъ,
И вообще газетамъ русскимъ,
Всего же меньше вѣрю вамъ, —
Вѣдомостямъ Санктпетербургскимъ.

Не могу не сказать теперь нѣсколько словъ объ этихъ Вѣдомостяхъ, потому что считаю своею прямою обязанностью говорить о всѣхъ тѣхъ явленіяхъ, которыя, несмотря на всю свою незаконность, пользуются у насъ правомъ нѣкотораго рода гражданственности. С.-Петербургскія Вѣдомости, будучи рукавомъ Отечеств. Записокъ, состоя у нихъ въ услуженіи, исполняютъ свои обязанности вѣрно и ненарушимо. Появится, напр., въ Отечественныхъ Запискахъ какая нибудь статья или повѣсть, журналъ только мигнетъ газетѣ, а она ужъ знаетъ свое дѣ-

ло и тотчасъ же съ самымъ неподдѣльнымъ краснорѣчіемъ и таковымъ же жаромъ божится и клянется передъ читателемъ, что такой прекрасной статьи или повѣсти уже давно не являлось въ русской литературѣ. Обидитъ-ли кто самый журналъ или его редактора,—Вѣдомости, спѣшатъ отразить ударъ, жалуются на несправедливость къ Отечественнымъ Запискамъ, на общую клевету и вообще исполняютъ приказанія съ изумительною исправностью и точностью. Такимъ образомъ, люди, незнающіе семейныхъ и дружескихъ отношеній журнала къ газетѣ, невольно заблуждаются и вдаются въ ошибку.

Въ прошломъ мѣсяцѣ я уже говорилъ о томъ, до какого безграничнаго произвола доходятъ наши петербургскіе домовладѣльцы, которые не боятся никакого суда, никакой управы благочинія и дѣлаютъ все возможныя непріятности и прижимки своимъ постояльцамъ. Для такихъ домовладѣльцевъ одна управа—гласность: только она можетъ удержать ихъ спекулятивные порывы. Недавно, одинъ случай доказалъ мнѣ, какъ стали бояться они общественнаго мнѣнія и откровенной гласности. Понравилась мнѣ, близъ Литейной улицы, одна квартира; я рѣшился занять ее и отправился къ хозяину дома, чтобъ переговорить объ условіяхъ и оставить ему задатокъ. Прихожу— встрѣчаетъ меня мужчина среднихъ лѣтъ.

Переговоривъ объ условіяхъ, я вынимаю деньги и даю ему задатокъ. Онъ не беретъ.—У меня, говоритъ, такое правило: кто переѣзжаетъ на квартиру въ мой домъ—отдаетъ не задатокъ, а за мѣсяцъ впередъ.

— Странное у васъ правило! этого никто не дѣлаетъ.

— У меня ужъ такой порядокъ.

Дѣлать было нечего и я долженъ былъ отдать деньги за мѣсяцъ впередъ, обѣщаясь на-дняхъ переѣхать.

Едва только я вышелъ отъ домовладѣльца, какъ на улицѣ, совершенно случайно отъ одного встрѣтившагося знакомаго, узналъ, что въ квартирѣ, которую нанялъ, рѣшительно невозможно жить: сырость и холодъ зимой невыносимые.

Попавшись въ такой просакъ, я снова явился къ домовладѣльцу и объяснилъ ему, что, по нѣкоторымъ независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, я не могу нанять квартиры въ его домѣ.

— Какъ вамъ угодно-съ, отвѣчалъ онъ: жильцы у меня всегда найдутся.

— Такъ позвольте мнѣ мои деньги!

— Денегъ же я возвратить вамъ не могу.

— По какому случаю? спросилъ я, немало удивленный.

— У меня такіе уже порядки: я задатковъ никому не возвращаю, поэтому вы меня извините, правилъ своихъ я ни для кого не нарушаю.

— Но вѣдь такія правила не благородны, М. Г.

Домовладѣлецъ поспѣшилъ обидѣться и объявилъ мнѣ что онъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, т. е. дескать — задѣть мою амбицію я не позволю вамъ.

— Тѣмъ хуже для васъ, замѣтилъ я ему; имѣя такой почтенный чинъ, вы дѣлаете поступки весьма не почтенные.

Разговоръ продолжался въ этомъ тонѣ. Домовладѣлецъ бѣсился и упорствовалъ.

— Такъ вы рѣшительно отказываетесь возвратить мнѣ мои деньги?

— Не могу: у меня такія правила.

Тогда я далъ ему свой адресъ и объявилъ, что если онъ въ продолженіи дня не возвратитъ мнѣ денегъ, то я прибѣгну къ гласности и напечатаю объ его поступкѣ въ нѣсколькихъ газетахъ, въ предупрежденіе всѣмъ тѣмъ людямъ, которые могутъ имѣть съ нимъ дѣло.

Я ушёлъ, оставивъ домовладѣльца съ «правилами» въ самомъ озлобленномъ расположеніи духа.

Но вотъ что замѣчательно: вечеромъ того же дня онъ прислалъ мнѣ деньги. Понятно, что онъ никакъ бы не измѣнилъ своему похвальному принципу, еслибы не опасался этой «окаянной» гласности, которую вѣрно предалъ страшной анаѳемѣ и проклятію.

Отъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, ненавидящаго протесты, не могу теперь не перейти къ другому лицу, въ томъ же рангѣ состоящему, къ лицу, которое само уже готово на протесты.

Кто изъ насъ не слыхалъ о знаменитомъ абиссинскомъ маэстро Лазаревѣ, авторѣ «Страшнаго Суда» и прочихъ великихъ произведеній. Недавно поступила въ продажу брошюра подъ заглавіемъ: «Лазаревъ и Бетховенъ». Вотъ весьма любопытная выдержка изъ этой брошюры: «Вмѣсто предисловія: авторъ сей статьи — дѣйствительный статскій

совѣтникъ и орденовъ кавалеръ,—по особеннымъ причинамъ не желаетъ объявить своего имени; но онъ будетъ присутствовать на публичныхъ концертахъ, составленныхъ изъ твореній Александра Васильевича г. Лазарева, сравнительно съ музыкою другихъ классическихъ композиторовъ и, по первому востребованію, готовъ предстать предъ лицемъ почтеннѣйшей публики и защищать права знаменитѣйшаго нашего соотечественника на степень геніальнѣйшаго композитора.»

Нельзя и сомнѣваться, что публика непремѣнно «востребуетъ» этого диспута, и я жду теперь съ нетерпѣніемъ того часа, когда дѣйствительный статскій совѣтникъ и орденовъ кавалеръ будетъ публично отстаивать непризнанный геній маестро Лазарева.

Многіе господа, по понятію которыхъ женщина есть не человѣкъ, а ребро (къ несчастію такіе люди еще не перевелись), не разъ изъявляли свое неудовольствіе на то, что во многихъ петербургскихъ воскресныхъ школахъ начали преподавать дамы и дѣвицы. Угрюмые обскуранты видятъ въ этомъ только одно модное увлеченіе. Допустивъ, что въ этомъ мнѣніи есть своя доза правды (говоря о нѣкоторыхъ), нельзя не замѣтить, что даже и въ такомъ случаѣ это фактъ пріятный. Если серьезныя занятія и полезная дѣятельность въ жизни женщины вошли, какъ говорятъ, у нихъ въ моду, то это есть лучшее доказательство нравственнаго возвышенія женщинъ. Прежняя мода увлекала ихъ на воскресные балы, въ шумъ безсмысленныхъ и скучныхъ удовольствій; теперь мода привела ихъ въ воскресныя школы и въ ученыя аудиторіи. Такая мода пріучаетъ къ труду, къ дѣятельности, а привычка къ дѣятельности—великая вещь. Нужно уже насквозь пропахнуть Домашней Бесѣдой и ея дряхлыми догматами, чтобъ не понять такой простой истины. Притомъ же, присутствіе дамъ въ воскресныхъ школахъ, кажется, пока не приносило ничего, кромѣ пользы. Напротивъ того, всѣ неловкости, которыя были тамъ, происходили не отъ Евъ, а отъ Адамовъ. Вотъ напр. на образчикъ два курьезные случая въ исторіи нашихъ воскресныхъ школъ. Жители города Ардатова Нижегородской губерніи, получая отвсюду извѣстія объ открытіи воскресныхъ школъ во всѣхъ концахъ Россіи, не хотѣли отстать отъ другихъ и обратились къ губернскому начальству съ просьбой о дозволеніи имъ открыть школу. Начальство дозволило и поручило открытіе новой школы штатному смотрителю ала-

тырскаго уѣзднаго училища. Получивъ предписаніе, алатырскій смотритель обратился къ Ардатовцамъ съ просьбою увѣдомить его о средствахъ, имѣющихся у нихъ для содержанія школы и о времени ея открытія. Почтенные граждане г. Ардатова сдѣлавъ представленіе о воскресной школѣ, вовсе не изъ любви къ прогрессу и общему просвѣщенію, а больше по долгу, и предполагавшіе, что если даже имъ школу и разрѣшатъ открыть, то еще очень не скоро, — были не мало смущены быстрымъ отвѣтомъ и запросомъ штатнаго смотрителя. Начались толки и споры: какъ быть? Начали разсматривать переписку объ открытіи школы. И вотъ въ уѣздномъ митингѣ нашли слѣдующія затрудненія въ своемъ новомъ подвигѣ: такъ какъ предполагаемая воскресная школа должна была состоять преимущественно изъ дѣтей ремесленниковъ, а въ г. Ардатовѣ и ремесленнаго цеха вовсе не было,—то вотъ первое препятствіе. Потомъ, преподаваніе въ школѣ поставлялось въ обязанность производить по полутора часа послѣ раннихъ обѣденъ.

— Опять нельзя, опять препятствіе! закричали ардатовскіе прогрессисты: у насъ раннихъ обѣденъ никогда не служатъ, а есть только однѣ поздпія.

— Невозможно, незаконно открыть у насъ школу! Это противъ всѣхъ пунктовъ! вопилъ ардатовскіе ревнители просвѣщенія, и рѣшились представить на видъ своему начальству слѣдующія обстоятельства: воскресную школу тогда можно будетъ открыть въ г. Ардатовѣ, когда будетъ у нихъ ремесленный цехъ, а въ церквахъ начнутъ служить раннія обѣдни.

Дѣло на томъ и остановилось. Ясно, что еслибы не такія страшныя препятствія, просвѣщенные ардатовскіе жители давно бы открыли у себя воскресную школу.

А вотъ прогрессисты г. Бѣлгорода, Курской губерніи, никакихъ препятствій не побоялись при открытіи женской гимназіи, днемъ и ночью объ этомъ думали и добились—таки своей цѣли. День открытія гимназіи наступилъ и почетныя особы, виновники торжества, собрались на завтракъ съ шампанскимъ. Бесѣды текла тихо и торжественно. Говорятъ, что во все существованіе г. Бѣлгорода не было высказано въ немъ столько благородныхъ мыслей, мудрыхъ рѣчей и краснорѣчивыхъ спичей. Величественный образъ прогресса носился незримо надъ головами курскихъ гражданъ и умилялся за чистоту ихъ душевныхъ помысловъ и движеній. Онъ уже началъ сладко дре-

мать подъ тихій говоръ собранія, какъ былъ пробужденъ однимъ неожиданнымъ происшествіемъ.

Въ то время, когда «особы», закуривъ папиросы, продолжали мирно разговаривать, тогда бывшій тамъ учитель уѣзднаго училища, Казанскій, вмѣстѣ съ другими также закурилъ папиросу. О ужасъ! о смятеніе! Въ средѣ «особъ» Бѣлгорода, передъ сіяющимъ лицемъ С., предсѣдателя попечительнаго совѣта женской гимназіи былъ совершенъ богомерзкій поступокъ, которому не было подобнаго въ лѣтописяхъ цѣлой губерніи! И притомъ кѣмъ совершенъ? кѣмъ?...

Еслибъ громъ небесный грянулъ
Надъ витіями Бѣлграда,
Еслибъ рухнула предъ ними
Всей гимназіи громада, —

—

Это меньше бы смутило
Духъ и помыслъ ихъ гражданскій,
Чѣмъ съ зажженой папиросой
Подошедшій къ нимъ — Казанскій.

—

Въ ихъ душѣ проснулся ужасъ
Съ оскорбленнымъ гнѣвомъ споря,
И они, блѣдны, какъ саванъ,
Завопили: «горе! горе!»

—

«Гдѣ мы? кто мы? что свершилось!
Надъ какой стоимъ мы бездной?
Передъ нами могъ забыться
Ктожъ? учитель.... лишь уѣздный!

Смятеніе сдѣлалось всеобщее. Предсѣдатель, полный благороднаго негодованія, приказываетъ г. Казанскому бросить папиросу. Учителю слѣдовало тотчасъ же исполнить приказаніе, но онъ, увы! этого не сдѣлалъ и выказалъ прямое неповиновеніе. Но и тутъ Бѣлградскіе прогрессисты остались вѣрны своему великодушію, оставили безъ наказанія поступокъ г. Казанскаго, и только сочинили актъ о неприличномъ его поведеніи, который и подписали всѣ семь мудрыхъ сподвижниковъ прогресса и ревнителей просвѣщенія. Грустно, что мы не знаемъ именъ всѣхъ этихъ составителей акта, чтобъ прославить и достойно воспѣть ихъ.

О, еслибъ имена мы знали
Шести мужей а также С,
Ихъ непремѣнно бъ записали,
Въ твои великія скрижали
Столѣтья нашего прогрессъ!

Эти «семь мудрецовъ» Курской губерніи достойны такого почета, какъ люди идущіе наперекоръ теоріи Г. Беллюстина и стремящіеся къ водворенію грамотности и образованія въ дебряхъ нашего отечества. Вѣдь такихъ людей не много у насъ, господа! У насъ есть даже такіе, которые нетолько не думаютъ о грамотности простаго народа, но даже сами съ ней незнакомы. Калужскія Губернскія Вѣдомости намъ указываютъ на такой фактъ и на одно частное письмо двухъ помѣщиковъ, подписанное слѣдующимъ образомъ: «*Ваши покорные слуги* (фамиліи), *а, вмѣсто ихъ, неграмотныхъ, по ихъ личному приказанію (!!), дворовый ихъ человѣкъ* (такой-то) *руку приложилъ*.

Какъ хотите, но во всѣхъ этихъ явленіяхъ, кромѣ ихъ печальной стороны, есть много юмору. Юморъ и комическій характеръ проявляется теперь повсюду, и даже, гдѣбы вы думали? даже въ официальныхъ отчетахъ исправниковъ и становыхъ, въ ихъ дѣловыхъ произведеніяхъ. Ссылаюсь въ этомъ случаѣ на свидѣтельство Г. Шостака, который въ Бессарабскихъ Вѣдомостяхъ приводитъ слѣдующій любопытный случай. Собирая статистическія свѣдѣнія съ цѣлой губерніи, онъ началъ приводить ихъ въ порядокъ; между таблицами, составленными по общей формѣ, были такія, въ которыхъ требовалось знать число гимназій, —уѣздныхъ и другихъ училищъ и пансіоновъ. Въ одной изъ такихъ полученныхъ имъ табличекъ было слѣдующее: въ графѣ гимназій, «*не имѣется*;» уѣздныя училища—тоже, приходскія—*одно*, *пансіоновъ*—78 (?!) Удивленный такимъ большимъ числомъ пансіоновъ въ заштатномъ городкѣ, Г. Шостакъ обратился по этому поводу къ городничему, который съ невозмутимостью градоначальника-юмориста отвѣчалъ ему: «само собою, что пансіоны значатъ: количество офицеровъ и нижнихъ чиновъ, получающихъ оные.....»

Такъ увлекаясь, на страницахъ
Остритъ исправникъ — балагуръ,
Такъ въ статистическихъ таблицахъ
Порою блещетъ каламбуръ.

Блестки и изгарь журнала «Вѣкъ», или г. Аскоченскій подъ псевдонимомъ Камня-Виногорова.

Настоящая наша замѣтка вызвана была до непозволительности странной и дикой статьей журнала «Вѣкъ», подъ названіемъ: «Русскія диковинки». Что сказать и какъ думать объ этомъ явленіи въ журналѣ, который, какъ казалось на первыхъ порахъ, сталъ–было органомъ свѣтлой (не мракобѣсной) мысли и здороваго направленія, мы рѣшительно недоумѣвали въ первую минуту. Кажется, такія имена, какъ гг. Кавелинъ, Безобразовъ, Дружининъ достаточно ручались за тактъ и литературное приличіе новаго органа нашей журналистики; — и что же? вдругъ на страницахъ «Вѣка» появляется какой-то г. Виногоровъ, съ цѣлымъ фейерверкомъ самыхъ наглыхъ выходокъ противъ женщины, ни коимъ образомъ неподавшей къ тому ни малѣйшаго законнаго, или хотя бы сколько нибудь основательнаго повода. И добро бы, это была какая нибудь нечаянно вкравшаяся, по недосмотру редакторовъ, статейка; тогда бы, по крайней мѣрѣ можно было отнести ее къ неосмотрительности, къ неловкимъ промахамъ; а то вѣдь нѣтъ: г. Камень-Виногоровъ открываетъ въ журналѣ цѣлый отдѣлъ, и притомъ отдѣлъ постоянный, въ которомъ будутъ показываться, по выраженію его, «диковинки». Слѣдовательно ни коимъ образомъ нельзя предположить, чтобы редакція могла сдѣлать промахъ, и ужъ во всякомъ случаѣ, *первая* статья, которою дебютировалъ въ ихъ журналѣ г. Камень-Виногоровъ, не могла не быть прочитана и одобрена ими, или хоть по крайней мѣрѣ, отвѣтственнымъ и главнымъ редакторомъ журнала—г. Вейнбергомъ. Какъ же! г. Вейнбергъ, человѣкъ много и не безполезно писавшій, взявшійся редактировать цѣлый журналъ и уже по одному только этому заставляющій предполагать въ себѣ полнѣйшее присутствіе литературнаго такта и знанія литературныхъ приличій,— какъ онъ, спрашиваемъ мы, могъ допустить въ свой журналъ сотрудника, подобнаго гг. Аскоченскому и К°.; какъ онъ могъ принять и напечатать у себя такой возмутительный пасквиль, какъ статья г. Камня-Виногорова?—поступокъ—логически рѣшительно необъяснимый.

Г. Виногоровъ является поборникомъ такъ называемой нравственности, да еще какимъ поборникомъ! Но нравственность чувство чрезвычайно тонкое и *въ этомъ* случаѣ она есть дѣло совершенно

условное: мы понимаемъ ее не такъ, какъ гг. Аскоченскій и Виногоровъ, а гг. Аскоченскій и Виногоровъ конечно понимаютъ ее не такъ, какъ мы. Г. Виногорову публичное чтеніе «Египетскихъ ночей» Пушкина, на литературномъ вечерѣ въ Перми, и притомъ чтеніе женщиною *статскою совѣтницей* (??!) показалось дѣломъ дотого безнравственнымъ, дотого оскорбляющимъ всѣ общественныя приличія, дотого нагло попирающимъ всѣ чувства семейной добродѣтели, что онъ разразился противу «Египетскихъ ночей» и г–жи Толмачевой циническими выходками, подъ которыми призадумался бы подписаться и самъ г. Викторъ Аскоченскій. Г-жа Толмачева прочла публикѣ «Египетскія ночи». Какъ! это стихотвореніе, въ которомъ Клеопатра громогласно предлагаетъ купить цѣною жизни одну изъ ночей ея?—Да, это самое! И дама рѣшилась публично произнести этотъ стихъ?» восклицаетъ въ благочестивомъ ужасѣ г. Виногоровъ. «Русская дама, продолжаетъ онъ нѣсколько ниже, *статская совѣтница,* явилась передъ публикой въ видѣ Клеопатры, произнесла предложеніе купить цѣною жизни ночь ея, и какъ произнесла!».

Кажется, ужъ и этихъ бы строкъ довольно было, чтобы оскорбить чувство литературнаго приличія, оскорбить совершенно постороннее лицо и наконецъ оскорбить пошлымъ поруганіемъ прекрасное и чистое произведеніе поэта, память котораго дорога намъ всѣмъ; но г. Виногоровъ не останавливается на этомъ: глумленіе его доходитъ до крайней степени цинизма; онъ какъ-то грязно намекаетъ на какія-то отношенія слушателей г-жи Толмачевой къ поклонникамъ Клеопатры, прибавляя, что хотя ему и не извѣстны пермскія тайны, но отношеніе вѣроятно было; *иначе г-жѣ Толмачевой не зачѣмъ бы обводить толпу взоромъ «презрѣнія и злой насмѣшки»*; потомъ приписываетъ г-жѣ Толмачевой *кавалерскія* убѣжденія, называетъ ее *диковинкой*, съ особенной нѣжностью и любовью распространяется *о вызывающемъ выраженіи и позахъ* и наконецъ слагаетъ въ честь ея гимнъ:

О, ораторъ,
Реформаторъ
И эмансипаторъ!
Ваше слово
Смѣло, ново, —
Мадамъ Толмачева!

Мы не станемъ упоминать больше о ругательствахъ г. Камня-Виногорова, потому что считаемъ совершенно излишнимъ останавливать на нихъ вниманіе читателя. Мы и теперь коснулись ихъ только для того, чтобы показать, до чего можетъ еще въ наше время простираться безнравственное мракобѣсіе, да еще въ журналѣ, который ото всѣхъ заслуживалъ названіе *порядочнаго*. Подобныя выходки наводили на насъ грустное раздумье даже и въ «Домашней Бесѣдѣ» г. Аскоченскаго, которая какъ безобразнѣйшій фактъ, къ сожалѣнію, возможна еще въ наше время. Теперь съ грустію приходится убѣдиться, что не одна «Домашняя Бесѣда» и не одинъ г. Аскоченскій и К°. подвизаются за начало мрака и зла. Мы потому еще не обошли молчаніемъ этотъ фактъ, что дѣло каждаго органа русской литературы — сказать свое слово за попранныя литературныя приличія, сказать свое слово противу оскорбленія,—не въ защиту г-жи Толмачевой, нѣтъ!—она лично, конечно, не могла оскорбиться площадными нападками г. Виногорова, какъ никто не оскорбляется на улицѣ, если попадаетъ въ грязную лужу; но мы должны сказать свое слово въ отпоръ тому обществу, среди котораго поставлена обстоятельствами г. Толмачева и въ которомъ, можетъ быть, найдутся единомышленники г. Виногорова.

Теперь мы позволимъ себѣ обратиться нѣсколько къ другому вопросу: почему же бы, въ-самомъ-дѣлѣ, не прочесть публично «Египетскія ночи»? Что же такое можно найдти въ нихъ безнравственнаго и непозволительнаго, что рѣшительно оскорбляло бы и всѣ приличія и добрую нравственность, и чувство семейной добродѣтели?

Отвѣчать на этотъ вопросъ намъ помогутъ нѣсколько слова г-жи Толмачевой, сказанныя ею послѣ чтенія одному офицеру, который сообщилъ ей о впечатлѣніи, произведенномъ стихами на «нѣкоторыхъ маменекъ и дочекъ». Мы приводимъ ихъ здѣсь, разумѣется съ исключеніемъ тѣхъ ругательствъ, выходокъ и двусмысленныхъ намековъ и шуточекъ, которыя вставляетъ въ скобкахъ г. Виногоровъ между ея словами. Вотъ что говорила она:

«Это немножко странно; если мы всѣ, и мужчины и дамы, и дѣвицы, читаемъ, не конфузясь, грязные и безнравственные французскіе романы, смотримъ, не краснѣя, сальные и пошлые водевили, то было бы въ высшей степени смѣшно и дико не прочесть публично прекрасное художественное произведеніе великаго поэта. «Египетскія ночи» фактъ историческій, подражательницъ Клеопатрѣ между нами

навѣрно не явится, а особенной нескромности въ стихахъ я не вижу. Не кажется ли ужъ особенно-нескромнымъ выраженіе: «скажите, кто межъ вами купитъ цѣною жизни ночь мою?» Но вѣдь если это не говорится, то зато дѣлается на каждомъ шагу: мы чуть не каждый день видимъ, какъ молодыя женщины продаютъ себя — и не на одну ночь, а на всю жизнь, противнымъ, дряхлымъ, но богатымъ старикамъ....

Воспитаніе, безъ знакомства съ наукою и жизнью, положительно губитъ нашихъ дѣвушекъ. Ихъ замкнутость, вѣчныя помочи, на которыхъ ихъ водятъ, развиваютъ не умъ, требующій знанія, а воображеніе, только раскаляющееся отъ вѣчныхъ тайнъ и загадокъ. Рашель играла по большей части очень страстныхъ женщинъ. Всѣ были восхищены ея игрою, увлечены ею, но никто не былъ настолько пошлъ, чтобы назвать ея роли нескромными. Неужели же это одна грустная привилегія актрисъ, на которыхъ досихъ-поръ еще смотрятъ дико; и я не могу взять на себя никакой подобной роли, потому что я — жена статскаго совѣтника?»

Казалось бы, эти слова такъ краснорѣчиво говорятъ сами за себя, такъ ясны и доказательны, что въ головѣ не шевельнулась бы возможность сказать противъ нихъ что-либо, не поднялась бы рука написать что-нибудь въ опроверженіе, но г. Виногоровъ находитъ и ихъ *безнравственными*; впрочемъ и онъ не представляетъ тутъ никакого возраженія, а кричитъ только: «*браво! бисъ! бисъ!*» Но и этихъ звуковъ достаточно, чтобы уразумѣть, какъ относится онъ къ вышеприведеннымъ словамъ.

Неужели-жъ вы думаете, г. Виногоровъ, что стихи Пушкина безнравственны и грязны? Повѣрьте, то, что *прекрасно*, уже по самой природѣ своей не можетъ быть грязно или безнравственно, не можетъ производить инаго впечатлѣнія, кромѣ чистаго и эстетическаго. «Египетскія ночи» соблазнить и развратить никого не могутъ; для насъ даже и не мыслимо подобное предложеніе. Не стихи Пушкина безнравственны, а безнравственны вы, г. Виногоровъ, и безнравственно то общество, которое станетъ вамъ сочувствовать. Надо предположить слишкомъ-большую нравственную порчу, и растлѣнность воображенія, для того, чтобы въ литературномъ произведеніи отыскать то, что вы отыскали. По вашей теоріи, надо закрыть всѣ музеумы, всѣ картинныя галереи и не пускать туда никого, потому-что въ одной изъ нихъ можно встрѣтить рубенсовскаго Бахуса, поль-

поттеровскую корову, въ другой Венеру медицейскую и т. д. и т. д., а всѣ подобныя произведенія человѣческаго генія только развращаютъ, вредятъ доброй нравственности и семейной добродѣтели, — подобно «Египетскимъ ночамъ» Пушкина, — произведенію, отъ котораго съ гордостью не отказалась бы ни одна литература. Послѣ этого вамъ остается только вооружиться палицей и идти вмѣстѣ съ г. Аскоченскимъ избивать статуи Лѣтняго сада, а у себя дома, съ розгою въ рукахъ, проповѣдывать вашу нравственность своимъ дѣтямъ, если они у васъ есть.

Вышла книга стихотвореній Л. А. Мея. Въ этой первой части заключаются его произведенія, заимствованныя изъ библейскаго, римскаго и греческаго міра, потомъ русскія былины и пѣсни. Изданіе сдѣлано очень хорошо. Мы увѣрены, что публика встрѣтитъ съ сочувствіемъ произведенія нашего талантливаго поэта. Когда это изданіе будетъ окончено, мы надѣемся представить о немъ полную критическую статью.

В. К—ВСКІЙ.

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

XXVI.

ТРЕТІЙ ГОДЪ.

Изъ журнала «Русское Слово» 1861 года.

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОКЪ.

№ 26.

(Февраль 1861 года).

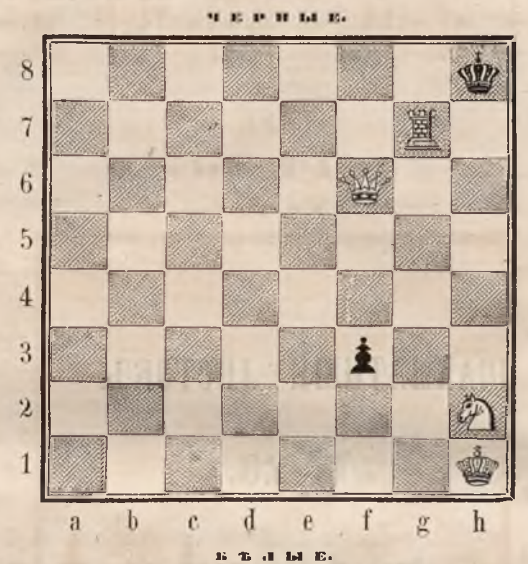
Теорія кипергапей. К. А. Яниша (статья 4-ая и последняя). — Объясненіе по поводу одной проблемы. — Исправленіе опечатки. — Десять партій Стаунтона съ разными противниками. — Рѣшеніе задачъ. — Задачи. — Корреспонденція.

Теорія кипергапей. К. А. Яниша.*) (статья 4-я).

Въ дополненіе къ теоріи кипергапей, намъ остается объяснить какимъ образомъ обратный матъ вынуждается изъ тѣхъ положеній, которыя, въ текстѣ этой теоріи, приведены были безъ рѣшеній. Притомъ считаемъ необходимымъ напечатать еще разъ и самыя діаграммы, изображающія эти положенія; иначе настоящая статья потеряла бы всякій интересъ и была бы даже совершенно непонятна для тѣхъ любителей, которые, не получая Русскаго Слова, не имѣютъ возможности справиться съ предыдущими выпусками Шахматнаго Листка. Для облегченія справокъ, діаграммы обозначены тѣми же цифрами какъ и въ первый разъ.

(*) См. Шахм. Лист. №№ XI, XIV и XXIII.

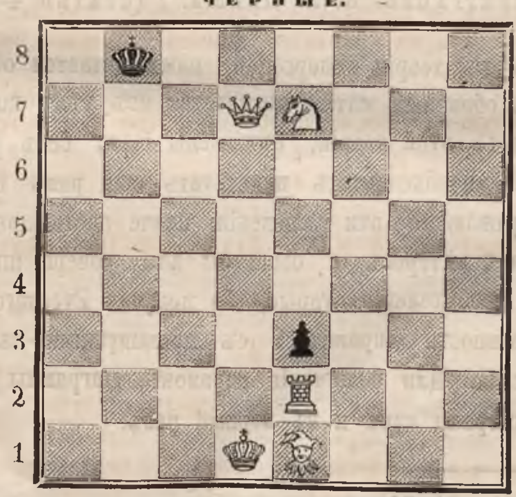
IX.



Бѣлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 9 ходовъ.

1) g7 — e7 +	h8 — g8	6) f6 — f5 +	h5 — h4
2) e7 — e8 +	g8 — h7	7) e6 — e4 +	h4 — g3
3) f6 — f7 +	h7 — h6	8) f5 — g4 +	g3 — f2
4) e8 — e6 +	h6 — g5	9) g4 — g2 +	f3 — g2°✕
5) f7 — f6 +	g5 — h5		

XII.



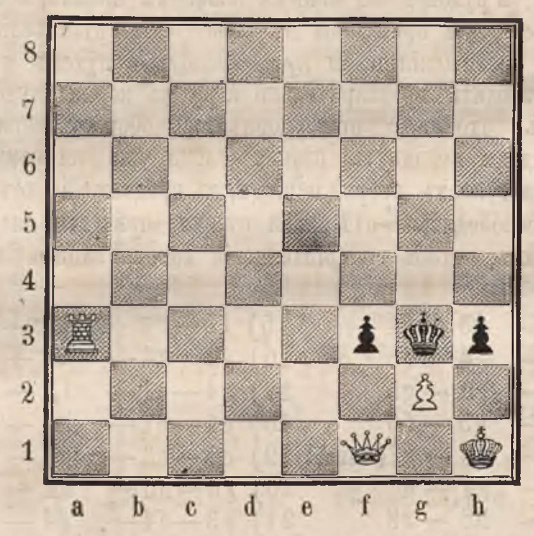
Бѣлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 6 ходовъ.

1) d7 — c8 +	b8 — a7	4) a2 — c2 +	c5 — d4
2) e2 — a2 +	a7 — b6	5) b8 — f4 +	d4 — d3
3) c8 — b8 +	b6 — c5	6) c2 — c1	e3 — e2 ✕

XXVI.

А. Д. Петрова.

Черные.



Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и заставляютъ противника сдѣлать матъ тою пѣшкою, какую онъ имъ заранѣе укажетъ, обязуясь при томъ не проводить своей пѣшки въ офицеры. При такихъ условіяхъ обратный матъ вынуждается ладейной пѣшкой въ 32 хода, а пѣшкою слона въ 35 ходовъ. Если же проблема задана будетъ просто, безъ всякаго ограничительнаго условія, то, для вынужденія обратнаго мата, бѣлымъ потребуется никакъ не болѣе 20-ти ходовъ.

1.) ОБРАТНЫЙ МАТЪ ЛАДЕЙНОЮ ПѢШКОЮ.

Выполненіе этого мата распадается на два весьма различные между собою періода. Къ концу перваго изъ нихъ, ферзь долженъ стоять на e4, ладья на g6, а черный король на h5; затѣмъ бѣлая пѣшка идетъ два шага, черный король отступаетъ на h4, а ферзь, шахомъ на e1, вынуждаетъ черныхъ подвинуть пѣшку слона. Чтобъ достичь такой разстановки шашекъ, необходимо заставить чернаго короля придти на крайнюю линію и, особымъ способомъ,

гнать его оттуда обратно. Изъ нормальной позиціи въ углу h8 (которую всегда можно достичь), изъясненное положеніе шашекъ получается въ девять ходовъ: 1. $\frac{g7-f7+}{h8-g8}$ 2. $\frac{f7-f8+}{g8-h7}$ 3. $\frac{f8-e7+}{h7-g6}$ 4. $\frac{f8-f6+}{g6-h5}$ 5. $\frac{e7-e5+}{h5-h4}$ 6. $\frac{f6-h6+}{h4-g4}$ 7. $\frac{h6-g6+}{g4-h4}$ 8. $\frac{e5-e4+}{h4-h5}$ 9. $\frac{g2-g4+}{h5-h4}$. Понятно, что тутъ изложены не *первоначальные* ходы рѣшенія, а руководство какимъ образомъ шашки могутъ быть *во всякомъ случаѣ* приведены въ означенное рѣшительное положеніе. Но для достиженія цѣли *кратчайшимъ* путемъ нѣтъ необходимости приводить предварительно игру въ нормальную позицію, и мы увидимъ, что даже при упорнѣйшей оборонѣ черныхъ, они будутъ вынуждены подвинуть пѣшку слона уже на семнадцатомъ ходѣ. Тутъ наступаетъ второй періодъ, въ продолженіе котораго бѣлые должны освободиться отъ своей пѣшки, привести ладью на d4 и притомъ такъ, чтобъ непріятельскій король занялъ въ то же время клѣтку f3.

1)	f1—e1+	g3 — f4
2)	a3—a4+	f4 — f5
3)	e1—e4+	f5 — g5
4)	a4—a5+	g5 — f6
5)	a5—a6+	f6 — g7(или A)
6)	e4—e7+	g7 — h8 (*)
7)	a6—h6+	h8 — g8
8)	h6—g6+	g8 — h8
9)	e7—f8+	h8 — h7
10)	g6—g7+	h7 — h6
11)	f8—f6+	h6 — h5
12)	g7—g5+	h5 — h4
13)	g5—g6+	h4 — h5
14)	f6—f5+	h5 — h4
15)	f5—e4+	h4 — h5
16)	g2—g4+	h5 — h4
17)	e4—e1+	f3 — f2
18)	e1—e7+	h4 — g3
19)	e7—e3+	g3 — h4
20)	g6—h6+	h4 — g4°
21)	e3—e4+	g4 — g3(или B)
22)	e4—e5+	g3 — g4(или C)
23)	h6—g6+	g4 — h4 (**)
24)	e5—f6+	h4 — h5
25)	g6—g5+	h5 — h4
26)	g5—d5+	h4 — g4(или D)
27)	f6—f5+	g4 — g3 (***)
28)	d5—d3+	g3 — h4

(*) На 6 $\frac{\quad}{g7-g8}$ бѣлые отвѣтятъ: 7 $\frac{a6-g6+}{g8-h8}$ 8 $\frac{e7-f8+}{\quad}$ и т. д., выигрывая такимъ образомъ темпо; первые шесть ходовъ черныхъ не форсированные, но они наилучшіе изъ всѣхъ возможныхъ, ибо рѣшеніе сократится, если черные дозволятъ быстрѣе пригнать своего короля къ борту или въ нормальную позицію угла h8.

(**) На 23 $\frac{\quad}{g4-f3}$ слѣдуетъ 24 $\frac{g6-f6}{\quad}$ и обратный матъ вынуждается на двадцать восьмомъ ходѣ, способомъ, показаннымъ въ варіантѣ C.

(***) При 27 $\frac{\quad}{g4-h4}$ бѣлые съиграютъ 28 $\frac{d5-d4+}{\quad}$, и обратный матъ получается на тридцать первомъ ходѣ.

29) d3—d4 + h4—g3
30) f5—e5 + g3—f3
31) e5—e4 + f3—g3
32) e4—g2 + h3—g2° ✕

(A.)

5) . . . . . f6—f7 (*)
6) e4—e6 + f7—g7
7) a6—a7 + g7—h8 (или a)
8) a7—a8 + h8—h7 (или b)
9) e6—f7 + h7—h6
10) a8—a6 + h6—g5
11) a6—g6 + g5—h4
12) f7—f4 + h4—h5
13) f4—f5 + h5—h4
14) f5—e4 + h4—h5
15) g2—g4 + и т. д., какъ въ главномъ варіантѣ, причемъ обратный матъ получается на тридцать первомъ ходѣ.

(a.)

7) . . . . . . g7—f8
8) a7—a8 + f8—g7
9) a8—g8 + g7—h7
10) e6—f7 + h7—h6
11) g8—g6 + h6—h5
12) f7—f5 + h5—h4
13) f5—e4 + h4—h5
14) g2—g4 + h5—h4 и т. д., вынуждая обратный матъ на тридцатомъ ходѣ.

(b.)

8) . . . . . . h8—g7
9) a8—g8 + g7—h7
10) e6—f7 + и т. д. какъ въ варіантѣ *a*.

(B.)

12) . . . . . . g4—g5
22) g6—h6 + g5—h5
23) e4—f5 + h5—h4
24) f5—f6 + и т. д. какъ въ главномъ варіантѣ.

(C.)

22) . . . . . . g3—f3
23) h6—f6 + f3—g4
24) f6—f4 + g4—g3
25) f4—d4 + g3—f3
26) e5—e4 + f3—g3
27) e4—g2 + h2—g2° ✕

(D.)

26) . . . . . . h4—g3
27) f6—e5 + g3—f3 (или *c*.)
28) d5—d3 + f3—g4
29) d3—d4 + g4—f3
30) e5—e4 f3—g3
31) e4—g2 + h3—g2° ✕

---

*) Идти королемъ на g5 была бы грубая ошибка, ибо бѣлые отвѣтятъ 6 $\frac{a6-g6+}{g5-h5}$ 7 $\frac{g2-g4}{}$ и рѣшеніе сокращается на девять ходовъ.

(c.)

27)	. . . . . .	g3 — g4
28)	d5 — d4 +	g4 — f3
29)	e5 — e4 +	f3 — g3
30)	e4 — g2 +	h3 — g2° ✕

2.) ОБРАТНЫЙ МАТЪ ПѢШКОЮ СЛОНА.

И здѣсь выполненіе кипергани распадается на два отдѣла или періода. Впродолженіе перваго, бѣлые должны освободиться отъ своей пѣшки, принудивъ черныхъ подвинуть ладейную пѣшку, такъ, чтобъ къ концу этого періода ладья занимала третью полосу доски, ферзь клѣтку d4, а черный король клѣтку h3. Второй отдѣлъ начинается движеніемъ ферзя на g7, король вгоняется въ нормальную позицію въ углу h8 и затѣмъ уже открывается рядъ трудныхъ маневровъ, рѣшающихъ игру.

1)	f1 — c4	g3 — f2(*)
2)	g2 — g3	f2 — e1(**)
3)	c4 — c1 +	e1 — e2(***)
4)	c1 — c2 +	e2 — e1(IV)
5)	a3 — e3 +	e1 — f1
6)	c2 — d1 +	f1 — f2
7)	e3 — a3 +	f2 — g3°
8)	d1 — d4	h3 — h2
9)	a3 — b3	g3 — h3
10)	d4 — g7	h3 — h4
11)	b3 — b4 +	h4 — h5(V)
12)	g7 — g4 +	h5 — h6
13)	b4 — b6 +	h6 — h7
14)	g4 — g6 +	h7 — h8
15)	g6 — f6 +	h8 — g8
16)	b6 — b8 +	g8 — h7
17)	b8 — b7 +	h7 — g8
18)	b7 — g7 +	g8 — h8
19)	g7 — f7 +	h8 — g8
20)	f7 — f8 +	g8 — h7
21)	f6 — h8 +	h7 — g6
22)	f8 — f6 +	g6 — g5

(*) Если вмѣсто этого черные сыграютъ 1. $\frac{}{\text{h3 — h2}}$ то 2. $\frac{\text{a3 — b3}}{\text{g3 — f2}}$ 3. $\frac{\text{g2 — g3}}{}$ и игра идетъ тѣмъ же порядкомъ какъ въ главномъ варіантѣ, такъ, что девятымъ ходомъ ферзь занимаетъ уже клѣтку d4. 1. $\frac{}{\text{h2 — g2o}}$ была бы грубая ошибка, ибо тогда 2. $\frac{\text{h1 — g1}}{\text{g3 — h3}}$ 3. $\frac{\text{c4 — e4}}{\text{h3 — g3}}$ 4. $\frac{\text{a3 — a8}}{\text{g3 — h3}}$ 5. $\frac{\text{a8 — h8 +}}{\text{h3 — g3}}$ 6. $\frac{\text{h8 — h7}}{\text{f4 — f2 ✕}}$

(**) 2. $\frac{}{\text{f2 — g3o}}$ имѣло бы послѣдствіемъ 3. $\frac{\text{c4 — d4}}{\text{h3 — h2}}$ 4. $\frac{\text{a3 — b3}}{\text{g3 — h3}}$ 5. $\frac{\text{d4 — g7}}{}$ и рѣшеніе сокращается на пять ходовъ.

(***) Если 3. $\frac{}{\text{e1 — f2,}}$ то 4. $\frac{\text{c1 — d1}}{\text{h3 — h2}}$ 5. $\frac{\text{a3 — b3}}{\text{f2 — g3o}}$ 6. $\frac{\text{d1 — d4}}{}$ или 4. $\frac{\text{c1 — d1}}{\text{f2 — g3o}}$ 5. $\frac{\text{d1 — d4}}{\text{h3 — h2}}$ 6. $\frac{\text{a3 — b3}}{}$ и въ обоихъ случаяхъ обратный матъ выполняется скорѣе чѣмъ въ главномъ варіантѣ.

(IV) При 4. $\frac{}{\text{e2 — f1}}$ получимъ 5. $\frac{\text{c2 — d1 +}}{\text{f1 — f2}}$ 6. $\frac{\text{a3 — b3}}{\text{f2 — g3o}}$ 7. $\frac{\text{d1 — d4.}}{}$ и т. д.

(V) h4 — h3 имѣло бы послѣдствіемъ немедленное вынужденіе обратнаго мата.

23)	h8 — g7 +	g5 — h4	30)	f7 — f8 +	h8 — h7
24)	f6 — f4 +	h4 — h5	31)	g5 — g8 +	h7 — h6
25)	g7 — e5 +	h5 — h6	32)	f8 — f6 +	h6 — h5
26)	f4 — f6 +	h6 — h7	33)	g8 — g6 +	h5 — h4
27)	e5 — h5 +	h7 — g8	34)	f6 — f4 +	h4 — h3
28)	h5 — g5 +	g8 — h7	35)	g6 — g2 +	f3 — g3 ° ⨯
29)	f6 — f7 +	h7 — h8			

3.) СОКРАЩЕННЫЙ МАТЪ ДЛЯ ТОГО СЛУЧАЯ, КОГДА БѢЛЫМЪ ПРЕДОСТАВЛЕНО ПРАВО ПРОВЕСТИ ПѢШКУ ВЪ ОФИЦЕРЫ.

При этой кипергани мы ограничимся указаніемъ лишь важнѣйшихъ варіянтовъ, такъ какъ метода рѣшенія совершенно ясна, и къ тому же назначенное нами число ходовъ устраняетъ всякую неопредѣленность. Нужно только замѣтить, что бѣлые должны употребить въ пользу всѣ темпы, втеченіе которыхъ пѣшка слона не можетъ быть подвинута.

1)	f1—c4	g3—f2 (или A)	10)	c4—d3	f2—g3
2)	g2—g4 (или B)	f2—e1 (*)	11)	e3—e4	g3—f2
3)	c4—c1 +	e1—f2 (или C)	12)	g6—g7	f2—g3
4)	g4—g5	f2—g3 (**)	13)	d3—e3	h3—h2
5)	c1—c4	g3—f2	14)	g7—g8 Сл.	g3—h3
6)	g5—g6	f2—e1 (***)	15)	g8—c4	h3—g3
7)	c4—c1 +	e1—f2	16)	e3—g5 +	g3—f2
8)	a3—e3	f2—g3	17)	g5—d2 +	f2—g3
9)	c1—c4	g3—f2	18)	d2—g2 +	f3—g2 ° ⨯

(A.)

1)	. . . . . .	h3—h2	6)	a1—a3	g3—f2 (IV)
2)	c4—e4 (V)	g3—f2	7)	g5—g6	f2—f1

(*) На 2. $\frac{}{f2-g3}$, бѣлые отвѣтятъ 3. $\frac{g4-g5}{}$ и т. д.

(**) Если 4. $\frac{}{f2-e2}$, то 5. $\frac{a3-e3+}{e2-f2}$ 6. $\frac{e3-e4}{h3-h2}$ 7. $\frac{g5-g6}{f2-g3}$ 8. $\frac{c1-d3}{}$ и бѣлые выигрываютъ много времени.

(***) 6. $\frac{}{f2-g3}$ имѣло бы послѣдствіемъ 7. $\frac{a3-e3}{g3-f2}$ 8. $\frac{e3-e4}{f2-g3}$ 9. $\frac{c4-d3}{g3-f2}$ 10. $\frac{g6-g7}{f2-g3}$ 11. $\frac{d3-e3}{}$ и проч.

(IV) Этотъ ходъ ведетъ быстрѣе къ цѣли чѣмъ 2. $\frac{a3-d3}{}$.

(V) Уводя короля на h3, черные потеряли бы еще больше времени.

3) g2—g4	f2—f1	8) a3—a1 +	f1—f2
4) a3—a1 +	f1—f2	9) g6—g7	f2—g3
5) g4—g5	f2—g3	10) a1—a3	g3—f2 (*)

Начиная отсюда, игра продолжается различно, смотря по тому предоставлено ли бѣлымъ право создавать себѣ втораго ферзя или нѣтъ.

α.) Со вторымъ ферземъ.

11) g7—g8 Ф	f2—f1	15) e4—g6	h3—h4
12) a3—a1 +	f1—f2	16) e3—d4 +	h4—h3
13) g8—h3	f2—g3	17) g6—g2 +	f3—g2°✕
14) h3—e3	g3—h3		

β.) Со вспомогательнымъ слономъ.

11) a3—e3	f2—f1(или *a*)	16) g8—c4	g3—h3
12) e4—d3 +	f1—f2	17) e3—h6 +	h3—g3
13) e3—e4	f2—g3	18) h6—g5 +	g3—f2
14) d3—e3	g3—h3	19) g5—d2 +	f2—g3
15) g7—g8 Сл.	h3—g3	20) d2—g2 +	f3—g2°✕

(a.)

11)	f2—g3	16) d3—e3	g3—h3
12) g7—g8 Сл.	g3—f2	17) e3—h6 +	h3—g3
13) e4—d3	f2—g3	18) h6—g5 +	g3—f2
14) e3—e4	g3—f2(**)	19) g5—d2 +	f2—g3
15) g8—c4	f2—g3	20) d2—g2 +	f2—g2°✕

(B.)

Бѣлые могли бы въ настоящій моментъ, руководствуясь общимъ принципомъ, выведеннымъ для діаграммы III (см. Шахм. Лист.

(*) Черные никакъ не должны идти королемъ на h3; ибо въ такомъ случаѣ бѣлые, съигравъ ферзя на g6, вынудили бы обратный матъ уже на тринадцатомъ ходѣ.

(**) 14. $\frac{\quad}{g3-h3}$ имѣло бы послѣдствіемъ 15. $\frac{d3-f1+}{h3-g3}$ 16. $\frac{f1-g2+}{f3-d2°✕}$.

№ XV), вынудить слѣдующимъ образомъ замѣчательный обратный матъ въ двадцать два хода.

2)	g2—h2°	f2—e1(или b)	13)	h6—h7	a1—b1
3)	c4—c1 +	e1—e2(или c)	14)	h7—h8 Сл.	b1—a1
4)	c1—e3 +	e2—f1(или d)	15)	h8—e5	a1—b1
5)	e3—g1 +	f1—e2	16)	e5—h2	b1—a1
6)	a3—e3 +	e2—d2	17)	c3—a3 +	a1—b1
7)	g1—f1 +	d2—d1	18)	f2—a2 +	b1—c1
8)	h3—h4	d1—c1	19)	a3—c3 +	c1—d1
9)	e3—d3	c1—b1	20)	a2—c2 +	d1—e1
10)	d3—c3	b1—a1	21)	c3—e3 +	e1—f1
11)	h4—h5	a1—b1	22)	c2—g2 +	f3—g2°✕
12)	h5—h6	b1—a1			

(b.)

2)	. . . . . .	f2—g3
3)	c4—g4 +	g3—f2
4)	g4—g1 +	f2—e2
5)	a3—e3 +	e2—d2

6) g1—f2 + и т. д., обратный матъ на двадцать первомъ ходѣ.

(c.)

3)	. . . . . .	e1—f2
4)	c1—g1 +	f2—e2
5)	a3—e3 +	e2—d2

6) g1—f2 + и т. д., какъ показано выше.

(d.)

4)	. . . . . .	e2—d1
5)	a3—d3 +	d1—c2
6)	e2—d2 +	c2—b1
7)	d2—f2	b1—c1
8)	h3—h4	c1—b1
9)	d3—c3	b1—a1

10) h4—h5 и т. д., вынуждая обратный матъ на двадцать первомъ ходѣ.

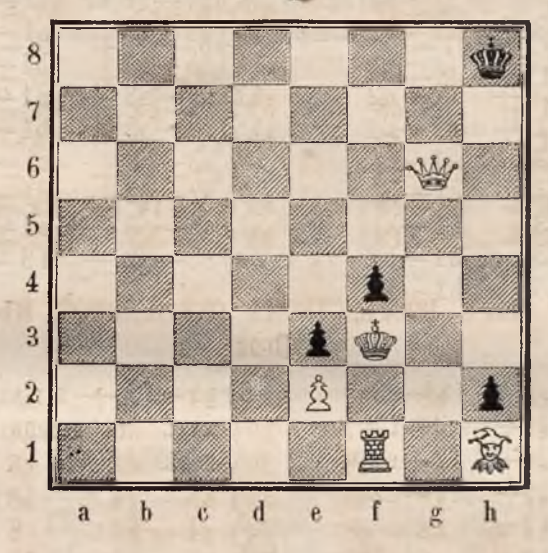
(C.)

3)	. . . . . .	e1—e2	11)	d3—e3	g3—h3
4)	a3—e3 +	e2—f2	12)	g7—g8 Сл.	h3—g3
5)	g4—g5	f2—g3	13)	g8—c4	g3—h3
6)	c1—c4	g3—f2	14)	e3—h6 +	h3—g3
7)	e3—e4	f2—g3	15)	h5—g5 +	g3—f2
8)	c4—d3	g3—f2	16)	g5—d2 +	f2—g3
9)	g5—g6	h3—h2	17)	d2—g2 +	f3—g3°✕
10)	g6—g7	g2—g3			

XXVII.

А. Д. Петрова.

Черные.



Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ ***пѣшкою*** **въ 56 ходовъ или, не болѣе какъ въ 63 хода, тѣмъ** ***офицеромъ*****, въ какого черные обратятъ свою ладейную пѣшку.**

1)	g6 — g5	h8 — h7
2)	f1 — a1	h7 — h8
3)	a1 — a8 +	h8 — h7
4)	g5 — g8 +	h7 — h6
5)	a8 — a6 +	h6 — h5
6)	g8 — g6 +	h5 — h4
7)	a6 — a1	h4 — h3
8)	h1 — g2 +	h3 — h4
9)	g6 — h7 +	h4 — g5
10)	a1 — h1	g5 — f6
11)	g2 — h3	f6 — e5
12)	h7 — d7	e5 — f6
13)	d7 — f5 +	f6 — e7
14)	f5 — e6 +	e7 — d8
15)	e6 — d6 +	d8 — e8
16)	d6 — c7	e8 — f8
17)	c7 — d7	f8 — g8
18)	d7 — e7	g8 — h8
19)	e7 — f8 +	h8 — h7
20)	h3 — e6	h7 — g6
21)	f8 — f7 +	g6 — g5
22)	e6 — d5	g5 — h6
23)	f7 — g8	h6 — h5
24)	g8 — g7	h5 — h4
25)	g7 — g6	h4 — h3
26)	g6 — e4	h3 — h4
27)	f3 — g2	h4 — g5
28)	e4 — e5 +	g5 — h4
29)	e5 — h8 +	h4 — g5
30)	d5 — f3	g5 — g6
31)	h8 — h5 +	g6 — g7
32)	h5 — g5 +	g7 — h7
33)	g5 — f6	h7 — g8
34)	f6 — h6	g8 — f7

35) h6—g5	f7—e6
36) g5—g6 +	e6—e7
37) g6—f5	e7—e8
38) f5—f6	e8—d7
39) f6—e5	d7—d8
40) h1—d1 +	d8—c8
41) d1—c1 +	c8—d8
42) g2—h1	d8—d7
43) c1—c7 +	d7—d8
44) e5—d6 +	d8—e8
45) c7—e7 +	e8—f8
46) d6—f6 +	f8—g8
47) e7—g7 +	g8—h8
48) g7—g4 +	h8—h7
49) f6—e5	h7—h6
50) e5—g7 +	h6—h5
51) g4—g2 +	h5—h4
52) g7—g5 +	h4—h3
53) g2—g3 +	f4—g3°
54) g5—f5 +	h3—h4
55) f5—f4 +	h4—h3
56) f3—h5	g3—g2 ✕

ОБРАТНЫЙ МАТЪ ПОСРЕДСТВОМЪ ОБРАЩЕННОЙ ВЪ ОФИЦЕРА ПѢШКИ.

1) g6 — g5	h8 — h7
2) f1 — a1	h8 — h7
3) g5 — e7	h8 — g8
4) a1 — a7	g8 — h8
5) e7 — h4 +	h8 — g8
6) h4 — h7 +	g8 — f8
7) h7 — g7 +	f8 — e8
8) g7 — f7 +	e8 — d8
9) f7 — e7 +	d8 — c8
10) a7 — a5	c8 — b8
11) e7 — d8 +	b8 — b7
12) f3 — g4 +	f4 — f3
13) g4 — h5	b7 — c6
14) h5 — g6	c6 — b7
15) a5 — a1	b7 — c6
16) a1 — b1	c6 — c5
17) d8 — c7 +	c5 — d5
18) b1 — d1 +	d5 — e4
19) c7 — c4 +	e4 — e5
20) c4 — d4 +	e5 — e6
21) d4 — d5 +	e6 — e7
22) d5 — d6 +	e7 — e8
23) d6 — e6 +	e8 — f8
24) d1 — f1	f3 — f2
25) e6 — d7	f8 — g8
26) d7 — h7 +	g8 — f8
27) g6 — h5	f8 — e8
28) h7 — g7	e8 — d8
29) g7 — f7	d8 — c8
30) f7 — e7	c8 — b8
31) h5 — g4	b8 — c8
32) g4 — h3	c8 — b8
33) h3 — g2	b8 — c8
34) f1 — c1 +	c8 — b8
35) c1 — b1 +	b8 — a8
36) b1 — a1 +	a8 — b8
37) g2 — f1	b8 — c8
38) e7 — a7	c8 — d8
39) a7 — b7	d8 — e8
40) b7 — c7	e8 — f8
41) c7 — d7	f8 — g8
42) d7 — e7	g8 — h8
43) e7 — f6 +	h8 — g8
44) a1 — a8 +	g8 — h7
45) a8 — a7 +	h7 — g8
46) a7 — g7 +	g8 — h8
47) g7 — f7 +	h8 — g8
48) f7 — f8 +	g8 — h7
49) f6 — h8 +	h7 — g6
50) f8 — f6 +	g6 — g5
51) h8 — h6 +	g5 — g4
52) h1 — f3 +	g4 — g3
53) h6 — g5 +	g3 — h3
54) f3 — g4 +	h3 — g3

55) f6 — f8 h2 — h1 и бѣлымъ матъ если черные обратили свою пѣшку въ ферзя или ладью, но если они возвели ее въ мелкаго офицера, то игра еще продолжается, и притомъ различно, смотря потому, въ какаго именно: коня или слона.

Противъ коня.

56) g4 — f3 + g3 — h2
57) g5 — h6 + h2 — g3
58) f3 — g2 g3 — g4
59) h6 — h3 + g4 — g5
60) f8 — f5 + g5 — g6
61) h3 — h5 + g6 — g7
62) h5 — f7 + g7 — h8
63) f5 — f4 h1 — g3 ×

Противъ слона.

56) g4 — f5 + g3 — h2
57) g5 — g2 + h1 — g2° ×

XXVIII.

Гг. Шуриха и Польмехера

ЧЕРНЫЕ.

8
7
6
5
4
3
2
1

a b c d e f g h

БѢЛЫЕ.

Бѣлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать бѣлому королю матъ, на занимаемой имъ клѣткѣ h8, въ 21 ходъ.

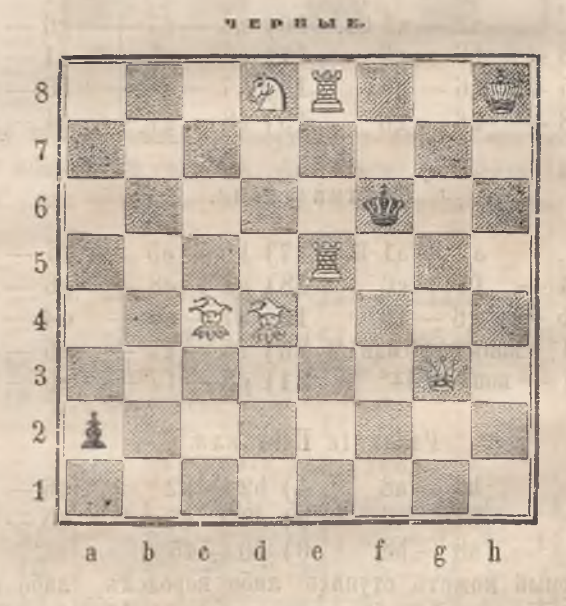
Эта задача имѣетъ два, равно замысловатыя рѣшенія; одно изъ нихъ принадлежитъ авторамъ ея гг. Шуриху и Польмехеру, другое — г-ну Ниппелю. Замѣчательно, что при обоихъ рѣшеніяхъ

несмотря на то, что они весьма различны между собою, обратный матъ вынуждается въ одинаковое число ходовъ (1).

Рѣшеніе Шуриха и Польмехера.

1) b2 — a2	b8 — c8	7) b6 — d4	b7 — b6
2) a2 — a8 +	c8 — d7	8) b5 — a3	b6 — b5
3) h1 — h3 +	d7 — e7	9) b4 — c6	b5 — b4
4) b1 — e1 +	e7 — f6	10) a8 — e8	b4 — a3 °
5) h3 — g3	f6 — f5	11) c6 — d8	a3 — a2
6) e1 — e5 +	f5 — f6	12) b3 — c4	

После этихъ ходовъ шашки пришли въ положеніе, означенное на прилагаемой здѣсь диаграммѣ.



БѢЛЫЕ.

Теперь игра продолжается различно, смотря потому въ какого офицера черные обратятъ свою пѣшку.

---

(1) Вслѣдствіе опечатки, сдѣланной въ Schazeitung 1849 года, изъ которой заимствована настоящая проблема, мы сказали въ предыдущей статьѣ (Шахм. Лист. 1860 г. стр. 299), что рѣшеніе Нииппеля заключаетъ 22 хода; это невѣрно: въ обоихъ рѣшеніяхъ 21 ходъ.

Противъ ферзя.

12)	a2 — a1 Ф.	15) e5 — a5 +	a1 — d4°
13) g3 — h4 +	f6 — g6	16) h7 — e7 +	f6 — g6 +
14) h4 — h7 +	g5 — f6	17) e7 — g7 +	d4 — g7 ° ✕

Противъ ладьи.

12)	a2 — a1 Л.	17) h4 — h7 +	g6 — f6
13) e5 — e1 +	f6 — f5	18) h7 — e7 +	f6 — g6
14) e8 — e5 +	f5 — f6	19) e7 — d6 +	f1 — f6
15) e1 — f1 +	a1 — f1 °	20) c4 — d3 +	g6 — h6
16) g3 — h4 +	f6 — g6	21) d6 — f8 +	f6 — f8° ✕

Противъ слона.

12)	a2 — a1 Сл.	16) c4 — f7 +	g6 — f6
13) g3 — f3 +	f6 — g6	17) e5 — a5 +	a1 — d4 °
14) f3 — f5 +	g6 — h6	18) f7 — g8 +	f6 — g6
15) f5 — f8 +	h6 — g6	19) f8 — g7 +	d4 — g7 ° ✕

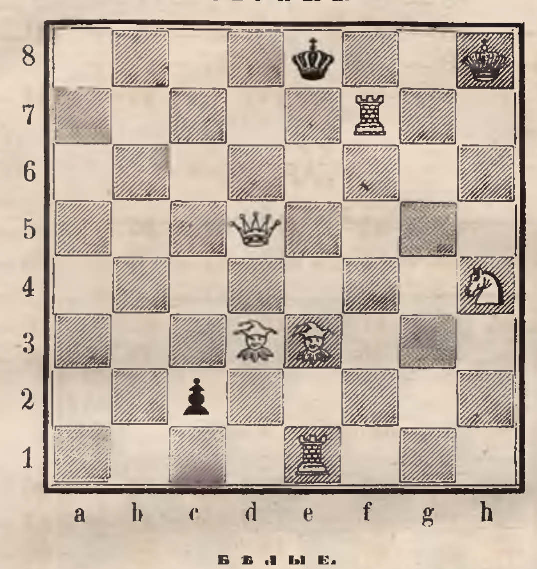
Противъ коня.

12)	a2 — a1 К.	17) h5 — e5 +	f6 — g6
13) g3 — h4 +	f6 — g6	18) e8 — g8 +	g6 — h6
14) h4 — h5 +	g6 — f6	19) e7 — e6 +	d4 — e6°
15) c4 — e2	конь на b3 или c2	20) e5 — g5 +	e6 — g5°
16) e5 — e7 +	конь на d4°	21) d8 — f7 +	g5 — f7 ° ✕

Рѣшеніе Ниппеля.

1) b5 — d6	b8 — a8	4) b2 — a2	c6 — c5
2) b4 — c6	b7 — c6 °	5) a2 — a7	c5 — c4
3) b3 — c2	a8 — b8	6) d6 — f5	

Теперь черный можетъ ступить либо королемъ, либо пѣшкою. Чѣмъ бы онъ ни ступилъ, бѣлые съиграютъ 7 b6 — e3 и 8 h1 — b7 Если послѣ этого хода бѣлыхъ, черный король будетъ находиться на e8 а пѣшка его на c4, то бѣлые съиграютъ 9 b7 — d5 10 f5 — h4, если же напротивъ того, черный король будетъ находиться на d8 а пѣшка его на c3 (иныхъ же положеній вовсе быть неможетъ). то бѣлые пойдутъ 9 f5 — h4 и 10 b7 — d5: вслѣдъ за тѣмъ, въ обоихъ случаяхъ 11 a7 — f7 12 c2 — d3 13 b1 — e1. Послѣ этого 13-го хода бѣлыхъ положеніе шашекъ будетъ слѣдующее:



Черному королю нельзя тронуться, а пѣшка его должна будетъ двинуться впередъ и затѣмъ обратиться въ ферзя, ладью, слона либо коня: для двухъ первыхъ случаевъ продолженіе будетъ одно и тоже.

Рѣшеніе для ферзя и ладьи.

13) . . . . . c2—c1 Ф или Л.
14) d3—b5 + c1—c6
15) f7—f8 + e8—e7(*)
16) e3—g5 + e7—f8°
17) g5—h6 + c6—h6° ✕.

Рѣшеніе для слона.

13) . . . . . . c2 — c1 Сл.
14) e3 — g5 + c1 — e3
15) f7 — f6 e8 — e7
16) d3 — h7 e7 — e8
17) f6 — f8 + e8 — f8°
18) d5 — d8 + f8 — f7
19) d8 — d7 + f7 — f8
20) g5 — h6 + e3 — h6°
21) d7 — g7 + h6 — g6° ✕

Рѣшеніе для коня.

13) . . . . . . c2 — c1 К.
14) e3 — f2 + c1 — e2
15) f7 — h7 e8 — f8
16) d5 — c5 + f8 — e8

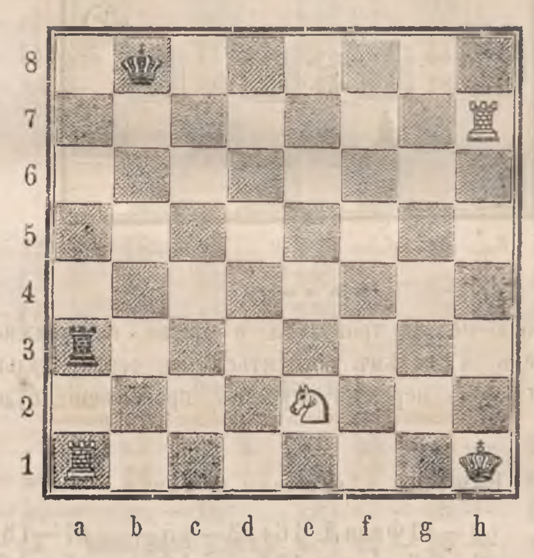
(*) Если 15 ——— / e8 — f8° то 16 e3 — h6 + / e6 — h6° ✕

17) d3 — c4	e8 — d8	20) c7 — f4 +	e2 — f4 °
18) c5 — c7 +	d8 — e8	21) h4 — g6 +	f4 — g6° ⋈
19) c4 — b5 +	e8 — f8		

XXX.

Росмана.

ЧЕРНЫЕ.



БѢЛЫЕ.

Бѣлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 15 ходовъ.

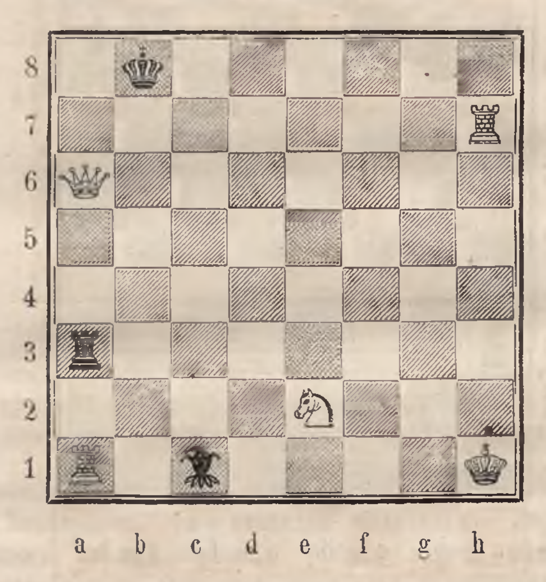
1) h7 — b7 +	b8 — c8	9) f6 — f7 +	g7 — g6 или h6
2) a6 — c6 +	c8 — d8	10) e8 — e6 +	g6 — g5 или h5
3) b7 — d7 +	d8 — e8	11) f7 — f5 +	g5 — g4 или h4
4) c6 — e6 +	e8 — f8	12) e6 — e4 +	g4 — h3
5) d7 — f7 +	f8 — g8	13) e2 — g1 +	h3 — g3
6) f7 — f6 +	g8 — g7	14) f5 — g5 +	g3 — f2
7) e6 — e7 +	g7 — g8 или h8	15) g2 — ha +	33 — h3 ° ⋈
8) e7 — e8 +	g8 — g7 или h7		

(*) Въ этой проблемѣ, равно какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, встрѣчаются иногда варіянты, которыхъ мы не показываемъ, но всякій читатель, хотя немного ознакомившійся съ общими началами теоріи киперганей, безъ труда отыщетъ ихъ самъ.

XXXIII.

Фонъ-Оппена.

ЧЕРНЫЕ.



БЕЛЫЕ.

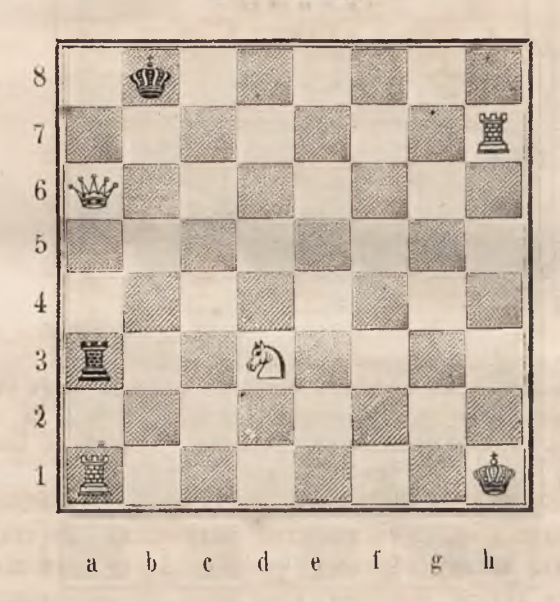
Бѣлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 17 ходовъ.

1)	h7 — b7 +	b8 — c8	10)	f6 — f7 +	h7 — h8
2)	a6 — c6 +	c8 — d8	11)	f7 — f8 +	h8 — h7
3)	b7 — d7 +	d8 — e8	12)	f8 — g8 +	h7 — h6
4)	c6 — e6 +	e8 — f8	13)	g8 — g7 +	h6 — h5
5)	d7 — f7 +	f8 — g8	14)	g7 — g6 +	h5 — h4
6)	e6 — g6 +	g8 — h8	15)	g2 — h2 +	a3 — h3
7)	g6 — f6 +	h8 — g8	16)	a1 — a4 +	c1 — f4
8)	f7 — g7 +	g8 — h8	17)	e2 — g1	h3 — h2 ° ✕
9)	g7 — g2 +	h8 — h7			

XXXIV.

Росмана.

ЧЕРНЫЕ.



БѢЛЫЕ.

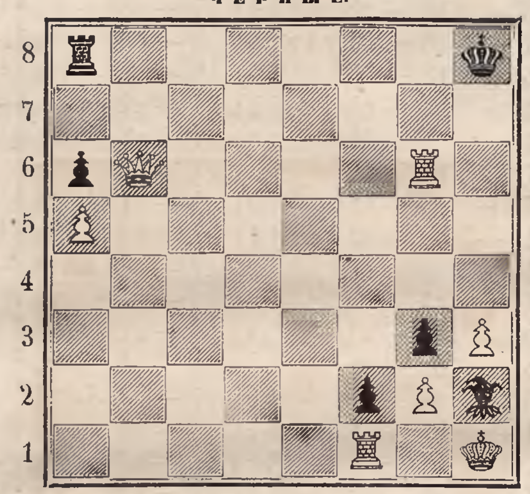
Бѣлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 17 ходовъ.

1)	h7 — h8 +	b8 — c7
2)	h8 — c8 +	c7 — d7
3)	a6 — c6 +	d7 — e7
4)	c8 — e8 +	e7 — f7
5)	c6 — e6 +	f7 — g7
6)	a1 — g1 +	g7 — h7
7)	e6 — d7 +	h7 — h6
8)	e8 — e6 +	h6 — h5
9)	d7 — d5 +	h5 — h4
10)	e6 — e4 +	h4 — h3
11)	e4 — e3 +	h3 — h4
12)	d5 — d4 +	h4 — h5
13)	d4 — g4 +	h5 — h6
14)	g4 — g7 +	h6 — h5
15)	d3 — f4 +	h5 — h4
16)	f4 — g2 +	h4 — h5
17)	e3 — h3 +	a3 — h3 °×

XXXVIII.

А. Д. Петрова.

черные.



Бѣлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 73 хода, обязуясь притомъ не брать непріятельскаго слона и не проводить ни одной изъ своихъ пѣшекъ въ офицеры. Разрѣшена Больтономъ въ 28 ходовъ.)

Сокращенное рѣшеніе настоящей проблемы, придуманное англичаниномъ Больтономъ, уже извѣстно читателямъ Листка. Теперь мы покажемъ, какимъ образомъ условія задачи выполнялись по мысли самаго автора. Основная идея этого первоначальнаго рѣшенія такъ замысловата, а самые пріемы его такъ красивы и поучительны, что оно конечно никогда не потеряетъ цѣны въ глазахъ знатоковъ шахматнаго искусства.

1)	b6 — f6 +	h8 — h7	15)	c6 — f6 +	f8 — e8
2)	g6 — g7 +	h7 — h8	16)	f6 — g6 +	e8 — f8
3)	g7 — f7 +	h8 — g8	17)	g7 — f7 +	f8 — e8
4)	f6 — g6 +	g8 — h8	18)	f7 — f2° +	e8 — e7
5)	g6 — h6 +	h8 — g8	19)	f2 — f7 +	e7 — e8
6)	f7 — g7 +	g8 — f8	20)	f7 — d7 +	e8 — f8
7)	h6 — f6 +	f8 — e8	21)	g6 — g7 +	f8 — e8
8)	f6 — f7 +	e8 — d8	22)	g7 — e5 +	e8 — f8
9)	f7 — e7 +	d8 — c8	23)	e5 — e7 +	f8 — g8
10)	f1 — c1 +	c8 — b8	24)	e7 — f7 +	g8 — h8
11)	c1 — b1 +	b8 — c8	25)	f7 — f6 +	h8 — g8
12)	e7 — b7 +	c8 — d8	26)	d7 — g7 +	g8 — h8
13)	b1 — d1 +	d8 — e8	27)	g7 — g3° +	h8 — h7
14)	b7 — c6 +	e8 — f8	28)	g3 — g7 +	h7 — h8

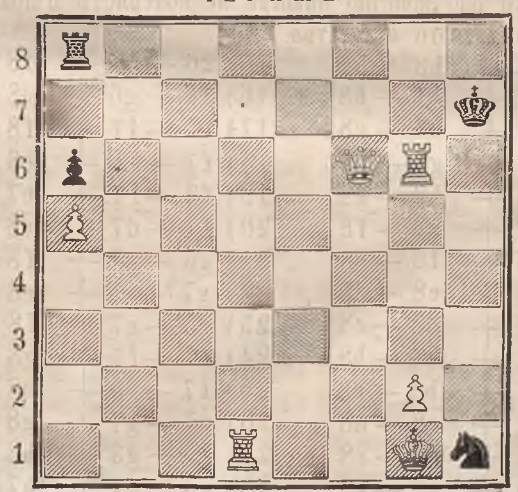
*

29) g7 — f7 +	h8 — g8	52) c8 — c7 +	b7 — b8
30) f6 — g6 +	g8 — h8	53) g6 — g7	a8 — a7
31) g6 — h6 +	h8 — g8	54) c7 — c8 +	b8 — b7
32) f7 — g7 +	g8 — f8	55) h5 — h6	a7 — a8
33) h6 — f6 +	f8 — e8	56) c8 — c7 +	b7 — b8
34) d1 — e1 +	h2 — e5	57) h1 — g2	a8 — a7
35) f6 — f7 +	e8 — d8	58) c7 — c8 +	b8 — b7
36) f7 — e7 +	d8 — c8	59) g2 — h3	a7 — a8
37) e7 — d7 +	c8 — b8	60) c8 — c7 +	b7 — b8
38) e1 — b1 +	e5 — b2	61) h3 — h4	a8 — a7
39) d7 — d6 +	b8 — c8	62) c7 — c8 +	b8 — b7
40) g7 — c7 +	c8 — b8	63) h4 — h5	a7 — a8
41) d6 — c5	a8 — a7	64) c8 — c7 +	b7 — b8
42) c7 — c8 +	b8 — b7	65) h5 — g6	a8 — a7
43) g2 — g4	a7 — a8	66) c7 — c8 +	b8 — b7
44) c8 — c7 +	b7 — b8	67) g6 — h7	a7 — a8
45) g4 — g5	a8 — a7	68) c8 — c7 +	b7 — b8
46) c7 — c8 +	b8 — b7	69) h7 — h8	a8 — a7
47) h3 — h4	b7 — b8	70) c7 — c8 +	b8 — b7
48) c8 — c7 +	b7 — b8	71) h6 — h7	a7 — a8
49) g5 — g6	a8 — a7	72) c5 — b6 +	b7 — c8°
50) c7 — c8 +	b8 — b7	73) b6 — c7 +	c8 — c7° ×
51) h4 — h5	a7 — a8		

XL.

А. Д. Петрова.

Черные.



Бѣлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ ладьею

въ 66 ходовъ, (*) обязуясь при томъ не брать ни одной непріятельской шашки.

1)	g6 — g7 +	h7 — h8	34)	d8 — e7 +	b7 — b8
2)	g7 — f7 +	h8 — g8	35)	c2 — c6 +	a8 — a7
3)	f6 — g6 +	g8 — h8	36)	e3 — f8 +	b8 — b7
4)	g6 — h6 +	h8 — g8	37)	f8 — c5 +	b7 — a8(*)
5)	f7 — g7 +	g8 — f7	38)	c6 — c8 +	a8 — b7
6)	h6 — f6 +	f8 — e8	39)	g4 — g5 +	a7 — a8
7)	f6 — e5 +	e8 — f8	40)	c8 — c7 +	b7 — b8
8)	d1 — f1 +	h1 — f2	41)	g5 — g6 +	a8 — a7
9)	e5 — f6 +	f8 — e8	42)	c7 — c8 +	b8 — b7
10)	g7 — e7 +	e8 — d8	43)	g6 — g7 +	a7 — a8
11)	e7 — e6 +	d8 — c8(**)	44)	c8 — c7 +	b7 — b8
12)	f6 — f8 +	c8 — c7	45)	g7 — g8 Сл.	a8 — a7
13)	f8 — e7 +	c7 — b8(***)	46)	c7 — c8 +	b8 — b7
14)	f1 — b1 +	b8 — c8	47)	g8 — e6	a7 — a8
15)	b1 — c1 +	c8 — b8	48)	c8 — c7 +	b7 — b8
16)	e7 — d6 +	b8 — b7	49)	g1 — f2	a8 — a7
17)	c1 — c7 +	b7 — b8	50)	c7 — c8 +	b8 — b7
18)	c7 — c2 +	b8 — b7	51)	f2 — f3	a7 — a8
19)	d6 — e7 +	b7 — b8	52)	c8 — c7 +	b7 — b8
20)	b2 — c2 +	b8 — c8	53)	f3 — f4	a8 — a7
21)	e7 — e8 +	c8 — c7	54)	c7 — c8 +	b8 — b7
22)	e8 — c6 +	c7 — d8	55)	f4 — f5	a7 — a8
23)	b2 — d2 +	f2 — d3	56)	c8 — c7 +	b7 — b8
24)	c6 — d6 +	d8 — c8	57)	f5 — f6	a8 — a7
25)	e6 — e8 +	c8 — b7	58)	c7 — c8 +	b8 — b7
26)	e8 — e7 +	b7 — c8	59)	f6 — e7	a7 — a8
27)	e7 — c7 +	c8 — b8	60)	c8 — c7 +	b7 — b8
28)	c7 — c3 +	b8 — b7	61)	e7 — e8	a8 — a7
29)	d6 — d7 +	b7 — b8	62)	c7 — c8 +	b8 — b7
30)	c3 — b3 +	d3 — b4	63)	e6 — f7	a7 — a8
31)	d2 — c2 +	a8 — a7	64)	c5 — b6 +	b7 — c8°
32)	d7 — d8 +	b8 — b7	65)	b3 — c3 +	b4 — c6
33)	g2 — g4 +	a7 — a8	66)	b6 — c7 +	c8 — c7° ✕

(*) Въ предыдущей статьѣ, по опечаткѣ, назначено было 67 ходовъ.

(**) Если вмѣсто этого, король идетъ на d7, или c7, то бѣлые непосредственно даютъ шахъ ферземъ на c7.

(***) При 13. $\frac{}{c7 — c8}$ бѣлые, не имѣя уже надобности давать шахъ ладьею на b1, выигрываютъ темпо.

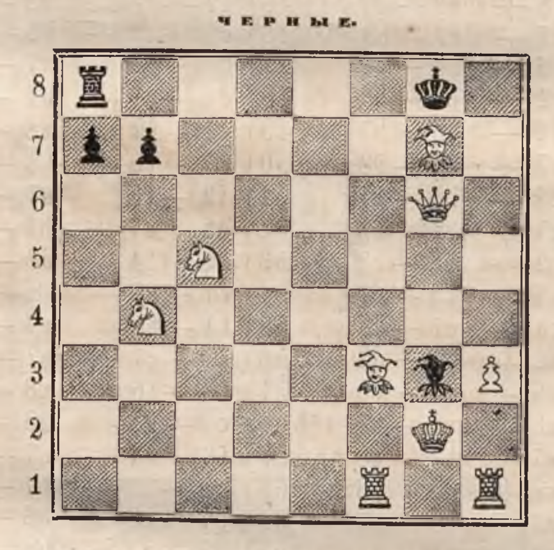
(****) При 37 $\frac{}{a7 — a8}$ рѣшеніе задачи сокращается на два хода, ибо движенія бѣлыхъ c6 — c8 и g8 — e6 становятся уже ненужными.

Мы уже видѣли въ предыдущей статьѣ, что А. Д. Петровъ подвергалъ неоднократной передѣлкѣ первоначальный концептъ проблемы, рѣшеніе которой здѣсь выписано. Одна изъ этихъ передѣлокъ, сохранившаяся въ нашихъ бумагахъ, еще никогда не была напечатана, и мы увѣрены, что читателямъ листка пріятно будетъ видѣть, съ какимъ искусствомъ авторъ съумѣлъ ту же идею облечь въ иную форму. Любители, изучившіе эту проблему въ трехъ прежнихъ ея видахъ, будутъ вѣроятно поражены замысловатымъ введеніемъ двухъ бѣлыхъ коней на лѣвомъ флангѣ.

XLI.

А. Д. Петрова.

ЧЕРНЫЕ.



Бѣлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 42 хода.

1) g7 — a1 +	g8 — f8	11) h5 — e8	a8 — a7
2) g6 — g7 +	f8 — e8	12) d7 — d8 +	b8 — b7
3) f3 — h5 +	e8 — d8	13) g2 — f3	a7 — a8
4) a1 — f6 +	d8 — c8	14) d8 — d7 +	b7 — b8
5) g7 — d7 +	c8 — b8	15) f3 — g4	a8 — a7
6) b4 — a4 +	b7 — a6°	16) d7 — d8 +	b8 — b7
7) f6 — e5 +	g3 — e5°	17) g4 — f5	a7 — a8
8) f1 — b1 +	e5 — b2	18) d8 — d7 +	b7 — b8
9) c5 — a4	a6 — a5	19) f5 — g6	a8 — a7
10) h1 — d1	a7 — a6	20) d7 — d8 +	b8 — b7

21)	g6 — f7	a7 — a8
22)	d8 — d7 +	b7 — b8
23)	f7 — g8	a8 — a7
24)	d7 — d8 +	b8 — b7
25)	h3 — h4	a7 — a8
26)	d8 — d7 +	b7 — b8
27)	h4 — h5	a8 — a7
28)	d7 — d8 +	b8 — b7
29)	h5 — h6	a7 — a8
30)	d8 — d7 +	b7 — b8
31)	h6 — h7	a8 — a7
32)	d7 — d8 +	b8 — b7
33)	d1 — d5	a7 — a8
34)	d8 — b6 +	b7 — c8
35)	b6 — c6 +	c8 — b8
36)	d5 — d8 +	b8 — a7
37)	d8 — d7 +	a7 — b8
38)	c6 — b6 +	b8 — c8
39)	d7 — c7 +	c8 — d8
40)	b6 — d6 +	d8 — e8°
41)	c7 — c8 +	a8 — c8°
42)	d6 — e7 +	e8 — e7° ✕

Значительный объемъ настоящей статьи о кипергаяхъ заставляетъ насъ отложить до слѣдующаго нумера небольшой запасъ заграничныхъ шахматныхъ новостей, и перейти прямо къ партіямъ, безъ которыхъ, согласно нашей программѣ, не можетъ обойтись ни одинъ выпускъ Шахматнаго Листка. Скажемъ только сперва нѣсколько словъ въ объясненіе страннаго недоразумѣнія, возникшаго по поводу одной задачи: они послужатъ отвѣтомъ на нѣкоторыя полученныя нами письма.

Въ Шахматномъ Листкѣ за Октябрь прошлаго года помѣщена была слѣдующая задача, составленная американскимъ любителемъ Самуиломъ Лойдомъ. Положеніе шашекъ. Бѣлые: Король на h1, ферзь на a3. Черные: Король на f1, пѣшка на e2. Условія проблемы. Ходъ за бѣлыми, они даютъ матъ въ пять ходовъ. Извѣстно, что когда съ одной стороны имѣется ферзь, а съ другой пѣшка, достигшая уже седьмой полосы доски, и притомъ подкрѣпленная своимъ королемъ, то, въ большинствѣ случаевъ, игра должна кончиться розыгрышемъ. Впрочемъ, есть много положеній, въ которыхъ при означенномъ распредѣленіи силъ, игрокъ владѣющій ферземъ одерживаетъ верхъ. Настоящая проблема представляетъ одно изъ такихъ положеній; бѣлые легко выигрываютъ, но, чтобъ сдѣлать матъ въ число ходовъ назначенное авторомъ, надо употребить въ дѣло именно придуманные имъ маневры, открыть которые, для игроковъ мало опытныхъ, не совсѣмъ легко. Словомъ, проблема г-на Лойда, при всей своей несложности, принадлежитъ къ числу довольно замысловатыхъ. А между тѣмъ, она подверглась сильному осужденію. Одинъ изъ здѣшнихъ любителей написалъ мнѣ письмо, въ которомъ объясняетъ, что по его мнѣнію, задача непремѣнно заключаетъ ошибку, ибо при данномъ расположеніи шашекъ бѣлые могутъ, будто бы, самымъ простымъ способомъ, дать матъ въ 2 хода, а именно: 1. $\frac{a3 — g3}{e2 — e1\ Ф.}$ 2. $\frac{g3 — g2 ✕}{}$.

Въ такомъ же смыслѣ написано и нѣсколько писемъ изъ провинціи. Тѣмъ не менѣе это сужденіе о проблемѣ С. Лойда неосновательно; бѣлые могли бы дать матъ въ два хода въ такомъ только случаѣ, еслибъ игрокъ владѣющій черными шашками *обязанъ* былъ обратить продвинутую имъ на e1 пѣшку въ ферзя, но, пользуясь неотемлемымъ правомъ возводить пѣшку въ любаго офицера, онъ сдѣлаетъ ее конемъ; тогда бѣлымъ нельзя уже ставить ферзя на g2 (конь взялъ бы его даромъ) и игра затянется на долго. Правильное рѣшеніе проблемы читатели найдутъ въ настоящемъ Листкѣ на стр. 55. Нѣтъ сомнѣнія, что сочинитель ея съ намѣреніемъ расположилъ шашки такъ, чтобъ казалось возможнымъ дать матъ въ два хода; это своего рода ловушка, на которую и попались нѣкоторые любители. Но въ то время, когда было еще слишкомъ рано печатать рѣшеніе задачи, я не счелъ возможнымъ объяснять имъ, въ чемъ именно заключается ихъ заблужденіе, а потому на письмо петербургскаго любителя отвѣчалъ только, что онъ ошибается, что задача составлена и напечатана вѣрно и что о невозможности дать матъ въ два хода я готовъ биться объ закладъ 500 противъ 50 к; впрочемъ прибавилъ я, не совѣтую вамъ держать такое пари, вы *навѣрно проиграете*. Послѣ столь положительнаго предостереженія я уже никакъ не ожидалъ, чтобъ кто нибудь пожелалъ держать со мной это пари. Охотникъ однако отыскался; я получилъ письмо изъ Тобольска, которымъ одинъ изъ тамошнихъ любителей (или можетъ быть *единственный* тамошній любитель) г. А—нъ увѣдомляетъ, что если вызовъ мой не принятъ въ Петербургѣ, что онъ его охотно принимаетъ. Заблужденіе тобольскаго шахматиста длилось однако не долго; по слѣдующей же почтѣ онъ сообщилъ, что самъ открылъ свою ошибку, и пари, разумѣется, не состоялось.

Впрочемъ мы нисколько не въ претензіи на читателей, думавшихъ видѣть ошибку въ проблемѣ совершенно правильной; принимаемъ это какъ вполнѣ заслуженное наказаніе за дѣйствительно бывавшія въ Листкѣ опечатки. Еще на дняхъ, мы замѣтили одну предосадную, которую спѣшимъ здѣсь исправить. Въ біографіи Отто Гейнриха фонъ-Оппена на стр. 231-й сказано, что онъ былъ раненъ и взятъ въ плѣнъ въ кавалерійскомъ дѣлѣ подъ *Клиши*; надо читать *Креспи* (**Crespy en Valois**). Въ Листкѣ за Октябрь минувшаго года мы то же сдѣлали маленькій промахъ: говоря о проблемѣ графа Франческо Ансидеи **«La croix de la maison de Savoie»**, забыли сказать, что усовершенствованный видъ ея принадлежитъ знаменитому А. Д. Петрову.

ПАРТІЯ № 167.

ДЕБЮТЪ ДВУХЪ СЛОНОВЪ.

Бѣлые даютъ впередъ ферзева коня.

	Стаунтонъ. (Бѣлые.)	Вилль. (Черные.)
1)	e2—e4	e7—e5
2)	f1—c4	f8—c5
3)	d2—d4	c5—d4°
4)	f2—f4 (1)	d4—g1°
5)	h1—g1°	d8—h4 + (2)
6)	g2—g3	h4—h2°
7)	c1—e3	g8—f6
8)	f4—e5°	f6—e4°
9)	c4—f7° +	e8—f7°
10)	d1—d5 +	f7—e8
11)	d5—e4°	b8—c6
12)	0—0—0	b7—b6
13)	e4—g4 (3)	c6—e5°
14)	g4—g7°	e5—f7
15)	d1—e1 и черные сдаются.	

Примѣчанія къ партіи № 167.

(1) Все это очень рисковано, но, какъ мы имѣли уже случай замѣтить, давая впередъ офицера нельзя строго придерживаться совершенно правильныхъ дебютовъ; тутъ главное, пріобрѣсть во что бы то ни стало сильную атаку.

(2) Этимъ шахомъ черные выигрываютъ еще пѣшку, но за то ставятъ ферзя въ невыгодное положеніе и даютъ противнику время развить силы.

(3) Игра бѣлыхъ превосходно развернута и имъ представляется много способовъ продолжать нападеніе; настоящій ходъ имѣетъ цѣлью завоевать ферзя посредствомъ d1 — d2. Еще сильнѣе было бы кажется не трогать ферзя, а двинуть королевскую пѣшку на e6.

ПАРТІЯ № 168.

ЗАЩИТА КОНЕМЪ НА ВЫХОДЪ СЛОНА.

(Бѣлые даютъ впередъ ферзева коня.

	Стаунтонъ. (Бѣлые.)	Клингъ. (Черные.)
1)	e2 — e4	e7 — e5
2)	f1 — c4	g8 — f6
3)	d2 — d4	d7 — d6
4)	d1 — e2 (1)	e5 — d4°
5.)	f2 — f4	c8 — g4
6)	g1 — f3	b8 — c6
7)	0 — 0	f8 — e7
8)	e4 — e5	d6 — e5°
9)	f4 — e5°	g4 — f3°
10)	f1 — f3°	c6 — e5° (2)
11)	e2 — e5°	0 — 0
12)	c1 — g5	d8 — d7
13)	a1 — f1	a8 — e8
14)	e5 — g3 (3)	f6 — e4
15)	f3 — f7°	g8 — h8 (4)
16)	g3 — e5	f8 — f7°
17)	f1 — f7°	e7 — f6 (5)
18)	g5 — f6°	e4 — f6° (6)
19)	e5 — f6	g7 — f6°
20)	f7 — d7 и бѣлые, имѣя лишняго слона, непремѣнно выигрываютъ.	

Примѣчанія къ партіи № 168.

(1) Въ игрѣ такъ и такъ (à but) бѣлые могли бы играть 4. $\frac{d4 - e5°}{\quad}$, а затѣмъ 5. $\frac{c4 - f7° +}{\quad}$, пріобрѣтая чрезъ то пѣшку, но давъ впередъ коня, невыгодно мѣняться.

(2) Въ настоящемъ положеніи едва ли было бы возможно избѣжать потери.

(3) Съ цѣлью соблазнить противника къ нападеніи конемъ, что и удалось.

(4) Очевидно, что если черные возьмутъ ферзя, то имъ матъ слѣдующимъ ходомъ.

(5) e4 — f6 было бы не менѣе гибельно.

(6) На 18 $\frac{\quad}{g7 - f6°}$ бѣлые отвѣтятъ 19. $\frac{e5 - h5}{\quad}$ и чернымъ нѣтъ спасенія.

ПАРТІЯ № 169.

ГАМБИТЪ ЭВАНСА.

(Бѣлые даютъ впередъ ферзева коня)

	Стаунтонъ. (Бѣлые.)		Членъ С-тъ Джорджевскаго клуба. (Черные.)
1)	e2—e4		e7—e5
2)	g1—f3		b8—c6
3)	f1—c4		f8—c5
4)	b2—b4		c5—b4°
5)	c2—c3		b4—a5
6)	0—0		d7—d6
7)	d2—d4		a5—c3° (1)
8)	d1—b3		c3—a1°
9)	c4—f7°	+	e8—e7 (2)
10)	c1—g5	+	g8—f6
11)	f1—a1°		h7—h6
12)	f3—h4		c6—d4° (3)
13)	h4—g6	+	e7—d7
14)	b3—h3	+	d7—c6
15)	a1—c1	+ (4)	c6—b6
16)	c1—b1	+	d4—b5
17)	b1—b5°	+ (5)	b6—b5°
18)	h3—b3	+	b5—c6
19)	b3—c4	+	c6—d7
20)	g6—e5°	+	d7—e7 (6)
21)	e5—g6	+	e7—d7
22)	c4—e6	+	d7—c6
23)	g6—e5	+	c6—b6 и бѣлые даютъ матъ въ три хода.

Примѣчанія къ партіи № 169.

(1) Неосторожный ходъ, дающій бѣлымъ возможность повести сильную атаку.

(2) e8 — f8 было бы еще хуже.

(3) Брать слона пѣшкою невозможно, по причинѣ:
13. $\frac{h4 - g6 +}{e7 - d7}$ 14. $\frac{b3 - d6 \times}{\quad}$.

(4) Давать шахъ слономъ на d5 очень привлекательно, но избранный Стаунтономъ ходъ еще сильнѣе.

(5) Очень хорошо.

(6) Очевидно, что взявъ коня, черные получили бы матъ слѣдующимъ ходомъ.

ПАРТІЯ № 170.

ДЕБЮТЪ ДВУХЪ СЛОНОВЪ.

Бѣлые даютъ впередъ ферзева коня.

	Стаунтонъ. (Бѣлые)	Гаррисонъ. (Черные)
1)	e2 — e4	e7 — e5
2)	f1 — c4	f8 — c5
3)	d1 — e2	b8 — c6
4)	c2 — c3(1)	g8 — f6
5)	f2 — f4	c5 — g1°
6)	h1 — g1°	0 — 0
7)	d2 — d3	d7 — d5
8)	c4 — b3	d5 — e4°
9)	d3 — e4°	e5 — f4°
10)	b3 — c2	f6 — g4(2)
11)	c1 — f4°	d8 — h4+
12)	f4 — g3	h4 — h6
13)	h2 — h3	g4 — e3
14)	c2 — d3	c8 — e6
15)	g3 — f2	e3 — g2°+(3)
16)	g1 — g2°	h6 — h3°
17)	g2 — g3	h3 — h1+
18)	g3 — g1	h1 — h2
19)	0—0—0	c6 — e5
20)	c1 — b1	e5 — d3°
21)	g1 — g7°+	g8 — h8(4)
22)	f2 — d4(5)	h2 — e2°
23)	g7 — f7+	h8 — g8
24)	f7 — g7+	g8 — h8
25)	g7 — g6+ и чернымъ матъ не позже двухъ ходовъ.	

Примѣчанія къ партіи № 170.

(1) Можно бы также 4 c4 — f7°+, возвращая потомъ офицера посредствомъ 5 d2 — c4+; въ партіи à but такъ и слѣдовало бы играть, но, давая впередъ коня, надо старательно беречь королевскаго слона, столь необходимаго для атаки, особенно въ началѣ игры.

(2) Можно бы рискнуть взять пѣшку e4 конемъ, играя затѣмъ f8 — e8.

(3) Ясно, что коню не было спасенія.

(4) Если возьмутъ ладью, то потеряютъ ферзя.

(5) Красивое пожертвованіе, послѣ которыхъ гибель черныхъ неизбѣжна.

ПАРТІЯ № 171.

ДЕБЮТЪ ДВУХЪ СЛОНОВЪ.

(Бѣлые даютъ впередъ ферзева коня)

	Стаунтонъ. (Бѣлые)	Членъ Лондонскаго клуба. (Черные)
1)	e2 — e4	e7 — e5
2)	f1 — c4	f8 — c5
3)	c2 — c3	d7 — d6
4)	d2 — d4	e5 — d4°
5)	b2 — b4[1]	c5 — b6
6)	c3 — d4°	b8 — c6
7)	g1 — e2	g8 — f6
8)	c1 — g5	0 — 0
9)	0 — 0	c6 — b4°
10)	f2 — f4	h7 — h6
11)	e4 — e5	d6 — e5°
12)	f4 — e5°	h6 — g5°
13)	e5 — f6°	g7 — f6°
14)	a2 — a3	b4 — c6[2]
15)	d1 — d3	c6 — d4°[3]
16)	d3 — g6 +	g8 — h8
17)	g6 — h6 +	h8 — g8
18)	g1 — h1	d4 — f5
19)	h6 — g6 +	f5 — g7
20)	f1 — f6°	c8 — e6
21)	g6 — g5°[5]	e6 — c4°
22)	e2 — g3	b6 — d4
23)	g3 — h5	d4 — f6°
24)	h5 — f6° +	d8 — f6°
25)	g5 — f6°	

Игра продолжалась еще долгое время и окончилась розыгрышемъ.

Примѣчанія къ партіи № 171.

(1) Играть непосредственно 5 $\frac{c3 - d4^{\circ}}{\quad}$ было бы неосторожно, ибо черные могли бы вынудить мѣну слоновъ посредствомъ 5. $\frac{\quad}{c5 - b4+}$.

(2) Уводить этого коня на d5 вело къ потери пѣшки f6.

(3) Этотъ ходъ открываетъ Стаунтону возможность розыгрыша, посредствомъ вѣчнаго шаха ферземъ.

(4) Если вмѣсто этого хода, возьмутъ коня, то непремѣнно проиграютъ партію.

(5) Съ перваго взгляда этотъ ходъ кажется чрезвычайно рискованнымъ, но въ дѣйствительности онъ, напротивъ того, обдуманъ весьма основательно.

ПАРТІЯ № 172.

ДВОЙНОЙ ГАМБИТЪ МАК-ДОННЕЛЯ.

(Бѣлые даютъ впередъ ферзева коня).

	Стаунтонъ. (Бѣлые.)	Членъ Лондонскаго клуба. (Черные.)
1)	e2 — e4	e7 — e5
2)	f1 — c4	f8 — c5
3)	b2 — b4	c5 — b4°
4)	f2 — f4	e5 — f4° [1]
5)	g1 — f3	d7 — d6

6) c2 — c3	b4 — c5	12) f4 — e5	d6 — e5°
7) d2 — d4	c5 — b6	13) 0 — 0	e5 — d4°
8) c1 — f4°	g8 — f6	14) c4 — f7° +	g8 — f7° (2)
9) d1 — d3	0 — 0	15) f3 — g5 +	f7 — g8
10) h2 — h3	f6 — e4°	16) e4 — h7° ×	
11) d3 — e4°	f8 — e8		

Примѣчанія къ партіи № 172.

(1) Принимать этотъ второй гамбитъ неосторожно; надо играть $4.\ \frac{\quad}{d7 - d5}$

(2) Теперь матъ въ два хода неизбѣженъ; но и отступая королемъ на g8 или h8, черные все таки бы проиграли.

ПАРТІЯ № 173.

ДЕБЮТЪ ДВУХЪ СЛОНОВЪ.

(Бѣлые даютъ впередъ ферзева коня).

Стаунтонъ. (Бѣлые.)	M-r H. (Черные.)		
1) e2 — e4	e7 — e5	11) c1 — g5	f6 — c6
2) f1 — c4	f8 — c5	12) c4 — d5	c6 — c5
3) d2 — d4	c5 — d4°	13) 0—0—0	c7 — c6
4) g1 — f3	b8 — c6	14) d5 — f7°	f8 — f7°
5) c2 — c3	d4 — b6	15) g5 — h6°	h7 — g8 (3)
6) f3 — g5	g8 — h6	16) h6 — g5	d7 — d5
7) f2 — f4	0 — 0	17) d1 — d3	d5 — e4°
8) f4 — f5	d8 — f6 (1)	18) d3 — h3	f7 — f8 (4)
9) d1 — h5	c6 — a5	19) h5 — h7 +	g8 — f7
10) g5 — h7° (2)	g8 — h7°	20) h7 — g6 +	f7 — g8
		21) h3 — h7	f8 — f7
		22) g6 — h5 и черные сдаются.	

Примѣчанія къ партіи № 173.

(1) Лучше всего было бы играть d7 — d5

(2) Съ этого момента игра становится весьма занимательна и поучительна.

(3) Если возьмутъ слона, то немедленно проиграютъ, а именно $15.\ \frac{\quad}{g7 - h6^\circ}$ $16.\ \frac{h5 - f7^\circ +}{h7 - h8}$ $17.\ \frac{f5 - f6}{\quad}$ и чернымъ нѣтъ спасенія.

(4) Чтобъ дать королю возможность спасаться отъ мата бѣгствомъ.

ПАРТІЯ № 174.

ГАМБИТЪ ЭВАНСА.

(Бѣлые даютъ впередъ ферзева коня.)

	Стаунтонъ. (Бѣлые.)	М-г Н. (Черные.)
1)	e2 — e4	e7 — e5
2)	g1 — f3	b8 — c6
3)	f1 — c4	f8 — c5
4)	b2 — b4	c5 — b4
5)	c2 — c3	b4 — a5
6)	0 — 0	d7 — d6
7)	d2 — d4	e5 — d4°
8)	c3 — d4°	a5 — b6
9)	c1 — b2	g8 — f6
10)	d4 — d5	c6 — a5
11)	e4 — e5	a5 — c4°
12)	e5 — f6°	c4 — b2°
13)	f6 — g7°	h8 — g8
14)	f1 — e1 +	e8 — d7
15)	d1 — c2 (1)	c7 — c6
16)	c2 — b2°	d7 — c7
17)	a2 — a4	b6 — c5
18)	d5 — c6°	b7 — c6°
19)	a1 — b1	c8 — a6
20)	b2 — c3 (2)	c5 — b6
21)	f3 — d4 (3)	b6 — d4°
22)	c3 — a5 +	d4 — b6
23)	a5 — a6°	d8 — c8 (4)
24)	e1 — e7 +	c7 — d8
25)	a6 — e2	c8 — f5
26)	a1 — e1;	

за тѣмъ игра продолжалась еще нѣсколько ходовъ и кончилась выигрышемъ бѣлыхъ.

Примѣчанія къ партіи № 174.

(1) Угрожая матомъ въ одинъ ходъ; поэтому то черному коню нѣтъ спасенія.

(2) Чтобъ взять слона посредствомъ шаха ферземъ на a5.

(3) Тутъ довольно естественно представляется ходъ 21 a4 — a5, но онъ закрылъ бы столь важную для ферзя клѣтку a5.

(4) Опасаясь надвиганія ладейной пѣшки на слона, которое имѣло бы послѣдствіемъ или утрату этого офицера или немедленный матъ.

ПАРТІЯ № 175.

ДЕБЮТЪ ДВУХЪ СЛОНОВЪ.

(Бѣлые даютъ впередъ ферзева коня.)

	Стаунтонъ. (Бѣлые)	Г-нъ Ганна. (Черные)
1)	e2 — e4	e7 — e5
2)	f1 — c4	f8 — c5
3)	d1 — e2	d7 — d6
4)	f2 — f4	c5 — g1°
5)	h1 — g1°	e5 — f4°
6)	d2 — d3 (1)	b8 — c6
7)	c1 — f4°	c6 — d4
8)	d2 — f2	d8 — f6 (2)

9) g1 — f1	d4 — e6	20) h3 — c3	d8 — d7
10) c4 — e6°	c8 — e6°	21) g2 — g3	f4 — g3°
11) 0—0—0	g7 — g5(3)	22) c3 — g3°(7)	h8 — h7
12) f4 — d2	f6 — f2°	23) d2 — b4 +	d7 — d6(8)
13) f1 — f2°	f7 — f6	24) f1 — d1	e7 — d7
14) d1 — f1	e8 — e7	25) e5 — d6°	c7 — c6
15) d3 — d4(4)	h7 — h6	26) d1 — f1	d7 — e8(9)
16) e4 — e5(5)	d6 — e5°	27) f1 — f8 +	e8 — f8°
17) d4 — e5°	f6 — f5	28) d6 — d7 + пѣшка проходитъ въ ферзя и бѣлые выигрываютъ.	
18) f2 — f3(6)	a8 — d8		
19) f3 — h3	f5 — f4		

Примѣчанія къ партіи № 175.

(1) Въ настоящемъ положеніи играется обыкновенно 6 d2 — d4, но Стаунтонъ полагаетъ, что сдѣланный имъ ходъ сильнѣе, особенно если начинающій далъ впередъ офицера.

(2) Угрожая взять конемъ пѣшку c2.

(3) Въ случаѣ 11 e6 — a2°, бѣлые пріобрѣли бы хорошую атаку посредствомъ 12 e4 — e5.

(4) Съ цѣлью продвинуть эту пѣшку еще дальше и прогнавъ такимъ образомъ слона, взять своимъ слономъ пѣшку g5.

(5) Этотъ ходъ заставляетъ непріятеля измѣнить тактику.

(6) Хотя черные все еще сохранили лишняго офицера, но игра ихъ до того стѣснена, а силы бѣлыхъ такъ хорошо развиты, что перевѣсъ очевидно на сторонѣ послѣднихъ.

(7) Взявъ пѣшку ладьей, они приготовляютъ грозный шахъ слономъ на b4.

(8) c7 — c5 продлила бы нѣсколько игру, но спасти ее нѣтъ возможности.

(9) Черные дѣлаютъ этотъ ходъ въ ошибочной надеждѣ помѣшать противнику съиграть ладью на f8.

ПАРТІЯ № 176.

ДЕБЮТЪ ДВУХЪ СЛОНОВЪ.

(Бѣлые даютъ впередъ ферзева коня.)

Стаунтонъ. (Бѣлые.)	Г-нъ Ганна. (Черные.)		
1) e2 — e4	e7 — e5	4) f2 — f4	c5 — g1°
2) f1 — c4	f8 — c5	5) h1 — g1°	b8 — c6
3) d1 — e2	d7 — d6	6) c2 — c3	d8 — f6
		7) f4 — f5	g7 — g6
		8) g2 — g4	g6 — f5°

9) g4 — f5°	f6 — h4+	29) d4 — c5[8]	g8 — h6
10) g1 — g3	g8 — f6	30) b3 — a4+	d7 — d8[9]
11) d2 — d3	h8 — g8[1]	31) a4 — d1	b7 — b6+
12) e2 — g2	f6 — h5[2]	32) c5 — b5	f5 — d7+
13) g2 — h3	h4 — h3°	33) b5 — a6	d7 — c8+
14) g3 — h3°	h5 — f6	34) a6 — a7°	g4 — c4°
15) e1 — f2	c8 — d7	35) f1 — f8+	d8 — d7
16) b2 — b4	0—0—0[3]	36) h4 — e7°	d7 — e7°
17) c4 — f7°	g8 — g7	37) f8 — c8°	h6 — f5
18) f7 — b3	d6 — d5[4]	38) c8 — h8	f4 — g3°
19) e4 — d5°	c6 — e7	39) h8 — h7°+	e7 — d6
20) h3 — g3	g7 — g3°	40) h7 — h6+	d6 — e5[10]
21) h2 — g3°	d7 — f5°	41) d1 — b3	c4 — c3
22) c1 — g5	f6 — g8	42) h6 — e6+	e5 — f5
23) f2 — e3	d8 — d7	43) a7 — b7	c7 — c5
24) a1 — f1[5]	d7 — d6[6]	44) d5 — c6°	c3 — b3°
25) c3 — c4[7]	d6 — g6	(на проходѣ)	
26) g5 — h4	c8 — d7	45) a2 — b3°	f5 — e6°
27) d3 — d4	e5 — d4°+	46) c6 — c7	и бѣлые выигры-
28) e3 — d4°	g6 — g4+	ваютъ.	

Примѣчанія къ партіи № 176.

(1) На 11. $\overline{f6 - h5}$ бѣлые отвѣтили бы 12. $\underline{d2 - g1}$, вынуждая мѣну ферзей и спасая такимъ образомъ атакованную конемъ ладью.

(2) Съ перваго взгляда кажется, что теперь бѣлые уже непремѣнно теряютъ такъ называемый **échange**, т. е. ладью за мелкаго офицера, но у нихъ есть еще спасительный ходъ въ запасѣ.

(3) Игрокъ владѣющій черными шашками долго думалъ надъ этимъ ходомъ и съ намѣреніемъ отдалъ пѣшку, надѣясь вознаградить потерю силою позиціи; но расчетъ этотъ едвали былъ основателенъ.

(4) Черные весьма кстати рѣшаются разбить непріятельскій центръ.

(5) Теперь положеніе черныхъ становится крайне затруднительнымъ. Если они отойдутъ слономъ, то 25 $\frac{f1 - f8 +}{d7 - d8}$ 26 $\frac{f8 - d8^\circ}{c8 - d8^\circ}$ 27 $\underline{d5 - d6}$ и бѣлые берутъ одного изъ коней за пѣшку.

(6) Съ перваго взгляда это движеніе ладьи представляется довольно страннымъ, но внимательный разборъ обнаруживаетъ, что это едвали не лучшій ходъ изъ всѣхъ возможныхъ въ настоящемъ положеніи.

(7) Прогонять слопа надвиганіемъ пѣшки g, было бы тепер безполезно ибо шахъ ладьею на f8 уже не страшенъ черному, когда открылась клѣтка d7.

(8) Это кажется ужь слишкомъ смѣло.

(9) d7 — c8 было бы лучше. Вѣроятно черные не съиграли такъ, боясь оставить коня подъ ударомъ; въ сущности же бѣлые не могли бы брать его, не проигравъ партіи, а именно 30 $\frac{}{d7-c8}$ 31 $\frac{h4-e7^{\circ}}{b7-b6+}$ 32 $\frac{c5-b5}{c8-b7}$ и какъ бы бѣлые ни съиграли, имъ матъ слѣдующимъ ходомъ.

(10) Очевидно, что взявъ пѣшку, черные потеряли бы тотчасъ же ладью за слона.

(11) На 41 $\frac{}{c4-b4^{\circ}}$ бѣлые отвѣтятъ 42 $\frac{h6-c6}{}$ и пѣшка c7 пропала.

РѢШЕНІЕ ЗАДАЧЪ.

№ 59.

1)	e7 — d5°	g6 — f6° +
2)	e4 — f5°	d6 — d5°
3)	g5 — f6	d5 — d6
4)	f6 — e5 +	d6 — d5
5)	e5 — c3°	d5 — d6
6)	c3 — e5 +	d6 — d5
7)	c2 — c4 ×	

№ 60.

1)	b5 — b6	d5 — e5
2)	d3 — d4 +	e5 — d5
3)	f3 — d3	d5 — c4
4)	d4 — d5 ×	

№ 61.

1)	a3 — f8 +	f1 — e1
2)	f8 — d6	e1 — f2 (*)
3)	d6 — f4 +	f2 — e1
4)	f4 — d4	e1 — f1
5)	d4 — g1 ×	

(*) Король можетъ идти также на f1, но это нисколько не измѣнитъ рѣшенія, ибо слѣдующимъ ходомъ король все таки долженъ ступить на e1.

№ 62.

1) f5 — d6 + e4 — e3 (A)
2) b2 — d4 + b5 — d4°
3) d1 — d3 + b3 — d3°
4) b4 — d5 ⨯

(A.)

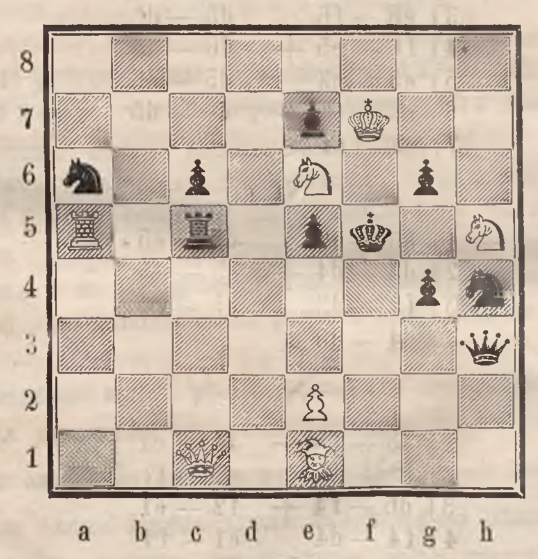
1) . . . . . b5 — d6°
2) d1 — d4 + e4 — f5
3) d4 — f6 + f5 — e4
4) f6 — e5 ⨯

Задачи.

№ 74.

Г-на З*** (въ Тифлисѣ).

ЧЕРНЫЕ.



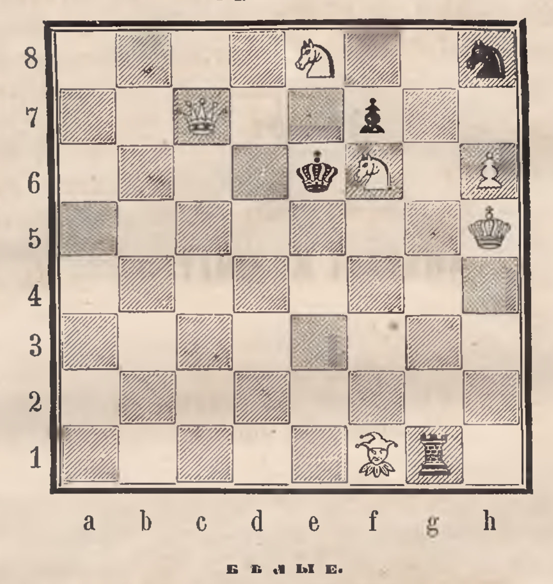
БѢЛЫЕ.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

№ 75.

Его-же.

ЧЕРНЫЕ.



БѢЛЫЕ.

Бѣлые начинаютъ и заставляютъ черныхъ сдѣлать матъ въ 4 хода.

Корреспонденція: *Г-ну З—у* (въ Тифлисѣ). Обѣ Ваши проблемы очень хороши. Если Вамъ угодно, чтобъ та, которую Вы сообщили при письмѣ изъ Екатеринодара, была тоже напечатана, то благоволите сообщить ее вновь съ исправленіемъ, указаннымъ въ послѣднемъ Вашемъ письмѣ. Мы были бы крайне признательны, еслибъ Вы присоединили къ ней еще нѣсколько проблемъ Вашего сочиненія.

Г-ну А—ну. Изъ самаго текста настоящаго Листка Вы изволите усмотрѣть, что оба письма Ваши исправно получены.

МОНТЕ-БЕНИ

РОМАНЪ

НАТАНІЕЛЯ ГОТОРНА.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ НИКОЛАЯ ТИБЛЕНА И КОМП.

1861.

МОНТЕ-БЕНИ.

РОМАНЪ

НАТАНІЕЛЯ ГОТОРНА.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.)

ГЛАВА I.

МИРІАМЪ, ГИЛЬДА, КИНІОНЪ, ДОНАТЕЛЛО И ФАВНЪ.

Четыре лица, судьбою которыхъ мы желали бы заинтересовать читателя, стояли въ одной изъ залъ скульптурной галлереи въ римскомъ капитоліѣ. Въ центрѣ этой залы (первой, какъ взойдете на лѣстницу) преклоняется благородная, поразительная фигура умирающаго гладіатора, уже погружающагося въ смертный сонъ. Вокругъ стѣнъ стоятъ Антиной, Аполлонъ, Юнона, — всѣ знаменитыя произведенія древняго рѣзца, сіяющія неизмѣннымъ величіемъ и красотою своей идеальной жизни, хотя мраморъ пожелтѣлъ отъ времени и можетъ быть проѣденъ сырой землей, въ которой они были погребены втеченіе столѣтій. Здѣсь же находится символъ души человѣка (приличный въ настоящую минуту столько же, какъ и за двѣ тысячи лѣтъ) въ минуту выбора между добромъ и зломъ — прекрасная фигура ребенка, прижимающаго къ груди голубя, и въ то же время преслѣдуемаго змѣею.

Изъ одного окна этой залы можно видѣть широкія каменныя ступени, спускающіяся вдоль массивнаго основанія Капитолія къ тріумфальной аркѣ Септимія Севера; далѣе взоръ вашъ скользитъ вдоль края опустѣлаго форума (гдѣ римскія прачки развѣшиваютъ бѣлье), по безобразной массѣ новѣйшихъ построекъ, грубо нагроможденныхъ изъ древняго камня и кирпича, по куполамъ христіанскихъ церквей, воз-

веденнымъ на древнихъ языческихъ храмахъ. Еще далѣе возвышается громадный колизей, и сквозь верхнія арки его проглядываетъ голубое небо. Наконецъ зрѣніе ваше останавливается на албанскихъ горахъ, сохранившихъ тотъ же самый видъ, какими ихъ видѣлъ Ромулъ изъ за своей полувыведенной стѣны.

Мы бросаемъ бѣглый взглядъ на это свѣтлое небо, на эти голубыя далекія горы, на этрусскія и римскія развалины, почтенныя своею двойственною древностью, и на эту группу статуй, въ надеждѣ, что этого достаточно, чтобъ вызвать въ читателѣ то чувство, которое всего чаще испытывается въ Римѣ. Неопредѣленный смыслъ тяжелыхъ воспоминаній, ощущенія важности и достоинства давно протекшей жизни, средоточіемъ которой было это мѣсто, подавляютъ или вытѣсняютъ чувство настоящаго, и наши личные интересы и стремленія теряютъ значительную долю своей дѣйствительности; настоящія дѣла и мечты блѣднѣютъ и превращаются въ призраки предъ этою массивностью римскаго прошедшаго.

Можетъ быть такое же чувство испытывали выведенныя нами четыре лица. Трое изъ нихъ были артисты и въ настоящую минуту ихъ поразило замѣчательное сходство между одной изъ древнихъ статуй, хорошо извѣстнымъ произведеніемъ греческой скульптуры, и молодымъ Италіанцемъ, четвертымъ членомъ маленькаго общества.

— Вы должны сознаться, Киніонъ, сказала молодая черноглазая женщина, которую друзья называли Миріамъ; — вы должны сознаться, что вамъ никогда не удавалось сообщить мрамору болѣе живое сходство съ оригиналомъ, хотя вы и считаете себя искуснымъ скульпторомъ. Черты, выраженіе здѣсь совершенно сходны. Будь это картина, можно было бы вообразить сходство; но это мраморъ — его можно измѣрить. Я утверждаю, что нашъ другъ Донателло совершенный фавнъ Праксителя. Не правда-ли, Гильда?

— Не совсѣмъ, но близко, отвѣчала Гильда, стройная дѣвушка съ темными волосами. Небольшое различіе есть, и я думаю, оно происходитъ оттого, что фавнъ жилъ въ лѣсахъ и поляхъ, между тѣмъ какъ Донателло нѣсколько знакомъ съ городами и съ такими людями, какъ мы. Но впрочемъ сходство поразительное; это очень странно.

— Вовсе не странно, прошептала Миріамъ злобно; ни одинъ фавнъ во всей Аркадіи не былъ глупѣе Донателло. У него нѣтъ человѣческаго смысла или по крайней мѣрѣ менѣе, чѣмъ у всякаго. Жаль, что теперь нѣтъ фавновъ; эти существа были бы ему по-плечу.

— Полно-те, возразила Гильда. Вы неблагодарны: у него достаточно смыслу, чтобъ боготворить васъ.

— Тѣмъ болѣе онъ глупъ! сказала Миріамъ такъ жестко, что спокойные глаза юной Американки выразили смущеніе.

— Донателло, сказалъ Киніонъ по-италіански, доставьте намъ всѣмъ удовольствіе — станьте въ такую позу, какъ эта статуя.

Молодой человѣкъ засмѣялся, но принялъ позу, въ которой фавнъ простоялъ двѣ или три тысячи лѣтъ. Дѣйствительно, еслибы не костюмъ, и еслибы его тальму замѣняла львиная кожа, а палку древесная дудка, онъ вполнѣ представлялъ бы мраморнаго фавна — такъ удивительно было сходство.

— Да, чрезвычайное сходство, замѣтилъ Киніонъ, посмотрѣвъ сперва на статую, потомъ на молодаго человѣка. Остается только одинъ или вѣрнѣе два пункта, о которыхъ длинныя кудри нашего друга мѣшаютъ сказать, точно-ли сходство соблюдено во всѣхъ подробностяхъ. —

И скульпторъ обратилъ исключительное вниманіе на уши статуи.

Но мы считаемъ необходимымъ описать ее, хотя увѣрены, что намъ не удастся передать словами ея магическое выраженіе.

Фавнъ Праксителя представляетъ молодаго человѣка, опирающагося правымъ плечемъ на древесный пень; одна рука небрежно опущена, а въ другой онъ держитъ дудку. Львиная кожа, покрывающая его, спускается вдоль спины, оставляя ноги и грудь открытыми. Формы удивительно граціозны, но очертанія гораздо полнѣе, округленнѣе и менѣе мускулисты, чѣмъ обыкновенно въ древнихъ статуяхъ, въ которыхъ скульпторы воплощали мужественную красоту. Характеръ лица соотвѣтствуетъ всей фигурѣ; оно чрезвычайно пріятно; но въ округленныхъ формахъ и особенно въ нѣкоторыхъ чертахъ вокругъ подбородка проглядываетъ сладострастье; носъ почти прямой, но легкій, едва примѣтный выгибъ придаетъ всему лицу неописанную прелесть веселости и юмора. Губы сложены такъ, что, кажется, готовы улыбнуться, и вызываютъ невольную улыбку. Вся статуя возбуждаетъ идею о кроткомъ, чувствительномъ существѣ, склонномъ къ веселости, и въ то же время не лишенномъ серьезной думы. Невозможно, пристально вглядѣвшись въ это каменное изображеніе, не почувствовать къ нему нѣкотораго расположенія, какъ будто это живое существо, способное сознавать нашу симпатію.

Можетъ быть человѣческому глазу и нравится эта статуя потому, что мы замѣчаемъ въ ней отсутствіе нравственной строгости и возвышеннаго героизма. Фавнъ не одаренъ никакимъ сильнымъ нравственнымъ принципомъ и не способенъ понять его; но его простота ручается, что онъ былъ бы вѣрнымъ и честнымъ. Отъ такого существа мы не могли бы ожидать никакого пожертвованія ради отвлеченныхъ цѣлей; во всей фигурѣ нѣтъ ни атома, говорящаго о способности сдѣ-

латься мученикомъ идеи; но зато видна способность къ сильной, горячей привязанности, способность дѣйствовать по ея внушеніямъ и даже умереть въ случаѣ нужды. Душевныя движенія могли бы воспитать его, подавили бы въ немъ грубую животную сторону, но никогда не истребили бы ея совершенно.

Животная природа составляетъ самую существенную часть характера фавна, и Пракситель удивительнымъ образомъ слилъ ее со всѣми характеристическими чертами человѣка. Она высказывается ощутительно только въ ушахъ, оканчивающихся наверху острымъ угломъ, какъ, вообще у животныхъ, и хотя этого не видно на мраморѣ, но кажется они покрыты шерстью. Это единственный признакъ дикой, животной природы фавна.

Только скульпторъ съ самымъ живымъ воображеніемъ, съ самымъ утонченнымъ вкусомъ и рѣдкимъ искусствомъ,—короче, только скульпторъ и поэтъ могъ задумать такую фигуру фавна и выполнить ее съ такимъ совершенствомъ. Это не человѣкъ и не животное; однакожъ и не уродъ; это существо, въ которомъ человѣческая природа сливается съ животною. Идея эта въ отвлеченіи кажется груба; но чѣмъ вы болѣе всматриваетесь въ статую, тѣмъ болѣе подчиняетесь ея очарованію: вся прелесть сельской жизни, все веселье, беззаботность, покой и счастіе, характеризующія обитателей лѣсовъ и полей, смѣшалось, слилось неразлучно въ одномъ существѣ со всѣми родственными свойствами человѣческаго духа. Деревья, трава, цвѣты, лѣсной ручеекъ, домашнія животныя, олени — и съ ними простой, безхитростный человѣкъ. Сущность всего этого была сознана давно и теперь она живетъ въ образѣ Пракситèлева фавна.

Идея эта не мечта, а скорѣе поэтическое воспоминаніе о тѣхъ временахъ, когда человѣкъ былъ ближе къ природѣ и дружба его со всѣмъ живущимъ была тѣснѣе и ощутительнѣе.

— Донателло, весело вскричала Миріамъ, не лишайте насъ удовольствія — откройте ваши уши; если они похожи на уши фавна, вы намъ еще больше понравитесь.

— Нѣтъ, нѣтъ, прекрасная синьорина, отвѣчалъ Донателло съ усмѣшкою, но довольно серьезнымъ тономъ. — Умоляю васъ, оставьте въ покоѣ мои уши. — И говоря это, молодой Италіанецъ сдѣлалъ нѣсколько прыжковъ, какъ бы стараясь уклониться отъ протянутой руки, повидимому готовой поднять его темныя кудри. — Я сдѣлаюсь хуже апенинскаго волка, продолжалъ онъ, остановившись по другой сторонѣ умирающаго гладіатора, если вы дотронетесь до моихъ ушей. Изъ моей породы никто этого не дозволитъ. Это былъ самый чувствительный пунктъ и у моихъ предковъ, и у меня.

Онъ говорилъ на тосканскомъ нарѣчіи, съ оттѣнкомъ провинціялизма, доказывавшимъ, что ему приходилось часто бесѣдовать съ жителями деревень.

— Хорошо, хорошо, сказала Миріамъ, вашъ чувствительный пунктъ, или ваши чувствительные пункты, если они есть у васъ, будутъ безопасны;—я за себя ручаюсь. Но какое странное сходство! И какъ бы это было забавно, если бы и уши были такія же, какъ у фавна! — Но это невозможно, продолжала она по-англійски; Донателло слишкомъ дѣйствительное и обыкновенное существо. Однакожъ, вы видите, какъ эта особенность опредѣляетъ характеръ фавна: онъ не сверхъестественное созданіе, но стоитъ уже на самомъ краю природы. Въ этой мысли есть что-то чрезвычайно привлекательное, не правда-ли, Гильда? — Но впрочемъ вы лучше понимаете ее, чѣмъ я.

— Она меня смущаетъ, отвѣчала Гильда задумчиво; я ничего опредѣленнаго не могу сказать.

— Однакожъ, сказалъ Киніонъ, вы согласны со мной, и съ Миріамъ, что въ фавнѣ есть что-то трогающее васъ, производящее глубокое впечатлѣніе. Въ давно минувшія времена онъ дѣйствительно могъ существовать. Природа нуждалась и еще нуждается въ этомъ прелестномъ созданіи, которое стоитъ между человѣкомъ и животнымъ, сочувствуетъ тому и другому, понимаетъ рѣчь обоихъ и объясняетъ характеръ и человѣка и животнаго. Жаль, что онъ навсегда исчезъ изъ дѣйствительнаго міра, развѣ Донателло, прибавилъ шопотомъ скульпторъ, замѣняетъ его.

— Вы не можете представить, какъ меня занимаетъ эта мысль, сказала Миріамъ полу-шутя, полу-серьезно. Вообразите себѣ живое, дѣйствительное существо совершенно похожее на этого вымышленнаго Фавна! Ахъ, если бы у насъ у всѣхъ были остроконечныя уши! Вѣдь у фавна не было ни сознанія, ни угрызеній совѣсти, ни сердечныхъ страданій, ни горестныхъ воспоминаній, ни мрачныхъ предчувствій....

— Что за трагическій тонъ, Миріамъ? прервалъ скульпторъ, который, взлянувъ на ея лицо, не могъ не замѣтить, что оно покрылось блѣдностью и потеряло выраженіе веселости.—Почему такая внезапная перемѣна?

— Оставьте, это пройдетъ, какъ облако на этомъ чудномъ небѣ, отвѣчала Миріамъ.

Рѣшительный отказъ показать уши, кажется, обошелся не даромъ Донателло, потому что онъ подошелъ къ Миріамъ и сталъ смотрѣть на нее съ такимъ видомъ, какъ будто молилъ ее о прощеніи. Безмолвные жесты, которыми онъ выразилъ свою мысль, были искренни и даже патетичны; но ихъ нельзя было видѣть безъ смѣха—такъ много во всей

его фигурѣ было сходства съ собакою, сознавшей свою вину и увивающейся передъ своимъ господиномъ. Трудно сказать что нибудь опредѣленное о характерѣ этого человѣка. Несмотря на преобладаніе животнаго элемента, на эту полноту физическаго развитія, онъ не производилъ того тяжелаго впечатлѣнія, какое производитъ уродство, безобразье, ограниченность. Друзья, хорошо знакомые съ нимъ, инстинктивно дозволяли ему отступленія отъ общепринятыхъ правилъ, едва замѣчали его эксцентрическія выходки и всегда ихъ прощали. Та особенность, что Донателло стоялъ внѣ обыкновенныхъ правилъ, можетъ отчасти служить его характеристикой.

Онъ схватилъ руку Миріамъ, поцѣловалъ, и сталъ пристально смотрѣть ей въ глаза, не говоря ни слова. Она улыбнулась и подарила его той небрежной лаской, какой обыкновенно обнаруживаютъ вниманіе къ баловницѣ собачкѣ; но и этого, кажется, было ему довольно, по-крайней мѣрѣ онъ съ видомъ живѣйшаго удовольствія началъ прыгать вокругъ деревянной рѣшетки, огораживающей умирающаго гладіатора.

— Вотъ настоящій пляшущіи фавнъ, сказала Миріамъ, обратясь къ Гильдѣ. Какое дитя, или вѣрнѣе, какой глупецъ этотъ Донателло! Я замѣчаю, что постоянно принуждена обращаться съ нимъ какъ съ птицею, которая еще не можетъ летать; однакожъ онъ уже не имѣетъ права на такія привилегіи; въ его лѣта... Кстати, что вы думаете, сколько ему лѣтъ?

— Лѣтъ двадцать, отвѣчала Гильда, бросивъ взглядъ на Донателло. Впрочемъ я этого не утверждаю; можетъ быть, больше, можетъ быть, меньше. У него лицо такое, что, кажется, вѣчно останется молодымъ.

— У всѣхъ не совершенно развитыхъ умственно такія лица, замѣтила насмѣшливо Миріамъ.

— Донателло дѣйствительно одаренъ вѣчной юностью; вы справедливо замѣтили, Гильда, вмѣшался Киніонъ. Если судить по древности этой статуи, продолжалъ онъ, смѣясь, которую Пракситель, — я въ этомъ все болѣе и болѣе убѣждаюсь, — снималъ съ него, то ему теперь должно быть по крайней мѣрѣ двадцать пять столѣтіи — а онъ все еще смотритъ юношей.

— Сколько вамъ лѣтъ, Донателло? спросила Миріамъ.

— Синьорина, я право не знаю, сколько мнѣ лѣтъ; во всякомъ случаѣ я еще очень не старъ, потому что началъ жить только съ тѣхъ поръ, какъ встрѣтился съ вами.

— Это правда, потому что едва-ли человѣкъ, давно живущій въ обществѣ, сказалъ бы такой пошлый комплиментъ такъ рѣшительно! воскликнула Миріамъ. — Но какова невинность! онъ не знаетъ, сколько ему лѣтъ. Это признакъ вѣчности. О, еслибъ я могла забыть свои лѣта!

— Это не трудно, замѣтилъ скульпторъ. Вѣдь вы, я думаю, не старше Донателло.

— Я была бы рада, возразила Миріамъ, если бы могла забыть одинъ день моей жизни. Наша жизнь такъ скучна, что дѣйствительно было бы пріятно сократить хоть одинъ день изъ этого длиннаго счета.

Разговоръ продолжался въ томъ тонѣ, къ которому склонны вообще всѣ люди съ сильно развитымъ воображеніемъ, артисты и поэты. Сходство между мраморнымъ фавномъ и живымъ человѣкомъ произвело глубокое, полу-серьезное, полу-забавное впечатлѣніе и перенесло ихъ въ ту воздушную страну, гдѣ человѣкъ будто перестаетъ чувствовать подъ собой землю и начинаетъ жить дѣйствительной жизнью въ сферѣ фантазіи. Вслѣдствіе такого настроенія, или, можетъ быть, вслѣдствіе обыкновенной въ артистахъ склонности къ критикѣ, Киніонъ сообщилъ нѣсколько замѣчаній объ умирающемъ гладіаторѣ.

— Я привыкъ удивляться этой статуѣ, говорилъ онъ; но теперь нахожу, что это очень скучно и просто тяжело столько времени лежать въ предсмертныхъ мукахъ, опершись на руку. Если онъ въ самомъ дѣлѣ смертельно раненъ, то пусть бы себѣ легъ совсѣмъ и умеръ безъ дальнѣйшихъ разговоровъ. Это было бы лучше, неправда-ли? Летучіе моменты, представляющіе случайности, непримѣтный промежутокъ между двумя вздохами не слѣдуетъ облекать въ вѣчно покойный, неподвижный мраморъ; всякій скульптурный сюжетъ долженъ быть нравственно неподвиженъ, иначе его нельзя совмѣстить съ физическою неподвижностью. Вы чувствуете, глядя на эту статую, что она должна склониться, и остаетесь неудовлетворены, потому что она не повинуется обыкновеннымъ естественнымъ законамъ.

— Я вижу, вы считаете скульптуру какимъ-то страннымъ ремесломъ, живо возразила Миріамъ. Признаюсь, ни я, ни Гильда не можемъ сочувствовать этому замороженному, неподвижному искуству. Если принять вашъ взглядъ, то и живописи слѣдуетъ сдѣлать то же возраженіе. Но посмотрите, какое искуство въ состояніи вызвать изъ глубины древности такой живой образъ съ такимъ теплымъ и простымъ сердцемъ, какъ у этого фавна.

— Фавнъ! вскричала Гильда съ легкимъ движеніемъ; вотъ я долго смотрю на него и вмѣсто безсмертнаго юноши вижу предъ собою камень, обезображенный временемъ. Такая перемѣна возможна только въ статуѣ.

— Съ картинами бываетъ то же самое, могу васъ увѣрить, возразилъ скульпторъ.—Отъ самаго зрителя зависитъ измѣнить идею. Я утверждаю, что ни одинъ живописецъ не произведетъ на меня впечатлѣнія безъ моего согласья и помощи.

— Это доказываетъ недостатокъ чувства, отвѣчала Миріамъ.

Общество наше переходило изъ одной залы въ другую останавливалось то здѣсь, то тамъ, чтобъ разсмотрѣть ту или другую, статую, въ которыхъ, какъ въ гробницахъ, покоилась жизнь древняго Рима. Осуществленіе фавна въ лицѣ Донателло придало особенную живость каждой статуѣ. Антиной, казалось, поднималъ брови и готовъ былъ разсказать о своей вѣчной печали; Аполлонъ готовился ударить по струнамъ своей лиры, а фавнъ изъ краснаго мрамора повидимому ожидалъ только перваго звука, чтобы пуститься въ плясъ, увлечь за собою косматыхъ сатировъ и, схвативъ за руки Донателло, составить общій хороводъ.

Когда общество наше спускалось съ лѣстницы, его веселое расположеніе духа смѣнилось довольно серьезнымъ и даже мрачнымъ настроеніямъ—такая внезапная и непосредственная перемѣна весьма обыкновенна.

— Знаете-ли, сказала Миріамъ, обратясь къ Гильдѣ, я сомнѣваюсь въ дѣйствительности сходства между Донателло и фавномъ, хотя мы такъ долго говорили объ этомъ. Сказать правду, оно и тогда меня поразило менѣе чѣмъ васъ и Киніона. Я думаю, что намъ только показалось, потому что мы были въ такомъ настроеніи.

— Напротивъ, мнѣ кажется, мы были совершенно серьезны, возразила Гильда, оборотившись назадъ и взглянувъ на Донателло, какъ бы желая увѣриться въ сходствѣ, которое Миріамъ подвергла сомнѣнію. Но лица часто мѣняются; съ какою быстротою печальное выраженіе у него смѣняется мрачнымъ...

— Гнѣвнымъ, прервала Маріамъ, и даже въ печали его проглядываетъ гнѣвъ. Если вы всмотритесь внимательно въ его лицо, вы замѣтите въ немъ что-то сродное съ выраженіемъ бульдога или другаго животнаго въ этомъ родѣ; подобныя черты едва-ли можно предполагать въ такомъ кроткомъ существѣ, какъ онъ. Вообще Данателло престранный человѣкъ. Впрочемъ мнѣ было бы пріятно, если бы онъ не преслѣдовалъ меня такъ неотступно.

— Вы очаровали несчастнаго юношу, сказала Гильда, смѣясь. Вы имѣете способность очаровывать молодыхъ людей; оттого у васъ всегда такое множество поклонниковъ. Вотъ у той колонны, посмотрите, стоитъ одинъ изъ нихъ, потому то лицо Донателло и приняло такое гнѣвное выраженіе.

Когда они спускались съ лѣстницы, у одной изъ колоннъ, до половины закрытая ею, стояла фигура, какія попадаются очень часто на улицахъ Рима и нигдѣ больше. Она имѣла такой видъ, какой будто бы только что сошла съ картины и снова готовилась вступить въ раму. Короче,

эта фигура была одна изъ тѣхъ живыхъ моделей, мрачныхъ, густобородыхъ, съ дикимъ выраженіемъ и дико костюмированныхъ, съ которыхъ художники пишутъ святыхъ и разбойниковъ.

— Миріамъ, прошептала Гильда, это ваша модель!

ГЛАВА II.

Воспоминанія и призракъ въ катакомбахъ.

Модель Миріамъ имѣетъ такое тѣсное отношеніе къ нашему разсказу, что необходимо сказать нѣсколько словъ о первомъ появленіи этого лица и о томъ, какъ оно сдѣлалось замѣтнымъ товарищемъ молодой артистки; но мы чувствуемъ необходимость познакомить читателя прежде съ особенностями положенія самой Миріамъ.

Въ положеніи ея было что-то двусмысленное. Не надо однакожъ думать, чтобы въ этой двусмысленности заключалось что нибудь оскорбительное; но во всякомъ другомъ обществѣ, кромѣ римскаго, она имѣла бы неблагопріятное вліяніе на общественное мнѣніе. Дѣло въ томъ, что о Миріамъ никто не могъ сказать ничего ни хорошаго, ни дурнаго. Ее никто не ввелъ въ общество артистовъ; она сама заняла студію, прибила къ дверямъ свою карту и вскорѣ обнаружила замѣчательный талантъ въ живописи. Поклонники строгаго искуства отзывались объ ея картинахъ какъ о произведеніяхъ дилетанта, находили недостатки и въ концепціи, и въ исполненіи; но несмотря на то, онѣ хорошо цѣнились покровителями новаго искуства, быть можетъ, потому, что всѣ эти недостатки она съ излишкомъ вознаграждала живостью и теплотою чувства, понятными всякому.

Въ обращеніи она была совершенно свободна; манеры ея позволяли думать, что пріобрѣсти ея знакомство и даже войти съ нею въ короткія отношенія не стоило никакого труда. Таково покрайней мѣрѣ было первое впечатлѣніе; но лица, дѣйствительно домогавшіяся ея дружбы, приходили къ совершенно обратному заключенію. Со всякимъ, вступавшимъ въ ея общество, она обращалась легко, просто, свободно, но вмѣстѣ съ тѣмъ умѣла держать въ отдаленіи всякаго и давать чувствовать, что онъ не принадлежитъ къ ея избранному кругу. Общество сознало наконецъ невозможность сблизиться съ Миріамъ и угрюмо примирилось съ этой невозможностью.

Были однакожъ два лица, которыхъ она признавала своими друзьями, въ самомъ точномъ значеніи этого слова, и оба имѣли многія достоинства, оправдывавшія ея выборъ. Эти лица были — молодой

американскій скульпторъ, одаренный замѣчательнымъ талантомъ и быстро пріобрѣтавшій извѣстность, и молодая Американка, такая же артистка, какъ сама Миріамъ, но только въ совершенно иной сферѣ искуства. Миріамъ была привязана къ нимъ искренно; она нуждалась въ ихъ обществѣ и дружбѣ, особенно Гильды. Киніонъ и Гильда сознавали привязаность Миріамъ и платили ей такою же искренностью. Что касается до Киніона, то въ его чувствахъ къ артисткѣ не было ничего похожаго на любовь.

Къ этому тѣсному кружку впослѣдствіи присоединилось четвертое лицо—молодой Италіанецъ, который, случайно посѣтивъ Римъ, былъ очарованъ красотою Миріамъ. Онъ преслѣдовалъ ее вездѣ, преслѣдовалъ настойчиво, неотступно, и наконецъ добился ея знакомства. Быть можетъ, одна настойчивость была бы недостаточна; но хотя онъ и не былъ одаренъ блистательными умственными способностями, однакожъ имѣлъ нѣкоторыя качества, доставившія ему благосклонное, хотя и полупрезрительное вниманіе Миріамъ и ея друзей. Этотъ молодой человѣкъ былъ Донателло, поразительное сходство котораго съ фавномъ Праксителя такъ заняло нашихъ героевъ въ предъидущей главѣ.

Таково было положеніе Миріамъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ она поселилась въ Римѣ. Должно прибавить, что предшествующая жизнь Миріамъ возбуждала въ свѣтѣ самые разнообразные толки и догадки, что очень естественно, если принять во вниманія ся красоту и извѣстность, пріобрѣтенную искуствомъ. Нѣкоторые разсказы имѣли видъ достовѣрности, другіе были очевидною сказкою довольно романтическою, но въ существѣ своемъ дикою.

Разсказывали, напримѣръ, будто Миріамъ была дочь и наслѣдница богатаго Еврея банкира (мысль эту внушилъ, вѣроятно, восточный типъ ея лица); будтобы она бѣжала изъ родительскаго дома, потому что не желала выдти замужъ за своего двоюроднаго брата, также наслѣдника несмѣтныхъ богатствъ. Другіе утверждали, что она была германская принцеса, которую изъ политическихъ видовъ прочили въ супруги какого-то стараго короля. Третьи говорили, что она была побочная дочь южно-американскаго плантатора, что отецъ далъ ей хорошее образованіе, снабдилъ ее богатствомъ, но что африканская кровь, въ ея жилахъ, возбуждала къ ней общее презрѣніе, отчего она бросила все и бѣжала. Существовало мнѣніе, что она была жена англійскаго лорда; но изъ любви къ искуству оставила отечество и рѣшилась жить въ Римѣ, добывая себѣ средства къ жизни работой. Иные же, люди съ болѣе прозаическимъ взглядомъ на жизнь, просто говорили, что она дочь купца, разорившагося во время коммерческаго

кризиса, и что теперь принуждена снискивать пропитаніе собственнымъ трудомъ.

Какъ бы то ни было, но юная, прекрасная Миріамъ казалась таинственнымъ существомъ и никогда не обнаруживала желанія разсѣять недоумѣнія, возникавшія въ обществѣ на ея счетъ. Даже Киніонъ и Гильда, самыя близкія къ ней лица, оставляли въ сторонѣ этотъ вопросъ. Врожденная доброта откровенность ея рѣчей, искренность характера были таковы, что казались достаточнымъ ручательствомъ за нее, и въ умѣ ея друзей едва-ли возникали какія нибудь сомнѣнія относительно прошедшаго молодой артистки.

Обратимся теперь къ нашему разсказу.

За нѣсколько мѣсяцевъ до того дня, когда мы встрѣтили группу нашихъ друзей въ скульптурной галлереѣ, они предприняли прогулку по катакомбамъ св. Каликста. Они весело спустились подъ землю и при свѣтѣ факела пошли по извилистому корридору, высѣченному когда-то въ давно забытыя времена въ разсыпчатомъ темнокрасномъ камнѣ; мѣстами остались замѣтные церковные проходы или мрачныя кельи. Съ одной стороны тянулись горизонтальныя ниши, и въ нихъ, при свѣтѣ факела, обрисовывалась фигура человѣка, превратившагося въ бѣлый пепелъ. Среди этого праха виднѣлась иногда берцовая кость, разсыпавшаяся отъ одного прикосновенія, или осклабившійся черепъ, который, казалось, смѣялся надъ своимъ собственнымъ состояніемъ.

Иногда темный путь затруднялся возвышеніями, образовавшимися вслѣдствіе обваловъ, такъ что сквозь разсѣлину въ потолкѣ проникалъ дневной свѣтъ, или даже лучъ солнца, который, заронившись въ это царство тлѣнія, освѣщалъ ниши; съ этихъ возвышеній они спускались опять внизъ и казалось еще глубже уходили въ землю. По временамъ узкій, извилистый проходъ расширялся и образовывалъ довольно пространную площадку,—это бывшая часовня, нѣкогда, безъ сомнѣнія, украшенная изваяніями и освѣщенная вѣчно горѣвшими лампадами и свѣчами. Но все это давнымъ давно исчезло, кромѣ небольшихъ, низенькихъ крышекъ у алтарей, гдѣ мѣстами сохранилась темная штукатурка съ остатками фресковъ, на которыхъ представлены были библейскія сцены.

Въ одной изъ такихъ часовенъ проводникъ указалъ на арку, подъ которой была погребена св. Цицилія; въ другой они увидѣли два саркофага — въ одномъ лежалъ скелетъ, въ другомъ съежившееся тѣло, еще покрытое одеждою давнихъ временъ.

— Какъ все это ужасно! сказала Гильда, съ нѣкоторымъ содроганіемъ. Не понимаю, какъ мы ходимъ здѣсь и еще останавливаемся.

— Я терпѣть не могу всего этого! вскричалъ Донателло съ особенною энергіею. Пойдемте лучше назадъ, — на свѣтъ.

Съ самаго начала Донателло не обнаруживалъ большой охоты къ подземельной экспедиціи; подобно многимъ Италіянцамъ и вообще всѣмъ непосредственнымъ, физически счастливымъ натурамъ, онъ чувствовалъ неопредѣленное отвращеніе къ гробамъ, черепамъ, скелетамъ и всѣмъ возможнымъ аттрибутамъ, которыми средневѣковая фантазія окружила образъ смерти. Онъ поминутно вздрагивалъ, боязливо оглядывался кругомъ и старался держаться какъ можно ближе къ Миріамъ, которая могла ободрить его своимъ вліяніемъ.

— Какое вы дитя, Донателло! сказала она. Вы боитесь привидѣній.

— Да, синьорина, ужасно боюсь, отвѣчалъ онъ совершенно серьезнымъ тономъ.

— Я тоже вѣрю въ привидѣнія, произнесла Миріамъ, и могла бы очень испугаться, особенно въ подобномъ мѣстѣ. Но эти гробницы такъ стары, а черепы и пепелъ такъ сухи, что, я думаю, изъ нихъ уже давно перестали выходить привидѣнія. А что дѣйствительно страшно, такъ это заблудиться въ этомъ темномъ лабиринтѣ, а это очень возможно при такомъ слабомъ освѣщеніи.

— А бывали такіе случаи? спросилъ Киніонъ проводника.

— О, да, синьоръ, но только очень давно, еще при моемъ отцѣ, отвѣчалъ проводникъ. Первый человѣкъ, который здѣсь заблудился, продолжалъ онъ съ видомъ искренняго убѣжденія, былъ древній язычникъ; онъ былъ шпіонъ, и вошелъ сюда, чтобы подсматрѣть за святыми, которые здѣсь спасались. Вы слышали эту исторію, синьоръ? Съ нимъ случилось чудо: съ тѣхъ поръ, а ужъ, говорятъ прошло тысячи полторы лѣтъ, какъ это было, онъ постоянно бродитъ въ темнотѣ, все ищетъ выхода изъ катакомбъ.

— А его видѣли здѣсь когда нибудь? спросила Гильда, вѣрившая во всѣ подобныя чудеса.

— Я его и въ глаза не видѣлъ, синьорина; святые этого не позволяютъ, отвѣчалъ проводникъ. Но всѣмъ извѣстно, что онъ стережетъ всѣхъ, кто входитъ въ катакомбы, особенно еретиковъ; онъ хочетъ заманить кого нибудь въ сторону съ дороги; еслибъ онъ нашелъ себѣ товарища, это было бы для него также пріятно, какъ увидѣть солнечный свѣтъ.

— Значитъ, онъ любитъ общество — это говоритъ въ пользу его сердца, замѣтилъ Киніонъ, относясь больше къ дамамъ.

Во время этого разговора они вошли въ круглую часовню, которая обширностью своею превосходила всѣ прежнія. Хотя она была вы-

сѣчена въ томъ же красномъ песчанникѣ, однакожъ въ ней были рѣзныя колонны, рѣзная крыша и другія архитектурныя украшенія. Высотою она была въ два раза больше обыкновеннаго человѣческаго роста. Хотя, говоря безотносительно, она не была слишкомъ велика, но казалось, что всѣ факелы вмѣстѣ не могли бы разсѣять ея мрака.

— Гдѣ же Миріамъ? вскричала Гильда.

Всѣ невольно остановились и съ недоумѣніемъ переглянулись.

— Конечно, она здѣсь; возразилъ Киніонъ. Я только что слышалъ ея голосъ.

— Нѣтъ! нѣтъ! съ ужасомъ отвѣчала Гильда. Она была позади; я уже давно не слышала ея голоса.

— Факеловъ! факеловъ! кричалъ въ отчаяніи Донателло. Я найду ее, посвѣтите только!

Но проводникъ началъ увѣрять, что факелы ничего не помогутъ, что остается одно средство — кричать. И дѣйствительно, звукъ могъ расходиться очень далеко по этимъ узкимъ и низкимъ проходамъ и, наконецъ достигнувъ до Миріамъ, навести ее на дорогу, по которой прошли ея друзья. Все общество послѣдовало совѣту проводника. Басъ Киніона, теноръ Донателло, высокій и сильный голосъ проводника, какимъ обладаютъ одни Италіанцы, наконецъ пронзительный крикъ Гильды огласили мертвое подземелье. Черезъ нѣсколько минутъ послышался женскій окликъ.

— Это синьорина! радостно воскликнулъ Донателло.

— Да, это голосъ Миріамъ! также радостно воскликнула Гильда. Ну, слава Богу! слава Богу! Вотъ она идетъ.

И въ самомъ дѣлѣ въ мерцающемъ свѣтѣ факела обрисовалась фигура Миріамъ, которая быстро приближалась къ своимъ друзьямъ: но въ ея движеніяхъ не видно было искренней радости дѣвушки, избѣгнувшей серьезной опасности. На ихъ распросы она не дала ни одного прямаго отвѣта и впослѣдствіи они припоминали, что въ ея поведеніи было что-то скрытое и обдуманное. Она была очень блѣдна и держала свой факелъ судорожно сжатою рукою — это былъ единственный знакъ недавняго волненія и ужаса.

— Ахъ, Миріамъ! воскликнула Гильда, взявъ ее за руку и ведя къ мужчинамъ. Куда вы пропали? Благослови Богъ того, кто вывелъ васъ изъ этой ужасной тьмы!

— Тише, Гильда! прошептала Миріамъ, по устамъ которой проскользнула странная улыбка. Въ самомъ дѣлѣ это былъ небесный посланникъ. Смотрите, вотъ онъ тутъ стоитъ.

Испуганная словами подруги, Гильда посмотрѣла въ ту сторону, куда она указала, и дѣйствительно въ темнотѣ разглядѣла человѣче-

скую фигуру; въ ту же минуту замѣтилъ ее и Киніонъ. Хотя проводникъ старался остановить его, увѣряя, что привидѣніе находится внѣ освѣщенной часовни и потому можетъ разорвать его въ куски, однакожъ онъ приблизился къ фигурѣ такъ, что свѣтъ факела давалъ ему возможность разглядѣть ее съ ногъ до головы.

Странный незнакомецъ имѣлъ живописную и даже нѣсколько мелодраматическую наружность. На немъ былъ толстый плащъ изъ буйволовой кожи и козьи панталоны, какія обыкновенно носятъ крестьяне римской Кампаньи, что дѣлаетъ ихъ похожими на античныхъ сатировъ. И дѣйствительно, привидѣніе катакомбъ могло показаться послѣднимъ представителемъ этой отжившей породы, который, укрывшись въ этой странѣ могилъ и тлѣнія, вѣчно оплакиваетъ свободную, но уже давно прошедшую жизнь въ лѣсахъ и у веселыхъ ручьевъ. На головѣ у него была коническая шляпа съ широкими полями; падавшая тѣнь на все его лицо, вмѣстѣ съ черною бородою и усами придавало его лицу дикое выраженіе. Глаза его моргали и жмурились при свѣтѣ факела, какъ будто въ самомъ дѣлѣ они болѣе привыкли къ темнотѣ, нежели къ дневному свѣту.

Вся наружность привидѣнія произвела сильное впечатлѣніе на скульптора. Хотя онъ и привыкъ каждый день видѣть подобныя формы, ожидавшія какого нибудь художника, чтобы переселиться въ царство искусства, однакожъ онъ не мало удивился, встрѣтивъ ее такъ неожиданно въ темнотѣ катакомбъ.

— Кто вы такой? спросилъ онъ, поднеся еще ближе факелъ. Давно вы здѣсь бродите?

— Тысячу пятьсотъ лѣтъ! проворчалъ проводникъ, такъ однакожъ, что всѣ могли слышать. Это тотъ самый язычникъ, о которомъ я вамъ разсказывалъ; онъ ходилъ шпіонить святыхъ и теперь ищетъ выхода.

— Да, это привидѣніе! съ содроганіемъ вскричалъ Донателло. Какіе ужасы происходятъ въ этихъ корридорахъ, синьорина!

— Перестаньте, Донателло! сказалъ скульпторъ. Онъ такое же привидѣніе, какъ и вы. Странно только, какъ онъ ходитъ здѣсь одинъ. Эту загадку рѣшитъ нашъ проводникъ.

Привидѣніе избрало именно эту минуту, чтобъ обнаружить свою существенность; оно сдѣлало шагъ впередъ и, положивъ руку на плечо Киньона, произнесло рѣзкимъ хриплымъ голосомъ:

— Не спрашивайте меня, кто я и какъ давно обитаю въ этой темнотѣ. Отнынѣ я ничто больше, какъ тѣнь, слѣдующая за нею. Она явилась мнѣ, когда я не искалъ ея. Она вызвала меня и должна перенести всѣ послѣдствія моего появленія на свѣтъ.

— Пресвятая Дѣва! воскликнулъ про себя проводникъ. Ушелъ бы онъ только отсюда!

Нѣтъ особенной надобности продолжать подробности этой сцены. Дѣло въ томъ, что, отставъ отъ своихъ друзей, Миріамъ встрѣтила какого-то человѣка и вывела его изъ извилистаго прохода, или была имъ выведена сначала на свѣтъ факеловъ, а потомъ на свѣтъ солнца.

Особенность этого случая заключалась въ томъ, что знакомство, заключенное во время прогулки по катакомбамъ, не прекратилось вмѣстѣ съ прогулкою. Съ этого дня привидѣніе катакомбъ никогда не теряло изъ вида артистку, какъ будто услуга, оказанная ему или имъ, давала ему неизмѣнное право на вниманіе и покровительство молодой женщины. Онъ преслѣдовалъ ее настойчивѣе, чѣмъ обыкновенно италіянскіе нищіе преслѣдуютъ людей, которыхъ почитаютъ своими благодѣтелями. Правда, онъ время отъ времени исчезалъ на нѣсколько дней; но всегда снова являлся и снова начиналъ свое преслѣдованіе.

Наконецъ онъ сталъ довольно часто появляться въ ея мастерской, а потомъ и на ея картинахъ, оставляя на нихъ иногда тѣнь своей фигуры. Нравственная атмосфера этихъ произведеній была такова, что соперники—художники стали обвинять Миріамъ въ несчастной манерности, которая должна была, по ихъ мнѣнію, стать неодолимымъ препятствіемъ къ достиженію чистоты и правильности стиля.

Описанное нами приключеніе вскорѣ стали разсказывать въ кружкахъ иностранцевъ, а потомъ и въ италіанскихъ обществахъ, гдѣ общая наклонность къ предразсудкамъ и сверхъестественному, сообщила ему характеръ чудесности. Оттуда чудесная исторія опять перешла въ англо-саксонскій кругъ; отсюда сообщилась германскимъ артистамъ, гдѣ она приняла видъ фантастическаго разсказа, достойнаго пера Гофмана или Тика.

Но самая разумная редакція этой легенды принадлежала проводнику. Этотъ человѣкъ или демонъ, или человѣкъ и демонъ вмѣстѣ, былъ шпіономъ во время преслѣдованія первыхъ христіанъ во время Діокликтіана и проникъ однажды въ катакомбы св. Каликста подсмотрѣть за святыми отшельниками и донести на нихъ. Прокравшись незамѣченнымъ по темнымъ корридорамъ, онъ достигъ до небольшой капеллы освѣщенной свѣчами, гдѣ священникъ совершалъ литургію. Это была такая минута, что онъ могъ бы сдѣлаться христіаниномъ, если бы, подобно Меммію, преклонился предъ крестомъ и принялъ въ свою душу божественный огонь. Но онъ не сдѣлалъ этого и свѣтъ церковныхъ лампадъ подѣйствовалъ на его глаза такъ, что съ тѣхъ поръ несчастный человѣкъ никогда не могъ найти пути къ выходу, а сердце его навсегда закрылось для святой вѣры.

Этотъ языческій Мемміи постоянно искалъ неосторожнаго посѣтителя, котораго могъ бы заставить взять его за руку и вывести на свѣтъ Божій; но если бы ему удалось это, то вѣроятно онъ только минуту оставался бы на поверхности земли. Онъ вѣроятно причинилъ бы какое нибудь зло своему благодѣтелю, можетъ быть, даже возобновилъ бы какое нибудь старое забытое бѣдствіе, отъ котораго страдалъ бы весь народъ, и потомъ опять воротился бы въ катакомбы, потому что проживши въ нихъ столько времени, онъ не въ состояніи былъ бы дышать свѣжимъ воздухомъ и смотрѣть на яркій свѣтъ.

Сама Миріамъ и ея друзья нерѣдко отъ души смѣялись надъ чудовищными слухами, повторявшимися въ разныхъ обществахъ. Киніонъ и Гильда не разъ просили ее разсѣять тайну этой встрѣчи—а нельзя отрицать, что встрѣча дѣйствительно была таинственна,—но Миріамъ отвѣчала на ихъ распросы такими разсказами, которые могли поспорить со сказками, сочиненными германскими художниками, или италіанскимъ проводникомъ. Такъ напримѣръ, она совершенно серьезно утверждала, что привидѣніе, бывшее при жизни на землѣ живописцемъ, обѣщало сообщить ей давно погибшій, но тѣмъ не менѣе драгоцѣнный секретъ древнихъ Римлянъ рисовать фрески. Обладая такимъ секретомъ, она конечно пріобрѣла бы всесвѣтную извѣстность, сдѣлалась бы главою новой школы; но привидѣніе предложило ей одно условіе, чтобы, совершивъ все это, она возвратилась къ нему въ подземелье.

Когда друзья требовали болѣе вѣроятныхъ объясненій, она отвѣчала, что, встрѣтивъ стараго язычника, вступила съ нимъ въ разговоръ, въ надеждѣ обратить его въ христіанство; но чтобы достигнуть такого результата, должна была рискнуть своимъ собственнымъ спасеньемъ, такъ какъ привидѣніе требовало, чтобы она возвратилась вмѣстѣ съ нимъ въ подземелье, если въ теченіе года не успѣетъ убѣдить его въ истинахъ христіанскаго ученія. Но при настоящемъ состояніи общества, говорила она на ухо Гильдѣ, все ужасно благопріятствуетъ привидѣнію и она отказалась отъ своей мысли, такъ какъ была увѣрена, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ей пришлось бы распроститься со свѣтомъ.

Замѣчательно, однакожъ, что всѣ ея разсказы оканчивались одинаково, т. е. неизбѣжностью самыхъ ужасныхъ результатовъ, которые непремѣнно возникли бы изъ сношеній съ таинственнымъ жителемъ катакомбъ.

Особенность эта сама по себѣ могла бы быть и незамѣчательною, еслибы не была слѣдствіемъ мрачнаго настроенія души, которое въ свою очередь указывало на другіе пункты. Ея друзья безъ труда могли за-

мѣтить, что ея счастіе было смущено. Она часто впадала въ задумчивость, даже меланхолію, стала раздражительна, наклонна къ гнѣвнымъ вспышкамъ, которыя обыкновенно обращались на лица, наиболѣе любимыя ею. Даже и тѣ изъ ея знакомыхъ, къ которымъ она была совершенно равнодушна, не были изъяты отъ подобныхъ непріятностей, особенно если они пытались проникнуть тайну ея модели.

Можетъ быть, читатель думаетъ, что во всемъ этомъ не было никакого положительнаго повода къ толкамъ и догадкамъ и что все могло объясниться просто безъ примѣси чудеснаго. Привидѣніе могло быть просто римскій нищій, укрывавшійся въ катакомбахъ, или одинъ изъ тѣхъ пилигримовъ, которые до-сихъ-поръ приходятъ изъ отдаленныхъ странъ въ святыя мѣста молиться въ мрачныхъ убѣжищахъ первыхъ христіанъ. Или, что могло быть еще вѣроятнѣе, то былъ римскій воръ, или разбойникъ изъ Кампаніи, наконецъ политическій преступникъ, убійца, которому небрежность или потворство полиціи давали возможность укрываться въ темномъ лабиринтѣ, издавна служившемъ убѣжищемъ отъ преслѣдованія. Или, можетъ быть, то былъ какой-нибудь нелюдимъ, инстинктивно убѣгавшій человѣческаго общества и находившій удовольствіе въ жизни среди гробовъ и мрака.

Хотя подобная догадка и объяснила бы странность появленія неизвѣстнаго лица, но не объяснила бы поведенія самой Миріамъ — ея скрытности, меланхоліи, раздражительности.

Самое сильное и непріятное впечатлѣніе вся эта исторія произвела на душу бѣднаго Донателло, который, какъ мы уже сказали, былъ очевидцемъ сцены въ катакомбахъ и чувствовалъ особенное отвращеніе къ таинственности, гробамъ и всѣмъ возможнымъ сверхъестественнымъ явленіямъ. Его антипатія походила на то инстинктивное, но почти всегда основательное отвращеніе, которое иногда обнаруживаютъ животныя. Присутствіе тѣни въ сферѣ свѣта, распространяемаго юною артисткою, не причиняло однакожъ ни малѣйшаго безпокойства Донателло, такъ что онъ, благодаря своему счастливому характеру, могъ жить вообще довольно покойно.

ГЛАВА III.

Мастерская Миріамъ.

Дворъ и лѣстница дворца, выстроеннаго за триста лѣтъ, болѣе привлекаетъ вниманіе путешественника, чѣмъ многіе предметы, описаніе которыхъ онъ могъ слышать не разъ. Вы идете сквозь вы-

сокій, неопрятный проходъ, и видите рядъ мрачныхъ колоннъ, между которыми помѣщены остатки античныхъ статуй—безголовые, безрукіе и безногіе торсы и бюсты, понесшіе утрату, для живаго человѣка, принужденнаго жить въ этой душной атмосферѣ, и не важную—носа. Барельефы, взятые изъ другаго болѣе древняго дворца, вдѣланы въ окружающую стѣну, составленную изъ камней, взятыхъ въ Колизеѣ и въ другой какой-нибудь развалинѣ, которой варварство не стерло съ лица земли. Между двумя колоннами стоитъ древняя гробница, безъ крыши, лишенная всѣхъ прежнихъ скульптурныхъ украшеній, содержавшая, быть можетъ, нѣкогда прахъ историческаго человѣка, теперь наполненная мусоромъ.

Въ центрѣ двора, подъ открытымъ небомъ, бьетъ фонтанъ, на который смотрятъ сотни оконъ, обступившія его со всѣхъ сторонъ. Онъ льется изъ одного каменнаго бассейна въ другой, брызжетъ изъ урны наяды, или изъ пасти безъименнаго чудовища. Вашъ слухъ поражаетъ шумъ, плескъ и журчанье. Эти звуки вы можете слышать у скуднаго лѣснаго водопада; но только здѣсь они повторяются эхомъ, которое измѣняетъ ихъ естественный тембръ. Такъ играетъ этотъ фонтанъ уже въ теченіе трехъ столѣтій.

Въ одномъ углу между колоннами открывается широкая дверь, въ которой начинается столь же широкая, массивная лѣстница съ мраморными ступенями; по ней нѣкогда ходили принцы и кардиналы, построившіе этотъ дворецъ; съ этой же лѣстницы сходили они, еще болѣе важные и величавые, и шли въ Ватиканъ или Квириналъ, гдѣ мѣняли свои парчевыя шапки на корону. Но всѣ эти великіе люди, пройдя въ послѣдній разъ по своей наслѣдственной лѣстницѣ, оставили ее для входа посланникамъ, англійскимъ нобльменамъ, американскимъ милліонерамъ, артистамъ, купцамъ, прачкамъ, короче, всему человѣчеству разныхъ званій и состояній.

Въ одно утро, послѣ сцены въ скульптурной галлереѣ, по такой лѣстницѣ взбѣжалъ Донателло. Онъ быстро перебѣгалъ изъ этажа въ этажъ и наконецъ остановился у дубовой двери, на которой находилась карта съ надписью «Миріамъ Шеферъ»; когда онъ постучалъ, дверь отворилась; пройдя чрезъ небольшую переднюю, онъ увидѣлъ предъ собою хозяйку.

— Войдите, войдите, дикій фавнъ, сказала она, и разскажите, что̀ новаго въ Аркадіи.

Артистка въ это время сидѣла въ сторонѣ отъ станка и чинила перчатку. Повидимому, она была совершенно погружена въ свою работу, потому-что, проговоривъ это насмѣшливое привѣтствіе своему

посѣтителю, снова занялась ею, оставивъ Донателло съ своими мыслями. Но пальцы ея двигались медленно, лѣниво, и наконецъ перчатка выпала изъ ея рукъ.

— Что съ вами, синьорина? Вы, кажется, очень печальны? сказалъ онъ, подойдя къ ней.

— Да, немножко, отвѣчала Миріамъ, снова принимаясь за работу. Но это ничего; у людей обыкновенныхъ, особенно у женщинъ, это часто случается. Вы принадлежите къ счастливой породѣ, для которой не существуютъ печали. Но какъ вы пришли сюда, въ мою мрачную комнату?

— Развѣ она можетъ быть мрачна, когда вы здѣсь?

— Потому-то она и мрачна, что я здѣсь, отвѣчала она; мы, художники, всегда закрываемъ свои комнаты отъ солнечнаго свѣта; намъ надо сдѣлать природу такою, чтобъ можно было ей подражать. Вамъ это кажется страннымъ? Но мы иногда рисуемъ хорошенькія картинки, благодаря нашему искуственному освѣщенію и тѣнямъ. Вотъ посмотрите мою работу. Скоро я примусь за портретъ, о которомъ мы говорили.

Мастерская Миріамъ имѣла обыкновенный видъ всѣхъ мастерскихъ художниковъ, пишущихъ масляными красками. По своей внѣшности онѣ едва ли могутъ принадлежать здѣшнему міру; скорѣе онѣ могутъ показаться осуществленіемъ невидимой дѣятельности фантазіи поэта, выражающейся въ легкихъ очеркахъ, полуразвитыхъ намекахъ на предметы и существа, никогда не являющіяся въ дѣйствительности столь прекрасными и величавыми, какими мелькаютъ въ воображеніи художника. Окна были закрыты шторами или совершенно заложены, кромѣ одного, до половины открытаго, сквозь которое проглядывалъ клочекъ неба. Картины были развѣшаны по стѣнамъ и разбросаны на столахъ; иныя безъ рамъ стояли прислоненныя лицевою стороною къ стѣнѣ.

Въ самомъ темномъ углу комнаты Донателло замѣтилъ женщину съ длинными, черными волосами, въ трагической позѣ, выражающей отчаяніе; распростертыя руки ея, казалось, манили зрителя.

— Не бойтесь, Донателло, сказала Миріамъ, замѣтивъ, что онъ остановился предъ картиною въ недоумѣніи. Она вамъ ничего не сдѣлаетъ; у нея самыя миролюбивыя наклонности. Она героиня романа, простая дѣвушка—но только для вида; въ сущности же она рождена, чтобъ носить роскошныя шали, брилліанты; въ этомъ настоящая цѣль ея жизни, хотя она претендуетъ на самыя тяжелыя обязанности, на роль въ обществѣ; между тѣмъ ей рѣшительно нечего дѣлатъ на землѣ. Въ этой фигурѣ вы видите девять десятыхъ женщинъ. Я похожа на нее, Донателло?

— Въ моихъ глазахъ она совершенно перемѣнилась, какъ я узналъ, что она собирательное лице, сказалъ Донателло. А въ первую минуту, когда я взглянулъ на нее, мнѣ показалось, что она манитъ меня къ вѣрной гибели.

— Васъ, кажется, часто пугаютъ фантастическія видѣнія? спросила Миріамъ. Я этого не подозрѣвала.

— Вы говорите правду, синьорина, отвѣчалъ онъ простодушно. Я очень склоненъ къ подобнаго рода испугу и особенно въ темнотѣ. Вообще я не люблю темныхъ угловъ, развѣ въ гротѣ. или гдѣ нибудь въ лѣсу, подъ тѣнью деревьевъ. Такихъ мѣстъ много возлѣ моего дома.

— Да, это очень естественно, вы фавнъ, сказала артистка смѣясь. Но въ наше время лѣса совершенно измѣнились, ужасно перемѣнились съ тѣхъ поръ, какъ ваша счастливая порода обитала въ лѣсахъ Аркадіи. Бѣдный Донателло, вы слишкомъ поздно явились на землю!

— Я васъ не понимаю, возразилъ Донателло, видимо смущенный. Я желалъ бы жить, пока вы живете, и тамъ, гдѣ вы, въ городѣ ли, въ полѣ ли, хотя бы здѣсь.

— Не знаю, могу ли я позволять вамъ говорить такимъ образомъ, произнесла Миріамъ, задумчиво глядя на молодаго человѣка. Многіе почли бы такія фразы оскорбленіемъ. Я увѣрена, Гильда никогда не позволила бы вамъ такъ говорить... Но вѣдь онъ еще мальчикъ, прибавила она про себя; простодушный мальчикъ, который отдаетъ свое сердце первой встрѣтившейся ему женщинѣ. Еслибы та фигура встрѣтилась ему въ жизни, она произвела бы на него такое же сильное впечатлѣніе, какъ я.

— Вы сердитесь на меня, синьорина? спросилъ Донателло, чуть не сквозь слезы.

— Нѣтъ, нисколько, отвѣчала Миріамъ, протягивая ему руку. Вотъ посмотрите эти картинки, пока мнѣ будетъ время поболтать съ вами. Я расположена начать вашъ портретъ сегодня.

Донателло повиновался и немедленно погрузился въ разсматриваніе лежавшихъ на столѣ различнаго рода очерковъ, набросанныхъ карандашемъ, или кистью; но они бѣдному юношѣ не доставили большаго удовольствія.

Первая картинка, попавшаяся ему, была чрезвычайно выразительный очеркъ. Іаиль, вбивающей гвоздь въ високъ Сисары. Въ немъ высказывалась замѣчательная сила; одна или двѣ черты сообщали ему такую живость и дѣйствительность, что, глядя на него, можно было думать, что Миріамъ стояла возлѣ Іаиль когда раздался первый ударъ смертоноснаго молота или сама была на ея мѣстѣ и сознавала чувства, волновавшія убійцу.

Видно было, Іаиль первоначально представилась артисткѣ совершенствомъ женской красоты—съ прекрасными формами, съ героическимъ выраженіемъ въ столь же прекрасномъ лицѣ; но неудовлетворенная или своей работой, или страшною исторіею, Миріамъ провела одну черту, которая уничтожила героическое выраженіе и сообщила сюжету характеръ обыкновеннаго преступленія. Казалось, что эта женщина готова обшарить карманы своей жертвы, лишь только она испуститъ послѣдній вздохъ.

Въ другой картинѣ она пыталась воспроизвести исторію Юдиѳи, которая такъ часто являлась въ произведеніяхъ древнихъ мастеровъ различныхъ стилей. И этотъ сюжетъ задуманъ былъ серьезно; но потомъ она придала двѣ-три черты, выражавшія совершенное презрѣніе къ чувствамъ, которыя сначала вполнѣ владѣли ея рукою. Отрѣзанная голова Олоферна, выпучивъ глаза, смотрѣла прямо въ лицо Юдиѳи съ адскою улыбкою торжествующей злобы. Сама Юдиѳь была въ такомъ смущеніи, какое овладѣло бы кухаркою, еслибы ей въ лицо засмѣялась телячья голова, когда она стала вынимать ее изъ кастрюли.

Идея женщины, мстящей мужчинѣ, постоянно мелькала въ легкихъ очеркахъ, которые перебиралъ Донателло. Видно было, воображеніе артистки погрузилось въ кровавыя сцены, въ которыхъ женскія руки обагрялись кровью; но въ нихъ, въ различныхъ формахъ, проглядывала та нравственная мысль, что убійство, каковы бы ни были побудительныя причины, должно поразить прежде всего сердце самой преступницы.

Одна картина изображала дочь Ирода, принимающую голову Іоанна Крестителя. Общая идея была, кажется, заимствована изъ картины Бернардо Луини, находящейся въ галлереѣ Уфитси во Флоренціи; но Миріамъ сообщила глазамъ Іоанна, устремленнымъ на роскошную дѣву, выраженіе кроткаго упрека, и этотъ взглядъ пробудилъ въ ней замерзшее женственное чувство и безконечныя неутолимыя терзанія совѣсти.

Всѣ эти сюжеты произвели самое непріятное впечатлѣніе на Донателло. Онъ невольно содрогался, глядя на нихъ; лицо его приняло выраженіе испуга и замѣшательства; онъ быстро схватилъ картины, бросилъ ихъ на столъ и отступилъ отъ него, закрывъ глаза руками.

— Въ чемъ дѣло, Донателло? спросила Миріамъ, поднявъ глаза отъ письма, которымъ была занята.—Ахъ! мнѣ не слѣдовало показывать вамъ эти картины. Это безобразные фантомы, которые украли мою душу; я ихъ не создала, они меня преслѣдуютъ. Вотъ въ этомъ портфелѣ найдете пустяки, которые вамъ больше понравятся.

Она подала ему другой портфель. Заключавшіяся въ немъ картины

представляли сюжеты, указывавшіе на болѣе счастливое и спокойное расположеніе человѣческаго духа и, можно думать, болѣе вѣрно характеризовали самое артистку. Не предполагая, что этотъ разрядъ явленій жизни обнаруживаетъ ея личныя наклонности, Миріамъ обладала такимъ запасомъ фантазіи, что невольно переливала свою душу въ тотъ образъ, который ей нравился. Въ этихъ очеркахъ она изобразила сцены обыкновенной домашней жизни, но такъ идеализированныя, что кажется, ихъ можно видѣть всегда и вездѣ. Въ нихъ было нѣчто неопредѣленное, что полагало различіе между скаредною, ничтожною жизнью и земнымъ раемъ. Но по всѣмъ было разлито глубокое, искреннее чувство симпатіи. Тутъ была сцена — обыкновенная въ жизни, — въ которой счастливый любовникъ выслушивалъ сладкое признаніе привязанности застѣнчивой дѣвушки, прекрасная фигура которой опиралась на его руку. Тутъ былъ рядъ послѣдующихъ сценъ, представлявшихъ дальнѣйшее развитіе этого чувства, и въ каждой изъ нихъ замѣтно было присутствіе священнаго огня, который пылаетъ въ юномъ сердцѣ и придаетъ особенно привлекательное выраженіе всякому лицу.

Содержаніе одной картинки составлялъ полуизношенный дѣтскій башмачекъ съ обутою въ него ножкою — предметъ, вызывающій или улыбку матери или горькія слезы изъ глубины ея сердца. Ни одна мать не нашла бы въ немъ столько поэзіи, сколько заключила въ него Миріамъ. Знатокъ удивился бы глубинѣ и силѣ, съ какою были задуманы эти сюжеты, простые, но исполненные значенія. Артистка не могла опредѣлить и измѣрить этого значенія собственнымъ опытомъ, за исключеніемъ развѣ первой сцены, которая могла быть воспоминаніемъ о прошломъ, а не пріятнымъ предчувствіемъ будущаго; но кажется ею руководило вѣрное, чистое чувство женскаго сердца, и воображеніе ея создало правильную и живую картину жизни женщины.

Но былъ одинъ пунктъ, достойный замѣчанія: артистка какъ будто отказывала себѣ въ томъ счастіи, которое такъ глубоко понимала и такъ вѣрно опредѣляла другимъ. На всякой картинкѣ видѣнъ былъ ея собственный образъ: здѣсь она выглядываетъ изъ-за куста, подъ которымъ сидятъ двое влюбленныхъ; въ другомъ мѣстѣ она смотритъ въ замерзшее окно, между тѣмъ молодая чета сидитъ у новаго очага. И всегда та же самая фигура, похожая на самое артистку, съ тѣмъ же выраженіемъ глубокой печали.

— Эти картинки вамъ больше нравятся? спросила Миріамъ.

— Да, отвѣчалъ Донателло, нерѣшительно.

— Не очень, я думаю, возразила она, смѣясь. И что вамъ можетъ нравиться! Вѣдь вы мальчикъ и притомъ фавнъ; вы ничего не знаете ни о радостяхъ, ни о горестяхъ человѣческой жизни. Я и за-

была, что вы фавнъ. Вы не можете глубоко чувствовать, потому вы всегда въ-половину веселы. Ну, вотъ еще картина, она вамъ, вѣроятно, понравится.

Она показала ему картину деревенской пляски; никакая задняя мысль не смущала веселья, доходившаго до самозабвенія, только кое-гдѣ мелькалъ призракъ той невольной грусти, которая посѣщаетъ насъ именно въ минуту подобнаго настроенія.

— Я нарисую эту картину масляными красками. Только безъ васъ не могу начать; я хочу съ васъ срисовать самаго дикаго плясуна. Вы посидите, то есть попляшете для меня?

— О, съ радостью, синьорина! воскликнулъ Донателло. Хоть сейчасъ! Смотрите!

И онъ дѣйствительно пустился плясать вокругъ мастерской съ необыкновенною легкостью.

— Прекрасно, сказала Миріамъ, одобрительно улыбаясь. Если вы выйдете такъ хороши на полотнѣ, то я буду славной артисткой. Мы попробуемъ на-дняхъ. А теперь, чтобъ наградить васъ за то, что вы показали ваше искуссво, я покажу вамъ то, чего никому не показываю.

Она подошла къ станку и обернула лицевою стороною находившуюся на немъ картину. Донателло увидѣлъ передъ собою портретъ прекрасной женщины, какія очень рѣдки въ дѣйствительности, но образъ которыхъ, если вы разъ ихъ видѣли, навѣки врѣзывается въ память и преслѣдуетъ васъ неотступно, къ удовольствію вашему или неудовольствію.

Она была молода и имѣла черты, которыя почитаются обыкновенно принадлежностью еврейскаго типа. Темные глаза ея были такъ глубоки, что, казалось было невозможно измѣрить эту глубину. У нея были черные, густые волосы, безъ того блеска, который нерѣдко замѣчаемъ у другихъ женщинъ; если было къ этомъ портретѣ что нибудь еврейскаго, то именно волосы, которымъ подобныхъ не видимъ на головахъ христіанскихъ женщинъ. Глядя на этотъ портретъ, вы сказали бы, что такою могла быть Рахиль, или Юдиѳь, когда она побѣдила Олоферна своею красотою и потомъ убила его за то, что онъ слишкомъ боготворилъ ее.

Миріамъ ожидала, что скажетъ Донателло, и долго не прерывала его простаго, нѣмаго восторга, отражавшагося на его сіяющемъ лицѣ.

— Какъ вы находите эту картину? спросила она наконецъ, съ довольною улыбкою.

— Превосходно! превосходно! твердилъ юноша; такъ хорошо, что я и сказать не умѣю!

— И вы находите сходство?

— Синьорина! воскликнулъ онъ, съ удивленіемъ глядя то на артистку, то на ея произведеніе. Да это вы!

Донателло сказалъ правду. Это въ самомъ дѣлѣ былъ портретъ артистки, и мы не знаемъ, въ какой мѣрѣ онъ льстилъ оригиналу. Артисты, какъ извѣстно, любятъ рисовать свои собственные портреты, и во Флоренціи есть галлерея, гдѣ найдете сотни ихъ, включая знаменитѣйшихъ художниковъ; на каждомъ портретѣ замѣтите черты, выраженіе, одушевленность, которыя были бы невидимы, еслибъ ихъ не сознавалъ рисующій. Также точно, можетъ быть, поступила и Миріамъ, придавъ своей фигурѣ болѣе граціи и блеску, чѣмъ могли замѣтить въ ней чужіе глаза. Однакожъ истина была сохранена.

— И выраженіе вамъ нравится? спросила она.

— Да, нерѣшительно отвѣчалъ Донателло. Еслибъ только вы улыбались такъ, какъ иногда улыбаетесь. Нѣтъ, въ этомъ портретѣ больше грусти, чѣмъ мнѣ казалось сначала. Не можете-ли вы улыбнуться, синьора?

— Принужденная улыбка всегда безобразна, возразила она, невольно улыбнувшись при этомъ наивномъ вопросѣ.

— Вотъ такъ! подождите немного! воскликнулъ Донателло, хлопая въ ладони. Вотъ еслибъ этотъ лучъ былъ на картинѣ... Но онъ опять исчезъ! Вы опять стали печальны, очень печальны, и портретъ смотритъ тоже печально, какъ будто какое нибудь несчастіе случилось.

— Какъ вы смущены, мой другъ! замѣтила Миріамъ. Я начинаю думать, что вы въ самомъ дѣлѣ фавнъ; васъ смущаетъ выраженіе, въ которомъ столько же печали, какъ въ спокойномъ лицѣ каждаго человѣка. Я совѣтую вамъ однакожъ смотрѣть на другія лица вашими счастливыми, невинными глазами, а на меня никогда.

— Вы напрасно мнѣ это совѣтуете, живо возразилъ молодой человѣкъ, и въ его словахъ слышалось такое сознательное чувство, какого она въ немъ не предполагала. Прикрывайтесь какимъ хотите мракомъ, я долженъ на васъ смотрѣть.

— Хорошо, хорошо, нетерпѣливо проговорила Миріамъ; но теперь оставьте меня, потому что, говоря откровенно, вы становитесь скучны. Вечеромъ я буду въ Боргезе. Мы можемъ тамъ встрѣтиться, если вамъ угодно.

ГЛАВА IV.

Рака Пресвятой Богородицы и загородная вилла.

Вскорѣ по уходѣ Донателло, Миріамъ также ушла изъ своей мастерской. Пройдя нѣсколько улицъ и переулковъ, она вступила на небольшую площадь, въ сосѣдствѣ которой находилась печь булочника, постоянно издававшая запахъ свѣжаго кислаго хлѣба, башмачная лавка, табачная, лавка полотенъ, контора лотереи, караульный домъ для французскихъ солдатъ, съ часовымъ, мѣрно расхаживавшимъ впереди, и фруктовая ятка, въ которой римская матрона продавала каленые орѣхи, каштаны и вчерашніе букеты. Возлѣ, какъ слѣдуетъ, возвышается церковь, фасадъ которой сходится въ величественныя башни и украшенъ двумя или тремя каменными фигурами, изображающими ангеловъ или какія-то аллегорическія лица, трубящія въ такія же какъ они сами каменныя трубы прямо въ верхнія окна стараго дворца съ одряхлѣвшею наружностью. Этотъ дворецъ отличается не совсѣмъ обыкновенною архитектурою. Въ одномъ углу его находится рака Пресвятой Дѣвы, какія можно видѣть на каждомъ перекресткѣ въ Римѣ, но отличающаяся отъ нихъ только тѣмъ, что поставлена выше обыкновеннаго человѣческаго роста. Съ дворцомъ этимъ и ракою соединяется древняя легенда, пересказывать которую намъ теперь недосугъ; замѣтимъ только, что въ теченіе столѣтій предъ изображеніемъ Богородицы здѣсь теплилась лампада. Она должна горѣть вечеромъ, въ полночь, утромъ, во всѣ часы дня и ночи, пока существуетъ дворецъ; иначе онъ самъ и всѣ принадлежащія къ нему имѣнія, согласно древнему обѣту, должны перейти отъ своего наслѣдственнаго владѣльца въ собственность церкви.

Подходя къ этому дворцу, Миріамъ обратила вниманіе не на лампаду, померкшую въ лучахъ солнца, падавшихъ прямо на нее и на образъ, но на стаю бѣлыхъ голубей, изъ которыхъ нѣкоторые, сверкая своими крыльями въ прозрачномъ воздухѣ, вились вокругъ высокой башни, завершавшей собою зданіе, между тѣмъ какъ другіе сидѣли на верхнихъ окнахъ и видимо оспаривали другъ у друга мѣсто на этомъ любимомъ сѣдалищѣ. Иные спускались на землю, но немедленно снова подымались кверху къ подоконникамъ старинныхъ оконъ, до половины отворившихся на своихъ ржавыхъ петляхъ.

Прекрасная дѣвушка, въ бѣломъ платьи, показалась на мгновенье и бросила стаѣ столько зеренъ, сколько могли захватить ея миньятюрныя ручки. Вся стая быстро спустилась на мостовую.

— Какая милая сцена, подумала Миріамъ; и она сама, должно быть, также мила и чиста, какъ эти голуби.

Съ этою мыслью она вошла въ глубокій порталъ дворца, потомъ поворотила налѣво и медленно пошла по лѣстницѣ, которая по своей величественности могла быть лѣстницею Іакова или по крайней мѣрѣ вавилонской башни. Городской шумъ, который слышится даже въ Римѣ, стукъ колесъ по неровной мостовой, пронзительные крики, раздающіеся по узкимъ улицамъ, обставленнымъ высокими зданіями, все стало утихать и наконецъ замерло. Выше и выше поднимается она, и вотъ, бросивъ взглядъ въ узкое окно, проливающее свѣтъ на лѣстницу, видитъ только сплошную массу городскихъ крышъ, съ которой слились верхушки самыхъ высокихъ дворцовъ. Вотъ уже только одни куполы церквей виднѣются въ прозрачной лазури, поднявъ свои кресты на одинъ уровень съ ея глазомъ; еще нѣсколько ступеней — и они спустились внизъ, и только одна колонна Антонія съ фигурою св. Павла осталась въ вышинѣ.

Наконецъ Маріамъ ступила на послѣднюю площадку. Съ одной стороны она увидѣла узкій проходъ, за которымъ слѣдовало нѣсколько ступенекъ, ведущихъ подъ крышу башни; съ другой — дверь. Миріамъ постучала въ нее; но это сдѣлала, повидимому, только для того, чтобы предувѣдомить о своемъ присутствіи, а не изъ сомнѣнія въ дружескомъ пріемѣ, потому что, не дожидаясь отвѣта, отворила дверь и вошла.

— Въ какую пустыню вы забились, Гильда! воскликнула она. Вы дышете самымъ чистымъ воздухомъ, живя надъ городомъ и даже выше всѣхъ мірскихъ суетъ и страстей: у васъ одни только сосѣди—голуби да ангелы; правда, они соотвѣтствуютъ вашей дѣвственности. Я вовсе не удивилась бы, еслибы католики признали васъ святою, особенно, еслибы вы взяли на себя трудъ поддерживать огонь у раки Богородицы. Это совершенно по-католически.

— Нѣтъ, Миріамъ, возразила Гильда. Не называйте меня католичкою. Всякая христіанка, будь она даже дочь пуританина, можетъ преклоняться предъ идеею божественной женственности, не отказываясь отъ религіи своихъ отцовъ.... Но съ вашей стороны это большой подвигъ ради дружбы влѣзть въ мою голубятню.

— Это пустое, отвѣчала Миріамъ. Однако, я думаю, ступеней до трехъ сотъ будетъ.

— Но знаете, продолжала Гильда, сотня или полторы сотни футовъ надъ поверхностью земли даютъ мнѣ всѣ удобства, за которыми пришлось бы отправляться за пятьдесятъ миль за городъ. Этотъ воздухъ дотого возбуждаетъ дѣятельность моего духа, что иногда я чувствую желаніе попробовать полетѣть вмѣстѣ съ моими голубями.

— Но я вамъ совѣтую не пробовать, сказала Миріамъ, смѣясь; если окажется, что вы не ангелъ, то вамъ придется убѣдиться, какъ жестка римская мостовая; а если вы ангелъ, то ужъ никогда не спуститесь къ намъ.

Эта юная американка была образцомъ независимости въ жизни, какою могутъ пользоваться только въ Римѣ женщины-артистки. Она жила въ своей башнѣ и, подобно сосѣдямъ своимъ, голубямъ, спускалась въ испорченную атмосферу города, всегда одна, совершенно независимая, безъ всякаго присмотра или покровительства; Гильда жила и дѣйствовала, какъ хотѣла, не внушая никому ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ своей славы. Такую свободу даютъ женщинѣ, поставляемой обыкновенно въ болѣе узкіе предѣлы, особенности жизни артистовъ; и это, кажется, можетъ служить указаніемъ на то, что чѣмъ выше и шире цѣли женщины, тѣмъ дальше должны быть раздвинуты рамки нашихъ обыкновенныхъ житейскихъ правилъ, иначе онѣ были бы невыносимы ни для мужчины, ни для женщины. Эта система, кажется, находитъ полное примѣненіе въ Римѣ. Тамъ очень часто чистота сердца и жизни доказываетъ самое себя и бываетъ для себя болѣе существенною гарантіею, чѣмъ во всякомъ другомъ обществѣ.

Въ своемъ отечествѣ Гильда рано обнаружила несомнѣнный талантъ къ живописи. Еще въ школѣ, которую оставила не такъ давно, она написала нѣсколько картинъ, признанныхъ безукоризненными знатоками искуства. Можетъ быть, въ нихъ не доставало реализма, пріобрѣтаемаго только вмѣстѣ съ опытомъ и знакомствомъ съ жизнью; но въ нихъ зато разлито такое нѣжное, такое невинное и искреннее чувство, какъ будто бы она смотрѣла глазами ангела на міръ человѣка. Можно было ожидать, что съ лѣтами она пріобрѣтетъ болѣе силы и произведенія ея станутъ рельефнѣе и выразительнѣе. Оставаясь въ отечествѣ, она, вѣроятно, написала бы нѣсколько оригинальныхъ картинъ, достойныхъ занять мѣсто въ любой галлереѣ американскихъ художниковъ. Но она, сирота, неимѣвшая даже близкихъ родственниковъ, владѣя небольшимъ состояніемъ, нашла въ себѣ столько силы и увѣренности, что рѣшилась ѣхать въ Италію. Прибывъ въ Римъ, она поселилась въ своей одинокой башнѣ, гдѣ голуби были дѣйствительно единственными ея сосѣдями, и вскорѣ пріобрѣла двухъ-трехъ друзей. Бѣлое платье, которое она постоянно носила, составляло аналогію съ бѣлоснѣжною одеждою ея воздушныхъ сожителей, такъ что между артистами она стала извѣстна подъ именемъ Гильды-голубя.

Мы не знаемъ, какихъ результатовъ можно было ожидать отъ ея занятій въ Римѣ. Извѣстно только, что, прибывъ въ эту живописную страну, она потеряла всякую охоту къ оригинальнымъ работамъ. Чѣмъ

болѣе она знакомилась съ великими произведеніями искуства, которыми такъ богаты римскія галлереи, тѣмъ менѣе считала себя оригинальною артисткою. Въ этой перемѣнѣ нѣтъ ничего удивительнаго. Она была одарена необыкновенно тонкою и чувствительною способностью цѣнить достоинство произведенія; она не смотрѣла на картину, но чувствовала ее насквозь. Этимъ она была обязана нѣжной и здоровой организаціи, силѣ чувства, направляемаго свѣтлымъ умомъ.

Съ Гильдою случилось, что случается очень часто. Она отказалась отъ состязанія съ великими людьми, произведенія которыхъ изучала и предъ которыми благоговѣла, отреклась отъ юношескихъ надеждъ, честолюбивыхъ стремленій, забыла свои дорогія мечты, принесенныя изъ-за океана и сдѣлалась копіисткою. Въ ватиканской Пинакотекѣ, въ галлереяхъ дворца Памфила-Доріа, Боргезе, Корсини, Сціарра можно было видѣть ея станокъ предъ знаменитыми картинами Гвидо-Рени, Доминикино, Рафаэля, и другихъ прославленныхъ артистовъ болѣе древнихъ школъ. Другіе артисты и иностранцы останавливались и, нѣтъ сомнѣнія, внутренно улыбались при видѣ самонадѣянной дѣвушки, пытавшейся перенесть на свое полотно величественное произведеніе могучаго генія. Но еслибы они вглядѣлись въ ея работу, еслибы болѣе понимали, что было передъ ихъ глазами, то увѣрились бы, что духъ древняго мастера виталъ надъ нею и водилъ ея нѣжную бѣлую ручку.

И дѣйствительно, копіи ея были изумительны. Слово—точность не идетъ къ нимъ. Она влагала въ нихъ ту неуловимую эѳирную жизнь, которую многіе могутъ чувствовать, но рѣдкій способенъ схватить и перенесть на другое полотно. Она никогда не пыталась воспроизвести всю картину,—она выбирала одну часть ея, въ которой сосредоточивалась сущность произведенія: Пресвятую Дѣву, стоящую въ глубокой печали, парящаго ангела или голову умирающаго святаго, въ лицѣ котораго отражалось предчувствіе неба.

Мы вовсе не желаемъ представить Гильду чѣмъ нибудь чудеснымъ; но мы можемъ сказать, что она была несравненною и лучшею копіисткою въ Римѣ. Внимательно разсмотрѣвъ ея работу, самые опытные артисты утверждали, что она достигала своихъ результатовъ тѣмъ именно путемъ, какой былъ избранъ оригинальнымъ живописцемъ для развитія идеи. Другіе копіисты,—если только они заслуживаютъ этого имени,—старались подражать. Такихъ копій древнихъ мастеровъ можно найти тысячи. Есть множество артистовъ, посвятившихъ свою жизнь постоянному перерисовыванью произведеній или даже одного произведенія извѣстнаго древняго мастера; такимъ образомъ они превращаются въ машины, тотъ для снимковъ съ картинъ Гвидо-Рени, другой —

съ картинъ Рафаэля. Правда, ихъ поддѣлки часто казались удивительными для невнимательнаго и неопытнаго глаза; но, воспроизводя только поверхность картины и домогаясь только этого, они были увѣрены, что совершаютъ все, потому что не чувствуютъ присутствія той вѣчной жизни и души, проглядывающей иногда сквозь мелкія едва примѣтныя черты, дающей безсмертіе всему творенію.

Миріамъ была очень обрадована, найдя дома свою пріятельницу, которая имѣла обыкновеніе уходить изъ дому очень рано и оставаться въ галлереяхъ до сумерекъ. Можно себѣ представить, какое удовольствіе испытывали тѣ, впрочемъ весьма не многіе, кому удавалось совершить прогулку по галлереѣ съ такимъ, можно сказать, геніальнымъ проводникомъ. Она не читала диссертацій о живописи, не засыпала своего слушателя техническими выраженіями; ея простое благоговѣніе, даже невысказанная симпатія такъ могущественно дѣйствовали, что, глядя другой разъ на картину, вы невольно проникались тѣми же чувствами, какія порождало въ ней совершенство произведенія.

Гильда скоро стала извѣстна всему англо-саксонскому населенію Рима и безсознательно сдѣлалась предметомъ любопытства иностранцевъ. Сидя у своего станка среди чернобородыхъ молодыхъ людей, старцевъ, убѣленныхъ сѣдиною, и бѣдно одѣтыхъ съ страдальческими лицами женщинъ, срисовывающихъ произведенія знаменитыхъ художниковъ, она привлекала къ себѣ вниманіе иностранцевъ, толпящихся въ римскихъ галлереяхъ. Старики—сторожа знали ее и обращались съ нею, какъ съ малымъ ребенкомъ. Иногда пламенный юноша артистъ вмѣсто того, чтобъ копировать картину, предъ которою помѣщалъ свой станокъ, рисовалъ портретъ Гильды. И это было не легко: ея прекрасные темнорусые волосы, ниспадавшіе буклями, ея нѣжныя черты, а главное, разлитое въ нихъ чувство и глубокая мысль, сверкавшая въ нихъ, естественность и простота, привлекавшія къ ней всякаго, но соединенная съ нѣкотораго рода сосредоточенностью,—все это требовало не малаго искуства.

Гильда была всѣмъ извѣстна, но сама знала не многихъ. Миріамъ была почти единственнымъ и лучшимъ ея другомъ. Она была старше Гильды двумя или тремя годами, долѣе жила въ Италіи и, обладая большою способностью къ практической жизни, успѣла пріобрѣсти навыкъ въ обращеніи съ хитрыми и себялюбивыми туземцами. Поэтому, когда Гильда прибыла въ Римъ, Миріамъ помогла ей устроиться и не оставляла ея втеченіе первыхъ недѣль, когда этотъ городъ кажется такимъ скучнымъ и неуютнымъ каждому иностранцу.

— Я очень рада, что нашла васъ дома, сказала Миріамъ, про-

должая свой разговоръ, начатый на одной изъ предъидущихъ страницъ. А признаться, я не ожидала застать васъ.—Что это за картина?

— Смотрите, сказала Гильда, взявъ за руку свою подругу и подводя къ станку. Я желала бы слышать ваше мнѣніе.

— Если вамъ посчастливится выполнить ее хорошо, произнесла Миріамъ, узнавшая картину при первомъ взгзядѣ, вы совершите великое чудо.

Картина представляла женскую голову—прекрасное, юное, дѣвственное лицо, окаймленное бѣлымъ покрываломъ, изъ подъ котораго падалъ одинъ или два локона, намекавшіе на языческую роскошь волосъ. Большіе темные глаза встрѣчались съ глазами зрителя, но казалось, будто бы они хотѣли уклониться отъ вашего взгляда. Легкая краснота вокругъ нихъ производила такое впечатлѣніе, что вы готовы были бы спросить, не плачетъ-ли эта дѣвушка. Все лицо было покойно; ни одинъ мускулъ не обнаруживалъ никакого душевнаго движенія; но въ сущности вся картина была проникнута глубокою грустью, которая выдѣляетъ это лицо изъ сферы человѣчности и уноситъ въ отдаленную сферу идеальности.

— Да, задумчиво сказала Миріамъ, послѣ внимательнаго осмотра картины, вы еще ничего не сдѣлали удивительнѣе этой головы. Но скажите, какимъ образомъ вы получили позволеніе снять копію съ Беатриче Ченчи, Гвидо-Рени? вамъ оказали безпримѣрную, неслыханную милость. Вѣдь еще нѣтъ ни одной вѣрной копіи, хотя всѣ картинныя лавки въ Римѣ завалены портретами Беатриче; но на одной копіи она весела, на другой слишкомъ печальна, на третьей кокетка.

— Была одна вѣрная копія—Томпсона, возразила Гильда; онъ однакожъ не успѣлъ кончить ее, потому что ему, какъ намъ всѣмъ, не позволили поставить станокъ передъ нею. Что до меня, то я напередъ знала, что князь Барберини ни за что въ мірѣ не позволитъ и мнѣ; осталось изучить оригиналъ. Я много разъ ходила въ галлерею, каждый день просиживала передъ картиною понѣскольку часовъ и потомъ, возвратясь однажды домой, набросала ее на полотно.

— Вотъ какъ! произнесла Миріамъ, разсматривая работу Гильды.

И дѣйствительно, сколько намъ ни случалось видѣть копій Беатриче, сдѣланныхъ карандашами, масляными красками, гравированныхъ, литографированныхъ, ни одна изъ нихъ не походила на оригиналъ. Вездѣ представляютъ бѣдную дѣвушку съ опухшими глазами, то легкою кокеткою, готовою пуститься въ танецъ, то придаютъ ей выраженіе набожности, какъ будто бы она молилась. Но предъ Миріамъ была настоящая Беатриче Гвидо-Рени, та самая, которая спала въ темницѣ и которую рано разбудили, чтобъ вести на эшафотъ.

— Теперь, когда вы кончили ее, Гильда, можете-ли сказать, какое чувство придаетъ этому лицу такую таинственность? Что до меня, то я сознаю его вліяніе, но опредѣлить не могу.

— Я тоже не могу опредѣлить его словами, отвѣчала Гильда. Но когда я рисовала ее, мнѣ все казалось, что она пытается уклониться отъ моего взгляда. Она знаетъ, что ея тоска такъ сильна и безмѣрна, что, ради себя и свѣта, она должна быть одна. Вотъ почему мы чувствуемъ разстояніе между Беатриче и нами самими, даже когда глаза наши встрѣчаются съ ея глазами. Вся сила выраженія заключается въ томъ, что, встрѣтивъ эти глаза, вы чувствуете всю невозможность помочь ей или успокоить ее; но и она сама не проситъ ни помощи, ни утѣшенія, потому что лучше насъ понимаетъ безнадежность своего положенія. Она—падшій ангелъ,—падшій, но безгрѣшный, и только эта глубокая печаль связываетъ ее съ землею.

— Вы почитаете ее безгрѣшной? спросила Миріамъ; это для меня не совсѣмъ ясно. Въ ея собственныхъ глазахъ видно, что совѣсть ея отягчена чѣмъ-то, чего нельзя забыть.

— Печаль ея также давитъ ее, какъ давилъ бы грѣхъ, возразила Гильда.

— Такъ вы думаете, живо спросила Миріамъ, что въ поступкѣ, за который она пострадала, не было ничего дурнаго?

— Когда я рисовала ее, отвѣчала Гильда, я совсѣмъ забыла исторію Беатриче Ченчи; я думала только о картинѣ, выражавшей ея характеръ. Разумѣется, преступленіе ужасное, неизгладимое преступленіе, и она это чувствуетъ; потому-то она и старается избѣгнуть вашего взгляда и навѣки исчезнуть отъ васъ. Приговоръ, произнесенный надъ нею, справедливъ.

— О, Гильда, ваша невинность, какъ острый ножъ! воскликнула Миріамъ. Ваши сужденія часто ужасно строги, хотя и кажется, что вы, произнося ихъ, руководствуетесь только милосердіемъ. Преступленіе Беатриче не могло быть такъ велико: можетъ быть, оно вовсе не было преступленіемъ, но лучшею добродѣтелью, поставленною въ несчастныя обстоятельства. Если она почитала свой поступокъ преступленіемъ, то потому только, что природа ея была слишкомъ слаба и не могла вынести опредѣленной ей судьбы... О! продолжала Миріамъ съ увлеченіемъ, еслибъ я могла проникнуть въ ея сознаніе! еслибы я могла уловить духъ Беатрисы Ченчи и вселить его въ себя! Я бы пожертвовала жизнью, чтобы знать, считала-ли она себя невинною, или преступницею?

Когда Миріамъ договаривала послѣднія слова, Гильда, смотрѣвшая до той минуты на свою работу, взглянула на нее и удивилась стран-

ному выраженію ея лица, почти сходному съ выраженіемъ Беатриче, какъ будто бы Миріамъ дѣйствительно проникла тайну преступницы.

— Ахъ, Миріамъ, не смотрите такъ! вскричала Гильда невольно. Какая вы актриса! Я этого не подозрѣвала. Ну, вотъ теперь вы опять на себя похожи, прибавила она, поцѣловавъ свою подругу. Оставимте теперь Беатриче.

— Въ такомъ случаѣ закройте свою картину, иначе я на нее буду постоянно смотрѣть. Странно, Гильда, какъ вы, съ вашею чистою, невинною душою, въ состояніи были постичь тайну этой картины; а вы должны были понимать ее, иначе въ работѣ вашей не было бы души. Хорошо, хорошо, оставимъ Беатрису... Знаете-ли, я пришла къ вамъ съ просьбою; вы исполните ее?

— Отчего же нѣтъ? отвѣчала Гильда, смѣясь, если только вы скажете, въ чемъ дѣло.

— Ничего важнаго: взять этотъ пакетъ и хранить его у себя нѣсколько времени.

— Почему же вы не спрячете его у себя?

— Потому что ему безопаснѣе быть у васъ, отвѣчала Миріамъ. Я такъ вообще небрежна въ вещахъ неважныхъ, что могу его затерять; между тѣмъ какъ вы, хоть и живете такъ высоко надъ міромъ, болѣе склонны къ порядку и точности. Этотъ пакетъ имѣетъ для меня нѣкоторую важность; и однакожъ, можетъ быть, что я его не спрошу у васъ. Черезъ недѣлю, или двѣ, вы знаете, я уѣду изъ Рима. Вы оставайтесь себѣ здѣсь и гуляйте по галлереямъ; но не забудьте, пожалуста, черезъ четыре мѣсяца отдать этотъ пакетъ по адресу, если до того времени ничего не услышите обо мнѣ.

Гильда взглянула на адресъ и прочла: синьору Лукѣ Барбони, въ палаццо Ченчи.

— Отдамъ ему лично, сказала она, ровно чрезъ четыре мѣсяца отъ сегодняшняго дня, развѣ вы возьмете его отъ меня. Можетъ быть, я встрѣчу духъ Беатриче въ этомъ мрачномъ жилищѣ ея предковъ.

— Если встрѣтите, не забудьте спросить, какъ она понимаетъ свое дѣло. Бѣдное созданіе! она лучше бы сдѣлала, еслибы высказала свое горе, и я думаю, она рада была бы высказаться, еслибъ была увѣрена въ сочувствіи. Мнѣ какъ-то тяжело дѣлается, когда я думаю, что она скрыла все въ себѣ.

Она открыла картину и долго смотрѣла на нее.

— Бѣдная сестра! произнесла она наконецъ. Вѣдь она тоже была женщина, какъ мы; она сестра намъ, каковы бы ни были ея грѣхи или печали. Не правда-ли, Гильда? Какъ она хороша! Не знаю, поблагодарилъ ли бы васъ Гвидо за эту копію, или позавидовалъ бы вамъ.

— Позавидовалъ? воскликнула Гильда. Безъ него, я не задумала бы такого сюжета.

— Еслибы женщина написала оригиналъ, въ немъ былъ бы какой нибудь пропускъ. Я очень расположена копировать себя и пополнять недостатки... Прощайте, Гильда. Погодите, впрочемъ! Сегодня вечеромъ я иду въ виллу Боргезе; я знаю, вы почтете это глупостью; но я все таки прошу васъ идти вмѣстѣ со мною. Я какъ то спокойнѣе, когда я съ вами.

— Только не сегодня, дорогая Миріамъ, отвѣчала Гильда. Мнѣ хотѣлось бы позаняться этой картиной.

— До свиданія, въ такомъ случаѣ, сказала Миріамъ. Какую вы однакожъ странную жизнь ведете! Голова ваша занята тайнымъ смысломъ картинъ, сами вы кормите голубей, смотрите за лампадой у раки! А скажите, Гильда, молитесь ли вы Божіей Матери?

— Иногда, отвѣчала Гильда, покраснѣвъ и опустивъ глаза,—она тоже была женщина. Вы думаете, что это дурно?

— Я предоставляю вамъ самимъ рѣшить это; во всякомъ случаѣ, какъ будете молиться, вспомните меня.

Выйдя на улицу, Миріамъ опять увидѣла стаю голубей, перелетающихъ то съ оконъ на мостовую, то съ мостовой на окна. Взглянувъ вверхъ, она увидѣла голову Гильды, надъ которою вилось нѣсколько бѣлоснѣжныхъ голубей. Грусть и смущеніе, которыхъ нельзя было не замѣтить въ Миріамъ, произвели на ея подругу впечатлѣніе. Подъ вліяніемъ его Гильда, открывъ окно, начала слѣдить за Миріамъ и, когда глаза ихъ встрѣтились, послала ей прощальный воздушный поцѣлуй. Проходившій въ это время въ концѣ улицы скульпторъ Киніонъ замѣтилъ этотъ поцѣлуй и радъ былъ бы поймать его.

Наступившій вечеръ засталъ Донателло въ виллѣ Боргезе, о чемъ читатель и безъ насъ догадался. Онъ былъ совершенно счастливъ. Ходя по длиннымъ тѣнистымъ аллеямъ, онъ съ восторгомъ вдыхалъ ароматическій, свѣжій воздухъ. Судя по тому удовольствію, какое доставляло ему сельская природа, его можно было дѣйствительно отнести къ одной породѣ дикимъ, веселымъ и счастливымъ созданіемъ, мраморное изображеніе котораго такъ поразило его друзей сходствомъ съ нимъ. Онъ не обращалъ вниманія на обступавшія его со всѣхъ сторонъ произведенія искуства, не чувствовалъ ничего, что необходимо перечувствуетъ всякій другой посѣтитель этого рая; но видѣлъ только деревья, покрытыя свѣжею зеленью, напоминавшія ему лѣса, миръ и свободу деревенской жизни.

Античная пыль стараго Рима, душная атмосфера, въ которой онъ жилъ много мѣсяцевъ, жесткая, неровная мостовая, развалины—

памятники исчезнувшихъ поколѣній, обветшалые дворцы, монастырскіе колокола, жизнь среди этого мрака, среди узкихъ улицъ, монаховъ, солдатъ, дворянъ, артистовъ, женщинъ,—все это въ сознаніи молодаго человѣка принимало видъ повисшей надъ нимъ тяжелой, черной тучи.

Но, здѣсь, среди роскошной растительности не было и намека на всѣ эти предметы столь чуждые его душѣ и ненавистные его глазу, и оттого онъ наслаждался вполнѣ. Онъ самъ съ собою бѣгалъ взапуски по тѣнистымъ темнымъ аллеямъ, прыгалъ чрезъ повисшія вѣтви остролиственника и упивался свѣжимъ ароматическимъ воздухомъ. То вдругъ, въ порывѣ восторга, кидался къ дереву, обхватывалъ его руками съ такою нѣжностью, какъ будто оно было достойно ея и могло отвѣчать ему, какъ будто въ самомъ дѣлѣ онъ былъ фавнъ, встрѣтившій свою лѣсную сожительницу нимфу, которую древность поселила въ дремучихъ лѣсахъ. Потомъ онъ бросался на землю и, чтобы вполнѣ удовлетворить своему странному инстинкту, прижималъ къ ней губы и цѣловалъ фіалки и маргаритки, которыя отвѣчали ему свѣжимъ прикосновеніемъ къ его щекѣ.

Проживъ долгое время въ городѣ, мы всѣ ощущаемъ особенное восторженное чувство, разливающееся по всему организму, когда намъ снова удается вдохнуть свободный воздухъ полей и лѣсовъ; но конечно никто не ощущалъ этого чувства сильнѣе Донателло, простаго существа воспитаннаго среди роскошной сельской природы Тосканы и потомъ принужденнаго прожить нѣсколько мѣсяцевъ сряду въ Римѣ, посреди величественной, но мрачной и тяжелой обстановки. Природа бѣжала отъ этихъ вѣковыхъ каменныхъ громадъ; ни одна черта въ нихъ не намекаетъ на нее, за исключеніемъ развѣ сѣроватой травы, пробивающейся между камнями мостовой, окружающей мало посѣщаемыя палаццо или на углахъ развалинъ. Онъ былъ въ состояніи дитяти, которое, вышедъ изъ дому, заблудилось и потомъ неожиданно встрѣтило материнскія объятія.

Наконецъ онъ вспомнилъ, что Миріамъ уже пора придти, и сталъ смотрѣть въ ту сторону, откуда она могла войти. Завидѣвъ ее издалека, Донателло спрятался въ зелени и, когда она поравнялась съ деревомъ, скрывавшимъ его, онъ выпрыгнулъ изъ своей засады. Эта выходка на мгновенье разсѣяла задумчивость, покрывавшую блѣдное лицо Миріамъ.

— Откуда вы взялись? сказала она, смѣясь. Словно съ облаковъ упали. Во всякомъ случаѣ я вамъ рада.

И они пошли вмѣстѣ.

ГЛАВА V.

ФАВНЪ И НИМФА.

Грустное настроеніе Миріамъ, кажется, произвело на Донателло непріятное впечатлѣніе. Сначала онъ молчалъ; можетъ быть, это молчаніе должно приписать тому, что онъ вообще очень рѣдко высказывался словами, предпочитая естественный языкъ—жесты, инстинктивныя движенія, безсознательную игру физіономіи, которая въ одну минуту высказывала столько чувствъ и душевныхъ движеній извѣстнаго рода, что ихъ стало бы на цѣлые томы.

Но мало по малу къ нему возвратилась прежняя беззаботная веселость, которая, повидимому, отразилась на Миріамъ. Онъ попрежнему началъ плясать по дорожкѣ съ особенною комическою граціею; то забѣгалъ впередъ на нѣсколько шаговъ, останавливался и ожидалъ Миріамъ, которая медленно приближалась къ нему. Каждый шагъ ея вызывалъ на лицо его выраженіе радости, сопровождавшейся самыми странными, но очень выразительными тѣлодвиженіями.

Глядя на Донателло въ эти минуты, Миріамъ невольно подумала, что онъ не совершенно человѣкъ, но и не дитя, а животное въ высшемъ, прекрасномъ значеніи этого слова, созданіе, достигшее той степени развитія, которая поставляла его между обыкновеннымъ человѣкомъ и животнымъ. Эта мысль наполнила ея живое воображеніе странными представленіями, заставившими ее улыбнуться.

— Скажите, Донателло, что вы такое? воскликнула она. Если вы въ самомъ дѣлѣ то, на что вы похожи, то умоляю васъ, познакомьте меня съ своими родственниками. Они вѣроятно и здѣсь живутъ. Бѣгите по кустамъ, зовите ихъ сюда. Соберите дріадъ, водяныхъ нимфъ, онѣ тамъ у фонтановъ должно быть. Не бойтесь, я не испугаюсь, если какой нибудь кузенъ вашъ, косматый сатиръ, предложитъ мнѣ потанцовать съ нимъ.

Донателло сначала только улыбался, потомъ сталъ хохотать отъ души. Но кажется, онъ не совсѣмъ понималъ, что говорила Миріамъ, и вовсе не былъ расположенъ объяснять себѣ, къ какой породѣ принадлежитъ. Онъ зналъ только то, что Миріамъ прекрасна и шутитъ надъ нимъ и что настоящая минута была для него минутою высочайшаго блаженства. Онъ безпредѣльно вѣрилъ Миріамъ и также безпредѣльно и чисто наслаждался ея присутствіемъ; онъ ничего не

требовалъ, ничего не искалъ и вполнѣ удовлетворялся сознаніемъ, что находится возлѣ любимаго существа.

Донателло, сказала Миріамъ, задумчиво глядя на него, вы кажется очень счастливы? Скажите, почему вы такъ счастливы?

— Потому что я васъ люблю! отвѣчалъ Донателло.

Онъ высказалъ это неожиданное признаніе такъ просто, какъ будто бы рѣчь шла о самой естественной вещи въ мірѣ. Миріамъ съ своей стороны выслушала его безъ гнѣва, или волненія, хотя не безъ нѣкотораго чувства симпатіи къ молодому человѣку.

— Какъ же вы можете любить меня, глупый мальчикъ! сказала она. Между нами нѣтъ ничего общаго. Двухъ существъ на свѣтѣ нѣтъ менѣе сходныхъ между собою, чѣмъ я и вы!

— Вы—вы, а я—Донателло, отвѣчалъ онъ; потому я васъ и люблю. Развѣ нужна еще какая нибудь причина?

Дѣйствительно, болѣе основательной или болѣе объяснимой причины не было. Можно было-бы думать, что простое, безхитростное сердце Донателло способнѣе было привязаться къ женщинѣ болѣе похожей на него, чѣмъ Миріамъ. Но съ другой стороны, можетъ быть, природа его нуждалась въ мрачномъ элементѣ, который онъ находилъ въ ней; сила и энергія воли, иногда сверкавшая въ ея глазахъ, могла побѣдить его; или наконецъ, игра свѣта и тѣней въ ея характерѣ очаровали юношу. Какъ бы мы ни анализировали этотъ вопросъ, а объясненіе, данное самимъ Донателло, останется самымъ удовлетворительнымъ.

Миріамъ не могла серьёзно принять признаніе своего друга. Онъ высказалъ его такъ свободно, откровенно, что она сочла это простою шуткою, которую можно сказать и потомъ взять назадъ. Она рѣшила, что въ ея отношеніяхъ къ Донателло нѣтъ и не можетъ быть ничего серьезнаго, что все это ничто иное, какъ невинное препровожденіе времени, и если завтра жизненный путь разведетъ ихъ въ разныя стороны, то конечно въ душахъ ихъ останется впечатлѣніе не сильнѣе того, какое произвели на нихъ сегодня фіялки и маргаритки, растущія вокругъ нихъ.

Однакожъ какое-то неопредѣленное чувство заставило ее высказать свои опасенія и предостеречь Донателло отъ угрожавшей будто-бы опасности.

— Еслибы вы были благоразумны, Донателло, сказала она, вы считали бы меня очень опасной. Если вы постоянно будете идти за мною, я не доведу васъ ни до чего хорошаго. Вамъ надо бояться меня.

— Вы скажете скоро, что мнѣ нужно бояться воздуха, которымъ мы дышимъ! отвѣчалъ онъ.

— Да, потому что онъ полонъ заразы, проговорила Миріамъ. Въ эту минуту она находилась въ состояніи человѣка, долго скрывавшаго тяжелую тайну и наконецъ рѣшившагося ввѣрить ее дитяти или животному, въ полномъ убѣжденіи, что ихъ языкъ не повторитъ ея.

— Всякій, продолжала она, кто подходитъ ко мнѣ слишкомъ близко, находится въ большой опасности, увѣряю васъ. То была роковая минута, когда вы рѣшились оставить свой домъ въ Аппенинахъ, пріѣхать въ Римъ и добиться моего знакомства. До сихъ поръ вы были счастливы, не правда-ли?

— О, да! воскликнулъ Донателло, и сталъ припоминать сцены изъ своей жизни до пріѣзда въ Римъ.—Я помню, говорилъ онъ, мнѣ случалось танцовать на деревенскихъ праздникахъ, пробовать сладкое свѣжее вино, или старое вино, особенно зимою, въ холодные вечера; или кушать прекрасные большіе абрикосы, фиги, дыни... Въ лѣсу я часто бывалъ счастливъ, съ собаками тоже и лошадьми; мнѣ всегда было очень пріятно разсматривать разныхъ животныхъ, птицъ... Но никогда и въ-половину не былъ я такъ счастливъ, какъ теперь.

— Въ этихъ рощахъ? спросила Миріамъ.

— Да, здѣсь, съ вами, отвѣчалъ Донателло.

— Да, въ какомъ онъ восторгѣ! подумала Миріамъ.

— Но, Донателло, какъ долго будетъ продолжаться это счастіе? спросила она послѣ нѣкотораго молчанія.

— Какъ долго? повторилъ онъ. Этотъ вопросъ, отбросившій его мысль въ будущее, смутилъ его болѣе, чѣмъ вопросъ о прошедшемъ.— Какъ долго? повторилъ онъ еще разъ. Какъ же оно можетъ кончиться?.. Всегда, всегда, всегда!

— Дитя! глупецъ! сказала Миріамъ, внезапно засмѣявшись и также внезапно переставъ смѣяться. Онъ въ самомъ дѣлѣ глупъ.. Онъ смущаетъ меня своею простотою и этимъ глубокимъ убѣжденіемъ въ постоянствѣ счастія; такого убѣжденія не можетъ внушить любовь, а развѣ только сознаніе безсмертія.

Когда мысли эти мелькали въ ея умѣ, глаза ея наполнились слезами, хотя на устахъ играла улыбка.

— Донателло,вскричала она порывисто, оставьте меня, ради васъ самихъ! Счастіе ваше вовсе не такъ велико, какъ вы думаете. И развѣ бродить по этимъ лѣсамъ съ дѣвушкой, иностранкой, носящей въ груди своей тяжкое бремя, о которомъ она никому не говоритъ,— развѣ это счастіе? Я должна заставить васъ бояться меня—или ненавидѣть, и сдѣлаю это, если увижу, что вы слишкомъ меня любите!

— Я ничего не боюсь! сказалъ Донателло, глядя ей прямо въ глаза съ полнымъ довѣріемъ.—Я люблю васъ, и всегда буду любить!

— Напрасно я говорю, подумала Миріамъ. Хоть этотъ часъ я буду такою, какою онъ меня воображаетъ; завтра мнѣ еще будетъ время принять свой настоящій видъ, сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ я въ дѣйствительности. Моя дѣйствительность! что она такое? — Неужели нельзя уничтожить прошлаго? неужели будущность непобѣдима? Неужели этотъ тяжелый сонъ, въ которомъ я живу, также неразрушимъ, какъ каменныя стѣны темницы?—Пусть такъ! но у меня найдется достаточно твердости, чтобы быть веселой, даже веселѣе Донателло, хоть на одинъ часъ!

Рѣшимость эта мгновенно отразилась на ея лицѣ, которое въ самомъ дѣлѣ просіяло самымъ беззаботнымъ весельемъ. Разумѣется, оно перешло и на Донателло, который принялся выражать свое несравненное счастье еще болѣе дикими и разнообразными движеніями. Они оба отъ души хохотали, потомъ прислушивались съ своему хохоту, повторяемому эхомъ, и снова начинали хохотать, такъ, древняя, торжественно-молчаливая роща наполнилась вдругъ звуками веселаго звонкаго смѣха. Замѣтивъ наконецъ небольшую птичку, Донателло сталъ манить ее; она дѣйствительно спустилась къ нему и начала кружиться вокругъ его головы, какъ будто бы ужъ многіе годы была съ нимъ знакома.

— Какъ онъ близокъ къ природѣ, проговорила Миріамъ. Онъ и меня могъ бы теперь сдѣлать такою же естественною, какъ самъ.

Ходя въ густой тѣни рощи, Миріамъ, которая въ сущности была впечатлительна и подвижна, все болѣе и болѣе чувствовала на себѣ вліяніе легкаго эластическаго темперамента Донателло. Она незамѣтно увлеклась примѣромъ своего спутника: бѣгала съ нимъ взапуски, кричала и смѣялась, какъ онъ, рвала цвѣты, вила вѣнки для себя и для него, словомъ, они играли какъ дѣти, или какъ существа, непредчувствующія ни горя, ни заботы, ни смерти.

— Га! вскричалъ вдругъ Донателло, готовившійся связать руки Миріамъ цвѣтами. Слышите, гдѣ-то играютъ; здѣсь въ рощѣ.

— Это вѣроятно вашъ родственникъ панъ играетъ на своей дудкѣ, сказала Миріамъ. Пойдемте искать его. Выведемъ его на свѣтъ. Въ которой сторонѣ вы слышите музыку?

— Вотъ по этой дорожкѣ пойдемъ.—Идемте же!

Они пошли и съ каждымъ шагомъ музыка внятнѣе и внятнѣе звучала въ ихъ ушахъ. Донателло началъ танцоватъ и увлекъ за собою Миріамъ. Движенія ея были исполнены такой граціи и плавности, что могли-бы послужить сюжетомъ статуи, но въ нихъ замѣтна была нѣкоторая искуственность; дикія, шутовскія па Донателло, также не были лишены граціи, но сверхъ того въ нихъ было нѣчто вызывающее,

возбуждающее смѣхъ, и въ то же время трогающее сердце. Глядя со стороны на эту пару, можно было сравнить Миріамъ съ нимфою точно также, какъ Донателло съ фавномъ; были минуты, когда въ ея фигурѣ и въ лицѣ выражалось столько же деревенской простоты и наивности, какъ и въ его.

— Ахъ! Донателло, вскричала она, остановившись, чтобъ перевести дыханіе. Я не могу танцовать такъ, какъ вы. Я не изъ вашей породы. Вы настоящій фавнъ. Если вы поднимете ваши кудри, я увѣрена, что найду шерсть на концахъ ушей.

— Танцуйте, Миріамъ, танцуйте! вскричалъ онъ весело, но въ лицѣ его и въ голосѣ замѣтно было опасеніе, что минутная пауза унесетъ отъ него его товарища, котораго онъ ожидалъ въ-теченіе столькихъ ужасныхъ мѣсяцевъ. — Если мы остановимся, мы будемъ такими, какими были вчера. Танцуйте, вотъ и музыка здѣсь, за этими деревьями.

Они достигли небольшой площадки, обставленной каменными скамейками, покрытой древнимъ мхомъ. На одной скамейкѣ сидѣли странствующіе музыканты, какихъ въ Римѣ и вообще въ Италіи очень много. Хотя инструменты: скрипка, флейта и арфа и были очень плохи, но сами музыканты въ такой мѣрѣ обладали искуствомъ, что могли играть довольно гармонически. Случилось, что этотъ день былъ праздничный, и потому, вмѣсто того, чтобы играть на облитой солнечными лучами площади, или подъ окнами какого-нибудь безотвѣтнаго палаццо, они вышли за городъ оглашать своими мотивами тихія обиталища древнихъ дріадъ; извѣстно, что церковные праздники высылаютъ всѣхъ римскихъ весельчаковъ за городъ, гдѣ они или танцуютъ или пріискиваютъ другое какое-нибудь, болѣе или менѣе пріятное препровожденіе времени.

Когда Миріамъ и Донателло показались изъ-за деревьевъ, музыканты принялись играть съ большею энергіею чѣмъ прежде. Маленькая смуглая дѣвушка, съ черными сверкающими глазами, стояла впереди съ тамбуриномъ и колотила въ него изо всей силы. Донателло подскочилъ къ ней, выхватилъ отъ нея инструментъ и, повернувъ его надъ головой, извлекъ изъ него еще болѣе энергическіе и возбуждающіе звуки.

Вѣроятно въ этихъ звукахъ и въ его танцѣ, равно какъ и въ движеніяхъ Миріамъ, которую онъ снова увлекъ за собою, было нѣчто магическое, потому-что подходившій небольшими группами народъ, праздновавшій этотъ день за городомъ, останавливался и немедленно присоединялся къ нашимъ танцорамъ—кто танцовалъ одинъ, кто приглашалъ даму. Тутъ были дѣвушки-плебеянки съ непокрытыми голо-

вами, какихъ часто можно встрѣтить на улицахъ Рима; тели Кампаньи въ своихъ живописныхъ костюмахъ; Римляне новѣйшихъ временъ изъ Транстеверы, сохранившіе въ своей одеждѣ намекъ на античный костюмъ; три французскіе солдата съ короткими саблями, наконецъ папскій гренадеръ, Швейцарецъ, въ странномъ костюмѣ, составленномъ Микель-Анжело. За ними подошли два англійскіе туриста, молодые люди, и тѣ тоже присоединились къ общей пляскѣ, которою руководилъ Донателло.

Арфа громко звучала подъ быстрыми пальцами артистки; скрипачъ ожесточенно пилилъ смычкомъ, флейтистъ, что было мочи, дулъ въ свою флейту, между тѣмъ какъ Донателло выбивалъ тактъ на тамбуринѣ, вертя его надъ головою. Вся эта группа осуществляла одинъ изъ тѣхъ барельефовъ, украшающихъ античныя вазы, на которыхъ изображена пляска нимфъ и сатировъ или неистовыя вакханаліи.

Но вдругъ среди самаго буйнаго танца, Донателло остановился — экипажъ на поворотѣ сломался и пассажиры очутились лежащими въ грязи. Пляска остановилась. Дѣло въ томъ, что Миріамъ внезапно была поражена странною фигурою въ фантастическомъ костюмѣ, обрисовавшейся прямо передъ нею въ замиравшемъ дневномъ свѣтѣ. То была модель.

Минуту спустя, Донателло замѣтилъ, что Миріамъ вышла изъ круга танцоровъ, и остановился. Увидѣвъ ее сидящею на скамейкѣ, онъ поспѣшилъ къ ней и бросился на траву. Но какая странная, необъяснимая перемѣна произошла во всей ея фигурѣ! Она сидѣла возлѣ него, онъ могъ бы достать ее рукою; но глаза ея, казалось, сверкали также далеко, какъ звѣзды, выступающія между разступившимися облаками; правда, она смотрѣла на него, но уже въ ея взглядѣ не было и тѣни той пріятной симпатической меланхоліи, которая производила такое магическое впечатлѣніе на его душу.

— Пойдемъ назадъ! вскричалъ онъ. Неужели это счастіе такъ скоро должно кончиться!

— Оно должно кончиться здѣсь, Донателло, сказала она, и такіе часы не повторяются въ жизни. Позвольте мнѣ уйти, мой другъ. Я скроюсь здѣсь въ тѣни этихъ деревьевъ. Смотрите, ужъ всѣ расходятся.

Неизвѣстно, утомились ли руки арфиста, или скрипачъ перепилилъ струны, или, можетъ быть, флейтистъ не въ силахъ былъ больше дуть, только музыка внезапно прекратилась, и танцоры также быстро разсѣялись, какъ собрались.

— Вы должны оставить меня, сказала Миріамъ болѣе повелительнымъ тономъ, чѣмъ прежде, я вамъ уже сказала. Ступайте и не оглядывайтесь.

— Миріамъ, прошепталъ Донателло, сжавъ ея руку, кто это стоитъ тамъ, въ тѣни, смотрите, онъ васъ манитъ къ себѣ!

— Тише, оставьте меня! повторила Миріамъ. Вашъ часъ прошелъ— теперь наступилъ его часъ.

Но Донателло не двигался. Онъ смотрѣлъ въ ту сторону, въ которую указывалъ, и лицо его такъ измѣнилось, приняло выраженіе такого безпокойства, можетъ быть, ужаса, смѣшаннаго со злобою и отвращеніемъ, что Миріамъ едва узнала его. Губы его раскрылись и показали два ряда стиснутыхъ зубовъ, что придавало ему звѣрское выраженіе.

— Я ненавижу его, прошипѣлъ онъ.

— Будьте покойны, и я его также ненавижу, сказала Миріамъ.

Она произнесла эти слова безъ всякой мысли; но она такъ глубоко сочувствовала злобному движенію Донателло, что не высказаться было невозможно.

— Я задушилъ бы его! попрежнему произнесъ Донателло.—Позвольте мнѣ, и мы навсегда избавимся отъ него.

— Ради Бога, успокойтесь! воскликнула Миріамъ, боясь, что утратитъ власть надъ своимъ другомъ, въ которомъ съ необыкновенною быстротою пробудились всѣ злобныя чувства. — Ради всего святаго, умоляю васъ, оставьте меня! Добрый, милый, дорогой другъ, уйдите теперь! Предоставьте меня моей судьбѣ. Воспоминаніе, что я смутила вашу жизнь, сдѣлаетъ меня еще несчастнѣе. Уйдите отъ меня!

— Уйти отъ васъ? повторилъ Донанелло голосомъ, въ которомъ уже не было и тѣни прежней злобы.—Уйти отъ васъ? Куда же мнѣ уйти?

— Въ другой разъ поговоримъ объ этомъ, сказала Миріамъ торопливо,—скоро, завтра, когда хотите, только теперь оставьте меня!

Донателло наконецъ повиновался и въ рощѣ Боргезе не осталось никого, кромѣ Миріамъ и ея страннаго преслѣдователя. Тишина и уединеніе быстро распространились вокругъ нихъ.

Въ томъ вліяніи, которое это таинственное, всегда зловѣщее лицо обнаруживало на Миріамъ, было что-то чарующее; оно походило на дѣйствіе, производимое нѣкоторыми хищными животными и змѣями на ихъ жертвы. Нужно было удивляться, видя, какъ эта женщина, обладавшая въ значительной степени мужествомъ и твердостью, безнадежно боролась съ невыносимымъ рабствомъ. Мы увѣрены однакожъ, что въ такое состояніе Миріамъ была повергнута не тяжкимъ преступленіемъ, но какими-нибудь несчастными обстоятельствами, которыя иногда, дѣйствительно, доводятъ до преступленій самыхъ кроткихъ и чистыхъ людей.

Какъ бы то ни было, но въ настоящемъ случаѣ она не нашла бы

въ себѣ достаточно энергіи, чтобы оказать рѣшительное сопротивленіе своему преслѣдователю.

— Вы ужъ слишкомъ пристально слѣдите за мною, сказала она тихимъ голосомъ. Знаете ли, чѣмъ это кончится?

— Да, я положительно знаю, чѣмъ это должно кончиться, отвѣчалъ онъ.

— Такъ скажите мнѣ, чтобъ я могла сравнить свои ожиданія съ вашими. Мои самыя худшія.

— Вы можете ожидать только одного результата, и очень скоро, отвѣчала модель. Вы должны сбросить маску и явиться тѣмъ, чѣмъ вы на самомъ дѣлѣ. Вы должны совершенно исчезнуть со сцены, уѣхать изъ Рима вмѣстѣ со мною и не оставить по себѣ ни малѣйшаго слѣда. Вы знаете, что вытребовать отъ васъ согласіе на это мнѣ не трудно; вы знаете также, какого наказанія должны ожидать въ случаѣ отказа.

— Не того ли, которымъ вы уже пугали меня? сказала Миріамъ. Есть другое, менѣе ужасное.

— Какое?

— Смерть! обыкновенная смерть! отвѣчала она.

— Смерть? повторилъ онъ. Это не такъ просто, какъ вы думаете. Вы слишкомъ сильны. Постоянныя волненія, которыя вы испытываете втеченіи многихъ мѣсяцевъ; рабство, въ которомъ я васъ держу въ послѣднее время, немного васъ измѣнили. Ваши щеки не блѣднѣе, чѣмъ въ то время, когда вы были дѣвицею. Нѣтъ, Миріамъ, — я не могу произнести другаго имени, отъ котораго задрожали бы листья надъ нашими головами,—вы не можете умереть, Миріамъ.

— Чтожъ? развѣ ни кинжалъ, ни ядъ не могутъ прекратить моей жизни? сказала она, въ первый разъ взглянувъ прямо въ гзаза своему собесѣднику. Развѣ и Тибръ не приметъ меня?

— Приметъ, отвѣчалъ онъ; но, Миріамъ, еще много осталось совершить и выстрадать — у насъ общая судьба, и мы не можемъ избѣгнуть ея. Я не менѣе вашего старался миновать ее; также какъ вы, старался прервать узы, существующія между нами, похоронить все прошлое, никогда не встрѣчаться съ вами—развѣ тамъ, на общемъ судѣ. Вы представить не можете, что я дѣлалъ и готовъ былъ сдѣлать, чтобъ достигнуть этой цѣли,—и что же? наша встрѣча въ подземельи убѣдила меня въ ничтожности всѣхъ моихъ плановъ.

— Ахъ, ужасный случай! вскричала Миріамъ, закрывая лицо руками.

— Да, ваше сердце содрогнулось отъ ужаса, когда вы узнали меня, возразилъ онъ; а развѣ я не чувствовалъ такого же ужаса?

— Отчего тогда земля не обрушилась на наши головы и не похоронила насъ обоихъ! Лучше бы мы заблудились оба въ темнотѣ и погибли въ разныхъ концахъ этого лабиринта, чтобъ не могли смѣшаться наши предсмертные вздохи!

— Эти желанія напрасны, отвѣчала модель. Мы выбрали одну дорогу, она привела насъ другъ къ другу, чтобы жить и умереть вмѣстѣ. Насъ судьба связала такимъ узломъ, котораго не развяжутъ ни мои, ни ваши руки. Мы должны покориться!

— Молитесь, какъ я молилась! воскликнула Миріамъ. Молитесь, чтобъ освободиться отъ меня, потому-что я вашъ злой геній, также, какъ вы мой! Я знаю, вы когда-то молились!

При этихъ словахъ Миріамъ, дрожь пробѣжала по всему его организму; имъ овладѣлъ ужасъ; въ одно мгновеніе онъ сталъ блѣденъ, какъ полотно. Въ памяти этого человѣка было что-то, не позволявшее ему безъ ужаса вспомнить о молитвѣ; она возбуждала въ немъ всѣ муки совѣсти. Можетъ быть, онѣ были слѣдствіемъ врожденной воспріимчивости къ впечатлѣніямъ, производимымъ религіозною идеею, но только изнасилованной, подавленной, униженной, такъ что, наконецъ, она стала источникомъ ужаса, а не утѣшенія. Въ устремленныхъ на Миріамъ глазахъ его выражалось такое внутреннее безпокойство, что она почувствовала къ нему состраданіе.

И теперь ее поразила мысль—не сумасшедшій ли онъ? Эта мысль никогда еще не приходила ей въ голову; но теперь она въ одно мгновенье нашла возможность подтвердить ее многими извѣстными ей обстоятельствами. Но увы! сумасшедшій ли онъ, или нѣтъ, а власть его надъ нею оставалась та-же!

— Я не буду васъ мучить, сказала Миріамъ болѣе мягкимъ тономъ. Ваша вѣра дастъ вамъ утѣшеніе въ покаяніи; а меня предоставьте мнѣ самой.

— Нѣтъ, это невозможно.

— Почему же вы думаете, что это невозможно? возразила она. Смотрите, я разстаюсь со всѣмъ прошлымъ. Я создала себѣ новую сферу, нашла новыхъ друзей, новыя удовольствія, надежды. Я была такъ спокойна, какъ будто бы у меня не было никакихъ воспоминаній. Намъ нужно жить порознь, и все будетъ хорошо.

— Намъ нечего и думать объ этомъ, отвѣчалъ онъ. Мы жили врознь, однакожъ судьба свела насъ въ подземельи; она опять насъ сведетъ гдѣ-нибудь въ пустынѣ, на вершинѣ горы. Вы напрасно говорите объ этомъ.

— Вы ошибаетесь; вы принимаете свое желаніе за неизбѣжную

необходимость, сказала Миріамъ. Иначе вы позволили бы мнѣ проскользнуть мимо васъ, даже и теперь пропустили бы меня.

— Никогда, отвѣчалъ онъ настойчиво. Ваше появленіе разстроило труды цѣлыхъ лѣтъ. Вы знаете мою власть надъ вами. Повинуйтесь моимъ приказаніямъ, или черезъ нѣсколько времени я употреблю мое право.—Но я не перестану слѣдить за вами, пока не наступитъ время дѣйствовать.

— Я предвижу конецъ, сказала Миріамъ спокойно, я уже предупредила васъ о немъ — это будетъ смерть.

— Чья смерть?—ваша или моя? спросилъ онъ, устремивъ на нее глаза.

— Чтожъ? вы меня почитаете убійцею? сказала она. По крайней мѣрѣ на это вы не имѣете права.

— Однакожъ, возразилъ онъ, значительно посмотрѣвъ на нее, люди говорили, что эта рука была запятнана преступленіями.

Онъ взялъ руку Миріамъ и, произнося послѣднія слова, держалъ ее въ своей рукѣ, несмотря на усилія ея освободиться. Потомъ онъ поднялъ ее къ свѣту, потому-что между деревьями было темно, и сталъ внимательно разсматривать, какъ будто бы ожидалъ найти на ней пятна крови.

— Да, бѣла, сказалъ онъ съ усмѣшкою; но я зналъ такія же бѣлыя руки, съ которыхъ всѣ воды океана не могли бы смыть кровавыхъ пятенъ.

— На ней не было пятенъ, презрительно сказала Миріамъ, пока вы не схватили ее своею рукою.

Она освободила свою руку и сдѣлала движеніе, обнаружившее намѣреніе идти въ городъ. Они пошли вмѣстѣ и на дорогѣ не переставали говорить о какихъ-то странныхъ происшествіяхъ ихъ прежней жизни, въ которыхъ, повидимому, равно дѣйствовали и этотъ мрачный человѣкъ и эта прекрасная, юная женщина, которую онъ преслѣдовалъ. Ихъ слова отзывались преступленіемъ и кровью. И однакожъ, какъ можно думать, чтобы въ самомъ дѣлѣ Миріамъ была такъ преступна? Или, съ другой стороны, какъ это прекрасное, невинное существо могло подчиниться грубой волѣ человѣка, котораго она сама, какъ привидѣніе вызвала изъ подземнаго мрака? Какъ бы то ни было, но мы положительно знаемъ, что Миріамъ не переставала умолять его идти своею дорогою и предоставить ее своей волѣ.

Такимъ образомъ они вышли изъ Боргезе и скоро приблизились къ городской стѣнѣ. Еслибы Миріамъ подняла глаза, то могла бы увидѣть Гильду и скульптора, склонившихся на парапетъ; но она была слишкомъ погружена въ свои собственныя мысли. Когда они вступи-

ли въ городъ, спутникъ ея началъ отставать и принялъ видъ совершенно противуположный той повелительной манерѣ, которую онъ обнаруживалъ во время уединеннаго свиданія.

Porta del Popolo кипѣла жизнью. Толпы людей, проводившія праздникъ за городомъ, возвращались домой; нѣсколько человѣкъ верхомъ въѣзжали въ арку; за ними медленно ѣхала карета, только-что выбравшаяся изъ папской таможни. Обширная площадь также была усѣяна народомъ.

Но потокъ мыслей Миріамъ не смѣшивался съ потокомъ человѣческой жизни и даже не измѣнилъ своего теченія. Она нашла возможность пасть на колѣна предъ своимъ тираномъ и молить его о свободѣ, — но мольбы ея были тщетны.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

Учебная книга Русской Исторіи. Соч. С. Соловьева. Изданіе 3-е. М. 1860. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Краткіе очерки Русской Исторіи. Составилъ Д. Иловайскій; два выпуска, изданіе 2-е. М. 1861. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 75 к.

Записки о Шамилѣ пристава при военно-плѣнномъ. А. Руновскаго. Спб. 1861. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Руководство патологической анатоміи. Доктора Августа Ферстера, съ четырьмя таблицами рисунковъ; перев. съ пятаго изданія 1860 г. Д. Ахшарумова. Часть вторая и послѣдняя. Спб. 1861. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.; тоже часть первая— ц. 75 к., съ пер. 1 р.

Стихотворенія А. Н. Плещеева. Новое изданіе, значительно-дополненное. М. 1861. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Въ ожиданіи лучшаго. Романъ В. Крестовскаго. Два тома. М. 1861. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.

Романы и повѣсти В. Крестовскаго. Шесть томовъ. Спб. 1858. Ц. 6 р., съ пер. 7 р.

Опытъ земледѣлія вольно-наемнымъ трудомъ. А. Божанова; съ 25-ю политипажами. М. 1860. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

О разведеніи кормовыхъ травъ на поляхъ. А. Совѣтова; изданіе второе. М. 1860. Ц. 1 р., съ пер. 1 р. 25 к.

Сельское хозяйство Жирардена и Дю-Брейля, обработанное Гаммомъ. Переводъ съ нѣмецкаго, томъ I-й «Земледѣліе». М. 1860. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Зоологія для первоначальнаго чтенія, съ политипажами. Составилъ Ф. Александровъ. Спб. 1861. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Руководство къ зоологіи Х. Бронна. Томъ I-й; четыре выпуска, съ дополненіями и семью таблицами. А. Богданова. М. 1861. Ц. 3 р. 10 к., съ пер. 3 р. 75 к.

Естественная исторія растительнаго царства, преимущественно въ примѣненіи къ русской флорѣ среднихъ губерній. Составилъ Э. Регс; со множествомъ хромолитографированныхъ рисунковъ Шуберта и Хохштеттера; большой томъ, въ папкѣ, съ виньеткою. М. 1861. Ц. 6 р., съ пер. 7 р.

Печатать позволяется. Санктпетербургъ, 16-го марта 1861 года.

Цензоръ П. Новосильскій.